

Андрей ПАРШЕВ ★ Виктор СТЕПАКОВ

КОГДА НАЧАЛАСЬ И КОГДА ЗАКОНЧИЛАСЬ ВТОРАЯ МИРОВАЯ

НЕИЗВЕСТНЫЕ
ВОЙНЫ
XX
ВЕКА

КОГДА НАЧАЛАСЬ И КОГДА ЗАКОНЧИЛАСЬ ВТОРАЯ МИРОВАЯ

Андрей ПАРШЕВ
Виктор СТЕПАКОВ

МОСКВА
«ЯУЗА»

ЭКСМО
2007

Оформление художника *С. Курбатова*

Паршев А. П., Степаков В. Н.

П 18 Когда началась и закончилась Вторая мировая. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — 576 с. — (Неизвестные войны XX века).

ISBN 978-5-699-24574-1

Общеизвестно, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года и закончилась 2 сентября 1945-го. Так ли это на самом деле? Известный писатель и публицист Андрей Паршев и историк Виктор Степаков выдвигают сенсационную гипотезу: крупнейший военный конфликт в истории человечества начался задолго до того, как Европа превратилась в огромное поле сражений, и закончился через многие годы после того, как высохли чернила на актах о капитуляции и мирных договорах.

ББК 63.3(0) 62

© Паршев А. П., 2007

© Степаков В. Н., 2007

© ООО «Издательство «Яуза», 2007

© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-24574-1

КОГДА НАЧАЛАСЬ ВТОРАЯ МИРОВАЯ

Силуэты 15 танков, 15 сверхсовременных машин едва вырисовывались в предрассветных сумерках. Позади был ночной марш-бросок, а впереди... впереди — линия обороны фашистов. Что ждет там советскую танковую роту? Для нее 26 километров марш-броска были пустяком, а вот как пехота, не выдохлись ли люди? Не отстанут ли они от танков? Точны ли сведения разведки? Успели ли фашисты оборудовать на захваченном рубеже огневые точки? Через несколько часов все станет ясно.

Пора. Взревели моторы. Танки капитана Армана рванулись вперед.

Поль Матиссович Арман не был французом. Родом он из Латвии, но подростком прожил несколько лет во Франции, и первое удостоверение личности получил там, отсюда и необычное имя. До войны был командиром танкового батальона под Бобруйском.

Противотанковых средств у фашистов не оказалось, лишь по броне горохом сыпались пулеметные очереди. «Пулемет — злейший враг пехоты», — так написано в наставлении, и танкисты прочесали замеченные огневые точки огнем и гусеницами. Пехота все-таки отстала. Задерживаться нельзя, засекут и накроют авиацией или артиллерией. Отступить? Капитан Арман был скор в решениях. На командирском танке замелькали флажки: «Делай как я», — и танки понеслись вперед. Вот и окраины городка. Рейда советских танков никто не ждет, да и фашистов в городке по данным разведки нет. Танки несутся с открытыми люками, в головной машине — Арман.

Вдруг из-за угла выбегает итальянский офицер, размахивая руками, что-то кричит. «Принял за своих», — понял Арман. Захлопнулись танковые люки. Фашистскому мотопехотному батальону не повезло. По мостовой катятся колеса, летят обломки грузовиков, уцелевшие солдаты прячутся за каменными заборами. Но разбежавшиеся фашисты быстро опомнились, летят бутылки с бензином, на крыши домов втаскивают уцелевшие пушки. Командир хорошо знает, что в городе одной бронетехнике воевать нельзя, сразу сожгут. Новое решение — идем дальше. Танки проносятся сквозь городок, на окраине сметают две артиллерийские батареи.

А вот и итальянские танки. Короткая дуэль — и три «итальянца» горят, остальные пять отступили. Нашим танкам их стрельба не повредила.

Дальше действовать в тылу противника рискованно, да и боекомплект на исходе. Рота опять пронизывает линию фронта, теперь уже в обратном направлении.

Пехота за день так и не прорвала оборону фашистов. После ухода танков ожили уцелевшие пулеметы, налетела авиация противника... Бой не удался. И хотя Арману есть чем гордиться... что докладывать командиру?

Но комбриг Кривошеин не расстроен. Не все так плохо. Танки целы, потери невелики, а главное — наступление фашистов остановлено. И полковник Воронов доложил, что на вспомогательном направлении — успех. Заняты две узловые железнодорожные станции.

В антрацитово-черном небе горят яркие звезды. Умер тяжелораненый башенный стрелок — вылезал резать телефонные провода. Лязгает железо, мечутся тени от переносных ламп — это техники возятся у танков.

Заканчивается день 29 октября 1936 года.

Да, да. Это не опечатка. Время действия — октябрь 1936 года, место — городок Сесенья, юго-западнее Мадрида. Сегодня это название нам ничего не говорит, а тогда это было очень важно.

Сколько раз начиналась Вторая мировая?

В странное время мы живем. Люди, реализующие самые заветные мечты Гитлера, награждают друг друга медалью «за борьбу с фашизмом». Уж уточнили бы — «за борьбу вместе с фашизмом». Но это к слову.

В европейской традиции принято считать началом Второй мировой войны нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 года. Китайцы же (напомню, это не просто нация, одна из многих, это четверть человечества) считают началом войны так называемый «инцидент на мосту Лугоуцяо» 7 июля 1937 года — начало открытой агрессии Японии против Китая. А почему нет? Капитуляцию во Второй мировой войне Япония подписала и перед Китаем в том числе, никакой отдельной капитуляции не было, значит не было и отдельной войны.

Американцы же почти официально считают началом мировой войны Перл-Харбор (7 декабря 1941 года) — и действительно, только с этого момента, в их понимании, европейская и азиатские войны слились в общемировую. В этой позиции тоже есть свой резон.

Но для того, чтобы определить точную дату начала войны, надо понять, кто ее вел и из-за чего.

В чем же был смысл той войны? Почему в одной коалиции зачастую оказывались очень отличные друг от друга народы, почему одна страна выступала то хищником, то жертвой, то борцом за справедливость в столь бескомпромиссном столкновении? В бескомпромиссном — в прямом понимании этого слова. Не так много войн заканчивается полным уничтожением военно-экономического потенциала и военно-политической элиты одной из сторон.

Я не хочу приводить пространных объяснений, здесь им не место и не время. Но для меня очевидно — все-таки это была схватка двух идеологий. И идеологий чрезвычайно простых. Первая — люди созданы равными. Вторая — люди не созданы равными. Из второй идеологии происходит небесспорное следствие — что раз люди не равны, то они могут быть выше или ниже просто по праву рождения, и высшие могут решать свои проблемы за счет низших.

Кто были основными носителями первой и второй идеологий, пусть догадается уважаемый читатель.

Сложность ситуации состоит в том, что люди часто не отдают себе отчет, какую же именно идеологию они исповедуют. Так, отцы-основатели США, записав в Конституции красивые слова о равенстве людей, сами были рабовладельцами. Ведь негры, в их понимании, были не совсем люди! Поэтому некоторые страны далеко не сразу определились, в каком они лагере.

То, что называется «антигитлеровской коалицией», было чрезвычайно разнородной компанией. Многие приняли в ней участие, скажем прямо, не сразу и под влиянием то «жареного петуха», то сильных держав, а то и «получив по морде» за поддержку Гитлера, как, например, Румыния. Некоторые, будучи идеологически близки Гитлеру и даже поучаствовав в некоторых его акциях (как довоенная Польша), затем по некоторым причинам оказались в разряде «низших». И лишь одно государство — СССР — воевало против фашистского блока практически с момента его образования до полного разгрома, почти девять лет.

«Фашистский» же блок был весьма определен. В первую очередь потому, что у него была совершенно определенная идеологическая основа. И любая националистическая группа в любой стране была его естественным союзником, если только считала свою нацию «высшей» и если данная нация не оказывалась «лишней» в геополитической колоде АНТИКОМИНТЕР—НОВСКОГО ПАКТА. Наименование «фашистский» — это не совсем точный идеологический ярлык. Пленные немцы, скажем, искренне удивлялись, когда их называли фашистами. Самоназвание этой организации, война с которой залила огнем и

кровью целые континенты, отражает ее суть. А сутью была борьба не против Коминтерна даже, а против сообщества людей, не обращающих внимания на национальную принадлежность.

Национализм — далеко не всегда плохо. Если страна в той или иной форме угнетается другими странами или иностранными организациями, то освободительное движение часто называется и является националистическим. Мудрец Сунь Ятсен считал национализм единственным лекарством, способным пробудить Китай от наркотического сна, в который его погрузили западные державы, главным образом Англия, и во многом оказался прав.

И интернационализм бывает разный. Правящие круги Запада не были тогда национально зашорены — капитал национальности не имеет. Но их интернационализм называется космополитизмом, уж не буду объяснять разницу.

Поэтому содержанием того этапа мировой истории, который называется Второй мировой войной, является противоборство не двух империалистических группировок, как в первую мировую, а Советского Союза с одной стороны и блока Германии, Италии и Японии с другой, как наиболее полных выразителей той и другой идеологии. Потом уже к Советскому Союзу, на разных этапах его борьбы, присоединились националисты подавленных и уничтожаемых наций и спохватившиеся космополиты.

Поэтому началом Второй мировой войны правильнее считать первое столкновение регулярных частей основных воюющих сторон, или соответствующее заявление хотя бы одной из них. Так когда же произошло прямое военное столкновение Союза и держав Антикоминтерновского пакта (сначала это называлось «ось Берлин-Рим»), то есть фактическое начало войны?

Почему мы не отметили юбилей

Автор — не профессиональный историк. Статья задумывалась достаточно давно к 70-летию этого события, но юбилей прошел никем не замеченным. Нужная литература попала в руки уже слишком поздно, да и читать ее оказалось не просто.

Вот пример: описание боя, приведенное в начале этой статьи. В газетах того времени и в более поздних мемуарах об этом бое сообщалось, но советская танковая рота называлась испанской или республиканской. Хотя фамилию командира можно было печатать — чем не иностранец?

Уровень конспирации был таков, что и в воспоминаниях о знаменитых воздушных боях 4 ноября 1936 года, опубликованных много лет спустя после этих событий, советские летчики-

истребители вспоминают, что они оказали помощь «республиканским» бомбардировщикам, попавшим в трудное положение, а штурман одного из этих бомбардировщиков Кузьма Деменчук тепло отзывается о «правительственных» истребителях, пришедших на выручку его звену.

Так почему же итальянские дивизии и германские воздушные эскадры воевали открыто, а советские батальоны и эскадрильи изображали из себя испанцев, а то и — упаси господь — наемников? Причина — в проститутской позиции западных стран. Следуя известной тактике уличной шпаны, они «разнимали» воюющие стороны, хватая за руки только одну из них. Законное, демократически избранное правительство Испании было официально поставлено ими на одну доску с путчистами, лишено права и на закупки оружия, и на помощь друзей. За этим бдительно следил «комитет по невмешательству» во главе с лордом Плимутом (не перепутайте с «комиссией по Боснии» лорда Оуэна).

Сражаясь за выживание мирового сообщества, мы нарушали «законы», этим сообществом навязанные.

Правда, благодаря присущему Западу лицемерию можно было, просто «соблюдая приличия», несколько лучше выглядеть в его глазах. Поэтому Воронов стал французом Вольтером, Рычагов — Паланкаром, Осадчий — Симоном, а Тархов — капитаном Антонио.

Самым тяжелым временем обороны Мадрида было начало ноября 1936 года. Правительство республики и военное командование по настоятельным требованиям Горева и Мерецкого эвакуировались из столицы. Начальник оперативного отдела штаба фронта со своими офицерами перешел к врагу. 21 тысяча мадридских коммунистов (из 25) держали фронт. Капитан Арман мрачно докладывал в совете обороны: «Республиканские танки героически ворвались в родной Мадрид».

В то время в Мадриде был довольно известен товарищ Ксанти. Не занимая официального поста, он организует рабочие отряды, ведет подготовку к подземной войне. Он на самых горячих участках, сам Дуррути просит его быть поосторожнее. Но кто такой Ксанти — это отдельная тема, а упоминая его я в связи с его замечанием о секретности: «...фашисты ведь знают, что мы взорвали. От кого же тогда секрет? А испанцы и наши почему-то про такие вещи считают нужным молчать. Ну и фашисты, понятно, молчат, — зачем им признаваться?».

К сожалению, так и повелось с того времени. Сначала все было секретно, а сейчас ни очевидцев почти не осталось, ни мемуаров почти нет.

Не надо думать, будто Советский Союз собирался выиграть гражданскую войну вместо испанцев. Если бы это была просто гражданская война, Советский Союз мог бы ограничиться посылкой советников, как это было в Китае в конце 20-х годов. Тогда там воевали между собой прояпонские, проанглийские и проамериканские группировки генералов, да националистическое южнокитайское правительство тщетно пыталось то силой, то дипломатией объединить страну.

Испанская Республика имела много бойцов, храбрых, но необученных и неорганизованных. А военно-воздушные силы, например, к октябрю насчитывали 1 бомбардировщик и 2 истребителя. Еще до войны западные страны отказывались продавать (даже продавать!) оружие Испанской Республике. Тем не менее, Республика вполне могла справиться с мятежом, и на большей части территории путч был подавлен, хотя в нем принимала участие почти вся армия. Начиналось для фашистов все довольно неудачно, глава мятежа генерал Санхурхо погиб в авиационной катастрофе, силы фашистов были географически разобщены, у них не было выхода к Средиземному морю. Основные их силы были в Марокко, а Гибралтарский пролив был блокирован флотом Республики. Мятеж был на грани краха.

И тут-то вмешались державы Антикоминтерновского пакта. Быстрота реакции мирового фашизма просто поражает. В первые же дни в распоряжении Франко оказалась итало-германская транспортная авиация, и армия мятежников оказалась в Испании.

Наиболее тяжело то, что на протяжении всей испанской войны оперативное и стратегическое превосходство фашистов было очевидным. Очень быстро начались тщательно скоординированные удары по самым болезненным, самым уязвимым точкам Республики. Наступление в Эстремадуре (с севера, с юга и из Португалии) соединило до того разделенные территории фашистов. Занятие Сан-Себастьяна и Ируна отрезало Северный фронт от французской границы, а захват Теруэля едва не разрезал Республику пополам. Ну и само наступление на Мадрид... За все время войны республиканское командование не проводило подобных операций, а фашисты провели их в первые три месяца, действуя весьма разнородными силами. Для полководцев успешное руководство коалиционными войсками — высший пилотаж, и вряд ли таким полководцем был Франко. Здесь просматриваются мозги германского Генерального штаба.

В фашистской армии в начальный период войны собственно испанцев, даже вместе с марокканцами и уголовниками из Иностранного Легиона, было немного — 90 тысяч. А фашистов

из других стран воевало: немцев — 50 тысяч (главком полковник Варлимонт), итальянцев — 150 тысяч, 20 тысяч португальцев и т.д. Особенно обнаглел после Мюнхена, они даже форму порой не меняли. И это были уже сколоченные, кадровые части. У итальянцев был боевой опыт Абиссинии, для них и немцев первая мировая закончилась не так уж и давно. Немцы и итальянцы не страдали комплексами по поводу «нейтралитета» и «невмешательства», и сотни тысяч их солдат и офицеров набирались в Испании боевого опыта.

Республиканские отряды и колонны Народной милиции не могли сдержать удар армий фашистского блока. Испанцы не имели тогда единого командования и снабжения, а решения об атаке иногда принимались в частях голосованием.

Но дело-то было не в том, что какое-то очередное законное правительство свергают с иностранной помощью генералы-путчисты. Мало ли таких эпизодов было в истории? На всякий чих не наздравствуешься.

Дело было в том, что советское правительство каким-то чудом узнало, что всему миру рано или поздно придется воевать с фашизмом, хочет этого Запад или не хочет. И в этом случае чем раньше, тем, естественно, лучше. А уж как советское правительство это узнало еще в 1936 году — до сих пор остается загадкой. Никто не знал, а оно знало. Это качество, кстати, называется «прозорливостью».

Может быть, вы думаете, что я преувеличиваю? А проверить легко. Достаточно почитать газеты осени 1936-го года, с репортажами с митингов и собраний трудящихся — и вы тут же наткнетесь на выступления, где говорилось открытым текстом: «сегодня бомбы падают на Мадрид, а завтра упадут на Париж и Лондон!».

Вот поэтому, пока в учебных центрах в Арчене и Альбасете советские инструкторы обучали испанцев и интербригадцев обращению с советской техникой, советским наводчикам и пилотам пришлось ловить в перекрестия прицелов итальянские «ансальдо», «капрони» и «фиаты», немецкие Т-1, «хейнкели» и «юнкерсы». Но, как говорится, «об этом не сообщалось».

Первый бой, первая рота, первый танкист .

Даже знающие люди иногда считают, что там были только советники. Ну да, были и советники. Из 59 Героев Советского Союза за испанскую кампанию (начиная с Указа от 31 декабря 1936 года) советников было двое: Батов — советник-общевойсковик и Смушкевич — советник-летчик. Остальные — летчики, танкисты, артиллеристы, подводники. 19 из 59 — по-смертно. А воевали еще и связисты, зенитчики, разведчики,

диверсанты, вообще все специалисты, какие и должны быть в действующей армии. Были и инженеры, организаторы оружейного производства, судостроители, естественно, медики и многие, многие другие. Да и советники... вот цитата из воспоминаний советника: «Увидев, что расчет ближайшего орудия лишился командира и наводчика, я бросился к артиллеристам и помог открыть огонь... несколько танков загорелись... атака врага захлебнулась... разносторонняя подготовка общевойсковых командиров Красной Армии способствовала выполнению самых разнообразных военных обязанностей».

Среди этих «разнообразных военных обязанностей» наиболее известны действия наших танкистов и летчиков. В оборонительных сражениях осени 1936 — зимы 1937 года советские танковые бригады и батальоны сыграли важную роль. Часто упоминаются оборона Мадрида, бои танкового батальона М.П.Петрова в районе Лас-Росас и Махадаонда, штурм стратегически важной высоты Пингаррон. Поведение советских солдат и офицеров, называвшихся тогда «советниками» или «добровольцами-интернационалистами», служило примером антифашистам. Не редкостью были случаи, когда экипажи подбитых танков шли в бой со снятыми с танков пулеметами. А в ходе сражения на Хараме, по замечанию участника этих боев Р.Я.Малиновского (впоследствии министр обороны, Маршал Советского Союза), «республиканские танки... добились полного господства на поле боя». И в Гвадалахарском встречном сражении 18 марта 1937 года советская танковая бригада решила его исход.

Время было выиграно. Примерно с апреля 1937 года в республиканскую армию начали поступать обученные советскими инструкторами испанские экипажи.

Впрочем, оставим. Кому это сейчас интересно? Но запомним дату — 29 октября 1936 года, и имя — Поль Матиссович Арман. В этом бою также участвовал Николай Николаевич Воронов, но были ли его артиллеристы советскими военнослужащими, я не знаю.

Информации о более ранних действиях танкистов и артиллеристов я не нашел.

Командир первой эскадрильи

Листаю рассыпающиеся страницы дальше. Вот газетное сообщение об операции 28 октября 1936 года: «...правительственные самолеты... сделали наиболее успешную бомбардировку за все время войны. Эскадрилья правительственных самолетов... появилась над аэродромом в Талавере... и сбросила бомбы, которыми разбиты 15 самолетов мятежников».

Кто же составлял экипажи? Вот командир одного из них:

«Черноволосый коренастый человек весело назвал свое имя:
— Халиль Экрем! — И тут же расхохотался. Поясняя, добавил по-русски:

— Турок!»

Халиль Экрем, он же командир звена авиашколы в Тамбове Волкан Семенович Горанов стал в 1936 году Героем Советского Союза. А звали его по-настоящему Захар Захариев. Много позже он — генерал-полковник, заместитель министра обороны Народной Республики Болгарии. Впрочем, экипаж был интернациональный, русские были в меньшинстве: всего двое, а остальные — этот самый «турок», трое испанцев и автор воспоминаний, украинец Кузьма Терентьевич Деменчук. Один из русских — Иванов — бывший белогвардеец, фамилия, видимо, ненастоящая. Он храбро воевал плечом к плечу с советскими и много позже погиб во Франции, в маки.

Так значит, 28 октября 1936 года? Да нет, пожалуй. Все-таки экипажи, вроде бы, смешанные, самолеты — «потез». Командир эскадрильи — испанец Мартин Луна. Ищем дальше.

Первый бой советских истребительных эскадрилий довольно известен, его наблюдали утром 4 ноября над Карабанчелем и мадридцы, и журналисты многих стран. Пилоты наших И-15, впервые в жизни вступив в настоящий, а не учебный, бой, показали «юнкерсам» и «фиатам», «что в квартале появилась новая собака», как говорят американцы. 30 истребителей Пумпура и Рычагова за один день не просто сбили 7 фашистских самолетов, они лишили фашистов господства в воздухе.

Но вот, наконец, и находка. Спасибо К.Т.Деменчуку!

«28 октября совершили свой первый боевой вылет наши скоростные бомбардировщики СБ. Были сформированы три эскадрильи по 9—10 самолетов в каждой, они составили бомбардировочную группу. Ее возглавил А.Е.Златоцветов, начальником штаба стал П.А.Котов. Кроме бомбардировочной были созданы истребительная группа (3 эскадрильи И-15 и 3 — И-16) и, впоследствии, штурмовая (30 самолетов ССС)... Командир 1-й бомбардировочной эскадрильи — Э.Г. Шахт, швейцарец, революционер, с 22-го года в СССР, выпускник Борисоглебской военно-авиационной школы». Он и возглавил первый боевой вылет 28 октября.

Итак, Эрнест Генрихович Шахт, 28 октября 1936 года. Впрочем, комэск-2, В.С.Хользунов, прибыв в Испанию еще до поступления советской техники, летал на бомбежки фашистов на старом тихоходе «бреге-19». Будучи профессионалом высокого класса, он ходил в гористой местности на предельно малой высоте, наносил удар и исчезал так скрытно, что противник не успевал открыть огонь. И другие наши летчики, начиная с сентября 1936 года, летали на всем, что может летать, вплоть до этажерок времен Первой мировой войны.

С появлением СБ (их называли «Наташами» и «Катюшами») ситуация в небе Испании изменилась. Самолет СБ даже с полной нагрузкой легко уходил от любого истребителя. На боевые вылеты они нередко шли без сопровождения. Когда такой метод в 1940 году применили английские бомбардировщики «москито», это было названо революционным новшеством в авиационной тактике.

Осенью 1936 года только на Мадридском фронте из 160 советских пилотов 27 пали в бою.

Вот, собственно, и все, что мне удалось узнать о первом бое наших войск с фашистами. 28 октября 1936 года — первый боевой вылет авиации (эскадрилья СБ, командир — майор (?) Э.Г. Шахт), а 29-го — первое столкновение с фашистами на земле (танковая рота Т-26, командир — капитан П.М.Арман).

Может быть, решение о вводе в действие советских войск было секретным? Оказывается, ничуть не бывало. 23 октября 1936 года советское правительство обнародовало официальное заявление, в котором черным по белому было сказано, что в условиях германо-итальянской агрессии в Испании Советский Союз не будет придерживаться нейтралитета. Что значит во время войны не придерживаться нейтралитета? Это значит вступить в войну.

Итак, 23 октября, 28-е и 29-е. Конечно, эти дни несравнимы с 22 июня и 9 мая, которые затмили все даты российской истории, но помнить их тоже надо!

А потом была война. В Испании воевали все виды и рода войск, только пехота была представлена главным образом офицерами-советниками. Наименее известна, но наиболее важна была роль наших офицеров в планировании и проведении большинства операций.

Второй фронт

А с осени 1937 года наши войска вступили в войну и с Японией, третьей державой «Пакта», в Китае. Там действовали главным образом авиация и общевойсковые командиры в качестве советников, а также штабные операторы, но не только они.

Трудность была в том, что нормального транспортного сообщения с Китаем, ни морского, ни железнодорожного, не было — ведь Северный Китай под названием Манчжоу-Го тогда принадлежал Японии. Как, кстати, и вся Корея, и китайская провинция Тайвань, и ныне российские Курилы и Южный Сахалин — империя была немаленькая.

Через Синьцзян от Турксиба была проложена автомобильная трасса длиной более 3 тыс. километров, ее обслуживало свыше 5 тыс. грузовиков ЗИС-5, а на советской территории свыше

5,5 тыс. железнодорожных вагонов. Для срочных грузов действовала авиа линия, обслуживаемая самолетами ТБ-3.

В Китай было переправлено, по неполным данным, до сотни танков (каким образом, непонятно, не своим же ходом), 1250 новейших самолетов, более 1400 артсистем, десятки тысяч пулеметов и стрелкового оружия и т.д.

Впрочем, существовал и морской маршрут, через порты Южного Китая, Гонконг, Рангун и Хайфон (тогда французский). Но каких-либо упоминаний о нем в мемуарной литературе я просто не нашел.

Все это сразу шло в бой. Например, эскадрилья В.Курдюмова. Совершив опаснейший перелет через высокогорные пустыни (сам В.Курдюмов при этом погиб), семерка И-16 в день прибытия в Нанкин (21 ноября 1937 года) сбила над аэродромом истребитель и два бомбардировщика. А эскадрильи бомбардировщиков СБ Кидалинского и Мачина на следующий день разбомбили шанхайский аэродром и японские суда на рейде. Они открыли счет уничтоженным японским боевым кораблям, утопив, в том числе, первый за Вторую мировую войну японский крейсер.

Почти четырехлетняя война в Китае изобиловала событиями, но наиболее известны действия летчиков. Кстати, в истории нашей авиации не так уж много операций, подобных рейду бомбардировочной группы Ф.П.Полынина на Тайвань 23 февраля 1938 года или потоплению бомбардировочной группой Т.Т.Хрюкина зимой 1938—1939 года японского авианосца (10 тыс. тонн).

Уважаемые читатели! Многие ли из вас вообще слышали, что наши летчики когда-либо потопили крейсер или авианосец? Сразу хочу отметить, что потопление именно авианосца не подтверждается сейчас другими сторонами, но, похоже, рациональное зерно в этой истории есть — то есть наши летчики действительно в июне 1938 года охотились за японским авианосцем.

В Китае действовали также военные специалисты из других родов войск — танкисты, артиллеристы, инженеры. Цифр я не имею, опираюсь на свидетельства типа:

«Обстановка быстро накалялась. Оттуда уже начали прибывать в Ланчжоу раненые советские добровольцы, преимущественно летчики»

Эта фраза — из воспоминаний летчика Д.А. Кудымова о сражении в Трехградье 29 апреля 1938 года, в день рождения японского императора.

Сейчас история этой войны практически недоступна читателю.

С Финляндией отношения у СССР были плохие со времен революции. Финны уничтожили своих революционеров и заодно несколько тысяч наших, и не только революционеров. В силу ряда причин Ленин тогда только печально вздохнул и поздравил Свинхувуда (финский президент, фамилия означает «свиная голова») с независимостью. Однако несколько попыток финнов округлить свою территорию за счет нашей (например, «Олонецкая авантюра») были мягко, но решительно пресечены. С обеих сторон тогда действовали главным образом части спецназначения. К примеру, рейд вооруженного автоматами отряда Тойво Антикайнена по финским тылам зимой 1922 года настолько впечатлил финских военных, что к 1939 году у них было несколько десятков тысяч «Суоми» (очень похожи на ППШ). А мы к тому времени про автоматы как-то забыли.

Соседи бывают всякие, но с появлением на свет фашизма финны, в соответствии с идеей Свинхувуда («Любой враг России должен всегда быть другом Финляндии») стали к тому же союзниками фашистов, и вовсе не обязательная война стала неизбежной.

Финляндия готовилась к войне давно. На военные цели расходовалась четверть бюджета. Германия, США, Англия, Швеция и Франция неплохо оснастили финскую армию. Например, в 1935-1938 гг. Финляндия поглотила треть только одного английского военного экспорта. К весне 1939 г. была построена сеть аэродромов, в десять раз превышавшая потребности тогдашних финских ВВС (270 самолетов).

Летом 1939 года финны провели на Карельском перешейке крупнейшие в своей истории маневры. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ф.Гальдер проинспектировал финские войска, обратив особенное внимание на ленинградское и мурманское оперативно-стратегические направления. Германский МИД пообещал в случае неудачи впоследствии возместить финнам потери. Начиная с октября, финны провели всеобщую мобилизацию и эвакуацию населения из Хельсинки и приграничных районов. Комиссия финского парламента, ознакомившись в октябре с районами сосредоточения войск, пришла к выводу, что Финляндия к войне готова. Министр иностранных дел приказал финской делегации прекратить переговоры в Москве.

30 ноября 1939 года советское правительство дало приказ войскам Ленинградского военного округа (командующий К.А.Мерецков) дать отпор провокациям, одновременно в очередной раз предложив Финляндии заключить договор о дружбе и взаимопомощи. Финляндия объявила Советскому Союзу войну. 15 советских стрелковых дивизий, 6 из которых были пол-

ностью боеготовы, вступили в бой с 15 пехотными дивизиями финнов. Излагать ход войны я не буду, так как в отличие от других фронтов кое-какая литература по финской войне есть. Например, в 12-томной «Истории 2-й мировой войны» ей посвящено целых 8 страниц. Отмечу только, что в ходе войны выяснилось, что наши войска «нуждались в дополнительном обучении методам прорыва системы мощных железобетонных укреплений и преодоления плотно заминированной лесисто-болотистой местности в сложных условиях, при 40—45-градусных морозах и глубоком снежном покрове». Извините за длинную цитату, но я лично не представляю, даже как взяться за такое «дополнительное обучение». Тем не менее, методы были найдены, финны разбиты при соотношении потерь примерно один к двум. Классическое же соотношение для такого вида боевых действий — один к трем. Причем основные потери были понесены на второстепенном участке фронта, где финские лыжники зажали на лесной дороге нашу дивизию, а отнюдь не при прорыве линии Маннергейма или штурме Выборга.

Конец первого этапа мировой войны

Из Испании наши части были выведены одновременно с интербригадами, осенью 1938 года, остались только советники и инструкторы. Испанское правительство пошло на это под нажимом «Комитета по невмешательству». Естественно, вскоре, в марте 1939 года Республика пала. Советские советники эвакуировались с риском для жизни (а что было для них без риска?). Перед этим, в феврале, Англия и Франция признали режим Франко и разорвали отношения с республиканским правительством. А ведь Республика еще удерживала тогда и Мадрид, и всю центральную Испанию!

Это, пожалуй, еще большая гнусность, чем Мюнхенская сделка. Советский Союз сделать ничего не мог. Все пути в Испанию были перекрыты, фашисты, пользуясь господством в Средиземном море, топили наши «Игреки» (транспорты с оружием).

В Азии летом 1938 года война перекинулась уже и на нашу территорию у озера Хасан, и хотя японцев выбили довольно быстро, не все в действиях наших частей было хорошо. Воздушная война в Китае принимала все более изнурительную форму. В 1939 году группы наших летчиков теряли до 3/4 своего состава. Китай терпел поражение за поражением, японские армии неуклонно шли на Запад, японские флотилии поднимались по Янцзы, несмотря на массированные налеты советских бомбардировщиков. На наших дальневосточных (да и западных) границах пограничники и части НКВД вели непрерывную,

ежедневную, хотя и тихую, войну. Японцы вторглись на территорию Монголии.

Предложенное Гитлером перемирие в самый разгар ожесточенных советско-японских сражений на Халхин-Голе и в Центральном Китае было неожиданным для всех, особенно для японцев. Видимо, Гитлер рассчитал, что, разделиваясь без помех с «растленным космополитическим Западом», выиграет больше, чем выиграет Советский Союз, разделившись с дальневосточным союзником Германии. Психология националиста иногда просто умиляет! А нам выбирать не приходилось. Даже ограниченная война на два фронта была нам тогда не по плечу. А тут такой подарок! В результате Россия впервые за многие десятилетия в пух и прах разгромила вполне серьезную армию внешнего врага. Причем хорошо себя проявили военачальники нового поколения, не входившие в «испанскую» или «китайскую» когорты.

Необходимо отметить — из-за внешне легкой победы в конце войны у нас сейчас как-то недооценивают японскую армию. Это глубоко неверно — просто японцы встретились в 1945 году с лучшими солдатами XX века. А на Халхин-Голе в 1939-м могло повернуться по-разному!

Японцы, до глубины души оскорбленные Гитлером и обиженные Жуковым, задумались о более привлекательных объектах агрессии. Наши же связи с китайским правительством осложнились из-за слишком теплых, по мнению Чан Кайши, отношений с китайскими коммунистами. В апреле 1941 года с Японией был заключен договор о нейтралитете. В мае 1941 года Сталин на приеме в честь выпускников военных академий в Кремле заявил о неизбежности войны с Германией.

В 1941 году наши военнослужащие были выведены из Китая. Позади остались просторы Евразии, усеянные могилами товарищей.

Что ждало впереди?

«Мы подняли гроб до уровня плеч и вставили в верхний ряд ниш. Мы смотрели, как рабочий быстро, ловко лопаточкой замуравал отверстие.

— Какую надпись надо сделать? — спросил смотритель.

— Надписи не надо никакой, — ответил я. — Он будет лежать пока без надписи. Там, где надо, напишут о нем».

Это время так и не пришло.

Враги и друзья

Но вот что особенно важно — и в этом главная роль войн 1936—1941 гг. — в это время начали срываться все и всяческие маски. Люди начали понимать себя и других.

Как вы думаете, что должен делать настоящий коммунист-революционер, когда фашисты наступают на столицу твоей страны? Оказывается, он должен поднять вооруженный мятеж. Вы скажете, что автор слегка съехал на антикоммунизме. Да нет, все проще. Это установка небезызвестного иудушки Троцкого, так называемый «тезис Клемансо». Он считал, что именно в таких условиях легче всего взять власть. Звучит неправдоподобно, но кажется еще неправдоподобнее то, что в Испании нашлись люди, выполнившие эту инструкцию. Троцкистская организация ПОУМ в мае 1937 года подняла восстание. Бои в Барселоне и других городах Республики унесли почти тысячу жизней. Тысячи были ранены, сорвано важное наступление в Арагоне, целью которого была помощь Северному фронту, из-за чего был потерян Бильбао. Поэтому для испанцев Троцкий стал исчадьем ада, и убил его в 1940 году именно испанец.

К слову, английский троцкист Оруэлл, как раз тогда побывавший в Испании, выразил через несколько лет свое тогдашнее видение мира в антиутопии «1984», а отношение троцкиста к власти народа — в злейшей сатире «Скотный двор».

Но свое видение мира, основанное на том же опыте, выражено и в книге «По ком звонит колокол» некоего Хэмингуэя. Кстати, один московский пенсионер еще совсем недавно мог кое-что рассказать о том, как она была написана и про кого. Увы, «старейший диверсант планеты» Илья Старинов недавно умер.

Так вот наше вмешательство в войну с фашизмом подняло авторитет Советского Союза на такую высоту, что нас полюбила даже западная интеллигенция (как ни одиозно сейчас это слово). В результате Советский Союз получил много друзей, не только среди беднейшего населения мира. В частности, к этому времени относится начало сотрудничества с нашей разведкой наиболее умных и бескорыстных агентов, пришедших к нам из идейных соображений.

«Впереди пятьдесят лет необъявленных войн, и я подписал контракт на весь срок».

А когда китайский крестьянин в солдатской форме, который главным образом и вел войну с Японией, увидел, что существуют офицеры, которые не быют солдат, не покупают наложниц, не торгуют солдатским рисом, не трясутся при виде доллара, не любят ни японцев, ни англичан и ничего не боятся, — в его столетней борьбе за свободу Китая появилась надежда.

А «просвещенный Запад»... Случалось, что зенитки американских военных кораблей били по советским бомбардировщикам, прикрывая японские конвои на Янцзы. Японские танки из американской стали ездили на американском бензине. Слово «Мюнхен» характеризует англо-французскую политику

в Европе. Менее известно, что и их политика в Азии получила наименование «дальневосточного Мюнхена». Зато Франция и Англия закатили истерику на весь мир, чуть ли не воевать собрались, когда СССР на несколько километров отодвинул территорию гитлеровского союзника от второй своей столицы.

Дело в том, что не мы рассматривали тогдашние события с классовых, марксистских позиций. Правящие круги Англии и Франции считали, что назревавший мировой конфликт является формой борьбы классов, и что Гитлер и Муссолини, несмотря на антизападную риторику, являются их союзниками в ликвидации пролетарского интернационализма. Апофеозом такой политики был конец 1938 — начало 1939 года, когда фашисты были выведены англо-французскими «политиками» к границам Советского Союза. Так опасного зверя выпускают на арену по коридору из решеток. Но фашизм был не опасным, а очень опасным зверем! И разгром англо-французов 1940 года, позор и унижение Виши и Дюнкерка были закономерным итогом. Не часто в человеческой истории расплата за глупость и цинизм политиков бывает такой быстрой и эффективной. Западу не нравилось правительство Народного фронта (далеко не коммунистическое) — и он отдал Испанию фашистам. Западу не нравился СССР — и он отдал фашистам Европу! Интересно, что политики Запада так ничего и не поняли, и Черчилль даже имел наглость укорять в своих мемуарах Сталина за временное перемирие с Гитлером!

Подобные «тонкие расчеты» Запада можно наблюдать и сейчас. Возьмите войну в Боснии и сравните с войной в Испании — совпадение один к одному. Расширяя НАТО за счет Центральной Европы и продвигая эту организацию к границам России, англо-французо-американцы искренне уверены в своей способности сохранить над НАТО свой контроль. Ну что ж, время покажет. Единственное крупное отличие от ситуации 30-х годов — в мире нет теперь Советского Союза.

Невыученные уроки

Трудно сказать, в чью пользу закончился первый этап мировой войны. Да, мы отстояли свои границы и даже немного продвинули их на Запад. Мы переадресовали японцев. Но союзников не приобрели. Хотя были и победы, все, кого мы поддерживали, потерпели поражение. Мы потеряли много храбрых и квалифицированных военных специалистов.

И самое грустное. Наши враги лучше нас воспользовались передышкой. Советское руководство считало, что войсками смогут руководить командиры нового поколения, выросшие в условиях современной войны. Командующим ВВС стал герой

Испанской и Китайской войн генерал-лейтенант П.В.Рычагов, а самый важный Особый Западный военный округ возглавил генерал-полковник Д.Г.Павлов, организатор некоторых известных операций в Испании, горячий сторонник использования танковых и механизированных корпусов.

Тем не менее, Сталин еще до войны, видимо, ощущал определенное беспокойство. На известном совещании высшего командного состава армии в декабре 1940 года была проведена оперативно-стратегическая игра. За синюю сторону (западных) играл кавалерист Жуков, а за красную — танкист Павлов. Результат был неожиданным: по деликатному выражению Жукова, «для восточной стороны игра изобиловала драматическими моментами». Сталин был недоволен, но, по-видимому, удовлетворился мнением Павлова, что на учениях все бывает. Кроме того, доклад Павлова о применении механизированных войск на совещании был ярким, хорошо аргументирован и привлек всеобщее внимание.

Были и какие-то серьезные противоречия Сталина с руководством ВВС. Незадолго до 22 июня 1941 года они даже выплеснулись наружу, когда Рычагов на военном совещании оскорбил Сталина, заявив, что он заставляет летчиков летать на гробах. Это было именно эмоциональным срывом, так как можно в чем угодно обвинять правительство Сталина, но только самые оголтелые критики могут сказать, что оно не хотело дать армии то, что нужно, или что Сталин не заботился об авиации.

Но в июне-июле 1941 года войска Западного фронта были разгромлены, все наши танки были потеряны. И не из-за низких боевых качеств техники, как иногда пишут, а из-за организационных просчетов — войска потеряли управляемость, наши мехкорпуса сразу оказались без топлива и боеприпасов.

Дело не в «противопульной броне наших танков». У БТ-7 броня была слабей, чем у основного танка вермахта Т-3, но пушка мощней, и они взаимно поражали друг друга.

Прочитайте мемуары и Жукова, и Гальдера, там все написано.

Это оказалось похоже на разгром, устроенный «восточной стороне» Г.К.Жуковым на оперативно-стратегической игре за полгода до этого.

Мы потеряли также и авиацию. Частью на аэродромах, частью из-за неверной, видимо, тактической подготовки. То, что было революцией в авиационной тактике в 1936 году, в 1941 устарело. Все мы помним трагический эпизод из «Живых и мертвых», когда тяжелые бомбардировщики гибнут без сопровождения истребителей. Действительность была столь же трагичной. Вот цитата из мемуаров Манштейна о боях на Западной Двине: «В эти дни советская авиация прилагала все силы, чтобы разрушить воздушными налетами попавшие в наши руки

мосты. С удивительным упорством, на небольшой высоте одна эскадрилья летела за другой с единственным результатом — их сбивали. Только за один день наши истребители и зенитная артиллерия сбили 64 советских самолета».

К примеру, ПВО флота оказалось на высоте, а ПВО страны — увы, нет. И Сталин здесь явно меньше виноват, чем командующий ПВО страны.

Справедливо это или нет, Герои Советского Союза Павлов и Рычагов и еще несколько генералов поплатились головой. Такова была тогда мера ответственности за порученное дело.

Но школа первого этапа Второй мировой войны оказалась хорошей. Чуть ли не большинство высших руководителей Вооруженных Сил 1940—1960 годов прошло через Испанию и Китай: Малиновский и Воронов, Батицкий и Кузнецов, и многие, многие другие.

А читая историю Сталинградской битвы, я удивился — сколько же там было участников обороны Мадрида! Тот же Воронов, Батов, Шумилов, Родимцев, Колпакчи. Наверное, это простое совпадение.

«Он был ранен под Мадридом в первый,
А под Сталинградом в пятый раз».

Все секретно

Еще раз вернусь к тому вопросу, на который не раз уже наткнулся: почему все это практически неизвестно, чуть ли не засекречено?

Сначала — чтобы Запад не объявил нас агрессором (он все равно потом объявил). Эта причина довольно серьезная, противоядия до сих пор не найдено. Ведь под советскими бомбами и гусеницами танков оказывались не только немцы и итальянцы, на худой конец мавры из «дикой дивизии», но и испанцы. И не только убежденные фашисты. Если ты оказался на фашистской территории, хочешь, не хочешь, а иди, воюй! От мобилизации не отвертишься. Доставалось и мирному населению. А поскольку мировые средства массовой информации тогда были примерно в тех же руках, что и сейчас, то можно себе представить, как описывались действия советских войск. Так вот поэтому и старались по мере возможности информацию закрывать.

Сейчас — очередной период секретности, довольно мерзкий. Если «не замечать» состояния войны, в котором СССР находился с 23 октября 1936 года до начала Великой Отечественной, то имеется возможность некоторые вещи представить искаженно. Лишь один пример: на большие учения Красной Армии 1937 года были приглашены представители германского Генераль-

ного штаба. Если не знать, что мы с Германией в это время воевали, пусть на чужой территории и относительно малой кровью, то такое приглашение выглядит однозначно — как свидетельство дружеских чувств. А это было совсем не так.

И это касается не только учений 1937 года.

Эпилог

Для чего написана эта статья? Наши дети уже не знают об Александре Матросове и Зое Космодемьянской, что уж говорить о Тхоре, Ку-Ли-Шене или Лизюкове. Так расскажите им! Только одно оружие осталось нам в борьбе с подлым, лживым и невежественным телевидением, с умственно неполноценными школьными учебниками — это собственные наши рассказы. Расскажите им, что советское правительство объявило войну мировому фашизму 23 октября 1936 года, и что солдаты свободы выполнили приказ советского правительства.

Мы еще помним о Сталинграде и Берлине, но почти забыли о Хасане, Ельне, Хингане, Барвенково и Зеленой Бrame, и ничего не знаем о Гвадарраме и Ухане, Теруэле и Ханькоу.

Так расскажите своим детям, что из всех правительств мира только советское руководство еще в 1936 году поняло, что мировой фашизм надо остановить любой ценой, и Советский Союз бросил все, что у него тогда было, в бой. Лучшие летчики и разведчики, танкисты и подводники, артиллеристы и диверсанты сражались и умирали в горящих городах и на полярных равнинах, в безводных горах и на рисовых полях, в Европе и Азии, а может быть, и не только там.

Храбрые, скромные, веселые и деловитые люди. Война с фашизмом началась для них задолго до 22 июня 1941 года, и для многих тогда же и закончилась. Не всегда под красной звездой, иногда под красно-желто-фиолетовой эмблемой Испанской республики или белой двенадцатиконечной звездой Гоминдана, или вообще без знаков различия — они беззаветно отдавали свои жизни за чужую и свою свободу.

О судьбе Героя Советского Союза Эрнста Генриховича Шахта я знаю только: «ум. 1941».

Герой Советского Союза Польш Матиссович Арман погиб в 1943 году на Волховском фронте. Война с фашизмом шла для него седьмой год, и два года он не дожил до Победы.

В Большой Советской Энциклопедии упоминаний о них нет.

Впрочем... помните, кто был командиром Армана во время первого боя советских танкистов с фашистами? Комбриг Кривошеин? Так вот, когда нашему гениальному репортеру Виктору Темину надо было первым сфотографировать Знамя Победы (у него было такое хобби — первым фотографировать победные

флаги, он сделал это и на Хасане, и на Халхин-Голе) — то обратился он за помощью к командиру 1-го Красноградского механизированного корпуса генерал-лейтенанту С.М.Кривошеину. Именно его танки рвались через парк Тиргартен к Рейхстагу. И вскоре главная газета СССР «Правда» напечатала три снимка В.Темина. На первом было, как легко догадаться, Знамя Победы над рейхстагом, а на втором — отдыхающие у рейхстага танкисты генерала Кривошеина.

Вот его-то, прошедшего великую войну с фашизмом с первого ее дня до последнего, и надо было спросить, когда началась эта война и когда она кончилась.

А. Паршев

КОГДА ЗАКОНЧИЛАСЬ ВТОРАЯ МИРОВАЯ

После гибели в 1938 году лидера украинских националистов полковника Евгена Коновальца в возглавляемой им организации украинских националистов (ОУН) произошел раскол. 27 августа 1939 года «старiki» провозгласили новым вождем ОУН ближайшего соратника и друга Коновальца полковника Андрея Мельника. Но с этим решением категорически не согласились так называемые «молодые», новое поколение националистов, рвавшееся во власть¹.

Их лидером был Степан Андреевич Бандера, освобожденный в сентябре 1939 года немцами из польской тюрьмы, где он сидел за покушение на польского министра внутренних дел Б. Перацкого. В итоге в 1940 году «молодые» устроили бунт — в феврале Бандера собрал в Кракове конференцию, на которой был создан главный революционный трибунал, который вынес смертные приговоры многим сторонникам Мельника. Начались многолетние кровавые разборки, в ходе которых, по самым скромным оценкам, было уничтожено около 400 мельниковцев и более 200 бандеровцев. Окончательное размежевание произошло в апреле 1941 года, когда бандеровцы собрали в Кракове «великий сбор», после которого ОУН распалась на ОУН-М (мельниковцы) и ОУН-Б (бандеровцы).

Впрочем, внутренние разногласия не помешали украинским националистам заключить альянс с фашистской Германией. Немцы оказывали помощь ОУН деньгами и вооружением, а в ответ требовали активного участия в любых экстремистских действиях. Так, в начале 1941 года Бандера и Мельник получили от представителей абвера по 2,5 млн марок и надлежащее количество оружия, за что должны были выполнять следующие задачи:

- создать военные подразделения;
- сформировать походные группы ОУН для службы в администрации на оккупированных территориях Украины;
- готовить восстания в советском тылу.

С этими задачами оуновцы справились успешно. Ими были сформированы спецподразделение СС «Нахтигаль» («Соловей»), состоявший только из бандеровцев, и спецподразделение «Роланд», куда вошли мельниковцы, бандеровцы,

петлюровцы и гетманцы. Обе эти части были включены в полк особого назначения «Брандербург-800» и прославились своими зверствами в годы Великой Отечественной войны на территории Украины и Белоруссии. В частности, «Нахтигаль» «прославился» массовыми расстрелами поляков и евреев во Львове после захвата города немцами в конце июня 1941 года. Затем нахтигалеццы использовались в качестве зондеркоманд на Украине и в Белоруссии.

Немцы создали полностью подконтрольный им новый «подпольный» провод ОУН во главе с Романом Шухевичем, который являлся помощником командира батальона «Нахтигаль», затем 201-го полицейского батальона.

О том, с кем оуновцы собирались бороться, убедительно говорит воззвание провода от 30 июня 1942 года: «...Мы не ведем сегодня народ на баррикады, не идем в физический бой с новыми хозяевами Украины за завоевание территории. Нашим первым врагом является все-таки Москва».

После нападения Германии на Советский Союз оуновцы настолько скомпрометировали себя сотрудничеством с фашистами, что к 1942 году их вождям перестало доверять даже националистически настроенное украинское население. Поэтому с весны 1942 года они начали создавать новые боевые группы — «боивки», на основе которых в начале 1943 года под антинемецкими лозунгами была сформирована Украинская повстанческая армия (УПА). Однако эти лозунги не имели никакого отношения к действительности, так как лидеры УПА по-прежнему поддерживали контакты с немцами.

Как пишет в своей очерке по истории УПА украинский историк Петро Содоль, первые отряды УПА возникли в Полесье и на Волыни. Весной и летом 1943 года бандеровские активисты развернули здесь большую работу по формированию из отдельных отрядов единой централизованной партизанской армии. Дело в том, что у них в этот период было, по крайней мере, два сильных конкурента. С одной стороны, это члены ОУН — сторонники Мельника. Летом 1943 года ОУН(м) создала Украинский легион самообороны (УЛС), состоявший из трех сотен, действовавших на Кременечине (Волынь). В начале 1944 года УЛС был реорганизован в 31-й батальон СД (500—600 человек), став, таким образом, открыто коллаборационистским подразделением, воевавшим на стороне немцев³. Еще одно мельниковское соединение, воевавшее на Буковине, было создано мельниковцем Василем Шумкой («Луговым») и носило название «Буковинской самооборонной армии» (БУСА) численностью около 600 человек.

С другой стороны, соперниками бандеровцев стали петлюровцы, возглавляемые старым агентом абвера Тарасом Боровцом, взявшим себе кличку «Тарас Бульба». Его партизан поэто-

му называли «бульбаши». Отряды «Бульбы» общей численностью до 2 тысяч человек размещались в районе Людвиполя в Ровенской области. В этот период они заключили перемирие с советскими партизанами под командованием знаменитого чекиста Дмитрия Медведева и собирали силы для дальнейшей борьбы за власть.

В ночь 19 августа 1942 года отряд Боровца-Бульбы напал на железнодорожную станцию Шепетовка и, после перестрелки с венгерскими солдатами, охранявшими немецкие товарные эшелоны, забрал с собой в лес часть немецкого имущества. После этого, в августе 1942 года Тарас Боровец-Бульба направил письмо рейхскомиссару Украины Эриху Коху. Свои действия против немцев он объяснял как ответ «на преступную политику физического уничтожения целых наций». В случае перехода немцев к «методам нормальной военной оккупации и прекращения массовых репрессий» обещал соблюдение нейтралитета в войне Германии против «Красной Москвы».

Начальник полиции безопасности и СД генерального округа Волинь-Подолля оберштурмбанфюрер СС Пютц, выполняя поручение Эриха Коха, вступил в контакт с Боровцом. В конце ноября 1942 года они встретились в райцентре Березное на Ровенщине. Пютц предложил командиру УПА совместно бороться с «красными партизанами». Боровец-Бульба согласился, но выдвинул условия: признание независимости Украины, освобождение всех оуновских лидеров, в том числе Бандеры и Стецько. Переговоры зашли в тупик, Боровец взял двухнедельный тайм-аут. 8 декабря Пютц получил письмо от Боровца. Тот утверждал в нем, что УПА считают немцев временными оккупантами, а не врагами, и будут придерживаться нейтралитета, но в случае выступления немцев против украинцев начнут борьбу с Германией.

Тем не менее уже в марте 1943 года в письме к чиновникам немецкой администрации Боровец заявил, что в свете обстановки на советско-германском фронте УПА переходит от нейтралитета к помощи немцам «в борьбе с большевизмом». Никаких политических требований он уже не выдвигал, а просил обеспечить его боеприпасами и снаряжением⁴.

Переговоры продолжились, но конкретных результатов не дали.

Боровец первым присвоил своим партизанам название УПА (правда, с добавлением «Полесская сечь»), но в июне 1943 года переименовал свое «войско» в «Украинскую народно-революционную армию» (УНРА). Сделал он это после того, как бандеровцы напали на его отряды и отряды мельниковцев и разгромили их, присоединив к себе. Мотивировал он это тем, что название «УПА» присвоили себе формирования бандеровской ОУН. Боровец-Бульба обвинял руководство ОУН в том, что

«бандериадой» руководят вражеские агенты, немецкие и большевистские (Рихард Ярый, Максим Рубан)» и что бандеровцы убивают мирное население, детей, сжигают села⁵.

В августе разборки между националистами закончились, после чего подавляющая часть оппонентов оказалась в подчинении у Бандеры. «Несогласный» Боровец бежал под крыло немцев в Варшаву, где преподавал в школе абвера.

В то же время некоторые вооруженные подразделения ОУН Степана Бандеры переходят к борьбе с немцами. Руководитель ОУН на Волыни Сергей Качинский («Остап»), ставший еще в июле 1941 года в Ровно командиром созданного «Первого куреня Украинского войска им. Холодного Яра» и командир первой сотни УПА Иван Перегийняк («Довбешка», «Коробка») погибли в боях с немцами зимой 1943 года.

В ноябре 1943 года на Волынь и в Полесье были направлены Василь Сидор («Шелест») и Ю. Ковальский с заданием объединить существовавшие там партизанские отряды, которые действовали там с 1942 года. Помимо свидетельств Романа Шухевича и самого Сидора, о том же говорил на допросе в НКВД в январе 1945 года командир УПА Юрий Стельмашук («Рудый», «Кайдаш»), бывший в 1942 году военным референтом ковельского округа ОУН Волынской области и получивший задания по подбору кадров для военной работы от Дмитра Клячківського («Клима Савура») и референта провода ОУН на ПЗУЗ «Сом» — Василя Ивахива.

По свидетельству командира УПА Л. Павлишина («Волк», «Игорь»), в начале декабря 1942 года во Львове состоялась военная конференция бандеровского крыла ОУН. В ней участвовали проводник Мыкола Лебедь, члены провода Иван Климов («Легенда»), военный референт провода ОУН Дмитро Грицай («Перебийнос»), военные референты проводов на ЗУЗ, ПЗУЗ, ОСУЗ Л. Павлишин, Василь Ивахив («Сом»), Михайло Медвидь («Карпович»).

Участники конференции решили создать свои вооруженные силы, но не определились окончательно в методах борьбы.

Уже через два дня после конференции были арестованы немцами во Львове Иван Климов, Дмитро Грицай и Ярослав Старух. Климов был убит немцами в тюрьме⁶. Во Львове также были арестованы сотрудники Главного военного штаба ОУН — инструктор боевой подготовки О. Кузминский и начальник военной школы В. Ковальский.

Грицай сменил на посту военного референта Роман Шухевич, который к тому времени перешел на нелегальное положение. Причиной этого был приказ об аресте украинцев, служивших в полицейских охранных подразделениях (в т.ч. в 201-м полицейском батальоне), отданный немцами, опасавшимися вооруженного восстания бандеровской части ОУН. В связи с этим

Роман Шухевич и Василь Сидор ушли в подполье. Руководители ОУН на Волыни стали уводить в леса части вспомогательной полиции, сохраняя их от немецких репрессий.

Готовясь к вооруженной борьбе с Красной Армией, возвращения которой на Украину после Сталинграда ожидало руководство ОУН, они планировали создание армии численностью 300 тыс. бойцов⁷. Этим занимались военный референт краевого провода ОУН на ПЗУЗ Василь Ивахив («Сонар», «Сом») с помощью бывших старшин и подстаршин 201-го батальона.

На 3-й конференции ОУН под Олеском на Львовщине большинство делегатов склонялись к мысли о необходимости вооруженного выступления против немцев, считая в перспективе возможным признание со стороны США и Англии. Против выступали Шухевич и краевой проводник ОУН на ПЗУЗ Дмитро Клячківський, настаивавшие на борьбе с красными партизанами и поляками (Армией Крайовой). Клячківський также обвинил Миколу Лебеда в недостаточной поддержке создания вооруженных формирований ОУН на Волыни и в Полесье, после чего в апреле 1943 года на заседании провода ОУН Микола Лебедь ушел в отставку с поста проводника.

13 мая было избрано новое руководство провода ОУН в составе Романа Шухевича, Дмитро Маевского и Зенона Матлы. Они сняли с поста краевого проводника ОУН на ЗУЗ М. Степаняка («Д. Дмитрив», «Сергей»), бывшего сторонником Микола Лебеда (оба они выступали противниками вооруженных акций против польского населения). Его сменил Василь Охримович («Филипп», «Грузин», «Кузьма»)⁸.

Пронемецкой позиции среди украинских политических сил придерживались «Государственный центр УНР» во главе с А. Левицким и М. Садовским, участвовавшими в неудачной попытке создания «Украинского вызвольного войска» и более удачной — дивизии «СС-Галичина» (более 13 тыс. чел.), и т.н. «Украинский центральный комитет» В. Кубийовича и Коста Паньковского.

Шухевич и его сторонники, служившие ранее у немцев, поддерживали создание дивизии «СС-Галичина», считая ее полезной школой для будущей украинской армии. С ними спорили Клячківський и руководители проводов ОУН на ПЗУЗ и ОСУЗ, считавшие дивизии «СС-Галичина» немецкой колониальной частью.

Немецкие офицеры говорили солдатам дивизии «СС-Галичина» о возможном соединении с частями УПА в случае прорыва советского фронта. Случаи дезертирства из дивизии руководители ОУН, не хотевшие ссориться с немцами, не поддерживали⁹.

Существует мнение, что идейным вдохновителем, «суфлером» крайне осторожного в высказывании своих взглядов

Шухевича был Дмитро Маевский, заместитель председателя бюро Провода¹⁰.

В июне 1944 года Роман Шухевич вступил в конфликт со Степаняком, Куком, Буселом, предложившими создать «Народно-освободительную революционную организацию» (украинская аббревиатура НВРО), которая объединила бы под демократическим флагом все украинские политические силы. Среди предлагаемых лозунгов был и такой, обращенный к трудящимся: «Боритесь за перестройку СССР на основах вольного совместного труда самостоятельных народов!». (Вот они — первые наши горбачевцы!). Роман Шухевич и его сторонники не согласились с таким планом, но конфликт закончился мирно, уже в ноябре того же года Кук и Бусел признали свои ошибки¹¹.

Степаняк же уже в июне 1944 года был арестован НКВД. От него, а также от вскоре арестованных Олександра Луцкого, Юрия Стельмашука и других боевиков и полевых командиров чекисты узнали о структуре и кадровом составе УПА.

На 3-м Чрезвычайном большом сборе ОУН 21—25 августа 1943 года была создана Главная команда УПА (ГК УПА). Принято считать ее первым руководителем Романа Шухевича. Однако, по мнению ряда современных историков, вернее считать первым командиром УПА (с мая по ноябрь 1943 года) Дмитра Клячкивского¹². Его своеобразным предшественником, командовавшим не всей УПА, а т.н. «УПА-Север», был погибший в бою с немцами под Деражным 13 мая 1943 года бывший офицер польской армии и политзаключенный польских тюрем Василь Ивахив — «Сом» (посмертно присвоено звание подполковника, а погибшему с ним начальнику штаба поручику «Гарпуну» звание сотника)¹³.

Шефами Военного штаба УПА были Василь Ивахив, затем Василь Сидор («Шелест»). Начальником штаба у Клячковского с августа 1943 года являлся бывший петлюровский подполковник Леонид Ступницкий (Гончаренко), который в 1921 году был ближайшим помощником Тютюнника во время его неудачного рейда на Украину. Работники штаба также были подобраны из бывших петлюровских офицеров. Начальниками отделов ВШ были: оперативного — Михайло Омелюсик, разведывательного — полковник Иван Литвиненко, организационно-мобилизационного — «Олег» (возможно, И. Ткачук или М. Якимчук), хозяйственным — «Омелько». Политотделом руководил Яков Бусел, комендантом военного округа (заполя) стал Ростислав Волошин («Павленко»)¹⁴.

С июля 1943 года действовала подстаршинская школа УПА «Дружинники» (командиры Леонид Ступницкий, «Горынь», «Поль» — Федор Полевой), готовившая командные кадры, так же, как и организованная в декабре того же года старшинская школа «Лесные черти» во главе с Василем Брилевским («Боро-

вым») и «Подем» — Федором Полевым. В январе 1944 года на эту школу было совершено нападение бойцами советского партизанского отряда Петра Вершигоры¹⁵. В 1944 году в Карпатах на базе этих двух школ и уже имевшейся там школы была создана единая подстаршинская школа «Олени» во главе с тем же «Подем».

Вопрос о преемнике «Клима Савура» на посту командира группы «УПА-Север» до сих пор не вполне ясен. Есть версии относительно «Дубового» (Ивана Литвинчука), «Карповича» (Михаила Медведя), проводника ОУН на ПЗУЗ «Смока» (Микола Козака)¹⁶.

К августу 1943 года все соединения ОУН на Ровенщине вошли в Первую (Северную) группу УПА. Командиром группы стал Иван Литвинчук («Дубовой», «Максим»)¹⁷, в группу вошли отделы: «Яремы» — командир Н. Семенюк («Стальной»); «Шавулы»; «Крука» — командир И. Климишин; «Цыгана» — командир П. Цыпюк; «Черноморца» — командир Е. Басюк; 11-й отдел «Верещака» (Федор Воробец)¹⁸. Позднее в Первую группу УПА входили курени «Орла» (район Колки), «Загравы» (леса Клеванского района), «Макаренко» (леса Костописького района), «Дороша» (леса Людвипольского района), «Голобенко» (села в Межеричском районе), отдельные сотни: Тучинская — сотник «Недоля» (Трохимчук), Александрийская — сотник «Пугач» (Гордийчук), «Гордиенко» — сотник Ворожковский, «Ярко» — сотник «Калинюк»¹⁹.

Вскоре в июле 1943 года в составе Первой группы была создана временная группа командира «Бористена» с отделами «Вороного», «Шаулы», «Ярка», «Тополи» и «Коры», проводившая вооруженные рейды в белорусские и польские деревни. В конце сентября 1943 года временная группа командира «Бористена» вошла в военный округ «Заграва», «Бористен» стал начальником штаба командира группы «Дубового».

На юге Ровенской и севере Тернопольской областей сформировалась Южная группа УПА. Командиром был Петро Олейник («Роман»), одновременно командир отдела «Эней»²⁰, также входили в группу курени (отделы) «Крука» (перешедшего из Первой группы УПА от Литвинчука), «Черника» (Д. Казвана), «Беркута», «Юрко» (Г.Рыбак). К декабрю 1943 года в группе было более 1600 бойцов, состоявших в куренях «Ярбея», «Юрко», «Крука», сотнях «Макса», «Тополи», «Певного», «Цимбала», «Докса», «Вьюна», конная сотня «Данько», отделы азербайджанцев (160 чел.), грузин (39 чел.) и узбеков (26 чел.)²¹. Вообще в УПА служили представители многих национальностей, в т.ч. и русские, татары, армяне, ингуши, осетины, черкесы, турки²².

Тогда же, летом-осенью 1943 года, на северо-западе Волыни-Полесья возникла «Украинская повстанческая группа «Озеро»,

впоследствии переименованная в Юго-Западную группу (военный округ) «Туров», численностью около 450 человек. Командирами ее были «Олег» (возможно, И. Ткачук) и Юрий Стельмащук («Рудый», «Кайдаш»)²³, в группу вошли отряды «Стоход» (командир О. Шум — «Вовчак»), «Буг» (командир «Лысый»), «Тур» (командир «Быстрый»). Группа действовала под Луцком, Владимиром-Волынским, Ковелем, Брестом.

Отряды УПА с Волыни и Полесья с лета 1943 года начинают проводить рейды в центральные области Украины. Во время этих рейдов уже осенью 1943 года на территории Винничины и в Уманских лесах создаются партизанские отряды под командованием Омеляна Грабца («Батько»), а в лесах Холодного Яра на Черкасщине — под командованием Михаила Медведя («Карпович»), который был одновременно военным референтом в руководстве ОУН на «юго-восточных украинских землях» с центром в Днепропетровске.

Параллельно с УПА на территории Галичины (по бандеровской терминологии — «западные украинские земли») оуновцы создают целую сеть подпольных военных курсов, на которых с сентября 1941 по июнь 1943 года проводят обучение своих боевиков. В связи со знаменитым рейдом советских партизан Ковпака на территорию Галичины в июне 1943 года, а также в связи с мобилизацией украинской молодежи в дивизию СС «Галичина» местное руководство ОУН принимает решение форсировать здесь создание своих военных формирований. На территории Галиции они получили название «Украинская народная самооборона» (УНС). Естественно, под «самообороной» понималась оборона не от немецких оккупантов, а от советских партизан, в борьбе с которыми УНС сразу же приняла самое активное участие. Создателем и руководителем УНС был Олександр Луцкий («Богун»). В декабре 1943 года УНС была переименована в УПА-Запад.

В августе 1943 года УПА выпустила в свет свою политическую программу в виде листовки «За что борется УПА». В частности, в ней было сказано:

«УПА борется за Самостийную Соборную Украинскую Державу на украинской земле. За новый справедливый строй и порядок на Украине без панов, помещиков, капиталистов и большевистских комиссаров».

В этот период бандеровцы делают ставку на раскол многонационального СССР. Считается, что в формированиях УПА, помимо украинских, были и азербайджанские, узбекские, грузинские и татарские отряды (от 1 до 2 тысяч человек). В связи с этим на территории южной Ровенщины 21-22 ноября 1943 года бандеровцы провели так называемую Конференцию поработенных народов Восточной Европы и Азии, на которой якобы присутствовали представители 13 национальностей СССР. На-

сколько попытки ОУН-УПА всерьез развалить в тот период Советский Союз были серьезны, сейчас трудно судить. По крайней мере, эмиссары с Западной Украины действовали во многих советских республиках. В свою очередь, и местные националисты посылали к ним своих представителей.

В этот период на Волыни и в Полесье бандеровцам, главным образом, приходилось иметь дело с солдатами венгерской армии, которые по поручению немцев охраняли здесь железные и шоссейные дороги. Представители УПА вступили в переговоры с венгерским командованием и заключили с ним секретный договор, который действовал в течение всей войны. Эти свои контакты с венграми ОУН никогда не отрицала, в то время как связи с немецким командованием и немецкой разведкой после окончания Второй мировой войны всячески замалчивались. Хотя помощь немцам УПА оказывала. Начальник «абверкоманды 202» подполковник Зелигер считал разведку за линией фронта невозможной без помощи УПА²⁴. Как бы то ни было, главным противником УПА в этот период являлись не немцы, а советские партизаны — действовавшие в этом регионе подразделения Ковпака, Сабурова, Федорова, Бегмы и других. Именно с ними бандеровцы вели войну не на жизнь, а на смерть.

Начиная с лета 1943 года, после рейда партизанского соединения Сидора Ковпака через Карпаты, руководители ОУН начали создание вооруженных сил в самой «Галичине» — так называемой «Украинской народной самообороны». Первые отряды появились в Дрогобычской и Станиславской областях. Это были курени «Черных чертей» им. Е. Коновальца (командир «Липей» — Коломыя), «Гайдамаков» (командир «Хмель» — Долин), им. Кривоноса (командир «Омелян» — Турок), «Трембита», «Сероманцы», «Булава», «Булава», «Львы», «Журавли», «Заграва», «Мстители», «Чернолесцы», сотня «Рена» (Василя Мизерного). Главным командиром отделов УНС стал шеф Краевого военного штаба Провода ОУН на ЗУЗ Олександр Луцкий («Андриенко», «Богун», «Беркут»). Командиром УНС Дрогобычской области стал Богдан Вильшинский («Орел»), Станиславской — Иван Белейлович («Дзвинчук»)²⁵.

В начале августа 1943 года начались вооруженные столкновения отрядов УНС с немцами. В то же время продолжались и контакты ОУН-УПА с немцами, данные о которых оуновцы старались скрывать. В начале 1944 года был расстрелян по обвинению в переговорах с немецким командованием куренной командир военного округа «Туров» УПА-Север П. Антонюк («Сосенко»), бывший член руководства «мельниковцев». О переговорах Антонюка стало известно советским партизанам, материалы об этих контактах появились в советской прессе²⁶. Уже в конце 1944 года возник конфликт между Гасиным, предлагавшим

установить контакт с отступавшими немецкими войсками с целью получения от них военного снаряжения, и Шухевичем, резко выступившим против.

Но главными противниками для ОУН с этого времени окончательно становятся советские партизаны, в бои с которыми, начиная с лета 1943 года, они вступали все чаще. С бойцами УПА воевали партизаны из соединений генералов Сидора Ковпака, Александра Сабурова, Василия Бегмы, Алексея Федорова. В сентябре 1943 года по приказу командующего УПА-Север «Клима Савура» (Клячкивского) группы «Туров» и «Заграва» атаковали в районе Любешова отряды из соединения генерал-майора Алексея Федорова (первого секретаря Черниговского подпольного обкома КП(б)У). Но советские партизаны отбили атаки оуновцев, и в ноябре 1943 года по предложению командира группы «Туров» Юрия Стельмашука эти попытки были прекращены²⁷.

К этому времени относятся контакты партизанских командиров с представителями УПА. В сентябре 1943 года командир Житомирского соединения генерал-майор Алексей Сабуров встречался с представителем УПА, заявившим о невозможности прекращения борьбы, так как влияние Москвы на Украине является большим злом, чем немецкое влияние²⁸.

Так как главной целью для советских партизан была борьба против немецких войск, партизанским командирам приходилось вступать в контакты с командирами УПА, заключать соглашения о ненападении.

В августе 1943 года в районе села Комаров на реке Стыр диверсионный отряд Григория Васильевича Балицкого (впоследствии Герой Советского Союза, вопреки утверждениям некоторых современных авторов, не сын, а однофамилец наркома внутренних дел Украины Всеволода Аполлоновича Балицкого, расстрелянного в 1937 году) из соединения Алексея Федорова не смог достигнуть договоренности с командиром отряда УПА «Карпенко». Прибывший в отряд Балицкого известный разведчик, командир чекистского спецотряда «Победители» Дмитрий Медведев (впоследствии полковник, Герой Советского Союза) приказал Балицкому не обострять отношений с УПА, так как это грозило срывом боевых заданий²⁹.

29 февраля 1944 года боевики СБ сел Михалковцы и Сиянцы Острожского района Ровенской области (от 17 до 27 человек) напали на машину командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Николая Ватутина, тяжело ранив его. Вскоре Ватутин умер в госпитале. По свидетельству старшины УПА Евгена Басюка, живущего ныне в Ростовской области, бой с охраной Ватутин вел уголовный отдел полевой жандармерии УПА (30 человек под командованием «Примака» — Трояна).

В июле 1944 года одна из боевок ОУН в местечке Старое Село около Равы-Русской попыталась захватить командующего 2-й воздушной армией 1-го Украинского фронта маршала авиации Степана Красовского, штаб которого находился в этом месте. План не был осуществлен, так как маршал остановился на посто́й в доме станичного ОУН. Но сотрудники «Смерш» 1-го Украинского фронта раскрыли подполье и арестовали сельских оуновцев³⁰.

В ноябре 1943 года были созданы Главное командование и Главный военный штаб УПА, которым подчинялись все отряды на территории Западной Украины. Последняя, в свою очередь, делилась на три «края» или «генеральных военных округа» (ГВО). Первоначальная УПА, созданная на территории Волыни и Полесья, стала называться УПА-Север. Бывшая УНС в Галичине, как мы уже писали — УПА-Запад. Была создана также УПА-Юг на территории Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области, Винничины и южных районов. Краевой войсковой штаб УПА-Юг был организован в конце января 1944 года в южной Ровенщине. Он контролировал также территорию, на которой действовали отряды военного округа «Богун» из УПА-Север. В некоторых документах УПА-Юг иногда именуется УПА-Восток.

УПА-Север по-прежнему возглавлял Дмитрий Клячковский, УПА-Запад возглавил Василь Сидор («Шелест»), который сменил схваченного чекистами Александра Луцкого, а УПА-Юг — Василь Кук («Лемиш»). Наиболее организованной и боеспособной из них, безусловно, являлось УПА-Запад. В 1944 году она состояла из шести военных округов. Первым военным округом (г. Львов) командовал «Хмара», вторым военным округом («Буг») (Львовская область, Любачевщина и Холмщина) Остап Линда («Ерема»), третьим округом («Лисоня») (Тернопольская область с Рогатинщиной без Кременетчины) — Омелян Полевый («Очеред»), четвертым («Говерла») (Станиславская (ныне Ивано-Франковская) область с Буковиной без Рогатинщины) — Иван Будковский («Гуцул»), пятым (Драгобичская область) — Иван Белейлович («Дзвинчук»), шестым («Сан») (Лемковщина, Перемышлыщина и Ярославщина) — Яков Черный («Ударник»).

Однако такую структуру УПА-Запад сохраняла только в течение года. Позднее она была реформирована. Первый и пятый округа были ликвидированы и включены в соседние. Весь командный состав их также сменился. Львовский ВО «Буг» в 1944-1946 годах возглавлял Василь Левкович («Вороний»), Подольский ВО «Лисоня» в 1943—1944 годах — Омелян Полевый («Очеред»), в 1945—1946 годах — Осип Беспалко («Остап»), в 1947 году — Владимир Якубовский («Бондаренко»), Карпатский ВО «Говерла» в 1944—1949 годах — Микола Твердохлеб («Гром»),

Закерзоньский ВО «Сан» в 1945–1947 годах — Мирослав Онишкевич («Орест»).

На территории 4-го военного округа «Говерла» помимо трех тактических участков, находившихся в непосредственном подчинении командующего «Говерлы», имелся и «отдельный» участок «Макивка», который подчинялся непосредственно главнокомандующему УПА Роману Шухевичу.

Хотя УПА действовала на значительной территории западной Украины, южной Белоруссии (250 групп численностью от 25 до 500 человек только в 1944–1946 провели 2384 диверсии и теракта, убив 1012 человек, к апрелю 1953 органами МГБ было уничтожено более 3000 и арестовано 1300 оуновцев) и юго-восточной Польши, а частично также на территории Чехословакии и центральной (включая Киевскую и Житомирскую области, где была в июле 1947 года ликвидирована действовавшая с 1944 года повстанческая группа «Деркача») и южной Украины, однако наиболее крупные и боеспособные ее отряды были сконцентрированы на территории военных округов «Говерла» и «Сан». Их командующие Микола Твердохлеб и Мирослав Онишкевич могут считаться наиболее удачливыми среди «полевых командиров».

Главкомом УПА после реорганизации в 1944 году стал знаменитый Роман Шухевич («Тарас Чупринка»). Начальником Главного военного штаба был назначен Дмитрий Грицай («Перебийнос»), его заместителем — Олекса Гасин («Лыцарь»), военный референт центрального провода ОУН. Штаб состоял из его начальника, который был одновременно заместителем главнокомандующего УПА, и семи отделов: оперативного, разведывательного, хозяйственного, кадрового, боевой подготовки, политвоспитания и военных инспекторов.

Грицай недолго оставался на посту начальника штаба. В конце 1945 года он пытался пробраться через Чехословакию на территорию Западной Германии, однако в результате совместных оперативных действий сотрудников НКГБ и чехословацкого министерства госбезопасности был схвачен и покончил с собой в пражской тюрьме в декабре 1945 года. Гасин сменил его на посту начальника штаба³¹. Долгое время считалось, что он был убит 31 января 1949 года во Львове недалеко от здания главпочтамта во время перестрелки с чекистами. Недавно опубликованные архивные документы (донесение министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта Т. А. Строкача 1-му секретарю ЦК КП Украины Хрущеву) свидетельствуют, что он был убит 20 января 1947 около села Ланы-Соколивски Стрыйского района Дрогобычской области, труп его был доставлен в Львовское УМВД, где был опознан бывшим членом центрального провода ОУН М. Степаняком (есть версия, что Степаняк специально признал в одном из убитых Гасина, чтобы убедить чекис-

тов в его гибели). Вместе с Гасиным при аресте было убито 7 человек, арестовано 4, в том числе отец Гасина. Впрочем, это отрицают выжившие соратники Гасина, утверждающие, что он погиб все-таки в 1949 года.

Подавляющее большинство комсостава УПА (Шухевич, Грицай, Гасин, Кук, Сидор, Луцкий и некоторые другие) входили в элиту оуновского подполья. Все они еще в 1920-е годы сдружились между собой, вместе руководили ученическими, студенческими, спортивными, националистическими организациями, вместе организовывали террористические акты, сидели в тюрьмах. В то же время выдвинулась и группа «периферийных» националистов, которые в ходе боевых операций сумели продвигаться в руководящий слой ОУН-УПА. Такими, к примеру, были Дмитро Клячковский и Микола Твердохлеб.

В 1944 году в составе УПА действовало 11 военных округов: 2 в УПА-Юг, ими командовали Остап Качан («Саблюк», 1943—1944 гг.) и Омелян Грабец («Батько», 1943-1944 гг.), 3 в УПА-Север и 6 в УПА-Запад. В августе 1944 года УПА-Север было реформировано на 2 военных округа — «Завихост», командующие Юрко Стельмашук («Рудый», 1944—1945 гг.), Иван Литвинчук («Дубовый», 1945—1946 гг.) и «444», командующий Федор Воробец («Верещака», 1944—1946 гг.), а УПА-Запад в феврале 1945 года — на 4 округа. УПА-Юг после 1944 года фактически не существовало.

Каждым военным округом руководили командир и его штаб, дублирующий структуру главного штаба. Округ в свою очередь делился на тактические участки. Основной боевой единицей УПА являлась «сотня» (рота). 3—4 сотни могли объединяться в «курень» (батальон). Куреня, в свою очередь, составляли «загон» (полк). Все военные подразделения, находившиеся на территории одного округа, образовывали «группу» (дивизию). Формально в УПА, таким образом, насчитывалось 11 дивизий, составлявшие 3 корпуса. По данным МВД УССР, к апрелю 1946 года численность ОУН-УПА составляла 3735 бойцов.

Стандартная организация сотни была следующая: «рой» (отделение) — 10—12 бойцов, три роя составляли «чету» (взвод), три-четыре «четы» — непосредственно сотню. Впрочем, комбинации были различные, в зависимости от местности. В состав сотни входил также рой войсковой полевой жандармерии, политвоспитатель, санитар, связники и разведчики. Командир первой четы являлся заместителем командира сотни.

Командир куреня имел свой штаб, политвоспитателя, капеллана, врача и референта службы безопасности (СБ). Самый авторитетный из командиров сотен являлся заместителем командира куреня.

Каждое подразделение УПА имело свое особое название. В целях конспирации эти названия дублировались. Например,

сотня могла называться по имени ее командира, имела собственное самоназвание и порядковый номер. Причем все они неоднократно менялись. В период 1943—1944 годов в УПА было несколько подразделений кавалерии, артиллерия, а по некоторым данным — даже танки и самолеты.

В УПА имелась своя система воинских званий. Рядовые — стрелец, старший стрелец; сержанты — вестун, старший вестун, булавный, старший булавный; офицерские — хорунжий, поручник, сотник, майор, подполковник, полковник, генерал-хорунжий. Звания присваивались в соответствии с занимаемой должностью. Так, во главе сотни, как правило, стоял поручник, куреня — сотник, загона — майор, военного округа — подполковник, главного военного округа — полковник. Генерал-хорунжим в УПА был только один Шухевич.

С января 1944 года была введена система наград, включавшая в себя, кроме прочего, золотой, серебряный и бронзовый «Кресты боевой заслуги».

В 1944 году были введены боевой устав пехоты и «Инструкция по разведывательной и контрразведывательной службе», но фактически разведка была поглощена СБ. Также действовала военно-полевая жандармерия.

Мобилизация в УПА часто проводилась насильственным путем. Вот данные, приведенные в недавней публикации:

«Федор Купчишин Филиппович, житель с. Городец Владимирского района Ровенской области:

"...Насильно мобилизован в августе 1943 года вместе с другими 30 односельчанами и назначен в 3-ю сотню батальона имени Коновальца. Добровольцев всего лишь 30 процентов, остальные насильно мобилизованы... Все находящиеся в отряде не имеют права называть друг друга по имени и фамилии, а только по присвоенной кличке".

Василий Носик:

"...Насильно уведен бандеровцами в сентябре 1943 года. Работал врачом группы УПА «Восток». 50 процентов личного состава мобилизованы насильно, а некоторые уведены ночью под силой оружия. Воевать против Красной Армии не хотят, но боятся, что их строго накажут или расстреляют. Националисты широко пропагандируют, что всех захваченных бандеровцев Красная Армия расстреливает..."

Часто в оуновские банды шли из-за того, что боялись расправы с родственниками. Например, жители села Белашув Здолбуновского района Ровенской области братья Леонид и Александр Охримчук оказались в УПА "ввиду того, что бандиты предупредили их: если они не вступят в банду, их мать будет повешена".

Жестким наказаниям подвергались и дезертиры из УПА. Тот, кто совершал побег дважды, — уничтожался. В целях экономии

патронов казнь совершалась с помощью удавки. Политреферент по кличке Архип после инспекции бандформирований в Тернопольской и Станиславской областях писал: "Если разобраться в обстоятельствах, при которых попали наши стрелы в ряды УПА, мы вынуждены сказать, что лишь незначительная часть пошла идейно, а остальные пошли по приказу"³².

Вот как бандеровцы грабили и убивали мирное население (по архивам Львовской области):

«В ночь на 3 января 1945 год в с. Добростаны Яновского района бандеровцы ограбили две семьи — увели свиней, коров и т.д.;

14 января 1945 года в с. Дубровицы бандеровцы забрали у крестьян 14 коров;

12 марта 1945 года в с. Корчин Радеховского района бандиты забрали у населения свиней 5 голов, овец — 20, коров — 2, птицы — 50 голов».

Для того чтобы восстановить местное население против Красной Армии, боевики УПА прибегали к различным провокациям. Нередко они под видом красноармейцев, военнослужащих внутренних войск или пограничников нападали на мирных жителей, издевались над ними, подвергая мучениям. Так, в начале апреля 1944 года в село Пукляки Тернопольской области ворвалась группа бандеровцев, переодетых в красноармейскую форму. По наводке агентуры службы безопасности они убили на глазах у многих селян двух местных жителей Екима Петриченко и Степана Паначука. Вся вина этих крестьян состояла в том, что они высказывались за прекращение братоубийственной войны между самими украинцами.

«24 апреля 1944 года в селе Антополь Черновицкой области бандеровцы расстреляли семью красноармейца Олевских из 4 душ — старика, старуху и двух внучат.

В июле 1944 года в деревне Лизино секретарю сельсовета Литовко бандеровцы косой отрубили голову в назидание другим.

6 декабря 1944 года в селе Михалкув Коршевского района Станиславской области бандеровцы убили 7 мирных жителей. Над секретарем сельсовета (молодой девушкой) зверски надругались. Отрезали нос, губы, груди.

В ночь на 11 декабря 1944 года в селе Бужаны Бусского района Львовской области оуновцы вырезали 17 мирных граждан, в том числе стариков, женщин и детей. В помещении сельсовета убит почтальон и его семья, проживающая в этом доме, и кровью убитых на стенах написали: "Господари села, не сдавайте хлеб для Красной Армии", "Поджигайте склады заготзерно", "Отомстим всем, кто помогает Советской власти".

15 февраля 1945 года в селе Каменная Гора Магеровского района Львовской области бандой убиты две женщины в возрасте от 57 до 60 лет, старик 65 лет. У всех сыновья находятся в РККА.

Бандеровцы были одеты в красноармейскую форму и старались говорить по-русски.

В июле 1944 года в Вербском районе Ровенской области группа бандеровцев под силой оружия увела в лес 6 допризывников. В Костопольском районе по пути следования в военкомат бандиты захватили 19 человек и увели с собой в лес.

В ночь на 9 декабря 1944 года в селе Яблунівка Бусского района Львовской области вырезали 10 человек, в том числе родителей призывников, детей в возрасте от 2 мес. до 1,5 года.

23 марта 1945 года призывник Вегера из сельсовета Большие Ципцевичи Владимирского района Ровенской области возвратился домой с пересыльного пункта облвоенкомата, получив отсрочку по болезни на месяц. Придя домой, нашел своего отца и мать зарезанными бандой и зарытыми в навозе»³³.

В январе 1944 года УНС в Галичине была преобразована в УПА-Запад под командованием майора Василя Сидора («Ростислава Вышитого») для действий во Львовской, Дрогобычской, Станиславской, Тернопольской областях, Закарпатье, Закарпатские и Буковине, а УПА на Волыни и в Полесье — в УПА-Север (командующий майор Дмитро Клячкивский — «Омельян Крымский»):

Не совсем ясен вопрос о точном времени основания и первых командирах УПА-Юг и УПА-Восток. В первом случае украинские историки в дискуссии обсуждают кандидатуры Омеляна Грабца и Василя Кука, во втором — опять же Кука и Федора Горобца³⁴. Затем УПА-Юг командовал «Эней» — Петро Олейник. В УПА-Юг входили курени «Сторчана», «Мамая», «Довбенко», «Птаха», «Быстрого», «Докса», «Бывалого», «Лихо», «Макса», «Саблюка».

В Винницкой области зимой 1943/44 гг. действовало 4 сотни из куреней «Быстрого» — Билинского и «Саблюка» — Качана под общим руководством областного проводника ОУН Омеляна Грабца («Батька»). Вскоре Грабец заболел и вместе с сотнями «Быстрого» ушел на Волынь. Вскоре и «Саблюк» ушел на север.

В марте 1944 года Грабец вновь ушел с рейдом на Винничину, но уже в мае погиб в бою с отрядом НКВД.

В любом случае широкого масштаба оуновское движение на Северо-востоке и Востоке УССР не получило из-за отсутствия поддержки местного населения, и крупных повстанческих сил там не было.

В результате всех преобразований краевая команда УПА-Север включала в свое подчинение военные округа (группы) «Туров» (командир Стельмашук, шеф штаба «Яворенко» — М. Павлович), «Заграва» (командир Литвинчук — «Дубовой», шеф штаба «Макаренко»), «Богун» (командир Олейник — «Эней», шеф штаба «Черник» — Д. Казван), «Тютюнник» (Литвинчук — «Дубовой», шеф штаба «Макаренко»), «Богун» (командир Горо-

бец — «Верещака», шеф штаба «Очеретенко» — П. Гудзоватый³⁵). Округа состояли из 3—4 отрядов, в каждый из которых входило по 3—5 куреней.

Например, ВО «Заграва» состоял из отрядов «им. Богуна» (командир «Ярема»), «им. Остапа» (командир «Шавула»), «им. Колодзинского» (командир «Лайдака»), «им. Коновальца» (командир «Кора»), «им. Хмельницкого» (командир «Боровой» — «Острый») и «им. Дорошенко» (командир «Вороной»). В ВО «Богун» действовали курени «Центр» (сотни «Лайдаки», «Великана» и «Ермака») и «Рыбака» (сотни «Босоты», «Калины» и «Березы»), а также два Дубненских куреня под командой «Птаха» и «Юрко», курени «Ясеня» и «Бурсака», отряд «Кодак», рейдовые курени «Круга», «Крапивы»-«Быстрого» и «Олега». ВО «Туров» состоял из отрядов «Лысого», «Крыги», «Сосенко», «Вовчака» и «Богуна», по 3—4 куреня в каждом.

По масштабам краевую команду можно было приравнять к дивизии, округ — к бригаде, отряд — к полку, курень — к батальону, сотню — к роте.

Численность УПА-Север, по разным данным, достигла в начале 1944 года от 12 до 16 тыс. человек, в том числе в группе «Рудого» — 3—4 тыс., «Дубового» — 3 тыс., «Энея» — 6 тыс. боевиков³⁶.

УПА-Запад численностью от 40 до 80 тыс. бойцов включала в себя следующие военные округа: №2 «Буг» (командир «Вороной» — Василь Левкович), №3 «Лисоня» (командир Осип Беспалко «Остап»), №4 «Говерла» (командир «Гуцул», затем «Гром» — Микола Твердохлиб), №5 «Маковка» (командир «Козак»), №6 «Сан» (командир «Орест» — Мирослав Онышкевич). По другим данным, ВО №5 «Маковка» в Дрогобыче в конце 1944 года был присоединен к ВО «Говерла».

Военные округа делились на тактические участки. Например, в ВО «Лисоня» входили участки с номерами с 15-го по 19-й. В их составе имелось 18 сотен, отдельных или входивших в курени «Остапа», «Бондаренко», «Романа» и двух куренных по кличке «Быстрый», из них один был на самом деле П. Хамчуком, а другой, Я. Билинский, подчинялся командиру Южного ВО «Богун» «Энею», и только временно входил в ВО «Лисоня».

В ВО «Говерла» были тактические участки №20 «Буковина», №21 «Гуцулыщина», №22 «Черный Лес», №23 «Магура», №24 «Маковка», №25 «Закарпатье». На этих участках действовали курени «Скубы», «Лесового», «Недобитого», «Кныша», «Прута», «Хмары», «Искры», «Довбуша», «Белого» и др., всего 16 куреней. Украинский историк М. Цымбал считает, что на территории Станиславской области воевало в УПА около 30 тыс. человек³⁷.

Через группу «Говерла» командование УПА-Запад оперативно руководило Буковинским куренем. Он возник весной 1944

года на базе «боевки» мельниковца В. Шумки («Лугового»). В июне 1944 года этот курень из 60 человек объявил себя «Буковинской самооборонной армией» (БУСА). «Луговой» был вскоре обвинен в связях с немцами и с частью своих людей ушел на запад. Затем часть бойцов БУСА и группа галичан во главе с «Кригой» (О. Додяк) объединились в отряд УПА численностью 200 человек, который и стал называться «Буковинским куренем» УПА, в него вошли сотни «Борисенко», «Боевира», «Криги», «Хмары» и «Ястреба», всего около 600 чел. С ноября 1944 года им командовал «Перебейнос» (Н. Даниляк).

Есть данные, что был и военный округ №1 («Башта»). По мнению Петра Содоля, так обозначался Львов с полигоном в Янове.

В начале 1945 года после потерь в боях количество военных округов сократилось до четырех, был ликвидирован округ №5 «Маковка». Округ «Лисоня» был переименован в «Подолию» (Тернопольская и Каменец-Подольская области). К апрелю 1945 года в УПА-Запад имелись военные округа №№ 1, 2, 3, 4 — соответственно Львов, Дрогобычи, Тернополь, Станислав. Львовский округ состоял из куреня «Шугая» (700—800 чел.) и отдельной сотни «Савича», (100—120 чел.). Дрогобычский округ — из куреня «Бойкив» (800—900 чел.), сотен «Бея» (150 чел.) и «Явора» (80—100 чел.). Тернопольский округ — из отрядов «Бондаренко» и «Рена» (в обоих около 2000 чел.), куреней «Ястреба» (около 600 чел.), «Быстрого» (600—700 чел.), «Черного» (400—500 чел.). Станиславский — из куреней «Бойко» (600—700 чел.), «Хмары» (500—600 чел.), «Искры» (600—700 чел.), сотен «Ромко» (200—220 чел.), «Довбуша» (180—200 чел.), «Ясеня» (160—180 чел.), «Шрама» (150—160 чел.), «Ясмина» (120—140 чел.). Всего более 10 тыс. бойцов.

В это время командиры УПА, насчитывавшей около 25 тыс. бойцов, неоднократно вступают в соглашения с немецким командованием и получают оружие и боеприпасы для нападения на тылы наступающей Красной Армии. Военным снаряжением и радиостанциями оуновцев снабжали, в частности, абверкоманда-202, подразделение разведывательного отдела «1-Ц» штаба группы армий «Юг» во главе с майором Гельви-³⁸хом.

Тогда же осенью 1944 года немцы освободили из заключения в Германии Степана Бандеру, Ярослава Стецько и еще около 100 деятелей ОУН, а также их конкурента Андрея Мельника.

В августе 1944 года во время наступления Красной Армии для организованного перехода линии фронта в районе Карпат приказом Главного военного штаба УПА была создана группа УПА «Запад-Карпаты» с подчинением ей всех отделов УПА в районе Перемышля, Дрогобычской и Станиславской областей, в составе куреня «Рена», сотен «Мстителей», «Ястреба», «Не-

чая», «Байды», «Веселого», «Бульбы», боевок «Осипа» и «Громенко», штабной сотни и подстаршинской школы «Олени», общей численностью до 3400 человек, под командованием «Богуна» (скорее всего Олександр Луцкий, который, будучи уроженцем села Боднари, видимо, тождествен А. П. Боднару, проходящему по документам НКВД УССР как командир указанной группы³⁹). Действия группы «Запад-Карпаты» оказали помощь вермахту и мешали действиям советских войск.

В сентябре 1944 года после вывода войск УПА в тыл Красной Армии группа была расформирована.

Тернопольский ВО «Лисоня» во время перехода разделился на 3 группы: «Бондаренко» (В. Якубовский), «Остапа» (О. Полевой) и командира одного из куреней «Романа». Часть группы «Остапа» под командованием «Вадима» (возможно, Степана Новицкого из Краевого военного штаба) в итоге разбежалась, в группе «Романа» один из сотников сам распустил людей⁴⁰.

При переходе через Карпаты находившиеся там немногочисленные отряды мельниковской ОУН под командованием «Карпа» (С. Касияна) и командующего «восточным фронтом» Иван Кедюлича («Чубчика») по предложению представителя ГВШ УПА Олексы Гасина и с согласия командующего «вооруженными силами» мельниковской ОУН генерала М. Капустянского вошли в состав УПА, а Кедюлич стал членом ГВШ УПА⁴¹.

Осенью 1944 года происходит новая реорганизация УПА и ОУН. Вместо проводов ОУН в областях и военных округов (групп) были образованы общие генеральные округа. Округ №1 «Завихост» возглавили проводник Иван Литвинчук («Дубовой») и командир соединения групп «Рудой»; №2 «Тютюнник» — обе должности совместил Федор Воробец («Верещака»); №3 — соответственно «Верес» — Е. Дудар и «Эней» — Петро Олейник. Соединения групп делились на бригады, а те на отряды. В округе №1 числились бригады «Лайдаки», «Острого», «Мазепы», «Байды», «Наказа», «Холмская», «Пилявцы», «Вовчака» и «Отомщение Базара». Округ №2 охватывал север Житомирской и Киевской областей, и граничившие с ними районы Белоруссии, а затем северо-восток Ровенщины, и состоял из соединений «Хмельницкий», «Базар», «Круты» и «Петлюра» (после потерь в боях летом 1944 года они были преобразованы в отряды «Дороша» (командир Н. Семенюк — «Стальной»), «Прилуцкий» и «Стародубский»). С июля 1944 года группа именовалась «З.Г.-44», затем — соединением групп «444».

В конце 1944-го — начале 1945 годов генеральные округа Краевого провода ОУН на ПЗУЗ и УПА-Север были преобразованы в Северо-Западный край «Хмельницкий» (возглавили проводник Иван Литвинчук («Дубовой») и командир соединения групп «Рудой») и Восточный край (проводник Петро Олейник («Эней»), командир соединения групп Федор Воробец

(«Верещака») с четырьмя военными округами в каждом. В Северо-Западном крае «Хмельницкий» имелись Брест-Литовский, Ковельский, Луцкий и Холмский округа под номерами соответственно 100, 200, 300 и 400. В военных округах УПА-Север не было тактических участков, в отличие от УПА-Запад, вместо них были военные надрайоны, где вместе с проводником ОУН имелся комендант заполья, подчинявшийся командиру военного округа или группы.

В своей повседневной деятельности УПА всецело опиралась на мощный и разветвленный подпольный аппарат ОУН, без которого вряд ли смогла бы так долго существовать. После ареста в 1941 году Степана Бандеры руководителями ОУН на Украине являлись Микола Лебедь (1941-1943), Роман Шухевич (1943-1950) и Василь Кук (1950-1954). Первичной ячейкой ОУН являлась станица, которые объединялись в «куст», кусты — в район, районы — в надрайон, те — в округа, округа — в области, а области — в края или земли. Во главе каждой структуры стояло руководство — так называемый «провод». В конце 1943 года было три «земли»:

Западные украинские земли (ЗУЗ) — руководитель Роман Кравчук («Петр», 1943-1951), затем Микола Твердохлиб («Грим», 1951-1954);

Северо-Западные украинские земли (ПЗУЗ) — руководитель Дмитрий Клячковский (в этом качестве имевший кличку «Охрим», 1942-1945), затем Микола Козак («Смок», 1945-1948) и Василь Галаса («Орлан», 1948-1953);

Средне-Восточные украинские земли (ОСУЗ) — руководитель Василь Кук («Лемиш», 1943—1949) и Василь Бей («Улас», 1949-1952).

В свою очередь, земли делились на края. Так, в состав ЗУЗ входило 4 края:

Карпатский край, именовавшийся «Запад-Карпаты», проводники Роман Мокрый («Байда», 1944), Ярослав Мельник («Роберт», 1945-1946), Василь Сидор («Шелест», 1946-1949), Ярослав Косарчин («Байрак», 1949-1951), Василь Охримович («Грузин», 1951-1952);

Львовский край, включавший Львовскую и Дрогобычскую области и именовавшийся «Буг-2», проводники Дмитро Слюзар («Золотар», 1944—1945), Зиновий Тершаковец («Федир», 1946-1948), Осип Дякив («Наум», 1948-1950), Евгений Пришляк («Ярема», 1950-1952);

Подольский край («Подилля»), включавший Тернопольскую область, проводники Иван Шанайда («Данила», 1945—1946), Осип Беспалко («Остап», 1946-1947) и Василь Бей («Улас», 1947-1949);

Закерзонский край («Сан») — юго-восточная часть Польши, проводник Ярослав Старух («Стяг», 1945—1947).

В состав ПЗУЗ входили два края: Восточный край «Одесса» и Западный край «Москва» («Днипро»), охватывавшие Волынскую и Ровенскую области. Проводниками «Одессы» были Петро Олейник («Эней», 1944—1945), Федор Воробец («Верещака», 1945-1946), Степан Янишевский («Далекий», 1946-1948). Западный край «Днипро» возглавлял Иван Литвинчук («Дубовый», 1944-1952).

Во время начавшейся в 1946 году чекистской операции «Берлога» только на территории СССР удалось выявить также большое количество местных «проводов»: 14 окружных, 37 надрайонных и 120 районных. Эта структура называлась «оргсеткой» или «гражданской сеткой».

25 августа 1943 года участники 3-го чрезвычайного «великого сбора» ОУН избрали свой руководящий орган — Бюро провода ОУН. Его руководителем стал Роман Шухевич, имевший в качестве политического лидера другую кличку — «Тур». Его заместителем был Дмитрий Маевский («Тарас»), членом бюро — Ростислав Волошин («Павленко»). Микола Лебедь возглавил контрольный орган — Головную раду, и руководил референтурой связи.

Подполье ОУН взяло на себя важнейшие функции поддержки партизан: контрразведку — знаменитая «служба безпеки» (СБ), подготовку резервов — в каждом селе создавались «отряды кустовой самообороны», связи, медицинского обеспечения.

Организатором и руководителем службы безопасности был Микола Арсенич («Березовский»). Арсенич еще в 30-е годы вошел в руководство ОУН и пользовался абсолютным доверием Бандеры и Шухевича. Окруженный отрядом МТБ, он погиб в перестрелке вместе со своей женой 23 января 1947 года в окрестностях села Жуков Березанского района Тернопольской области. Четыре брата Арсенича также входили в УПА и погибли в боях. Арсенича сменил Ярослав Дякон («Дмитро»), погибший в ноябре 1948 года.

Действия СБ отличались исключительной жестокостью. Только с января по август 1945 года на ПЗУЗ силами СБ по обвинению в связях с НКВД было убито 835 членов ОУН-УПА⁴². Это привело к конфликту между Романом Шухевичем и проводником Восточного края «Одесса» на ПЗУЗ Степаном Янишевским («Далеким»), призвавшим в декабре 1945 года не выполнять приказы СБ и проводника «Смока» (М. Козак). Провод ОУН поддержал «Смока».

«Красный крест» в западно-украинских землях возглавляли Катерина Зарицкая («Монета») в 1943—1947 годах и Галина Дидик («Анна») в 1947—1949 годах. Надо сказать, что активистки украинского «красного креста» оказывали большую помощь в укрывательстве главкома УПА Шухевича, который был, что называется, «ходок», и всю систему своего пребывания в подполье поставил на использовании женщин. Кстати, отметим, что

«Монета» была арестована в сентябре 1947 года в Ходорове. При аресте оказала вооруженное сопротивление и застрелила оперативника. В 1948 года Особым совещанием МГБ СРСР была приговорена к 25 годам тюрьмы, освобождена в 1972 года, в 1986 году умерла.

Для того чтобы придать себе солидность, накануне прихода Красной Армии ОУН-УПА решили создать свое своеобразное правительство. 11—15 июня 1944 года в огромном доме лесника в Самбирском лесу на Дрогобинщине прошел съезд, на котором 20 участников, в основном бандеровцы и их «попутчики», провозгласили создание «Украинской головной визвольной рады». Ее номинальным президентом и руководителем президиума (аналог подпольного парламента) избрали Кирилла Осьмака, бывшего украинского эсера и кооператора, который в 1920—1930-е годы находился на территории СССР (в 1928 году арестован и сослан в Курск, в 1930 году вновь арестован и 3 года был в лагерях в Коми, работая там агрономом и инженером, затем директор совхоза в Московской области, в 1938—1940 годах вновь в заключении) и, таким образом, символизировал единство восточной и западной Украины. Как и положено зиц-председателю, сразу после съезда, 13 сентября 1944 года Осьмак попал в руки чекистов. До 1947 года он отказывался подтверждать свое имя, выдавая себя за Ивана Ковалю. В 1948 году был приговорен к 25 годам, умер во Владимирской тюрьме в 1960 году в 70-летнем возрасте.

Руководителем Генерального секретариата был избран все тот же Роман Шухевич, на этот раз под кличкой «Лозовский». Было создано три «министерства». Шухевич стал министром военных дел, Лебедь — иностранных, а Волошин — соответственно, внутренних. Лебедь выехал на Запад, где стал представителем УГВР перед западными странами.

Большое внимание в УПА придавалось идейно-воспитательной работе. Ее руководителем являлся Яков Бусел («Галина»). Бусел, наряду с Волошиным, являлся одним из немногих негаличан в руководстве ОУН. Он погиб 15 сентября 1945 года в селе Бишки на Тернопольщине. Обстоятельства его смерти до сих пор точно не известны. Есть сильное подозрение, что его ликвидировали свои же. Дело в том, что летом 1944 года на территории, уже освобожденной Красной Армией, Бусел и его сторонники провозгласили создание так называемой «Народно-освободительной революционной организации» (НВРО), после чего последовали крупные разборки между полевыми командирами. Для чего создавалась НВРО и почему ее создание вызвало такие последствия, до сих пор толком никто не знает. Можно лишь предположить, что Волыньско-Полесские руководители УПА хотели пойти на компромисс с Советской властью, за что и поплатились.

В феврале 1945 года на 93-м километре дороги Львов-Тернополь состоялась встреча Бусела и другого деятеля ОУН Дмитра Маевского с сотрудником НКГБ СССР полковником Сергеем Кариным-Даниленко (работал под прикрытием и.о. уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК СССР) и майором Александром Хорошуном из Львовского управления НКГБ (под видом работника облисполкома Головки), продолжившаяся на хуторе Конюхи Козовского района Тернопольской области. Переговоры, начатые по инициативе Шухевича (его предложение было передано оуновкой, художницей Ярославой Музыкой через заместителя заведующего Львовским областным здравотделом Юлиана Кордюка, брата деятеля украинской эмиграции Богдана Кордюка) и санкционированные Хрущевым (операция получила название «Перелом»), длились 5 часов. Шухевич и Бандера, которым Бусел и Маевский передали содержание беседы, не пошли на продолжение контактов. Дальнейшие попытки переговоров (известно о таких фактах в июле 1945 и апреле 1948 года, так называемая операция «Щось», которую разрабатывал сотрудник МГБ СССР полковник Иван Шорубалка) также ни к чему не привели⁴³.

Наряду с Буселом главными теоретиками и пропагандистами ОУН-УПА в начале их «борьбы» против Советской власти были Иосип Позичанюк («Шугай», «Шаблюк») и Дмитро Маевский («Тарас»). В 1947—1949 годах руководителем политиковоспитательного отдела главного штаба являлся Петро Федун («Петро Полтава»). Наряду с ним идейно-политической и теоретической работой руководил Осип Дякив («Горновый», «Наум»).

Имела УПА и свои печатные органы: газеты «До зброи» (редактор Бусел) и «Повстанец» (редактор Микола Дюжий («Вировый»)). Выходил и сатирический журнал «Украинский перец» (редактор Ярослав Старух («Синий»)). Во всех военных округах и тактических подразделениях издавались свои газеты и журналы, самым знаменитым из которых был «Шлях перемоги», который издавался в военном округе «Говерла» под редакцией поэта Михайла Дьяченко («Марко Боеслав»); ОУН также имела свои печатные органы: журнал «Идея и чин» (редакторы Дмитрий Маевский и Мирослав Прокоп («Владимир»)), а в 1948—1951 годах — «Осередок информации и пропаганды» (редактор Петро Федун). Свои издания выпускали и региональные отделы ОУН.

Как мы видим, ОУН-УПА располагали мощной разветвленной структурой, большим количеством хорошо обученных кадров, проверенной годами системой поддержки. Они даже внедряли своих людей в органы МВД, о чем свидетельствует арест органами «Смерш» в апреле 1946 года милиционеров Глинянского и Бережанского райотделов МВД соответственно Львовской и Тернопольской областей.

Летом 1944 года в первых боях с советскими войсками на Украине погибли 30 сотенных и 6 куренных командиров, в том числе заместитель командира соединения групп «Завыхост» — «Острожский-Голобенко», командиры бригад «Пилявцы» — «Лысый», «Холмская» — «Буря», «Месть Крут» — «Крига-Назар», «Память Базара» — «Ярок».

В Станиславской области с августа 1944-го по январь 1945 года было проведено 370 операций, убито около 7000 человек (в том числе 16 командиров сотен, куренной «Козак» и командир подстаршинской школы «Олени» «Поль» — Ф. Полевой) и около 5 тыс. взято в плен. Тем не менее, оставалось около 70 формирований УПА — 22 тыс. человек, из них в куренях «Резуна», «Грома» и «Блакитного» воевало по 400—500 человек.

Разгромить такую организацию было чрезвычайно сложно. Каждый раз, уничтожая ту или иную банду, сотрудники советских спецслужб убеждались, что на ее месте появляется новая. В связи с этим в Москве очень скоро пришли к выводу о необходимости ликвидировать прежде всего главарей ОУН-УПА на территории СССР и Польши. О том, кто были эти люди, где они скрывались и как их ловили, лучше всего говорит следующий документ:

«Совершенно секретно

Министру внутренних дел Украинской ССР

Генерал-лейтенанту тов. Строкач

8 октября 1946 г.

№1/13948

Разработанным УББ МВД УССР планом по агентурному делу "Берлога" на август-октябрь с.г. предусматривалось провести ряд активных агентурно-оперативных мероприятий в местах вероятного их укрытия. Так:

— в Бережанском и Козовском районах, Тернопольской области, по розыску проводника ОУН Шухевича Романа и референта "СБ" "Михаиле", которые в течение продолжительного времени укрываются в этих районах и имеют Там значительную пособническую базу;

— в Рогатинском районе, Станиславской области, по розыску члена центрального провода и проводника ОУН т.н. "Западных украинских земель" ("ЗУЗ") "Петро", он же "Панас";

— в Стрийском районе, Дрогобычской области, по розыску членов центрального провода шефа штаба УПА "Лыцарь";

— в Подгаецком районе, Тернопольской области, по розыску оргреферента центрального провода "Лемиш" и т.д.

Предварительные результаты реализации плана показывают, что направленная в Тернопольскую область оперативная группа МВД УССР вследствие своей малочисленности развернула работу только по ликвидации оргреферентуры центрального провода, возглавляемой "Лемишем", по розыску [же] дру-

гих членов ОУН положительных результатов не достигнуто, хотя и известны были места их вероятного укрытия.

Это дает основание считать, что в условиях, когда главари ОУН и подчиненные им референтуры тщательно законспирированы и укрываются в различных местах, розыск их необходимо вести не одной, а одновременно несколькими оперативными группами, дислоцируя их в районах вероятного укрытия главарей ОУН.

Разработка оперативной группой МВД УССР оргреферентуры центрального провода, несмотря на достигнутые результаты (арест "Арсена" и "Довбны" и др.), в целом ведется недостаточно активно.

В течение месяца УББ не добилось развернутых показаний от "Арсена" и "Довбны" о местах укрытий "Лемиша" и других членов центрального провода.

До настоящего времени точно не установлено, работал ли радиоузел "Арсена" и с кем [он] поддерживал связь.

Недостаточно уделяется внимания приобретению из числа выявленных связей "Лемиша" и "Арсена" целевой агентуры для разработки руководящего подполья ОУН.

По связям "Арсена" проведен ряд гласных арестов, в частности содержателя подпольной радиомастерской Тимкевича и др., которые могли бы быть с успехом использованы для внедрения в подполье ОУН.

В целях решительной активизации работы по вскрытию и ликвидации руководящего подполья ОУН ПРЕДЛАГАЮ:

1. Сформировать дополнительно четыре оперативные группы, возглавив их опытными оперативными работниками.

Каждой оперативной группе придать подвижной отряд войск МВД численностью 50—70 человек и спецгруппу.

2. Сформированные группы направить на розыск и ликвидацию проводника ОУН Шухевича Романа, референта "СБ" "Михайло" и проводника ОУН "Западно-украинских земель" ("ЗУЗ") Петро и шефа штаба УПА "Лыцаря".

Ранее созданную опергруппу использовать для дальнейшей разработки и ликвидации оргреферентуры, возглавляемой "Лемишем".

Места дислокации оперативных групп установить в зависимости от добытых за последнее время материалов о местах укрытия членов центрального провода.

3. Руководство работой оперативных групп в контактировке проводимых ими мероприятий возложить на начальника УББ МВД УССР.

4. В ходе разработки членов центрального провода ОУН изъятие лиц, проходящих по связи с ними, производить после того, когда будет установлено, что их невозможно использовать в оперативных целях.

5. Активизировать следственные мероприятия по делу "Ар-сена" и др. арестованных лиц из его группы. Продумать целесообразность вербовки "Грабар" и "Чеховича", как лиц, представляющих оперативный интерес.

6. Планы агентурно-оперативных мероприятий по разработке и ликвидации главарей ОУН разрабатывать ежемесячно в разрезе референтур и представлять в МВД СССР в 10 числу каждого месяца.

К этому же числу представлять докладную записку о результатах выполнения плана за прошедший месяц.

Об исполнении донести

"..." октября 1946 года.

Заместитель министра внутренних дел СССР
генерал-лейтенант В; Рясной».

Выполняя этот план, советские спецслужбы развернули планомерную охоту на подпольных руководителей ОУН-УПА, действующих на территории УССР. К июню 1945 года на учете органов НКВД западных областей УССР было 175 резидентов, 11 906 агентов и 9843 информатора. Еще большими были аналогичные масштабы работы НКГБ. Только в Станиславской (ныне Ивано-Франковская) области к июню 1946 года агентурная сеть составляла 6405 человек. Тем не менее, именно там УПА действовала очень активно и дерзко. В этом году они провели 279 акций. Около села Майдан в 18 км от Станислава бойцы сотни «Мстители» обстреляли машину командующего 38-й армией генерал-полковника (будущего маршала) Кирилла Москаленко, в которой также находился член военного совета армии генерал-майор Алексей Епишев (будущий замминистра госбезопасности СССР по кадрам и многолетний начальник Главпура Вооруженных Сил СССР). При этом были ранены водитель и два солдата охраны. Позже боевкой «Юры» был убит заместитель начальника политотдела этой же армии полковник Голубев⁴⁴.

Удачно действовали оуновцы и в других областях. 5 января 1946 года в с. Буряковцы Товстенского района Тернопольской области в засаде погибла опергруппа райотдела НКВД (23 человека) во главе с начальником майором Слепцовым.

По архивным данным, только в 1944—1945 гг. в боях с советскими войсками погибло 57 405 человек, арестовано 50 941, добровольно сдалось 15 990 человек. Тогда же погибло 82 офицера и 1295 солдат войск НКВД, 46 бойцов истребительных батальонов. В 1945—1946 гг. против ОУН было задействовано около 35 тыс. бойцов внутренних войск НКВД, 24 тыс. бойцов истребительных батальонов, 24 тыс. бойцов вооруженных групп содействия (партийно-комсомольский актив, к декабрю 1948 года их насчитывалось по всем западным областям 6343, общим чис-

лом 85 тыс. человек, с 50 тыс. единиц огнестрельного оружия), командировано 140 оперработников НКГБ, 760 оперработников НКВД, 260 курсантов школ НКВД. Кроме этого, действовали и пограничные и конвойные войска НКВД, войска по охране железнодорожных сооружений и промышленных объектов, части Львовского и Прикарпатского военных округов (52-я и 13-я армии).

Работа чекистов была отмечена наградами уже в октябре 1944 года. Орденом Кутузова 2-й степени были награждены 4 человека, в том числе заместитель Берия С. Н. Круглов, наркомы ГБ и ВД УССР С. Р. Савченко и В. С. Рясной, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени — 12 человек, в том числе генералы Бурмак и Леонтьев, орденом Красного Знамени — 42 человека, всего орденами и медалями — 889 человек⁴⁵.

Борьбой с ОУН-УПА в центральном аппарате в Москве занимались Главное управление по борьбе с бандитизмом (начальник — генерал-майор В. С. Прошин), в 1950 года переведенное в МГБ и переименованное в Главное управление оперативного розыска, а в МГБ — отдел «ДР» (диверсий), о котором еще пойдет речь.

В мае 1946 года по линии центрального аппарата МВД СССР в Западную Украину были направлены опергруппы во главе с уполномоченными МВД: Львовская область — генерал-лейтенант А. М. Леонтьев, Станиславская — генерал-лейтенант П. В. Бурмак, Тернопольская — генерал-майор В. С. Прошин, Дрогобычская — генерал-майор Калинин, Ровенская — генерал-майор И. И. Никитинский, Волынская — полковник Прокофьев. Ими был составлен план ликвидации подполья, утвержденный в июле министром внутренних дел СССР генерал-полковником С. Н. Кругловым⁴⁶.

Для того чтобы читатель получил представление о том, как проходили операции по ликвидации националистического подполья на Западной Украине, приведем следующую небольшую хронику:

22 июля 1943 года в бою около села Теремного в Суражском лесу погибли куренной Дубнивского куреня «Осип» и 19 бойцов Дубнивского и Кременецкого куреней. В декабре того же года на Правобережной Украине в бою, по словам украинского историка, «с наступающими московскими ордами» погиб начальник штаба УПА-Юг майор Иван Билик («Антон»).

В январе 1944 года погиб в бою под Уманью командир военного округа «Холодный Яр» Кость. 24 февраля 1944 года в Черном лесу Ивано-Франковской области в бою с рейдовой группой 215-го стрелкового полка внутренних войск НКВД под командованием старшего лейтенанта Евтухина погиб командующий Станиславским тактическим участком «Черный

лес» майор УПА Василь Андрусак («Резун»). На следующий день погиб командир военного округа «Заграва» Сильвестр Затовканюк («Пташка»).

В апреле погибли в бою под Гурбами на южной Волини куренные Сторчан (УПА-Юг) и Мамай (УПА-Север).

В мае под Костоподем погибли куренной Острый и краевой референт СБ ОУН на ПЗУЗ Василь Макар («Безродный», «Си-романец»), а в Винницкой области — второй шеф штаба УПА-Юг Владимир Лукашук («Крапива»), бывший шеф штаба военного округа «Южная Волянь» УПА-Север.

10 июля 1944 года в лесу Литинского района Винницкой области в бою с подразделением внутренних войск НКВД погиб Омелян Грабец («Батько»), командующий одним из двух военных округов УПА-Юг.

22 августа 1944 года в бою с подразделением внутренних войск НКВД во время перехода линии фронта в селе Гай Нижний Дрогобичского района Львовской области был убит Ростислав Волошин («Павленко», «Березюк»), один из трех членов Бюро Провода ОУН и один из руководителей УГВР⁴⁷. При этом была арестована его жена Нина Волошина («Домаха»). В том же месяце погиб в Яворском районе шеф штаба военного округа «Заграва» майор Макаренко.

30 августа 1944 года погиб бывший начальник штаба УПА на Волини и в Полесье бывший петлюровский полковник Леонид Ступницкий

В сентябре в бою погибли шеф штаба ВО «Заграва» (УПА-Север) Брысь («Остап»), областной проводник ОУН на Ивано-Франковщине Заревич («Бар»).

В ноябре и декабре погибли краевой референт в ПЗУЗ Медведь, командир команды УПА-Запад Остап Линда («Ярема»), майор Степан Новицкий («Сербии», «Спец»), проводник Перемышльского округа ОУН Микола Дутка («Остап»). 18 декабря 1944 года застрелился, будучи раненым в бою в окрестностях села Залесье Здолбуновского района Ровенской области поручик УПА Остап Качан («Саблюк»), командующий одним из двух военных округов УПА-Юг.

21 декабря 1944 года в селе Юшковичи близ Ходорова в бою с подразделением внутренних войск НКВД погиб Иосип По-зичанюк («Шугай», «Шаблюк»), один из руководителей полит-воспитательной работы ОУН-УПА, член УГВР. Вместе с ним погибли руководящие работники ОУН-УПА Борис Вильшин-ский («Орел») и Кость Цмоць («Модест»).

23 декабря 1944 года вблизи Перемышля в бою с подразделением внутренних войск НКВД погиб поручик УПА Яков Черный («Ударник»), командующий 6-м военным округом УПА-Запад «Сан». 29 декабря под Редковцами на Буковине погиб областной проводник ОУН в Черновцах Мирослав Киндзир-

ский («Боевир»). Примерно тогда же погиб областной проводник ОУН в Одесской области Корень.

Зимой 1944—1945 годов отряды УПА (отделы «Голуба», «Кравченко», «Могила», «Запорожца», «Хмары», «Хрома», «Спартак»), базировавшиеся на Тернопольщине, провели несколько рейдов на территории Каменец-Подольской области, и имели 79 вооруженных столкновений с войсками НКВД. Тогда был взят в плен чекистами оргреферент Каменец-Подольского провода ОУН, бывший куренной «Быстрый» (Я. Билинский)⁴⁸.

В декабре 1944 года в Тернопольской области были убиты в боях с войсками НКВД командир бригады УПА-Юг «Галайда» (Г. Решетило), куренные «Паливода», «Панько», «Роман», «Гук» (Ф. Матвийчук).

В январе 1945 года был захвачен спецгруппой НКГБ, действовавшей под видом бойцов УПА, Олександр Луцкий («Беркут»), организатор Украинской национальной самообороны на Галичине, первый командующий УПА-Запад. Расстрелян в ноябре 1946 года.

26 января 1945 года работниками НКГБ захвачен больной тифом и раненый Юрий Стельмашук («Рудый»), командующий военным округом «Завихост» УПА-Север. 6 августа 1945 года, несмотря на оказанную им помощь чекистам, он был приговорен к расстрелу.

12 февраля 1945 года в селе Суск Костопольского района Ровенской области в бою с подразделением 223-го особого стрелкового батальона внутренних войск НКВД погиб полковник УПА Дмитро Клячковский («Клим Савур», «Охрим»), командующий УПА-Север и краевой проводник ОУН на Северо-Западных украинских землях. Местонахождение «Клима Савура» выдал Стельмашук, а операцией руководил замнаркома НКВД СССР генерал-майор Тимофей Строкач⁴⁹.

В марте погиб областной проводник ОУН в Подолии Зенон Голуб-Богдан. 5 марта на хуторе Линюв Локачевского района Волынской области погиб в укрытии, окруженный спецгруппой НКВД вместе с большой группой руководителей ОУН-УПА Михайло Медведь («Карпович», «Кременецкий»), начальник штаба УПА-Север. По другим данным, он погиб 4 июня 1945 года, будучи начальником отдела ГВШ, в районе Перемышль-Полуряны Львовской области.

В мае погибли шеф разведки УПА-Север Митла, командир военного округа «Говерла» майор Колчак, хорунжий Иван Климишин («Крук»).

В июне 1945 года был взят в плен член Провода ОУН Петро Дужий («Марко», «Виталий»)⁵⁰.

4 июля 1945 года выкурены из укрытия братья Микола и Петро Дюжие. Микола Дюжий («Вировый») — сотник УПА, секретарь Президиума УГВР, был осужден на 20 лет и вышел

на свободу только в 1955 году. Петро Дюжий («Арсен») — референт пропаганды Провода ОУН, член Провода ОУН, был осужден на 25 лет и освобожден в 1960 году.

19 июля 1945 года в селе Клещевка Рогатинского района Ивано-Франковской области в бою со спецгруппой НКВД погиб майор УПА Василь Брылевский («Боровый», начальник штаба УПА-Запад).

В августе погиб областной проводник ОУН в Закрпатье Клемпуш («Лопата»).

15 сентября 1945 года в бою с подразделением внутренних войск НКВД в селе Бишки Козивского района Тернопольской области погиб Яков Бусел («Галина»), начальник политвоспитательного отдела Главного штаба УПА.

19 декабря 1945 года во время перехода чехословацко-немецкой границы захвачен чешскими пограничниками майор УПА Дмитро Грицай («Перебийнос»), начальник главного штаба УПА. Покончил с собой в Пражской тюрьме 22 декабря 1945 года. Бывший вместе с ним Дмитро Маевский («Тарас»), заместитель руководителя Бюро Провода ОУН и политический референт Бюро Провода, застрелился при аресте.

В тот же день в селе Бесиды Жовковского района Львовской области в бою со спецотрядом НКВД погиб Дмитро Слюзар («Золотар»), краевой проводник ОУН Львовского края.

В 1946 году захвачен живым работниками МГБ Омелян Полевый («Очеред»), поручик УПА, командующий 3-м военным округом УПА-Запад «Лисоня», сотрудник краевого штаба УПА-Запад. Он был осужден на 25 лет и вышел на свободу лишь в 1971 году.

15 января 1946 года в бою со спецгруппой НКВД, действовавшей под видом группы бойцов УПА, был ранен и захвачен живым поручик УПА Федор Воробец («Верещака»), командующий военным округом УПА-Север «444» и краевой проводник Восточного края «Одесса». Он был осужден на 25 лет тюремного заключения и умер в 1959 году в Иркутской области.

17 февраля 1946 года в бою с подразделением внутренних войск НКВД в селе Молотничи Жидачевского района Львовской области погиб Петро Олейник («Эней»), проводник ОУН Восточного края «Одесса».

В марте 1946 года в лесу Бережанского района Тернопольской области вместе с женой погиб в бою с подразделением внутренних войск НКВД Иван Шанайда («Данило»), краевой проводник Подольского края.

30 октября 1946 года погиб вместе с женой, штабом и охраной в перестрелке со спецгруппой майора Арсентия Костенко в районе села Липы Ярослав Мельник («Роберт»), краевой проводник ОУН Карпатского края. Его укрытие указал чекистам

арестованный ими следователь референтуры СБ провода «Карпаты-Запад» Дмитро Ребрик («Лиман»).

18 декабря 1946 года выкуранный из укрытия, попал живым в руки работников МГБ Василь Левкович («Вороний»), полковник УПА, командующий 2-м военным округом УПА-Запад «Буг». Он был осужден на 25 лет и освобожден в 1961 году.

В июне 1947 погибли в боях окружной проводник ОУН на Станиславщине Михайло Хмель-Всеволод и референт СБ в Подолии Мирослав Вовк.

17 июля 1947 года в бою с ротой внутренних войск МВД, пробиваясь из окружения, в Козловском районе Тернопольской области погиб майор УПА Владимир Якубовский («Бондаренко»), командующий 3-м военным округом УПА-Запад «Лисоня».

В августе 1947 года на территории Чехословакии живым захвачен сотник УПА Иван Белейлович («Дзвинчук»), руководитель группы курьеров. Позднее передан чехословаками МГБ СССР.

3 августа 1947 года в селе Телячье Подгаецкого района Тернопольской области в укрытии после часового боя со спецгруппой НКВД погиб Осип Беспалко («Остап»), краевой проводник ОУН Подольского края и командующий 3-м военным округом УПА-Запад «Лисоня».

17 сентября 1947 года близ местечка Духна на Любачевщине (Польша), окруженный спецотрядом польской госбезопасности, взорвался в бункере Ярослав Старух («Стяг»), член Провода ОУН и проводник Закерзонского края (Польша).

В тот же день был захвачен живым Петро Федорив («Дальнич»), краевой референт СБ Закерзонского края. Расстрелян в 1950 году в Варшаве.

2 марта 1948 года органами польской госбезопасности во Вроцлаве арестован Мирослав Онышкевич («Орест»), майор УПА, командующий 6-м военным округом УПА-Запад «Сан». Расстрелян 6 июля 1950 года.

12 августа 1948 года в Долинском районе Ивано-Франковской области сдался, окруженный оперативной группой МГБ, Степан Янишевский («Далекий»), краевой проводник Восточного края «Одесса». Осужден в Ровно и расстрелян.

4 ноября 1948 года в бою со спецотрядом МВД на территории Львовской области погиб Зиновий Тершаковец («Федир»), краевой проводник ОУН Львовского края, командующий 2-м военным округом УПА-Запад «Буг». Тогда же на Львовщине погибли в бою референты СБ полковник Ярослав Дякон и Степан Прокопив.

8 февраля 1949 года в бою со спецгруппой МГБ около села Петушки Острогского района Ровенской области погиб, покончив самоубийством, майор УПА Микола Козак («Смок»),

заместитель краевого проводника ОУН на Северо-Западных украинских землях. Там же была захвачена подпольная типография краевого провода ОУН (90 тыс. страниц печатных материалов).

14 апреля 1949 года вместе с женой Надеждой Романовой погиб в бою со спецгруппой МГБ (14 человек) в укрытии около села Перегинское Ивано-Франковской области Василь Сидор («Шелест», «Ростислав», «Вышитый», «Лесовик»), краевой командир УПА-Запад, член Провода ОУН, краевой проводник ОУН Карпатского края, генеральный судья ОУН⁵¹.

В августе погиб в бою с войсками МГБ в Дрогобычской области член штаба УПА-Запад майор Василь Мизерный-Рен.

В сентябре погиб окружной проводник ОУН на Станиславщине Михайло Микитюк.

9 ноября 1949 года в перестрелке с чехословацкими жандармами погиб Степан Стебельский («Хрин»), командующий Дрогобычским тактическим участком УПА «Макивка». В свое время он командовал сотней УПА «Ударники-5», уничтожившей 28 марта 1947 года заместителя министра обороны Польши генерала Кароля Сверчевского.

В декабре погиб референт СБ в Карпатском крае Мытар.

Весной 1950 года захвачен опергруппой МГБ в спецукрытии Григорий Голяш («Бей»), руководитель спецсвязи Провода ОУН и руководства УПА во Львове (явка была в пивной). При аресте пытался застрелиться. Весной 1951 года покончил с собой, выбросившись из окна 4-го этажа львовской тюрьмы.

5 марта 1950 года на своей подпольной квартире спецгруппой МГБ в бою был убит главнокомандующий УПА Роман Шухевич.

О нем стоит рассказать подробнее. Роман Шухевич родился 7 июня 1907 года. С шестого класса гимназии стал подпольщиком Украинской войсковой организации (УВО). В 1926 году по решению УВО он убил польского школьного куратора Собиньского, проводившего политику полонизации украинских гимназий. В 1932 году окончил Львовский политехнический институт. В 1929 году вступил в ОУН, в 1933—1934 годах был референтом Краевой Экзекутивы ОУН. В 1933 году организовал нападение на консульство СССР во Львове, во время которого был убит консул Андрей Майлов, за что в следующем, 1934 году был заключен поляками в тюрьму. Амнистирован в 1938 году. В 1938—1939 гг. был старшиной в штабе Карпатської Сечи, а в 1939—1941 гг. в Проводе ОУН отвечал за организацию подпольной сети на западноукраинских землях. В 1941 году как командир Украинского легиона участвовал во взятии Львова. В августе 1943 года избран председателем Бюро Центрального Провода ОУН. С осени 1943 года командующий УПА. В июне 1944 года на подпольном 1-м «Великом собрании» УТВР избран председателем

Генерального Секретариата УГВР. Активно занимался лыжным спортом и футболом.

После войны Шухевич, в отличие от своих соратников не возлагавший надежд на войну США и Англии против СССР, разработал, в целях дальнейшей борьбы, схемы «Дажбог» (сбережение кадров и глубокая конспирация), «Орлик» (создание позиций на Восточной Украине) и «Олег» (подготовка молодежного резерва подполья).

В советских органах госбезопасности ему присвоили псевдоним «Волк». Его поисками занялось созданное в январе 1947 года Управление «2-н» МГБ УССР, 1-й отдел которого вел розыск вожakov ОУН. Около 700—800 оперативников охотились на Шухевича. Для разработки Шухевича были завербованы его знакомый адвокат Горбовой и один из его связных, футболист львовского «Динамо».

Семья Шухевича подвергалась преследованиям. Были сосланы его родители и сестра, расстрелян брат, арестована жена, дочка и сын отправлены в специальный детдом.

27 июня 1945 года его жена Наталия Шухевич-Березинская вместе с матерью, сыном Юрком и дочкой Марией в селе Беличи Старосамборского района была арестована чекистами, а затем «отбита» у них спецгруппой НКВД, действовавшей под видом бойцов УПА. Наталию повели по легендированным бункерам, но никаких сведений о муже она не сообщила, и снова была «отбита», уже у «повстанцев». В 1947 году была осуждена к 10 годам тюрьмы.

Женщины-активистки ОУН, уже упоминавшаяся Галина Дидык и Ольга Илькив («Роксолана»), вдова погибшего в 1947 году стрыйского районного проводника ОУН, скрывали Шухевича в разных местах, например, в бункере под печью в доме на улице Сулимирского, 4, во Львове, в Рогатинских лесах, на конспиративной квартире в селе Княгиничи Букачевского района на Станиславщине. Шухевич, заработавший в подполье миокардит, гипертонию и ревматизм, по фальшивым документами лечился в львовских клиниках. Обеспечивала его медикаментами Любовь Микитюк — невеста члена центрального провода ОУН Петра Федун, сотрудница Львовского мединститута. Вместе с Галиной Дидык в июне 1948 года и июле 1949 года Шухевич дважды лечился на Лермонтовском курорте в Одессе, по курсовкам на имя учителя Ярослава Полевого и Анны Хомяк (на процедуры они брали с собой яд и по очереди прятали пистолет).

Всего за 6 лет, с 1944-го по 1950 год, Шухевич сменил не менее 15 штаб-квартир. С осени 1944-го по весну 1945-го жил в селе Августовка Бережанского района Тернопольской области, затем до августа того же года скрывался в селе Рай в том же районе в хате Антонины Гладчук. В конце августа чекисты вышли

на след главкома УПА, но в селе Рай им удалось захватить только адъютанта Шухевича «Артема» («Назара»), который неудачно пытался застрелиться. Находившаяся с ним вместе в хате проводница округа Легета отравилась. Шухевич же скрылся в селе Пуков Рогатинского района Станислалавской области, и перезимовал там у местной учительницы зиму 1945/1946 г. С октября 1946-го по сентябрь 1947 года Шухевич скрывался в селе Княгиничи того же района, откуда перебрался в село Гримное, около местечка Комарно на Львовщине, но уже через 10 дней уехал во Львов, где прожил зиму в особняке на улице Кривой у уже упоминавшейся Галины Дидык. Во Львове же с января по март 1948 года он жил на Мариупольской улице у подпольщика Григория Голяша. На эту квартиру чекисты тоже пришли с опозданием, 27 апреля, когда Шухевич уже жил в селе Белгороща. Голяш был арестован, покончил самоубийством уже в тюрьме Львовского управления МГБ, выбросившись из окна. Шухевич же поселился в Белгороще в доме незамужней учительницы Нюси Конюшик вместе с Галиной Дидык и двумя охранниками-связными⁵².

В марте 1950 года во Львове была арестована связная Шухевича Дарья Гусяк (ранее в селе Дегови была арестована ее мать), пользовавшаяся его доверием (она выезжала в Москву для установления связи с посольством США, в Киев для организации планировавшегося взрыва памятника Ленину, и в Полтаву с той же целью в отношении памятника Петру I). Она стойко держалась на допросах, но доверилась соседке по камере «со следами насилия на лице», которая сидела по «пустяковому делу» и подлежала скорому освобождению. Девушка назвала ей последние псевдонимы Шухевича — «Батько» и «Старый», передала ей записку для Наталии Хробак (сестры учительницы Конюшик) из села Белгорощи Брюховицкого района Львовской области и рассказала, как ее найти. «Соседка» была агентом МГБ «Розой» (она же «Астра»), а «следы насилия» — гримом.

Был разработан «План чекистско-войсковой операции по захвату или ликвидации "Волка"». Силами оперативных резервов 62-й стрелковой дивизии внутренних войск МГБ, штаба Украинского пограничного округа львовского управления милиции в количестве 600 человек было блокировано село Белгороща, соседние хутора, западная околица села Левандувка и лесной массив. Операцией руководил оперативный штаб в составе замминистра ГБ УССР генерал-майора Виктора Дроздова, начальника отдела «ДР» МГБ СССР генерал-лейтенанта Павла Судоплатова, начальника ВВ МГБ Украинского округа генерал-майора Фадеева и начальника УМГБ Львовской области полковника Майструка.

5 марта 1950 года 8-я рота 10-го стрелкового полка 62-й дивизии блокировала несколько домов, в который мог быть Шу-

хевич. Выскочивший из дома Наталии Хробак с криком «Романе, тикай!» ее сын Данило был задержан и допрошен группой под руководством капитана Пикмана. Мальчик показал им в центре села дом своей сестры Анни Конюшек, домработница которой по приметам была похожа на Галину Дидык. Группа солдат и оперработников Управления 2-н и УМГБ пошли к этому дому, двери им открыла женщина, назвавшаяся Стефанией Кулик, в ней опознали Дидык. Ей было предложено выдать Шухевича, она отказалась. При обыске у нее отобрали пистолет, но она успела принять стрихнин и была доставлена в реанимацию. Шухевич, находившийся в оборудованном сверху деревянном коробе, прикрытом ковром (в доме были радиопередатчик, печатная машинка и оружие, свою охрану, 11 человек во главе с Михаилом Зайцем — «Влодком» он за день до того отпустил в Карпаты), попытался вырваться из дома и начал стрелять, убив при этом начальника отделения Управления 2-н МГБ УССР майора Ревенко. Подбежавший сержант Полищук очередью из автомата застрелил Шухевича (смертельное ранение в голову).

По одной из версий, Шухевич не стрелял, а набросился на майора Ревенко, шедший за майором солдат растерялся и выстрелил в Шухевича, и также случайно застрелил майора. По версии современных украинских исследователей Юрия Шаповала и Дмитрия Веденеева, подробно, по документам, описавших историю гибели командарма УПА, он сам успел застрелиться из пистолета системы «Вальтер». Этой версии способствуют имеющиеся в документах МГБ расхождения, несколько ран на теле Шухевича, которого планировалось взять живым, и отсутствие правительственных наград за операцию, кроме награжденного 1000 рублей сержанта. Было также захвачено большое количество документов, секретных инструкций ОУН и т.д.⁵³

Галина Дидык («Анна»), руководительница «Украинского Красного креста» на Западно-украинских землях и ближайшая помощница Шухевича, была осуждена на 25 лет заключения, освобождена в 1971 году, умерла в 1979-м.

28 ноября 1950 года в окрестностях села Великополе Яворовского района Львовской области погиб в бою со спецгруппой МГБ Осип Дякив («Горновый», «Наум»), проводник Львовского края, член Провода ОУН, заместитель главы УГВР.

13 декабря 1951 года около села Сваричев Рожнятовского района Ивано-Франковской области погиб сотник УПА Ярослав Косарчин («Байрак»), на момент гибели — краевой проводник ОУН Карпатского края.

22 декабря 1951 года вместе с краевым проводником ОУН Львовского края и организационным референтом ОУН «Петром» — Романом Кравчуком-Степовым в бункере в окрестностях села Букачевцы Рогатинского района Ивано-Франковской

области погиб Петро Федун («Петро Полтава», «Север»), руководитель Бюро информации УГВР, член УГВР, заместитель главы генерального секретариата УГВР, член Провода ОУН, майор УПА.

19 января 1952 года, окруженный в схроне спецгруппой МГБ, погиб в бою Иван Литвинчук («Дубовый»), проводник ОУН Западного края «Москва» («Днипро»), командующий УПА-Север в звании майора, заместитель проводника ОУН на Северо-Западных украинских землях.

22 января 1952 года выкурен из укрытия работниками МГБ Евгений Пришляк («Ярема»), краевой проводник ОУН Львовского края. Осужден на 25 лет, освобожден в 1977 году.

В феврале 1952 погиб в бою публицист и поэт Михайло Дяченко. В марте в бою погиб подпольный художник Нил Хасевич (оба — руководящие деятели ОУН на ПЗУЗ).

В мае 1952 года в селе Чернихов Зборовского района Тернопольской области погиб Василь Бей («Улас»), проводник ОУН на Средне-Восточных украинских землях (ОСУЗ), член Провода ОУН. До этого еще 8 февраля 1951 года он был арестован в Виннице вместе с надрайонным проводником Демчуком в ходе чекистской операции, дал согласие на перевербовку, однако, вернувшись в подполье, продолжил бандитскую деятельность.

5 октября 1952 года захвачен в засаде работниками МГБ Василь Охримович («Грузин»), проводник ОУН Карпатского края. Приговорен к расстрелу военным трибуналом 19 мая 1954 года.

11 июня 1953 года в Кременецких лесах спецгруппой НКВД живым захвачен Василь Галаса («Орлан»), проводник ОУН на Северо-Западных украинских землях, член Провода ОУН. План по его ликвидации был разработан министром внутренних дел СССР в марте-июне 1953 года Павлом Мешиком, он же планировал легализовать униатскую церковь и создать легальный центр ОУН во главе с бывшим товарищем председателя Центральной Рады Миколой Шрагом, в 1924 году вернувшимся на Украину, в 1931 году осужденным, затем амнистированным, ставшим профессором экономики во Львове⁵⁴. Галаса был осужден и вышел на свободу в 1960 году.

В том же году погиб член команды УПА-Запад сотник Хмара.

В январе 1954 при попытке захвата в селе Склилив Брюховецкого района Львовской области покончила с собой референт пропаганды краевого провода ОУН Л. Гаевская («Рута», ранее 4 раза задерживалась органами МВД, но каждый раз ей удавалось бежать).

19 мая 1954 года в своем схроне на горе Березовичке юго-восточнее села Зеленого Надворнянского района в Карпатах погиб вместе с женой Ольгой Герасимович Микола Твердохлиб

(«Грим»), командующий 4-м военным округом УПА-Запад «Го-верла», руководитель СБ Карпатского края, проводник ОУН на Западно-украинских землях.

24 мая 1954 года был арестован вместе с женой последний член центрального провода ОУН на Украине Василь Кук. Кук родился во Львовской области в январе 1913 года, стал юристом в Люблинском университете, где и познакомился с будущим главой ОУН Степаном Бандерой. Он сидел в польских тюрьмах, с апреля 1941 года был начальником центрального штаба походных групп, командиром УПА-Юг в Ровенской области, заместителем Шухевича, последним командующим УПА.

6 лет он сидел в тюрьмах КГБ в Киеве и Москве, с ним работали чекисты, об этом недавно написал полковник в отставке Григорий Санников⁵⁵.

Осенью 1960 года появилось «Открытое письмо В. Кука к Ярославу Стецько, Миколе Лебедю, Степану Ленкавскому, Дарье Ребет, Ивану Гриньоху, ко всем украинцам, проживающим за границей». Тогда же Кук был освобожден, работал в центральном госархиве УССР, Институте истории АН, в комбинате «Бытреклама». В 1986 вышел на пенсию, сейчас живет в Киеве.

В 1956 в Ивано-Франковске был схвачен и расстрелян районный референт СБ Довбуш.

Сами историки ОУН-УПА, националистически настроенные, считают окончанием вооруженной борьбы 1955 год (арест Дмитра Синяка и Дмитра Верхоляка) или 1956 год (участие украинских вооруженных групп в венгерском восстании).

Таким образом, к середине 50-х годов оуновское подполье на территории Украинской ССР было полностью разгромлено. Если к апрелю 1952 года на Западной Украине действовал 71 провод ОУН (160 чел.), 84 боевые группы (252 чел.) и отдельные «боевки» (647 чел.), то к ноябрю 1953 года соответственно 15 проводов (40 чел.), 32 подпольные группы (164 чел.), 106 отдельных боевиков⁵⁶. В 1954 году оуновцы провели всего 13 акций, включая 7 терактов. К марту 1955 года в западной Украине было 11 боевых групп (32 чел.), 17 боевиков-одиночек, в розыске — 500 нелегалов.

Ликвидация оуновских главарей проводилась и другими путями. В конце 1945 года органы НКВД сумели скомпрометировать референта пропаганды Станиславского окружного провода ОУН «Аскольда» (П. Головка) и командира куреня «Летуны» группы УПА «Говерла», которых и убили свои же товарищи по оружию.

Начиная с 1948 года главное значение в борьбе против ОУН-УПА получили не чекистско-войсковые операции, как ранее, а ликвидация банд с помощью засланной заранее агентуры, захват подземных бункеров и схронов, деятельность спецгрупп

МГБ, действовавших под видом бандеровцев. Оуновцы связывали новую тактику «Советов» с новым министром госбезопасности СССР. Им в августе 1949 года стал генерал-лейтенант Николай Кузьмич Ковальчук, во время войны — руководитель фронтовых «Смерш», в 1946-1949 гг. возглавлявший органы МГБ в советской зоне оккупации Германии и по совместительству бывший заместителем министра госбезопасности СССР. Сосредоточение всей борьбы против ОУН-УПА в МГБ началось еще раньше, что вызывало недовольства руководителя МВД СССР генерал-лейтенанта Тимофея Амвросиевича Строкача, обращавшегося по этому поводу лично к Хрущеву, в то время — 1-му секретарю ЦК КП(б)У

Спецгруппы НКВД—НКГБ—МГБ действовали с августа 1944 года, с осени 1946 года они назывались «агентурно-боевыми». Группы создавались из взятых в плен и перевербованных бойцов УПА. Командир одной из таких групп, начальник отделения отдела борьбы с бандитизмом Тернопольского УНКВД майор Соколов, в период с марта 1945-го по январь 1946 год уничтоживший несколько десятков оуновцев, был представлен к званию Героя Советского Союза (правда, не получил его)⁵⁷.

Группы часто возглавлялись бывшими оуновцами. На Волыни действовали спецгруппы во главе с бывшими куренными УПА «Максимом Вороном» (Петр Власюк), «Соколенко» (Василий Левочко), бывшим шефом связи областного провода ОУН «Комаром» — Иосифом Кравчуком и др. Ими был уничтожен уже упоминавшийся начальник штаба УПА «Карпович» и другие командиры УПА. Власюк был представлен к ордену Красного Знамени, Кравчук — к ордену Отечественной войны 1-й степени⁵⁸.

Уже к июню 1945 года в западных областях УССР действовало 156 таких групп (1783 человек). Ими широко применялся ле-ендированный допрос, под видом сотрудников оуновской Службы безопасности (СБ). Вот как описывает эти события полковник милиции в отставке Николай Перекрест, в то время — боец такой группы:

«Создавались мобильные группы, которые под видом бандеровцев уходили в свободный поиск. Если натыкались на боевку (так бандеровские отряды назывались) — уничтожали. Очень эффективно. Не было такого шума, как при общевоинских операциях. Или еще — "вертушки". Это такая спецоперация, чтобы дать подозреваемому проявить себя. Везут задержанных, по дороге под видом бандеровцев на конвой "нападают" наши же сотрудники, знающие украинский язык. Разыгрывали натурально — внезапно, жестко. Для достоверности могли конвоиру и прикладом врезать. А подозреваемых везут не в наручниках и не связанными. Нападающие делают вид, что всех воспринимают как одну компанию: "Ага, попались, мос-

калики!" Наши молчат, готовясь достойно встретить "последний час", а те бьют себя в грудь: "Так мы ж свои, хлопцы!" А хлопцы "не верят": "А у кого работал? А какой он из себя? В каких операциях с ним участвовал? А кто про тебя сказать может? Ну ладно, живи пока". Или водили по лесу: ну-ка, если ты наш, должен знать схроны. Не знаешь — значит, опер, а ну "до гиляки"! Это значит: "на ветку", повесить. Те еще выпаливают фамилии, адреса, о своих делах рассказывают. Потом имитировали расстрел "краснопогонников", так они называли военнослужащих НКВД, и... в лес. А через какое-то время нарываются на наш патруль. Стрельба, погоня, и пленный снова попадает к "москалям". Только знают о нем уже гораздо больше. Очень тонкая игра. Там у нас был свой "момент истины"⁵⁹.

Аналогичная операция была проведена в январе-марте 1945 сотрудниками УНКВД Черновицкой области. Взятые в плен в бою руководители ОУН на Буковине «Федор» — Мирослав Гайдук и «Мотря» — учительница Артемизия Галицкая отказались дать следствию показания о структуре и кадрах подполья. Была разработана операция по «побегу» «Мотри» из больницы, где она находилась после ранения. Чекисты подполковник Беленко (зам. начальника управления), начальник оперативного отделения старший лейтенант Гончаренко и оперуполномоченный старший лейтенант Гусак, действовавшие под видом соответственно руководителя СБ «Тараса», референта СБ «Ивана» и подпольщика «Стецько», с помощью врача Булевского (врача в отряде Д. Медведева, также выдавал себя за оуновца) перевезли «Мотрю» из больницы на квартиру. Далее чекисты под видом сотрудников оуновской СБ начали жесткие допросы «Мотри», якобы подозреваемой в провалах. Использовался метод «добраго» и «злого» следователей («Стецько» и «Иван» соответственно). В результате стало известно о переговорах между ОУН и правительством Румынии о совместной борьбе с СССР, от «Мотри» стали известны данные на 242 члена ОУН, а также и личного состава куреня УПА, оуновцев из других областей численностью более 600 чел. Были проведены чекистско-войсковые операции, в ходе которых арестовано 99 и убито 128 человек⁶⁰.

Опубликованные в последние годы, в том числе и в российской прессе (в частности, в «Общей газете» в 2000 году), документы говорят и о массовых пытках бойцами спецгрупп людей, заподозренных в принадлежности к ОУН-УПА, выбивании из них показаний, зачастую ложных, грабеже населения. Министр ГБ УССР генерал-лейтенант Сергей Романович Савченко заявил по этому поводу военному прокурору, что нельзя посылать боевки в лес с консервами из-за возможной расшифровки. Датированная февралем 1949 года докладная записка военного прокурора войск МВД Украинского округа полковника юстиции Кошарского Хрущеву приводит многочисленные факты

таких действий спецгрупп МГБ в Ровенской и Тернопольской областях⁶¹.

Всего в 1944-1953 гг. УПА-ОУН было проведено 14 424 акции (из них 5099 терактов и диверсий, 457 нападений на истребительные батальоны и группы охраны порядка, 1004 поджога колхозов, совхозов, МТС, сельсоветов, школ, клубов). Убито 30 тыс. партийных и советских работников, специалистов, мирных граждан, из них 329 председателей сельских советов, 231 председатель колхоза, 436 работников райкомов партии, служащих районных организаций и активистов, а также 50 священников.

Погибло более 25 тыс. сотрудников органов госбезопасности и внутренних дел, солдат и офицеров Советской армии. Оуновцы же с 1944-го по 1952 год потеряли убитыми более 153 тыс. человек, арестовано более 1434 тыс. человек⁶².

Вот последние данные о жертвах оуновского террора, по недавно опубликованным донесением командиров воинских частей и соединений Прикарпатского и Львовского военных округов и военных комиссариатов Львовской области:

«В ночь на 20 сентября 1945 года в селе Глубочек бандиты захватили военнослужащих 167-й сд рядовых Козака и Котина. Захваченные подверглись пыткам. У красноармейца Котина бандиты оторвали ухо, выкололи глаз, топором разрубили челюсть, руки и ноги обожгли огнем...

В мае 1946 года в селе Мильск Рожищинского района Волынской области 7 бандитов, одетых в красноармейскую форму, замучили председателя сельсовета Романюка и участкового милиционера Столярчука. Бандиты выкололи им глаза, искололи кинжалами, прикладывали к телу каленое железо, били шомполами...

В ночь с 5 на 6 июля 1948 года бандиты убили звеньевую колхоза "Леси Украинки" (Львовская область) Регету Марию Антоновну, 1918 года рождения, депутата сельского совета. После убийства бандеровцами в 1947 году председателя колхоза она исполняла его обязанности. Бандиты неоднократно предупреждали ее о прекращении активности и выходе из колхоза. Ночью с 5 на 6 июля, постучав в ее дом и назвав себя представителями МВД⁶³, набросили на нее петлю и, вытащив в огород, расстреляли».

Но и мир, наступивший на Западной Украине в середине 1950-х годов, не стал окончанием многолетней войны между украинскими националистами и советской властью, так как находившиеся на Западе лидеры ОУН по-прежнему продолжали свою антисоветскую и террористическую деятельность. На самой Украине в 1954-1959 гг. было проведено 156 терактов и покушений, органы КГБ ликвидировали 183 националистические группы, в Ровенской, Станиславской, Волынской и Тернополь-

ской областях прошло 14 открытых процессов (51 подсудимый, 24 человека приговорено к расстрелу).

Борьба против ОУН-УПА велась не только в СССР, но и в Польше.

С самого начала вооруженной борьбы ОУН-УПА ставили своей целью «очищение» западные области Украины от поляков. Приведем свидетельства из документов:

«Боевики расстреливали, вешали, сажали на колы, жгли живьем, рубили на куски топорами, топили в прорубях, забивали колодцы трупами уничтоженных ими людей. Сотни сел и хуторов превратили они в сплошные кладбища. Подсчитано, что украинские националисты уничтожили почти 40 тыс. поляков. Настоящий геноцид подтверждают и многочисленные показания взятых в плен частями Красной Армии бандеровцев.

Васюк (кличка Голуб):

"...В июне 1943 г. вместе с отрядом совершал налеты на польские села. Грабили и убивали польское население. В ноябре 1943 года отряд совершил нападение на села Старики, Вязовку, Угла. Все жители были убиты. Имущество, скот, хлеб взяты. Хаты и трупы убитых сожжены. Всего отрядом в этих селах убито 1500 поляков всех возрастов".

Пашковский:

"...С отрядом в 200 чел. в октябре 1943 года в одном из сел зарезали и задушили 10 человек польских партизанских семей, в их числе были женщины, дети, старики. При истреблении подвергали пыткам: резали ножами, а потом душили веревкой при помощи деревянной палки..."

"...Ночью 4 апреля 1944 года боевка численностью свыше 50 чел. осуществила ликвидацию польского села Зады. Акция началась с окружения села. Основная группа боевиков во главе с комендантом ворвалась в центр села. В одном доме забаррикадировалось около 25 молодых людей. На наши требования двери не открыли. Даем серию выстрелов и поджигаем дом. В доме слышались выкрики: бери топор, бери вилы, бери лопату. Они начали выскакивать из горящего дома — мы их расстреливали... Сожжены все польские хозяйства, школа. Убито 30 мужчин и 5 женщин. Незвестное число людей сгорели в огне..."⁶⁴.

Все это, естественно, сразу же вызвало противодействие со стороны польских националистических вооруженных формирований, чьи методы, впрочем, мало чем отличались от методов ОУН-УПА.

Войска польского коммунистического правительства также действовали против ОУН-УПА, вместе с советскими войсками. Численность бойцов УПА на территории Польши, по польским данным — 27 боевых формирований, включавшие в себя около 5 тыс. человек, по другим, украинским, данным около 1500 человек.

На территории Польши в соответствии с общим планом дислокации групп и отрядов ОУН-УПА был образован 6-й военный округ УПА «Сан», состоявший из трех тактических участков: №26 — «Лемко» (Лемковщина и район Перемышля), №27 — «Бастион» (Любачев, Ярослав, Томашев), №28 — «Данылив» (Грубешов, Холмщина), объединявших 4 куреня («Рен» — сотни «Хрина», «Стаха», «Бира» и «Бродича», «Байда» — сотни «Бурлаки», «Громенко», «Крылача» и «Ластивки», «Зализняк» — сотни «Калиновича», «Крука», «Шума» и «Тучи», «Беркут» — сотни «Бриля», «Чауса», «Давыда», «Дуды» и «Яра»)⁶⁵. Также с мая 1945 года в районе Холма и Бела Подляска действовали сотни «Галайда», «Кочевники» и сотня Шумского (все из военного округа «Буг» на Восточной Украине). Рейд первых двух сотен был недолгим, а сотня Шумского оставалась в Польше до 1947 года⁶⁶.

Все эти отряды действовали в основном вдоль новой советско-польской границы на юго-востоке Польши. Они совершали многочисленные нападения на органы власти, налеты на поезда, грабежи и убийства. Наиболее известны две из них. Во-первых, это нападение из засады банды УПА на солдат Войска Польского в местечке Варенж 28 августа 1947 года. Тогда в результате взрыва мин на шоссе и пулеметного обстрела автомашин погибло 19 и ранено 35 солдат. Другой удачной акцией УПА стала гибель в засаде, устроенной сотней «Хрина» (по другим данным, «Бира»), вице-министра национальной обороны Польши генерал-полковника Кароля Сверчевского, кадрового командира Красной Армии. Вместе с генералом погибли 28 марта 1947 года подпоручик Крысинский и два солдата.

Захваченные в плен советскими войсками бойцы сотен «Хрина» и «Стаха» были переданы польской стороне, на процессе в мае 1948 года в Варшаве был осужден 21 боевик УПА, из них 9 к расстрелу: Ярослав Билоус («Шур»), Владимир Борович («Черный»), заместитель командира сотни «Крылача» по политиковоспитательным вопросам Остап Бревка («Клим»), Петро Геча («Белый»), Стефан Гамерский («Боевчик»), Петро Олекса («Убич»), Степан Сова («Хмара»), Андрей Теник («Яливец»), Эмиль Войцеховский («Белый»). 28 августа 1948 года они были расстреляны. 8 бойцов сотни «Стаха» и 4 из сотни «Хрена» приговорены к многолетнему заключению.

По мнению современных украинских историков, генерал Сверчевский был убит случайно, а целью засады была месть бойцам польской маневренной группы, ранее, 22 января 1947 года, уничтоживших госпиталь с находившимися там и оказавшими вооруженное сопротивление ранеными солдатами УПА⁶⁷. Есть также версия о причастности к смерти Сверчевского советских органов МГБ, которую выдвигал польский профессор-историк Ю. Стройновский, ссылавшийся на секретное донесе-

ние заместителя Сверчевского по политико-воспитательным вопросам подполковника Петра Шемберга, умершего в 1958 году. За плохую организацию охраны генерала и нарушение военной тайны командир 8-й пехотной дивизии полковник Белецкий и командир 34-го пехотного полка подполковник Герхард получили строгие взыскания⁶⁸.

Сразу после гибели Сверчевского в засаду, устроенную сотней «Бира», попали бойцы 4-й маневренной группы 37-го участка Войск охраны границы. Погибло 6 офицеров, 11 солдат и комендант пункта милиции Ян Дупляк. Нападение было совершено во время передислокации группы, причем командованию УПА был известен приказ о передислокации⁶⁹.

По данным польских источников, решением Политбюро ЦК ППР от 17 июня 1946 года польскими органами ГБ создавались специальные группы, действовавшие против бандеровцев, преодетые в форму УПА. В 5-м военном округе польской армии в Жешувском воеводстве в каждой дивизии имелось 5, а в бригадах — 3 таких группы (от 20 до 30 человек). Курировали их советские офицеры-инструкторы. Например, указания начальника разведотдела опергруппы 5 военного округа подполковника Евченко: «Любое встреченное подозрительное или вооруженное лицо должно считаться бандитом. Необходимо, в первую очередь, попытаться взять его живым, а при отсутствии такой возможности — уничтожить». Группа действовала с апреля по октябрь 1946 года, было уничтожено 910 польских и украинских боевиков, более 1000 взято в плен⁷⁰.

Только в июле 1945 года в Жешувском воеводстве, где части УПА сожгли 52 деревни, было убито 93 солдата УПА и взято в плен 169. Там же только в апреле-мае 1946 8-я и 9-я пехотные дивизии Войска Польского, войска Корпуса внутренней безопасности, органы ГБ и милиции провели 218 операций против УПА, было убито 384 бандита и захвачено 306. В Люблинском воеводстве в апреле было убито 57, арестовано 145 членов УПА, в мае 1946 года проведены 54 боевые операции, убито 85, захвачено 229 бандитов УПА. Часто войска УПА действовали вместе с «послеаковским» подпольем (организации НСЗ, ВиН). В мае 1946 года их отряды (около 500 человек) совместно напали на город Грубешов в Люблинском воеводстве. Атака была отбита, погибли 10 польских солдат, 5 сотрудников ГБ, около 20 бандитов.

Среди руководства ОУН в Польше были агенты госбезопасности. Например, шеф СБ в 3-м округе ОУН, затем проводник ОУН Лев Лапинский («Зенон», «Орловский»), с ним работал начальник отдела 2-го департамента МГБ майор Станислав Врублевский⁷¹. Способствовала в значительной мере разгрому украинского подполья информация, которую сообщил органам госбезопасности Польши сдавшийся 21 мая 1947 года

сотрудникам опергруппы «Висла» референт 1-го округа ОУН Ярослав Гамивка («Вышинский», «Метеор»), сын униатского священника. Он уже через неделю раскрыл псевдонимы руководства ОУН, шифры, место нахождения бункера с запасами оружия и продовольствия. По его предложению воеводское управление госбезопасности Жешува в июле 1947 года организовало легендированное подразделение («чету Чумака»), с целью захвата проводника ОУН Закерзонья Ярослав Старуха, но неудачно. Гамивка продолжал сотрудничать с польской ГБ, опознавал деятелей УПА и выступал свидетелем на судебных процессах, жил в ПНР под чужим именем⁷².

Неоднократно проводились выселения украинцев из Польши на Украину, с привлечением армии и внутренних войск. С октября 1944 года по август 1946 было вывезено в СССР около 482 тыс. человек. С апреля по октябрь 1946 года переселением украинцев и борьбой с УПА занималась опергруппа «Жешув» во главе с генералом Яном Роткевичем, созданная решением Госкомиссии безопасности (группе были подчинены 3 пехотных дивизии, 3 пехотных полка, бригада войск внутренней безопасности и маневренная группа пограничных войск). Принятая в феврале 1947 года Сеймом Польши амнистия не распространялась на членов ОУН-УПА. В апреле-июле 1947 года, после гибели генерала Сверчевского, была проведена войсковая операция «Висла» силами польской армии (3-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я дивизии, включавшие в себя саперный и автомобильный полки), полка Гражданской милиции (500 человек), авиаэскадрильи и 1-й дивизии Корпуса внутренней безопасности, всего 17,5 тыс. солдат. Начальником оперативной группы был назначен заместитель начальника Генштаба польской армии генерал-майор Стефан Моссор, его заместителями — вице-министр общественной безопасности полковник Гжегож Корчинский и командир Корпуса внутренней безопасности полковник Юлиуш Хюбнер (Гибнер), удостоенный звания Героя Советского Союза в 1943 году. Разведывательный отдел опергруппы возглавил полковник Александр Евченко, кадровый командир РККА (в 1918-1929, 1938-1944), с 1944 года в Войске Польском, служил начальником разведки военного округа⁷³.

По договоренности с Советским Союзом и Чехословакией пограничные войска МВД СССР и части армии ЧСР блокировали свои границы с Польшей. 28 июня в Кошице были подписаны «Директивы о взаимодействии польских и чехословацких частей в борьбе с бандами УПА», согласно им были созданы в опергруппе «Висла» ударные батальоны в 6-й и 8-й пехотных дивизиях и 1-й дивизии КВБ (при преследовании войск УПА они имели право пересекать границу, переходя в этом случае в оперативное подчинение командования чехословацкой армии). Контакты между ведомствами поддерживали подполковник

Заврел (ЧСР) и майор Орлик (Польша), а также начальник отдела информации Войск охраны границ Польши капитан Крикун, сотрудники этого же отдела подпоручики Новаковский и Сташук. В мероприятиях по операции «Висла» участвовали и советские представители — пограничники майор Бронов и капитан Ковалевич, и полковники Иткин, Демелев, Злобин из МВД СССР⁷⁴.

Ранее, в июне 1946 года, в Чехословацкой армии для борьбы с переходившими на чешскую территорию частями УПА, была создана опергруппа «Теплице», которой командовал полковник Ян Герман. Во время операции «Висла» опергруппа была реорганизована. В ее состав были включены батальоны преследования «Лев», «Рысь», «Тигр» и «Орел», отдельные роты «Петер» и «Сокол», рота связи «Микулаш», затем еще 9 пехотных рот, комбинированные батальоны с трех пехотных полков, минометная рота, 3 артиллерийские батареи, женская рота, рота связи, техническая рота, противотанковая рота, моторизованный батальон, затем еще одна пехотная рота и учебный батальон. В итоге в составе опергруппы «Теплице» было 2748 солдат и 17 самолетов, новым командиром группы стал полковник Вит Ондрашек. В июне в составе пограничных войск Чехословакии был организован полк «Словенско» под командованием майора Мирослава Дуды, насчитывавший 4 батальона («Явор», «Осыка», «Дуб» и «Ясень») и авиаэскадрилью. Всего против УПА действовало 6148 солдат чехословацкой армии и 5458 солдат корпуса безопасности. С июня по ноябрь 1947 года бойцы УПА в боях с чехами потеряли 61 человек убитыми, 41 ранеными, 248 пленными. У чехов погибло 22, пропало без вести 6, и 22 человека получили ранения⁷⁵.

В ходе операции было убито 289 солдат УПА, взято в плен 196 (по данным штаба опергруппы «Висла» украинское подполье насчитывало более 1700 бойцов УПА и более 700 членов гражданской сети ОУН, командующий УПА в Польше полковник Мирослав Онышкевич определял численность своей армии в 1390 человек, образовывавших 17 сотен⁷⁶), и выселены с польской территории (район реки Сан, Лемковщины, Холмщины) в УССР проживавшие там украинцы — более 140 тыс. человек. Заподозренные в связях с украинским подпольем арестовывались и отправлялись в лагерь в Явожни (более 3800 человек, 162 человек умерли). Военными судами, по неполным данным, было осуждено за 3 месяца 315 человек, из них к смертной казни — 173, к пожизненному заключению — 58, к 15 годам тюрьмы — 40, к меньшим срокам — 39, 5 человек оправдано⁷⁷.

УПА понесла ощутимые потери. Сотни «Вира» (В. Шишка-нинец), «Хрина», «Стаха» были вытеснены на советскую территорию, где ликвидированы погранвойсками (сотня «Вира», в которой к тому времени было 35 бойцов, была разгромлена в

Дрогобычской области в феврале 1948 года, а командир убит во время преследования), сотни «Рена», «Громенко» (М. Дуда) и часть сотни «Романа» ушли в Чехословакию. Куреню «Зализняка» (майора Ивана Шпонтака) не удалось прорваться на Украину, 10 его попыток были отбиты советскими пограничниками. Позднее он ушел в Чехословакию (город Великие Капушаны, где жил до войны с родителями). Там он легализовался, выдавая себя за венгерского подданного, бывшего в советском плену, но был опознан агентом польского МВД, арестован и депортирован в Польшу, где в 1961 году приговорен к расстрелу, замененному 25 годами тюрьмы (освобожден в 1981 году, вернулся в Словакию, где и умер в 1989 году). Группа «Бурлаки» ушла в Чехословакию, где была разбита, и командир попал в плен.

На втором этапе операции «Висла» в июле 1947 были ликвидированы сотни «Прирвы» (командир Евгений Штендера, бывший проводник 3-го округа ОУН, в 1948 году ушел в американскую зону оккупации Германии, затем жил в Канаде, был главным редактором многотомного издания «Литопис УПА»), «Рылоты», «Дуды», «Гурнего», «Давыда», «Шума», «Романа», «Смирного», «Тучи», «Калиновича», «Крука». Всего убито 167 бандитов, пленено 208. По другим данным, было убито 53 бойца УПА, из них 24 на советской территории, 228 казнено и приговорено к заключению, 564 взято в плен.

Из 17 командиров сотен 11 погибло. Из них в Польше:

Я. Старух;

«Бриль» (настоящее имя неизвестно), погиб 28 мая 1947 года в с. Цетуля Ярославского уезда;

погибший в июне 1947 года с боем с поляками в селе Шихоты Грубешовского уезда Семен Приступа («Давыд»);

старший сержант Евгений Янчук («Дуда»), умерший от ран 9 сентября 1947 года в бою с польскими войсками под селом Ве́ршин Грубешовского уезда;

Василь Ярмола («Яр»);

старший сержант Григорий Янковский («Ластивка»), 4 июня 1947 погибший в бою у села Лещава Долишняя Перемышльско-го уезда;

подпоручик Ярослав Коцьолек («Криlach»), погибший в бою у села Завадка Лисковского уезда в июне 1947 года;

подпоручик Иван Шиманский («Шум») умерший 7 сентября 1947 года около с. Верхрата.

На территории СССР — Василь Шишканинец («Вир», «Стах»).

Четверо приговорено к смертной казни. Из них в отношении троих приговор был приведен в исполнение: поручик Роман Гробельский («Бродич»), взятый в плен чехословацкими пограничниками при попытке перехода вместе с сотней в американскую зону оккупации Германии и в мае 1948 года пере-

данный польским властям, казнен по приговору военного суда в октябре 1949 года; подпоручик Владимир Щигельский («Бурлака») был арестован в ЧСР при попытке перехода в американскую зону оккупации Германии и передан польским властям, расстрелян в апреле 1949 года по приговору военного трибунала в Жешуве; подпоручик Григорий Мазур («Калинович») при таких же обстоятельствах, раненый, попал в плен к чехам, был передан полякам, судим и расстрелян вместе со Щигельским.

В живых остался поручик Василь Краль («Чаус»), которому, расстрел заменили пожизненным заключением (в 1955 освобожден, умер в ПНР)⁷⁸.

Майор УПА Стефан Стебельский («Хрин») перешел на территорию Украины, где командовал вооруженными подразделениями УПА в Дрогобыче. Погиб он в Западной Чехии 9 ноября 1949 года⁷⁹, будучи проводником группы курьеров УГВЕ.

На Запад удалось уйти командирам куреней: «Байда» — майору Петру Миколенко (уроженцу Полтавщины, дезертировавшему из Красной армии, где он служил в звании лейтенанта, умер в США в 1979 году), «Беркут» — капитану Владимиру Со-рочаку (перешел с группой из 5 человек в начале 1948 года в американскую зону оккупации Германии, в конце 1990-х жил в США), командирам сотен Михаилу Дуда («Громенко») и подпоручику Миколе Тарабану («Туче») (перешел в июле 1948 года в американскую зону оккупации Германии, в конце 1990-х жил в США). Судьба командира сотни куреня «Зализняка» подпоручика Григория Левко («Крука») неизвестна, возможно, он перешел на территорию УССР.

Всего в ходе операции было убито, ранено, взято в плен более 1300 человек, т.е. 75% состава УПА (по польским источникам), арестовано около 2800 человек из гражданской сети ОУН на юго-востоке Польши.

31 июля опергруппа «Висла» была расформирована. Приказом министра обороны маршала Михала Роля-Жимерского ликвидация остатков УПА была передана Жешувскому и Люблинскому военным округам. Борьбу с УПА продолжили части, вошедшие в оперативную группу «Татры», переименованную затем в опергруппу командования 5-го (Краковского) военного округа, и 3 опергруппы дивизии Корпуса внутренней безопасности — «Саник», «Любачев» и «Грубешов»⁸⁰.

17 сентября 1947 после двухмесячной подготовки операции был обнаружен руководитель ОУН на польских землях Ярослав Старух («Стяг»). Этот видный политический лидер оуновцев родился в с. Золота Слобода Козовского район на Тернопольщине. Окончил гимназию в Бережанах, вступил в ОУН, был в заключении в польском концлагере «Береза Картузка» в 1934, был заместителем краевого проводника ОУН в Львове и редактировал львовский еженедельник «Нове село», несколько раз

был арестован польской полицией (1929, 1937, 1939), осужден в Ровно на 13 лет тюрьмы, освобожден в сентябре 1939. Во время немецкой оккупации был государственным секретарем министерства информации и пропаганды так называемого «украинского правительства», заместителем Степана Бандеры по пропаганде, членом Организационной референтуры Провода ОУН, был арестован немцами во Львове, tortурований (1942—1943), освобожден в сентябре 1943 года. С 1945 года был членом Провода ОУН и проводником Закерзонского края.

Старух покончил самоубийством вместе со своей охраной, взорвав окруженный польскими войсками бункер, в котором находилась техническая часть «Вулкан» краевого провода, занимавшаяся обработкой и изданием пропагандистских материалов. Вместе с ним погибли секретарь-машинист «Игорь», ординарец «Донской», «Черноморец», стрелок охраны «Змейко» и переводчик — униатский священник доктор Адам Слюсарчик («Книга»). Руководитель технической части Ирон Кудлайчук был ранен и пленен, расстрелян по приговору военного суда в Жешуве в октябре 1948 года. Пропагандисту «Цыгану» и двум бойцам «Черту» и «Крутому» удалось скрыться⁸¹.

Заместитель Старуха и начальник «Службы безпеки» Закерзонского края «Дальнич» — Петро Федорив, бывший Львовский юрист, крупный оуновский лидер попал в плен и в январе 1950 года в Варшаве был приговорен к смертной казни и казнен через 3 месяца⁸². Вскоре были захвачены остальные руководители ОУН-УПА в Польше, последним был арестован в марте 1948 командир группы «Сан» «Орест» (Мирослав Онышкевич), судимый, а затем расстрелянный в июле 1950 года.

Всего в Польше было казнено: в 1945 году — 53, в 1946 — 38, в 1947 — 341, в 1948 — 75 человек украинских националистов, бойцов и командиров УПА⁸³.

Примечания к главе 1

¹ С.А.Бандера родился в 1909 году в селе Старый Угрынив Станиславского уезда (ныне Ивано-Франковская область) в семье священника униатской церкви. Образование он получил в Стрыйской гимназии, а затем на агрономическом факультете Львовского университета — где, впрочем, практически не учился. Еще в годы учебы в гимназии он примкнул к подпольной украинской организации, созданной Коновальцем, в 1929 году вступил в только что образованную ОУН, а уже в 1933 году стал провидником (руководителем) Львовской краевой эс-зекутивы.

Однако свой авторитет у украинских националистов Бандера заработал не умелым руководством, а террористическими актами. Первыми его жертвами стали кузнец из села Двирци на Львовщине Михаил Белицкий, профессор философии Львовской украинский гимназии

Иван Бабий, студент Львовского университета Яков Бачинский и сотрудник ИНО ОГПУ Андрей Майлов, работавший под прикрытием должности секретаря советского консульства во Львове.

После прихода к власти Гитлера Бандера через Рихарда Ярого был завербован в качестве агента абвера и даже прошел курс обучения в спецшколе в Данциге. Именно он по приказу руководителей абвера организовал убийство польского министра внутренних дел Бронислава Перацкого, который решительно возражал против планов Гитлера по захвату данцигского коридора. Бандера лично возглавил группу оуновских террористов, и 15 июня 1934 года в Варшаве Перацкий был убит. И хотя непосредственному убийце — Григорию Мацейко — удалось бежать, вся остальная группа вместе с Бандерой была арестована польской полицией. Состоявшийся вскоре суд приговорил его к смертной казни, которую была заменена пожизненным заключением.

Однако в абвере не забыли о своем исполнительном агенте. После захвата Польши гитлеровскими войсками в сентябре 1939 года Бандера был освобожден из тюрьмы и возглавил так называемых «молодых» украинских националистов, боровшихся против лидера ОУН Мельника. Итогом этой борьбы стал раскол ОУН в апреле 1941 года.

Занимаясь борьбой за лидерство в ОУН, Бандера не забывал и про своих друзей из абвера, продолжая сотрудничать с немецкой разведкой. Однако уже в августе 1941 года он был арестован, на сей раз немцами. По этому поводу бывший полковник абвера Эрвин Штольц впоследствии говорил следующее:

«Причиной ареста стал тот факт, что он в 1940 году, получив от абвера большую сумму денег для финансирования оуновского подполья и организации разведывательной деятельности против Советского Союза, пытался их присвоить и перевел в один из швейцарских банков...».

Разумеется, деньги были возвращены, а сам Бандера до октября 1944 года содержался под арестом в концлагере Заксенхаузен — где, впрочем, проживал в отдельном особняке под надзором полиции. Но когда в 1944 году положение Германии стало критическим, Бандеру в Заксенхаузене посетил Гиммлер, заявивший ему:

«Необходимость вашего вынужденного пребывания под арестом, вызванная обстоятельствами, временем и интересами дела, отпала. Начинается новый этап нашего сотрудничества — более ответственный, чем раньше. Собирайте своих людей, идите и действуйте. Помните, что наша победа обеспечит и ваше будущее».

Оказавшись на свободе, Бандера уже в октябре 1944 года, при содействии абверкоманды-202, начинает организовывать диверсионные группы ОУН в тылу советских войск на Украине. О том, какие задачи он ставил перед своими диверсантами, можно судить по следующей директиве (приводится в сокращении):

«Под влиянием большевистской действительности менее стойкие элементы, безусловно, в абсолютном большинстве перейдут на сторону Советов. Они вдвойне опасны для нашей дальнейшей борьбы: их массовый переход на сторону Советов подорвет престиж ОУН и УПА, а их активная борьба, в которую они, безусловно, включатся вместе с большевиками против ОУН, исключит любую возможность подпольной работы на западноукраинских землях.

Поэтому необходимо срочно и совершенно секретно, во имя великого национального дела, вышеупомянутые элементы ОУН и УПА ликвидировать двояким способом:

а) посылать большие и меньшие отряды УПА на бой с большевиками и создавать ситуации, чтобы Советы их уничтожали на постах и в засадах;

б) территориальные группы и других лиц станичного и районного масштаба должна уничтожить надрайонная и районная служба безопасности...»

Зимой 1944—1945 годов Бандера в составе одной из групп боевиков действовал в тылу Красной Армии под Краковом. От неминуемой гибели его спас небезызвестный оберштурмбанфюрер СС Отто Скорцени, который по личному приказу Гитлера вывел Бандеру через Чехословакию и Австрию в зону оккупации союзников.

С конца 1940-х гг. в Мюнхене руководил заграничной работой ОУН. Убит в октябре 1959 г. в Мюнхене агентом советской внешней разведки Богданом Сташинским

² Николаев Д. Бандитская армия // Россия. 5 февраля 2004.

³ Гогун Л. Между Гитлером и Сталиным. СПб., 2004. С.56.

⁴ Кентий А.В. Українська повстанська армія в 1942—1943 рр. Київ, 1999. С.5-7.

⁵ Там же. С.52-55.

⁶ Там же. С. 10-14.

⁷ Там же. С.20.

⁸ Там же. С.23.

⁹ Там же. С.32-34.

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ Там же. С.10—11.

¹² Клячковский родился в 1911 году в местечке Збараж Тернопольской области в бедной крестьянской семье. После окончания гимназии был студентом юридического факультета Львовского университета, там стал членом ОУН. После службы старшиной в польской армии работал в фирме «Народная торговля» в Станиславе в 1934 году.

Затем был в заключении в польских тюрьмах в 1937 году. После освобождения был членом Управы спортивной организации «Сокол» в Збараже в 1938 году, областным проводником юношества ОУН Станиславщины в 1939—1940 гг. под руководством О. Луцкого, будущего командира группы УПА «Запад-Карпаты».

После присоединения Западной Украины к СССР был арестован органами НКВД во Львове, осужден в январе 1941 года на т.н. «процессе 59-ти» к смертной казни, замененной на 10 лет тюремного заключения. После начала войны был вместе с другими заключенными переведен в Бердичевскую тюрьму, откуда бежал во время немецкого наступления в июле 1941 года.

Под псевдонимом «Охрим» был проводником ОУН Львова, крайним проводником ОУН ПЗУЗ с января 1942 года, членом Провода ОУН, членом Главного военного штаба УПА.

Занимая независимую позицию, Клячковский весной 1943 года вступил в конфликт с Василем Сидором, выполнявшим поручение Шухевича о создании на Волини краевого военного штаба, и добился его отзыва во Львов. Клячковский также был недоволен членом бюро

Провода ОУН Ростиславом Волошиным, настаивавшим на репрессиях против мельниковцев, бульбовцев и выходцев из Восточной Украины. Летом 1944 года он поддерживал М.Степаняка, Василя Кука, Якова Бусела в их идее создания «Народно-освободительной революционной организации» (украинская аббревиатура НВРО).

Майор Клячківський — «Клим Савур» погиб 12 февраля 1945 года в бою с 169-м полком НКВД возле Орживских хуторов Клеванского района на Ровенщине вместе со своими соратниками. Операцией по его ликвидации руководил заместитель наркома внутренних дел СССР Тимофей Строкач. Клячківський посмертно был произведен в полковники УПА. Есть версия, что место его дислокации было выдано чекистам командиром соединения групп УПА «Завыхост» Ю.Стельмашуком, взятого в плен в начале 1945 года, когда его, больного тифом, перевозили в другое место. В Ровно Стельмашук и другие арестованные оуновцы опознали «Савура», двое убитых вместе с ним остались неизвестными.

¹³ *Кентий А.В.* Українська повстанська армія... С.67—68.

¹⁴ Там же. С.83.

¹⁵ Там же. С.91.

¹⁶ Там же. С.70.

¹⁷ Иван Литвинчук (Дубовой) родился в 1920 году в селе Дермань Здолбуновского района на Ровенщине в семье православного священника. Будучи студентом духовной семинарии в Кременце вступил в члены ОУН, за что сидел в польских тюрьмах в 1937–1939 гг. После освобождения был членом организационной референтуры ОУН в оккупированном немцами Кракове в 1940–1941 гг. После начала Великой Отечественной войны прибыл с «походной группой» ОУН на Волынь, где стал проводником Сарненского округа ОУН, организовывал военное обучение в отделах УПА на ПЗУЗ (1942–1943).

С командования группой «Заграва» Литвинчук в апреле 1944 года был снят политреферентом краевого провода ОУН на ПЗУЗ Яковом Буселом за недооценку политико-воспитательной работы. Вскоре Литвинчук, произведенный в поручики еще в январе 1944 года, становится командиром военного округа «Завыхост» (1944–1946), проводником ОУН Западного края «Днепр» на ПЗУЗ.

С 1944 года он одновременно краевой командир УПА-Север в звании майора, в 1949 году становится заместителем проводника ОУН на ПЗУЗ.

В январе 1951 года Литвинчук погиб в укрытии, обороняясь от спецгруппы МТБ в одном из сел Гороховского района Волынской области.

¹⁸ Поручик Федор Воробец («Верещак», «Олекса») родился в 1922 году в селе Горожанка Монастырского района на Тернопольщине в крестьянской семье. После окончания гимназии в Станиславе участвовал в «походных группах» ОУН в Житомирской области, где был районным и окружным проводником, командовал первыми рейдами УПА в Житомирской и Киевской областях.

С августа 1944 года был заместителем проводника Восточного края ОУН на ПЗУЗ и командовал соединением групп УПА «444». В начале 1945 года стал проводником проводника Восточного края ОУН «Одесса» на ПЗУЗ. В январе 1946 года попал в засаду НКВД, взят в плен, приговорен к расстрелу, замененному 25 годами заключения, где и умер в 1959 году.

¹⁹ *Кентий А.В.* Украинська повстанська армия... С.78—79.

²⁰ Петро Олейник родился в 1909 году селе Молодиче Жидачевско—го района Львовской области. Он учился на юридическом факультете Львовского университета, где вступил в ОУН, занимался коммерцией, неоднократно арестовывался польской полицией, руководил областным проводом ОУН на Львовщине, а в 1942 году, во время немецкой оккупации — областным проводом ОУН в Днепропетровске. Был арестован немцами, но вскоре освобожден и уехал на подпольную работу на ПЗУЗ.

После командования военным округом «Эней» (затем «Богун») с конца 1944 года был проводником Восточного края ОУН на ПЗУЗ, организационным референтом Западного края ОУН на ПЗУЗ.

Петро Олейник («Эней», «Роман») погиб в бою в 1946 году, посмертно присвоено звание майора.

²¹ *Кентий А.В.* Украинська повстанська армия... С.82.

²² Там же. С.95.

²³ Командир группы Юрий Стельмашук («Рудый», «Кайдаш») родился в 1920 году в селе Коршева под Луцком в семье купца. Окончил луцкую гимназию, учился в военной школе ОУН в Кракове в 1940—1941 гг., был, как уже упоминалось, в 1942 году военным референтом ковельского округа ОУН Волынской области. Будучи командиром соединения групп УПА «Завыхост» в звании поручика, был взят в плен в январе 1945 года. На допросах, в которых участвовал заместитель наркома внутренних дел СССР Тимофей Строкач, Стельмашук признал себя виновным в уничтожении польского населения. 6 августа 1945 года его приговорили к расстрелу, а 5 ноября того же года, к октябрьским праздникам, расстреляли.

²⁴ *Гогун А.* Между Гитлером и Сталиным. СПб., 2004. С. 123.

²⁵ Там же. С.151.

²⁶ Там же. С. 193.

²⁷ Там же. С.205.

²⁸ Там же. С.209.

²⁹ Там же. С.220.

³⁰ Там же. С.111.

³¹ Олекса Гасин-Лицар родился в 1907 г. в селе Конюхив Стрыйского района на Львовщине в крестьянской семье. Окончил гимназию в Стрие в 1928 г. Член УВО, ОУН, студент Львовского политехнического института. Закончил с отличием школу подхорунжих польской армии.

Был в заключении в польских тюрьмах (1931, 1933, 1937) и концлагере Береза Картузка (1934—1935). Организационный военный референт КЕ ЗУЗ (1935—1936), член военной референтуры ПУН за границей (1938—1939).

Член Революционного Провода ОУН (1940—1941), зам. министра обороны во Львове в июле 1941 г. В заключении в немецкой тюрьме в Дрогобыче в 1942 г., освобожден.

Член провода ОУН в 1947 г. Произведен в полковники УПА в 1948 г.

³² *Николаев Д.* Бандитская армия // Россия. 5 февраля 2004.

³³ Там же.

³⁴ *Кентий А.В.* Украинська повстанська армия... С.31—36.

³⁵ Погиб в бою в июне 1944 года, по другим данным — тяжело ранен в начале 1946 г. и погиб позднее, возможно, в том же году. См. *Кентий Л.В.* Украинська повстанська армия... С.79.

³⁶ *Кентий А.В.* Украинська повстанська армия... С.77.

³⁷ Там же. С.92-93.

³⁸ Там же. С.54.

³⁹ Там же. С.99.

⁴⁰ Там же. С. 100-101.

⁴¹ Там же. С. 106-107.

⁴² Там же. С.181.

⁴³ *Даниленко С.Т.* Дорогою ганьби и зради. Киев, 1972. С.261.

⁴⁴ Об этих акциях недавно рассказали киевские журналисты Д.Веденеев и С.Шевченко.

⁴⁵ *Билас И.* Репресивно-каральна система в Украине. Кн.2. Киев, 1994. С. 166; *Бугай Н.Ф.* «По сведениям НКВД были переселены...». Киев, 1992. С.36-37.

⁴⁶ *Билас И.* Репресивно-каральна система в Украине. Кн. 2. Киев, 1994. С.275.

⁴⁷ Ростислав Волошин родился в Дубновском районе на Ровенщине в семье железнодорожника. Руководил украинскими студенческими организациями в Польше (1933—1934). Был в заключении в польских тюрьмах и концлагере «Береза Картузка», краевой проводник ОУН на ПЗУЗ, в заключении в советской тюрьме (1939—1941).

Председатель областной управы Ровенской области в 1941 г., в заключении в немецкой тюрьме (1941—1942), зам. директора областного кооператива в Ровно в 1942 г.

Комендант заполья УПА на ПЗУЗ (1942-1943). Член Бюро Провода ОУН, участник Большого сбора УГВР, избран Генеральным секретарем ГСВЗ УГВР.

⁴⁸ *Билас И.* Репресивно-каральна система в Украине. Кн. 2. Киев, 1994. С. 112.

⁴⁹ *Гогун А.* Между Гитлером и Сталиным. СПб., 2004. С.250—252.

⁵⁰ Там же. С.99.

⁵¹ Василь Сидор-Шелест родился 24 февраля 1910 г. в селе Спасив Сокальского района Львовской области в крестьянской семье. Закончил гимназию в Перемышле в 1931 г., вступил в члены ОУН. Учился в школе подхорунжих в польской армии, но не закончил из-за политического конфликта. Находился в заключении в польских тюрьмах (1935, 1937-1939).

Военный референт КЕ ПЗУЗ в 1936 г., организатор боевых групп ОУН «Волки», преподавал на военных курсах ОУН в Кракове (1941). Участник 2-х Больших сборов ОУН в Кракове, служил в легионе «Нахтигаль», командир сотни 201 -го батальона в чине поручика (1941—1942).

Член КВШ УПА на ПЗУЗ летом 1943 г., Главного Совета ОУН с августа того же года. Член ГВШ УПА, произведен в майоры 8 июля 1943 года, краевой командир УПА-Запад (1944—1949).

Награжден Серебряным Крестом Боевой Заслуги 2 класса в 1945 г. Член Провода ОУН с 1947 г., краевой проводник ОУН Карпатского края, генеральный судья ОУН. Произведен УГВР в полковники УПА в 1946 г. Заместитель главного командира УПА.

⁵² *Гогун А.* Между Гитлером и Сталиным. СПб., 2004. С.261—263.

⁵³ *Веденеев Д., Шаповал Ю.* Роман Шухевич: таємниця загибелі — <http://www.kyiv.memo.ua>

⁵⁴ *Сухоминов А.В.* Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2003. С.333—334.

⁵⁵ *Санников Г.* Большая охота. М., 2002.

⁵⁶ *Гогун А.* Между Гитлером и Сталиным. СПб., 2004. С. 179.

⁵⁷ *Билас И.* Репресивно-каральна система в Україні. Кн.2. Киев, 1994. С.435-449.

⁵⁸ Там же. С.466-468.

⁵⁹ *Перекрест В.* У нас был свой «Момент истины» // Известия. 13.10.2003.

⁶⁰ *Овченко Ю.Ф.* Операция «Мотря» // Исторические чтения на Лубянке. 2000 год. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2001. С.92—96.

⁶¹ *Билас И.* Репресивно-каральна система в Україні. Кн. 2. Киев, 1994. С.468-477.

⁶² *Гогун А.* Между Гитлером и Сталиным. СПб., 2004. С.314.

⁶³ *Николаев Д.* Бандитская армия // Россия. 5 февраля 2004.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Акция «Висла». Сборник документов. Львов—Нью-Йорк, 1997. С.42.

⁶⁶ *Гогун А.* Между Гитлером и Сталиным. СПб., 2004. С. 197.

⁶⁷ Акция «Висла»... С.24.

⁶⁸ Там же. С.90.

⁶⁹ Там же. С.84.

⁷⁰ Там же. С.412-413.

⁷¹ Там же. С. 150.

⁷² Там же. С.315.

⁷³ Там же. С.332.

⁷⁴ Там же. С.256.

⁷⁵ Там же. С.78.

⁷⁶ Там же. С.28. По мнению составителя данного сборника Е. Мишала, польские данные содержат ошибки. Так, упомянутые в документе сотни «Загайдачного» и «Крылатого», штабы «Закерзонского края» и округа УПА никогда не существовали, в отличие от неупомянутого куреня «Беркута» в Люблинском воеводстве.

⁷⁷ Акция «Висла»... С.32—33.

⁷⁸ Там же. С.34, 360.

⁷⁹ *Гогун А.* Между Гитлером и Сталиным. СПб., 2004. С.203.

⁸⁰ Акция «Висла»... С..33.

⁸¹ Там же. С.431-433.

⁸² Там же. С.47-48.

⁸³ Там же. С.503.

Глава вторая

ПОД ПРИЦЕЛОМ «ЛЕСНЫЕ БРАТЬЯ». ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ПРИБАЛТИКЕ В 1944-1952 ГГ.

Во время Великой Отечественной войны и в первые годы после ее окончания в Прибалтике резко возросло количество вооруженных банд. Можно много и долго рассуждать о политических мотивах деятельности «лесных братьев», их стремлении добиться независимости своей родины, но используемые этими людьми методы — убийства и грабежи — ничем не отличались от действий обычных банд уголовников, которых было достаточно много в первые послевоенные годы. Да и формы борьбы за независимость, которые активно использовали повстанцы, однозначно трактовались действующим тогда уголовным кодексом, как бандитизм. Достаточно процитировать статью 59—3 Уголовного кодекса 1926 года: «бандитизм, т.е. организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановка поездов и разрушение железнодорожных путей и иных средств сообщений и связи». Эта норма существовала, без каких бы то ни было изменений, вплоть до принятия нового Закона об уголовной ответственности за государственные преступления в 1958 году.

В военные и послевоенные годы правоохранными органами данная статья уголовного кодекса использовалась очень активно. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в системе НКВД и затем МГБ СССР было создано главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ), которое занималось деяниями, подпадающими под эту статью.

Особый размах политический бандитизм принял на территории Прибалтики. Кроме традиционных для всех регионов СССР факторов, способствующих росту уголовной преступности, были и свои региональные особенности. Например, уровень жизни, а, следовательно, и количество материальных ценностей и денег у населения было значительно больше, чем у разоренных войной жителей других регионов СССР.

Любопытно, что первые отряды «лесных братьев» появились в Латвии еще в 1905 году. Это партизанско-террористическое движение возникло в республике после декабрьских вооруженных восстаний 1905 года и достигло максимального подъема, летом 1906 года. Руководили им местные социал-демократы.

Кстати, в одном из таких отрядов получил боевое крещение будущий глава советской военной разведки Ян Берзин.

В группы «лесных братьев» входили бывшие члены волостных распорядительных комитетов, дружинники, скрывавшиеся в лесах от карательных экспедиций царского правительства. При поддержке крестьян они отражали нападения регулярных войск, а так же, как умели, боролись с немецкими баронами — жгли помещичьи имения, устраивали митинги, распространяли революционные воззвания, закрывали корчмы, нападали на волостные правления. В общем, весьма похоже на то, чем занимались подобные отряды в Прибалтике и на Западной Украине после Великой Отечественной войны — конечно, с учетом советской специфики. Правда, грабили тогда значительно меньше.

Только в Курляндской губернии с января по ноябрь 1906 года «партизаны» совершили около 400 акций, превысив, кстати, по размаху своих исторических последователей. Группы «лесных братьев» действовали до декабря 1906 года, когда, учитывая отступление революции, они были, по решению социал-демократов Латышского края, ликвидированы¹.

Размах послевоенного движения «лесных братьев» именно в этих краях определялся местными особенностями. Как известно, до 1918 года Эстония, Латвия и Литва не были самостоятельными государствами. Первые два из них входили в состав Швеции, а при Петре I стали частью Российского государства. Литва входила в состав Речи Посполитой и была присоединена к России при Екатерине II. Если бы не Октябрьская революция, будущие прибалтийские республики оставались бы в составе Российской империи, так и не попробовав вкуса независимости.

Впрочем, едва обретя независимость, они тут же фактически ее потеряли — благодаря собственным политикам, которые, отчаянно желая удалиться от России, в то же время стремились интегрироваться с Германией. При этом все три республики (по крайней мере, большинство их жителей) ратовали за то, чтобы жить в независимых государствах, по отношению к которым Германия играла бы роль равноправного партнера, а не «старшего брата» — не задумываясь о том, насколько осуществимы эти мечты. Естественно, Германия всюю пользовалась этими симпатиями, как правительств, так и населения. Спецслужбы Третьего Рейха чувствовали себя на территории этих стран достаточно свободно и смогли создать мощную агентурную сеть, с которой чекистам пришлось немало повозиться как в 1940-м, так и в 1945 годах. В то же время достаточно большой процент населения выступал за независимость своих стран от СССР — позднее многие из этих людей ушли в «партизаны».

При таких настроениях нет ничего удивительного в том, что и правительства в прибалтийских государствах были соответ-

ствующие. В Литве в результате государственного переворота 17 декабря 1926 года к власти пришел профашистский режим партии «Таутининкай саюнга» (Союз националистов) во главе с Антанасом Сметой, который 12 апреля 1927 года объявил себя «вождем нации» и окончательно распустил парламент. Вплоть до 1 ноября 1938 года в стране действовало военное положение. Оно было отменено лишь по требованию гитлеровской Германии в связи с событиями в Клайпеде — там начались волнения немецкого населения, права которого якобы ущемляли местные власти. В то же время диктатор выступал за интеграцию с Германией. В этом нет ничего удивительного — ведь еще в 1917 году, когда он возглавлял «Литовский Совет» («Лету-вос тариба»), тот принял «Декларацию о присоединении Литвы к Германии». В ней говорилось: «Тариба Литвы просит у Германской империи помощи и защиты... Тариба высказывается за вечную, прочную связь с Германской империей; эта связь должна осуществляться на основе военной конвенции, общих путей сообщения и на основе общей таможенной и валютной системы». Тогда этот план не был реализован — из-за краха Германской империи. Но почему бы не реализовать его теперь?

В Эстонии тоже была диктатура, установленная лидером Аграрной партии Константином Пятсом, совершившим переворот 12 марта 1934 года при поддержке главнокомандующего вооруженными силами генерала Йохана Лайдонера. Сразу же после переворота глава государства распустил парламент, в марте 1935 года в стране были запрещены все политические партии, а 28 июля 1937 года принята конституция, согласно которой в Эстонии устанавливался режим, опиравшийся на единственную разрешенную общественно-политическую организацию «Иза-маалийт» («Отечественный союз») и военизированную организацию самообороны — «Кайтселийт» («Союз защиты»). Руководство этой республики также было заинтересовано в интеграции страны с Третьим рейхом. Французская разведка констатировала в 1939 году: «Руководители Эстонии и высшие офицеры эстонской армии (в особенности генерал И. Лайдонер, второй человек в государстве, долгое время связанный с британцами) находятся в настоящее время на содержании немцев»².

На территории Эстонии летом 1941 года действовала диверсионная группа «Эрна», численностью до 1800 человек, а в Финляндии с мая 1941 года функционировала группа «Эрна-2», готовившая под руководством немецких инструкторов диверсантов для заброски в Эстонию. В течении Великой Отечественной войны из состава этой группы было заброшено на советскую территорию около 2,4 тыс. диверсантов. В лесах Литвы, имевшей непосредственную границу с Германией, помимо националистических группировок, скрывались части литовской армии, не подчинившиеся советской власти³.

Когда летом 1944 года советские войска начали освобождать страны Балтии, то в Москве прекрасно понимали, что боевые действия в этом регионе не закончатся после отступления фашистской армии и капитуляции национальных армейских частей. По сравнению с 1940 годом ситуация усугублялась тем, что на территории прибалтийских республик скопилось огромное количество оружия и боеприпасов, имелись профессионально подготовленные солдаты (многочисленные национальные батальоны и вспомогательные части немецкой армии, укомплектованные местными жителями), да и само население было настроено достаточно антисоветски. Например, новую власть в Литве в первый месяц ее существования поддерживали только 14 % населения. По состоянию на декабрь 1944 года более 33 тысяч мужчин находилось на нелегальном положении⁴. Правда, большей частью не из-за нелюбви к Советам, а потому, что многие из них во время оккупации служили немецкой власти и теперь справедливо опасались наказания.

Сразу же после прихода советских войск в лесах стали появляться вооруженные отряды, известные теперь под собирательным именем «лесных братьев» и опиравшиеся на достаточно широкие слои населения. В той же Литве в первые послевоенные годы во многих городах существовало очень мощное антисоветское подполье, которое активно поддерживало «партизан». Витаускас Житкус, сражавшийся с 1944 по 1949 год в одном из отрядов «лесных братьев», утверждал, что «вильнюсское, каунасское, алитусское подполье оказывало большую поддержку. Оттуда мы получали медикаменты, пишущие машинки, бумагу для газет и листовок. Входили люди разные: интеллигенция, рабочие, служащие. Наши люди работали и в советских учреждениях. Без них разведка была бы слепая и глухая. Многих из них арестовали, и они погибли, многие дожили до наших дней. Литва была разделена на 5 апигардов (военно-партизанских районов). Во главе того, где воевал я, стоял человек под псевдонимом Ванагас (Ястреб). Он продержался в лесу 12 лет. Потом попытался легализоваться в городе. Но КГБ в конце концов его расшифровало и замучило на допросах»⁵.

Эти откровения бывшего «партизана» прозвучали лишь в конце XX века. До того времени мало кто из числа представителей «радикальной оппозиции» был откровенен с журналистами. Хотя и он умолчал о многих деталях. Например, о том, что одним из основных способов добычи денег и продуктов для тех, кто скрывался в лесах или находился на нелегальном положении, были грабеж и банальное воровство.

Впрочем, некоторые попытки рассказать об этой тайной войне имели место и раньше. Одна из первых была предпринята в 1948 году. Тогда в бюллетене одной из организаций литовских эмигрантов — Объединенного Демократического Движения Со-

противления (BDPS, General Democratic Resistance Movement, базировалось на территории Швеции) были опубликованы документы, тайно вывезенные в конце 1947 года Юзасом Лукшей (Juozas Luksha) и Казимиром Пуплусом (Kazimieras Pypyls) из СССР. А в 1950 году в Чикаго вышла книга «Партизаны за железным занавесом». Понятно, что в этой книге ничего не говорилось о грабежах и убийствах мирных жителей.

В Советском Союзе заговорили о проблеме ликвидации бандформирований «лесных братьев» в конце пятидесятих годов прошлого века. В 1959 году ЦК КП Литвы принял решение о создании специальной группы офицеров КГБ и историков для подготовки серии монографий о движении «лесных братьев» в республике. Понятно, что все работы, написанные членами этого редакторского коллектива, носили пропагандистский характер (впрочем, не более лживый, чем литература противной стороны). Основной целью этих публикации была демонстрация многочисленных фактов поддержки и координации действий антисоветских националистических движений Прибалтики спецслужбами США, Англии, ФРГ, Франции и Швеции — во время «холодной войны» это было достаточно серьезное обвинение.

До середины восьмидесятих годов в Прибалтике, особенно в Эстонии, продолжали выходить художественно-документальные сборники, в которых чекисты — непосредственные участники описываемых событий, вместе с профессиональными журналистами, рассказывали занимательные истории о борьбе с «лесными братьями», дезертирами и уголовниками, которых автоматически зачисляли в «партизаны». Обычно в этих историях меняли имена бандитов, детали отдельных операций, но в целом эти повести отражали суть (но не размах) проводимой органами госбезопасности работы.

Одной из первых монографий «той стороны», посвященных деятельности литовских «лесных братьев», стала книга Д. Бразайтиса-Судувиса (J. Brazaitis-Suduvis) с символическим названием «В полном одиночестве». Она появилась в продаже в 1964 году. Затем было издано еще несколько работ. Авторы большинства публикаций не имели доступа к самому ценному источнику информации — республиканским архивам органов госбезопасности и местных компартии. А многочисленные перебежчики из числа сотрудников советской внешней разведки и контрразведки очень мало могли рассказать об операциях в Прибалтике в первое десятилетие «холодной войны», так как в основном являлись сотрудниками центрального аппарата и прибалтийские дела знали лишь понаслышке. Да и руководителей западных спецслужб эта тема почти не интересовала, слишком позорны и очевидны были их провалы в этом регионе.

В Литве с иной, «альтернативной» стороны об истории «лесных братьев» заговорили сразу же после начала горбачевской «перестройки», в 1938 году, когда в приоткрытую «прорабами» щель мощным грязевым потоком понеслись написанные с националистических позиций публикации. А в 1991 году начали регулярно выходить сборники «Архив борцов за свободу». В них печатались тенденциозно подобранные воспоминания «лесных братьев», исторические статьи, документы НКВД—МГБ и другие материалы⁶. Естественно, что и эти документы подавались в определенном, пристрастном виде. То же самое происходило и в Латвии, и в Эстонии — героизация «лесных братьев», явный антисоветский (читай антироссийский) уклон, естественный для пришедших к власти оголтелых националистов.

Так что же на самом деле происходило в республиках советской Прибалтики в конце Второй мировой войны?

В отличие от Западной Украины, где антисоветская борьба координировалась в основном из единого центра (ОУН—УПА), в Прибалтике существовало довольно большое количество отдельных националистических организаций. Наибольшую активность проявляли «Армия освобождения (свободы) Литвы» (ЛЛА), «Союз литовских партизан», «Эстонский национальный комитет» и «Союз вооруженной борьбы» (Эстония), «Латышское национальное партизанское объединение» (Latvian National Partisan Union (LNPA)), «Латвийский союз охраны Родины» (Latvian Homeland Guards Union (LTSA)), «Организация латышских национальных партизан» (Organisation of Latvian National Partisans) и «Ястребы Родины» (Hawks of the Fatherland). Все они представляли собой военизированные структуры, и их численность доходила до десятков тысяч вооруженных бойцов.

Эти крупные организации были довольно быстро ликвидированы советскими органами госбезопасности, а их место заняли территориальные отряды и уголовные банды, разобравшись в немыслимом калейдоскопе которых, вообще говоря, достаточно сложно. Некоторые из отрядов носили громкие названия, в которых непременно фигурировало слово «армия», хотя на самом деле они объединяли «лесных братьев» одного района или уезда. Поэтому среди жертв чекистов сложно выделить «культовые» личности типа Романа Шухевича, которых можно было бы объявить национальными героями, как это было сделано с лидерами УПА. Кроме того, прибалтийские «борцы за свободу», и по форме, и по сути были еще менее отличимы от обычных бандитов, чем «бандеровцы».

Хроника ликвидации отдельных бандформирований в версии современных прибалтийских историков носит анонимный характер и выглядит примерно так: «С 20 по 24 декабря 1944 года, накануне Католического рождества, в результате 74 карательных операций в трех районах Литвы было убито около 400

человек, большинство из которых — мирные жители... В 1944 и в 1945 годах 13200 человек погибло и было замучено до смерти на допросах...»⁷.

А вот официальная версия советских историков начала девяностых годов прошлого века. Например, в Латвии, с 1944 по 1952 год было ликвидировано 702 бандгруппы, в которых находились 11042 участника. Из них убито 2408 человек, арестовано 4341, добровольно явилось с повинной 4293 человека⁸.

Существуют данные и по отдельным бандам. Например: «14 партизан было убито в Пузенском лесу 14 декабря 1944 года; 24 — в Узеленском лесу 12 января 1945 года; 68 — в Трусканайском лесу 9 февраля; 75 — в Азагайском лесу 27 марта; 83 — в Лабанорском лесу 10—12 марта; 36 — в области Вепраи 20 марта...»⁹: Названия банд и имена руководителей так и остались неизвестными. Дело, должно быть, в том, что приведенные выше данные взяты из документов, подготовленных чекистами — понятно, что в их отчетах проходило только количество уничтоженных бандитов.

Хотя и редко, но встречаются в литературе и имена отдельных командиров — тех, кто дожил до начала пятидесятых годов. Например, 30 марта 1953 года в лесном бункере, где он скрывался с начальником охраны и медсестрой, был арестован самый знаменитый литовский бандит, бывший капитан армии Литовской буржуазной республики Ионас Жемайтис (Jonas Zemaitis). Выдал его начальник охраны Иозас Полубецких. В самом факте ареста Жемайтиса нет ничего примечательного, кроме того, что, выступая на заседании ЦК КПСС 26 мая 1953 года, Лаврентий Берия охарактеризовал его как «выбранного подпольем президента Литвы». Жемайтис действительно в 1949 году был избран президентом Движения борьбы за свободу. Арестованного срочно доставили в Москву якобы «на переговоры» с министром внутренних дел. Их встреча опять таки якобы состоялась 25 июня 1953 года. Жемайтиса расстреляли 26 ноября 1954 года — правда, погибший к тому времени Берия был тут совершенно ни при чем.

В 1953 году были ликвидированы три соратника Жемайтиса — Юзас Сибайла (Juozas Sibaila), который командовал «партизанами» западного и восточного районов республики, Антанас Баксис (Antanas Baksys) и Сергус Станискис (Sergijus Staniskis). Еще 45 «лесных братьев» во главе с Адольфом Раманаускасом (Adolfas Ramanauskas) сумели прожить на свободе до 1956 года. Литовские источники утверждают, что арестованный, в конце концов, Раманаускас «был замучен (согласно записи в тюремной медицинской книге) и расстрелян 29 ноября 1957 года» — понимаете, как хотите!

Среди «лесных братьев» были и настоящие «долгожители». Двое из них скрывались от советской власти до 1965 года. Их

поймали, приговорили к высшей мере наказания, но потом смягчили приговор, заменив расстрел двадцатью годами тюрьмы. Последнего «литовского партизана», Стасиса Гюига (Stasys Guig), который много десятилетий скрывался на лесном хуторе, обнаружили и арестовали в конце его жизни, в 1986 году¹⁰.

Впрочем, аналогичная картина наблюдалась и тогда, когда речь заходила о тех, кто погиб от рук «лесных братьев». Есть лишь сухая статистика, которая позволяет оценить масштабы трагедии, разыгравшийся в Прибалтике после окончания Великой Отечественной войны.

В Литве жертвами бандитов в 1946 году стали 6112 человек. Всего же в этой республике с 1944 по 1956 годы националистами было убито 25 108 человек (из них 993 — дети до 16 лет), в том числе 21 259 литовцев, 3000 русских, 554 поляка, 79 евреев. По другим данным среди погибших было более 23 тысяч литовцев. Трудно представить, что более двадцати тысяч коренных местных жителей активно поддерживали советскую власть, а тем более, около тысячи несовершеннолетних жителей республики. Скорее всего, большинство из двадцати пяти тысяч погибших — мирные жители, далекие от политики.

В Латвии с 1944 по 1952 год «лесные братья» совершили свыше 3 тысяч диверсионно-террористических актов, в результате которых были убиты 1562 представителя советско-партийного и комсомольского актива, 50 военнослужащих Советской Армии, 64 сотрудника МВД и МГБ, 386 бойцов истребительных батальонов, а также члены их семей¹¹.

По другим данным, число погибших было значительно больше. Например, количество убитых и раненных соответственно: активистов — членов компартии, комсомольцев и секретарей местных организаций компартии и тех, кто активно сотрудничал с органами советской власти — 1070 и 281 человек; сотрудников правоохранительных органов 680 и 433 человека; военнослужащих — 259 и 222; представителей органов советской власти: 199 и 109. Общее количество погибших — 2208 и раненых — 1035¹².

В Эстонии в 1946—1956 гг. бандитами был убит 891 человек, в том числе 447 активистов советских и партийных органов, крестьян, получивших землю в результате проведенной Советской властью земельной реформы, а также членов их семей; 295 бойцов отрядов народной самозащиты; 52 сотрудника правоохранительных органов и 47 военнослужащих¹³.

Движение «лесных братьев» в современной Прибалтике признано «народным». Для этого есть некоторые основания. Во-первых, из-за огромного числа жителей, поддерживавших его в первые годы существования. Позднее две депортации, стремительная деградация борцов за свободу в обычных уголовников, осознание бессмысленности вооруженного сопротивления,

профессионально организованная пропаганда новой власти лишили «партизан» поддержки мирного населения. Во-вторых, движение можно назвать «народным» — в смысле «непрофессиональным» — из-за того, что большинство повстанцев и их командиров имели очень слабую военную подготовку, чего нельзя было сказать о противнике. Это сказывалось, в первую очередь, на количестве жертв с той и с другой стороны.

По утверждению прибалтийских историков, только 37 % командиров литовских партизан были в прошлом офицерами национальной армии — в чине капитана и лейтенанта. 10% командиров составляли учителя, 10% — полицейские, 10% — студенты и старшеклассники, остальные — представители различных слоев общества¹⁴. Активно участвовала в сопротивлении советской власти молодежь. Правда, самым популярным способом борьбы было всего-навсего изготовление и распространение листовок. Чекистам регулярно приходилось разоблачать антисоветские организации в гимназиях и университетах. Ликвидация этих центров антисоветской пропаганды обычно проходила без стрельбы и не проходила в приведенных ниже данных.

Другое доказательство того, что в рядах «лесных братьев» сражались бойцы-непрофессионалы — соотношение потерь с обеих сторон. Официальная статистика за 1947 год, по данным МГБ — 1:64. Хотя реальная картина по отдельным войсковым соединениям все-таки различалась. Например, в 1946 году в Литве потери 25-го стрелкового полка — 37 солдат, при этом уничтожено 270 «лесных братьев», а 32-й полк потерял 14 человек и уничтожил 137 бандитов¹⁵.

А вот соотношение потерь в 1948 году в Литве (там дислоцировалась 4-я стрелковая дивизия НКВД СССР) и Латвии с Эстонией («зона ответственности» 5-й стрелковой дивизии НКВД СССР). За один год было уничтожено 841 и 178 «партизан»; арестовано 2470 и 558 человек. При этом потери личного состава двух дивизий составили соответственно 59 и 8 военнослужащих убитыми, 89 и 21 — ранеными. А еще нужно учитывать потери не связанные с боевыми действиями (например, неосторожное обращение с огнестрельным оружием). В результате таких ЧП погибло 36 и 7 человек, а получили ранения различной степени тяжести 95 и 13 солдат и офицеров¹⁶.

Такая пропорция была достигнута не только благодаря высокому профессионализму солдат и офицеров, но и тому, что как среди «лесных братьев», так и среди местного населения оставалось все меньше и меньше оголтелых фанатиков. Выше уже были перечислены основные причины, почему население постепенно перестало поддерживать «борцов за свободу». Заметим, что среди методов борьбы важное место занимала процедура депортации — мера относительно мягкая, по сравнению с арестом и отправкой в ГУЛАГ, и эффективная. С одной стороны,

она лишала «партизан» поддержки местного населения (ведь в Сибирь, в первую очередь, отправляли членов их семей), а с другой — служила жестким предостережением тем, кто собирался уйти в лес.

Первая депортация, получившая название «Весна», была проведена 22—23 мая 1948 года. Ей предшествовало принятое Советом Министров СССР 21 февраля 1948 года постановление №417—160сс о выселении из Литвы членов семей бандитов, а также бандпособников из числа кулаков. Ее результатом стало перемещение на новое место жительства 39 766 человек.

Вторая депортация началась, когда 29 января 1949 года было принято постановление Совета Министров СССР №390-138сс «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализованных бандитов, продолжающих вести вражескую работу, и их семей, а также семей репрессированных пособников бандитов».

Исполнение этого решения началось 25 марта 1949 года. Лица, подлежащие выселению, направлялись на жительство в районы Казахстана, Башкирской, Бурятской, Якутской и Коми АССР, Красноярского края, Архангельской, Иркутской, Новосибирской, Омской и ряда других областей под административный надзор органов милиции. При этом депортируемым разрешалось брать с собой деньги, ценности, одежду, продукты питания, мелкий сельскохозяйственный инвентарь общим весом до 1,5 тыс. кг на семью. На каждого арестованного и отправленного в лагерь, а также на каждую выселяемую семью заводилось учетное дело. Из Эстонии тогда было выселено 20 173 человека, из Литвы — 31 917, из Латвии — 42 149 человек¹⁷.

Сейчас в странах Балтии называют эти депортации трагедией, кое о чем при этом забывая. О том, например, что в период фашистской оккупации, по данным советского Управления по делам репатриации, из Литвы было угнано в Германию 67 тысяч человек, из Латвии — 160 тысяч, из Эстонии — 74 тысячи. При этом угоняли, главным образом, женщин от 17 до 40 лет, а подростков 15—16 лет направляли в немецкие трудовые лагеря¹⁸. Но об этих депортациях в нынешних «демократических» государствах Балтии, как уже говорилось, предпочитают не вспоминать, чтобы не нервировать лишний раз некоторых нынешних хозяев по НАТО.

Один из не выясненных полностью вопросов — общее количество погибших «лесных братьев», которое оценивается по-разному. Например, в одной из итоговых монографий, изданной в последние годы в Прибалтике, указано, что погибло более 20 200 «лесных братьев», 140 тысяч арестовано и отправлено в лагеря, а 118 тысяч депортировано¹⁹.

Отдельные цифры можно получить из чекистских источников. Так, согласно донесению от 5 января 1945 года, поступившему из НКВД и НКГБ Литовской ССР на имя Берии, к 1 января 1945 года на освобожденной территории Литвы было арестовано органами НКВД—НКГБ 12 449 человек, убито — 2574 человека. Причем среди арестованных насчитывалось 3979 членов «Армии Крайовой», 1007 участников литовского подполья, 5456 членов «бандитских шайк и бандпособников». Как видим, соотношения между идейными «лесными братьями» и уголовниками 1:5. По другим республикам это соотношение еще больше. К бандитам следует добавить дезертиров, изменников Родины и тех, кто скрывался в лесах от властей. А как они могли добывать пропитания, не имея, в отличие от «лесных братьев», поддержки местного населения — только грабежами и воровством.

В течение 1944—1946 годов органы госбезопасности ликвидировали основные силы «Союза литовских партизан» и «Армии свободы Литвы», в частности, два состава «верховных штабов», десятки окружных и уездных «командований» и отдельных бандформирований. В ходе этих операций было изъято 2400 пулеметов, 14 тысяч автоматов, 20 тысяч винтовок и 15 тысяч пистолетов.

В Латвии органами госбезопасности за период с 22 июня 1944-го по 1 августа 1945 года было убито 672 бандита, задержано и арестовано 10 285 человек, в том числе бандитов и бандпособников — 2228, изменников Родины и предателей — 1376, разного антисоветского элемента — 321, дезертиров и уклонившихся от призыва в армию — 6340 (то есть, как видим, большинство арестованных были не «борцами за свободу», а банальными дезертирами). При этом было изъято 85 пулеметов, 278 автоматов, 914 винтовок, 159 револьверов, 718 гранат, 384 мины, 111 тысяч патронов, 23 кг взрывчатых веществ²⁰.

А вот что происходило в стане бандитов на территории Эстонии, Латвии и Литвы по состоянию на 3 сентября 1946 года в каждой из республик, согласно справке, подготовленные сотрудниками МГБ. Убито: 188, 214 и 1584 «лесных братьев». Арестовано: 1587, 428 и 4421 бандитов. Было запрототолировано: 270, 696 и 1840 атак «партизан». Из них: актов саботажа — 6, 16 и 24; случаев нападений на сотрудников МВД и МГБ — 7, 24 и 64; нападений на военнослужащих внутренних войск — 14, 60 и 101; нападений на местных коммунистов — 60, 98 и 350; «налетов» на учреждения советской власти — 4, 18 и 78; нападений на представителей местной власти — 102, 336 и 1047; нападений на военнослужащих Советской Армии — 18, 15 и 35; нападений на государственные предприятия — 54, 117 и 38.

Так же учитывались и «внутренние потери отрядов» «лесных братьев». По состоянию на 3 сентября 1946 года они составили,

соответственно, в Эстонии, Латвии и Литве: умерших — 22, 23 и 105; раненых — 34, 31 и 137. Фиксировались случаи смерти среди гражданского населения. В отчете по этой позиции приведены такие цифры: 200, 320 и 2262 человека²¹.

К концу 1946 года крупные националистические бандформирования были, в основном, ликвидированы. Уцелевшие «борцы за свободу», будучи не в силах организовать сколько-нибудь массовое сопротивление Советской власти, постепенно вырождались в заурядных уголовников, живущих за счет грабежей и вымогательства²².

В качестве доказательства данные из еще одной сводки, подготовленной офицерами МГБ уже в 1947 году по ситуации в каждой из республик (Эстонии, Латвии и Литве). Согласно этому документу: «ликвидировано» «лесных братьев», соответственно, — 39, 106 и 1344; арестовано — 158, 305 и 3679 человек. Произошло вооруженных: столкновений — 16, 60 и 674; вооруженных нападений — 52, 151 и 1333, а так же зафиксировано террористических актов — 26, 74 и 877. Поясним, что под вооруженными нападениями обычно подразумевались грабежи, а террористические акты — убийства представителей советской и партийной власти. Число погибших: случайных жертв — 30, 66 и 2307; военнослужащих МГБ и МВД — 6, 6 и 56; партийных активистов — 8, 24 и 275; руководителей местной власти — 16, 36 и 1976. Так же учитывались и внутренние потери в отрядах «лесных братьев»: погибших — 2, 6 и 98; раненных — 1, 15 и 120²³.

В Латвии последний «официальный» бой с «лесными братьями» произошел в феврале 1950 года. Эстонская партизанская армия к началу пятидесятых годов превратилась в несколько разрозненных мелких банд, а литовских партизан оставалось всего лишь 5 тысяч. В 1952 году литовская партизанская армия была распущена²⁴. «Борцы за независимость» официально признали свое поражение.

К «лесным братьям» советская пропаганда, не затрудняя себя классификацией противников советской власти, причисляла и тех, кто в годы Великой Отечественной войны сражался на стороне немецкой армии или служил фашистскому оккупационному режиму.

В Эстонии массовое уничтожение отдельных групп населения летом 1941 года начали не фашисты (они еще не успели оккупировать республику), а местные жители — члены профашистами организации «Омакайтсе» («Самозащита»). Летом 1941 года в 13 уездных дружинах состояло более 20 тысяч вооруженных «самозащитников». Через два года их численность возросла уже до 65 тысяч — во всяком случае, по отчетам.

«Омакайтсе» стала кузницей и поставщиком кадров для полицейских батальонов, полиции безопасности, 20-й эстонской

дивизии СС, охранников концлагерей и тюрем. За первые месяцы оккупации во время облав «Омакайтсе» и полиция схватили более 50 тысяч человек, 8 тысяч из которых были убиты «при попытке сопротивления». Из 42 тысяч, брошенных в концлагеря, выжили несколько сотен.

Уничтожали не коммунистов (в подполье было оставлено 350 членов партии), не евреев (к зиме их расстреляли около 1000 человек, а вообще-то более 70 процентов эстонских евреев эвакуировались вместе с Красной Армией), а новоземельцев (бедных крестьян, получивших землю от Советской власти), рабочих, интеллигентов, не принявших фашизм. Сложно назвать людей из «Омакайтсе» борцами за независимость республики, если учесть, что от немцев пострадало куда больше народу, чем от советской власти — за период немецкой оккупации 125 307 человек погибло в тюрьмах и концлагерях, а 132 000 было угнано в Германию (данные из Сообщения чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях фашистов и их пособников от 29 ноября 1944 года)²⁵.

Аналогичные военизированные формирования существовали и в Латвии («Айсарги») и в Литве («Железные волки» и «Лесные братья»). Вспомогательные полицейские батальоны были наделены карательными функциями, предназначались, прежде всего, для подавления партизанского движения и действовали совместно с немецкими карателями. С конца лета 1942 года начали формироваться так называемые охранные батальоны (20 единиц, общая численность до 8 тыс. человек), которые несли «охранную службу» (в первую очередь имелась в виду борьба с партизанами) на территории Украины, Белоруссии, Югославии и Италии.

С конца 1942 года в германской армии стала ощущаться острая нехватка живой силы, и одним из источников ее пополнения стала Прибалтика. Первой прибалтийской воинской частью, воевавшей против СССР (в сентябре 1942 года, под Волховом) стал отдельный эстонский батальон. В дальнейшем прибалтийские подразделения воевали против советской армии под Колпино (1943 год), Новгородом, Псковом и на Украине (1944 год)²⁶.

Понятно, что летом 1944 года, когда советские войска вступили в Прибалтику, у этих людей было два пути: перебираться на Запад или уходить в подполье. Второй вариант означал превращение в обычных уголовников.

Когда советские войска вступили в Прибалтику, то, как фашистские пособники, так и националисты начали активное сопротивление Советской Армии. Для одних это был последний шанс спасти собственную жизнь, а для других — еще одна попытка завоевать независимость для своей родины. Впрочем, разница была в мотивах — но не в поступках...

11 августа 1944 года Лаврентий Берия докладывал в Москву: «Во всех освобожденных уездах (Литовской республики. — Прим. авт.) местная администрация, состоявшая исключительно из литовцев, сбежала. Полицию и карательные органы немцы оставляли на месте, организовывали из них отряды самообороны и предлагали им защищать свой город. Так, например, города Тракай и Паневеж защищали отряды самообороны. После того как Советская Армия входила в город, эти отряды скрывались в лесах»²⁷. После окончания Великой Отечественной войны эти люди перебрались на Запад или остались на родине, занявшись сначала «вооруженным сопротивлением», вскоре трансформировавшимся в воровство и бандитизм.

На ушедших в подполье фашистских карателей советскими органами госбезопасности была объявлена настоящая охота. 29 мая 1945 года Приказом НКГБ №00252 была введена в действие «Инструкция по учету и розыску агентуры разведывательных, контрразведывательных, карательных и полицейских органов воевавших против СССР стран, предателей, пособников, ставленников немецко-фашистских оккупантов»²⁸.

Впрочем, жесткие меры, не дожидаясь никаких инструкций, начали приниматься сразу же после освобождения Прибалтики от немцев. Об их эффективности можно судить по фрагменту одного из отчетов, согласно которому, в результате оперативно-чекистских мероприятий «с 14 по 20 июля 1944 года НКВД и НКГБ Литовской ССР было арестовано 516 человек, в том числе 51 шпион, 302 активных пособника немецких оккупационных властей, 36 участников подпольных антисоветских националистических организаций и 35 уголовников. На освобожденной территории Латвии в мае-августе 1944 года были арестованы 190 немецких агентов, сотрудников полиции, предателей, изъято 1412 винтовок, 162 автомата, 66 пулеметов, 670 гранат, 43 револьвера. На территории Эстонии, в октябре-декабре того же года, отдел по борьбе с бандитизмом НКВД СССР провел несколько чекистско-войсковых операций, в результате которых были задержаны: 356 повстанцев и 333 бандпособника. А также изъяты: 712 винтовок, 28 автоматов, 45 пулеметов, 32 револьвера и 43 500 патронов»²⁹.

Еще одна малоизвестная тема — организация борьбы с «лесными братьями». В советской художественно-документальной литературе в роли «ликвидаторов» обычно выступали чекисты, которые внедрялись в банды, вербовали агентуру в городах, командовали отрядами при облавах и т.п. В публикациях современных прибалтийских историков фигурируют воинские подразделения НКВД, которые планомерно уничтожали местных националистов. Как обычно, истина где-то посередине.

Вся тяжесть наведения порядка на освобождаемых территориях легла на спешно создаваемые территориальные аппараты

НКВД. Например, в Латвию будущее руководство республиканского комиссариата госбезопасности вошло вместе со штабом Прибалтийского фронта. Красная Армия продолжала наступление, а спешно созданные правоохранительные органы начали борьбу с политическим бандитизмом. Какими «силовыми» и оперативными ресурсами они располагали? Истребительными батальонами — укомплектованными местными жителями (признанными негодными к строевой службе), лояльно относящимися к советской власти. Их называли «отрядами самообороны», так как они базировались по месту жительства солдат. Сотрудников НКВД, присланных из других республик СССР. Этих людей было немного, да и те, по признанию заместителя министра республиканского МВД по кадрам Николая Захарова, были не самыми лучшими. Например, всех выпускников курсов усовершенствования Высшей школы НКВД СССР отправили на Украину и Молдавию, где большинство из них возглавили районные и городские органы милиции. Была еще 5-я дивизия внутренних войск НКВД СССР под командованием генерала Леонтьева, которая действовала на территории Латвии. К ней претензий у руководства республиканского НКВД не было³⁰.

В 1951 году из слушателей учебных заведений НКВД—МГБ расположенных в Саратове, Москве, Ленинграде и Орджоникидзе было сформированы отряды, общей численностью несколько сот человек, которые в течение нескольких месяцев находились на территории Латвии³¹.

В июле-августе 1944 года вслед за войсками 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов на территорию Литвы вступили подразделения внутренних войск НКВД. В их задачу входила очистка прифронтовой полосы и освобожденной территории от отставших солдат и офицеров германских частей, мародеров, дезертиров, вражеской агентуры, антисоветских элементов, пособников противника. И это было остро необходимо, поскольку в этот период заметно активизировались антисоветские силы.

В августе 1944 года на территорию республики вошла 4-я стрелковая дивизия НКВД под командованием генерал-майора Павла Ветрова. Сначала на территории Литвы дислоцировались четыре полка: 137-й, 25-й, 298-й и 261-й. В начале 1946 года к ним присоединились 32-й и 273-й полки, затем в марте 34-й, 262-й и 285-й. В конце 1946 года на территории республики базировались восемь полков: 25-й, 32-й, 34-й, 137-й, 261-й, 273-й, 298-й и 353-й. Все они были выведены после апреля 1951 года. Затем три из них (25-й, 137-й и 273-й) были ориентированы на охрану государственной границы. Оставшиеся пять полков в августе 1951 года были преобразованы в подразделения, предназначенные для проведения специальных операций. Они

существовали до 1953 года, когда на территории Литвы были ликвидированы все повстанческие формирования³².

В Литве, в силу ряда причин, было самое многочисленное среди прибалтийских республик повстанческое движение. Например, весной 1945 года в нем участвовало до 30 тысяч человек. А в целом в послевоенные годы «партизанило» или скрывалось в лесах около 70—80 тысяч человек. Для сравнения, по состоянию на 1 января 1946 года в Латвии действовало 64 бандформирования общей численностью 753 человек, в Эстонии — 55, численностью 428 человек.

Для ликвидации националистического повстанческого движения в Литве в декабре 1944 года был образован руководящий главный штаб, который координировал деятельность по этим вопросам с командованием соединений и частей Советской Армии, дислоцировавшихся на территории Литвы.

В феврале 1945 года пять полков НКВД вместе с наступающими войсками Советской Армии из Литвы были переброшены в Восточную Пруссию. Часть из них (13-й, 86-й и 132-й) в июне 1945 года были возвращены обратно, а остальные расформированы — в связи с окончанием Великой Отечественной войны. Войска НКВД охраны тыла 1-го Прибалтийского фронта (31-й, 33-й и 216-й полки) так же сначала разместили на территории республики, потом их отправили в Восточную Пруссию, а затем снова вернули обратно. Правда, потом 216-й полк заменили да 217-й пограничный полк, который входил в состав Белорусского фронта. Из Латвии в Литву в июне 1945 года перебросили 12-й и 13-й пограничные полки. Затем 217-й пограничный полк был преобразован в 220-й пограничный полк. Его не отправили в Восточную Пруссию, зато его военнотружашим пришлось участвовать в ликвидации повстанческих отрядов.

В течение 1944-1945 годов в ликвидации «лесных братьев» участвовали семь пограничных полков: сначала 94-й, 95-й, 97-й, 23-й, а затем 113-й, 115-й и 116-й. Первые четыре из них участвовали в контрпартизанской борьбе до февраля 1945 года, затем 23-й полк направили для охраны побережья Балтийского моря, охранять границу между Литвой и Восточной Пруссией назначили 97-й и, частично, 95-й полк. А обеспечивать непроходимость границы между Литвой и Польшей возложили на 94-й и 95-й полки. Эти подразделения, численностью до 1000 человек, боролись с «лесными братьями» в пограничной полосе шириной 50—70 км, а также ловили тех, кто пытался тайно перейти сухопутную границу. К концу 1947 года, когда граница была полностью оснащена инженерно-техническими средствами охраны, оборудована минными полями и размещены пограничные посты, нелегально пересечь ее стало очень опасно. Это привело к тому, что западные разведки были вынуждены забрасывать своих агентов морским или воздушным путем.

Части и подразделения 4-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД (при содействии соединений и частей Советской Армии) участвовали с 1944 по 1945 год в 1764 операциях и 1413 боевых столкновениях. В ходе них было убито и захвачено в плен 30 596 повстанцев и собрано 17 968 единиц стрелкового оружия.

Прибалтийские историки выделяют три этапа борьбы войск советской госбезопасности с повстанцами.

Первый этап продлился с 1944 по 1945 год. В это время советское командование активно использовало так называемую тактику «Каменного казака» «Tartar-Cossak». На практике это означало проведение контрпартизанских операций на территории всей республики.

Второй этап начался в марте 1946 года, когда войска были размещены в более чем 200 гарнизонах, и закончился в 1948 году, когда были подавлены основные очаги сопротивления повстанцев.

Третий этап начался в 1949 году, когда большинство населения Литвы начало поддерживать советскую власть.

Непосредственное участие в облавах, обысках и арестах принимали не все военнослужащие полков НКВД, средняя численность каждого из которых — примерно 1500 солдат и офицеров. Из них только 700—800 человек участвовали в боевых операциях. Остальные охраняли штаб полка и командование трех батальонов, а так же служили в вспомогательных подразделениях: связь, транспорт, медицина, снабжение и т.п.³³

По-другому, выглядела ситуация с пограничными полками. Они имели постоянные места дислокации. Каждый полк состоял из трех батальонов (каждый численностью 300 человек). Соответственно, каждый батальон из трех рот (в каждой от 60 до 70 человек). Три взвода (в каждом от 15 до 25 солдат) образовывали роту. А каждый взвод состоял из трех отделений (в каждом от 6 до 8 человек)³⁴.

Формально, борьба с политическим бандитизмом — это задача Главного управления Борьбы с бандитизмом (ГУ ББ) НКВД СССР и его региональных подразделений. До 1 декабря 1944 года ГУ ББ именовался Отделом борьбы с бандитизмом (ОББ) НКВД СССР. Самостоятельным подразделением НКВД ОББ стал 30 сентября 1941 года, когда его вывели из состава Главного управления милиции (ГУМ) НКВД. ГУ ББ НКВД СССР просуществовал до 4 февраля 1950 года, когда его преобразовали в Главное управление оперативного розыска (ГУОР) МВД СССР³⁵.

О героической борьбе с бандитизмом сотрудников ГУ ББ НКВД на территории СССР прекрасно рассказано в повести Эдуарда Хруцкого «Приступить к ликвидации» (по ней снят одноименный фильм) и романе «Четвертый эшелон». На самом

деле в борьбе с повстанцами участвовали почти все сотрудники местных органов госбезопасности. Упомянутый выше Николай Захаров регулярно выезжал на боевые операции, часто попадал в засады, а два раза от гибели его спасло только чудо. То же самое можно сказать о других руководителях республиканского НКВД, большинство из которых были латышами по национальности.

О том, как работали территориальные органы госбезопасности можно узнать из отчета Псковского управления НКВД за период с сентября 1944 года по март 1946 года. Формально это подразделение обслуживало территорию РСФСР, но в зону ее ответственности входили три района — Пыталовский, Качановский и Печерский, которые до сентября 1944 года были частью Латвии и Эстонии. По утверждению руководителя НКВД Псковской области, «в этих районах, расположенных на бывшей границе СССР, поселены на жительство бывшие активные участники белогвардейских отрядов, получивших от Латвийского буржуазного правительства наделы земли (хутора) и в период существования буржуазного правительства в Латвии, большинство из этих лиц являлись сотрудниками разведывательных органов, вели активную работу против Советского Союза. Эти же лица были базой для создания военно-фашистской организации "айзсаргов", "кайцелитов" и "амокайтес", при помощи которых в Латвии было свергнуто демократическое правительство и восстановлен полуфашистский строй УЛЬМАНИСА.

В период временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками этих районов, "айзсарги", "кайцелиты" и "амокайтесы" возобновили свою связь с указанными организациями и активно оказывали помощь немцам, состоя на службе в полицейских и карательных органах, проводили зверскую расправу с советскими гражданами.

При освобождении от немцев местности, в этих районах, в результате проводимой агитации со стороны указанной категории лиц, до 75% населения уклонилось от службы в Красной Армии, перешло на нелегальное положение и вошло в контрреволюционные банды, которые на протяжении длительного времени ведут вооруженную борьбу с советской властью, ставят своей задачей свержение Советской власти в Прибалтике и совершение террористических актов над советско-партийным активом».

По утверждению чекиста, таких отрядов не меньше десяти. К ним следует добавить банды, проникающие на территорию Псковской области из соседних республик. С «лесными братьями» активно боролись. Так, за указанный выше период времени, ликвидировано бандитских групп 9, арестовано бандитов — 68 человек, убито — 16 человек, легализовано — 31 человек и арестовано пособников бандитов — 16 человек. А из десяти за-

регистрированных на территории области банд в марте 1946 года продолжала действовать только одна.

А вот несколько типичных преступлений, которые характерны для территории всей Прибалтики.

Банда численностью до 20 человек 28 февраля 1945 года произвела массовое ограбление 13-ти хозяйств в деревне Заходы, и тогда же этой бандой был разгромлен Заходский сельсовет.

В ночь на 2 мая 1945 года вооруженная банда, численностью до 10 человек, руководимая Питерсом Суппе, пришедшая с территории Латвийской ССР, совершила бандитский налет на хутор. Налетчики расстреляли семью крестьянина и ночевавшего у него местного сельсовета. Погибло 7 человек.

Эта же банда, 8 июня 1945 года, убила заместителя начальника УНКВД Псковской области.

А 6 июня 1945 года банда численностью до 10 человек, явилась в школу и сельсовет, разбила все окна и поломала мебель, а затем ограбила магазин СельПО и скрылась в лес на территории Латвийской ССР.

В ночь на 18 августа 1945 года бандой в количестве до 13 человек, перешедшей с территории Латвийской ССР ограблено пять крестьянских хозяйств.

Бандиты, вооруженные винтовками, автоматами и гранатами, 20 ноября 1945 года ограбили сначала сельсовет, затем одинокого прохожего, после этого в медпункте забрали весь перевязочный материал и часть лекарств, а у двух фельдшеров деньги. После этого они скрылись на территории Латвии.

Ночью 30 января 1946 года был совершен вооруженный налет на хутор. Хозяюку убили из огнестрельного оружия, а лошадь с санями, разные вещи и продукты питания забрали с собой³⁶.

В конце сороковых — начале пятидесятых годов прошлого века агенты иностранных спецслужб часто действовали теми же методами (убийства, грабежи и т.п.), что и местные «лесные братья». Поэтому часто мероприятия по их нейтрализации, которые проводили советские правоохранительные органы, напоминали войсковые операции. Если о борьбе с бандитизмом в СССР было написано достаточно много, то о контрразведывательных операциях почти ничего.

Даже спустя полвека после тех событий Москва, Лондон, Вашингтон, Париж, Бонн и Стокгольм стараются избегать любых упоминаний в «открытой» печати подробностей операций собственных спецслужб. Ведь основу их работы в советской Прибалтике составлял факта существования антисоветско-националистического подполья и бандформирований на территории этого региона. Хотя к 1948 году, как уже было сказано выше, большинство «лесных братьев» погибло в боях с чекистами или оказалось в ГУЛАГе. При этом отсутствие «пятой колонны» старались не замечать по обе стороны «железного занавеса».

В СССР в существовании мифа о многочисленных и коварных «лесных братьях» были заинтересованы сами чекисты. По двум причинам — они позволяли проводить оперативные игры типа «Трест» или «Синдикат» с западными спецслужбами, а еще на «врагов народа» можно было списать трудности послевоенной жизни.

А на Западе очень болезненно воспринимали любые публикации, где говорилось не только о многочисленных неудачах собственных спецслужб в Восточной Европе, но и о фактическом отказе от реальной поддержки антисоветских национальных освободительных движений оружием, боеприпасами и военными советниками. Ведь наличие многотысячной армии радикально настроенных оппозиционеров не требовало каких-либо крупномасштабных акций. Да и опасно это было. Все помнили победоносный поход Советской Армии по странам Восточной Европы.

Была и еще одна причина. Запад пытался использовать многочисленные прибалтийские антисоветско-националистические организации для сбора информации о ситуации за «железным занавесом», хотя при этом декларировал просто поддержку в борьбе с советской властью. А в сфере шпионажа результаты не вдохновляли. Например, Гарри Розикке, руководящий сотрудник отдела стран советского блока ЦРУ, принимавший участие в разработке и осуществлении операций по их «поддержке», сделал такие выводы:

«В конце концов мы потеряли большую часть забрасываемых агентов. Мы не считали, что какие-либо из повстанческих организаций представит какую-либо угрозу для Москвы или агенты обеспечат наблюдение за большей частью территории СССР, как это позднее удалось сделать с помощью самолетов У-2 и спутников. Но тогда мы очень боялись русских и делали все, что могли...

Я считаю, что с самого начала все эти операции были обречены на провал. Тайные операции оказались не более, чем хитроумной выдумкой, дающей результат лишь в том случае, если внутренние силы какой-либо страны уже движутся в том направлении, котором хотелось бы подтолкнуть ЦРУ. Если такая ситуация отсутствует, тайная операция или провалится, или даст обратные результаты»³⁷.

Несмотря на скептическое отношение самих сотрудников ЦРУ к возможностям засылаемой за «железный занавес» агентуры, в СССР к этой угрозе относились очень серьезно. Дело не только в традиционной для Иосифа Сталина «шпионофобии», но и стремление скрыть от потенциального противника реальный уровень боеготовности к третьей мировой войне. Первая пятилетка «холодной войны» — это не только создание «ядерного щита и меча», но и строительства множества аэродромов,

восстановление ресурсов военно-промышленного комплекса и т.п. Не следует забывать и о «железном занавесе», который в буквальном смысле скрыл от Запада все, что происходило на бескрайних просторах Советского Союза.

Москву очень беспокоила активизировавшаяся деятельность иностранные спецслужбы. Причем, ничуть не меньше, чем многочисленные банды, действующие на территории Прибалтики.

Чем же должны были заниматься иностранные агенты и почему они были так же опасны для советской власти, что и обычные уголовники? Например, английский журналист и авторитетный специалист по истории спецслужб Филлип Найтли в книге «Ким Филби — супершпион КГБ» так охарактеризовал операции британской разведки в Прибалтике в первые годы «холодной войны»: «начатая в 1945 году девятым отделом СИС латвийская операция была расширена и распространена на территорию Литвы и Эстонии. Она превратилась в дерзкую и наглую операцию, когда молодые сотрудники СИС совершали ночные рейсы к советскому побережью на быстроходных патрульных катерах с целью обеспечения антисоветских групп радиосредствами, взрывчаткой и цианистыми таблетками». Звучит романтично, в стиле походов Джемса Бонда. В жизни все было значительно проще.

Пассажиры — агенты, которые «вербовались в лагерях для перемещенных лиц в британской зоне оккупации Германии и переправлялись в Великобританию для прохождения подготовки. Германские патрульные катера переделявались в британские и, действуя, под прикрытием службы по защите рыболовства, сотрудники СИС высаживали с них агентов на побережье Балтики. По высадке агенты прятали радиоаппаратуру и оружие и пытались установить с местными антисоветскими группами»³⁸, которые сражались за независимость своей родины.

В качестве примера численности и уровня оснащения такого разведывательно-диверсионного подразделения — эпизод из работы советской контрразведки того периода. В октябре 1944 года была ликвидирована агентурная группа фашистской разведки. По этому делу было арестовано 25 человек, у которых изъято 6 портативных радиостанций, 2 ручных пулемета, 19 автоматов, 14 винтовок, 17 пистолетов, 170 ручных гранат, боеприпасы, обмундирование солдат и офицеров советской армии, советские ордена и фиктивные документы. Ядро группы — шесть агентов немецкой разведки, основная задача которых — диверсии на территории Эстонии³⁹.

А вот ситуация в соседней республике — Латвии. С сентября по декабрь 1944 года в северных районах этого государства действовало около 50 диверсионных групп. Для них было оборудовано около 100 тайных хранилищ оружия и взрывчатки. В «Курляндском котле» с октября 1944-го по май 1945 года нацисты

завербовали около 2000 диверсантов почти во всех волостях этого западного региона республики. Из немецких полицейских были созданы диверсионные группы по 10—12 человек в каждой⁴⁰.

Одна из первых успешных операций советской контрразведки в Эстонии того периода — ликвидация двух разведывательных групп «Хаукка» («Haykka») и «Тюмлер» («Tumler»). Руководители организаций Лео Талгре (Leo Talgre) и Тоомас Хеллат (Toomas Hellat) (сотрудничал с абвером — германской военной разведкой). Большинство членов «Хаукка» — бойцы диверсионного отряда «Эрна» (Егпа), который летом 1941 года действовал в тылу Красной Армии.

«Хаукка» была создана в октябре 1943 года немецкой разведкой и формально просуществовала до мая 1944 года. Затем Берлину потребовались кадры для шпионской деятельности в тылу советских войск, большинство членов «Хаукка» были распределены в шесть агентурных групп и рассредоточены по наиболее важным в стратегическом отношении районам Эстонии. Операцию по развертыванию своей резидентуры немцы закодировали и дали ей название «Тюмлер»⁴¹.

Четырнадцать радистов из отряда «Эрна» прошло специальную подготовку в Финляндии, поэтому нет ничего удивительного в том, что руководство организации довольно быстро договорилось с начальником финской радиоразведки Халламаа (Hallamaa) и капитаном 3-го ранга Аулио (Aulio). В обмен на информацию, касающуюся немцев, финны брали на себя обязательство осуществлять подготовку членов группы «Хаукка», а так же снабжать их снаряжением и транспортом. Довольно быстро была организована радиосвязь. Сотрудничество продлилось недолго.

В октябре 1944 года, после того, как СССР и Финляндия объявили о перемирии, руководство организации получило краткое сообщение: «Ваш вывоз невозможен, скрывайтесь». Вот и все, что смог сделать Центр. А еще позаботиться о безопасности своих кадровых сотрудников. В ходе операции «Стелла Полярис» («Stella Polaris») в Швецию были эвакуированы финские офицеры разведки, наблюдавшие за работой группы.

А вот второй группе повезло еще меньше. Радисты «Тюмлера» летом 1944 года прошли подготовку в немецких разведшколах. После серии военных неудач и освобождения Красной Армией Балтии выяснилось, что группа оказалось «бесхозной». И тогда, летом 1944 года, Тоомас Хеллат отправился на шведской моторной лодке в Стокгольм. В течение недельного пребывания там он установил контакты с британским офицером разведчиком Александром Васильевичем Мак-Киббином, а так же секретарем американского посольства Гарри Карлсоном, руководящим американской разведывательной службой в Швеции⁴².

Английский разведчик сыграет одну из ведущих ролей в серии операций проводимых советскими органами безопасности. Именно его самонадеянность и идеализм в отношении антисоветско-националистического движения в странах Балтии станут роковыми для Лондона. А ведь он был профессионалом, и в Москве внимательно следили за его карьерой.

Свою шпионскую деятельность против СССР он начал еще во времена существования Эстонской буржуазной республики, действуя на территории этой страны под «прикрытием» лесопромышленника. После национализации лесоэкспортной фирмы в 1940 году он был назначен официальным сотрудником английского паспортного бюро в городе Таллине, под прикрытием которого английская разведка вела шпионаж из Эстонии против СССР. В августе 1940 года в составе английского консульства он срочно покинул страну. Во время Второй мировой войны он не утратил своих тесных связей с британскими секретными службами. Мы еще не раз встретимся с этим человеком. Ведь, «по данным 2-го Главного Управления МГБ СССР (контрразведка. — Прим. авт.) за 1951 год, МАК-КИББИН до последнего времени являлся официальным сотрудником английской разведки, руководил подготовкой и заброской английской агентуры на территорию Советской Прибалтики. В настоящее время (по состоянию на 1954 год. — Прим. авт.) МАК-КИББИН находится в отставке и проживает в Лондоне»⁴³.

Многие историки считают, что о встрече Тоомаса Хеллата с представителями британской разведки стало известно Москве, и обе группы были обречены на провал. Действительно, 6 ноября 1944 года в Эстонии арестовали Эрика Ионаса (Erik Joonas), Тарма Меристу (Tarmo Meristu) и Хельмута Педаника (Helmut Pedanik). После серии интенсивных допросов офицеры контрразведки установили почти всех членов «Хаукка» — «Тюмлера». Их задержали 5 и 6 декабря 1944 года.

А 10 числа того же месяца сотрудники советских органов госбезопасности схватили самого Тоомаса Хеллата. Во время одного из допросов он «сломался» и согласился сотрудничать с чекистами (освобожден 11 июля 1955 года). Подробное признание, написанное собственной рукой, до сих пор продолжает храниться в Партийном архиве — филиале Эстонского Государственного Архива. А сам он активно сотрудничал с чекистами в качестве внутрикамерного агента (псевдоним «Хаакла» (Haakla)), часто исполняя роль «подсадной утки».

Понятно, что после вербовки Тоомаса Хеллата последние члены «Хаукка» оказались в заключении. Всего же он назвал более 200 имен соратников, большинство из которых погибло при задержании (пытались оказать вооруженное сопротивление) или были осуждены на длительные сроки тюремного заключения. Прошло две недели и во время задержания 17 декабря

на улице Ныыма в Таллине застрелен Лео Талгре. Известие о полной ликвидации этих двух групп эмигранты получили слишком поздно⁴⁴.

Зато в Москве 27 декабря 1944 года получили донесение такого содержания:

«В процессе дальнейшей ликвидации вскрытого НКГБ ЭССР националистического подполья, возглавляемого так называемым «национальным комитетом», арестована большая группа участников подполья. В их числе руководитель «национального комитета» в Эстонии Эрнст Куль; возглавлявший агентуру подполья Рандма, его помощник и основной радист, поддерживающий постоянную связь со Стокгольмом, Михкель Тоомсалу.

Следствие и розыск агентуры продолжается».

В 1945 году еще никто не знал, что через девять лет эстонским чекистам придется запросить из архива все материалы по делу «Хаукка» и внимательно изучить их. Дело в том, что британская разведка в 1954 году вдруг заинтересовалось судьбой советского агента «Хаакла» (Тоомаса Хеллат).

У сотрудников госбезопасности курировавших тюрьму к своему «негласному помощнику» претензий по работе не было. Об этом они сообщили своим коллегам из контрразведки. «Как внутрикамерный агент "Хаакла" зарекомендовал себя с положительной стороны, и по своим личным качествам категории агента соответствует».

И тогда чекисты решили: «в целях использования его в мероприятиях против иностранных разведывательных органов, намечено осуществить его досрочное освобождение из заключения, и с легендой о побеге с места обязательного поселения, перевести на нелегальное положение (вышел на свободу из ворот таллинской Внутренней тюрьмы КГБ 11 июля 1955 года. — Прим. авт.)

После освобождения "Хаакла" из заключения работа с ним будет вестись в направлении его тщательной перепроверки и дальнейшего закрепления на практической работе с органами госбезопасности, в зависимости от этого будут разработаны мероприятия по его использованию против иностранных разведывательных органов, по линии ведущихся радиоигр с английской и шведской разведками».

Предложенный выше план так и не был реализован⁴⁵.

Понятно, что если в Лондоне и Стокгольме в 1954 году не знали об успехах советских органов госбезопасности, то что тогда говорить про 1945 год. Поэтому зарубежными разведцентрами предпринимались неоднократные попытки поддерживать тайную связь с националистами в советской Эстонии. Для этого использовали флотилию катеров, которая была создана еще во время фашистской оккупации. С октября 1944 года этим

каналом руководила иностранная комиссия Национального комитета Эстонской республики, который находился на территории Швеции. Она вербовала агентов из числа беженцев, с тем, что бы заслать их в Восточную Европу. Эта линия связи была рассчитана на то, что группа «Хаукка» существует и продолжает осуществление своей миссии в Эстонии. Помимо патриотических мотивов, ряд агентов, направляемых в Эстонию, руководствовался личными интересами, возвращаясь на родину.

Среди тех, кто регулярно совершал опасные рейсы за «железный занавес», был бывший артиллерист — лейтенант советской армии Аркадий Валдин, который в бою под Старой Руссой перешел на сторону врага. В годы немецкой оккупации был начальником оперотдела пярнуской «Омакайтсе» и в то же время резидентом 182-й немецкой военно-полевой комендатуры.

Бывший его командир по «Омакайтсе» так характеризовал его деятельность:

«...он знал хорошо службу, был дисциплинированным офицером, но пытался самостоятельно вести дела без ведома командира. Подчиненные его не любили, так как он относился к ним грубо. Иногда излишне употреблял алкоголь. Его часто посещал немецкий зондерфюрер Редлих (руководитель абвергруппы 326)...»⁴⁶.

В 1946 году его арестовала шведская полиция. В тюрьме он стал агентом местной разведки по кличке «Атс» («Аts»). Первое задание — найти и подготовить людей для заброски в Прибалтику.

В октябре 1946 года он завербовал Гарри Вимма («Вилли») (Harri Vimm, «Villi»), а год спустя — Энделя Унта («Сузи») (Endel Unt, «Susi») и Иоанна Малтиса («Ионас») (Joann Maltis «Joonas»). Все они в период с 1944 по 1945 год бежали в Швецию и работали там чернорабочими. В СССР у них оставались семьи. Курс специальной подготовки был поверхностным и включал обучение работе на радиостанции, шифрованию и тайнописи.

Три шпиона 15 октября 1948 года высадились возле Лохуса — лу на северо-западе страны. Планировалось, что агенты установят связь с группами «Хаукка» и «Тюмлер», а так же другими группами сопротивления. Весной 1949 года Аркадий Валдин намеревался вывезти их вместе с женами обратно в Швецию. Хотя в первоначальный план пришлось вносить коррективы. Выяснилось, что среди адресов «явок», которые им дали, оказались имена давно арестованных связников Тоомаса Хеллата и Уло Ыги (Ulo Iogi). Этот факт остался без должного внимания Аркадия Валдина.

После высадки «Ионас» (Иоанн Малтис) отправился в западную часть республики, а его напарники в Таллин. При этом все трое вели себя неосторожно. Посещали родных и знакомых,

хвастались всем о том, что они прибыли из Швеции со специальным заданием. В условиях жесткого контрразведывательного режима это гарантировало почти мгновенный «провал». Поэтому ничего удивительного в том, что 22 октября некий лесничий, в гостях у которого побывал «Вилли» (Гарри Вимма), сообщил о визитере куда следует. В тот же день его арестовали в городе Синди. После допроса, на основании полученной информации, 28 октября в Таллине задержали «Сузи» (Энделя Унта), а 18 ноября «Ионаса» (Иоанна Малтиса).

Агенты прекрасно понимали, что их ждет в случае молчания, поэтому подробно рассказали следователям обо всех, кого они успели или планировали посетить. На основании их показаний арестовали 20 человек⁴⁷.

С участием Гарри Вимма («Вилли») Энделя Унта («Сузи») и Иоанна Малтиса («Ионас») советские контрразведчики планировали провести, как минимум, две радиоигры: «Слепой» и «Север».

В первой использовали «Вилли» (Гарри Вимма), который сообщил в Стокгольм о существовании мифического «Комитета освобождения Эстонии» (EVK, Estonian Liberation Committee) и представил двух активных членов этой организации, по совместительству агентов органов госбезопасности: Гарри Моора («Историк») (Hani Moor, «Istorik») и Адама Рандалу («Москвин») (Adam Randalu).

При этом он решил начать «двойную игру» и попытаться сбежать из СССР. Например, дождавшись вызова из Швеции. По наивности он поделился своими планами с сокамерником, а тот сообщил куда следует. Суровое наказание за коварные намерения последовало незамедлительно — Гарри Вимма («Вилли») расстреляли. Несмотря на это, радиоигра продолжалась, ведь в Стокгольме получили сообщение о том, что он отдал свою рацию Энделю Унту («Сузи» и «Муру»), перед тем как попытаться пересечь Финский залив и попасть в Финляндию. Попытка добраться до Центра закончилась неудачно — агент «утонул». Шведы поверили этой версии и приказали «Сузи» (Энделю Унту) передать радиопередатчик членам «Комитета освобождения Эстонии».

Операция «Север» предусматривала создание мифической группы «лесных братьев». Она тоже стартовала успешно. Например, в 1950 году в Стокгольме узнали, что «Сузи» (Эндель Унт) принял участие во встрече «партизан» юго-западной Эстонии, где обсуждалась новая тактика партизанской борьбы. Понятно, что после этого мероприятия большинство бандитов были арестованы.

В конце августа 1951 года «Сузи» (Эндель Унт) получил радиограмму, где сообщалось о прибытии новой шпионской группы, которую планировалось высадить на северо-западе респуб-

лики, около деревни Ныва. В результате самоуправства советских пограничников все четверо гостей погибли в перестрелке. Подробнее об этом инциденте будет рассказано ниже.

А вот судьба напарника «Вилли» (Гарри Вимма) и «Сузи» (Эн-деля Унта) сложилась как у большинства «лесных братьев» и националистов. «Ионаса» (Иоанна Малтиса) сотрудники контрразведки сочли непригодным к участию в райоиграх, судили и отправили на 25 лет в лагеря.

Другая попытка восстановить связь с группой «Хаукка» приняла команда из трех человек: Элви Ормус-Акман (Elvi Ormus-Akman), Аксель Вахтрас (Aksel Vahtras) и Вольдемар Пярсон (Voldemar Paarson). Они намеревались передать соратникам коды и расписание сеансов радиосвязи. Для этого они тайно высадились 2 июня 1946 года на острове Хиумаа. Понятно, что операция изначально была обречена на провал: на обратном пути в Швецию их задержали советские пограничники.

Более серьезным мероприятием оказалась экспедиция юриста Рудольфа Сааго (Rudolf Saago) и рыбака Арсения Сагура (Arseni Sagur), которые служили не только Национальному комитету (Estonian National Committee), но и одной из западных разведок. В Швеции их завербовали Ян Отс (Jaan Ots) и Эндел Пеедо («Лепик») (Endel Peedo, «Lepik»), которые поддерживали контакты с британскими секретными службами. Правовед получил рацию и был проконсультирован, как ей пользоваться. В его задачи входило установление контактов с группами «Хаукка» и «Тюмлера», встреча с эстонскими «лесными братьями», а также получение документов и военной стратегической информации. Именно последняя в первую очередь интересовала Лондон.

Глубокой ночью 1 ноября 1946 года они высадились на берегу острова Сааремаа. Через несколько дней юрист оказался сначала в Таллине, а потом в Тарту. Чудом избежав ареста (все явки были «провалены»), Рудольф Сааго не потерял самообладания. Затаился на несколько недель, а в середине декабря снова приехал в столицу Эстонии⁴⁸. Его знакомый, студент политехнического института, без колебаний согласился работать на иностранную разведку.

Новый резидент Виллеуи Эннук (возможно, что это и другие имена в этой истории изменены, т.к. в качестве источника использовалась художественно-документальная повесть — Прим. авт.) получил рацию американского производства, кварцы, коды, инструкцию по радиосвязи, а так же аванс. В числе других шпионских принадлежностей был фотоаппарат «Минокс», пленки к нему; перечень вопросов, интересующих разведку; два пистолета с патронами и ампулы с ядом. Так же ему вручили листок с календарным расписанием и временем сеансов радиосвязи.

Прожив несколько дней на квартире у Эннука, Сааго не терял времени даром. Успехи придали ему новые силы. Он встретился со своими старыми знакомыми Альви Ридала и Идой Сепп и завербовал их для сбора разведывательной информации. Новоявленные шпионы успели передать ему ряд секретных данных и образцы советских документов. В дальнейшем они должны были передавать сведения через связного, который явится с ним с условным паролем. Вербовщик рассказал об этом хозяину квартиры и просил его периодически навещать агентов, получать от них материалы и по степени их значимости оплачивать.

В течение непродолжительного времени сам Эннук завербовал в сою группу двух единомышленников: Олева Кярка и Энделя Курга — опытного радиста. Кроме того, «резидент» оборудовал тайник в одной из комнат. В него можно было проникнуть только через стенной шкаф, приподняв скрепленные снизу две половицы. «Хранилище» было хорошо оборудовано и замаскировано. Его трудно было обнаружить даже при самом тщательном обыске.

Юрист вернулся к напарнику на остров Сааремаа, где они стали ждать шведского катера⁴⁹. Операцию по их эвакуации сорвали советские пограничники. Судно так и не смогло причалить, а после 13 декабря 1946 года и сама надобность в этом отпала. Чекисты арестовали агентов, несколько суток интенсивных допросов и в первых числах января 1947 года контрразведка отпраздновала очередную победу. На скамье подсудимых оказалось 16 человек.

Была предпринята попытка начать оперативную игру, но ее пришлось прекратить. Стокгольм не отвечал на радиограммы. По мнению некоторых историков, основная причина провала — неудачно выбранное время. Эмигрантские организации постепенно отошли от активной самостоятельной работы за «железным занавесом», а спецслужбы США, Англии и Швеции только организовывали свою работу.

Похожая ситуация сложилась и у членов другой группы, которая высадилась 2 декабря 1946 года на острове Сааремаа между Курессааре и Ориссааре. Шесть человек во главе с Ричардом Саалисте (Richard Saaliste) намеревались наладить связь между эмигрантами и «лесными братьями», а так же организовать вооруженное сопротивление советской власти. При высадке катер был поврежден, а рация потеряна. Группа разделилась и тайно проникла на материк. Продержались они недолго. В августе 1947 года чекисты арестовали Мартина Таммиксалу (Martin Tammiksalu), Александра Краби (Aleksander Krabi), Василия Тарбиса (Vassili Tarvis) и Эйнара Нурка (Einar Nurk). Пауль Мутсо (Paul Mutso) погиб при задержании. Руководитель команды прожил на территории Ляэненского уезда до 14 декабря 1949 года. В тот день он погиб в перестрелке с чекистами⁵⁰.

Слухи о появлении группы британских агентов дошли до одного из отрядов «лесных братьев». Бандиты решили разыскать гостей из-за «железного занавеса» и установить с ними контакт. Аналогичная задача стояла у местных чекистов — выйти на представителей бандформирования под видом британских агентов.

Для этого в Риге подобрали роскошную квартиру с дорогими интерьерами и «поселили» в ней английского «джентльмена», который играл роль резидента. Для людей, которые прожили не один год в лесных землянках, атмосфера изысканности и аристократизма служила главным подтверждением того, что это не «ловушка» чекистов.

Операция прошла успешно. Сначала сотрудник госбезопасности «Фердинанд» побывал в лесном лагере бандитов и сделал множество фотографий, якобы для отчета в Лондон. Вот так местные органы безопасности получили групповые портреты почти всех «лесных братьев» действующих в зоне их ответственности.

Затем на специально организованной конференции, которая проходила 13 октября в Риге, захватили командиров почти всех отрядов «лесных братьев» базировавшихся в Видземских лесах. Даже если бы кто-то из них в последний момент смог вырваться из «ловушки», то был бы все равно обречен. Ведь удостоверения личности «партизанским» главарям изготовили сами чекисты. А без этих документов невозможно перемещаться по республике. На всех дорогах организованы посты.

Хотя на этом операция не закончилась. Через какой-то время «Фердинанд» оказался в Лондоне, участвуя еще в одной оперативной игре³¹. Информация о ее результатах продолжает оставаться секретной и в наши дни.

Несмотря на положительный опыт противодействия деятельности британской и шведской разведок, МГБ в первые годы «холодной войны» не удавалось контролировать ситуацию. Например, 6 августа 1946 года в латвийский порт Звениекциемс на катере тайно приплыли два руководителя Центрального комитета Эрикс Томсон (Eriks Tomsons) и Ричардс Занде (Richards Zande). Им удалось незаметно проникнуть на материк и до ноября 1946 года действовать самостоятельно, используя свой радиопередатчик.

Когда у них сломалась рация, то Центр рекомендовал обратиться к «Другу» (Аугуст Бергманис). «Встреча прошла успешно, — сообщил Занде напарнику. — Я очень рад, что Бергманис не попал под контроль МГБ». Понятно, что после этой встречи за обоими агентами установили наружное наблюдение. В марте 1947 года было принято решение об их аресте. А Лондон получил соответствующее тревожное сообщение: «Большие неприятности. Занде и Томсон арестованы. Мне удалось скрыться,

но я опасаюсь, что Занде выдаст. Всю деятельность прекращаю. Вызову вас, когда буду в безопасности». Больше Аугуст Бергманис на связь не выходил. Чекисты решили прервать эту операцию. Хотя такое происходило крайне редко. Обычно контрразведка старалась по максимуму использовать каждого иностранного агента.

Другой пример оперативной игры. В 1947 году литовские чекисты ликвидировали «Всеобщее демократическое освободительное движение». Через какое-то время оно возродилось, правда, теперь им руководили агенты госбезопасности (бывшие политики, офицеры буржуазной литовской армии, священнослужители, другие известные общественные деятели, которым доверяло эмигрантское сообщество). Организация регулярно проводила совещания с участием настоящих «партизан» и националистов. Большинство «лесных братьев» настороженно относились к этой структуре, а вот британская разведка верила. В результате несколько ее агентов были арестованы⁵².

А вот пример внедрения советского разведчика в разведшколу спецслужбы одной из западноевропейских стран — история агента МГБ «Апогс» («Apogs»). Бывший рижский студент Видвуд Свейцс (Vildus Sveis) 11 октября 1948 года в качестве мнимого беженца был переправлен в Швецию. И хотя член Центрального комитета (Central Council of Latvia) Вернер Тепферс (Verners Tepfers) относился к этому парню с недоверием, тем не менее, по просьбе Александра Мак-Киббина, вербовщик предложил ему пройти курс подготовки в разведшколе в Линдгэ. Понятно, что «Апогс» (Видвуд Свейцс) согласился с заманчивым предложением. Ведь в этом учебном заведении проходили подготовку множество людей, большинство из которых будет тайно переправлено за «железный занавес».

Вечером 1 мая 1949 года территориальные воды Швеции покинул быстроходный катер с шестью агентами британской и шведской спецслужб на борту: Ионас Декснис (Jonas Deksnys) (командир группы, успевший до этого дважды побывать в Литве), литовцы Вольдемарас Бриедис (Voldemaras Briedes), Каземирас Пиплис (Kazimieras Pyplis), эстонцы Игорь Эплик (Igor Elpik) и Эндель Суустер (Endel Suuster), а так же агента МГБ Видвуд Свейцс («Апогс»), Добравшись до берега на двух резиновых лодках, незваные гости скрылись в лесах. «Апогс», незаметно отстав от группы, предупредил о высадке шпионов местные органы госбезопасности. В результате чекистам удалось задержать всех, кроме Каземираса Пиплиса (он сбежал, примкнул к «лесным братьям» и погиб в 1952 году). Другой арестованный, Игорь Эплик, умер в больнице (при задержании его слишком сильно ударили рукояткой пистолета по голове). Судьба трех оставшихся в живых агентов сложилась относительно удачно. Все они дали согласия на свое участие в оперативных

играх. Например, Эндель Суустер активно участвовал в радиоигре «Явка», которая проводилась с целью укрепить доверие к операциям «Слепой» и «Север»⁵³.

Ничего не подозревавшие шведы в апреле 1950 года отправили в Литву очередную группу под руководством «Гунна». В нее входили эстонцы Эвальд Халлиск (Evald Hallisk) и Олаф Леола (Olaf Leola) («Гунн»), а так же литовец по имени «Томас» (Tomas). В ночь на 18 апреля они высадились на территории Литвы. По непонятной причине Олаф Леола добровольно сдался властям и сообщил о своих напарниках. Халлиск был арестован 22 апреля, а «Томас» погиб в тот же день в перестрелке.

Дальнейшая судьба двух оставшихся в живых незваных гостей сложилась по-разному. Эвальд Халлиск отказался сотрудничать с чекистами из-за моральных принципов, был приговорен к 25 летнему сроку тюремного заключения и вышел на свободу только в 1965 году. Его напарник дал подписку о сотрудничестве с органами советской госбезопасности. Под именем «Каск» (Kask) он принял участие в нескольких контрразведывательных операциях МГБ.

Даже если бы их тогда не задержали, то ничего не изменилось. Задача Олафа Леола — установить контакт с участниками радиоигры «Север», а Эвальд Халлиск должен был отыскать агента МГБ Энделя Суустера, чтобы организовать сбор информации военного, политического и экономического характера и «принять участие» в чекистской радиоигре «Явка». Давая задания агенту, в Стокгольме просто не знали о том, что творится за «железным занавесом». Например, о том, что большинство агентов сменило хозяев и четко выполняет указания местных чекистов.

Видвуд Свейс, после того, как справился с первым заданием — нейтрализовал своих спутников, оправился в Ригу. Из этого города он сообщил по радио британцам о благополучном прибытии. Он еще не знал, что судьба уготовила ему участие в одной из самых масштабных оперативных игр конца сороковых — начала шестидесятых годов прошлого века.

Все началось 1 ноября 1949 года, когда англичане, веря в успех своих разведывательных операций, высадили двух новых агентов на территории Латвии: Витольда Беркиса (Vitolds Berkis) и Андреса Галдинса (Andrejs Galdins). В Лондоне операцию называли «Джунгли». Сумев избежать встречи с советскими пограничниками, гости явились на конспиративные квартиры агентов МГБ. Всю зиму они провели под присмотром агентов и сотрудников госбезопасности, а весной было принято решение провести оперативную игру «Люрсен-С» («Lursen-S»). Руководителем операции назначили Яниса Лукашевича.

В заболоченных лесах Курляндии была организована чекистская агентурно-боевая группа «лесных братьев» под кодовым

названием «Максис» («Maxis»), которой командовал майор госбезопасности Альберт Бундулис (Alberts Bundulis). Кроме него роль «партизан» исполняли лейтенант Казимирас Кипурс (Kazimiras Kipurs) и пятеро агентов МГБ. Всю зиму 1949—1950 года они тренировались в Курземском лесу.

Все «актеры» во время Великой отечественной войны сражались в партизанских отрядах, поэтому опыт выживания в полевых условиях у них был богатый. В мае 1950 года британских агентов доставили в этот лагерь и установили радиосвязь с британской разведкой. Тогда же сотрудники контрразведки, наконец-то склонили к сотрудничеству агента британской разведки Ионаса Декниса (арестован в начале мая 1949 года). А его коллега из МГБ Ян Эрглис отправился в Лондон для обсуждения планов будущих операций.

Это была не единственная чекистская операция. В Видземе чекисты организовали подпольную группу сопротивления «Робертс» (Robertts), куда входили люди, проживающие в самой Риге, и по тем или иным причинам чье переселение в лес было нежелательным. Такое сочетание мнимых партизан и известных эмигрантам «патриотов» позволили в течение нескольких лет обманывать Стокгольм и Лондон.

Однако операция «Люрсен-С» превзошла остальные не только продолжительностью, но и масштабом. В ней активно участвовали от 65 до 70 человек, из которых 15 были кадровыми сотрудниками МГБ. Лейтенант Казимирас Кипурас провел в курляндских лесах с небольшими или продолжительными перерывами более пяти лет, постоянно проживая в холодных и сырых бункерах.

В ноябре 1950 года МГБ удалось отправить на учебу в Лондон своего агента Станислава Крейца («Листа») в качестве члена организации «Робертс». Занятия для него начались 15 января 1951 года. Ему предстояло изучить радиodelo и основы криптографии. Основной курс дополнялся практическими занятиями в Южной Англии и Шотландии. Мак-Киббин был очень высокого мнения об организации «Роберте», считая ее штабом сопротивления и главным оплотом подполья не только в Латвии, но и во всей Прибалтике.

Ничего удивительного, что 12 апреля 1951 года в Курляндию прибыли еще четыре человека, среди них «Лист». С этого момента группа «Максис» начала «специализироваться» на трафике агентов. Британских в СССР, а советских в Англию. Среди тех, кого МГБ отправило на «обучение» в Лондон можно назвать Арвида Гайлитиса («Гросберг»), Яниса Климканса («Дубин») и Маржерса Витолиша («Танкиста»), а так же агента литовского МГБ Шитайтиса.

Англичане, которым удавалось вернуться домой, с уважением в голосе рассказывали своему начальству о фанатичных «лес-

ных братьях», которые терпят многочисленные лишения ради свободы своей страны. Один из них, Витольд Беркис, участвовал в собрании полевых командиров «партизан» организованных МГБ. Участники (агенты и кадровые сотрудники органов госбезопасности) обвиняли западные разведслужбы в том, что они не заботятся о них. Британский агент, вдохновленный этими речами, пообещал сделать все, что в его силах и добиться от Лондона увеличения помощи «партизанам». Он выполнил свое обещание. Рига получила огромное количество снаряжения, вооружения и денег (3 235 920 советских рублей).

Хотя не все проходило так удачно. В перестрелке с советскими пограничниками 2 сентября 1951 года были убиты четверо членов очередной шпионской группы: Лембит Устель (Lembit Ustel), Аксел Порс (Aksel Pors), Крумс (Krumms) и Фридрих Пылд (Friedrich Pold). В скоротечном бою погиб начальник заставы старший лейтенант Михаил Козлов (Mihhail Kozlov). Как позже установило следствие — произошло трагическое стечение обстоятельств. Чекисты ждали гостей (их «вызвал» Эндель Унт («Сузи»)) и организовали «окно» на границе. Были заранее оповещены и пограничники. Из-за лесного пожара место высадки сместилось на полтора километра в сторону. «Зеленые фуражки» решили самостоятельно задержать нарушителей государственной границы. На предложение сдать гостя ответили беспорядочной стрельбой...⁵⁴

Другое ЧП. Прибывший 12 апреля 1952 года эстонец «Густав» покончил жизнь самоубийством. Его личность так и не установлена до сих пор. Прожив некоторое время в Риге, он решил перебраться в Таллин. Поскольку сотрудничество между республиканскими МГБ было в то время недостаточно отработано, то Лукашевич принял решение арестовать агента. Однако акция закончилась неудачно. Прежде чем его схватили, «Густав» (Gustav) проглотил дозу яда и прыгнул в реку Уява.

Этот инцидент не повлиял на проводимые чекистами операции. Еще два эстонца, Лео Аудов («Атс») (Leo Audova, «Ats») и Мярт Педак («Отто») (Mart Pedak, «Otto»), прибыли 29 сентября 1951 года. На этот раз контрразведчики решили не арестовывать их, а использовать «втемную», используя в другой оперативной игре — «Университет».

Для реализации таких операций в структуре МГБ Эстонии осенью 1951 года появился специальный отдел, семеро сотрудников которого занимались исключительно организацией радиоигр. Работой этого подразделения руководил прибывший из Москвы офицер контрразведки.

В эстонских лесах были построены бункера для нескольких «партизанских» групп, которые состояли из агентов госбезопасности. В феврале 1952 года в один из них был доставлен «Отто» (Мярт Педак), вслед за ним, правда, уже летом, на

«дачу» переехал «Атс» (Лео Аудов). Третий квартирант, Эрик Хурма («Георг») (Eerik Hurma, «Georg») появился на территории СССР в апреле 1952 года. Летом того же года его поселили в бункере вместе с членом группы «Максис» лейтенантом госбезопасности Уно Касьяком («Сассь»). Через несколько месяцев агента арестовали, а его место занял другой гость из Британии «Эвальд».

Продолжительная охота на британских агентов и необходимость содержать «партизанские» базы быстро истощила скромные финансовые ресурсы МГБ Эстонии. Было принято решение арестовать агентов, а до этого создать условия для продолжения оперативной игры. Агенты должны порекомендовать Лондону «подпольный центр национального сопротивления», указать место (на этот раз на эстонском берегу), куда следует высаживать гостей.

Была и еще важная причина вывести из игры иностранных агентов. Вынужденное безделье заставило «Атса» (Лео Аудов) проявить разведывательную активность и поэтому однажды вместе с оружием и рацией он сбежал из лесного лагеря и поселился на отдаленном хуторе. Числился за ним и другой «грех», о котором в МГБ узнали слишком поздно. В тайне от чекистов он отправил несколько радиogramм в Лондон⁵⁵.

Его арестовали 21 января 1953 года. В течение шести месяцев чекисты пытались завербовать его, однако он, как христианин с твердыми убеждениями, отказался стать «двойным» агентом. Суд приговорил его к высшей мере наказания. А в Лондон сообщили, что его задержали чекисты во время пьянки на одном из хуторов. «Отто» (Мярт Педак) оказался самым сговорчивым из всех троих и согласился работать на Москву. Чекисты назвали его «Обновленным» («Obnovlyonni»).

Последний британский агент, прибывший в Эстонию через Латвию, был некто «Альберт» (Albert). Прибыв в Курляндию в сентябре 1953 года, визитер поездом отправился в соседнюю республику и в течение полутора лет находился в «партизанском» отряде.

Своим появлением он доставил множество хлопот «партизанам». Начнем с того, что шпионское снаряжение этого агента было спрятано в надежном месте. Согласно радиogramме полученной «Отто» (Мярт Педак) из Лондона и подписанного Реба — не «Рюкзак Альберта закопан возле шоссе Рига — Таллин в 45 км от Риги. Шоссе проходит вдоль морского побережья... Рюкзак весит 35 кг. В нем оружие, боеприпасы, деньги, письма и т.д. Сообщите, когда найдете рюкзак, и поняли ли меня. Надеюсь, что все обойдется хорошо». Понятно, что чекисты нашли контейнер.

Другая проблема более неприятная. Находясь в бункере «Альберт» внезапно признался, что у него венерическое забо-

левание, которым он заразился в Гамбурге по пути в Эстонию. «Отто» (Мярт Педак) сообщил в Центр. «С огромным трудом организовали Альберту встречу с врачом, определившим, что он страдает не только гонореей, но еще и сифилисом. Необходимо регулярное лечение, которое в здешних условиях совершенно исключено». Ребане долго не реагировал на это сообщение. Лишь 15 декабря 1953 года от него поступил ответ: «Для лечения Альберта следует применять пенициллин, вводя его в больших дозах. Можно пользоваться и таблетками».

По всей видимости, агента вылечили собственными силами. По крайней мере, вместе с «Отто» (Мярт Педак) и «Георгом» (Эрик Хурма) он участвовал в инструктаже своего коллеги из МГБ. Агента советской контрразведки Вальтера Лукса (Valter Luks) «Юхана» («Сульга») (Sulg) осенью 1954 года ожидала командировка в Лондон. А в Эстонию должен был прибыть новый британский агент Раймунд Янтра («Гарри») (Raimund Jantra, «Harry»). «Обмен» произошел 1 ноября 1954 года у побережья острова Сааремаа.

В Англии он провел всю зиму. Сначала многодневные беседы по форме и содержанию похожие на допросы, потом празднование Рождества, два месяца интенсивной подготовки и пока собираться в обратный путь. Перед отправкой его снабдили списком адресов. На них он должен был отправлять все свои письма из Эстонии. Для «лесных братьев» ему выдали партию автоматов и пистолетов с глушителями, крупную сумму денег, а так же другое шпионское снаряжение.

Агент высадился на том же острове, откуда началось его морское путешествие 20 апреля 1955 года. С собой он привез 440 тысяч рублей, рацию, оружие и другое снаряжение. На борт катера поднялись «Альберт» и лейтенант советской контрразведки Олаф Юриссое («Харальд», «Пиилу») («Piilu»). А вот «Гарри» пришлось остаться в СССР. После трех месяцев жизни в лесном лагере, 8 февраля 1955 года, чекисты его арестовали⁵⁶. В том же году он дал свое согласие на сотрудничество с органами госбезопасности — в оперативной переписке он проходит под именем «Тит» (Tiit).

В Лондоне скептически отнеслись к результатам деятельности «Альберта» — слишком мало добыл информации. Это понятно, ведь агент не покидал территорию лесного лагеря, а все сведения ему доставляли «партизаны». Хотя он и рассказывал об огромных трудностях работы в СССР. Несмотря на низкую эффективность работы группы, англичане оставили «Харальда» на годичное обучение в разведшколе. Он вернулся в Эстонию 3 ноября 1956 года.

А события в Эстонии развивались своим чередом. В Москве началась новая оперативная игра «Беркут», а в Лондоне приняли решение сместить со своего поста руководителя «партизан»

чекиста Карла Кянда («Карл»). Для этого планировалась встреча Альфонса Ребане с руководителем группы с его последующим физическим устранением. Карл не возражал против такой встречи, но требовал ее проведения на море. А его противник настаивал на суше, разумеется, не на эстонской земле.

В конце концов, Ребане дал указание: «Лед у финского побережья прочный. Плавающий маяк без команды. Автоматический маяк работает непрерывно. Вы вступите в контакт с человеком по имени Болтон».

Радиограмма Карла: «Операция становится неосуществимой, ветер прибил лед к берегу возле Локса».

Ребане: «Сожалею. Надеемся, что в этом году откроется новая возможность добраться до нас...».

После исчезновения Карла руководство «партизанами» Лондон решил поручить «Георгу». Тот, как и «Антс», имел агрессивный характер и отказывался кому-либо подчиняться. Более того, от своего имени он отправлял радиограммы в Лондон. Было принято решение о его выводе из оперативной игры. Для этого «лесным братьям» устроили «культпоход» на танцы в ближайший поселок. Там чекисты спровоцировали драку и британского агента задержали для проверки документов. У него изъяли фальшивый паспорт и пистолет с запасной обоймой.

Через несколько дней «Отто» сообщил в Центр:

«По нашим данным, Георг провалился... О Карле вестей нет.. Полагаем, что его выдал Георг... Велло не может выйти в эфир — перегорела лампочка... Люди собираются разойтись... У меня есть знакомая девушка... В Англию возвращаться не намерен».

Ответ Ребане был лаконичным:

«... у тебя есть таблетки с ядом. Родина тебя никогда не забудет. Станешь героем...».

Состоялся обмен еще несколькими радиограммами, затем связь с Лондоном стала пассивной. Пришло еще одно сообщение из Центра:

«Прекращаем с вами связь. Тем не менее, будем слушать вас до 31 декабря. Но рацией пользуйтесь осторожно. Опасаемся — такого мнения придерживаются и наши английские коллеги, — что в ваши группы проникли большевики. Поздравляем с Рождеством и Новым годом. Да храни вас господь!»⁵⁷.

В мае 1957 года группа «Карла» отправила в Англию криптограмму. В июле того же года агент «Калур» (бывший британский агент «Отто») попытался связаться по радио с Центром, послав Ребане зашифрованный текст. На все эти депеши Лондон ответил молчанием. Ведь последняя радиограмма для группы «Максис» из Лондона была отправлена 22 июня 1956 года. В ней сообщалось о прекращении всякой связи. В Москве проигнорировали предупреждение противника. Руководитель операции Лукашевич отправил в Швецию агента Климканса («Ду-

бин»). Его арестовали, не выдержав интенсивных допросов, он сломался, и в ноябре того же года его доставили в советское посольство в Стокгольме⁵⁸.

Из всей группы британских агентов домой вернулся только «Гарри»⁵⁹ (Раймунд Янтра), да и то в качестве агента советской госбезопасности «Тиит». Его коллегу «Отто» (Март Педак) решили не выпускать из Советского Союза. По одной версии — он сам не хотел уезжать, по другой — слишком много знал.

«Гарри» (Раймунд Янтра) 5 сентября 1956 года на катере доставили в Финляндию. Прошло несколько месяцев, пара радиogramм, в которых он подтверждал свою верность Москве, вселяли уверенность чекистов, что оперативная игра будет продолжена, и вскоре можно будет встречать новых британских агентов.

Оперативные игры со шведской и английской разведками продолжались с использованием «Комитета освобождения Эстонии» (далее «ЭВК»). Например, 16 октября 1953 года через норвежско-советскую границу был тайно переправлен агент МГБ Валдур Лоор («Иокела») (Valdur Loor, «Iokela»). Этого человека решили использовать «втемную». Вот как описывались те события в одном из секретных отчетов советской контрразведки:

Он благополучно добрался до Стокгольма и вступил в контакт с Аркадием Вальдиным, которого чекисты почему-то считали резидентом сразу трех разведок: шведской, английской и американской. Этим его встречи не ограничились. Он успешно пообщался с представителями шведской разведки, а так же с «главарями эстонских эмигрантских организаций в Швеции». Им он вручил письма от агента МГБ (завербован 30 ноября 1944 года), одного из руководителей «Комитета освобождения Эстонии» и известного археолога Гарри Моора («Историка»).

«После обучения радиodelу и прохождения шпионской подготовки» Валдур Лоор вернулся за «железный занавес». Вот перечень полученных им заданий:

»1. Наряду со сбором шпионских сведений и передачей их в шведский разведцентр, организовать на территории Эстонской ССР шпионскую группу из 5–6 человек с таким расчетом, чтобы 3–4 человека можно было использовать в шпионской работе, а из остальных подготовить заместителя и радиста.

2. Подобрать на Северном побережье Эстонской ССР соответствующий участок и опорный пункт, которые можно было бы использовать для приема забрасываемых водным путем шпионов и вывоза нужных людей в Швецию.

3. Подыскать недалеко от Западного побережья Эстонской ССР площадку для приема в случае войны шпионских и военных грузов, а также парашютистов, сбрасываемых с самолетов, а также необходимые укрытия для хранения этих грузов.

4. ВАЛЬДИН, втайне от шведской разведки, дал "Иокела" четыре тайника на территории Эстонской ССР, для связи через них с ранее заброшенными в Эстонию английскими шпионами (имеются ввиду английские шпионы «Георг» (Эрик Хурма), «Отто» (Мярт Педак), «Анс» (Лео Аудов) и «Альберт», проходящие по радиоигре с английской разведкой «Беркут» — Прим. авт.), в случае возникновения такой необходимости, поскольку, по предложению ВАЛЬДИНА, "Иокела" в будущем, возможно, придется руководить деятельностью как английских, так и шведских шпионов, заброшенных в разное время в Эстонию. В связи с этим ВАЛЬДИН дал указание "Иокела" разыскать эти тайники, чтобы в дальнейшем периодически проверять их по его указанию.

5. Подготовить к нелегальному вывозу из Эстонии в Швецию родственников, проживающего в Стокгольме — бывшего крупного контрабандиста и судовладельца Каин, бежавшего в прошлом за границу.

6. ВАЛЬДИН, учитывая, что "Иокела" возможно столкнется с трудностями при организации обучения своих помощников радиodelу и другим навыкам разведывательной работы, дал ему указание направлять ежегодно в Швецию по одному человеку, из числа подобранных им в шпионскую группу лиц, которые получают там необходимые знания».

Вальдер Лоор, кроме подробной инструкции, привез несколько ответных писем от лидеров эмигрантских организаций для Гарри Моора. В них, правда, «ЭВК» ничего не просили. Да и сами представители шведского разведцентра реалистично относились к этой организации, считая ее чисто националистической, проводящей пассивную антисоветскую деятельность. Именно этого и добивались чекисты, организуя радиоигру «Блинд».

Зато в остальном миссия агента МГБ была успешной. Об этом свидетельствует разработанный в июне 1954 года «план активных контрразведывательных мероприятий против иностранных разведок... согласно которому проделано следующее:

1. Создан новый канал связи иноразведцентром, именуемый "Маяк".

2. С целью укрепления "Иокела" перед разведцентром от его имени передано ряд дезинформационных телеграмм в основном военного характера.

3. Подобран соответствующий участок побережья около мест. Андинееме, Локсаского р-на и подставлен разведцентру, который ими одобрен и намечен к использованию в качестве плацдарма для заброски своих шпионов в Эстонию и нелегального вывоза из Эстонии родственников Кат Исака — Каин Тыниса и сестры его умершей жены. В связи с этим приведено мероприятие, в результате которого осуществлено знакомство Каин

Тыниса с агентом "Иокела" и осуществлены переговоры, касающиеся его нелегального выезда в Швецию.

4. Осмотрены тайники, полученные "Иокела" от ВАЛЬДИ-НА для связи с английскими шпионами. Как выяснилось, брошенные на территории Эстонии в мае месяце 1954 года и пойманные нами американские шпионы Кукк и Тоомла также имели пароли для установления связи с нашим агентом "Иокела" через указанные тайники.

5. Поскольку разведцентр не обратил должного «внимания» к запросам "ЭВК", это обстоятельство было использовано нами для инсценирования внутреннего раздора среди руководства "ЭВК", в результате которого большая и более активная часть членов отклонилась от организации с намерением найти поддержку со стороны более сильного капиталистического государства. Стокгольмскому разведцентру известно, что их «поклонником» по-прежнему остался "Историк" с небольшой группой соучастников и радиостанцией, посредством которой поддерживается радиосвязь и по настоящее время.

Все проведенные мероприятия были соответствующим образом обыграны по делам "Блинд" и "Маяк"»⁶⁰.

В 1955 году чекисты решили активизировать оперативные игры, проводившиеся ранее по этому направлению. Тем самым они надеялись реанимировать связь с британской разведкой. Был имитирован раскол в «Комитете освобождения Эстонии» на две ветви: более крупную, разочарованную в шведском центре и рассчитывающую на поддержку более мощной западной державы, и меньшую, более умеренную ветвь, оставшуюся «верной» шведской разведки. Умеренными руководил агент «Историк» (Гарри Моор), от чьего имени продолжалась радиосвязь со Стокгольмом.

Во главе радикалов поставили агента Георга Мери («Обновленный», позднее «Отто»), известного в эмигрантском сообществе своим пламенным патриотизмом⁶¹. Это не мешало ему активно сотрудничать с советскими органами госбезопасности. Кадровый дипломат, сделавший карьеру в буржуазной Эстонии, был арестован 14 июня 1941 г. и отправлен в ГУЛАГ. За участие в подпольной организации, которая якобы планировала побег из лагеря, решением Особого Совещания НКВД его приговорили к расстрелу, но исполнение приговора приостановили по распоряжению самого начальника НКВД Лаврентия Берии. 2 октября 1944 года смертную казнь Георгу Мери заменили десяти годами тюремного заключения. А год спустя, 20 февраля 1945 года, освободили. Через несколько дней его завербовали и передали НКГБ СССР. В этом нет ничего удивительного. Еще во внутренней тюрьме госбезопасности Мери успешно использовали как внутрикамерного агента.

Агент органов госбезопасности «Талу» (Talu) (переименованный позднее в «Олега»(Oleg)) был отправлен в Лондон в качестве представителя отколовшегося крыла Комитета. Перед самым своим отъездом он встретился с «Обновленным» (Георгом Мери) и получил от него письма, которые следовало передать послу Эстонии в Великобритании Августу Торма и американскому генеральному консулу Йоханнесу Кайву (Johannes Kaiv). В июле 1955 года агент достиг берегов «туманного Альбиона».

Его миссия завершилась провалом для Москвы. Не выдержав интенсивных допросов «Талу» во всем признался. Британская разведка решила провести свою оперативную игру и 20 октября 1955 года отправила агента обратно в Эстонию. А там его ждал очередной сюрприз. «Обновленный» (Георг Мери) принял «Талу» за настоящего повстанца и признался ему в том, что сотрудничает с советской контрразведкой⁶².

А ведь чекисты планировали провести данную операцию по-другому. «Исходя из поставленной задачи, по делу "Блинд" принято решение вывести в Англию от имени отколовшейся части членов "ЭВК", идейным руководителем которой легендируется "Обновленный" (Георг Мери. — Прим. авт.), нашего проверенного агента "Тилу" (кто знал, что он так быстро «расколет-ся». — Прим. авт.), с целью внедрения в органы английской разведки, разработки связанных с нею главарей эстонских анти-советских организаций и выявления их подрывной деятельности против СССР».

Среди прочих причин, повлиявших на выбор советскими контрразведчиками кандидатуры этого человека, следует отметить его знакомство (вместе служили в германской армии во время Второй мировой войны) Альфонсом Ребане. Это обстоятельство должно было облегчить процедуру внедрения агента в органы британской разведки.

Контрразведчики постарались минимизировать урон в случае «разоблачения» своего агента. Например, для сохранения в тайне операций «Блинд» и «Маяк» его планировалось подвести к «Обновленному» «втемную, через опытных оперативных сотрудников Комитета Госбезопасности при Совете Министров Эстонской ССР тов. Ибрус. выступающего под видом руководящего члена "ЭВК", близко связанного с "Обновленным" и тов. Ротберга, выступающего перед "Талу" под видом нашего агента, введенного якобы в разработку тов. Ибрус».

Поясним, что речь идет о начальнике 2-го спецотдела КГБ Эстонии Арнольде Ибрусе.

«С тем, чтобы избежать расшифровки наших мероприятий перед "Обновленным", всю работу с "Талу" по его выезду за границу будет проводить тов. Ибрус от имени "ЭВК".

Предусматривается, что тов. Ибрус предложит "Талу" выехать на небольшой вёсельной лодке с подвесным мотором в

Финляндию, где ему якобы окажет помощь в дальнейшем следовании бывший сотрудник редакции газеты "Ууси Суоми", проживающий в Хельсинки, который знаком с "Обновленным".

Примерно за неделю до выезда "Талу" от имени "Историка" разведцентру будет сообщено о направлении курьера отклонившейся части "ЭВК" с особой миссией в США через Финляндию и Лондон, с просьбой встретить "Талу" в Хельсинки и оказать ему помощь в продвижении до Лондона.

Имеется в виду, что стокгольмский разведцентр организует встречу "Талу", а затем его розыск. Кроме того, учитывая, что представитель стокгольмского разведцентра ВАЛЬДИН близко связан с РЕБАНЕ по разведывательной работе, последнему появление "Талу" в Лондоне не будет неожиданным.

При последней встрече с "Талу" тов. Ибрус представит ему "Обновленного", который кроме письма Кайв передаст "Талу" записку для Иоенсалу и письмо для Торма, бывшего посла буржуазной Эстонии в Лондоне, в котором будет изложена просьба "Обновленного" помочь "Талу" выехать из Лондона в США. Оба письма будут зашифрованы шифром бывшего МИДа буржуазной Эстонии, который известен, как "Обновленному", так и Торма.

Учитывая близкую в прошлом связь "Талу" с РЕБАНЕ и "Обновленного" с Торма, есть основания полагать, что "Талу" будет перехвачен английской разведкой и использован в своих интересах.

Исходя из того, что вывод "Талу" желателен непосредственно в Англию или английскую зону оккупации Западной Германии, минуя шведскую разведку, которая может перехватить его в целях выброски в Швецию и использовать в своих интересах, действительный вывод "Талу" осуществлен на трехместной вёсельной лодке с подвесным мотором, путем подставы его на фарватере устья Финского залива западно-германскому или английскому торговому судну, который будет следовать в один из портов Западной Германии или Англии. В момент встречи с указанным судном "Талу" инсценирует порчу мотора и будет подобран иностранным судном, так как согласно законам мореплавания капитан судна обязан поднять "Талу" на борт.

В связи с изменением маршрута, предложенного от имени "ЭВК", "Талу" будет рассказано, что путь следования через скандинавские страны слишком длинен и трудоемок, кроме того, в Финляндии он может быть задержан финской полицией, затем возвращен в СССР, поэтому порученное задание органов госбезопасности не сможет выполнить».

Описанный выше пример всего лишь эпизод в повседневной работе советской контрразведки в прибалтийских республиках СССР. Чекисты использовали любые возможности для

вывода своих людей за рубеж и внедрения в иностранные разведцентры.

Вот как планировалось использовать необходимость агенту КГБ Валдуру Лоору («Иокела») иметь надежного помощника. Он попросил стоковский разведцентр помочь в подборе такого человека, а также указал место на побережье, откуда его мог забрать катер для «командировки» в Швецию. В начале января 1955 года 1-й секретарь американского посольства в Москве Франк Сиско опустил в почтовый ящик в столице СССР ответное послание. В нем Аркадий Валдин предложил Валдуру Лоору обратиться к «Историку» (Гарри Моору), который кроме кадровых вопросов может решить и задачу по финансовой поддержки. При этом в письме Аркадий Валдин высказал «неуверенность в отношении возможностей направления катера к подставленному участку побережья этой весной, ссылаясь на ограниченный срок подготовки операции». При этом он не отказывался от реализации данного плана, вот только срок предлагал сдвинуть до осени.

Известен лишь псевдоним потенциального помощника «Иокелы» — «Рауд». Его основные задачи: внедрение «в стоковский разведцентр» и разработка Аркадия Валдина, Ауугуста Рея (бывшего политика и дипломата буржуазной Эстонии КГБ подозревало в сотрудничестве с британской разведкой (кодовый №43447 и месячная зарплата 30 фунтов стерлингов)), Якоба «Ранга и других агентов иноразведок; перехвата нелегальных каналов их связи с Эстонией и выявления ближайших намерений по подрывной деятельности против СССР». У агента было и еще одно задание — сделать так, что бы основным участником радиоигры «Маяк» стала не шведская, а британская разведка. Дело в том, что Стокгольм не располагал «такими возможностями проведения активной подрывной деятельности на территории СССР, как английская разведка».

«Рауда» предполагалось использовать втемную. По мнению чекистов, это необходимо по двум причинам: создание устойчивой легенды и для избежания излишней расшифровки перед ним ведущихся радиоигр.

А вот как контрразведчики планировали реализовать эту оперативную комбинацию. На первом этапе агента планировали ввести в одну из легендированных чекистами банд «лесных братьев», которая имела связь с агентом «Эрастовым» (один из руководителей низового звена «ЭВК» (той части, которой руководит другой агент госбезопасности «Историк») по городу Таллину

«Затем после проведения ряда комбинаций (подробности которых не разглашались даже на страницах секретного отчета — прим. авт.) агент "Рауд" будет втемную подставлен агенту "Иокела" как человек, которого подобрал для него "Историк"». Как и рекомендовала шведская разведка.

Для непосредственного выхода на представителей британской разведки, минуя Аркадия Вальдина, агент «Эрастов» должен был вручить письмо, адресованное Августу Рея. Одновременно «Рауд» должен был посетить Якоба Ранга, с племянницей которого Идой Матиезен он поддерживал дружеские отношения, находясь в Таллине. Их знакомство трудно назвать случайным — советская контрразведка активно разрабатывала эту женщину из-за ее дяди и мужа Рудольфа Матиезена, который сбежал в Швецию в 1944 году. Предполагалось, что «официальная» причина посещения названных выше людей — желание рассказать о жизни Иды за «железным занавесом». А это прекрасный способ продемонстрировать свои «антисоветские» и националистические взгляды.

После того, как оба агента КГБ — «Талу» и «Рауд» будут успешно выведены за кордон, по радиоиграм «Блинд» и «Маяк» был разработан новый план оперативных мероприятий⁶³.

Описанная выше операция подтверждает потерю интереса КГБ к шведской разведке. И сворачивание операции «Маяк» — один из эпизодов. Другая игра, «Слепой» прекратилась в феврале 1956 года после передачи в рамках операции «Маяк» ложного сообщения о том, что радист «Комитета освобождения Эстонии» скончался после хирургической операции. А радиоигра «Север» продолжалась от имени агента «Муру» (Эндель Унт («Сузи»)) до 31 июня 1956 года, когда руководство КГБ санкционировало ее прекращение.

Начатую в 1954 году радиоигру «Маяк» решили прекратить с помощью пропагандистской компании, скомпрометировав репутацию противника. В 1957 году в журнале «Огонек» и в газете *Noorte Naal* появилась серия статей о шпионской работе шведов. В публикации искусно смешали правду и дезинформацию. Этому скандалу предшествовала нота МИД СССР от 5 марта 1957 года, обвинявшая Швецию в отправке агентов в Советский Союз. Понятно, что Стокгольм полностью отверг все обвинения в нарушение международных законов и тем самым пресек любую возможность по дипломатическим каналам облегчить участь многочисленным агентам, томящимся в лагерях на территории СССР⁶⁴. В эти же началось постепенное сворачивание оперативных игр с британской разведкой.

Отдельный разговор — работа американской разведки. Говорить о том, что янки смогли избежать многочисленных «ловушек», в которые попали шведы и британцы — не совсем корректно. «Провалов» было значительно больше. Одна из причин — неверно выбранный способ заброски агентов. Если Англия и Швеция, как «морские» страны использовали катера, то США предпочло самолеты.

Советские пограничники фиксировали каждый факт нарушения воздушной границы СССР, чего не скажешь о тайных

визитах катеров. После каждого такого инцидента начинался активный поиск парашютистов. А его методика была отработана еще во время Великой Отечественной войны, когда ловили немецких шпионов и диверсантов.

В течение 1952—1953 годов органы госбезопасности Латвии провели с ЦРУ оперативную игру «Метеор». В отличие от аналогичных мероприятий, реализованных в тот период на территории Эстонии и Литвы, когда инициатива исходила от советских органов; госбезопасности, данная игра была начата, говоря сухим языком одного из отчетов, «при отсутствии оперативно выгодной для нас ситуации на основе использования случайно возникших обстоятельств».

Согласно версии одного из руководителей операции полковника госбезопасности Латвии Яна Веверса, все началось с обнаружения военнослужащими одной из частей советской армии предметов шпионской экипировки: рации, топографической карты с обозначением места сбора группы, пакетиков с медикаментами и концентратами, портативного фотоаппарата «Минокс» и т.п. Понятно, что в этот район выслали опергруппу, которая провела операцию по задержанию двух незваных гостей. А о существовании третьего парашютиста чекисты узнали лишь после того, как нашли его летный шлем⁶⁵.

По другой, ведомственной версии, операция началась в конце августа 1952 года, когда местные органы госбезопасности получили сведения о нарушении воздушной границы СССР и выброске трех парашютистов — латышских эмигрантов — националистов, которые были завербованы американской разведкой и прошли специальную подготовку в разведшколе в г. Штан-берге (Западная Германия). В результате предпринятых чекистами оперативно-розыскных мероприятий было установлено местонахождение двух непрошенных гостей — хутор Дреймаки Кандавского района.

Операция по их задержанию прошла не совсем удачно. Один из агентов, А. Риекстиныш («Имант»), оказал вооруженное сопротивление, а затем покончил с собой, приняв быстродействующий яд. А вот его напарник «Герберт» сдался и заявил оперативникам, что он агент советской разведки (оперативный псевдоним «Пилот»).

В ходе первой беседы визитер рассказал, что ночью 27 августа 1952 года они десантировались на территорию Латвии. Третьего члена — «Бориса» после приземления они не нашли. Зато «Пилот» сообщил его приметы⁶ и особенности в стиле одежды. Одна из них — брюки-бриджи, которые зашнуровываются на коленях.

А вот цитата из протокола допроса «Герберта»:

«В Риге я должен был изучить всех своих родственников и знакомых. Каждому завербованному в антисоветскую подполь-

ную организацию должен был серьезно внушать, что вскоре Соединенные Штаты напомнят о высоком долге, и тогда мы приступим к активным действиям против Советов. А пока надо сидеть и терпеливо ждать сигнала.

Надо было обещать членам организации, что Соединенные Штаты Америки в состоянии оказать своим помощникам любую помощь — деньгами, оружием, советом. И тут же, чтобы не быть болтуном, я должен давать завербованным деньги. А ими-то американцы снабдили меня щедро».

Одно из персональных заданий этого агента — «завербовать для переброски в Западную Германию одного из высших офицеров Советской Армии. Американцы хотели использовать его как военного консультанта».

Другие задания для группы: подготовка посадочных площадок для посадки самолетов, создание конспиративных квартир на бывшей советско-латвийской границе, где могли бы останавливаться американские агенты, направляющиеся в центральные районы Советского Союза.

«Герберт» должен был пробыть в СССР около года, а потом вернуться в Западную Германию или в США. Возвращаться ему пришлось бы через Польшу, Финляндию, Норвегию или Швецию. В этих странах шпион должен был явиться в посольство Соединенных Штатов⁶⁷.

Все усилия сотрудников органов госбезопасности и милиции были сосредоточены на розыски радиста «Бориса». Его удалось задержать на станции Абрене 29 октября 1952 года⁶⁸. По одной из версий в ресторане на станции Резкие на невысокого мужчину в бриджах обратил внимание чекист. Он проводил подозрительного типа до поезда «Рига — Абрене», проехал с ним до следующей станции. Затем отвел его в станционную комнату пункта охраны КГБ⁶⁹.

При обыске у него обнаружили и изъяли: паспорт и военный билет на имя некоего Г. В. Богданова, пистолеты, ампулу с ядом, инструкцию по работе на рации и адреса для связи с представителями американской разведки в Швеции. Выяснилось, что при приземлении рация вышла из строя и агент оказался без оперативной связи с Центром. Понимая, чем грозит ему этот шпионский арсенал, «Борис» дал согласие на сотрудничество с органами советской госбезопасности (оперативный псевдоним «Капитан»).

Не дожидаясь его ареста, латвийские чекисты начали оперативную игру. «Пилот» 20 сентября 1952 года направил в один из адресов, полученных им от американской разведки, тайнописное донесение, где сообщал об обстоятельствах приземления на территорию СССР, а так же о том, что утратил связь с напарниками и просил американцев сообщить координаты этих агентов⁷⁰.

Вот текст сообщения «Пилота»: «Иманта и меня сбросили на правом берегу реки Барта. Почему не прыгнул Борис? Искали, но не нашли. После обеда отдыхали примерно в 25 километрах от Венты. Недалеко заметили русских солдат. Они нас обстреляли. В густом лесу потеряли друг друга. В упомянутом месте остались все деньги, радиоаппарат Иманта, фотоаппарат, средства для изготовления документов, медикаменты. Спас только план радиосигналов, все шифры, документы, чернила, которые при мне. Герберт»⁷¹.

Вскоре американский разведцентр передал «Герберту» по радио, что ему ничего не известно о напарниках агента, но если возникнет необходимость встретиться с «Имантом», то он позже получит его координаты.

Получив сообщение от «Пилота», и не имея информации о судьбе других агентов, американцы начали его проверку. В одной из радиограмм они потребовали описать место приземления и подробности того, как он потерял напарников.

Для укрепления доверия американцев к своему агенту и проверки лиц, которых они рекомендовали «Герберту», советские контрразведчики санкционировали эти визиты «Пилота». С этой же целью в игру включили «Капитана». По заданию оперативных работников в мае 1953 года он составил и передал американцам радиограмму, в которой объяснил, что причина его длительного молчания — серьезные травмы, которые получил во время прыжка (захлестнуло стропой парашюта).

Американская разведка усилила проверку «Пилота» и «Капитана». Вместе с тем содержание радиограмм давало основание полагать, что в «Центре» изыскивают возможность поддержать «Герберта». Это предположение подтвердилось: некоторое время спустя на территорию Латвии был заброшен очередной агент-парашютист Леонид Зарин («Ленис»). Одно из его заданий — связаться с «Пилотом». После встречи агентов в Риге органы госбезопасности Латвии приняли решение негласно задержать гостя⁷².

При обыске у него изъяли четыре паспорта, множество различных справок, воинские билеты, отпускные свидетельства. Были у него и два пистолета системы «вальтер», ампула с ядом, портативный фотоаппарат «минокс». Чекисты побывали в лесу близ Ауце, там они нашли радиопередатчик, коробки с запасными частями для радиоаппаратуры, радиомаяк для наводки на цель самолетов, расписание сеансов радиосвязи с центром американской разведки в Западной Европе, шифровальные блокноты, крупную сумму денег.

«Меня обязали, — показал он на следствии, — сообщать данные о подготовке к войне, о продвижении войск к западным границам, узнавать, где хранятся запасы атомных бомб. Надо было установить связь с подпольной националистичес-

кой организацией в Латвии и оказать ей материальную помощь...»⁷³.

В ходе предварительного следствия, по мнению чекистов, арестованный вел себя неискренне, и было принято решение не использовать его в оперативной игре. Для зашифровки задержания Зарина и убеждения американцев в непричастности «Пилота» к провалу этого человека, чекисты, используя оперативную игру, которая велась с британской разведкой, передали за границу сообщение, что в одном из районов (указывалось место приземления Зарина) войска органов госбезопасности вели интенсивный поиск заброшенных на территорию СССР шпионов-парашютистов. Как и предполагалась, англичане поспешили поделиться этой «новостью» с главным союзником в «тайной войне» против СССР. А через несколько дней «Герберту» сообщили, что связник, возможно, не прибудет, обусловленная встреча с ним отменяется, и обещали оказать ему в ближайшее время помощь. Однако выполнение обязательства затянулось надолго.

Не получая помощи, агент по указанию советских контрразведчиков направил в разведцентр письмо, в котором требовал прекращения его проверки и настаивал на оказании ему активной поддержки. «Герберт» продолжал имитировать активную работу. Он регулярно сообщал о вербовках помощников, но при этом подчеркивал, что имеет ограниченные возможности для шпионской работы.

После дополнительной проверки американцы сообщили «Герберту», что в ближайшее время одному из их агентов, направляемых в СССР, будет дано задание связаться с ним и вручить все необходимое для разведывательной работы. Вскоре «Центр» сообщил место⁷⁴: «...на рижском Лесном кладбище у могилы первого президента Латвии Яниса Чакте или в 200 метрах от санатория "Бикерниеки" по дороге в Шмерле»⁷⁵ и время встречи: по четным числам с 13.00 до 13.05 у входа на кладбище. Советские контрразведчики решили, что сначала следует установить наблюдение за гостем, а затем, в зависимости от полученных данных, решить вопрос об организации «Пилота» с ним.

Наблюдение за местом встречи велось с участием самого советского агента. В первый же день наблюдения он опознал в связнике преподавателя американской разведшколы, где он учился, латышша «Анди» (бывший офицер СС и каратель Леонид Бромберг). Во избежание расшифровки «Пилота» решили не посылать его на встречу со связником. Визитер был задержан. На следствии он рассказал, что в Советский Союз был заброшен на самолете, основное задание — организация через три-четыре месяца нелегального ухода «Герберта» через советско-норвежскую границу, а так же проверка разведывательных возможностей его помощников, о которых тот регулярно докладывал в американский разведцентр⁷⁶.

«Мне надлежало, — показал Бромберг на следствии, — проверить деятельность всей нашей агентуры в Латвии, оказать помощь нашим резидентам».

Чекистам пришлось эмулировать существование нескольких групп агентов, которые активно работали на территории Латвии. Так же закодированном письмом за подписью «Герберта» контрразведчики сообщили о благополучном приземлении «Анди».

«Сердечно благодарим, — говорилось в этом сообщении, — за оказанную помощь и приятную неожиданность встречи с "Анди" в указанном месте... Сообщил мне, что выброшен с небольшой высоты, не успел отстегнуть вещевой мешок и ушибся. Договорились о следующей встрече».

Выждав некоторое время, необходимое для «выздоровления» парашютиста, чекисты отправили от его имени следующее сообщение: «Друга встретил. Повредил сустав правой ноги, сильно ранило колено».

Последующая переписка советской контрразведки от имени «Герберта» и «Анди» сводилась к тому, что один агент хвалил другого. Рисовались картины трудной обстановки для работы, высказывались страстные желания «выполнить любые почетные задания», докладывалось о вербовке «преданных и пригодных» для американской разведки людей и т.п. При этом агенты все настойчивее поднимали вопрос о своем возвращении.

Было предложено несколько вариантов. Сначала им предлагали нелегально перейти советско-норвежскую границу в Мурманской области. В тайнике был заложен пакет с 50 тысячами рублями, предназначенными для оплаты услуг потенциального проводника. Когда этот план сорвался, то решили использовать специальный самолет.

В феврале 1955 года Центр поручил «Анди» подыскать и подготовить надежную посадочную площадку в Айзпутском, Кулдигском или смежных с ним районах. Площадка была подобрана и подготовлена чекистами. По определенным причинам операция сорвалась.

Потом предлагались варианты перехода советско-польской и финской границ. И они, по понятным причинам, тоже сорвались.

Очередной поединок с западными спецслужбами выиграли советские чекисты⁷⁷.

В те же годы латвийские чекисты в ходе реализации дела «Западники» успешно провели другую оперативную игру — «Дуэль» с американской, британской и шведской разведкой. Для нее были характерны различными агентурно-оперативные мероприятия: «создание органами госбезопасности легендированной антисоветской националистической организации, вывод от имени этой организации наших агентов за границу и внедре-

ния их в разведку США, Англии и Швеции, дезинформация империалистических разведок, арест на территории прибалтийских республик агентов американской, английской и шведской разведок, которые забрасывались на базы и опорные пункты, подготовленные контрразведывательными аппаратами. Наиболее активную роль при ведении этой игры сыграли агенты органов госбезопасности "Алекс" и "Цирулис"⁷⁸.

Как позже отмечалось в одном из отчетов: «положительные результаты достигнутые в ходе игр "Метеор", "Дуэль" и других, нанесли удар по американской разведке и зарубежным организациям латышских буржуазных националистов. Эта оперативная игра способствовала так же крушению реакционных сил Запада на возрождение националистического подполья в Советской Латвии: противник был вынужден вскоре отказаться от массовой заброски своих агентов в нашу страну по нелегальным каналам»¹.

Такие великолепные результаты закономерны. В одной из монографий, посвященных истории КГБ, отмечалось, что «с 1953 по 1960 год советские органы госбезопасности проводили активный розыск заброшенных на советскую территорию вражеских агентов. При розыске, кроме агентуры, применялись и другие средства контрразведки: наружное наблюдение, ПК (перлюстрация корреспонденции) радиоконтрразведка, оперативная техника и т.п.

Особенно широко использовались возможности радиоконтрразведывательной службы. Получая данные о предполагаемых местах выброски агентов на территорию СССР, радиоразведка усиливала наблюдение за эфиром в районах, где они могли укрыться, с тем, чтобы перехватить их радиопередачи в разведцентре противника и оказать помощь оперативным группам в розыске и захвате шпионов. В этом отношении характерна операция по захвату заброшенных на нашу территорию американских агентов Кукка и Тоомла».

В начале мая 1954 года органами государственной безопасности были получены данные о том, что американская разведка воздушным путем забросила на территорию Эстонии двух своих агентов Калью Кукк («Карл») и Ганс Тоомла («Артур»). Выброска произошло в ночь с 6 на 7 мая 1954 года. Были приняты меры по их розыску, но установить местонахождение незваных гостей долгое время не удавалось. «Рыцари плаща и кинжала» времени зря не теряли — завербовали нескольких советских граждан. Учитывая, что они могли иметь радиоаппаратуру, органы радиоконтрразведывательной службы организовали тщательное наблюдение за этим районом Прибалтики.

Ожидания оправдали себя. В конце июня был зафиксирован выход в эфир неизвестного радиопередатчика, который работал в одном из районов Эстонии. Для поиска шпионов туда

направили несколько оперативных групп с передвижными пеленгаторными установками. А 19 июля 1954 года передатчик снова вышел в эфир. На этот раз с помощью пеленгаторной установки удалось точно определить его координаты. В момент, когда агенты после окончания радиосвязи с «Центром», выехали на велосипедах из леса, они были схвачены.

При этом Ганс Тоомла попытался оказать вооруженное сопротивление — направил свой пистолет на офицера КГБ, был тяжело ранен, доставлен в Таллин и помещен в тюремную больницу, где 24 мая 1954 года умер.

При задержании у шпионов изъяли: «автомат с боеприпасами и 4 пистолета, две портативные приемо-передаточные радиостанции, шифры и коды к ним, два радиоприемника для приема блиндпередач из разведцентра, два фотоаппарата фирмы "Робот", один микрофотоаппарат и фотопринадлежности к ним, топографические карты на полотне, различные фиктивные бланки советских документов и печати некоторых советских учреждений, иностранная валюта в шведских и норвежских кронах, советские деньги и другие предметы шпионской экипировки».

Хотя изъятый у них арсенал — не самый тяжкий «грех». Следствием было установлено, «что КУКК и ТООМЛА в период временной оккупации немецкими оккупантами территории Эстонской ССР служили в войсках "СС" немецкой армии, а после ее разгрома бежали в Швецию.

Находясь в Швеции КУКК и ТООМЛА были завербованы американской разведкой и вывезены в США для прохождения специальных школ.

Разведывательную подготовку проходили с сентября 1953 года по май 1954 года в разведывательных школах США вблизи города Вашингтона и в Западной Германии в гор. Штарнберге».

Агентов готовили с американским размахом. Достаточно перечислить набор основных дисциплин: радиodelo, фотоделo, прыжки с парашютом, топография, тайнопись, шифровальное дело, методы разведывательной и подрывной работы на территории СССР, способы изготовления фальшивых документов, русскому языку. Не были забыты и тренировки по стрельбе из различных видов оружия, и умение водить различные типы автотранспортных средств.

После окончания обучения агенты были снабжены американской разведкой «шпионским снаряжением, фиктивными документами и на 4-х моторном самолете без опознавательных знаков, поднявшимся с Мюнхенского аэродрома, были доставлены на территорию Эстонской ССР и выброшены на парашютах».

И все это ради выполнения определенного задания: «собрать разведывательные сведения об аэродромах, в частности о

местонахождении аэродромов, их размерах, ширине взлетных площадок и характере покрова этих площадок, состояний шоссе-с-ейных и железнодорожных магистралей, грузоподъемности мостов, добывать образцы советских документов и вербовать для этих целей новых агентов, а также подбирать на территории Эстонской ССР места, пригодные для приема других шпионов, которых американская разведка намерена забросить в Советский Союз».

Добытые по данной тематике сведения агенты должны были передавать в американский разведывательный по радио, а так же с помощью написанных тайнописью письмах, направляемых по обычной почте на определенные заграничные адреса.

После успешного выполнения задания американской разведки шпионы должны были возвратиться в Западную Европу, перейдя нелегально через границу — Кукк в Норвегию, а ТООМЛА в Финляндию, где их должны были встретить представители ЦРУ.

Агенты активно взялись за выполнение поставленных перед ними задач. Им потребовались многочисленные помощники. Первые два человека в списке пособников американским шпионам — ближайшие родственники Тоомла (его мать Лиза Яновна Тоомла и сестра Хельга Августовна Ноормаа), которые проживали в одной из деревень Кергуйяндраского района Эстонской ССР. У этих женщин они скрывались весь этот период времени. При этом шпионы получали от них не только жилье и еду, но и информацию о проводившихся мероприятиях органами госбезопасности в связи с их розыском, а также использовали их для выполнения отдельных поручений.

Были у незваных гостей и успехи в сфере вербовки. Например, им удалось установить связь сослуживцем Тоомла по германской армии — Робертом Хамбургом. В 1954 году он работал начальником цеха Таллиннского молочного комбината. Неплохая карьера для человека, который в период 1941-1944 годов добровольно служил в 183-м и 658-м эстонских охранных батальонах немецкой армии и других частях немецкой и финской армий. С декабря 1944-го по сентябрь 1946 года находился на нелегальном положении и скрывался от органов Советской власти. Американцы присвоили ему шпионскую кличку «Атс».

Через несколько дней после вербовки новый агент получил первое задание и был экипирован для его успешного выполнения: пистолетом системы «Браунинг» 9 мм, фотоаппаратом фирмы «Робот», часами и советскими деньгами в сумме 17 тысяч рублей для покупки автомашины.

Если говорить об информации, которую предстояло собирать «Атс» (Роберт Хамбург), то от него требовались данные о военных аэродромах, о шоссе-с-ейных и железнодорожных магистралях и документах, которыми пользуются советские граждане.

Причем ему рекомендовалось, по возможности, фотографировать стратегические объекты и документы личности советских граждан.

Выполняя задания, Роберт Хамбург неоднократно встречался с Кукком и Тоомлу в лесу «Тютли-Куузик» и других обусловленных местах на территории Вяндраского района, Эстонской ССР. Для покупки автомашины специально съездил в Москву, где за 11 тысяч рублей приобрел «Оппель-капитан».

А еще Роберту Хамбургу поручили узнать, где в Таллине проживают два интересующих Тоомла человека, организовать ему встречу с неким Вилло, работающим на заводе Ярваканди, а также подыскать ряд «благонадежных» лиц для привлечения их к работе на американскую разведку. Предполагалось из этих людей создать сеть агентов, которые бы, после отъезда эмиссаров ЦРУ за границу, занимались сбором секретных данных. Руководителем этой шпионской группы предполагалось назначить «Атс» (Роберта Хамбурга).

Новый агент не терял времени даром. Например, в июне 1954 года для пропарки тайнописных писем он приобрел примус и алюминиевый чайник, а также снабжал шпионов продуктами питания и всем другим необходимым.

Хотя грехи трех других соучастников шпионского дуэта — Эрны Юхановны Хамбург, Хельги Августовны Ноормаа и Ян Юрьевич Йыхвикаса были менее тяжелы, это не спасло их от суровой кары. Агент «Атс» (Роберт Хамбург) был приговорен к 25 годам пребывания в исправительно-трудовом лагере. В 1969 году он вышел на свободу. Хельга Ноормаа написала 9 мая 1960 года прошение о помиловании, в котором было отказано. Ее дальнейшая судьба неизвестна. Эрна Хамбург была освобождена в августе 1956 года.

А вот судьба арестованного 13 ноября 1954 года Яна Юрьевича Йыхвикаса сложилась трагически. По мнению медиков он был психически больным человеком. Неоднократно проводимая судебно-психиатрическая экспертиза добилась противоречивых результатов: один раз пришли к выводу, что Йыхвикас вменяем, другой раз решили его направить на стационарное психиатрическое лечение. В Ленинграде 25 декабря 1955 г. судебно-психиатрическая экспертиза заключила, что обвиняемый вменяем, и его можно судить. Арестованный не стал дожидаться судебного процесса и 31 декабря 1955 года повесился в одиночной камере.

Сам Кальо Кукк был расстрелян по приговору военного трибунала войск МВД в Бутырской тюрьме города Москвы 27 июня 1955 года⁷⁹.

Еще один пример нейтрализации иностранных агентов. В октябре 1950 года на территории Литвы было сброшено трое парашютистов — агентов американской разведки. Командовал

группой Юозас Лукша (бывший «лесной брат», который в 1947 году сумел вырваться за границу, пятеро его товарищей погибли в перестрелках с советскими и польскими пограничниками). Вместе с ним в СССР нелегально вернулись Бенедиктас Трумпис («Ритас») и Клеменсас Ширвис («Сакалас»). С самого начала группу «Скирмантаса» преследовали неудачи. Их десантировали не в том районе, они потеряли грузовой контейнер, правоохранные органы располагали их групповой фотографией (случайно встретивший их «лесной брат» сфотографировал гостей на память, а через несколько дней был задержан чекистами около контейнера). Несмотря на это, операция по «ликвидации» группы продлилась много месяцев. Все это время иностранные шпионы действовали как обычные бандиты, убивая и грабя местных жителей. Большую часть времени они были вынуждены скрываться в лесах.

Поиск Юозаса Лукши и членов его группы, кроме сотрудников местных правоохранных органов, осуществляли две специальные оперативные группы, включавшие офицеров отдела ДР (диверсия и разведка) МГБ СССР. Поиски осложнялись тем, что после неудачного захвата зимой (метель помогла бандитам скрыться) они разбежались. Первым весной 1951 года вместе с четырьмя местными «лесными братьями» удалось обнаружить «Ритаса». Он попытался оказать сопротивление, и был убит.

«Сакалас» вместе с одним из «лесных братьев» отправился грабить местных крестьян. Когда они пьяные возвращались в свой лесной схрон, то попали в засаду организованную правоохранными органами. Вот только «Сакалас» ничего не смог сообщить о местоположении своего командира, зато он знал о планируемой заброске второй группы парашютистов.

Подходы к Юозасу Лукши удалось нащупать благодаря захвату другого агента американской разведки Йонаса Кукаускаса («Гардянис») в мае 1951 года, которого вместе с еще одним шпионом — Юлийонасом Бутенасом («Стеве») десантировали с самолета весной 1951 года. Судьба этих людей сложилась по-разному. У «Стеве» не выдержали нервы и он застрелился в лесном «бункере», где они прожили вдвоем несколько месяцев. А «Гардянис» решил сдаться чекистам.

А 4 сентября 1951 года в результате оперативной комбинации Юозаса Лукшу, в которой активное участие принял Йонас Кукаускас, удалось заманить в засаду. При попытке взорвать гранату он был застрелен⁸⁰.

Если подвести итоги борьбы с политическим бандитизмом и иностранными разведчиками-диверсантами в республиках Прибалтики, то за период с 1941 по 1950 год формированиями националистов было совершено 3426 вооруженных нападения,

в ходе которых погибли 5155 советских активистов. Органами госбезопасности и войсками было ликвидировано 878 вооруженных групп⁸¹.

При ликвидации банд подразделения внутренних войск НКВД потеряли 533 человек убитыми и 784 ранеными, потери подразделений Красной Армии составили 42 человек убитыми и 94 ранеными. Всего внутренние войска НКВД и подразделения Красной Армии потеряли убитыми 575 и ранеными 878 военнослужащих⁸².

А вот потери противоположной стороны (по данным прибалтийских историков). В 1946 году — 2143; 1947 год — 1540; 1948 год - 1135; 1949 год - 1192; 1950 год - 635; 1951 год - 590; 1952 год - 457; 1953.год - 200⁸³.

Примечания к главе 2

¹ «Лесные братья» — <http://www.oval.ru/cgi-bin/encxgi/40339.html>

² *Пыхалов И.* Как «порабощали» Прибалтику // Спецназ России. 2002. №6. С. 14.

³ *Скорород Ю.В.* Что мы знаем и чего мы не знаем о Великой Отечественной войне — <http://mrk-kprf-spb.narod.ru/skorohod.htm#ll>

⁴ *Gaskaite-Zemaitiene N.* The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953 // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Vilnius, 1999. С.27.

⁵ *Пустовойт В.* «Лесной брат» Витаутас Житкус // Зеркало недели. 3-9 февраля 1996. №5(70).

⁶ *Gaskaite-Zemaitiene N.* The Partisan War in Lithuania... С.23-24.

⁷ Там же. С.27.

⁸ *Кузнецов С, Непребский Н.* Под маской независимости // Известия ЦК КПСС. 1990. №11. С.120-121.

⁹ *Gaskaite-Zemaitiene N.* The Partisan War in Lithuania... С.30.

¹⁰ Там же С.43-44.

¹¹ *Пыхалов И.* Как порабощали Прибалтику// Спецназ России. 2002. №7. С.11.

¹² *Strods H.* The Latvian Partisan War between 1944 and 1956 // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Vilnius, 1999. С.153.

¹³ *Пыхалов И.* Как порабощали Прибалтику // Спецназ России. 2002. №7. С.И.

¹⁴ *Gaskaite-Zemaitiene N.* The Partisan War in Lithuania... С34—35.

¹⁵ *Anusauskas A.* A Comparison of the Armed Struggles for Independence in the Baltic States and Western Ukraine // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Vilnius, 1999. С68.

¹⁶ Там же. С.71.

¹⁷ *Пыхалов И.* Как «порабощали» Прибалтику // Спецназ России. 2002. №7. С.П.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Gaskaite-Zemaitiene N.* The Partisan War in Lithuania... С.27, 44.

²⁰ *Пыхалов И.* Как «порабощали» Прибалтику // Спецназ России. 2002. №7. С.П.

²¹ *Anusauskas A.* A Comparison of the Armed Struggles... С65.

- ²² Пыхалов И. Как «порабощали» Прибалтику // Спецназ России. 2002. №7. С.11.
- ²³ Anusauskas A. A Comparison of the Armed Struggles... С.67.
- ²⁴ Ричельсон Д. История шпионажа XX века. М., 2000. С.318—319.
- ²⁵ Зиганшин Р. Эстония на тропе «лесных братьев» // Российская Федерация сегодня. 2002. №16.
- ²⁶ Скороход Ю.В. Что мы знаем и чего мы не знаем о Великой Отечественной войне — <http://mrk-kprf-spb.narod.ru/skorohod.htm#II>
- ²⁷ Пыхалов И. Как «порабощали» Прибалтику // Спецназ России. 2002. №7. С.11.
- ²⁸ История советских органов госбезопасности. М., 1977. С.610.
- ²⁹ Пыхалов И. Как «порабощали» Прибалтику // Спецназ России. 2002. №7. С.11.
- ³⁰ Захаров Н. Сквозь годы. Тула, 2003. С.73.
- ³¹ Starkauskas J. The NKVD-MVD-MGB Army // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Vilnius, 1999. С.49.
- ³² Там же. С.48-49.
- ³³ Там же. С.47.
- ³⁴ Там же. С.50.
- ³⁵ Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник. М., 2003. С.235.
- ³⁶ Салкина О.В. «Ведут борьбу с советской властью...» // Псков. 1999. №10.
- ³⁷ Найтли Ф. Ким Филби — супершпион КГБ. М., 1992. С.200-201.
- ³⁸ Там же. С. 197.
- ³⁹ Барков Л. В дебрях Абвера. Таллин, 1971. С. 119.
- ⁴⁰ Рубикс А. Осторожно! Пахнет фашизмом // Трудовая Россия. №189.
- ⁴¹ Лебедев Е. Конец «Хаук» — «Тюмлер» // Операция «Синий треугольник»: Рассказы о чекистах Эстонии. Таллин, 1988. С. 139.
- ⁴² Indrek Jurjo. Operation of Western intelligence Services and Estonian Refugees in Post-War Estonia and the Tactics of KGB Counterintelligence // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Vilnius, 1999. С.243-247.
- ⁴³ Отчет о работе 2-го Контрразведывательного отдела Комитета Госбезопасности при СМ ЭССР за период с 1/IV— 1954 г. по 1/IV—1955 г. — <http://www.agentura.ru/Forum/archive/4563.html>
- ⁴⁴ Indrek Jurjo. Operation of Western intelligence Services... С 243—246.
- ⁴⁵ Отчет о работе 2-го Контрразведывательного отдела Комитета Госбезопасности при СМ ЭССР за период с 1/IV-1954 г. по 1/IV—1955 г. — <http://www.agentura.ru/Forum/archive/4563.html>
- ⁴⁶ Мюрк В. Бой у заставы // Компромиссы исключаются. Таллин, 1982. С.196.
- ⁴⁷ Indrek Jurjo. Operation of Western intelligence Services... С248. .
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Филимонов М. В ночь под Новый Год // Компромиссы исключаются. Таллин, 1982. С.171-172.
- ⁵⁰ Indrek Jurjo. Operation of Western intelligence Services... С.246.
- ⁵¹ Веверс В. Не зная тишины. Рига, 1969. С.57-60.
- ⁵² История советских органов госбезопасности. М., 1977. С.515—516.
- ⁵³ Indrek Jurjo. Operation of Western intelligence Services... С.252—254.

⁵⁴ *Мюрк В.* Бой у заставы // Компромиссы исключаются. Таллин, 1982. С.197-201.

⁵⁵ *Хансшмидт А., Мюрк В.* Фиаско Альфонса Ребане // Компромиссы исключаются. Таллин, 1982. С. 185.

⁵⁶ *Indrek Jurjo.* Operation of Western intelligence Services... С.251.

⁵⁷ *Хансшмидт А., Мюрк В.* Фиаско Альфонса Ребане // Компромиссы исключаются. Таллин, 1982. С. 183—195.

⁵⁸ *Indrek Jurjo.* Operation of Western intelligence Services... С.252.

⁵⁹ *Хансшмидт А., Мюрк В.* Фиаско Альфонса Ребане // Компромиссы исключаются. Таллин. 1982. С. 183—195.

⁶⁰ Отчет о работе 2-го Контрразведывательного отдела Комитета Госбезопасности при СМ ЭССР за период с 1/IV-1954 г. по 1/IV-1955 г. — <http://www.agentura.ru/Forum/archive/4563.html>

⁶¹ *Indrek Jurjo.* Operation of Western intelligence Services... С.253.

⁶² Там же. С.254.

⁶³ Отчет о работе 2-го Контрразведывательного отдела Комитета Госбезопасности при СМ ЭССР за период с 1/IV-1954 г. по 1/IV-1955 г. — <http://www.agentura.ru/Forum/archive/4563.html>

⁶⁴ *Indrek Jurjo.* Operation of Western intelligence Services... С.264.

⁶⁵ *Веверс В.* Не зная тишины. Рига, 1969. С.95-103.

⁶⁶ История советских органов госбезопасности. М., 1977. С.512—515.

⁶⁷ *Веверс В.* Не зная тишины. Рига, 1969. С. 102-104.

⁶⁸ История советских органов госбезопасности. М., 1977. С.515.

⁶⁹ *Веверс В.* Не зная тишины. Рига, 1969. С. 106—107.

⁷⁰ История советских органов госбезопасности. М., 1977. С.512—515.

⁷¹ *Веверс В.* Не зная тишины. Рига, 1969. С. 108.

⁷² История советских органов госбезопасности. М., 1977. С.512—515.

⁷³ *Веверс В.* Не зная тишины. Рига, 1969. С.113.

⁷⁴ История советских органов госбезопасности. М., 1977. С.512—515.

⁷⁵ *Веверс В.* Не зная тишины. Рига, 1969. С. 114.

⁷⁶ История советских органов госбезопасности. М., 1977. С.512—515.

⁷⁷ *Веверс В.* Не зная тишины. Рига, 1969. С. 115-118.

⁷⁸ История советских органов госбезопасности. М., 1977. С.466.

⁷⁹ Отчет о работе 2-го Контрразведывательного отдела Комитета Госбезопасности при СМ ЭССР за период с 1/IV—1954 г. по 1/IV-1955 г. — <http://www.agentura.ru/Forum/archive/4121.html>

⁸⁰ *Хиенас М., Шмигельскис К., Улдукис Э.* Стервятники с чужой стороны. Вильнюс, 1961; Судоплатов А., Лекарев С. Камикадзе советской эпохи // Независимое военное обозрение. 2004. №3.

⁸¹ Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001.С.546.

⁸² Там же.

⁸³ *Starkauskas J.* The NKVD-MVD-MGB Army... С.61.

Россия и Польша всегда претендовали на роль ведущих держав в славянском мире. Конфликт между Москвой и Варшавой начался еще в конце X века из-за пограничных городов на территории нынешней Западной Украины. В начале следующего столетия польские войска вторглись уже непосредственно на территорию Киевской Руси, вмешавшись в войну между князьями Ярославом Мудрым и Святополком Окаянным на стороне последнего.

Следующий крупный военный конфликт между двумя странами имел место в конце XVI — начале XVII века (период «Смутного времени»). Приход к власти в 1613 году династии Романовых, которая правила страной свыше 300 лет, лишь на время снизил остроту противостояния. В дальнейшем почти всем российским правителям пришлось заниматься урегулированием отношений с Варшавой.

В 1772 году происходит первый раздел Речи Посполитой. В 1792 году гонения на православных, арест русского подданного епископа Переславского и другие подобные события вынудили Российскую империю вновь ввести войска на территорию этой страны. В 1794 году на территории Польши вспыхнуло восстание под предводительством Тадеуша Костюшко, которое было подавлено регулярной российской армией под командованием Суворова, получившего звание генерал-фельдмаршала за взятие Варшавы. Наконец, в 1795 году состоялся третий раздел Польши. Россия получила Западную Волынь, Западную Белоруссию, Литву и Курляндию. Исконно польские земли были поделены между Австрией и Пруссией. Речь Посполитая, как независимое государство, прекратила свое существование.

Деятнадцатый век по накалу страстей почти не отличался от предыдущего столетия. В 1809 году после побед над Пруссией и Австрией, французский император Наполеон I создал вассальное государство Великое герцогство Варшавское. Таким образом, фактически была восстановлена территория страны в ее этнических границах. Однако местная аристократия хотела большего — как минимум, возрождения Речи Посполитой в границах 1772 года. Для этого следовало отнять у Российской

империи украинские, белорусские и литовские земли. В результате польская армия приняла активнейшее участие в бесславном походе «Великой армии» Наполеона в Россию.

В 1813 году российские войска вновь вошли в столицу Великого герцогства Варшавского. Государство в очередной раз прекратило свое существование, так как его территория была разделена между Россией, Австрией и Пруссией. Из территории, вошедшей в состав Российской империи, было создано Королевство Польское. Благодаря великодушию Александра I оно получило конституцию, сейм, правительство, собственную денежную единицу — злотый, собственную армию, то есть, почти все атрибуты независимого государства. Вот только это не удовлетворило местную националистическую элиту... слишком мало! В 1830 году вспыхнуло очередное восстание. Основная цель — присоединить территории Литвы, Белоруссии и Украины. В следующем году бунт был подавлен. А в 1832 году Царство Польское лишилось большинства привилегий дарованных в 1815 году Александром I.

В 1863 году вспыхнуло очередное восстание. Теперь основная тактика бунтарей — не военные операции, а партизанская борьба. Через год и оно было подавлено.

Во время Первой мировой войны лидер местных националистов Юзеф Пилсудский сделал все, что бы вывести страну из под контроля Российской империи и... получить автономию, но не независимость, от Австро-Венгрии и Германии. Эта особенность национально-освободительной борьбы проявилась и в середине XX века, когда Польша стремилась получить освобождение от фашистской оккупации с помощью армий западных стран. США и Англия всячески поддерживали это стремление.

Еще в марте 1917 года английский министр иностранных дел Артур Джеймс Бальфур заявил, обращаясь к лидерам польского национально-освободительного движения: «Если вы сделаете абсолютно независимую Польшу ... вы отрежете Россию от Запада. Россия перестанет быть фактором в политике Запада или почти перестанет». Эта фраза наглядно объясняет одну из основных причин активной поддержки Западом национально-го движения в социалистической Польше после Второй мировой войны.

В 1918 году Польша в очередной раз стала независимым государством и тут же начала активно расширять свою территорию за счет захвата областей Западной Украины, Галиции, Западной Пруссии и других районов. Затем была советско-польская война 1919-1920 годов, которая закончилась позорным для Москвы миром и передачей Польше огромных территорий Западной Украины и Западной Беларуси².

В июне 1921 года в Польше была создана знаменитая «двуйка» — 2-й отдел генерального штаба, сосредоточивший в своих

руках вопросы разведки и контрразведки. Во главе его встал один из ближайших сподвижников Юзефа Пилсудского Игнаций Матушевский. В 1920—1930-е годы эта структура стала одним из главных противников советских органов госбезопасности.

В начале двадцатых годов прошлого века, вплоть до 1925 года, на территориях Западной Украины и Западной Беларуси активно действовали многочисленные отряды красных «боевиков», созданные советской военной разведкой (Разведупр). Их основной задачей была организация партизанского движения среди украинцев, белорусов, евреев, и освобождение этих территорий в случае мировой революции и перехода Красной Армией границы.

Партизаны Разведупра, пользовавшиеся поддержкой значительной части местного населения, совершали нападения на полицейские участки, железнодорожные станции, пограничные посты, громили помещичьи имения. Например, в ночь с 3 на 4 августа 1924 года 58 боевиков во главе с будущим Героем Советского Союза Станиславом Ваупшасовым захватили город Столбцы, разгромили гарнизон и железнодорожную станцию, местные органы власти, а также захватили тюрьму и освободили руководителя военной организации Компартии Польши Станислава Мартенса (Скульского) и руководителя Компартии Западной Белоруссии Павла Логиновича (Корчика)³. Через горнило польской «партизанки» прошли в 1920-е годы многие будущие советские чекисты-герои, среди них Кирилл Орловский, Василий Корж, Александр Рабцевич.

Когда началась эпоха «больших чисток» 1937—1938 годов, об активной и эффективной деятельности 2-го отдела Польского генерального штаба в НКВД быстро вспомнили. Тем более что у нового наркома внутренних дел «кровавого карлика» Ежова был «пунктик» насчёт поляков. В чекистских отчетах появилась особая графой так называемая «польская линия» (наряду с румынской и прочими). По ней только в Омской области было арестовано 557 человек⁴, в Казахстане — 405 человек⁵ и т.д. Не все из этих людей были безвинными жертвами следователей НКВД, некоторые действительно работали на польскую разведку. Об этой категории разоблаченных чекистами шпионов мы поговорим подробнее.

В тридцатые годы прошлого века органы отечественной госбезопасности столкнулись с необычным явлением. Отправлявшие на территорию только что завербованных агентов, офицеры 2-го отдела Польского генерального штаба исходили из старого стереотипа «о безопасности и безнаказанности шпионской работы в СССР, что при задержании агентам ничего серьезного не угрожает, кроме недолгого заключения в лагерь». Этим же, по мнению чекистов, объясняется «та легкость, с которой агентура, только что привлеченная к шпионской работе,

соглашалась на переброску в СССР». Между тем, согласно спецсообщению наркома внутренних дел Н.И.Ежова на имя И.В.Сталина от 22 марта 1938 года, выявленных незваных гостей, как правило, ожидала высшая мера наказания⁶.

О массовой заброске агентуры свидетельствует и такой факт. С 1 января по 13 июня 1939 года погранвойска НКВД Киевского округа на участках шести погранотрядов задержали 34 нарушителя границы, большинство из которых оказались польскими шпионами. В том же году несколько агентов было разоблачено в Киеве, Ташкенте и Новосибирске. А осенью 1939 года чекисты обнаружили на территории Польши документы местной разведки, которые содержали данные на 186 сотрудников и агентов, действующих на территории СССР.

О высоком уровне профессионализма польских разведчиков уважительно отзывались их британские коллеги. А ведь английская разведка считается одной из лучших в мире. После начала Второй мировой войны на разведку находившегося в Лондоне польского эмигрантского правительства работало более 1700 агентов почти во всех европейских странах⁷. Небезынтересно, что знаменитую немецкую шифровальную машину «Энигму» англичанам помогли «расколоть» именно польские разведчики.

Помимо 2-го отдела генштаба не меньшую опасность для Советской России представляла и тайная военная организация пилсудчиков «Польская организация войсковая» (далее — ПОВ), созданная еще в Первую мировую войну и специализировавшаяся на создании на территории Советской России «разведывательных, диверсионных, террористических резидентур, причем с давних пор внедряли здесь крупную политическую агентуру, главным образом используя кадры, которые ей удастся влить в Коммунистическую партию Польши»⁸.

«ПОВ» — серьезный противник, с которым чекисты начали сражаться еще до того, как был организован 2-й отдел Польского генерального штаба. Во время советско-польской войны в тылу советских войск активно действовала агентурная сеть «ПОВ». Не ограничиваясь сбором разведанных, ее участники взрывали мосты и железнодорожное полотно, пускали поезда под откос, портили линии связи, нападали на красноармейские части. Только в мае 1920 года польские диверсанты уничтожили около двадцати заводов и складов.

О размахе деятельности польской разведки свидетельствует количество арестованной органами ВЧК польской агентуры. Только в Киеве было задержано около двухсот человек, среди них — тридцать руководящих работников ПОВ. В Одессе ликвидировали организацию ПОВ, насчитывавшую свыше ста человек и поддерживавшую связи с генералом Врангелем и Румынией. Филиалы ПОВ были выявлены и уничтожены в Харькове, Житомире, Минске, Смоленске и других городах⁹.

После оккупации Польши Германией, в октябре 1939 года во Франции было создано правительство в изгнании, которое возглавил Владислав Рачкевич. Премьер-министром и одновременно главнокомандующим, министром военных дел, министром внутренних дел, а так же министром юстиции стал генерал Владислав Сикорский, имевший широкую поддержку французских правящих кругов¹⁰. После того, как фашисты захватили Париж, «правительство в изгнании» перебралось в Лондон. Сначала его признали Англия и США, а 30 июня 1941 года и СССР.

На территории Польши появились его подпольные органы управления. В частности, польские подпольные организации действовали в 1939—1941 годах в Западной Белоруссии, вошедшей в СССР, и неоднократно ликвидировались НКВД.

В ноябре 1939 года был организован «Звензек вальки зброй — ней» («Союз вооруженной борьбы» — ЗВЗ). До конца 1941 года командованию ЗВЗ удалось подчинить ряд военных конспиративных организаций, действующих на территории Польши¹¹. В феврале 1942 года на базе этого военизированного формирования начался процесс создания Армии Крайова (далее — АК), основная задача которой определялась, как «борьба за восстановление государства с оружием в руках». В ее состав так же входили часть праворадикальной «Народовой организации войсковой» (национальная военная организация); частично крестьянские «Батальоны хлопские» («Крестьянские батальоны» — БХ), основными кадрами которой являлись члены Союза сельской молодежи Польской республики — «Вици»; военные отряды правого крыла Польской социалистической партии и другие военные нелегальные организации политических центров, поддерживавших правительство в Лондоне¹².

Во главе АК стоял комендант. Эту должность занимали генералы Стефан Ровецкий («Грот») — до 30 мая 1943 года, Тадеуш Коморовский («Бур») — до 2 октября 1944 года и Леопольд Окулицкий («Недзвядек») — до 19 января 1945 года.

Заместителями комендантов и начальниками штабов были генерал Тадеуш Пелчинский («Гжегож») — до 2 октября 1944 года, полковник Бокщанин («Сенк») — до 19 января 1945 года.

Коменданту АК подчинялись начальник штаба, Бюро информации и пропаганды, Бюро финансов и контроля. Руководящим органом Армии Крайовой была главная комендатура, в состав которой входили отделы, организационные части (секторы) и самостоятельные службы.

I отдел (организационный) занимался планированием и организацией деятельности, кадровыми вопросами, поддержанием связи с лагерями военнопленных и группами поляков на территории Рейха, которые были вывезены на принудительные работы. Руководителем отдела до июля 1944 года был полковник

А. Санойца, затем его сменил полковник Ф. Каминский. Отделу подчинялись: Центральная часть; Руководство службы правосудия (возглавлял полковник К. Зелинский); Военная служба женщин; Пасторская служба (церковная часть). Последнюю последовательно возглавляли полковники Т. Яхимовский, С. Ковальчук (до августа 1944 года), М. Пашкевич (до ноября 1944 года), Сенкевич (до роспуска АК).

II отдел (информационно-разведывательный) занимался вопросами безопасности, разведки, контрразведки, легализации и связи. Его руководителями были подполковник Е. Дробик (до декабря 1943 года), полковник Казимир Иранек-Осмецкий (до октября 1944 года), затем полковник Б. Зелинский.

III отдел (оперативно-подготовительный) планировал и готовил мероприятия, связанные с вооруженной борьбой и будущим общенациональным восстанием, а также координировал работу инспекторов отдельных видов вооружения. Его руководителями были генерал С. Татар (до мая 1944 года), полковник И. Шостак (до октября 1944 года), затем майор И. Каменский. Отделу подчинялись: Саперный отдел; Артиллерийский отдел; Отдел флота.

IV отдел (снабжение) координировал работу служб вооружения, интендантства, географической, санитарной, ветеринарной и обозной; также заведовал подпольным производством.

V отдел (оперативная связь) занимался вопросами оперативно-технической связи, оснащения оборудованием, планированием десантных выбросок, координировал работу курьерской службы, шифровальщики, главная канцелярия, опекал солдат союзнических войск. Руководитель — К. Плута-Чаховский.

VI отдел (Бюро информации и пропаганды) заведовал пропагандистской деятельностью. Его руководителями были полковник Жененцкий (до октября 1944 года), затем капитан К. Мочарский.

VII отдел (Бюро финансов и контроля) контролировал финансовые потоки и денежное обеспечение, а так же организовывал конспиративные точки. Руководители: полковник С. Тун (до октября 1944 года), затем майор Е. Любовецкий.

В январе 1943 года была создано Управление диверсиями («Кеды»), которое готовило и проводило диверсионные и специальные акции. Им руководили полковник А. Е. Фелдорф (до марта 1944 года), затем подполковник Мазуркевич.

В состав АК также входили структурные единицы, которые действовали за границей:

самостоятельный отдел по вопросам страны (Польши) при Штабе главнокомандующего. Руководители: подполковник Смоленский (до апреля 1942 года), подполковник М. Протасевич (до июля 1944 года), затем полковник Е. Утник.

Отдел АК в Венгрии «Лишт» — подполковник И. Коркозо-вич.

Отдел АК в Германии (Комендатура округа Берлин — «Блок»).

В начале 1944 года Главной комендатуре АК подчинялись четыре крупных административных единицы (территории) и восемь самостоятельных округов:

Белостокская территория (полковник Е. Годлевский) с округами: Белосток (полковник В. Линярский); Полесье (подполковник С. Добрский); Новогрудек (подполковник И. Шляский).

Львовская территория (полковник Владислав Филипковский, «Цись») с округами: Львов (полковник С. Червинский); Станиславов (капитан Владислав Герман «Глобус»), Тарнополь (майор Б. Завадский);

Западная территория (полковник С. Гродский) с округами: Поморье (полковник И. Палубицкий); Познань (полковник Х. Ковалювка);

Варшавская территория (полковник А. Скорчинский) с округами: Правобережный (Х. Сущинский); Левобережный (полковник Ф. Яхеч); Мазовия (подполковник Т. Табачинский);

Самостоятельные округа: Варшава (полковник А. Хрусцель); Кельце (полковник С. Двожак); Лодзь (полковник М. Стемпковский); Краков (полковник И. Спыхальский); Силезия (полковник З. Янке); Люблин (полковник Т. Тумидайский); Вильно (подполковник Александр Кшижановский «Вильк»); Волинь (полковник К. Бомбинский).

В начале 1944 года численность АК достигла максимальной численности за весь период своего существования: 10 756 офицеров, 7506 юнкеров (подхорунжий), 87 886 сержантов (унтер-офицеров). В этой подпольной армии насчитывалось 6287 полных взводов (по 50 человек в каждом) и 2633 неполных взвода (по 25 военнослужащих в каждом). Таким образом, всего насчитывалось 380 175 военнослужащих¹³.

И эта огромная подпольная армия подчинялась польскому правительству в изгнании, которое в свою очередь активно сотрудничала с VI отделом (Польша) Управления специальных операций Великобритании (УСО). Данная организация была создана в июле 1940 года и специализировалась на организации и проведение диверсионно-разведывательных акций на оккупированной фашистами территории Западной Европы.

Взаимоотношения между УСО и польским правительством в изгнание были необычными. Например, британцы предоставляли партнерам необходимые финансовые и материально технические ресурсы, организовывали «заброску» агентов и оружия по воздуху, при этом они не знали подробности операций проводимых АК и не знали имен агентов. Если в подборе

подпольщиков для других оккупированных стран участвовали офицеры УСО,¹⁴ то поляки сами решали, кого переправить за линию фронта.

В конце августа 1943 года в Армии Крайовой насчитывалось всего лишь 40 отрядов и партизанских групп. Общая численность этих подразделений не превышала 2 тысяч человек, что составляло менее 1% тогдашних сил АК.¹⁵ Половина этих партизан находилась на территориях, расположенных восточнее Буга. К западу от реки в основном действовали формирования БХ.

Главный штаб АК, придерживаясь принципа так называемой «ограниченной борьбы», не был заинтересован в развитии массового партизанского движения. Численность подразделений повстанцев умышлено ограничивалась, перед ними, прежде всего, ставились задачи по самообороне населения и проведению диверсий. Это было отражено в приказе главного коменданта АК, датированном 13 марта 1943 года.¹⁶

Впервые АК заявила о себе, как о серьезной военно-политической силе, во время так называемой «волынской резни» в июле 1943 года. Хотя все началось несколько раньше, когда по утверждению профессора Киевского университета Константина Смеяна: «Считая Волынь своей территорией, польские правящие круги разработали план восстания, чтобы взять власть в свои руки еще до прихода Красной Армии и тем самым поставить Москву перед фактом, что на этих землях восстановлен суверенитет Польши... Выполняя соответствующие указания, 27-я дивизия Армии Крайовой применила в отношении населения Волыни средневековые экзекуции... Центром дивизии было село Билын Ковельского района. Именно отсюда, по приказу командования, отдельные части разъезжались по селам, грабили и уничтожали крестьян...» Понятно, что члены украинской военно-националистической организации ОУН-УПА (известные как «бандеровцы») активизировали ответный террор. Хотя его-то они начали еще в марте 1943 года, уничтожая поляков (мстя за прошлые унижения со стороны Варшавы) и фашистских оккупантов.¹⁷

Увеличению размаха межнациональной резни способствовали политики из польского правительства в изгнании, которые начали вооруженную борьбу за воссоздание независимой буржуазной Польши в границах по состоянию на 17 сентября 1939 года. Поскольку ОУН-УПА сражалась за построение независимого украинского государства и имела в Западной Украине от соотечественников массовую поддержку, то украинское население изначально было для руководителей АК, как минимум, недружественной силой.¹⁸ Истоки украинско-польской розни уходят в глубь столетий. Особенно ярко они проявились в период существования Второй Республики Польской (1920—1939 год), но тогда дело не дошло до резни.

Каков итог этого кровавого противостояния? По разным данным, погибло от 50 до 100 тысяч поляков, в основном мирных жителей. Ответные действия польской Армии Крайовой принесли не менее 20 тысяч жертв с украинской стороны¹⁹. Потери самих АК и ОУН-УПА исчислялись сотнями бойцов. Территория после освобождения ее Красной Армией вошла в состав УССР.

В середине 1943 года отряды АК, действовавшие на территории Западной Белоруссии и Южной Литвы, начали вооруженную борьбу против советских партизан. В рапортах комендантов из этих районов ежемесячно сообщалось о сотнях убитых подпольщиков²⁰.

В декабре 1943 года партизанским соединением Барановичской области под командованием Василия Чернышева по приказу начальника Центрального штаба партизанского движения Пантелеймона Пономаренко были разоружены бойцы Столбцовского соединения АК. Этому предшествовал вооруженный конфликт между уланским эскадроном АК под командованием Здислава Нуркевича с советским партизанским отрядом им. Пархоменко под командованием Семена Зорина (организован по приказу Кирилла Орловского, поляки называли его «жидовским», там было много евреев). 6 польских офицеров были отправлены самолетом в Москву. Из них двое принадлежали к группе Тихотемные». Оба, поручика, Лось и Рыдзевский, вернулись после войны в Польшу, как и остальные 4 офицера. Нуркевичу удалось скрыться, он начал вооруженную борьбу с советскими войсками, продолжил ее против польских коммунистов, и воевал аж до 1960 года, когда был арестован органами госбезопасности Польской Народной республики.

Части АК иногда действовали совместно с Красной Армией против немцев. Так, 30-я пехотная дивизия АК под командованием подполковника Генрика Краевского, насчитывавшая к июню 1944-го 1500 человек, вместе с 65-й армией генерала Павла Батова воевала под Брестом. Аковцы уничтожили штаб немецкой дивизии, захватили секретные военные планы и передали их советской разведгруппе Макарова. Тогда же в Грабовцах был разоружен советскими частями штаб 34-го пехотного полка 9-й дивизии АК, действовавшей в Белостокском округе. Узнавший об этом Краевский решил прорываться к Варшаве, где в это время шло восстание против немцев, но около Седлеца батальон Мадэйекого был разоружен советскими войсками, а 19 июня под Минском-Мазовецким был разоружен отряд Полесского округа АК (250 человек), офицеры вывезены на пересыльный пункт в Брест, а солдаты под конвоем в лагеря для интернированных под Люблином. Необходимо отметить, что среди солдат и офицеров АК в Белоруссии около 30—40% составляли белорусы.

В Новогрудском округе АК действовало 5 соединений общим числом более 6 тыс. человек, затем было сформировано еще 2 батальона (более 1 тыс. человек). Комендант округа подполковник Януш Шульц (Правдица-Шляский), сидевший перед войной в тюрьме НКВД в Белостоке, выдал гестапо 40 человек из местного коммунистического подполья, о чем сам рассказал позднее в своих изданных в Лондоне воспоминаниях. Он же рассказал, что с 1942 года до прихода РККА в 1944 году провел 185 боев из них 102 с немцами, остальные против советских партизан. А отряд Адольфа Пильха с октября 1943-го по июнь 1944 год не провел ни одного боя против немцев, зато 32 против советских партизан.

В Виленском округе под командованием подполковника Александра Кжижановского действовало 3-е соединение и особая бригада, всего более 9 тыс. человек. Они воевали с немцами и с немецкими пособниками — вспомогательным литовским корпусом генерала Павиласа Плехавичуса (позднее был заподозрен немцами в измене и арестован, корпус расформирован). Там же на Виленщине осенью 1943 года отрядом Федора Маркова был разоружен отряд АК Антони Бужинского («Кмищица»), после того как партизаны прочли нелегальную газету Виленского округа «Независимость» антисоветского содержания (командование отряда арестовали, несколько человек расстреляли). Конфликт перешел в стадию вооруженной борьбы между отрядом Маркова и сформированной на базе отряда «Кмищица» 5-й Виленской бригадой поручика Зигмунта Шендзелеяжа. В феврале 1944 года после боя с советскими партизанами польский отряд перебазировался в сторону Вильнюса. К этому времени советские партизаны в четыре раза превосходили по численности отряды АК.

Этими конфликтами пытались воспользоваться немцы, предлагавшие аковцам свою помощь. Были проведены переговоры между командованием Виленского округа и немецким командованием, впрочем, неудачные. Арестованный немцами в Вильнюсе Шендзелеяж после недолгого пребывания в гестапо был ими отпущен, получив на дорогу 100 рейхсмарок. Видимо, его собирались в дальнейшем использовать. Некоторые командиры АК заключали с немцами соглашение о нейтралитете. Есть данные, что немцы обеспечивали некоторые отряды аковцев оружием. Командир отряда аковцев ротмистр Юзеф Сьвида, заключивший с немцами соглашение о формировании дивизии против партизан, расстрелял часть освобожденных аковцами же из тюрьмы города Лида поляков, после чего сам был приговорен судом АК к расстрелу, с отсрочкой приговора до конца войны (эмигрировал в США, дожил до 1980-х гг.)

Белорусские аковцы поддерживали контакты с белорусскими националистами. Горячим поборником такого союза был

Вацлав Ивановский, который вел переговоры с начальником разведки АК в Белоруссии Томашом Заном, устроил на службу в минскую городскую управу польских разведчиков Буткевича и Липинскую. В его планах был федеративный союз Польши и Белоруссии, с антисоветской направленностью. Впрочем, одновременно шли бои между отрядами АК и белорусскими полицейскими формированиями.

Активно участвовать в боевых действиях против фашистских оккупантов большинство подразделений АК начали только при приближении Красной Армии. Объяснение этому простое. Основная задача этой военизированной организации заключалась в том, чтобы обеспечить приход к власти эмигрантского правительства, а не тех сил, которые активно поддерживала Москва. К последним относились созданный в Люблине 23 июля 1944 года Польский национальный комитет освобождения и, разумеется, Польская рабочая партия (ПРП), организованная группой старых польских коммунистов (среди которых было и несколько агентов НКВД) во главе с Марцелием Новотко, Болеславом Молоцем и Павлом Финдером (десантированы на территорию Польши в декабре 1941 года) на базе довоенной польской коммунистической партии²¹.

Стремительное наступление Красной Армии и намерение Сталина иметь в Варшаве подконтрольное правительство заставили политиков-эмигрантов, находящихся на территории Британии, активизировать свою деятельность. В октябре 1943 года командование АК утвердило план операции «Бужа» («Буря») по захвату Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленского края в момент немецкого отступления. Ее военные и политические цели излагались в «Правительственной инструкции для страны» от 27 октября 1943 года. В конце того же года Главный штаб АК на основе этого документа издал инструкцию о целях и задачах операции²².

Перед Армией Крайова ставилась задача по мере отступления немецких войск овладевать освобожденными районами, чтобы советские войска заставляли там уже сформированные аппараты власти, подчиненные эмигрантскому правительству. В операции предполагалось задействовать 70—80 тысяч солдат и офицеров АК, находившихся, главным образом, в восточной и юго-восточной Польше, а также на территориях Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии²³. Например, командующий АК в приказе №144/111 от 23 марта 1944 года указывал: «...ради блага польского дела следует, чтобы мы приняли активное участие в освобождении страны от оккупации благодаря ударам по немецким арьергардам. Подчеркиваю, что этот удар следует начать наносить от наших восточных границ, чем мы лучше всего подчеркнем принадлежность пограничных земель Речи Посполитой»²⁴.

Эти действия неминуемо вели к конфликту с Советским Союзом, что вскоре и произошло.

В марте 1944 года 27-я дивизия АК под командованием бывшего командира диверсионных отрядов главного командования АК подполковника Яна Киверского («Олива») встретила в районе Ковеля с войсками 2-го Белорусского фронта, командование которого потребовало от нее подчинения. Возник конфликт, совпавший с немецким контрнаступлением. 27-я дивизия оказалась в тылу вермахта, а ее командир погиб в бою. Новый командир майор Тадеуш Штумберк-Рыхтер подчинился советскому командованию и в дальнейшем дивизия вошла в состав Войска Польского — сформированных в СССР польских вооруженных сил, действовавших под контролем Москвы²⁵.

Понятно, что Москва была кровно заинтересована в том, чтобы в Варшаве находилось лояльное ей правительство. Одним из средств решения этой задачи стала ликвидация недружественных СССР вооруженных организаций. Поначалу их просто разоружали и отпускали по домам. Когда повстанцы начали оказывать сопротивление НКВД и местным польским правоохранительным органам, при этом еще и стремительно деградируя до уровня обычных уголовников, то их стали просто уничтожать.

6—7 июля 1944 года отряды АК Виленского и Новогрудского округов (4 тыс. человек), выполняя план операции «Буря», провели неудачную операцию «Острые ворота» по освобождению Вильнюса от немцев до прихода советских войск, потеряв 71 человека убитыми и более 500 ранеными. В тот же день начались бои за освобождение Вильнюса частями Красной Армии, в которых вместе с советскими солдатами участвовали и некоторые отряды АК (1-я бригада Виленского округа под командой поручика «Юранда» потерявшая 79 человек убитыми, в том числе и самого командира). После освобождения Вильнюса командование АК провели совещание с представителями эмигрантского правительства, условившись добиваться признания их вооруженных сил с советской стороны как самостоятельного корпуса и ставя своей целью переход Виленского края к Польше.

Об антисоветских планах аковцев знали советские чекисты, внедрившие в АК свою агентуру (офицеры штаба АК, сотрудник контрразведки Виленского округа и др., возможно и подполковник Любослав Кшешовский, отдавший 16 июля приказ о роспуске АК на Виленщине под предлогом создания регулярной польской армии).

Процесс разоружения повстанческих организаций, действовавших на территории Польши, начался 16 июля 1944 года. В этот день начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Михаил Малинин разослал распоряжение команду-

ющим армий и корпусов, где о повстанческих воинских формированиях, среди прочего, было сказано:

«...Эти отряды ведут себя подозрительно и действуют сплошь и рядом против интересов Красной Армии.

Учитывая эти обстоятельства, Командующий войсками фронта приказал:

Не в какие отношения с этими польскими отрядами не вступать. При обнаружении таких отрядов немедленно личный состав их разоружать и направлять на армейские пункты сбора для проверки.

В случае сопротивления со стороны польских отрядов применять в отношении них вооруженную силу...»

Через два дня появилось дополнение к этому приказу, предписывавшее: «Донесения о ходе разоружения польских отрядов и о количестве собранных на сборные пункты солдат и офицеров включать в ежедневное боевое донесение, представляемое в штаб фронта к 20.00. нарастающим итогом»²⁶

17 июля прибывшие в штаб 3-го Белорусского фронта для встречи с командующим генералом Иваном Черняховским коммендант Виленского округа АК «Вильк» (Кжижановский) и его начальник штаба майор Цетыс были арестованы опергруппой во главе с замнаркома НКВД СССР комиссаром госбезопасности 2-го ранга Иваном Серовым. Цетыс пытался выхватить пистолет, но был обезоружен²⁷.

В тот же день были арестованы вызванные в Вильнюс командиры 6-й бригады АК и командующие Виленским и Ново-грудским округами — подполковник Любослав Кшешовский и полковник Адам Шидловский (заброшен с парашютом из Италии в мае 1944 года), а в местечке Багуши под Вильно сотрудники «Смерш» вместе с пограничниками (к этому времени в районе Вильнюса были дислоцированы дивизия, полк, 2 батальона внутренних войск НКВД и 4 погранотряда, всего около 12 тыс. человек) без единого выстрела арестовали 26 офицеров — большинство комсостава Виленского округа АК (практически все впоследствии вернулись в Польшу)²⁸.

В оперативно-чекистской операции участвовало 19 групп НКВД—НКГБ, члены которых изъяли у местных вооруженных формирований: 302 немецких станковых пулемета, 152 винтовки и 40 гранат. Все это «аковцы» пытались вывезти в лес. В результате интенсивных допросов чекисты выяснили приблизительную численность подразделений АК в этом районе — около 25 тысяч человек (хотя польские историки утверждают, что цифра была завышена в два раза) и их структуру.

В течение нескольких дней было задержано 3500 человек, из них 200 офицеров. При разоружении было изъято: 3000 винтовок, 300 автоматов, 50 пулеметов, 15 минометов, 7 легких орудий, 12 автомашин и большое количество гранат и патронов.

Операция прошла без единого выстрела. А к 3 августа 1944 года было разоружено 7924 солдата и офицера. У них было изъято 5500 винтовок, 370 автоматов, 270 крупнокалиберных и станковых пулеметов, 13 легких орудий, 7 радиостанций, а так же 27 автомобилей и 270 лошадей.

Руководители Виленского военного округа АК активно сотрудничали со следствием и сообщили о бывшем ректоре Виленского университета профессоре Стефане Эренкройце и нелегале «Юзефе», который был уполномоченным Варшавского центра и виленским окружным делегатом²⁹.

Пока в районе Вильно Красная Армия активно разоружала бойцов Армии Крайовой, в Люблинском воеводстве дислоцировавшиеся там подразделения АК 17 июля 1944 года попытались взять под свой контроль Люблин и крупнейшие населенные пункты воеводства. В акции участвовали 3-я пехотная дивизия под командованием Адама Швитольского («Домбров»), 9-я пехотная дивизия под командованием бригадного генерала Людвиг Биттнера («Хальк»), 27-я пехотная дивизия под командованием полковника Тадеуша Штумберга («Жегота»). Эту попытку жестко пресекли подразделения советской армии и коммунистической Армии Людовой, которые уже успели занять эту территорию³⁰.

По аналогичному сценарию события развивались в Львове. Сначала неудачная попытка штурма отрядами АК — 23 июля 1944 года 3 тысячи бойцов АК неудачно пытались освободить Львов от немцев, это было составной частью плана операции «Буря». Затем освобождение города Красной Армией. Стремление польских националистов присвоить лавры освободителей жестко пресекалось³¹.

Спустя несколько дней после освобождения Львова Красной Армией львовское командование АК во главе с полковником Владиславом Филипковским по предложению советского командования отправилось в Житомир для переговоров с командованием Войска Польского об объединении. После отказа делегации АК от объединения все ее члены — Филипковский, его адъютант подпоручик Зигмунт Лановский, начальник Тарнопольского округа АК полковник Франтишек Студзинский, начальник Львовского гарнизона АК подполковник Стефан Червинский и начальник 2-го отдела львовского округа подполковник Генрик Похоский были арестованы в Житомире в ночь с 2 на 3 августа и перевезены в Киев, а затем в ОКР «Смерш» 1-го Украинского фронта в районе польского города Жешува. Другие львовские командиры АК были арестованы во Львове 31 июля. В тот же день там же сотрудниками «Смерш» были арестованы окружной делегат АК доктор Адам Островский и сотрудники контрразведки львовского командования АК. Островский передал чекистам список своих сотрудников³².

Филипковский, после допроса, продолжавшегося 20 часов, целью которого было выяснение состава и структуры АК, а также его офицеры были вывезены в лагерь Дягилево под Рязанью, вместе с несколькими тысячами других польских солдат и офицеров. Среди них был и племянник легендарного председателя ВЧК—ОГПУ Ежи Дзержинский, виленский аковец, а также 5 генералов. Позднее один из них, бывший командующий Люблинским округом АК Казимеж Тумидайский, умер в июне 1947 года во время голодовки заключенных, после которой основная масса аковцев была отправлена в Польшу. Тогда же были арестованы советскими органами безопасности, по польским данным, сотни солдат АК. Некоторые продолжали работать в подполье и были арестованы позднее, как, например, Юзеф Хальски, арестованный во Львове в сентябре 1945 года и в 1946-м осужденный к 20 годам каторжных работ (в 1959 году передан органам госбезопасности ПНР и освобожден).

Одной из наиболее трагических страниц деятельности Армии Крайовой стало Варшавское восстание. Оно началось 1 августа 1944 года. После двухмесячной обороны левобережной части города защитники капитулировали.

В подавление мятежа участвовало примерно 50 тысяч солдат и офицеров немецкой армии (из них 26 тысяч погибли, пропали без вести, получили ранения). Количество восставших: 47500 членов различных подпольных вооруженных формирований (начиная от АК и заканчивая Армией Людова), из них погибло 18000 человек. Так же погибло около 4 тысяч солдат и офицеров 1-й армии Войско Польского, которые пытались прийти на помощь восставшим. Потери среди гражданского населения города — 150 тысяч человек³³.

О тех трагических событиях написано достаточно много. Хотя есть малоизвестные детали, которые по-новому заставляют взглянуть на те события. Например, директива штаба войск по охране тыла 3-го Белорусского фронта от 25 августа 1944 года, которая предписывала... задерживать и разоружать отряды Армии Крайовой, которые по приказу своего командования двигались на помощь восставшей Варшаве³⁴.

Есть две возможных причины появления этого документа.

Во-первых, развитие начатой в середине июля операции по нейтрализации АК. Понятно, что на помощь восставшим двигались хорошо экипированные и боеспособные подразделения, которые следовало разоружить в первую очередь.

Во-вторых, в силу легко объяснимых причин Сталин не хотел допустить того, чтобы восстание в Варшаве привело к освобождению города от фашистов с помощью самих горожан. При этом он не знал, что не все население столицы Польши активно поддерживает мятежников.

Вот цитата из доклада немецкого губернатора района Варшавы Людвиг Фишера, которого сложно обвинить в субъективном отношении к АК:

«...При анализе восстания в Варшаве напрашивается еще один вывод огромного политического значения. Речь идет о поведении всего населения. Когда польская Армия Крайова начала борьбу, ее вожди твердо рассчитывали на то, что они увлекут за собой широкие массы варшавского населения, и что тогда восстание в Варшаве явится сигналом для присоединения к нему всех поляков.

В этом предположении вожди Армии Крайовой полностью ошибались.

Прежде всего, следует констатировать, что в самой Варшаве широкие массы населения с первых же дней отнеслись к восстанию отрицательно и, по крайней мере, не поддерживали его...

...Еще яснее было поведение сельского населения. Оно не поддерживало восстание с первого и до последнего дня. Это доказывается тем, что оно отклоняло практическую помощь и даже строило вблизи Варшавы оборонительные укрепления, направленные в большей своей части против повстанцев.

Кроме того, сельское население доказало свое отрицательное отношение к восстанию тем, что, когда часть аковцев бежала из Варшавы во время специальных мероприятий и пробились в Пушу Кампинску на юг, то оно не оказало никакой поддержки этим 1600 солдатам, вследствие чего эти повстанцы могли быть установлены и уничтожены в течение 24 часов...

...Эта общая позиция польского населения подтверждена, кроме того, показаниями пленных из польской дивизии Берлинга. Дивизия Берлинга представляет собою воинское соединение большевистской армии, укомплектованное поляками. Военнопленные из этой дивизии на допросе неизменно показывали, что польское население при вступлении их в Варшавский округ не только не приветствовало их, как освободителей, наоборот, встречало чрезвычайно холодно и сдержанно и частично даже враждебно. По свидетельству этих военнопленных, польское население на их удивленные вопросы всегда отвечало: хотя немцы с ними обходились строго, но они все же постоянно заботились о работе и хлебе для населения и что поэтому поляки не скучали по большевикам»³⁵.

В процитированном выше фрагменте доклада содержится ответ на вопрос: почему АК так быстро и почти бескровно была ликвидирована советскими органами госбезопасности. Ответ очевиден. Повстанческое или партизанское движение, которое не имеет поддержки со стороны местного населения, обречено на стремительную гибель.

Есть вопросы, которые до сих пор остаются без ответа. Например, московское радио, передало в конце июля специаль-

ное сообщение — призыв к восстанию. По чьему приказу, и с какой целью это прозвучало в эфире — до сих пор не существует официального ответа. Ради справедливости следует отметить, что аналогичный призыв к восстанию прозвучал и из Лондона. Однако лондонское радио несколькими днями позднее все же не назвало восставших «бандой преступников», как это сделала Москва³⁶.

Чем был вызван взятый советским руководством курс на ликвидацию Армии Крайовой? В отличие от просоветских коммунистических военизированных формирований — небольшой, но активно боровшейся с немцами, Армии Людовой или Войска Польского, которое с боями дошло до Берлина, ориентировавшиеся на Лондон националистические повстанцы не могли оказать Красной Армии реальной помощи в освобождении страны. Как уже сказано выше, большинство этих отрядов придерживалось выжидательной тактики. Когда 3 августа 1944 года на переговорах в Москве премьер-министр эмигрантского правительства Станислав Миколайчик, сменивший в июле 1943 года погибшего в авиакатастрофе своего предшественника генерала Владислава Сикорского, заявил, что «поляки создали в Польше подпольную армию», Сталин резонно заметил:

«Борьбы с немцами она (Армия Крайова. — Авт.) не ведет. Отряды этой армии скрываются в лесах. Когда спрашивают представителей этих отрядов, почему они не ведут борьбы против немцев, они отвечают, что это не так легко, так как если они убивают одного немца, то немцы за это убивают десять поляков... наши войска встретили под Ковелем две дивизии этой армии, но когда наши войска подошли к ним, оказалось, что они не могут драться с немцами, так как у них нет вооружения... отряды польской подпольной армии не дерутся против немцев, ибо их тактика состоит в том, чтобы беречь себя и затем объявиться, когда в Польшу придут англичане или русские»³⁷.

Еще одна веская причина уничтожения националистического подполья — необходимость защиты тыла стремительно наступающей Красной Армии. Еще в мае 1944 года, до того, как красноармейцы начали освобождение Польши, была выпущена специальная директива заместителя наркома внутренних дел СССР Ивана Серова и начальника войск НКВД по охране тыла Действующей армии генерал-майора Ивана Горбатюка. Она информировала командиров частей и соединений внутренних и пограничных войск, что на территории, которую планировалось очистить от немецко-фашистских захватчиков летом 1944 года, «враждебно-настроенные к нам группы населения» будут стремиться «в подходящий момент ударить нам в спину». К разряду «враждебно-настроенных» были причислены все польские вооруженные организации, подчинявшиеся польскому правительству в эмиграции³⁸.

Следует сказать, что данная директива была небезосновательна. В июле 1944 года командующий АК Тадеуш Комаровский («Бур») приказал своему заместителю генералу Леопольду Окулицкому создать и возглавить новую подпольную офицерскую разведывательную военно-политическую организацию «НЕ» («Неподлежность»). Официальное решение о ее создании было принято польским правительством в изгнании только 14 ноября 1944 года.

Основными задачами новой структуры были создание террористических групп для убийства политических противников в стране и представителей командования советской армии, а также проведение подготовительной работы к вооруженному выступлению против новой власти.

Официально она прекратила свое существование только в марте 1946 года, когда все активные члены «НЕ» были арестованы³⁹. Фактически это произошло на год раньше, когда была разгромлена ее сеть на территории Польши, Литве, Западной Украине и Западной Белоруссии.

Первые операции по обезоруживанию повстанческих отрядов, которые проходили летом 1944 года носили «добровольно-принудительный» характер. Арестованные не пытались оказывать сопротивления. Однако бескровное разоружение отрядов АК в Вильно и Львове было лишь временным успехом Красной Армии. Уцелевшая часть командиров Виленского и Новогрудского округов АК под командованием подполковника Зигмунта Блюмского (вскоре он отдал невыполненный приказ о роспуске отрядов, уехал в Вильнюс, где был арестован, его сменил подполковник Юлиан Куликовский) решила вступить в вооруженную борьбу с Советами.

Аковцам противостояли 136-й полк внутренних войск НКВД, 97-й погранотряд, различные опергруппы. Сначала была разоружена, также бескровно, 3-я бригада, интернированная в Медниках под Ошмянами, к концу июля 1944 года там уже было около 7 тыс. человек. Из них 4 тыс. солдат отправили в лагерь в Калуге. После отказа от принятия советской присяги — на лесозаготовки, впоследствии многие вернулись в Польшу. Офицеры были вывезены в лагерь под Рязанью, в 1946 году более 800 их них вернулись на родину. Весной 1947 года группу оставшихся в заключении офицеров за нарушения режима перевели в лагерь Грязовец под Вологдой, откуда трое, в том числе бывший комендант Виленского округа АК «Вильк» (Кжижановский) бежали. «Вильк» был арестован в Вильнюсе, отправлен в Москву, оттуда снова в Рязань, затем после переговоров в числе других офицеров АК в ноябре 1947 в Бресте их передали властям Польши.

Некоторые части АК в Белоруссии продолжали сопротивление. Действовали в Бресте и Новогрудске подпольные радиостанции «Ванда-19» и «Ванда-20», сотрудники которых были

арестованы чекистами. Всего в тылу наступавшей Красной Армии действовало 20 радиостанций, из них 6 на советской территории — также в Вильнюсе, Браславе и Львове⁴⁰.

19 августа были разгромлены отряды «Яремы» (командир арестован), «Бустрамяка». 21 августа в Сурконтах погибли в бою с опергруппой НКВД сотрудники диверсионной группы АК «Тихотемные» капитан Францишек Цеплик, майор Мацей Калян-кевич, ротмистр Ян Скраховский, Валенты Василевский, 32 солдата (с советской стороны, по данным АК, погибло 132 человека). Тогда же органами «Смерш» наступавшей Красной армии при освобождении Белоруссии были арестованы комендант Полесского округа АК Юзефа Сварцевич, ее муж и сын. В 1956 году после освобождения из заключения они вернулись в Польшу.

В декабре 1944 года в Лидском районе после кровопролитного боя был ликвидирован отряд «Рагнара» (Чеслава Зайончковского), сам он убит. 21 января 1945 года под Кавальками разгромлен отряд «Крыся» (Яна Барысевича), сам он убит. Бойцы этого отряда неоднократно нападали на населенные пункты, уничтожали советских и партийных работников, мирных жителей, грабили их имущество. 9 февраля 1945 года под Кареличами были разгромлены 8-я бригада Витольда Туронка и кавалерийский отряд Китовского.

В боях с июля 1944 года по июнь 1945 года против АК в Белоруссии (80 вооруженных групп) и Литве (84 польские и литовские группы) действовало 18 полков НКВД (25 тыс. человек), истребительные отряды из бывших партизан и партийного актива. При этом погибло 594 солдата и офицера Красной Армии, ранено 219 человек. Руководили операциями заместители наркома внутренних дел СССР Иван Серов, затем Сергей Круглов (в Литве), и 1-й замнаркома госбезопасности СССР Богдан Кобулов (в БССР).

По данным из доклада Берия Сталину в декабре 1944 года, органы НКВД (нарком Сергей Бельченко) и НКГБ (нарком Лаврентий Цанава) БССР под общим руководством Кобулова ликвидировали 288 польских и белорусских организаций, арестовали 5069 их участников, ликвидировали 13 немецких резидентур, арестовали 700 немецких агентов, ликвидировали 800 повстанцев, арестовали более 1600 дезертиров и 48 тыс. уклонистов от призыва в РККА. На границе с УССР, в Пинской, Брестской и Полесской областях ликвидировали 11 бандгрупп из Волынской и Ровенской областей (убито 385 и арестовано 160 оуновцев). Его же доклад Сталину, Молотову и Маленкову в сентябре 1945 года дает общие цифры с июля 1944 года по сентябрь 1945 года по БССР: убито 3232 бандитов и дезертиров, арестовано около 15 тыс. бандитов и антисоветчиков, около 82 тыс. дезертиров, добровольно сдались 698 бандитов и более 48 тыс. дезертиров.

Но вернёмся в Польшу осени 1944 года. Начиная с сентября 1944 года «аковцы» начали вооруженную борьбу. Например, в Владавском уезде они уничтожили шесть милиционеров, в Люблинском уезде погибло пять советских военнослужащих, в За-мостьевском уезде «убито 11 человек, из них 5 военнослужащих Красной Армии, освобождено 12 арестованных, в т. ч. 6 активных «аковцев», а в Холмском и соседних уездах «совершено более 10 вооруженных нападений. Убито 13 человек из числа местных работников, в т. ч. убили 4 работников Отдела Общественной Безопасности, которые конвоировали арестованных и освободили 4 арестованных».

С 15 по 20 октября 1944 года произошло 4 боевых столкновения войск НКВД с повстанцами. В результате 112 человек было арестовано, а 5 убито⁴¹.

В это же время начался процесс проникновения «аковцев» в Отделы безопасности ПКНО (Польский Комитет Национального освобождения) — организации, созданной при активном участие Москвы. Например, в начале октября 1944 года местными чекистами был арестован начальник контрразведки Люблинского военного округа АК Александр Бенецкий. Два раза с ним беседовал начальник контрразведки Отдела безопасности ПКНО Р. Ромковский и в течение суток его допрашивал следователь. После этого его расстреляли, объяснив это странное решение офицерам «Смерша» тем, что арестованный «...никаких показаний не дал, ни в чем не признался...». В ходе проведенного расследования советские чекисты выяснили, что подследственного знали другие арестованные «аковцы». С ними можно было провести очную ставку и изобличить Александра Бенецкого. На основании этого советские контрразведчики предположили, что кто-то из сотрудников Отдела безопасности, боясь показаний казненного, инициировал его расстрел⁴².

Несмотря на предпринимаемые меры по «чистке» подразделений органов польской госбезопасности, полностью решить проблему «оборотней в погонах» не удалось даже спустя десять месяцев. Например, за период с июня по август 1945 года было арестовано 333 польских чекиста. Из них 265 «за связь антисоветским подпольем». К ним следует добавить 176 человек, которые ушли в банды. Арестованным инкриминировался широкий спектр деяний, начиная от создания ячеек АК по месту работы, информирования подполья о готовящихся активных мероприятиях и заканчивая грабежами и мародерством. А еще они активно занимались бизнесом: торговали служебной информацией (агентурные разработки), прекращали за определенную плату уголовные дела и освобождали арестованных. Это, не считая традиционной коммерческой деятельности владение магазинчиками⁴³.

Не лучше обстояли дела в вооруженных силах Польши. В результате проверки подразделений военной контрразведки советскими чекистами выяснилось, что они малочисленны (50% к положенному штату), а имеющийся оперативный состав недостаточно квалифицирован. При этом рассчитывать на помощь «старших товарищей» из Москвы было сложно. Так как вместо четырех оперативных работников на каждый полк приходится по одному, да и тот не владеет польским языком. Для решения этого вопроса из Москвы срочно командировали 100 офицеров «Смерша» и 15 сотрудников НКВД—НКГБ⁴⁴.

В октябре 1944 года была сформирована Сводная стрелковая дивизия внутренних войск НКВД под командованием генерал-майора Бориса Серебрякова, главной задачей которой стала борьба с польским национальным подпольем. В состав дивизии вошли 2-й, 11-й, 18-й и 98-й пограничные полки, 145-й стрелковый полк внутренних войск, 198-й отдельный мотострелковый батальон внутренних войск. Впоследствии, в разное время ей придавались и другие соединения, в частности 338-й погранполк, 267-й полк внутренних войск, дивизион бронепоездов⁴⁵.

Эти подразделения начали действовать только с 18 октября 1944 года. Понятно, что их появление в уездах повысило эффективность контрповстанческой борьбы. Так, с 18 по 21 октября 1944 года перечисленными выше подразделениями НКВД в результате оперативных мероприятий: арестовано 215 участников вооруженных формирований и задержано 612 дезертиров — солдат и офицеров Войска Польского. Тогда же произошло четыре боевых столкновения с членами АК. В результате 112 «аковцев» арестовано и пятеро убито⁴⁶. Считать эти инциденты серьезными боями не стоит. Достаточно сказать, что тогда было изъято два пулемета, семь винтовок, четыре автомата и двенадцать гранат. Простой арифметический подсчет показывает, что из участников боестолкновений был вооружен каждый десятый, а остальные успели выбросить оружие до задержания или у них его просто не было. Возможен и другой вариант, что не все задержанные были захвачены в плен во время боя с оружием в руках. Тогда большинство из 112 человек были задержаны во время облав, «зачисток», на основании информации полученной от агентуры и т.п.

В середине октября 1944 года сотрудниками «Смерша» был арестован комендант группы «Звензек Харцерства Польского» («Союз польской молодежи» — ЗХП), которая специализировалась на подготовке кадров (разведчиков, диверсантов, связистов, мотоциклистов и других) для АК. Она имела три секции: диверсионная; боевая школа; младшая группа (Завиша).

Выше уже упоминалась об использовании агентуры. Чекисты активно практиковали этот метод оперативно-розыскной

работы. Например, с 16 по 21 октября 1944 года только в городе Люблин было проведено 27 вербовок. При этом в агентурной сети по этому населенному пункту уже числилось 114 человек. С ними было проведено 180 встреч и получено 112 донесений⁴⁷.

Указанные выше факторы (активизация агентурной работы и проведение облав) позволили с 20 по 25 октября 1944 года разоблачить 840 «аковцев», а во время прочесывания лесов задержать 317 дезертиров и тех, кто уклонялся от призыва в армию. Сотрудники создаваемых местных правоохранительных органов арестовали 970 человек, большинство из которых обвинялось в принадлежности к АК. Понятно, что это привело к увеличению числа вооруженных столкновений (пять) в результате чего 7 бандитов убито, а 78 захвачены в плен⁴⁸.

В период с 5 по 11 ноября 1944 года сотрудниками советской контрразведки и войск НКВД арестовано 2210 человек, при прочесывании лесов обнаружено и задержано 793 «аковца». Кроме того, в уездных отделах общественной безопасности и областных городах Польши содержится арестованными 1732 человека, большинство из которых «аковцы». Таким образом, общее количество задержанных превысило 4200 человек.

«Во время обысков и при арестах, а так же на основании полученных данных и при проведении операций войсками НКВД изъято оружия и боеприпасов: минометов — 12; пулеметов ручных и станковых — 110; винтовок — 901; автоматов — 202; револьверов — 292; ручных гранат — 2300; стволов к пулеметам — 11; мин — 1262; патронов — более 270 000 штук, дисков к ручным пулеметам — 69; снарядов — 1637.

Также изъято: приемно-передающих радиостанций 9; радиоприемников 67...»

Тогда же была проведена крупная войсковая операция в Белостокском уезде. В ней участвовали три полка НКВД (4500 человек) и десять оперативных групп «Смерша» и НКГБ Белорусской ССР (200 человек). По состоянию на 8 ноября 1944 года ими было арестовано 1200 человек, а к 14 ноября 1944 года эта цифра достигла 2044 человека⁴⁹.

В конце декабря 1944 года были подведены предварительные итоги борьбы с польскими антиправительственными военнизированными подпольными организациями. За период с 15 октября по 10 декабря разоблачено и арестовано 5889 членов АК. Также изъято 29 приемно-передающих радиостанций, большинство которых изготовлено в Англии⁵⁰.

Все это привело к изменению тактики борьбы АК. Руководство организации приняло решение об уходе в более глубокое подполье и снижение активности. Несмотря на это, продолжалось ее планомерное уничтожение. Так с 15 октября 1944-го по 5 января 1945 года было арестовано 9101 человек⁵¹.

Как уже отмечалось, еще в октябре 1944 года была сформирована Сводная стрелковая дивизия внутренних войск НКВД. В ноябре была создана Белостокская опергруппа войск НКВД, сформированная уже в декабре того же года. С осени 1944 до середины 1946 года внутренние войска НКВД в Польше (59-я и 64-я стрелковые дивизии) провели многочисленные боевые операции против войск АК — в Люблинском воеводстве, городе Хелм, в Жешувском, Келецком, Белостокском воеводствах, а также против поднимавших мятежи частей Войска Польского⁵².

Многие арестованные руководители АК были вывезены на советскую территорию. В феврале 1945 года в Львове арестован руководитель АК в Львовской области генерал Феликс Янсон («Кармен»), осужденный в 1946 году ОСО НКВД на 5 лет (сидел в Львове, Киеве, Москве, Харькове, Мордовии, с 1950 года в ссылке в Красноярском крае, в 1954 года амнистирован). Вместе с ним были арестованы и другие деятели Львовского и Станиславского штабов АК — комендант Станиславского округа бригадный генерал Владислав Герман, прокурор того же округа Кароль Ковальский, начальник разведки округа Бронислав Кенсек, начальник связи округа Савицкий и др. К этому времени аковцы во Львове уже успели убить милиционера Муковейкова, члена просоветского «Союза польских патриотов» врача Белинского, совершить налет на магазин с целью получения денег⁵³.

В 1946—1947 годах внутренние войска НКВД—МВД были выведены из Польши. После этого основная нагрузка в борьбе с антикоммунистическим вооруженным сопротивлением легла на польские органы госбезопасности, которым помогали советские чекисты.

Еще в июле 1944 года в Хелм для организации спецслужбы польского коммунистического руководства прибыли польские коммунисты — капитан Роман Ромковский, майор Теодор Дуда (в июне 1944 года десантирован на территорию оккупированной Польши, командовал партизанской бригадой «Грюнвальд-II»), капитан Юлиан Конар, Владислав Доминик и Элеонора Кенпа. Вместе с ними прибыл и советский чекист майор Николай Орехво (данные из польских источников, возможно, ошибочные).

1 августа начала формироваться структура новой службы. Контрразведывательный отдел возглавил Ромковский, отдел кадров — Орехва, секретариат — Конар. Затем в августе-сентябре были организованы отдел охраны Польского комитета национального освобождения во главе с Леоном Айзенем-Анджеевским, комендатура (начальник Стефан Собчак), отдел цензуры (начальник Николай Росснер) и юридическое бюро (начальник Зигмунт Брауде), тюремная секция, позднее переименованная в лагерно-тюремный отдел (начальник Теодор

Дуда, после побега в июле 1945 года под Демблином 136 заключенных, в основном солдат АК, которых перевозили из варшавской тюрьмы, снят с должности, с 1947 года — начальник воеводского управления госбезопасности в Жешуве и заместитель главного коменданта Гражданской милиции, в 1956—1962 гг. — начальник разведки Войск охраны границ ПНР). К декабрю 1944 года появились разведывательный отдел, начальником которого стал Стефан Антосевич, и финансовый отдел во главе с Эдвардом Колецким.

В начале 1945 года Польский комитет национального освобождения был преобразован во Временное правительство Польши. Министерство общественной безопасности возглавил Станислав Радкевич, член руководства Польской рабочей партии, бывший ранее в эмиграции в СССР. В составе министерства было создано 9 отделов (позднее переименованных в департаменты). Первый, контрразведывательный и самый мощный, возглавил Ромковский (в 1946—1954 годах он был вице-министром общественной безопасности). 8 секций этого отдела занимались, соответственно, борьбой с немецкими агентами, поляками, сотрудничавшими с оккупантами, фольксдойчцами (этническими немцами, проживавшими в Польше), антикоммунистическим подпольем, в первую очередь, Армией Крайовой, проникновением враждебных элементов в создаваемые правительственные учреждения, экономической безопасностью, охраной партийных органов, и оперативно-следственной деятельностью — арестами, наружным наблюдением, следствием.

Второй отдел занимался ведением оперативного учета на враждебных элементах, создавая картотеки шпионов, диверсантов, фольксдойчей, членов антикоммунистических партий и организаций. Начальником отдела стал Ян Шнигир.

Остальные отделы возглавили: 3-й (связи и оперативной техники) — Александр Николенко (видимо, советский чекист), 5-й (цензурный) — Ханна Вербловская, 6-й (тюрем и лагерей) — Теодор Дуда, 7-й (кадры) — Николай Орехво, 8-й (охраны правительства) — Владимир Захаревич, о начальниках 4-го (снабжения) и 9-го (охраны военнопленных) данные отсутствуют.

После преобразования отделов МОБ в департаменты деятельность наиболее важных департаментов (1-го — контрразведки, 3-го — вооруженное подполье, директор полковник Юзеф Чаплицкий, 5-го — партии и организации, 7-го — разведки) курировал вице-министр МОБ полковник (затем генерал-майор) Роман Ромковский.

В марте 1945 года были сформированы вооруженные силы МОБ — Корпус внутренней безопасности (КВБ), численностью 32 тыс. человек, под командованием генерал-лейтенанта Болеслава Кеневича, ранее служившего в Красной Армии и, как

многие другие советские офицеры из числа уроженцев Польши, направленного на службу в Польшу. К их числу относятся, например, начальник Генштаба генерал-полковник Владислав Корчиц, генерал-полковник Станислав Поплавский, начальник оперативного отдела Генштаба Войска Польского генерал-майор Остап Стеца, командующий пограничными войсками полковник Михаил Пшонский, начальники отделов Генштаба полковники Михаил Хилинский, Никодим Кундеревиц и многие другие. Большинство из них впоследствии вернулось в СССР.

В 1946 году Болеслава Кеневича сменил генерал-майор Конрад Светлик, затем с 1948 года Корпусом командовал генерал-майор Юлиуш Хюбнер, а в 1951 году КВБ подчинили командованию внутренних войск⁵⁴.

В феврале 1946 года для координации борьбы с вооруженным подпольем была создана Государственная комиссия безопасности. Председателем комиссии был назначен министр национальной обороны маршал Михал Жимерский, в состав комиссии вошли министр общественной безопасности генерал-майор Станислав Радкевич, начальник генштаба Войска Польского генерал-полковник Владислав Корчиц, командующий КВБ генерал-лейтенант Болеслав Кеневич, главный комендант Гражданской милиции генерал-майор Францишек Юзвяк. На местах действовали воеводские комитеты безопасности, возглавляемые командующими военными округами или командирами размещенных в данном воеводстве дивизий⁵⁵.

В январе 1945 года в Польше по официальной просьбе польского руководства появились советники по вопросам безопасности при государственных учреждениях. Советником при МОБ в феврале 1945 года стал уже упоминавшийся заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга Иван Александрович Серов, бывший одновременно уполномоченным НКВД на 1-м Белорусском фронте (будущий первый председатель советского КГБ). После перехода войск фронта на территорию Германии его сменил заместитель начальника ГУКР «Смерш» по разведке генерал-лейтенант Николай Николаевич Селивановский⁵⁶. Советником при министерстве общественной администрации Польши стал еще один заместитель начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенант Павел Яковлевич Мешик⁵⁷.

Больше всего советских чекистов было в Главном управлении информации польской армии. Так именовалась военная контрразведка Войска Польского, созданная по образцу «Смерш» 11 марта 1945 года. Ее возглавлял полковник Петр Васильевич Кожушко. Его руководство, по мнению Серова, изложенному в докладной записке на имя наркома внутренних дел СССР Лаврентия Павловича Берия, было непрофессиональным, штат сотрудников был неукomплектован и неквалифицирован,

не знал польского языка. Хотя ГУИ формально подчинялось главному военному советнику Войска Польского генералу Ми-халу Роля-Жимерскому, фактически это была чисто советская организация, документация которой велась в основном на русском языке.

Результаты деятельности советских «особистов» в польской армии видны из данных польских источников. С 1 января 1944-го по 31 декабря 1945 года ими было задержано 10 390 человек (в 1944-м — 2114, в 1945-м — 8276), из них 1141 солдат Армии Край-овой, 2 солдата НСЗ («Национальные вооруженные силы»), 134 солдата «Армии Людовой» — коммунистических партизанских отрядов, 151 власовец, 25 солдат УПА, 932 дезертира из Войска Польского, 13 дезертиров из Красной Армии, 1217 польских солдат и 36 красноармейцев, бывших в плену у немцев, 244 «вражеских пропагандистов», и 491 человек из самого Войска Польского — 59 офицеров, 91 сержант, 328 рядовых и 13 гражданских служащих⁵⁸.

После войны Главное управление информации входило в состав 2-го отдела Генерального штаба польской армии (до 1950 года) и состояло из 4-х отделов: 1-го — охрана центральных частей, 2-го — контрразведки, 3-го — организационного, 4-го — следственного. ГУИ возглавляли полковник Ян Рутковский (январь 1946 — апрель 1947 года) и полковник Стефан Кугль (май 1947 — июнь 1950 года, уволен за злоупотребления). В июне 1950 года начальником Главного управления информации Войска Польского стал полковник Дмитрий Вознесенский, зять генерала Сверчевского, ранее бывший заместителем начальника ГУИ⁵⁹. Преемником советского полковника стал полковник Кароль Бонковский. Заместителями начальника военной контрразведки по следствию были полковник Анатолий Фейгин (в августе 1945 — апреле 1950 года) и бывший главный военный прокурор Войска Польского (до 1944 года советский офицер) полковник Антоний Скульбашевский (в конце 1950-х годах за участие в репрессиях оба были осуждены, Фейгин — в Польше на 12 лет тюрьмы, Скульбашевский — в СССР на 10 лет, умер в 1990 году в Киеве).

Всеми действиями советских органов госбезопасности в Польше руководил до мая 1946 года уполномоченный НКВД при группе войск Красной Армии (под командованием маршала Константина Рокоссовского) в Польше генерал-лейтенант Николай Селивановский, остававшийся одновременно заместителем начальника ГУКР «Смерш» по разведке и советником при министерстве общественной безопасности Польши. В его оперативном подчинении в Польше было 15 полков войск НКВД. После перевода Селивановского в центральный аппарат в Москву его сменил советник МГБ СССР в Польше полковник Семен Прохорович Давыдов⁶⁰. Советские советники

работали во всех звеньях аппарата польской госбезопасности. Например, советником Следственного департамента МОБ был подполковник Николашкин⁶¹.

В январе 1945 года польское эмигрантское правительство в Лондоне приказало распустить АК. 19 января Армия Крайова была официально распущена. Приказ об этом подписал ее командующий бригадный генерал Леопольд Окулицкий⁶², который освободил членов АК от данной ими присяги⁶³.

Однако это был лишь формальный шаг. Вскоре после роспуска Армии Крайовой, весной 1945 года была создана «Делегатура сил збройних» (Делегатура Вооруженных Сил — ДСЗ). Просуществовала она до 6 августа 1945 года. В тот день был подписан приказ о ее самороспуске. В сентябре 1945 года была создана новая подпольная организация — «Вольность и Неподлеглисть» («ВиН»)⁶⁴, которая просуществовала до 1952 года. Так как «ДСЗ» и «ВиН» были «правопреемниками» АК, то в большинстве документов НКВД того времени они часто обозначались как АК. Более того, отдельные банды «аковцев» продолжали действовать автономно. В качестве примера можно назвать отряд «Мечислава» (бывшего коменданта Белостокского округа АК), который сражался с народной властью до 1947 года.

Согласно одной из директив руководства организации, перед «ДСЗ» стояло три основных задачи:

- организация вооруженного сопротивления и ликвидация лиц, оказывающих поддержку народной власти;
- совершение актов саботажа и диверсий;
- проведение враждебной пропаганды среди населения⁶⁵.

Активное участие в боевых действиях «ДСЗ» началось с момента ее рождения. Основная причина — брожение среди бывших членов АК, которые летом и ранней осенью 1944 года вступили в ряды Войска Польского и участвовали в боях за освобождение родины. Весной 1945 года был зафиксирован ряд вооруженных выступлений в войсковых частях и подразделениях Войска Польского, расположенных в восточных воеводствах Польши. В ликвидации многих из них участвовали подразделения 64-й стрелковой дивизии советской армии.

В феврале 1945 года в боевых действиях против повстанцев начал участвовать 198-й отдельный мотострелковый батальон внутренних войск НКВД, до этого выполнявший в Люблине функции охраны органов местной власти. Довооруженный и доукомплектованный, этот батальон стал ударной силой в борьбе с повстанческим движением. В его состав вошли не только мотострелковые и пулеметные роты, но также танковая и броневая. В первой же операции, проведенной 6–7 февраля 1945 года в районе Засинек (Люблинское воеводство), это подразделение частично уничтожило и рассеяло отряд АК численностью около 50 человек⁶⁶.

Полностью рассчитывать на польскую армию не приходилось. Распространенное тогда явление — дезертирство. Новобранцы, чаще всего, сбегали домой, а вот старослужащие уходили с оружием в руках к повстанцам.

Вот типичный инцидент. Рота курсантов численностью 74 человека под командованием поручика Кулика 2 марта 1945 года покинула с оружием в руках танковое училище Войска Польского в городе Хелм с целью присоединиться к отрядам АК. Однако уже на следующий день силами 2-го батальона 98-го пограничного полка эта группа была настигнута и окружена. В результате боя 5 беглецов были убиты, 5 — ранены, 39 — захвачены в плен, некоторым удалось скрыться.

Аналогичный случай произошел 3 марта 1945 года, в военном лагере около города Радзынь в Люблинском воеводстве. Там восстал запасной батальон 9-й пехотной дивизии Войска Польского. Бунтовщики убили командира батальона и всех офицеров Красной Армии, а затем направились на восток в район севернее Влодавы на реке Буг, намереваясь перейти границу и пробраться к Пинским болотам. Через три дня специально сформированный истребительный отряд в составе 198-го отдельного мотострелкового батальона (250 человек с танком и бронеавтомобилями) и 200 военнослужащих Войска Польского прижал восставших к границе в районе переправ через Буг на участке Ганна — Долгоброды, где их встретили заслоны 15-го погранотряда (250 человек). Части восставших удалось прорваться через Буг, однако они были настигнуты на следующий день. В ходе боев 6—8 марта 1945 года погибли и были захвачены в плен 285 восставших⁶⁷.

А вот пример другого типичного ЧП. 18 апреля 1945 года «банда АК» совершила вооруженный налет на здания уездного и городского управления общественной безопасности в городе Новы Торг. В результате погибло четверо сотрудников госбезопасности и освобождено 24 арестованных.

Советское командование регулярно проводило анализ причин гибели военнослужащих Красной Армии. В результате очередной проверки выяснилось, что порой виноваты сами жертвы. Сначала доверчивые русские парни выпивали с местными жителями, а потом «славянские братья» их убивали. Впрочем, о подобных маленьких «хитростях» своих нынешних «героев» в сегодняшней Польше предпочитают не вспоминать.

Органы госбезопасности СССР и Польши продолжали планомерное уничтожение вооруженной оппозиции. В результате войсковых операций на 16 апреля 1945 года было убито 900 бандитов и 1300 захвачено в плен. Изъято 37 пулеметов, 270 винтовок и большое количество военного имущества.

Цифры впечатляют. Вот только не все из арестованных обязательно сражались с оружием в руках против новой власти. В качестве примера — отчет об одной из акций того периода.

С 14 по 19 марта 1945 года крупная операция была проведена 375-м стрелковым полком в районе города Дынув (Жешовского воеводства) против формирования Армии Крайовой, терроризировавшего украинское население села Лубно. После того, как подразделения полка, окружив несколько соседних польских деревень, не сумели ликвидировать отряд АК, а всего лишь рассеяли его, «было принято решение об изъятии всего мужского населения в возрасте от 17 до 45 лет... В результате проведенной облавы изъято 320 чел. мужского населения, из которых после фильтрации направлено в тюрьму г. Санок 282 чел.»⁶⁸. Неясно, по каким признакам выявляли боевиков.

А еще были те, кто только намеревался начать борьбу за независимость Польши. Например, в начале мая 1945 года в городе Кракове было арестовано 22 члена диверсионно-террористического отряда, который по предположению советских контрразведчиков входил в структуру распушенной Армии Крайова. Дело в том, что организатор отряда Владислав Базинский (член АК) получил указание о формировании подразделения из Варшавы. От кого именно, выяснить не удалось — задержанный покончил жизнь самоубийством (выбросился из окна третьего этажа управления госбезопасности). Члены отряда не успели совершить не одного преступления.

По состоянию на 10 мая 1945 года на территории народной Польши было зарегистрировано 23 активно действующих националистические банды общей численностью 6000 человек. Их распределение по воеводствам было следующим:

Белостокское — 10 банд;

Люблинское — 9 банд;

Жешувское — 3 банды;

Варшавское — 3 банды;

Краковское — 3 банды.

В результате бандитских налетов с 1 по 10 мая погибло 10 советских военнослужащих, 16 польских милиционеров, 3 сотрудников местной госбезопасности и было освобождено из тюрем 233 заключенных.

Благодаря оперативно-агентурным мероприятиям арестовано 630 человек, из них 288 захвачены в результате проведения войсковых антиповстанческих операций. Кроме того, по неполным данным за это время убито 135 бандитов⁶⁹.

В начале июня 1945 года активность повстанцев возросла. Так за период с 1 по 10 июня 1945 года ими было совершено 120 налетов. При этом погибло 16 советских военнослужащих, 3 сотрудников польской госбезопасности, 27 местных милиционеров, 25 чиновников и партийных активистов, 278 человек гражданского населения.

За тот же период времени уничтожено 378 бандитов и захвачено в плен 514 человек. Потери Красной Армии при проведении

этих войсковых операций — 23 погибших и 7 раненых. Сотрудниками местных правоохранительных органов выявлено и арестовано 753 бандита⁷⁰.

А 4 августа 1945 года банда численностью 150 человек под предводительством Антония Хедознама, одетая в форму Войска Польского, в течение нескольких часов удерживала власть в городке Кельцы. Налетчики освободили из тюрьмы 375 человек. Охрана даже не пыталась оказать сопротивления.

Было организовано преследование незваных гостей. В результате скоротечного боя 3 бандита были убиты, 8 ранены и 1 захвачен в плен. Потери Красной Армии — 1 офицер убит и 4 красноармейца ранены⁷¹.

Часто отряды АК занимались обыкновенным грабежом. Например, 24 июля банда из 12 человек совершила разбойное нападение на сберкасса в Варшаве и завладела 200 000 злотых⁷².

Очередной налет на тюрьму произошел 9 сентября 1945 года. Банда численностью до 130 человек освободила из тюрьмы города Радом 292 человека. В результате боя погибло 10 бандитов, двое советских пограничников 10-й заставы 18-го погранполка, двое военнослужащих Войска Польского и двое местных милиционеров. Банда сумела уйти. По крайней мере спустя неделю после ЧП банду еще не ликвидировали⁷³.

В ноябре активность банд АК резко возросла. Теперь, кроме освобождения заключенных, они совершали и террористические акты. Например, 16 ноября 1945 года банда численностью 30 человек совершила налет на железнодорожную станцию Демблин (100 км юго-восточнее Варшавы). В результате погибло 11 сотрудников госбезопасности и местных жителей, а так же 3 красноармейцев. А 23 ноября 1945 года банда численностью 70 человек разгромила отделение общественной безопасности и милиции в городе Жохы Нове. Погибло девять сотрудников правоохранительных органов и членов их семей⁷⁴.

Сотрудники местных польских органов госбезопасности совместно с коллегами из Советского Союза активно боролись с бандитизмом. Например, в начале марта 1946 года войсками МВД СССР совместно подразделениями Корпуса внутренней безопасности Министерства общественной безопасности Польши была ликвидирована банда Евгения Кокольского — убито 18, ранено 8, задержано 120 повстанцев. Банда организационно оформилась еще в июле 1945 года и насчитывала до 150 членов. Бандиты совершили 93 вооруженных нападения на различные организации, сотрудников местных правоохранительных органов и местных жителей. Они убили 17 человек, в том числе двух военнослужащих Красной Армии и пять сотрудников подразделений общественной безопасности и милиции⁷⁵.

Как уже было сказано выше, «правопреемницей» «ДСЗ» стала «ВиН». Полное название организации «Вольность и Неподлежность» — Движение сопротивления без войны и диверсий. Она была создана после 14 августа 1945 года — дня, когда полковник Ян Жепецкий (командовал «ДСЗ» с мая 1945 года) формально объявил о роспуске «Делегатуры сил збройних». При этом на деле основной руководящий актив подполья не только не легализовался, но еще и усилил конспирацию.

В уставе «ВиН» говорилось: «целью объединения является завоевание и воплощение в жизнь в Польше принципов демократии в западноевропейском понимании этого слова». При этом средствами способов борьбы не исключались диверсии и террор, а также сбор и передача иностранным разведкам секретной информации экономического, политического и военного характера⁷⁶.

Новая организация активно использовала основные кадры «ДСЗ», ее финансы, технические средства и каналы связи с Лондоном. При этом ее руководство формально отказалось от вооруженной борьбы. О «гражданско-политическом» характере новой организации свидетельствует ее структура, которая предусматривала существование трех отделов:

- пропаганды — издание газет и листовок, устная агитация;
- разведка — сбор военной, политической и экономической информации и передача этих сведений в Лондон;
- контрразведка — охрана подполья от репрессий со стороны органов общественной безопасности.

Во главе «ВиН» стояло Главное управление, подчинявшееся Главному исполнительному комитету. В результате многочисленных арестов местонахождение и состав Главного управления часто менялись.

В I Главное управление, функционировавшее с сентября по ноябрь 1945 года в Варшаве, входили председатель полковник Ян Жепецкий («председатель»), генеральный секретарь Бокша-нин (с конца сентября 1945 года — подполковник Т. Яхимек). Окружными председателями являлись: Центральный округ — подполковник Рыбицкий; Западный — подполковник Щурек-Церговский; Южный — полковник Антоний Санойца.

В состав II Главного управления (декабрь 1945 — август 1946 года) в городе Гливице входили председатель — полковник Ф. Непокульчицкий, зам. председателя — К. Ролевич, шеф разведки — Е. Бзымек-Стшалковский. Председатели окружных управлений: Центрального — подполковник В. Квечинский; Южного — майор Л. Чеплынский («Плуг»).

Состав III Главного управления (сентябрь 1946 — январь 1947 года) в Варшаве: председатель — В. Квечинский; зам. председателя — С. Сендзяк (военные и организационные вопросы); зам. председателя — К. Чарновский (политические вопросы).

Состав IV Главного управления (январь-ноябрь 1947 года) в городе Забож: председатель — майор Л. Чеплинский; вице-председатель и председатель Западного округа — А. Лазарович; председатель Южного округа — Ф. Блажей; председатель центрального округа — Жендский.

Официальное решение о начале деятельности «ВиН» было принято 2 октября 1945 года на проходящем в тот день в Варшаве съезде бывших региональных руководителей «ДСЗ». Первый состав руководства новой организации оставался на свободе недолго. Уже в ноябре 1945 года советские чекисты арестовали в Варшаве действовавших в подполье председателя главного исполкома ВиН полковника Яна Жепецкого, его заместителя полковника Антония Санойцу и еще около 70 человек, в том числе аппарат отдела заграничной связи. Этот отдел занимался конспиративной техникой, изготовлением документов, переправкой людей за рубеж, в нем работали в основном женщины, в том числе начальник отдела капитан АК Эмилия Малесса, в правлении «ВиН» курировала отдел София Поплавская. Были ликвидированы почти все каналы связи с Лондоном — изъято 5 радиостанций и арестованы четыре курьера лондонского штаба польских вооруженных сил. К тому же местным чекистам удалось захватить почти все финансовые средства организации общей суммой до полутора миллионов долларов⁷⁷.

Несмотря на аресты, активность боевых подразделений «ВиН» заметно не снизилась. Если в октябре 1945 года на территории всей страны было зафиксировано 62 террористических нападения, то в ноябре их число возросло до 188, а в декабре остановилось на отметке 225⁷⁸.

Так, банда под предводительством «Орлика» общей численностью 300 человек в Горволинском уезде Белостокского воеводства регулярно грабила поезда и железнодорожные станции. До декабря 1945 года преступники убили несколько десятков местных коммунистов, 40 сотрудников органов госбезопасности и милиции, а так же 13 военнослужащих Корпуса внутренней безопасности и Войска Польского. Кроме того, они захватили в плен 31 сотрудника службы безопасности, 25 солдат и несколько гражданских лиц. Почти все пленные были убиты.

А вот другой пример. Отряд «Костки» в ночь с 13 на 14 ноября 1945 года, общей численностью около 300 человек, напал на город Томашев Люблинский. Бандиты были вооружены автоматами и минометами. Бой длился более полутора часов⁷⁹.

По состоянию на 1 января 1946 года, по данным польских правоохранительных органов, на территории страны действовало 51 банда «АК-ВИН» в составе 4596 человек⁸⁰. В февралемарте 1946 года в результате массовых арестов свободы лишились 3203 человека, в том числе руководители региональных

подразделений «ВиН»⁸¹. Хотя эти репрессивные меры не изменили ситуацию. По состоянию на 1 мая 1946 года в стране действовало 49 банд «АХ — ВИН», в составе 7600 человек⁸².

В течение первого полугодия 1946 года в боях с подразделениями польской армии и правоохранительных органов погибло 1527 повстанцев, 13 808 человек было арестовано. Было изъято 6822 единицы различного оружия. По данным главного штаба Корпуса внутренней безопасности за этот же период произошло резкое сокращение количества крупных банд. Если в январе на территории страны действовало 222 отряда, то к 1 июня их число сократилось почти вдвое, до 125. Было зарегистрировано 2047 террористических актов и 2160 грабежей⁸³.

Очередная войсковая операция, в которой участвовали подразделения Корпуса внутренней безопасности и Войска Польского, была проведена с 5 по 27 февраля 1946 года на территории трех воеводств: Варшавского, Белостокского и Люблинского. В результате только в Белостокском воеводстве было арестовано 800 человек, изъято 158 единиц различного оружия. А в Люблинском воеводстве было убито 107 бандитов⁸⁴.

В апреле 1946 года министр общественной безопасности Польши Станислав Радкевич подвел первые итоги борьбы правоохранительных органов с повстанцами. По его утверждению было ликвидировано 191 вооруженная группа и изъято 15 тысяч единиц оружия. За это время от рук бандитов погибло около 7 тысяч человек, из них около тысячи сотрудников правоохранительных органов⁸⁵. В своем выступлении министр сознательно не назвал количество убитых и арестованных бандитов. Цифры свидетельствовали бы не в пользу правительства.

Во втором полугодии продолжалось, хотя и медленное, но снижение количества крупных отрядов. По данным главного штаба Корпуса внутренней безопасности в июле их было 162, то к декабрю осталось 107. В то же время возросло количество убитых, раненых и арестованных бандитов. В октябре их было, соответственно, 214, 47 и 821, в ноябре — 130, 34 и 1019, в декабре — 139, 333 и 1428 человек⁸⁶.

«ВиН» активно занималась не только террористической деятельностью, но и разведывательной. Например, инструкция, составленная руководством организации в феврале 1946 года, предписывала сбор сведений различной тематики: политической — освещение деятельности различных политических партий изнутри; экономической — внешняя торговля и выпускаемая различная промышленная продукция; военного — состояние вооружения и личный состав; а так же информация об аппарате госбезопасности и министерства обороны. При этом основное внимание уделялось сбору сведений военного характера в интересах разведок англосаксонских стран. Так же серьезно рассматривался вопрос о возможности выполнения членами «ВиН»

шпионских и диверсионных заданий в пограничных с Польшей районах СССР⁸⁷.

Весной 1946 года руководство повстанческой организации разработала план «О» («оплюскавье» — «клевета»). Данная пропагандистская акция должна была продлиться 13 недель, и направлена на дискредитацию правящего режима в глазах населения страны. Данная акция началась в июне. Ее разработчикам частично удалось достичь намеченной цели⁸⁸.

Армия Крайова и ее правопреемники была вовсе не единственной польской организацией, ведущей борьбу с новой властью. «Народове силы збройне» (НСЗ) (Национальные вооруженные силы) имели не менее длинную «родословную», чем Армия Крайова, хотя значительно уступали АК по количеству боевиков и размаху повстанческой деятельности.

Еще в 1887 году на территории Польши появилась правая националистическая партия, которая в 1928 году стала именовать себя «Стронництво народове» («СН», «Национальная партия»). Ее политическую программу отличал яркий национализм, антикоммунизм и антисемитизм. Часть этой партии, принявшая программу немецких фашистов в 1934 году, стала именовать себя «Обуз Народово Радикальны» («Национально-Радикальный лагерь» — ОНР)⁸⁹.

Весной 1940 года военно-конспиративная организация «СН» получила название «Национальная военная организация» («НВО»). Позднее, часть ее отрядов вошла в состав АК, а остальные подразделения совместно с «ОНР» создали независимую от АК организацию: «Народове силы збройне»⁹⁰. Осенью 1942 года эта военная организация насчитывала около 35 тыс. человек.

В 1943 году в «НСЗ» были созданы специальные отряды для борьбы с коммунистами и их партизанскими отрядами, а так же леворадикальными крестьянским повстанческим движением, например, с «Батальони Холопски» («Крестьянские батальоны» — БХ), которые в 1945 году вышли из подполья и были расформированы. Часть отрядов «НСЗ» активно сотрудничала с гитлеровцами, а затем вместе с ними ушли за пределы Польши. В то же время другие отряды «НСЗ», наоборот, боролись с немецкими оккупантами. После прихода Красной Армии оставшийся на территории Польши подразделения «НСЗ» и специально сформированные отряды «Поготове акции специальной» (Готовность к специальному действию — ПАС) вели вооруженную борьбу против новой власти и советских войск⁹¹.

В 1943 году Главный штаб АК пытался включить «НСЗ» в состав Армии Крайовой. Однако эти усилия встретили активное сопротивление как со стороны праворадикального руководства «НСЗ», так и со стороны умеренных, демократических элементов АК. В частности, представители «НСЗ» требовали пол-

ной организационной и политической независимости в рамках АК, а так же санкцию на вооруженную борьбу с левыми партиями и теми военизированными организациями, которые были ориентированы на Москву. Например, «Гвардия людова» — ГЛ (военно-конспиративная организация просоветской Польской рабочей партии — ППР)⁹².

В марте 1944 года часть отрядов «НСЗ» вошло в состав АК. Это повлекло за собой неподчинение большинства отрядов «БХ», которые вообще не вступили в АК, а те, кто до этого выполнял указания Главного штаба, начали их игнорировать⁹³.

Один из первых боев между созданными подразделениями правоохранительных органов (оперативные группы госбезопасности и Корпуса внутренней безопасности МВД) и бандой «НСЗ» численностью около 100 человек произошел 24 мая 1945 года на полустанке Збедовицы. Потери сторон: убито 40 бандитов и 9 сотрудников правоохранительных органов⁹⁴.

6 июня 1945 года банда «НСЗ» под предводительством поручика Цыбульского («Сокол») учинила погром в украинской деревне Вежховина (113 км юго-западнее города Хелма). Отряд ворвался в поселок в форме бойцов Войска Польского, убил 202 мирных жителей и скрылся в соседнем селе.

Для ликвидации банды «Сокола» отправили отряд численностью 80 человек (сотрудники госбезопасности, милиции и курсанты школы подхорунжиев Войска польского). Оперативная группа сначала вступила в бой, но, оценив численное превосходство противника, разбежалась. Более того, 30 человек дезертировали и перешли на сторону врага.

Тогда в бой вступил второй батальон 98-го пограничного полка войск НКВД. В результате операции, которая проходила с 7 по 10 июня, погромщики были окружены в селе Гута и уничтожены: 170 погибло в бою, 30 раненых стореало во время пожара, 7 человек взяты в плен. Потери Красной Армии — 5 погибших и 1 раненый. Изъято: пять крупнокалиберных пулеметов, один станковый пулемет, четыре ручных пулемета, тридцать два автомата, шестьдесят две винтовки, восемь пистолетов, тридцать пять гранат⁹⁵.

Ранее, в марте 1945 года, отряд поручика Юзефа Бисса из АК убил 365 жителей украинского села Павлокома Березовского уезда. В апреле 1945 года отряд НСЗ уничтожил около 400 человек из украинского села Пискоровичи Ярославского уезда. Среди погибших от нападений польских отрядов на украинские села было более 20 униатских и православных священников⁹⁶.

Впрочем, такие нападения случались нечасто. Большинство инцидентов, где фигурировали члены «НСЗ» и «ПАС», это акты индивидуального террора (например, убийства представителей местной власти и правоохранительных органов), бандитизма

(например, вооружение ограбления денежных касс и магазинов), а так же агитация (в частности, расклейка листовок). Так, арестованные в августе 1945 года в Ланцутском уезде Жешувского воеводства шесть членов «НСЗ» совершили до ста террористических актов, а банда из 10 человек похитила в июне 1945 года только при одном налете 11 млн 400 тысяч злотых⁹⁷.

Иногда подразделения «НСЗ» совершали нападения на отдельные учреждения правоохранительных органов. Так, в ночь с 22 на 23 июня 1945 года банда совершила налет на отделение милиции в городке Закжувеке (уезд Крашник) и убила 13 милиционеров⁹⁸.

Члены «ПАС» занимались тем же самым, что и их коллеги из «НСЗ» — убивали сотрудников правоохранительных органов, представителей политических партий сотрудничающий с режимом и чиновников. Также они занимались и обычными грабежами. Например, в мае-июне 1945 года они совершили в городе Люблине три нападения: на Земельную палату, Национальный хозяйственный банк и другие учреждения. Их добыча составила 272 тысячи злотых.

Руководство «СН» постоянно искала новые способы борьбы с правительством страны. Так, в мае 1945 года в рамках «НСЗ» были созданы «Армия Польска» (Польская Армия — АП) и «Поколени Польски неподгличной» (Поколение независимой Польши — ППН). Обе организации просуществовали недолго и были ликвидированы к началу осени 1945 года правоохранительными органами⁹⁹.

Во второй половине 1945 года руководство «СН» предприняла очередную попытку реформирования вооруженных формирований. Теперь предполагалось объединить различные вооруженные группы в единую организацию под названием «Народовы звёнзек войсковы» — НЗВ. При этом фактическое командование вооруженным подпольем осуществляло Главное командование «НСЗ». Действовавшие в стране отряды «СН» назывались по разному — в Жешувском воеводстве — «НОВ», в Варшавском и Белостокском — «НЗВ», а в остальных — «НСЗ», за исключением Познаньского воеводства, где временно употреблялось название «Подпольная армия»¹⁰⁰.

Очередная инициатива президиума «СН» — в марте 1946 года совместно с коллегами из «ВиН» создали «Согласительный комитет организаций подпольной Польши» (СКПОПП), который должен был координировать деятельность учредителей¹⁰¹. Отсутствие представителей других повстанческих организаций объясняется просто — к этому времени они перестали играть значительную политическую и военную роль в стране.

В начале октября 1945 года, по утверждению советника при Министерстве общественной безопасности Польши генерал-лейтенанта НКВД Николая Селивановского, «НСЗ» — «наи-

более злобная антисоветская организация». В этом нет ничего удивительного. После самороспуска и частичной ликвидации АК руководство «НСЗ» решило занять пустующую «нишу». Эта попытка была обречена изначально на провал. Польские чекисты, под чутким руководством старших товарищей из Москвы, начали выявлять и арестовывать активных членов «НСЗ». Только в сентябре 1945 года в тюрьме оказалось 224 человека, а в руководящие звенья этой организации было внедрено двое агентов госбезопасности. На основании полученных от арестованных и агентуры данных началась подготовка операции по массовому аресту членов «НСЗ». Например, одного из руководителей этой организации предполагалось задержать, когда он вернется из-за границы и остановится на квартире подобранной... агентом Министерства безопасности «Флором»¹⁰².

Понимая бесполезность «силовых» методов борьбы с новой властью, руководство «НСЗ», как и их коллеги из «ВиН», начало ориентироваться на гражданско-политические методы сопротивления существующему режиму. Хотя это не могло повлиять на решимость местных чекистов ликвидировать «НСЗ». Так в октябре-ноябре 1945 года было арестовано 879 активных участников этой организации, в т. ч. руководители двух из трех региональных отделений¹⁰³. Аресты членов «НСЗ» продолжались всю зиму. Только за три недели марта 1946 года в тюрьмах оказались 448 повстанцев¹⁰⁴.

Впрочем, поначалу усилия правоохранительных органов оказались малоэффективными. Достаточно указать такой факт. Если по состоянию на 1 января 1946 года на территории страны действовало 34 банды «НСЗ», в составе 1552 повстанца, то к 1 мая 1946 их число возросло до 44 банд, а количество подпольщиков увеличилось до 6200 человек¹⁰⁵.

Этот не спасло «НСЗ» от поражения. Постепенная деградация в банды уголовников, активность органов госбезопасности и армии, отсутствие поддержки со стороны населения и т.п. привели к стремительному уничтожению «повстанцев».

«Польская Самооборона Народов» (ПСН) была создана на базе «НСЗ» и действовала под руководством Адама Малиновского с 1945 по 1946 год в Страховицком уезде Келецкого воеводства. Кроме террористических актов и грабежей, повстанцы выпускали антиправительственную газету с одноименным названием. В марте 1946 года было арестовано большинство активных участников «ПСН»¹⁰⁶.

В конце мая 1945 года на территории Познанского воеводства возникла «Всепольская самоджельна группа охотничья» — «Варта» (Великопольская самостоятельная оперативная группа ВСГО — «Варта»), которая действовала до ноября 1945 года. Она насчитывала до 7000 человек, которые совершили серию

терактов. Впервые о ней сотрудники госбезопасности узнали только из сообщения агента датированного 21 июня 1945 года¹⁰⁷.

Когда в начале лета 1945 года на территории Польши было сформировано Временное правительство национального единства, западным державам пришлось отказаться от официальной поддержки правительства в изгнании и установить дипломатические отношения с Варшавой¹⁰⁸. Это, в какой-то мере, снизило политическую поддержку повстанцев со стороны Запада.

А 22 июля 1945 года была объявлена амнистия для участников бандформирований, которые не совершили антиправительственных преступлений и были арестованы за мелкие правонарушения: незаконное хранение оружия, радиоприемников и т.п.¹⁰⁹ По оценкам польских историков она коснулась 42 тысяч человек¹¹⁰. С этого времени началась постепенная «легализация» повстанцев.

Еще одна эффективная мера — постепенный вывод советских войск участвовавших в охране тыла Красной Армии во время Великой отечественной войны и боровшихся с бандитизмом в первый послевоенный год. В Москве прекрасно понимали, что справиться с повстанцами смогут только местные правоохранительные органы, которые подчинялись избранному народом, но подконтрольному Кремлю, правительству. Если поручить уничтожение радикально настроенной оппозиции войскам Красной Армии, местное население объединится в борьбе против «оккупантов». С другой стороны, руководство «силовых структур» в Варшаве прекрасно осознавало, чем может обернуться для страны лояльное отношение местных властей к антисоветским организациям. Это стимулировало польские правоохранительные органы самим оперативно решать задачу по «нейтрализации» повстанцев.

Войска МВД СССР активно сражались с повстанцами до осени 1946 года, после чего специально сформированная для этого 64-я дивизия НКВД была переброшена на Западную Украину, где использовала свой богатый боевой опыт. Однако, несмотря на значительное военное превосходство и массовые депортации «бандпособников», боевые действия там продолжались до 1954 года¹¹¹. Еще два полка войск МВД СССР — 90-й и 218-й — были выведены с территории страны осенью 1946 года, переформированы и включены в состав пограничных войск. Управление войск МВД СССР по охране тыла Северной группы Советских войск, которому подчинялись эти два полка, было расформировано¹¹².

Эффективным способом борьбы с повстанцами оказалась объявленная польским сеймом амнистия февраля-мая 1947 года. В результате «легализовалось» 54 623 человека, было сдано 13 883 единицы оружия, из тюрем выпущено 26 285 заключенных.

Кроме того, многим был сокращен срок пребывания под стражей, а 64 приговоренным к смертной казни эта высшая мера наказания была заменена различными сроками тюремного заключения¹¹³. Все это привело к тому, что повстанцы лишились не только народной поддержки, но и резерва.

Согласно данным главного штаба Корпуса внутренней безопасности и Министерства общественной безопасности, в июне 1947 года в стране действовало 53 крупные вооруженные группы. В мае 1947 года ими было совершено 453 разбойных нападений¹¹⁴.

Всего же за 1947 год на территории страны было зарегистрировано 1834 террористических актов и 5219 актов грабежа. В результате погибло 1351 человек. Правоохранительными органами совместно с войсками было проведено 4878 боевых операций. Убито 1486 и арестовано 6165 бандитов. Всего было изъято 7370 единиц оружия, в том числе 1248 автоматов, 32 станковых и 476 ручных пулеметов. Потери правоохранительных органов и армии составили 138 убитых (из них 14 сотрудников госбезопасности и милиции) и 128 раненых¹¹⁵.

Этого было недостаточно, что бы ликвидировать бандформирования на территории страны. Поэтому 11 ноября 1947 года Государственная комиссия безопасности приняла «Оперативные директивы по борьбе с бандитизмом в период зимы 1947—1948 годов».

В первом квартале 1948 года было совершено 1448 бандитских налетов. Из них 1025 — нападения на кооперативы и частных лиц. Погибло 175 человек. Бандиты захватили 40 млн злотых и товаров на сумму 26 млн злотых¹¹⁶.

Большинство банд было уничтожено польскими правоохранительными органами в течение 1948 года.

В 1947 году «ВиН» была «официальна» ликвидирована. А через год местные чекисты, под мудрым руководством советников из Москвы, реанимировали эту организацию. В 1949 году в Лондон, используя старый канал «живой связи», отправился курьер с сообщением о том, что повстанцы продолжают действовать. Начиная с 1950 года, ЦРУ активно поддерживало этот очаг «сопротивления» коммунистическому режиму. Она регулярно снабжала «повстанцев» оружием, радиопередатчиками и золотыми монетами. В качестве платы за информацию, которая «вполне могла быть подготовлена в Лондоне или Париже на основании публикаций варшавских газет». Так утверждали на пресс-конференции, на проведенной в 1952 году, местные чекисты — участники операции. Так же они утверждали, что «Господа из секретных служб США не получили от нас даже такой информации, как цены на продукты или объем поставок в какие-то города страны, которые они так хотели получить».

А вот Фрэнк Визнер, глава отдела политической координации, который курировал эту операцию в ЦРУ, был, однако, убежден, что «ВиН» представляет серьезную угрозу коммунистическому режиму. Он даже, якобы, пришел к выводу, что «ВиН» не хватанет только противотанкового оружия... «что бы изгнать Красную Армию из Варшавы».

А местные чекисты мечтали об американском генерале, которого они неоднократно просили прислать для организации сопротивления. Понятно, что нужен он был им для громкого международного политического скандала. Вояку так и не прислали, а в декабре 1952 года на польском радио в двухчасовой передаче местные чекисты рассказали об этой операции. Помимо того, что это сильно унизило ЦРУ, но и позволило властям Польши ликвидировать остатки оппозиции¹¹⁷.

Это «шоу» было организовано в лучших традициях пропаганды «холодной войны». Участвовавшие в передаче «подпольщики» рассказали о том, что в органы госбезопасности в 1952 году явились некие И. Ковальский и С. Сепко, которые в 1948 году были членами руководящего состава «ВиН». Они добровольно сдали различную секретную документацию (переписку, шифроблокноты, инструкции), радиостанции, оружие и один миллион долларов, полученный от разведок англосаксонских стран.

Так же они подробно рассказали о некоем плане «Вулкан», согласно которому «ВиН» должна была «организовать, обучить и подготовить оперативный подпольный состав в таком количестве, что бы он в состоянии обеспечить эффективный шпионаж и диверсии, а так же сделать невозможным использование железных и шоссейных дорог Польши во время войны». Далее в плане указывалось, что ЦРУ обязывалась подготовить высококвалифицированную группу американцев польского происхождения, которые будут переброшены на территорию Польши для диверсионной работы. К плану был приложен подробный перечень промышленных предприятий и других объектов на территории страны, которые подлежали уничтожению¹¹⁸.

В это же время было окончательно покончено с польским бандитизмом на советской территории. В мае 1949 года был ликвидирован один из последних крупных (около 800 человек) отрядов АК под командованием «Олеха» (Анатолий Радзивоник), совершавший многочисленные убийства советских работников, сотрудников милиции, колхозников в Гродненской области. После операции, проведенной полком внутренних войск МВД, отряд был разгромлен, «Олех» убит.

К 1951 году в результате амнистий в Гродненской области более 2 тыс. аковцев сложили оружие (некоторые из них были убиты бывшими соратниками), но и после 1951 года продолжалась ликвидация банд — «Гражуолиса» (из Литвы), «Бяржиса», «Сенка». С 1944 по 1952 годы в Гродненской области погибло от

рук аковцев 774 человека — партийных, советских, комсомольских и хозяйственных работников, тружеников совхозов и колхозов, мирных жителей, часто вместе с семьями. Банда «Палоя» (Альфонс Тыркин) убила 38 переселенцев из УССР (банда была позднее уничтожена, атаману удалось уйти за кордон, в 1970-е годы он был обнаружен проживающим в братской ПНР, но требование советской стороны о его выдаче было отклонено).

Эти данные не учитывают погибших офицеров и солдат МГБ и МВД. Известны имена офицеров МГБ, погибших в Гродненской области в 1947—1953 годах: Анатолий Федосимов, Иван Носков, Николай Стрельников, Александр Иванов, Андрей Стрелковский, Иван Арефьев, Георгий Князев. Последний по времени из погибших, капитан Андрей Стрелковский погиб в Лиде вместе с сержантом и рядовым (еще один рядовой был тяжело ранен) от руки бывшего аковца Яна Гринцевича, бежавшего из заключения и вернувшегося на родину, где и занялся террором (убил милиционера, уполномоченного министерства заготовок, председателя колхоза). После почти полуторогодого розыска Гринцевич, выданный крестьянином села, где он укрывался, в декабре 1954 года был арестован, затем расстрелян. В апреле того же года при задержании был застрелен Вацлав Озим, бывший солдат дивизии им. Костюшко, кавалер польских и советских орденов, после участия в убийстве начальника почты перешедший на нелегальное положение. Его напарник, бывший колхозный бригадир Мурын сдался¹¹⁹.

Если подвести итоги, то в период с 1944 по 1948 год органами госбезопасности Польши, совместно с коллегами из Москвы, было ликвидировано 3,5 тысяч вооруженных групп и убито около 8 тысяч бандитов. Потери польских правоохранительных органов и армии — 12 тысяч человек. В это число не включено 10 тысяч гражданских лиц — членов ППР и тех, кто пал от рук бандитов. Потери Советской Армии — около 1 тысячи человек.

В польском антикоммунистическом повстанческом движении приняло участие свыше 100 тысяч человек. Ими было совершено 54800 «антигосударственных актов». В их числе: 17 152 убийства, 1030 налетов на железные дороги и мосты, 10 тысяч сожженных сельских усадеб и другие террористические и грабительские действия.

Примечания к главе 3

¹ Пыхалов И. Последняя собака Антанты // Спецназ России. 2002. №8. С.6-7.

² Пыхалов И. Последняя собака Антанты // Спецназ России. 2002. №9. С.10—11.

³ Пыхалов И. Последняя собака Антанты // Спецназ России. 2002. №11. С.16-17.

⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. М., 2004. С.402-403.

⁵ Там же. С.373-375.

⁶ Там же. С.500-501.

⁷ *Вежнин В.* Накануне // Секретная служба. 2003. №1. С.9.

⁸ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. М., 2004. С.41-43.

⁹ *Пыхалов И.* Последняя собака Антанты // Спецназ России. 2002. №12. С.18-19.

¹⁰ *Малиновский М., Павлович Е., Померанский В., Шнегонский А., Вилюш М.* Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. М., 1968. С.45.

¹¹ Там же. С. 119.

¹² Армия Крайова — http://www.hrono.m/organ/arnnia_krai.html

¹³ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем в Польше 1944-1948 год. Киев, 1984. С.53-55.

¹⁴ Там же. С.58.

¹⁵ *Малиновский М. и др.* Польское рабочее движение... С.254.

¹⁶ Там же. С.246, 253.

¹⁷ *Гогун А.* Кровавое лето 1943 года — <http://www.kontinent.org/artview.asp?id=1723>

¹⁸ *Данилюк В.* Война на Волыни // Киевские ведомости. 24 февраля 2003. №40(2845).

¹⁹ *Нариманов И.* Аттестат исторической зрелости — <http://www.edinenie.kiev.ua/Actual18/za/attestat.htm>

²⁰ *Малиновский М. и др.* Польское рабочее движение... С.252.

²¹ *Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С.357.

²² *Малиновский М. и др.* Польское рабочее движение... С.250—251, 252, 259.

²³ *Пыхалов И.* Последняя собака Антанты // Спецназ России. 2003. №2. С.18-19.

²⁴ *Малиновский М. и др.* Польское рабочее движение... С.363.

²⁵ *Месилю Е.* Польские «банды УПА» // Карта. 1993. №2. С.32—34; *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С.227.

²⁶ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944-1945. М.-Новосибирск, 2001. С.336-337.

²⁷ *Месилю Е.* Польские «банды УПА» // Карта. 1993. №2. С.32-34; *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С.221.

²⁸ *Назаревич Р.* Варшавское восстание. 1944. М., 1989. С.42-45; *Залуский З.* Сорок четвертый: События, наблюдения, размышления. М., 1978. С.32-35.

²⁹ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С.37—38.

³⁰ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С.99.

³¹ *Пыхалов И.* Последняя собака Антанты // Спецназ России. 2003. №2. С.18-19.

³² *Колаковский П.* НКВД и ГРУ на польских землях. 1939—1941. Варшава, 2002. С.227.

³³ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С. 100, 113.

³⁴ *Аптекарь П.* Внутренние войска НКВД против польского подполья // Репрессии против поляков и польских граждан. Вып.1. Исторические сборники «Мемориала». М., 1997. С. 198.

³⁵ *Мухин Ю.* Польша в НАТО? Слава богу! // Дуэль. 1997. №8(30).

³⁶ *Гриневиц В.* Две Праги, или Сталинское завоевание Европы // Зеркало недели. 15-21 июля 2000. №28(301).

³⁷ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 13.

³⁸ *Аптекарь П.* Внутренние войска НКВД против польского подполья... С. 197.

³⁹ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С.135-136.

⁴⁰ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С.39.

⁴¹ Там же. С.52.

⁴² Там же. С.48-49.

⁴³ Там же. С.269-270.

⁴⁴ Там же. С.47, 50.

⁴⁵ *Аптекарь П.* Внутренние войска НКВД против польского подполья... С. 199.

⁴⁶ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С.52.

⁴⁷ Там же. С.54, 55.

⁴⁸ Там же. С.60.

⁴⁹ Там же. С.64-67, 72, 77-78, 86.

⁵⁰ Там же. С.88, 95.

⁵¹ Там же. С.97.

⁵² *Аптекарь П.* Внутренние войска НКВД против польского подполья... С.202-203.

⁵³ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 116—118.

⁵⁴ *Колаковский П.* НКВД и ГРУ на польских землях. 1939—1941. Варшава, 2002. С.43.

⁵⁵ Там же. С.59.

⁵⁶ Селивановский Николай Николаевич (1901—1997). Зам. министра государственной безопасности в 1946—1951 гг. Генерал-лейтенант (1943). Родился в м. Хойники Речицкого уезда Полесской области в семье железнодорожного служащего. В 1920—1922 гг. служил в Красной Армии. Член Коммунистической партии с 1921 г. С 1922 по 1937 гг. работал в Особом отделе ГПУ—ОГПУ-НКВД. В апреле 1937 г. переведен из Средней Азии (Бухара) в аппарат Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. В 1937 г. в заграникомандировке в Париже.

В феврале 1941 г. начальник отделения 3-го управления Народно-го комиссариата обороны СССР. С октября 1941 г. — начальник Особых отделов НКВД Юго-Западного, Сталинградского, Южного, Донского фронтов, затем — зам. начальника Управления особых отделов НКВД СССР. С марта 1943 по май 1946 г. занимал должность зам. начальника Главного управления контрразведки «Смерш» Наркома обороны СССР по разведработе. Одновременно в январе-апреле 1945 г. был уполномоченным НКВД на 4-м Украинском фронте и в Польше (официально должность называлась «Советник НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши»). С мая

1946 г. — зам. министра госбезопасности СССР и (до нояб. 1947) начальник 3-го главного управления МГБ СССР, председатель Ученого совета МГБ. В августе 1951 г. был снят с занимаемой должности и в ноябре арестован по делу Абакумова. В марте 1953 г. был освобожден за отсутствием состава преступления, в июне уволен в запас МВД по состоянию здоровья. В ноябре 1953 г. формулировка увольнения была изменена на следующую: «по данным, дискредитирующим звание лица начальствующего состава МВД».

Был депутатом Верховного Совета РСФСР. Награжден 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, «Знак Почета», медалями.

⁵⁷ Мешик Павел Яковлевич (1910—1953). Генерал-лейтенант. В ОГПУ с 1932 г. В 1938—1939 гг. — врид начальника 3-го отделения 2-го отдела Главного экономического управления (ГЭУ) НКВД СССР, в 1939 г. — пом. начальника Следственной части НКВД СССР. С сентября 1939 г. — начальник Следственной части ГЭУ, с марта 1940 г. — начальник 1-го отдела ГЭУ НКВД СССР. С февраля 1941 г. — нарком госбезопасности УССР. С июля 1941 по ноябрь 1941 г. и с ноября 1942 г. — начальник Экономического управления НКВД СССР. С мая 1943 г. — зам. начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР. В декабре 1945 г. освобожден от занимаемой должности. В 1946—1953 гг. — зам. начальника Первого Главного управления при СНК (Совмине) СССР. В марте-июне 1953 г. — министр внутренних дел УССР 23 декабря 1953 расстрелян по приговору специального судебного присутствия Верховного суда СССР вместе с Л. П. Берия.

⁵⁸ Колаковский П. НКВД и ГРУ на польских землях. 1939—1941. Варшава, 2002. С.278-285.

⁵⁹ Д.Вознесенский возглавлял ГУИ ВП до июля 1953 года. В 1954 году вместе с другим советским советником в органах военной контрразведки польской армии полковником Антонием Скульбашевским отозван в СССР и осужден к тюремному заключению за участие в репрессиях против польских офицеров.

⁶⁰ Давыдов Семен Прохорович (1909—1959). Полковник. С мая 1943 г. — заместитель начальника Пензенского УНКГБ. В 1945 г. — заместитель советника при МОБ Польши. С 1946 г. — и.о. советника, советник МГБ СССР в Польше. С марта 1950 г. — уполномоченный МГБ СССР в ГДР. С декабря 1951 г. — заместитель начальника Свердловского УМГБ.

⁶¹ Акция «Висла». Сборник документов. Львов—Нью-Йорк, 1997. С.127.

⁶² Окулицкий Леопольд (1898—1946). Бывший польский офицер, работал после 1939 года в подполье во Львове, был арестован НКВД в январе 1941 года. Освобожден после начала войны, был начальником штаба армии Андерса. С 1944 года находился в Польше. 27 марта 1945 года в г. Прушкове на встрече с уполномоченным НКВД Иваном Серовым, выступавшим под именем генерала Иванова, был арестован вместе со своим штабом (в том числе вице-премьер эмигрантского правительства Янковский и председатель Польской социалистической партии (ППС) Пужак), доставлен самолетом в Москву, где их судили летом 1945 года по обвинению в диверсиях против Красной Армии (так называемый «Процесс шестнадцати»). Впоследствии все осужденные

были освобождены и переданы Польше, кроме троих умерших в тюрьме, в том числе и Окулицкого (в 1946 году).

⁶³ 19 января // Независимая газета. 19 января 2000. №8(2070).

⁶⁴ *Аптекарь П.* Внутренние войска НКВД против польского подполья... С.204.

⁶⁵ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С.136-137.

⁶⁶ *Аптекарь П.* Внутренние войска НКВД против польского подполья... С.201.

⁶⁷ Там же. С.202.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С.213—214.

⁷⁰ Там же. С.220-221.

⁷¹ Там же. С.232.

⁷² Там же. С.233-234.

⁷³ Там же. С.254-255.

⁷⁴ Там же. С.277.

⁷⁵ Там же. С.317.

⁷⁶ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С.161, 163, 164.

⁷⁷ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С.282—290.

⁷⁸ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С.169.

⁷⁹ Там же. С.171-172.

⁸⁰ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С.319.

⁸¹ Там же. С.305.

⁸² Там же. С.320.

⁸³ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С.213.

⁸⁴ Там же. С.200.

⁸⁵ Там же. С.212.

⁸⁶ Там же. С.218-219.

⁸⁷ Там же. С.197-198.

⁸⁸ Там же. С.196.

⁸⁹ *Пыхалов И.* Последняя собака Антанты // Спецназ России. 2003. №2. С. 18-19.; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С.58, 247-253.

⁹⁰ *Малиновский М. и др.* Польское рабочее движение... С.56, 159.

⁹¹ *Пыхалов И.* Последняя собака Антанты // Спецназ России. 2003. №2. С. 18-19.; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С.58, 247—253;

Малиновский М. и др. Польское рабочее движение... С.246, 253.

⁹² *Малиновский М. и др.* Польское рабочее движение... С.256.

⁹³ Там же. С.367.

⁹⁴ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С. 144.

⁹⁵ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С.218—219.

⁹⁶ Акция «Висла». Сборник документов. Львов-Нью-Йорк, 1997. С.14.

⁹⁷ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С.249—252.

⁹⁸ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С.140-141.

⁹⁹ Там же. С. 138-139.

- ¹⁰⁰ Там же. С. 164, 165.
- ¹⁰¹ Там же. С. 195.
- ¹⁰² Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С.271, 273—274.
- ¹⁰³ Там же. С.293.
- ¹⁰⁴ Там же. С.301.
- ¹⁰⁵ Там же. С.319, 320.
- ¹⁰⁶ Там же. С.297.
- ¹⁰⁷ Там же. С.230-231.
- ¹⁰⁸ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С.158-159.
- ¹⁰⁹ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С.216—217.
- ¹¹⁰ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С.159.
- ¹¹¹ *Антекарь П.* Чем перешибить дубину народной войны — <http://vesti.lenta.ru/daynews/2000/03/17/40partisan/>
- ¹¹² Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С.329.
- ¹¹³ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С.237, 240.
- ¹¹⁴ Там же. С.253.
- ¹¹⁵ Там же. С.260.
- ¹¹⁶ Там же. С.263.
- ¹¹⁷ *Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций... С.395—396.
- ¹¹⁸ *Минаев В.Н.* Тайное становится явным. М., 1962. С.232.
- ¹¹⁹ *Семашко Е.* Армия Крайова в Белоруссии. Минск, 1994. С. 106—244.
- ¹²⁰ *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем... С.271-272.

БОРЬБА В СОЦЛАГЕРЕ. АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПОСЛЕ 1945 ГОДА

В отличие от Польши в других странах Восточной Европы — Югославии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и Болгарии, послевоенный процесс установления народно-демократического (коммунистического) режима, происходил достаточно мирным путем, без продолжительных и кровопролитных войн.

Естественно, антикоммунистические выступления были и в этих странах, но по своему масштабу они несравнимы с польскими. В Югославии в середине 1945 года насчитывалось 11 тыс. антикоммунистических партизан: бывших четников, усташей, членов «Голубой гвардии» и т.д. Одно из крупных выступлений в этот период произошло в Косово. Здесь во время подавления антикоммунистического восстания было убито 650 военных и сотрудников госбезопасности и 1500 партизан и еще 12 человек было казнено¹. Известный исследователь этой темы М. Радулович пишет:

«Как известно, бывшие коллаборационисты и фашисты верили, что начнется новый международный конфликт, и они ожидали вмешательства извне, новой вооруженной атаки против Югославии... Они очень быстро поняли, что им помогут из-за границы в борьбе против народной власти. И на самом деле они начали получать оружие и снаряжение для осуществления подрывных и террористических актов... Они использовали все формы подрывной деятельности. Однако уже в конце 1945 года число контрреволюционных повстанцев в стране сократилось наполовину. Этому способствовали мужество и настойчивость сотрудников органов государственной безопасности, а главное — упрочение внутривластной ситуации в новой Югославии. После того как правительство объявило амнистию, большинство повстанцев вернулось к своим очагам, что значительно уменьшило численность бандитских групп и нанесло серьезный удар тем, кто их поддерживал»².

В марте 1946 году органами госбезопасности около города Вышнеград была окружена небольшая группа повстанцев во главе с генералом Драже Михайловичем, которая без сопротивления сдалась. Вскоре над лидером антикоммунистического партизанского движения Д. Михайловичем состоялся суд военного трибунала. В июле 1946 года по приговору трибунала

генерал был расстрелян. В этом же году 1200 партизан сдались властям, а 3500 человек были захвачены в плен или уничтожены во время операций органов госбезопасности Югославии. Правда; по данным исследователя В. В. Эрлихмана до 1947 года было убито или казнено 10 тыс. партизан и погибло 1100 военных и сотрудников госбезопасности³.

К началу 1947 году число партизан уменьшилось до 1700 человек, из которых около 650 человек находились в Боснии и Герцеговины, тогда как остальные были разбросаны по всей территории Югославии.

В 1948 году в Югославии осталось около 200 партизан, а к началу 1949 года их стало 140. Скрывались партизаны в труднодоступном горном районе на стыке границ между Сербией, Боснией, Герцеговиной и Черногорией. Благодаря труднодоступности района ликвидация антикоммунистического движения затянулась на несколько лет. Последний из партизан был убит в 1957 году.

В Венгрии в декабре 1946 года органами военной контрразведки был раскрыт крупный заговор националистической организации «Венгерская общность», который возглавлял генерал-полковник в отставке Лайош Вереш Дальноки. Заговорщиками был разработан план вооруженных выступлений против венгерских коммунистов и советских войск. В случае всеобщего восстания, «Венгерская общность» рассчитывала на помощь извне, в частности, на дивизию «Сент-Ласло», находящуюся в тот момент в Австрии, в английской оккупационной зоне. Помимо Л. В. Дальноки были арестованы и предстали перед судом чиновник МИДа Шентива—ньи, член парламента Доната, майор Шентимиклоши, лидер Партии мелких сельских хозяев Б. Араньи и другие.

В Румынии активно действовали антикоммунистические подпольные группы: «Гайдуки Авраама Янку», «Куйбу» (г. Сибиу), «Комитет сопротивления» (Барашовский уезд). Многие бывшие legionеры «Железной гвардии» вступили в Национал-царанистскую и Национал-либеральную партии, действовали в органах полиции, жандармерии и государственных учреждениях. Еще во времена Антонеску legionеры создали специальную «Группу смерти» для совершения террористических актов против румынских коммунистов и советских военнопленных. После падения режима Антонеску «Группа смерти» развернула активную подпольную деятельность. Они рассылали анонимные письма демократическим деятелям Румынии с угрозами расправы, а также помогали арестованным немецким преступникам бежать из лагерей, где они содержались. Уже 24 августа 1944 года legionеры распространили прокламацию, призывавшую создать «общий фронт против большевизма и его союзников»⁴. В феврале 1945 года в Бухаресте членами Национал-царанистской партии были устроены беспорядки и организованы покушения на редактора коммунистической газеты «Скынтейи»

(«Искра») М. Константинеску, на вице-премьера П. Грозу и других левых деятелей. В ноябре 1945 года в Бухаресте вновь произошло антикоммунистическое выступление, в результате которого 9 человек было убито, а 23 получили ранения. Выступление было подавлено вооруженными отрядами рабочих или «Патриотической гвардией».

Наиболее упорное сопротивление коммунистам было оказано в горах Северной Трансильвании в районе Клужа. Здесь действовали отряды легионеров из «Железной гвардии» и гвардии Ю. Маниу. Румынские власти оказались бессильны против партизан. Это вынудило «советское командование установить в Северной Трансильвании свою военную администрацию, принять меры по ликвидации националистических банд»⁵. Однако партизанское движение в районе Клужа продолжалось до 1948 года.

По примерной оценке людские потери при подавлении антикоммунистического движения в Румынии в 1944—1946 годах составили 2 тыс. человек⁶.

В Чехословакии также не обошлось без сопротивления коммунистам. 7 октября 1949 года генеральный консул СССР в Братиславе Н. Г. Новиков сообщал в Москву:

«В последнее время в Словакии был раскрыт целый ряд антиправительственных организаций. Так, ликвидированы подпольные организации "ОУН" (Организация украинских националистов), "ЮГ", "Зеленая лента", "Яромир" и др. "ОУН" была связана с англо-американской разведкой и бандеровскими бандами. Она занималась шпионской деятельностью в пользу американцев и переправкой бандеровских банд, бежавших из Польши и Западных областей Украины через Чехословакию в американскую зону Германии. Антигосударственные организации "ЮГ", "Яромир" занимались распространением антикоммунистических и антисоветских листовок и саботажем.

Членами этих подпольных организаций в основном были мелкобуржуазные элементы, чиновники, раньше состоявшие в буржуазных партиях. Идя на поводу у реакционных элементов, в подпольные организации вступали менее сознательные рабочие и мелкие крестьяне. Эти антигосударственные организации не были многочисленными и какой-либо серьезной угрозы для народно-демократического режима в Чехословакии не представляли...

В словацких горах до сих пор имеются отдельные вооруженные группы так называемых "белых партизан". Уже большинство таких банд было ликвидировано органами государственной безопасности, но часть их еще осталась в горах около г. Ружомбе-рок и в Малых Татрах. Руководителем оставшихся банд является Жингор, бывший майор, участник Словацкого Национального восстания. После освобождения Чехословакии Жингор потребовал в награду за его участие в восстании, чтобы обогатиться,

ресторан в Братиславе или в каком-либо другом крупном словацком городе. Ему не дали. Тогда он завязал тесные отношения с руководителями бывшей реакционной демократической партии и вышел из коммунистической партии. После февральских событий⁷ Жингор стал организатором вооруженных банд в словацких горах. Окали (Д. Окали, уполномоченный по внутренним делам Словакии — Авт.) заявил в беседе, что подготавливается операция для окончательной ликвидации остатков этих банд»⁸.

В Болгарии в 1945 году против коммунистов происходили вооруженные выступления, которые организовали македонские боевики Владо Куртев и Джоро Настев. Кроме них, антикоммунистические действия вели подпольные организации «Царь Крум» и «Военный союз». Число погибших в этих выступлениях составило около 10 тыс. человек, включая несколько тысяч мирных жителей.

После Второй мировой войны не обошлось в государствах с народно-демократическим строем и без вмешательства извне.

Так, в начале 1949 года в связи с проведением в Вашингтоне 1 сессии совета НАТО был подготовлен специальный документ «Албания». В нем указывалось, что США «желают ликвидировать современный режим в Албании. Наиболее предпочтительным был бы прозападный режим, такой, к которому стремится Албанский национальный комитет. Переориентация Албании на Запад провозглашалась в качестве основной долговременной цели США, а непосредственной — ослабление и немедленное устранение просоветского режима Ходжи»⁹.

В марте 1949 года англо-американский план тайной войны против Албании был согласован в Вашингтоне. В совещании участвовали: с американской стороны — от госдепартамента США Р. Джойс и шеф отдела тайных операций ЦРУ Ф. Визнер; с британской — лорд Джеллико и Г. Джебб, представляющие соответственно Форин офис и Интеллидженс сервис. Вскоре план был одобрен высшем руководством в Вашингтоне и Лондоне — «скромная по масштабам и затратам операция должна была увенчаться свержением албанского руководства»¹⁰. Ставка делалась на разведывательно-диверсионные действия на территории Албании, которые в итоге должны были привести к восстанию против режима Э. Ходжи.

Кадры потенциальных исполнителей для подрывных акций было нетрудно подобрать в лагерях перемещенных лиц. Албанские антикоммунистические лидеры находились рядом — Мидхат Фрашери в Турции, Абас Эрмеджи в Греции, Саид Крюэзиу и Абас Купи в Италии, экс-монарх Албании Зогу в Египте.

14 апреля 1949 года в Лондоне прошло совещание под руководством Ф. Визнера, на котором была сформирована группа по созданию правительства Албании в изгнании. В задачу но-

воиспеченного правительства входило: придать видимость законности подрывным и пропагандистским акциям албанского антикоммунистического подполья. Все операции планировал Отдел политической координации (ОПК), созданный еще в июне 1948 года, специальный центр, финансируемый ЦРУ, а подчиненный госдепартаменту и совету национальной безопасности США. Руководил центром Дж. Маккаргер, курировавший в ОПК Юго-Восточную Европу

26 августа 1949 года в Париже было публично заявлено о создании Комитета Свободной Албании во главе с М. Фрашери, призванного бороться с коммунистической деспотией режима Э. Ходжи.

Одновременно с этим на британской базе Форт Бин Джема, что находилась на Мальте, проходили усиленную разведывательно-диверсионную подготовку 30 албанских добровольцев, отобранных в лагерях перемещенных лиц. Правда, профессиональная подготовленность будущих диверсантов представлялась заказчикам весьма сомнительной: «ни одного кадрового офицера, ни одного с высшим образованием, более того, многие вообще неграмотные. Далеки от идеала были и физические кондиции»¹¹. Однако выбирать не приходилось. Операция «Албания» входила в свою начальную стадию.

В ночь с 3 на 4 октября 1949 года по Адриатическому морю в направлении полуострова Карабурун вышла шхуна «Штормовые моря». На борту шхуны находились С. Баркли, Дж. Литем (сотрудники британских спецслужб), грек-штурман и девять «эльфов» (как их называли англичане) — албанские добровольцы, в полной экипировке диверсанта.

Высадка по побережью Албании прошла успешно. Спустя 48 часов, преодолев за это время 10 миль к востоку от места высадки, «эльфы» разбились на две группы. Пятерка под командованием Бидо Куки направилась в район, неподалеку от границы с Грецией. В конце октября четверо из группы Куки, преследуемые албанскими войсками и силами госбезопасности, перешли албано-греческую границу. Другая группа почти сразу же после разделения напоролась на засаду правительственных войск.

Результат первой заброски «эльфов»: четверо вернувшихся на базу, четверо убитых и один пропавший без вести. Более того, вернувшиеся на базу утверждали, что «их высадки ждали, район был перекрыт войсками и силами безопасности. Неутешителен и основной вывод из попыток вести пропаганду и организовать очаги антикоммунистического подполья: население скептически относится к предложению бороться против властей и не верит в возможность их свержения»¹².

Тем не менее, шхуна «Штормовые моря» приняла на борт вторую партию «эльфов», в количестве 11 человек, и вновь направилась к албанскому побережью.

Но на этот раз операция прошла не так гладко, как в первый раз. Разыгравшийся шторм вынудил судно зайти в Валонский залив, чтобы переждать непогоду. Шхуну заметили и обстреляли с берега. Она была вынуждена повернуть обратно на базу.

15 декабря 1949 года ЦРУ «представило собственную оценку эффективности албанского антиправительственного подполья. Весьма пессимистически в ней рассматривались перспективы его деятельности, прямо указывалось на неспособность свергнуть режим — в ближайшие месяцы или позднее. Резкой критике подверглось и собственное "детище" — Комитет Свободной Албании. Последовали оргвыводы: инициатива осуществления антиалбанских операций перешла из британских рук к американцам»¹³.

Однако принципиальный подход к содержанию операций американцы не изменили. Ставка вновь делалась на небольшие группы бойцов, имевших связи с местным населением, подготавливающих очаги вооруженного сопротивления и антикоммунистической пропаганды.

Подготовку диверсантов ЦРУ развернуло вблизи Мюнхена в Западной Германии, под прикрытием «рабочего батальона» албанцев. Вскоре это формирование получило название «Батальон 4000» и насчитывало 250 эмигрантов из Албании. В июне 1950 года открылись 6-месячные курсы подготовки диверсантов на базе лагеря в Дахау. Программа обучения включала в себя строевую подготовку, умение оказать первую помощь, умение владеть оружием, взрывчаткой, радиосвязью, автомобилем. Кроме того, американцы решили изменить способ заброски диверсантов. Отныне забрасывать их на албанскую территорию планировалось с помощью авиации на парашютах.

Начиная с 19 ноября 1950 года, ЦРУ приступило к массовой заброске диверсионных групп в Албанию. При этом парашютистам приходилось совершать прыжок с предельно низкой высоты (примерно 160 метров), что требовало высочайшей квалификации, которой «эльфы» не обладали, в связи с чем диверсанты гибли десятками. Однако руководство операцией не могло отказаться от иллюзии: «стоит засыпать Албанию с воздуха парашютистами и оружием, как там произойдет восстание»¹⁴.

Самой громкой акцией «эльфов» в феврале 1951 года стал обстрел советского посольства в Тиране. Другие операции заброшенных диверсантов в ЦРУ воспринимались с изрядной долей скептицизма, особенно информация о создании подпольных группировок — «Национальная лига в горах», «Свобода», «Скандербег», «Призыв» и «Национальное единство».

Тем не менее, в начале 1952 года американцы пришли к выводу, что «албанский режим удалось расшатать до такой степени, что достаточно одного энергичного усилия — и он падет»¹⁵. Для ускорения падения просоветского режима было решено на-

править в Албанию опытных, авторитетных лидеров, преданных экс-монарху Зогу. Выбор пал на троих — Э. Шеху, Х. Бра̀ницу и Х. Дюле.

28 апреля 1952 года три лидера и радист, перешла греко-албанскую границу в районе Корчи, благополучно достигнув базы в районе Мати. С этого момента, группа Шеху регулярно выходила на радиосвязь, докладывая о достигнутых успехах и заказывая грузы: золото, оружие, взрывчатку, снаряжение и т.д.

После смерти И. В. Сталина в ЦРУ решили, что момент для решительного выступления настал. 1 мая 1953 года в Албанию были заброшены фигуры первой величины во главе с Х. Матья̀ни. Однако время шло, а восстания против режима Э. Ходжи не начиналось. Лишь в апреле 1954 года на судебном процессе в Тиране выяснилось: «восемнадцать месяцев после ареста Шеху с американцами велась радиоигра. Вся шпионская сеть в Албании уничтожена: диверсанты попадали при заброске прямо в руки поджидавших в засаде. Это был полный крах»¹⁶.

Отдельно стоит сказать о том, что срыву операции «Албания» активно способствовал советский разведчик Ким Филби. Работая в британских спецслужбах, он был в курсе антиалбанских акций и делал все для их провала.

В конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы в Восточной Европе активно применялись так называемые «чистки». При этом коммунистические партии до появления народных армий, опирались на свои вооруженные формирования. К примеру, в Румынии, такие формирования назывались «Патриотической гвардией». Отряды гвардии были сформированы компартией в период подготовки антифашистского восстания (23 августа 1944 года). После освобождения Румынии от гитлеровцев эти отряды были не только сохранены, но и усилены. Английские представители в Союзной контрольной комиссии (СКК) неоднократно настаивали на разоружении «коммунистической гвардии», но советская сторона не давала на это согласие.

Болгария, по мнению отдельных исследователей, особенно отличилась в области «чисток». Уже в марте 1945 года «народными судами» было вынесено 10 897 приговоров по 131 процессу и приговорено к смерти 2138 человек, среди которых фигурируют члены регентского совета, в том числе брат царя Бориса III, большинство членов парламентов и правительств за весь период после 1941 года, высшие военные чины, полицейские, судьи, промышленники, журналисты.

Подобные «чистки» проводились и в других странах — Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии. При этом особое внимание обращалось на армию и офицерский корпус, которые в этот период находились в состоянии строительства новых — народных вооруженных сил.

Так, например, в Румынии «чистка» армии под контролем коммунистов осуществлялась по следующим семи категориям: «1) военные преступники и лица, виновные в бедствиях страны, 2) политически неблагонадежные лица, 3) профессионально неподготовленные лица, 4) морально неспособные, 5) физически неспособные, 6) по возрасту и 7) по сокращению штатов»¹⁷.

В Венгрии «чистка» армии проводилась осенью 1945 года. Однако весной 1946 года компартия страны, опираясь на поддержку СКК, добилась от правительства дальнейшей «чистки». Взамен «проверочных», были созданы так называемые «селекционные комиссии», которые начали увольнять из армии политически неблагонадежных офицеров и унтер-офицеров. К 1 мая 1946 года численность венгерской армии была сокращена до 23 716 человек. Но по требованию коммунистов в первой половине 1947 года в армии была проведена новая «чистка». На этот раз из армейских рядов было уволено 14 генералов, 374 старших и 2292 младших офицеров, а 618 военнослужащих были преданы суду военного трибунала¹⁸.

Более того, в той же Венгрии в 1949 году была принята новая Конституция, на основании которой избирательных прав лишались умалишенные и «враги трудового народа». Законодательство уточняло, кого следовало понимать под «врагами» и против кого были направлены основные репрессии властей, это — «бывшие руководители фашистских и профашистских партий, организаций и союзов; бывшие сотрудники венгерской королевской жандармерии, которые не стали на учет для прохождения специальной проверки или подвергались такой проверке, но не были реабилитированы; лица, земельные владения которых были конфискованы в 1945 г.; лица, уволенные со службы из государственных учреждений и частных предприятий во время чистки государственного аппарата в 1946 г.; лица, находящиеся по политическим причинам под надзором полиции»¹⁹.

Массовые репрессии в странах народно-демократического строя, порождали чудовищные случаи самосуда со стороны отдельных лиц, облеченных властью. Так, в венгерском селе Гимре коммунист-полицейский арестовал и расстрелял без суда 26 человек, а в городе Кечкемет шеф местной полиции, тоже коммунист, чинил зверства над арестованными²⁰.

Стоит также заметить, что в период «чисток» в армии, госучреждениях и т.д. наблюдался огромный прилив в ряды коммунистических партий новых членов. Например, в 1948 году в Коммунистическую партию Чехословакии было принято 115 099 бывших национальных социалистов, 111 535 социал-демократов, 25 278 лидовцев и почти 100 тыс. словацких демократов²¹.

Рассматривая репрессии в Восточной Европе нельзя не сказать о массовом изгнании немецкого населения. Летом 1945 года

6,3 млн. немцев вынуждены были покинуть свои дома на территориях, возвращенных Польше; 2,9 млн. изгнаны из Чехословакии; 200 тыс. — из Венгрии; более 100 тыс. — из Югославии. Нередко изгнание сопровождалось массовыми убийствами немцев.

Ниже приводятся данные людских потерь в странах Восточной Европы после 1945 года.

Болгария, 1944—1971 годы — 20 тыс. человек, из которых казнено и убито 18 тыс., заключено в тюрьмы и лагеря 187 тыс., из них погибло 2 тыс., выслано из страны 40 тыс. человек.

Венгрия, 1947-1955 годы — 13 тыс. человек, из которых казнено и убито 3 тыс., заключено в тюрьмы и лагеря 650 тыс., из них погибло 10 тыс., выслано из страны 60 тыс. человек.

Румыния, 1947-1989 годы — 65 тыс. человек, из которых казнено и убито 5 тыс., заключено в тюрьмы и лагеря 450 тыс., из них погибло 60 тыс., выслано из страны 70 тыс. человек.

Чехословакия, 1948—1968 годы — 2700 человек, из которых казнено и убито 600, заключено в тюрьмы и лагеря 262500, из них погибло 2100 человек.

Югославия, 1944—1955 годы — 335 тыс. человек, из которых казнено и убито 320 тыс., заключено в тюрьмы и лагеря 200 тыс., из них погибло 15 тыс. человек²².

Примечания к главе 4

¹ Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004. С.56.

² Герэн А. Коммандос «холодной войны». М., 1972. С.21—22.

³ Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке... С.56.

⁴ Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость (1941—1945 гг.). М., 1978. С.249.

⁵ Там же. С.258.

⁶ Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке... С.51.

⁷ Имеются в виду события февраля 1948 года, когда в Праге был смещен с поста президента демократ Э.Бенеш, а его место занял коммунист К.Готвальд.

⁸ Советский фактор в Восточной Европе 1949—1953. Т.2. М., 2002. С.185-187.

⁹ Потехин А. Крах операции «Албания» // Новое время. 1989. №24. С.38

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С.39.

¹² Там же. С.37.

¹³ Там же. С.39.

¹⁴ Там же. С.40.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Зарождение народных армий стран — участниц Варшавского договора 1941-1949 гг. М., 1975. С.208.

¹⁸ Там же. С.326, 329.

¹⁹ *Нежинский Л.Н.* Очерк истории народной Венгрии 1948—1962. М., 1969. С.121.

²⁰ *Ситон-Уотсон Х.* Захват власти // Политическая история стран Восточной Европы после 1945 г. в зарубежных исследованиях. Выпуск 1. Сборник рефератов. М., 1991. С.37.

²¹ *Коциан И., Вошагликова П.* Чешские некоммунистические партии после февраля 1948 г. // Политические системы СССР и стран Восточной Европы. 20-60-е годы. М., 1991. С. 103.

²² *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке... С.39, 41, 51, 54, 56.

Глава пятая

«ТОЛЬКО ОСЛЫ НЕ МОГУТ ХОРОШО СРАЖАТЬСЯ В ГОРАХ». ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ГРЕЦИИ В 1946-1949 ГГ.

Утром 6 апреля 1941 года немецкая армия вторглась на территорию Греции. Главный удар немцы наносили в направлении Салоник с последующим продвижением в район Олимпа.

Греческие войска, при поддержке английского экспедиционного корпуса под командованием генерала Г. Уилсона, пытались остановить захватчиков, но их сопротивление было быстро сломлено. 9 апреля немцы овладели городом Салоники. В этот же день греческая армия «Восточная Македония» капитулировала. Три других армии — «Западная Македония», «Центральная Македония», «Эпир» и английские части, неся большие потери, отступали по всему фронту.

13 апреля на совещании греческого и английского командования было принято решение отступить на рубеж Фермопилы — Дельфы и начать подготовку к эвакуации английского корпуса из Греции. Отход греческих войск на новый рубеж позволил противнику захватить всю северную часть страны, а английский план эвакуации стал причиной недоверия и разногласий между союзниками.

В директиве №27 от 13 апреля А. Гитлер уточнил дальнейший план немецких войск. Директивой предусматривалось «нанесение двух ударов по сходящимся направлениям из района Флорины и Салоник на Ларису, чтобы окружить англо-греческие войска и сорвать попытки образовать новый фронт обороны¹». После стремительным продвижением моторизованных частей намечалось захватить Афины и оставшуюся часть Греции, включая Пелопоннес. Кроме того, в директиве предписывалось обратить особое внимание на то, чтобы сорвать эвакуацию английского корпуса.

23 апреля 1941 года греческие войска полностью прекратили вооруженное сопротивление. В плену оказалось 225 тыс. греческих солдат и офицеров. Король Георг II и правительство Греции перебрались на остров Крит, откуда вскоре бежали в Египет, а затем в Англию.

К этому времени в небольших портах Аттики и Пелопоннеса началась эвакуация корпуса генерала Уилсона. Немцы

интенсивными налетами авиации препятствовали погрузке английских частей на корабли и транспортные суда, но полностью сорвать эвакуацию не смогли. Англичанам удалось вывезти морем более 50 тыс. своих солдат.

27 апреля немецкие войска вступили в Афины, а через пару дней достигли южной оконечности Пелопоннеса, тем самым полностью оккупировав Грецию. Оставшаяся свободной греческая территория — остров Крит, был захвачен немцами в начале июня 1941 года в ходе операции «Меркурий».

В оккупированной стране гитлеровцы образовали марионеточное правительство во главе с генералом Г. Цолакоглу. Жандармерия, генеральная и специальная асфалия перешли на службу к оккупантам. Также с помощью гитлеровцев были созданы греческие профашистские организации Национальный союз Греции, Национал-социалистическая партия Греции и т.д.

Греция была официально разделена на зоны оккупации. В немецкую зону входили: Центральная Македония, ном (греческая территориально-административная единица) Эврос, ном Мегарида, полуостров Аттика, северное побережье Пелопоннеса, порт Пирей, острова Крит, Милос, Саламина, Эгина и ряд других. Германские союзники Италия и Болгария получили зоны в Фессалии, Центральной Греции, Пелопоннесе, Восточной Македонии и Западной Фракии. На территории страны дислоцировались 5-я немецкая, 11-я итальянская армии и два болгарских армейских корпуса. Общая численность оккупационных войск составляла 300 тыс. человек.

С первых же дней оккупации Коммунистическая партия Греции (КПГ) призвала народ к сплочению и организации сопротивления захватчикам. Коммунистами были созданы первые боевые отряды «Священная рота» и «Штурмовые группы». Активность КПГ в этом направлении значительно повысилась, когда стало известно о нападении Германии на Советский Союз и партизанских отрядах генерала Мандакаса, действующих на острове Крит².

В начале июля 1941 года в Афинах состоялся пленум ЦК КПГ. В решениях пленума отмечалось, что гитлеровский оккупационный режим «и его лакеи — антинациональное правительство Цолакоглу, ведут греческий народ к катастрофе. В этих условиях важнейшая задача греческих коммунистов состоит в том, чтобы организовать борьбу народа (...) с целью свержения чужеземного, фашистского рабства. КП Греции зовет греческий народ, все партии и организации в единый национальный фронт освобождения для изгнания немецко-итальянских оккупантов из Греции, свержения марионеточного правительства Цолакоглу и оказания повседневной поддержки Советскому Союзу»³.

27 сентября КПГ вместе с Аграрной партией, Социалистической партией и партией Союз народной демократии осно-

вали Национальный освободительный фронт Греции (ЭАМ). К концу 1941 года ЭАМ создал подпольную военную организацию — Национально-освободительную армию Греции (ЭЛАС). Лидеры буржуазно-монархических партий К. Кафан-дарис, Г. Папандреу, П. Канелопулос и другие отстранились от участия в общенациональной борьбе.

Осенью 1941 года состоялось первое вооруженное выступление против захватчиков. В ночь с 28 на 29 сентября в зоне болгарской оккупации вспыхнуло восстание. Более двух тысяч жителей деревень нома Драмы во главе с местными коммунистами напали на оккупационные власти и разогнали их. Однако восстание было жестоко и быстро подавлено болгарскими воинскими частями и жандармерией.

В 1942 году в Греции прокатилась мощная волна забастовок, и начали действовать первые партизанские отряды ЭЛАС под командованием А. Велухиотиса. Так, в феврале 1942 года диверсионная партизанская группа взорвала немецкие автомашины на базе Депо в Салониках. К апрелю под контроль партизан полностью перешли горные районы в Румелии, Центральной и Западной Македонии. Как отмечает английский историк Дж. Эрман, к этому времени ЭАМ—ЭЛАС завоевали широкую поддержку народных масс⁴. С 7 по 14 сентября под руководством ЭАМ состоялась крупная забастовка в Афинах и Пирее, в которой участвовало до 60 тыс. человек. А 22 сентября партизаны взорвали в Афинах здание, где помещалась канцелярия греческой профашистской организации, вербующей добровольцев для участия в боях против Красной Армии. При взрыве было убито 29 сотрудников этой организации, в том числе и ее руководитель Стеродимос, а также 43 немецких офицера и солдата.

Ведущая роль коммунистов в сопротивлении оккупационному режиму встревожила греческое эмигрантское правительство и короля Георга II, находившихся к этому времени в Каире. Значительную тревогу проявляли и англичане, которые увидели «в лице ЭАМ—ЭЛАС силу, способную объединить вокруг себя всю нацию, изгнать оккупантов и добиться национальной, политической и экономической независимости страны»⁵.

В начале сентября 1942 года в Афины прибыл тайный эмиссар изгнанного правительства полковник И. Цигандес, имевший при себе крупную сумму денег для финансирования мероприятий по подрыву ЭАМ—ЭЛАС. В октябре того же года в Греции обосновалась Английская военная миссия (ВСА) во главе с полковником Э. Майерсом, сброшенная на парашютах в районе горного массива Гиона, контролируемого партизанами. При значительной поддержке ВСА греческие буржуазно-монархические круги создали свою подпольную военную организацию Национально-демократическое греческое общество (ЭДЭС) под руководством Н. Зерваса и К. Пирوماглу.

В декабре 1942 года состоялась вторая Всегреческая конференция КПГ, которая по своему значению приравнялась к съезду. В принятой резолюции указывалось, что «центральной задачей партии является борьба против оккупантов, освобождение Греции и ее народа от любого внешнего и внутреннего гнета»⁶. В резолюции особо подчеркивалась необходимость «сформирования сразу же после изгнания захватчиков временного правительства всеми партиями и организациями, проводившими борьбу в соответствии с целями ЭАМ»⁷.

В конце 1942 — начале 1943 годов отряды ЭЛАС насчитывали в своих рядах 6 тыс. бойцов, из которых около 3500 входили в регулярные отряды. Действия партизан приобрели более планомерный характер и охватывали практически всю континентальную часть Греции.

В ночь на 25 ноября 1942 года объединенный диверсионный отряд (150 бойцов ЭЛАС, 60 бойцов ЭДЭС и 12 английских коммандос) атаковали важный стратегический объект — железнодорожный мост через реку Горгопотамос. В ходе ожесточенного боя сопротивление итальянской охраны было сломлено, а мост взорван. Железнодорожная магистраль, по которой снабжались фашистские войска в Северной Африке, оказалась выведенной из строя на шесть недель. После этой успешной операции партизанские удары по оккупантам участились. Только в декабре 1942 года отрядами ЭЛАС был атакован (неудачно) большой железнодорожный мост через реку Вардар, совершено нападение на охрану рудников Пиги в Македонии и из засад разгромлено несколько итальянских частей.

В феврале 1943 года партизаны ЭЛАС провели ряд успешных операций, в результате которых противник потерял убитыми, ранеными и пленными свыше 300 человек. Так, 11—12 февраля в Западной Фессалии партизаны окружили в деревне Оксиния две роты итальянцев. В результате боя 120 вражеских солдат и офицеров было убито, а 147 сдались в плен. Все оружие и другое военное снаряжение противника попали в руки партизан.

4—6 марта 1943 года отряды ЭЛАС успешно действовали в ущелье Бугази и местечке Фардикамбос в Западной Македонии. Утром 4 марта партизаны напали в ущелье на итальянскую автоколонну, состоящую из 10 грузовиков с боеприпасами и продовольствием для гарнизона города Гревене. В бою итальянцы потеряли 15 человек убитыми, а оставшиеся 133 солдата сдались в плен. 9 машин было захвачено, одному грузовику удалось вырваться из ущелья. На помощь автоколонне из Гревене выступил итальянский пехотный батальон с тяжелым вооружением, который партизаны окружили в местечке Фардикамбос. 6 марта после упорного боя, потеряв 32 человека убитыми, оккупанты сложили оружие. В плену оказалось 603 человека, в том числе командир батальона и 16 офицеров. Партизанами были

захвачены три 65-мм орудия, 12 станковых пулеметов, 39 ручных пулеметов, 8 минометов, 640 винтовок, 30 пистолетов, 300 артиллерийских снарядов. Были захвачены также 12 грузовых машин, 57 мулов и много другого снаряжения.

7 апреля 1943 года ЭЛАС провела в Афинах одну из своих наиболее дерзких операций. В этот день 35 партизан с помощью нескольких полицейских — членов ЭАМ, освободили из тюремной больницы 55 арестованных активистов КППГ. Эти успехи способствовали притоку в ЭЛАС новых бойцов и дальнейшему развитию вооруженной борьбы против оккупантов.

К весне 1943 года ЭЛАС представляла значительную силу. В рядах армии насчитывалось около 12,5 тыс. человек. С момента начала вооруженной борьбы против оккупантов и до начала мая 1943 года части ЭЛАС провели 53 боя, в которых противник потерял около 900 человек убитыми, 500 ранеными и 950 пленными. В качестве трофеев были захвачены три 65-мм орудия, три тяжелых и 10 легких минометов, 19 станковых пулеметов, 70 ручных пулеметов, 64 автомата, 930 винтовок, 39 пистолетов, 7 тыс. ручных гранат, 19 автомашин, 5 мотоциклов, 2 катера и 103 единицы других транспортных средств. В ходе боев и диверсий были уничтожены 13 паровозов, 177 вагонов, 26 автомашин, 1 катер, 1 самолет, 4 рудника, 2 крупных и 2 небольших моста⁸.

Растущую эффективность партизанского движения признавали и сами оккупанты. Например, в донесении немецкой разведки и контрразведки «1-С» от 9 апреля 1943 года говорилось следующее:

«Начиная с ноября 1942 г. постоянно растущие силы партизан стали действовать в районах оккупированных немецкими войсками, и нападать на жандармские посты с целью снабдить себя оружием и боеприпасами. В общей сложности с декабря 1942 г. по сегодняшний день только на территории военного округа Салоники — Эгео было отмечено 30 таких налетов. Вместе с тем ежедневно совершаются акты саботажа и убийства. Вершиной этих действий явился захват партизанами итальянского отряда численностью более 500 человек и его артиллерии около Сьятисты 4 марта 1943 г.

Взрыв моста через реку Горгопотамос 25 ноября 1942 г. положил начало прямым нападениям банд на коммуникации, сочетавшимися с участвовавшими диверсиями. Центральная железнодорожная артерия Салоники — Ламия в течение 1943 г. 6 раз выводилась из строя. Эти факты неопровержимо свидетельствуют об опасности, вытекающей из действий партизан, для нашего снабжения и об уязвимости системы снабжения наших войск»⁹.

В целях усиления борьбы с партизанами гитлеровцы совместно с марионеточным правительством И. Раллиса (стал премьером 7 апреля 1943 года, сменив на этом посту премьер-министра Логофетопулоса) приступили к созданию батальонов

безопасности. В конце мая в Афинах был сформирован первый батальон. Вскоре появилось еще два батальона, которые были сведены в полк под командованием Плидзанопулоса. В ходе карательных операций военнослужащие этих подразделений отличались особой жестокостью. В дальнейшем батальоны безопасности получили название «охранных». Кроме того, против партизан действовали специальное моторизованное подразделение Бурандаса, вооруженные отряды Всегреческой освободительной организации (ГТАО), Национально-социальной обороны (ЭКА), Греческой армии (ЭС).

2 мая 1943 года было образовано главное командование ЭЛАС. Командующим партизанскими силами был назначен С. Сарафис, его первым заместителем — А. Велухиотис, комиссаром — В. Самариниотис (позднее эту должность получил первый секретарь ЦК КПГ Г. Сяндос).

27 мая представитель ВСА обратился к командующему Сарафису с просьбой провести силами ЭЛАС ряд операций против немецко-итальянских войск с тем, чтобы отвлечь внимание гитлеровцев от готовящейся высадки англо-американских войск в Сицилии. Отряды ЭЛАС успешно выполнили эту задачу. Операции начались в ночь с 20 на 21 июня 1943 года. Партизаны совершали нападения на моторизованные колонны, поезда, железнодорожные станции, гарнизоны противника, разрушали линии связи, минировали мосты, железнодорожное полотно, станционное оборудование, склады с боеприпасами. Многие объекты минировались минами замедленного действия, что вызвало замешательство в рядах врага. Немецко-итальянские оккупанты понесли значительные потери и, опасаясь высадки союзников на побережье Греции, были вынуждены перебросить сюда три немецкие дивизии, предназначенные для отправки в Италию. Командующий сухопутными союзными войсками на Ближнем Востоке генерал Г. Вильсон дал высокую оценку операциям отрядов ЭЛАС:

«Благодаря блестящим операциям греческих партизан, внимание держав оси было отвлечено от продвижения крупных транспортов и концентрации войск, предназначенных для операции на Средиземном море»¹⁰.

Отметил успехи греческих партизан и английский премьер-министр У. Черчилль:

«Одновременно греческие агенты проводили блестящие и смелые диверсионные операции против судов стран оси, стоявших в Пирее. Успех этих операций побудил ближневосточное командование послать в Грецию новые английские группы с запасами взрывчатых веществ и оружия»¹¹.

5 июля 1943 года ВСА, ЭЛАС и две буржуазные военные организации ЭДЭС и созданное в этом месяце Национальное и социалистическое освобождение (ЭККА) — заключили между

собой соглашение, признающее, как ЭЛАС, так и обе буржуазные военные организации частями союзнической армии.

За день до подписания соглашения король Георг II обратился к греческому народу по радио с заявлением, в котором обещал после освобождения Греции и своего возвращения в страну провести всеобщие выборы. Он указал, что «греческое правительство, находящиеся за границей, уйдет в отставку по возвращении в Афины, чтобы можно было создать правительство, опирающееся на широкую базу»¹². Заявление Георга II положило начало распрям и борьбе за власть между греческими политическими группировками. «К выгоде общего врага», — как отметил У. Черчилль¹³.

В августе английские правящие круги пригласили в Египет представителей ЭАМ—ЭЛАС и буржуазно-монархических партий для обсуждения греческих проблем. На переговорах греческие представители, прежде всего от коалиции ЭАМ, требовали от Георга II гарантий в том, что после изгнания оккупантов он не вернется в Грецию, пока народ не решит вопрос о форме правления. Оскорбленный монарх немедленно обратился с письмом к У. Черчиллю и Ф. Д. Рузвельту. В своем послании Георг II, в частности, писал:

«Сейчас я внезапно столкнулся с весьма любопытным предложением, когда из Греции прибыли некоторые личности, якобы представляющие различные партизанские отряды; кроме того, приехал представитель ряда старых политических партий, настаивающих, чтобы я объявил о том, что вернусь только после плебисцита, который определит форму будущего режима. В этих обстоятельствах я был бы весьма благодарен вам за совет по поводу политики, которая является в данный момент наилучшей с точки зрения дела Греции и Объединенных Наций»¹⁴.

Ответ У. Черчилля, которого связывали с греческим монархом особые обязательства как с главой государства, сражавшегося в качестве англо-американского союзника с общим врагом, был следующим:

«Если значительные английские силы примут участие в освобождении Греции, король должен вернуться вместе с англо-греческой армией. Это, пожалуй, наиболее вероятная возможность. Если же, однако, греки окажутся, достаточно сильны, чтобы самостоятельно выгнать немцев, у нас будет значительно меньше права голоса в этом вопросе. Отсюда следует, что король должен требовать для монархистов равного представительства с республиканцами, как это сейчас предполагается. Во всяком случае, он совершил бы большую ошибку, если бы каким-либо образом выразил свое согласие остаться за пределами Греции, пока продолжаются бои за освобождение и пока условия исключают возможность проведения плебисцита в мирной обстановке»¹⁵.

Между тем к осени 1943 года подавляющее большинство взрослого населения Греции — порядка 2 млн человек — поддерживали коалицию ЭАМ, а партизанские отряды ЭЛАС превратилась в регулярную армию, состоящую из 1-й, 3-й, 8-й, 9-й, 10-й, 13-й дивизий и кавалерийской бригады, общей численностью 35—40 тыс. бойцов. Было организовано также офицерское училище резерва ЭЛАС. Кроме того, после капитуляции в сентябре 1943 года Италии и разоружения итальянских войск в Греции ЭЛАС сумела захватить основную часть итальянского снаряжения, включая вооружение целой дивизии. В то же время военные формирования ЭДЭС и ЭККА имели в своих рядах не более 3—5 тыс. человек¹⁶.

Столь значительные изменения в соотношении политических и военных сил не устраивали греческое эмигрантское правительство и правящие круги Англии, прежде всего реальной опасностью коммунистического переворота после изгнания немцев.

23 сентября 1943 года У. Черчилль писал министру иностранных дел генералу Исмею:

«В случае эвакуации немцами Греции мы обязательно должны быть в состоянии направить в Афины 5 тысяч английских солдат с бронемашинами и бреновскими самоходками: транспорт и артиллерия не нужны. Греческие войска в Египте будут их сопровождать. Их задача будет заключаться в оказании в этом центре страны поддержки восстановленному у власти законному правительству Греции. Греки не будут знать, сколько еще войск последует за ними. Возможно, что между греческими партизанскими отрядами разгорится кое-какая грызня, однако англичанам будут выказывать всяческое уважение, в особенности потому, что спасение страны от голода зависит целиком от наших усилий в первые месяцы после освобождения. При формировании этих войск следует исходить из того расчета, что им не придется иметь дело с чем-либо более серьезным, чем бунт в столице или набег на столицу из деревень. Как только будет создано устойчивое правительство, мы сможем уйти»¹⁷.

По воспоминаниям Черчилля, это письмо стало одним из первых признаний о том, что англичанам придется вмешаться во внутренние дела Греции в момент изгнания немцев¹⁸.

Осенью этого же года на Московском совещании Черчилль «добился большой ценой» принятия решения о том, что Греция отойдет в английскую сферу влияния¹⁹. При этом особо оговаривалось, что англичане обязуются поддерживать временное правительство, в котором будет представлен ЭАМ.

В октябре 1943 года борьба за власть между греческими политическими группировками, вылилась в вооруженные столкновения между войсками ЭЛАС и ЭДЭС—ЭККА. 10 октября в

Эпире отряды ЭДЭС спровоцировали серьезные инциденты против частей 8-й дивизии ЭЛАС. В стране назревала гражданская война. Однако 28 февраля 1944 года между противоборствующими группировками, при посредничестве Союзной военной миссии (СВМ) (бывшая Английская военная миссия, преобразованная в 1943 году в «союзную»), было заключено соглашение о прекращении огня.

10 марта КПГ и ЭАМ сформировали Политический комитет национального освобождения (ПЕЕА), на который возлагались функции временного правительства. В состав комитета вошли социалист А. Сволос (председатель), левые либералы Н. Аскуцис, А. Ангелопулос, С. Хадзибеис, коммунист Г. Сяндос, полковники Е. Бакирдзис, Э. Мандакас и другие. 15 марта ПЕЕА известил эмигрантское правительство в Каире о своем создании, подчеркнув, что «его целью является объединение национальных сил для координации национально-освободительной борьбы на стороне союзников и в первую очередь сформирование правительства общенационального единства»²⁰.

Тем не менее, по настоянию Георга II эмигрантское правительство не только не откликнулось на обращение ПЕЕА, но и скрыло факт его формирования.

Создание комитета, по мнению Черчилля, было прямым вызовом будущей власти эмигрантского правительства Э. Цудероса. Объявление об учреждении ПЕЕА вызвало волнения в греческих сухопутных и военно-морских силах, входящих в состав английских вооруженных сил на Ближнем Востоке. К этому времени в греческих военных формированиях числилось 30 тыс. человек, из которых 18 тыс. служили в пехотных частях, 7 тыс. — во флоте и 5 тыс. — в авиации. При этом 90—95 процентов военнослужащих являлись сторонниками ЭАМ—ЭЛАС.

Как считает историк Г. Д. Кирьякидис, объединения левых сил греческой эмиграции с местной прокоммунистической коалицией больше всего опасался Георг II, «его правительство и их английские покровители»²¹. Правда, начавшиеся выступления греческих военных в поддержку ПЕЕА были достаточно быстро подавлены англичанами. Разоружению и расформированию подверглись 1-я и 2-я бригады, полк полевой артиллерии, полк бронемашин, дивизион зенитной артиллерии, дивизион противотанковой артиллерии, транспортные подразделения, все учебные центры и военно-морской флот. При разоружении произошли вооруженные стычки между греческими и английскими частями, с потерями убитыми и ранеными с обеих сторон. Зачинщики выступлений в поддержку ПЕЕА были арестованы. Порядка 20 тыс. бывших греческих военнослужащих англичанами заключили в концлагеря.

26 апреля в Каире появилось новое эмигрантское правительство во главе с Г. Папандреу (Э. Цудерос подал в отставку 6 апреля). Только после этого были начаты переговоры с ПЕЕА о создании правительства национального единства.

По инициативе английского правительства с 17 по 20 мая в районе Бейрута состоялись переговоры делегаций эмигрантского правительства, ПЕЕА, ЭАМ, КПГ, ЭДЭС—ЭККА и ряда буржуазных партий. После острых дискуссий было подписано так называемое Ливанское соглашение, основными пунктами которого были следующие: осуждение выступления вооруженных сил на Ближнем Востоке на стороне ПЕЕА; предоставление правительству и английскому командованию полной инициативы в урегулировании главного вопроса — судьбы вооруженных сил, в основном ЭЛАС; освобождение страны совместными действиями с союзными войсками; предоставление коалиционному правительству право решить по собственному усмотрению конституционный и династический вопросы²². Более того, делегации ПЕЕА, ЭАМ и КПГ согласились на получение всего 25 процентов второстепенных портфелей в кабинете министров правительства национального единства.

Летом 1944 года ЦК КПГ принял решение о широкой мобилизации патриотических сил страны на борьбу с немецкими оккупантами. К этому времени в состав партизанских сил входили: 1-я дивизия Фессалии, 8-я дивизия Эпира, 9-я дивизия Западной Македонии, 10-я дивизия Центральной Македонии, 13-я дивизия Румели, 16-я дивизия Восточной Фессалии, 3-я дивизия Пелопоннеса, 5-я дивизия Крита, 5-я бригада Аттики—Беотии, кавалерийский полк, части Восточной Македонии и части островов. Кроме этих войск, партизаны имели 1-й армейский корпус численностью до 10 тыс. человек, но располагающий всего двумя тысячами единиц оружия, а также части резерва. Всего ЭЛАС насчитывала порядка 50 тыс. человек, контролируя большую часть материковой Греции.

В период со 2 по 22 июля и с 7 августа до конца августа 1944 года немецкое командование предприняло против партизан несколько крупных карательных операций в Северном Пинде и в западных районах Центральной Греции. Немецкие войска были усилены 1-й дивизией альпийских стрелков «Эдельвейс», специально обученными для борьбы с партизанами в горной местности.

Во время карательной операции в июле части ЭЛАС нанесли мощный удар по гитлеровскому гарнизону в городе Амфилохии. Командование 8-й партизанской дивизии, воспользовавшись уменьшением сил противника в районе Эпира и на западе Центральной Греции, откуда часть немецких подразделений была переброшена для участия в операции в Северном Пинде, приняло решение о захвате Амфилохии. 12—13 июля, надежно

блокировав Амфилохию, ЭЛАС бросила против немецкого гарнизона свои главные силы. После ожесточенных уличных боев партизаны заняли город. В ходе этой операции 450 гитлеровцев было убито, 37 захвачено в плен. В качестве трофеев партизаны захватили три автомобиля, радиопередатчик, стрелковое оружие, 5000 мин, большое количество боеприпасов, обмундирование, продовольствие, а также 38 лошадей и 70 мулов. Потери 8-й дивизии составили 42 человека убитыми и 54 ранеными. Цель операции была выполнена полностью.

В конце августа английским генеральным штабом был разработан подробный план высадки экспедиционных войск в Греции. Планом операции, под кодовым названием «Манна», предусматривалось внезапное занятие Афин и их аэродрома с помощью воздушного десанта, захват гавани Пирея для доставки новых подкреплений из Египта и срочное прибытие в Грецию правительства Г. Папандреу. К операции привлекалась 2-я парашютная бригада из Италии, 23-я бронетанковая бригада, действовавшая в качестве пехоты, тыловые части и греческие войска, верные правительству Папандреу. Общая численность войск составляла 23 тыс. человек. Командование экспедиционными силами осуществлял генерал Р. Скоби. Поддержку экспедиции обеспечивала 15-я крейсерская эскадра с флотилией минных тральщиков, а также 7 англо-греческих авиаэскадрильей и американская транспортная авиация.

«Желательнее всего, чтобы удар был нанесен, как гром с ясного неба, без какого-либо предварительного кризиса. Это лучшее средство предвосхитить ЭАМ», — указывал Черчилль в период разработки операции «Манна»²³.

26 сентября в Италии, где к этому времени находилось правительство Папандреу, состоялась встреча представителей ЭЛАС и ЭДЭС—ЭККА. На встрече было подписано соглашение, согласно которому главнокомандующим всеми греческими вооруженными силами, в том числе и ЭЛАС, назначался английский генерал Скоби. Этот документ, известный под названием Казертинского соглашения, определял, по словам Черчилля, дальнейшие действия англичан в Греции.

В октябре 1944 года немецкое командование отдало приказ об отступлении своих войск из Греции. 4 октября англичане заняли город Патрас, расположенный в Южной Греции. 12 октября английские парашютисты высадились на столичном аэродроме Мегара близ Афин. 15 октября они заняли сам город. В порт Пирей вступили английские военно-морские силы, доставив генерала Скоби и основную часть его экспедиционных сил. 17 октября в Афины прибыло правительство Г. Папандреу.

К 10-м числам ноября 1944 года вся территория Греции была полностью очищена от немецких захватчиков.

Отряды ЭЛАС также активно участвовали в изгнании оккупантов, нанося им чувствительные удары. Так, например, 3—4 октября партизаны пустили под откос вблизи Курновоса и Стирфаки два немецких эшелона, перевозившие войска и боевую технику. 24 октября части ЭЛАС уничтожили 20 немецких автомашин на мосту через реку Альякмон. «Во время отступления немцы понесли серьезные потери от налетов партизан и действий авиации союзников. Около 5 тыс. человек были убиты, примерно столько же ранено и взято в плен. Кроме того, партизаны уничтожили и захватили до 100 паровозов и свыше 500 автомашин с оружием и боеприпасами. Противник вывел свои основные силы из Греции, но при этом понес значительные людские и материальные потери», — пишет военный историк Д. Эрман²⁴.

В ноябре в экстренном сообщении командующего ЭЛАС генерала Э. Сарафиса, в частности, говорилось:

«Противник под давлением наших войск и неотступно преследуемый нами, покинул греческую территорию. Многолетняя и кровопролитная борьба ЭЛАС увенчалась полным освобождением нашей родины»²⁵.

С начала военных действий и до момента изгнания оккупантов ЭЛАС сковывала на территории Греции от 8 до 12 дивизий противника и нанесла ему значительные потери, которые, по неполным данным, превышали 22 тыс. человек убитыми. Партизанами было захвачено в плен 6500 немецких военнослужащих.

Собственные потери ЭЛАС исчислялись в 28 тыс. человек убитыми в боях. Еще 50 тыс. человек, имевшие отношение к партизанам, было казнено оккупантами и их пособниками.

Численность ЭЛАС в период изгнания захватчиков превышала 130 тыс. человек, из которых 80 тыс. были бойцами регулярных отрядов. Кроме того, в момент освобождения страны 412 тыс. человек состояли в рядах КПГ.

Между тем в Греции складывалась достаточно напряженная обстановка.

Сразу же после изгнания немцев Г. Папандреу потребовал роспуска ЭЛАС. Это же требование высказал, и генерал Р. Скоби во время встречи с генералом Э. Сарафисом. При этом английские военные власти приняли меры для сохранения «охранных батальонов» и других отрядов, воевавших на стороне немцев. Под надзором английских солдат эти формирования были сосредоточены в районе Афин и на островах у восточного побережья Пелопонесса, где они находились в хороших условиях и могли поддерживать свою боеспособность. Вскоре личный состав «охранных батальонов» тайно перевезли с островов в Афины и разместили в казармах Гуди. Англичане также искали по всей стране офицеров и рядовых жандармерии, направляли в столицу в казармы Макриянниса, где формировали их в батальоны и вооружали. Кроме того, во многих гос-

тиницах вокруг площади Омония, занимавших господствующее положение в районе центральных улиц Афин, расположились «охранные батальоны» и другие отряды из бывших гитлеровских пособников.

Командованием ЭЛАС требование правительства о роспуске было решительно отвергнуто. В стране начались выступления возмущенных сторонников ЭЛАС, которые протестовали против правительства Папандреу и присутствия в стране английских войск.

7 ноября 1944 года У. Черчилль писал министру иностранных дел А. Идену:

«1. По моему мнению, учитывая цену, которую мы заплатили России за нашу свободу действий в Греции, мы должны, не колеблясь, использовать английские войска для поддержки греческого королевского правительства, возглавляемого г-ном Папандреу.

2. Это означает, что английские войска должны, безусловно, вмешаться, чтобы предотвратить бесчинства. Г-н Папандреу, несомненно, может закрыть газеты ЭМА, если они будут призывать к забастовке газетных работников.

3. Я надеюсь, что греческая бригада скоро прибудет и в случае необходимости, не колеблясь, будет открывать огонь. Почему туда (в Грецию — Авт.) посылают только одну индийскую бригаду из состава индийской дивизии? Нам нужно еще 8—10 тысяч солдат-пехотинцев, чтобы удержать столицу и Салоники для нынешнего правительства. Позже мы должны заняться вопросом о расширении греческой власти. Я вполне ожидаю столкновения с ЭАМ, и мы не должны уклоняться от него, если только почва будет правильно выбрана»²⁶.

На следующий день Черчилль обратился с письмом к генералу Вильсону:

«Ввиду усиливающейся угрозы со стороны коммунистических элементов в Греции и в связи с тем, что они намереваются силой захватить власть, я надеюсь, что вы рассмотрите вопрос об усилении наших войск в районе Афин путем немедленной отправки 3-й бригады английской 4-й дивизии или какого-либо другого соединения»²⁷.

15 ноября генерал Скоби получил инструкции быть готовым к противодействию «коммунистическим элементам». В случае необходимости он должен был объявить Афины военной зоной и потребовать от всех частей ЭЛАС немедленно покинуть город. Из Италии в Салоники, Афины и Патрас были спешно переброшены 3-я греческая горная бригада и 4-я индийская дивизия. Правительством Папандреу и англичанами были приняты необходимые меры для создания и оснащения «охранных батальонов» численностью 500 человек в каждом. Всего было создано 30 таких батальонов²⁸. В начале декабря в Греции высадился 3-й

английский армейский корпус в составе 2-й индийской дивизии, 23-й бронетанковой бригады и 5-й пехотной бригады.

1 декабря 1944 года шесть министров, представляющие ПЕЕА, вышли из состава правительства Папандреу. Оставшиеся члены кабинета приняли решение о роспуске всех партизанских отрядов, прежде всего ЭЛАС.

2 декабря в Афинах была объявлена всеобщая забастовка. Штаб-квартира КПГ переехала из столицы в другое место.

Генерал Скоби обратился к греческому народу с посланием, в котором заявил, что решительно поддержит нынешнее правительство, «пока не будет создано греческое государство, располагающее на законной основе вооруженными силами, и пока нельзя будет провести свободные выборы»²⁹. Из Лондона с аналогичным заявлением выступил и У. Черчилль.

3 декабря на улицы Афин и Пирея в знак протеста против произвола английских военных властей вышло до 500 тыс. жителей. В Афинах между полицией и демонстрацией коммунистов произошло кровавое столкновение. Очевидец писал:

«Полиция наносила удары из дворца. Поскольку я не верил и даже не мог предположить, что полиция с таким хладнокровием может убивать безоружный народ, мне хотелось думать, что огонь велся холостыми патронами. В тридцати шагах от того места, где мы стояли, я увидел поднимающуюся голову человека, сдавленно кричавшего: "Помогите!". Изо рта у него лилась кровь. Рядом с ним рвались гранаты... Когда смолкла пальба, я понял, насколько настоящими были пули»³⁰.

Этот инцидент фактически стал началом гражданской войны. «Ставки в развернувшейся борьбе были более чем высоки. Для коммунистов речь шла не только о политическом, но и физическом выживании. Для англичан под вопросом оказалось их влияние на всем балканском регионе», — пишут отечественные историки С. Лавренев и И. Попов³¹.

4 декабря генерал Скоби приказал ЭЛАС немедленно покинуть район Афин — Пирея и в течение 72 часов переместиться за линию Элефсис — Кифисья — Коропи. В противном случае он обещал навести порядок железной рукой. Незадолго до предъявления ультиматума английские войска разоружили в Психико один из полков 2-й дивизии ЭЛАС. В ответ на приказ генерала войска ЭЛАС и вооруженные группы горожан предприняли попытку силой захватить столицу.

Первоначально англичанам и их союзникам в городе противостояли части 1-го армейского корпуса Афин — Пирея и группы вооруженных горожан, сторонников ЭАМ—ЭЛАС. Во время боев в Афины прибыли 13-я дивизия Центральной Греции и четыре батальона 8-й дивизии Пелопоннеса.

«Узнав, что коммунисты уже захватили все полицейские участки в Афинах и убили большинство оказавшихся там людей,

не согласившихся их поддержать, и что коммунисты находятся на расстоянии полумили от правительственных учреждений, я приказал генералу Скоби и английским войскам, насчитывающим пять тысяч человек (...) открыть огонь», — вспоминал У. Черчилль³².

Против отрядов ЭЛАС действовали части английского гарнизона и войска верные правительству Папандреу, численностью приблизительно 11 тыс. человек — Горная бригада, Священная рота, «охранные батальоны», жандармы и часть личного состава полиции. Вскоре после начала боев англичане получили подкрепления — 5-ю дивизию и 2-ю бригаду 6-й пехотной дивизии.

В общей сложности силы генерала Скоби в Афинах-Пирее насчитывали 26 тыс. англичан и 11 тыс. греков. На остальной территории Греции находилось 7 тыс. английских военнослужащих и 11 тыс. бойцов из ЭДЭС—ЭККА, «охранных батальонов» и других правительственных формирований.

Численность войск ЭЛАС составляла в этот период 90 тыс. солдат и приблизительно 50 тыс. резервистов. Части ЭЛАС дислоцировались в основном так, как и во время гитлеровской оккупации.

В столице Греции велись ожесточенные уличные бои. 8 декабря генерал Скоби докладывал премьеру Черчиллю о масштабах боевых действий:

«Усиление деятельности повстанцев и повсеместная стрельба из-за угла не позволяла достичь больших результатов в боях, которые продолжались вчера весь день. К середине дня общее число взятых войсками под стражу повстанцев составляло 35 офицеров и 524 других чина. В эту цифру не входят лица, задержанные полицией, так как в этом отношении от них трудно получить точные данные.

23-я бригада, которая в течение второй половины дня веда операцию по очищению каждого дома, добилась некоторых успехов. Парашютная бригада очистила новый район в центре города.

С английского военного корабля "Орион" пришлось высадить подкрепления морской пехоты для борьбы с многочисленными снайперами из повстанцев, проникшими в район южнее Порто-Леонто и действовавшими против здания военно-морского ведомства в Пире. Ввиду сильного сопротивления наши войска были вынуждены отступить в одном районе.

В районе, который очищается греческой горной бригадой, повстанцы предприняли атаку с фланга. Атака была отбита, но задержала продвижение бригады»³³.

В результате ожесточенных боев части ЭЛАС очистили от противника большинство городских районов. Они заняли сильно укрепленные здания Политехнического института и

Вастилес — комплекс зданий главной асфалии и ее специальной службы. Бойцы ЭЛАС блокировали казармы Гуди и Мак—
рианниса, где были сосредоточены части «охранных батальо—
нов» и жандармерии. Эласиты захватили комплекс зданий об—
щевойскового училища, прорвались в казармы 25-й англий—
ской бригады, где уничтожили все тяжелое вооружение и взя—
ли в плен 100 английских солдат.

К 10 декабря положение английских войск и правительствен—
ных частей в Афинах стало критическим. Они держали оборо—
ну в центре города, практически в осаде. У английских частей
ведущих тяжелые уличные бои оставался шестидневный запас
продовольствия и трехдневный запас боезапасов. Английский
фельдмаршал Г. Р. Александер, прибывший в город 11 декабря,
доносил в Лондон, что «положение в Афинах гораздо хуже, чем
он предполагал перед своим отъездом из Италии»³⁴.

На помощь английским войскам в Грецию были направлены
значительные подкрепления. Для их быстрейшей переброски
американское командование выделило англичанам 100 транспор—
тных самолетов. Бои вспыхнули с удвоенной силой. 18 декабря
бойцы ЭЛАС атаковали и заняли укрепленные гостиницы «Се—
сил Паллас» и «Апреги», где было захвачено в плен 600 военнос—
лужащих английских ВВС. В ночь с 18 на 19 декабря, после тяже—
лых двухдневных боев, отряды ЭЛАС полностью овладели укреп—
ленным комплексом тюрьмы Авероф. Попытка англичан вернуть
утраченные позиции были отбиты. Английские войска при под—
держке авиации и артиллерии наносили бойцам ЭЛАС ощути—
мые потери, но разгромить их полностью не могли.

21 декабря Г. Р. Александер докладывал Черчиллю:

«Исходя из предположения, что ЭЛАС будет продолжать сра—
жаться, я считаю, что можно будет очистить район Афины,
Пирей и прочно удерживать его, но тем самым мы еще не нане—
сем поражения ЭЛАС и не заставим ее капитулировать. Мы не—
достаточно сильны, чтобы пойти дальше этого и предпринять
операции в континентальной Греции. В период германской ок—
купации немцы держали в континентальной части страны
шесть-семь дивизий и, кроме того, войска на греческих остро—
вах, равноценные четырем дивизиям. При всем этом они не
могли постоянно обеспечивать себе бесперебойные коммуни—
кации, а я сомневаюсь в том, что нам будут противостоять мень—
шие силы и меньшая решимость, чем немцам»³⁵.

25 декабря премьер У. Черчилль и министр иностранных дел
А. Иден прибыли в Афины. Они пытались отыскать возмож—
ность компромисса между противоборствующими сторонами.
26—27 декабря состоялась созванная ими конференция пред—
ставителей правительства Папандреу и ЭАМ-ЭЛАМ. Выступая
перед ее участниками, Черчилль заявил, что «пушки будут гре—
меть, если не будет достигнуто соглашения»³⁶.

Однако достичь полного соглашения не удалось. Представители правительства отклонили достаточно умеренные требования ЭАМ—ЭЛАМ о предоставлении левым силам в правительстве национального единства 40—50% министерских портфелей. Но в вопросе назначения регентом страны архиепископа Дамаскиноса и новым премьер-министром генерала Н. Пластираса, обе стороны пришли к соглашению.

31 декабря состоялось назначение на регентство архиепископа. «Роль, которая предназначалась Дамаскиносу, — пишет историк Кирьякидис, — состояла в том, чтобы в условиях, когда подавляющее большинство греческого народа выступало против восстановления обанкротившийся монархии, временно создать видимость начала осуществления этих чаяний, а в действительности подготовить возвращение короля к власти»³⁷.

3 января 1945 года премьер Пластирас, известный, как противник монархии и ярый антикоммунист, сформировал правительство. В состав нового кабинета вошли умеренные либералы П. Ралис, И. Макропулос и др. В своем первом официальном заявлении Пластирас объявил, что «в его программу входит восстановление государственности путем организации порядка, наказание всех совершивших преступления в период оккупации, удовлетворение неотложных нужд населения, обеспечение продовольствием, восстановление коммуникаций, стабилизации валюты и оказание помощи трудящимся слоям населения»³⁸.

Между тем пока шли переговоры, англичане продолжали непрерывно перебрасывать в Грецию дополнительные силы. К началу января численность английской воинской группировки в районе Афин — Пирея достигла 60 тыс. человек, оснащенных самым современным вооружением. Вскоре английские войска и их греческие союзники, при поддержке 290 танков, авиации и артиллерии военных кораблей перешли в наступление в столичном районе Псири. Афины подверглись жестокой бомбардировке с самолетов «Спитфайр» и «Бофайтер» и интенсивному артиллерийскому обстрелу. 5 января отряды ЭЛАС были выбиты из района Афин — Пирея и отступили в горные районы страны. В ходе боев за столицу потери ЭЛАС составили около 1000 человек. Из мирных жителей было убито 4200 человек, ранено — 8500. В результате бомбардировок и артиллерийских обстрелов было разрушено 1800 зданий.

11 января между враждующими сторонами было подписано перемирие. Согласно этому документу под контролем ЭЛАС оставалось 2/3 территории страны, тогда как другие районы, в том числе Аттика с Афинами — Пиреем и город Салоники, находились под контролем англичан. Отрады ЭЛАС на Пелопоннесе получили право беспрепятственно разойтись по домам. Английские войска обязались прекратить огонь и оставаться на своих

позициях. Обе стороны дали согласие на обмен военнопленными. Эти договоренности вступили в силу 14 января 1945 года. В этот день один из лидеров КПГ Г. Сяндос сообщил коммунистическим партиям Болгарии и Югославии, с которыми у греческих коммунистов были тесные связи, что «из-за потерь со стороны сражающихся частей и задержек со снабжением мы вынуждены подписать невыгодное перемирие с тем, чтобы собрать подкрепление и достичь необходимого приемлемого политического решения»³⁹.

Так завершилась 33-дневная вооруженная борьба в Афинах между отрядами ЭЛАС, с одной стороны, и английскими войсками и их греческими союзниками — с другой. Однако если боевые действия прекратились в столице, то это совершенно не значило, что они прекратились по всей стране в целом. Напротив, начавшаяся гражданская война в Греции продолжалась, с каждым днем становясь, все более ожесточенной.

Бесцеремонное вмешательство Англии во внутренние дела Греции вызвало негативную реакцию в ведущих странах антигитлеровской коалиции. Подавляющая часть американской прессы резко осудила действия англичан, «утверждая, что они опорочили цель, ради которой американцы вступили в войну»⁴⁰. Даже английские «Таймс» и «Манчестер гардиан» осудили политику собственного правительства, назвав ее реакционной.

Между тем Советский Союз остался безучастным к греческим проблемам. «Сталин, однако, неукоснительно и лояльно придерживался нашего соглашения, достигнутого в октябре, и в течение всех этих долгих недель боев с коммунистами на улицах Афин от "Правды" и "Известий" не было слышно ни слова упрека», — свидетельствует генерал Р. Скоби⁴¹.

Позиция Советского Союза осталась неизменной и в начале 1945 года. 8 февраля на Крымской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании — И. Сталин, сославшись на свою якобы неосведомленность, поинтересовался у Черчилля о том, что происходит в Греции. Тот ответил, что ему «пришлось бы очень долго рассказывать о Греции, и он боится, что этот рассказ испортил бы вкус к предстоящему обеду у маршала Сталина»⁴². На другой день У. Черчилль в «Записке о Греции» довольно обтекаемо обрисовал ситуацию, заверив, что решение внутренних конфликтов в этой стране будет осуществляться мирными средствами⁴³.

И это когда греческий вооруженный конфликт, где активную роль играла местная коммунистическая партия, постоянно находился в центре внимания советского партийно-государственного руководства. Более того, осенью 1944 года руководители КПГ направили в Москву ряд конкретных вопросов:

«1) Насколько Советское правительство может использовать свое влияние для прекращения вмешательства англичан в по-

литическую жизнь и внутренние дела Греции. 2) Оказать военную помощь боеприпасами, продовольствием и оружием, а также и другими средствами борьбы. Нам раньше всего нужны патроны, питание, оружие, чтобы сформировать новые части. 3) Содействовать оказанию нам помощи со стороны наших братских соседних народов. Мы просим понять наше сложное и трудное положение. Вмешательство Англии грозит разгромом народного движения, представляющего одну из важнейших опор демократии на Балканах»⁴⁴.

Тем не менее, факт остается фактом: на данном этапе Греция стала разменной монетой между Лондоном и Москвой в столь щепетильном вопросе, как распределение сфер влияния в послевоенной Европе. Именно на это недвусмысленно намекал один из руководителей КПГ К. Карагеоргис в феврале 1945 года в своей статье «Греческая проблема на международном уровне» опубликованной в партийном журнале «Комунистики эпитаеориси»⁴⁵.

В своих подозрениях греческий коммунист не обманулся. Еще в ноябре 1944 года в аналитической записке «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества», подготовленной специальной комиссией заместителя наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова, указывалось:

«Единственное крупное противоречие в англо-американских отношениях, которое послевоенная эпоха унаследует от прошлого, может вытекать из соображений равновесия сил в Европе. Это противоречие может даже получить остроту в результате возросшей мощи СССР, который после поражения Германии, ослабления Франции и Италии окажется единственной могучей континентальной державой. Но именно вся острота данного вопроса должна с особой силой толкать Англию к соглашению с нами. Такое соглашение осуществимо лишь на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства. Своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию.

В английскую сферу безопасности могут быть включены Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция. Третью нейтральную сферу образуют Норвегия, Дания, Германия, Австрия и Италия»⁴⁶.

Более того, в сентябре 1944 года английский посол А. Кларк Керру получил официальное заявление советского руководства о том, что «оно не имеет возражений против отправки британских вооруженных сил в Грецию» и что «советское правительство не имеет намерения посылать свои войска в Грецию»⁴⁷.

Между тем гражданская война в Греции продолжалась. Против отрядов ЭЛАС действовали правительственные военные

формирования, объединившиеся в блок, известный под названием «Черный фронт». В него вошли отряды ЭДЭС, ЭККА, «охранные батальоны» под командованием С. Гонатаса, «Горная бригада», «Священная рота», а также вооруженные части офицерских организаций «САН», «РАН», «ИДЭА» и «Х». Отрядам «Черного фронта» явно и тайно оказывали поддержку английские войска.

И чем ожесточенней становилось военные действия на фронте, тем явственней проявлялись признаки раскола внутри коалиции ЭАМ. В 20-х числах января пять членов руководства Социалистической партии, и партии Народной демократии выступили за отказ от продолжения вооруженной борьбы и заявили о своем выходе из состава ЭАМ. В сложившихся условиях КПГ по настоянию Г. Сяндоса согласилась на прекращение боевых действий.

12 февраля 1945 года между представителями греческого правительства Пластираса, руководством КПГ и ЭАМ в городе Варкиза был заключен договор о перемирии. В соответствии с ним отряды ЭЛАС распускались. Однако радикальная коммунистическая группировка во главе с А. Велухиотиосом отказалась соблюдать договор, мотивируя свой отказ стремлением продолжить вооруженную борьбу до полной победы левых сил и неверием в соблюдение договора правительством Пластираса.

В свою очередь, Г. Сяндос, оценивая подписанный документ, в частности, заявил, что «мы надеемся, что греческий народ, таким образом, будет удовлетворен удачей при заключения договора, потому что открываются горизонты мирного возрождения, горизонты восстановления Греции, горизонты, которые приведут нас к прогрессу»⁴⁸. Таким образом, как пишет историк А. А. Улунян, Варкизский договор для КПГ был шансом «сохранить свои силы, чтобы в дальнейшем сгруппировавшись, использовать политические условия и усилить свое присутствие на политической сцене и претендовать если не на всю власть, то хотя бы на ее часть. (...) Англичане рассматривали Варкизское соглашение как переломный момент в борьбе против усиления коммунистических сил в регионе и потенциальной возможности расширения влияния СССР на полуострове. Правительство Пластираса надеялось⁴⁹, заручившись поддержкой Лондона, усилить свои позиции».

Заключение Варкизского договора на некоторое время позволило «заморозить» военно-политическую ситуацию в Греции, но как оказалось не надолго.

В апреле 1945 года с поста премьера был вынужден уйти в отставку генерал Пластирас, оказавшийся в центре скандала, связанного с его недостойным поведением во время оккупации страны гитлеровцами. На смену оскандалившемуся генералу пришел правый консерватор Н. Вулгарис.

5 апреля в Афинах собрался XI пленум ЦК КЛГ, на котором были сделаны выводы и оценки деятельности партии в послеполитический период, обсуждались формы политической борьбы и перспективы дальнейшей партийной работы.

В целом политическая линия и тактика КЛГ были признаны верной. Крупными ошибками, допущенными партией, пленум назвал подписание Ливанского договора и Казертского соглашения. Критики Варкизского договора на пленуме не прозвучало. Относительно этого документа, ограничились замечанием, что его можно было заключить на более выгодных условиях. Политическая обстановка в Греции была признана крайне неблагоприятной. В связи с этим деятельность партии требовала очевидных изменений, как для сохранения своих рядов перед решающими боями, так и для более глубокого проникновения во все поры общества. Хотя пленум ЦК КЛГ не решил многих важных вопросов, «сам факт его созыва и намеченные мероприятия показали способность партии успешно совершить отступательный маневр и, постепенно собравшись с силами, перейти к активным действиям»⁵⁰.

24 апреля произошла реорганизация ЭАМ (при сохранении прежнего названия) в партийную коалицию, состоящую из КЛГ, Аграрной партии, Демократической радикальной партии, Социалистической партии, Демократического союза и Единой социалистической партии.

В мае 1945 года гитлеровская Германия капитулировала. Война в Европе окончилась. В странах прежних антигитлеровских союзников начались первые трения и разногласия, обернувшиеся вскоре открытым противостоянием.

29 мая в Грецию вернулся Генеральный секретарь ЦК КЛГ Н. Захариадис или, как его называли «Неистовый Никос», несколько лет, находившийся в концлагере Дахау

Стоит немного подробнее остановиться на судьбе этого незаурядного человека. Родился Захариадис в 1903 году в малоазиатском селе Никомидия, что на территории Турции, в зажиточной семье греческого коммивояжера. Судьбу Никоса определил 1917 год. Октябрьская революция в России произвела на него потрясающее, неизгладимое впечатление. Молодой человек насквозь проникся революционными идеями. Он принимал участие в греко-турецкой войне 1920—1922 годов на стороне революционного режима Кемаля Ататюрка, поскольку считал Грецию орудием империалистических держав. А вскоре Никос оказался в первом мире государстве рабочих и крестьян. В Советском Союзе он вступил в ряды РКП(б), Коминтерна и поступил в Коммунистический университет трудящихся Востока. Учился Захариадис с огромным энтузиазмом. Некоторым преподавателям приходилось даже несколько остужать его пыл, требуя, чтобы греческий студент отдыхал хотя

бы по воскресеньям. Единственное, что омрачало учебу Захариадиса, так это его неимоверная горячность. Случалось, что во время споров он, опровергая доводы оппонентов, особенно тех, которые нетвердо стояли на марксистско-ленинской платформе, пускал в ход кулаки.

В 1924 году Никос, в числе группы выпускников университета, был нелегально переправлен на территорию Греции. «Кутвидам», как называли посланцев социалистического государства, предстояло пресечь разброд и шатания в основанной в 1918 году Социалистической рабочей партии Греции (коммунистов). Однако полностью прекратить острую внутрипартийную борьбу им не удалось. Правда, осенью этого года, по инициативе «кутвидов», состоялся III чрезвычайный съезд партии, который переименовал ее в коммунистическую.

До конца 1920-х годов Н. Захариадис был секретарем федерации коммунистической молодежи Греции в Салониках. Энергичный, волевой вожак молодых коммунистов быстро завоевал себе авторитет в партии и выдвинулся в число ведущих партфункционеров.

В 1929 году Никос был отозван в Советский Союз и направлен на партийную учебу. Его преданность делу Ленина-Сталина, большевистская хватка, несомненные организаторские способности и знание нескольких иностранных языков, произвели самое благоприятное впечатление на советских наставников, среди которых было немало товарищей из спецслужб. Поэтому в 1931 году Исполком Коминтерна предложил утвердить 28-летнего Захариадиса на пост Генерального секретаря КПП.

В своем ставленнике Коминтерн не ошибся. Новый Генсек энергично пресек многолетнюю фракционную борьбу и восстановил в КПП большевистскую монолитность. Тех, кто протестовал против действий Генсека, изгоняли из партии. Достижения Захариадиса в организационной области были с одобрением и пониманием встречены в Коминтерне, поскольку греческую секцию этой организации давно уже раздражали внутрипартийные дразги в КПП. Ведь неслучайно, что самостоятельно выработанная греческой компартией в 1934 году антифашистская линия впоследствии органично вписалась в решения VII конгресса Коминтерна, что привлекло в ряды коммунистов широкий приток новых членов. Партийный авторитет и влияние Захариадиса были необычайно высоки.

КПП была на подъеме, когда в августе 1936 года генерал И. Метаксас взял власть в свои руки, установив в Греции фашистский режим. Почти все активисты партии были либо арестованы, либо сосланы, тысячи коммунистов были принуждены подписать «заявления о раскаянии», где они отрекались от коммунистических идеалов, обязательно указывая, что отныне плюют на все идеи Маркса и Ленина. В сентябре 1936 года службой

безопасности был арестован Н. Захариадис и брошен в тюрьму на острове Керкира. В заключении «Неистовый Никос» остался верен своим убеждениям. Все попытки министра безопасности Греции К. Маньядакиса склонить его к отречению от коммунистических идеалов окончились провалом.

После нападения фашистской Италии на Грецию осенью 1940 года, Захариадис из тюрьмы обратился с открытым письмом к членам партии. В нем он призвал коммунистов «встать в ряды защитников родины, превратив каждую скалу, каждый дом в крепость национально-освободительной борьбы»⁵¹. На пламенный призыв откликнулись тысячи членов КПГ «Против итальянского фашизма с большой ненавистью воюют коммунисты», — признал министр госбезопасности К. Маньядакис⁵². Греческая армия, оправившись от неожиданности удара, перешла в наступление и перенесла боевые действия в Албанию, оккупированную итальянскими войсками, с территории которой Муссолини и начал вторжение в Грецию.

В апреле 1941 года германская армия, сломив сопротивление греко-английских войск, оккупировала страну. Захариадис попал в руки гитлеровцев. Вначале его отправили в венскую тюрьму, а затем перевели в концлагерь Дахау. Когда Никоса увозили в Вену, взглянуть на именитого узника пожелал специальный уполномоченный третьего рейха по Греции Альтенбург.

Заключение в Дахау оказалось для Захариадиса, человека деятельного и кипучего, трудным испытанием. Он тяжело переживал свое вынужденное бездействие. Тем более что в отличие от других заключенных, Захариадис благодаря знанию немецкого языка, использовался лагерной администрацией в качестве переводчика, а потому имел определенную свободу передвижения вне лагеря. Летом 1944 года Захариадис сумел переправить из плена записку в КПГ, в которой ставил вопрос об организации его побега из лагеря. По свидетельству видного члена партии Я. Иоаннидиса, о неожиданной просьбе Генсека было доложено главе советской военной делегации полковнику Попову, находившемуся в это время в штабе ЭЛАС. Однако Попов ушел от прямого ответа о содействии советской стороны в побеге. «Мы позаботимся», — уклончиво ответил полковник. Тем не менее, побег Захариадиса не состоялся. Долгожданная свобода пришла к нему в виде американских войск, освободивших узников Дахау весной 1945 года.

Вернувшись в Грецию Никос Захариадис нашел, что дела в КПГ за время его отсутствия пришли в удручающее состояние. Атмосфера в руководящих партийных органах и среди многих членов партии, как позже вспоминал сам Генсек, характеризовалась духом «полной самоудовлетворенности», а Варкизский договор рассматривался как крупное достижение. Однако, не

желая накалять партийную обстановку, Захариадис переговорил о замеченном беспорядке с рядом проверенных, старых соратников. В разговоре с ними Генсека прямо-таки трясло от ярости, и он ругал последними словами членов Политбюро Г. Сяндоса, Н. Плумбидиса, Х. Хадживасилиу и многих других, обвиняя их в позерстве, чванстве, бестолковщине, трусости и даже ренегатстве.

Кроме того, группировкой непримиримого А. Велухиотиса возвращение Н. Захариадиса было воспринято с надеждой на радикализацию политической линии партии.

Еще во время работы XI пленума партии, Велухиотис обратился в Политбюро с предложением о создании Фронта национальной независимости и боевых Групп национальной независимости (МЕА). «Первостепенное значение имеет национальная борьба, независимость страны. Чтобы убраться иностранцы и, чтобы народу была предоставлена возможность, решать и определять форму государственного устройства. В соответствии с этой линией призываем народ в общий Фронт национальной независимости», — писал яростный революционер в своей записке в Политбюро⁵³.

Предложение А. Велухиотиса сильно озадачило и даже напугало членов Политбюро. Делегация компартии во главе с Н. Плумбидисом встретила с Велухиотисом, одним из основателей ЭЛАС и предложила в обмен на отказ от дальнейшей вооруженной борьбы, организовать для него и бойцов группы МЕА переход в Албанию или Югославию. Велухиотис обещал подумать над предложением, поняв, что руководство КПГ против его предложения о создании Фронта национальной независимости и будет всячески препятствовать деятельности боевой группы. Теперь же, зная о решительном характере вернувшегося Генсека, Арис Велухиотис воспринял духом, надеясь встретить поддержку своих радикальных идей со стороны Н. Захариадиса.

Однако вернувшийся Генсек не спешил с принятием волевых решений. Долгое нахождение Захариадиса вне партии и страны, требовало хотя бы непродолжительного времени для более детального ознакомления с ситуацией как в КПГ, так и в Греции.

Между тем в стране с приходом к власти правительства Н. Вулгариса начались массовые репрессии против партийной коалиции ЭАМ, которые в отдельных случаях даже превзошли террор времен гитлеровской оккупации. Совместно с полицией и жандармерией в репрессиях принимали участие вооруженные формирования «Черного фронта». К примеру, в сельских районах Греции действовало до 150 подобных отрядов.

К лету 1945 года участились поджоги помещений левых организаций и типографий левых газет. Массовые аресты, из-

биения и убийства левых активистов стали повседневным явлением. Центральный орган ЭАМ газета «Элефтери Эллада» писала:

«Только за одну неделю (с 3 по 10 июня) было совершено 42 политических убийства и 382 избиения демократических граждан, 443 ареста, 17 налетов на учреждения ЭАМ и 19 облав. 35 человек было ранено и 13 "исчезло". Примерно такие же данные опубликованы и за предыдущую неделю»⁵⁴.

В тюрьмы были брошены 30 тыс. человек, в том числе 600 женщин и 350 подростков в возрасте от 14 до 16 лет. Причем, большинство арестованных даже не знали причину их заключения под стражу.

С конца июля по всей стране прокатилась мощная волна забастовок, митингов и демонстраций, организованных ЭАМ. Регенту и правительству протестующими были выдвинуты решительные требования о прекращении репрессий и выполнении условий Варкизского договора.

В то же время состоялся XII пленум ЦК КПГ. В резолюции пленума внутриполитическая ситуация в стране характеризовалась следующим образом: «Греция является единственной страной в Европе из лагеря победителей, где фашистские пособники вместе с оккупантами, изменниками и предателями, и далее уничтожают демократию»⁵⁵. Программа дальнейших действий излагалась так: «создать немедленно представительное правительство из всех партий, которые не сотрудничали с оккупантами и которые выступают против фашистских грабежей. Это правительство должно немедленно восстановить политические и профсоюзные свободы, демократический порядок и спокойствие. И через три, самое большее — через четыре месяца провести свободные несфальсифицированные выборы в Учредительное собрание»⁵⁶. Помимо этого на XII пленуме произошли кадровые перестановки в партийном руководстве. Из состава Политбюро были исключены некоторые из его членов, в частности, Я. Зевгос.

Одновременно КПГ проводила работу по созданию нелегального партийного аппарата и формированию собственных силовых структур — «Организаций массовой народной самозащиты». Заметим, что первые группы самозащиты появились еще в начале 1945 года. Так, например, в горах Западной Македонии против вооруженных отрядов правых, активно действовала боевая группа коммуниста Барутаса.

Греческим коммунистам в организации надежного подполья значительную помощь оказывали СССР и компартии Албании, Болгарии и Югославии. В самый короткий срок в Греции появился так называемый «оперативно-технический и политический пункт» под эгидой специального «Института-100», находящегося в ведении Отдела международной информации

ЦК ВКП(б). Кроме того, в страну нелегальным путем был переброшен крупный специалист по подпольной деятельности Н. Вавудис, ранее осуществлявший связи ЦК КПГ с болгарской компартией⁵⁷.

21 июля советская делегация на Берлинской конференции передала представителям западных держав меморандум правительства СССР, в котором указывалось, что в Греции, царит анархия и хаос и, предлагалось «рекомендовать греческому регенту немедленно принять меры к образованию демократического правительства в духе соглашения заключенного в Варкизе»⁵⁸.

В начале августа правительство Вулгариса было вынуждено уйти в отставку. Однако регент Дамаскинос тут же поручил экс-премьеру Вулгарису формирование «служебного» кабинета министров. Выборы коалиционного правительства в соответствии с Варкизским соглашением должны были состояться 20 января 1946 года (позже дату выборов перенесли на 31 марта).

Ситуация в Греции продолжала стремительно накаляться и складываться не в пользу политической оппозиции в лице ЭАМ и его главной политической силы — КПГ. К концу лета репрессии против левой оппозиции еще больше усилились. Открытый характер принял процесс превращения силовых структур страны в орудие террора. В Афинах, например, объединенные силы полиции и правительственных войск, неоднократно разгоняли мирные демонстрации, в которых участвовало множество инвалидов войны. При этом полицейские и солдаты жестоко избивали демонстрантов резиновыми дубинками.

2 октября 1945 года в столице Греции начал работу VII съезд КПГ, который рассмотрел внутри- и внешнеполитические проблемы, прежде всего ситуацию на Балканах. На съезде четко проявилась решимость Н. Захариадиса на вооруженный захват власти. Рассматривая пути установления народно-демократического строя, он раскритиковал позицию отдельных членов партии о возможности мирного прихода к власти. Захариадис заявил, что существует «только лишь возможность, но не действительность, потому что существовал и существует иностранный, английский, точнее сказать англо-саксонский фактор, превращающий действительность лишь в возможность мирного решения»⁵⁹. Помимо этого Генсек выразил свое мнение относительно всеобщих выборов, назначенных правительством на январь 1946 года. Он склонялся к неучастию в них, поскольку был твердо убежден, что и проведение выборов, и их результаты будут обязательно сфальсифицированы.

Ответом на съезд коммунистов стала мощная волна террора, прокатившаяся по стране. За пятнадцать дней октября было убито 11 человек, арестовано 1490, подвергнуто пыткам 480 человек и разгромлено 15 помещений ЭАМ. 20 октября в Лако-

нии отделение офицерской организации «Х» даже распространило следующее объявление:

«Всем лицам, принадлежащим к Коммунистической партии, строго запрещается ходить по улицам с 7 часов вечера до 6 часов утра. Кроме того, всем коммунистам запрещен въезд в г. Спарту без разрешения организации "Х". Лица, нарушившие это постановление, будут переданы в распоряжение соответствующих властей»⁶⁰.

Усиление террора в этот период отмечали и иностранные наблюдатели, в том числе и английские. По возвращении в Лондон, член английского парламента М. Эдельман, в частности, заявил:

«Страх является неотъемлемым элементом греческой жизни. Причина в том, что наше вмешательство пошло на пользу крайне правым. Не приходится удивляться, что тысячи сторонников ЭАМ, спасаясь от мести и тюремного заключения без суда, прячутся в горах. 17 тысяч заключенных находятся в тюрьмах и 50 тысяч ордеров на арест имеется в руках полиции»⁶¹.

В ноябре 1945 года к власти в Греции пришло правительство либерала Ф. Софулиса. Правда, на обстановку в стране это сильно не повлияло. Она по-прежнему оставалась взрывоопасной.

Действительность потребовала от КПГ определенных мер, характер которых во многом мог зависеть от взглядов советского правительства на дальнейшее развитие геополитической ситуации, как на Балканах, так и в целом в мире.

В начале 1946 года в Москву прибыл Генеральный секретарь ЦК ЭАМ, член Политбюро, секретарь ЦК КПГ М. Парцалидис, руководитель левого крыла Либеральной партии Н. Григориадис и лидер Демократической радикальной партии К. Лулес. Главной целью визита греческой делегации были консультации с советской стороной по оказанию помощи КПГ и ЭАМ в случае возникновения в Греции гражданской войны.

18 января греческие посланцы были приглашены на переговоры. Однако настоятельная просьба М. Парцалидиса о встрече с В. М. Молотовым не увенчалась успехом. С ними встречались заместитель заведующего Международным отделом ВЦСПС Жмыхов, заместитель заведующего Отделом международной информации ЦК ВКП(б) Л. С. Баранов и референт того же отдела Манчха.

С первых же минут встречи Парцалидис поставил вопрос ребром об участии коммунистических партий балканских стран и СССР в возможном внутривосточном конфликте в Греции. «Мы готовы драться, мы будем драться, но мы могли бы драться еще яростнее, если бы чувствовали поддержку друзей», — заявил глава греческой делегации.

Но ответ советских товарищей оказался расплывчатым и туманным. В тот же день о результатах встречи было доложено

Молотову, но «о визите в Кремль Парцалидиса или всей делегации не могло быть и речи — ни Сталин, ни Молотов не могли жертвовать отношениями с союзниками (которые, правда, превращались в силу объективных геополитических интересов, во врагов)»⁶².

Тем не менее, находясь до конца января в Москве М. Парцалидис, составил «Краткие записки о некоторых вопросах работы коммунистической партии Греции», которые, как он, верно, рассчитал, обязательно привлекут внимание руководителей Советского государства. В записке излагались позиции лидеров КПГ о действиях партии в настоящем и будущем. Обстоятельно говорилось о процессе подготовке «в военном отношении, организационно и технически к обороне против выступления реакции и к переходу в энергичное наступление»⁶³. В этой связи Парцалидис ставил вопрос о выделении советской стороной типографии, газетной бумаги и переброски в Грецию греческих эмигрантов, прошедших школу Коминтерна.

12 февраля 1946 года в Афинах собрался II пленум ЦК КПГ, который должен был, определить политику партии в отношении приближающихся парламентских выборов.

К этому времени в КПГ усилились настроения решительного противостояния правым, вплоть до вооруженного захвата власти в стране. Застрельщиком подобных настроений выступал сам Генеральный секретарь Н. Захариадис, решительная, кипучая натура которого требовала конкретных дел. В своих публичных выступлениях он все чаще ориентировался на конфронтацию с властями. Так, например, в статье опубликованной в одном из номеров партийного журнала, Генсек поставил перед компартией задачу «осветить греческий путь к народной демократии и социализму-коммунизму, путь, который по форме будет национальным, греческим, а по содержанию — народно-демократическим, замовским, социалистическим»⁶⁴. В узком кругу Захариадис был еще более откровенным. «Партии не следует отвергать вооруженные формы борьбы. Неизбежность крови при этом есть для народа скорее благо, нежели трагедия. Кровь павших взывает к отмщению, рождает новых борцов», — горячо говорил лидер КПГ. Даже фактически безрезультатная поездка в Москву делегации Парцалидиса не произвела на Захариадиса должного впечатления.

В своей речи на пленуме Захариадис заявил, что «наша партия, еще с VII съезда предупреждала народ, если наши противники будут продолжать одностороннюю гражданскую войну, мы ответим теми же способами: оружием. Сейчас пришло время, чтобы мы приняли историческое решение относительно вооруженной борьбы»⁶⁵.

При обсуждении речи лидера у присутствующих кандидатов и членов ЦК сложилось две точки зрения. Большинство из

них ратовало за немедленный переход к вооруженным действиям, созданию боевых групп, ухода в горы членов партии и бывших бойцов ЭЛАС для формирования партизанских отрядов и резерва. Меньшинство настаивало на тщательной подготовке к вооруженной борьбе. Выслушав предложения обеих сторон Захариадис, выдвинул компромиссный вариант: «там, где созрели условия перехода от народной самообороны к вооруженным партизанским группам, осуществлять такой переход с тем, чтобы как на местах, так и в общенациональном масштабе объединить эти группы и поставить их под единое командование»⁶⁶.

После завершения работы пленума ЦК КПГ состоялось военное совещание. На нем присутствовали секретари обкомов (члены ЦК) Континентальной Греции, Фессалии, Эпира, Македонии, а также Захариадис и Иоаннидис. Присутствующие заслушали доклад майора Ф. Макридиса, организатора ЭЛАС, который состоял из двух частей. В первой говорилось о соотношении сил и перспективах партизанского движения. Вторая часть состояла из директив по созданию боевых групп.

В резолюции пленума, опубликованной в партийной печати, отсутствовал призыв к вооруженной борьбе. О возможном захвате власти силовым путем сообщалось в секретном приложении, предназначенном только для особо доверенных лиц. Открыто в резолюции пленума говорилось лишь об официальном отказе КПГ в парламентских выборах, которые должны были состояться 31 марта 1946 года.

Москва отреагировала на это заявление греческих коммунистов шифрованной телеграммой, направленной в Политбюро КПГ, в которой говорилось:

«Примите сейчас участие в выборах. Затем уже посмотрите. Соответственно с развитием ситуации, основной центр тяжести сможете перенести, когда на легальные способы борьбы, а когда — на вооруженную борьбу»⁶⁷.

Однако позиция руководства КПГ в вопросе выборов осталась неизменной. Некоторые руководители, в частности, Г. Сян-дос и Д. Парцалидис пытались убедить Генсека пересмотреть принятое решение, но безуспешно.

26 марта Н. Захариадис отправился по приглашению Чехословацкой коммунистической партии на ее съезд, который должен был состояться в Праге в последних числах месяца.

По дороге в Чехословакию Генсек КПГ посетил Югославию, где встречался с руководителями этой страны — И. Б. Тито, А. Ранковичем и М. Джиласом. На встрече решался вопрос о возможности размещения на югославской территории 20 тыс. греков, «преследуемых монархо-фашистскими войсками»⁶⁸. Вопрос был решен положительно. Югославы согласились принять у себя будущих бойцов партизанских отрядов КПГ.

Главным итогом присутствия Захариадиса на VIII съезде Чехословацкой компартии, стали встречи с руководством Итальянской и Французской коммунистических партий, а также известным деятелем международного коммунистического движения Г. Димитровым. Правда, коллеги-коммунисты резко осудили лидера КПГ за отказ от участия в парламентских выборах. Особенно негодовал по этому поводу Генеральный секретарь Итальянской компартии Пальмиро Тольятти. Точку зрения Тольятти разделял и М. Торез. Генеральный секретарь Французской компартии. Ветеран комдвижения Г. Димитров также был солидарен с лидерами братских компартий. Он видел в складывающейся ситуации угрозу вмешательства Запада в дела Балканского региона под предлогом защиты суверенитета Греции.

Тем не менее Захариадис через Г. Димитрова направил в адрес ЦК ВКП(б) несколько записок. В одной из них лидер КПГ писал, что «военная организация компартии строго конспирирована, децентрализована и охватывает всю страну. Она объединяет работу в армии и среди офицеров, самооборону и специальные группы. Несмотря на соглашение в Варкизе, ЭАМ удалось сохранить немалое количество винтовок, пулеметов и другого военного снаряжения»⁶⁹. В другой записке Захариадис излагал конкретные просьбы о создании в Югославии, Болгарии и Албании специальных школ для обучения офицерского состава, рассчитанных на 10 тыс. человек. Также в документе содержались просьбы об организации военных поставок через Югославию и устройстве в странах Балканского региона и странах Европы пунктов информации от Греции и для Греции.

Однако по пути домой Захариадис внезапно получил секретное приглашение на встречу с И. В. Сталиным. Встреча состоялась на Кавказе (по другим данным в Крыму). Во время беседы он информировал Сталина о трудном положении КПГ и заверил в неизбежной победе коммунистов в гражданской войне против монархо-фашистского правительства. «Решение о гражданской войне принималось на даче Сталина на озере Рица», — позже скажет сам Захариадис.

К такому решению Сталина, по мнению историка А. Хименко, подтолкнула «возможность "половить рыбку в мутной воде" — отношения Кремля с союзниками по антигитлеровской коалиции уже тогда, были небезоблачными и не мешало заручиться лишним козырем на будущее для политического торга с ними с позиции силы»⁷⁰. Версия Хименко, безусловно, имеет под собой веское основание. Из публикаций последних лет видно, что аналогичные мотивы двигали Сталиным при развязывании войны в Корее вскоре после поражения греческих коммунистов. Однако следует подчеркнуть, что в первые послевоенные годы международное положение было настолько нестабильным, что

любые принятые ранее решения, исходя из обстановки, могли измениться в течение нескольких месяцев.

Между тем в Греции продолжался террор против коммунистов и членов ЭАМ. Только с момента подписания Варкизского соглашения и до конца марта 1946 года, число жертв террора достигло 124 523 человека. Из них было убито 1289, ранено 6671, подвергнуто пыткам 31 632, арестовано 84 931 человек⁷¹.

В такой напряженной обстановке 31 марта 1946 года начались выборы в греческий парламент. Формально в них приняли участие 23 партии, многие из которых насчитывали в своих рядах по несколько членов. Серьезными конкурентами считались 14 политических организации. Одна из них была республиканского толка, другие 13, как писала одна из газет «незначительно отличаются друг от друга лишь степенью раболепства перед монархией»⁷².

Итоги выборов были следующими: правительство Ф. Софулиса получило 48 мест в парламенте, остальные 306 депутатских мандатов разделили между собой несколько монархических партий.

ЭАМ выступила с заявлением, в котором подчеркивалось:

«Выборы проведены по приказу иностранцев для того, чтобы получить заранее намеченный результат, необходимый для политики иностранцев и удовлетворяющий только иностранные интересы, несовместимые с интересами Греции»⁷³.

Впрочем, теперь считаться с мнением этой политической организации никто не собирался. Тем более что именно 31 марта 1946 года в Греции закончилась «мирная» передышка. В этот день отряд коммунистов под командованием А. Ипсилантиса захватил населенный пункт Литохоро. Много позже Ипсилантис так вспоминал об этом:

«В начале 1946 г., когда я возглавлял в Салониках организацию самообороны, туда приехал Кикикас (С. Протопапас, один из будущих командиров греческих партизан — Авт.). Он предложил мне отправиться в район г. Олимпа и совместно с находившейся там группой самообороны старика Дзавеласа уничтожить банду правых, которая терроризирует всю область. Но, прибыв туда, я не обнаружил банду правых в предполагаемом районе. Поэтому я решил нанести удар по полицейским силам в г. Литохоро в день выборов»⁷⁴.

Это вооруженное выступление стало началом нового, более ожесточенного этапа гражданской войны.

2 апреля 1946 года регент Дамаскинос приступил к формированию нового правительственного кабинета. Вскоре в стране появилось правительство во главе с премьером К. Цалдарисом, ярким монархистом, что означало реставрацию королевской власти в Греции. Недаром находясь вне страны, король Георг II заявил: «Результаты выборов являются своего рода голосованием

доверия ко мне»⁷⁵. На греческий престол Георг II вернулся осенью 1946 года. 1 апреля 1947 года он скончался, не оставив потомства. Престол перешел к третьему сыну короля Константи́на I, Павлу (Павлосу) I, женатому на принцессе Фредерике Луизе, дочери Эрнста Августа, герцога Брауншвейгского⁷⁶.

14 апреля правительство Цалдариса сместило все руководство вооруженными силами. В отставку были отправлены 28 генералов, в том числе и начальник Генерального штаба. Вакантные места заняли руководители монархической офицерской организации «САН». Сами вооруженные силы в составе «Горной бригады» и «Священной роты» были реорганизованы в регулярную армию. Кроме того, правительством был создан Высший совет обороны, наделенный неограниченными правами. На заседаниях совета, наряду с премьером Цалдарисом и начальником английской военной миссии в Греции, должны были участвовать английские представители при штабах греческих вооруженных сил и глава английской экономической миссии. Одним из первых изданий Высшего совета обороны стал указ о тщательной фильтрации личного состава при укомплектовании воинских частей.

Одновременно правительством Цалдариса разрабатывалась чрезвычайное законодательство, направленное «против посягающих на государственный порядок и целостность страны»⁷⁷. Принятый вскоре закон гласил, что «смертной казни подлежит каждый, кто желал оторвать часть территории страны или способствовать осуществлению планов, преследующих эти цели, вступил в заговор внутри страны или договорился с иностранцами, или поднял мятеж, или организовал вооруженные отряды, или участвовал в таких предательских союзах. Всякое умышленное подготовительное действие подобного рода наказывается тюремным сроком от 5 до 10 лет, а в некоторых случаях и пожизненным заключением»⁷⁸. Согласно этому закону по всей Греции вводились специальные суды. Кроме того, закон наделял полицию и жандармерию неограниченными правами, направленными на подавление всех противников режима.

После мартовского захвата Литохоро военные действия между партизанами и правительственными силами носили sporadический характер, в основном сводясь к мелким стычкам. Однако летом 1946 года ситуация резко обострилась. В Западной и Центральной Эгейской Македонии к вооруженной борьбе перешел Национально-освободительный фронт (НОФ) славяно-македонцев. 3 июля партизаны НОФ атаковали и разгромили жандармский участок близ Идомени, после чего беспрепятственно ушли в Югославию. С этого момента партизанские рейды славяно-македонских отрядов и захваты ими населенных пунктов стали происходить регулярно. Вскоре вооруженные

формирования НОФ взяли под свой контроль практически всю Эгейскую Македонию.

Первоначально решительные действия НОФ встретили горячую поддержку и одобрение со стороны КПГ и лично Генерального секретаря партии Н. Захариадиса. Однако греческим населением страны успехи славяно-македонских партизан были восприняты не столь однозначно. Всплыла на поверхность проблема межнациональных отношений, имевшая под собой старую подоплеку. Начались разговоры о том, что действия НОФ якобы нацелены на раскол страны, отторжения от Греции Эгейской Македонии. Захариадис был в бешенстве, но сложившаяся ситуация вынудила руководство КПГ публично отмежеваться от поддержки НОФ.

Это вынужденное заявление дорого обошлось коммунистам. «Сохранив верность идеологическим принципам, КПГ потеряла в военном отношении: боевые возможности греческих коммунистов оказались значительно ограниченными», — читаем в исследовании об истории локальных войн и конфликтов⁷⁹.

К этому времени на значительной территории Греции схватки между отрядами греческих партизан и правительственными войсками приняли массовый характер. Особенно ожесточенные бои происходили в Северной Фракии и Македонии. Так, например, 6—7 июля 1946 года в районе села Понтокерасия в Македонии партизаны разгромили роту противника, причем 20 солдат добровольно перешли на сторону партизан.

К началу активизации боевых действий силы КПГ насчитывали порядка 4 тыс. бойцов, разбросанных по всей территории страны. Однако партизаны имели значительные мобилизационные ресурсы, за счет своих сторонников из местного населения. Кроме того, по мере развития событий греческие коммунисты получили возможность создать в соседних балканских странах лагеря, где могли совершенствовать боевую подготовку и готовить офицерские кадры. Основной лагерь партизан находился в Булкесе на территории Югославии. Среди инструкторов лагеря находились военные из СССР, а для оперативной связи командования партизан с Москвой были прикомандированы советские радисты. На Югославию также легло основное бремя поставок оружия и боеприпасов греческим партизанам⁸⁰.

В свою очередь правительство Цалдариса могло противопоставить коммунистическим отрядам 22 тыс. человек из жандармского корпуса и 15 тыс. человек регулярной армии⁸¹. Однако численное превосходство правительственных войск над партизанами было довольно призрачным, поскольку многие солдаты греческой армии не только симпатизировали партизанам, но нередко с оружием в руках переходили на их сторону. К примеру, генерал Д. Зафиропулос впоследствии был вынужден признать, что в 21-й, 41-й и 42-й бригадах, дислоцированных летом

1946 года в городе Козани, процент левых был весьма значителен. Причем значителен настолько, что «если бы командование партизан использовало эти силы, то оно могло поставить под свой контроль всю территорию от Фессалии и севернее вплоть до границ»⁸². Поэтому, чтобы усилить собственные ряды надежным элементом, правительство Цаддариса предприняло следующие меры: были доукомплектованы, экипированы и снабжены оружием военные формирования различных монархических организаций. Для этих целей даже были выпущены из тюрем и реабилитированы военные преступники, сотрудничавшие с гитлеровцами в период оккупации. К этому времени в Греции существовало 185 подобных отрядов. Иногда численность этих формирований достигала 800 бойцов, как, например, отряд под командованием Г. Сурласа. Дислоцировались они следующим образом: 34 отряда в Македонии и Фракии, 19 — в Эпири, 65 — в Фессалии, 4 — на о. Евбея, 20 — в Румелии, 2 — на о. Кефалиния и 41 — в Пелопоннесе.

Кроме того, значительную помощь правительству Цаддариса оказывали англичане. Их содействие носило достаточно разнообразный характер, начиная от психологического воздействия и кончая непосредственным участием в карательных акциях.

К середине июля 1946 года руководством КППГ была разработана инструкция по организации партизанской войны. Контролировать ее исполнение поручалось секретарю областного комитета КППГ по Македонии М. Вафьядису. Текст инструкции гласил:

«1) С группой Политбюро мы изучили всесторонне возможности, которые существуют и действуйте соответственно, используя как основу вооруженные группы, которые уже созданы; 2) наша численность должна увеличиваться полностью на добровольной основе; 3) не должны принимать организационные подразделения армии, которые хотели бы к нам присоединиться, а только отдельных лиц; 4) деятельность должна ограничиваться ударами по вооруженной реакции и должны избегать столкновений с войсковыми подразделениями; 5) наши действия должны носить полностью оборонительный характер и не организовывать партийные организации в партизанские отряды; 6) политически было определено, что мы должны оставаться на позиции примирения и мирного решения нашей внутренней проблемы и что вся наша деятельность предусматривает эту цель»⁸³.

Кстати, мнение историка Г. Д. Кирьякидиса, относительно приведенного документа о том, что он свидетельствует о серьезных колебаниях коммунистов в выборе методов борьбы, следует признать ошибочным. К этому времени никакого колебания в руководстве КППГ по данному поводу не существовало.

Были незначительные разногласия по отдельным вопросам, в частности между Захариадисом и Иоаннидисом, но по основному вопросу — захвату власти вооруженным путем, разногласий не возникало. Появление этого документа, своими достаточно расплывчатыми формулировками, вводящего в заблуждение современных историков имеет несколько веских причин.

Об одной из них скажет сам Захариадис в 1950 году:

«Поскольку Греция находилась под английской оккупацией, мы не должны были бросать вызов и давать им повод к немедленному вмешательству. Наши усилия направлялись на то, чтобы по возможности изолировать английский фактор от греческих проблем и осторожно, опираясь на силы сторонников народной демократии, начать нанесение ударов против внутренней реакции»⁸⁴.

Другой причиной следует признать малочисленность партизанских сил, необходимость планомерной подготовки к расширению партизанского движения и переходу в решительное наступление.

В августе 1946 года руководство КПГ проинформировало Москву как о ситуации в Греции, так и о своих планах на ближайшее будущее. В планах на будущее, в частности, содержался вопрос о материально-технической поддержке КПГ со стороны СССР. Греческие коммунисты рассчитывали на предоставление ежемесячных финансовых дотаций в размере 150 тыс. долларов. Помимо этого они просили 8 тыс. винтовок, 15 тяжелых и 50 легких минометов, 50 тяжелых, 50 станковых и 150 легких пулеметов, 500 автоматов, 10 тыс. ручных гранат. «Как будет в дальнейшем развиваться борьба — это зависит не только от внутренних, но и внешних условий. Во всяком случае, принимая во внимание и специфические трудности зимнего времени, мы одни не в состоянии справиться со всеми потребностями партизанской борьбы», — подчеркивали в своем послании руководители КПГ⁸⁵.

Тогдашний руководитель Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) М. А. Сулов внимательно отнесся к просьбе греческих товарищей и в специальной записке, направленной на имя Сталина, настоятельно высказался за оказание материально-технической помощи.

В конце сентября в Белграде состоялась встреча Я. Иоаннидиса с заместителем заведующего Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) Л. С. Барановым. 21 сентября Иоаннидис сообщил Захариадису шифротелеграммой о том, что «усилились надежды благополучного решения наших проблем» и «что обеспечена определенная поддержка партизан» со стороны Югославии⁸⁶. В начале октября на повторной встрече в Белграде Иоаннидиса и Русоса с Барановым, греческих коммунистов постигло некоторое разочарование. Баранов не сказал ничего конкретного о

той помощи, которую Советский Союз был готов немедленно предоставить греческим партизанам. В свою очередь югославские руководители И. Б. Тито и А. Ранкович, присутствующие на встрече, обещали всяческое содействие КПГ. В первую очередь, речь шла о создании на территории Югославии нелегального аппарата ЦК КПГ во главе с Н. Захариадисом (в самой Греции оставался подпольный ЦК, который возглавлял Генеральный секретарь ЭАМ М. Парцалидис). Помимо этого югославы обязались создать на своей территории греческую партизанскую радиостанцию, оказывать помощь партизанам оружием, боеприпасами и инструкторами для подготовки военных кадров.

Тем временем в Греции продолжалась вооруженная борьба партизан с правительственными войсками. Из-за недостатка сил основной тактикой партизанских групп стало совершение внезапных налетов на населенные пункты с целью захвата оружия, продовольствия и ликвидации сторонников правительства. Подобная тактика, по замыслу партизан, «должна была привести к распылению правительственных войск по всей территории страны и соответственно резкому ослаблению их совокупной ударной мощи»⁸⁷. В определенной степени этот замысел себя оправдал. Частыми нападениями в разных местах партизаны умело растаскивали силы противника, что постепенно позволило им укрепиться в нескольких горных районах. В местах базирования партизан начали возникать окружные командования. Первое из них появилось 29 августа в Западной Македонии, затем 24 сентября — в Фессалии, потом — в Пелопоннесе и других местах. К октябрю партизанские районы базирования простирались от северных границ страны до Коринфского залива.

26 октября 1946 года произошло объединение партизанских отрядов. Было объявлено о создании Демократической армии Греции (ДАТ), под командованием М. Вафьядиса (генерал Маркос). Первоначально численность армии составляла всего 1600 человек, но ее ряды постоянно росли за счет притока новых бойцов⁸⁸. Командование и основные силы армии были сосредоточены в центральной части страны — в Румелии. В северных районах близ границ с Албанией и Югославией базировался отряд численностью 400 человек, ряд других партизанских отрядов оперировали в средней и западной частях Греции.

Первый документ генерала Маркоса гласил:

«Приказ №1

Главное командование партизан

Протокол №1

Жестокое преследование борцов и демократического народа со стороны раболепствующих перед англичанами монархофашистов и их органов, заставившее тысячи демократов уйти в горы, чтобы защищать свою жизнь, привело к нынешнему бурному развитию партизанского движения. Учитывая, что созре-

ла необходимость создания координационного органа для руководства всей партизанской борьбой, решено:

создать Главное командование партизан, которому будут подчинены командования партизан Македонии, Фессалии, Румелии и Эпира.

Командный пункт Главного командования партизан.

26.X.1946 г.

Маркос»⁸⁹.

Однако готовность ДАТ к проведению скоординированных, дерзких операций, сдерживалась нерешенностью вопроса о материально-технических поставках из-за рубежа.

На этот раз местом переговоров была выбрана Болгария, а посредником между КПГ и руководителями Советского Союза выступал Г. Димитров. В начале ноября 1946 года встреча сторон состоялась в Софии. Димитров отвечал на вопросы представителей греческой компартии Иоаннидиса и Русоса, весьма уклончиво. Его мнение сводилось к тому, чтобы «воздержаться от усиления партизанского движения в условиях зимнего периода и складывающегося международного положения. Одновременно ставилась задача перенести центр тяжести на массовую народную политическую борьбу и гибко использовать законные возможности, а также поддерживать связь партии с массами»⁹⁰.

Из Софии представители греческой компартии возвращались в полнейшей растерянности от противоречивости позиции Кремля в греческом вопросе.

Между тем отсутствие принципиального решения Советского Союза относительно собственных интересов в Греции было продиктовано стремительно меняющейся ситуацией в большой политике. Процитируем историка А. А. Улуняна:

«Международные условия, главным элементом которых была прямая вовлеченность Великобритании и стоявших за ней США в греческие дела, не позволяли Сталину и его окружению допустить втягивание СССР в конфликт на европейском театре, где позиции Москвы цементировались создавшимся блоком народно-демократических режимов. К тому же участие Советского Союза в гражданской войне в Китае на стороне местной компартии сдерживало советское руководство, которое опасалось "распыления сил" от борьбы на два фронта. Таким образом, Москвой фактически была выбрана тактика "раскачивания маятника" в Греции с помощью наиболее сильного ее северного соседа — титовской Югославии»⁹¹.

В свою очередь осенью 1946 года димитровские инструкции для КПГ оказались уже явно запоздалыми. В Греции все сильнее разгоралось пламя гражданской войны. К тому же в сентябре этого года США направили в греческие территориальные воды ударную группу своих авианосцев. «Таким образом, Греция занимает первое место в новой внешней политике США.

Это следует из их решения послать по рекомендации министерства иностранных дел американские военно-морские силы во главе с крупнейшим авианосцем "Франклин Рузвельт" в греческие воды, чтобы поддержать английские силы в Греции», — так пояснило агентство Рейтер появление американского флота⁹².

ДАТ, несмотря на свою малочисленность и недостаток опытных офицерских кадров (в августе большинство видных военных бывшей ЭЛАС во главе с главнокомандующим С. Сарафисом были арестованы жандармерией), развернула боевые действия. В ноябре-декабре 1946 года отряды ДАТ в районах Скра, Архангелос, Спарты, Войо, Синяцико, Бурно, Грамос, Хасия и Антихасия нанесли поражения карательным отрядам и частям правительственных войск. Успехи партизан привлекли в их ряды много новых бойцов, что позволило значительно пополнить существующие части и приступить к формированию новых. Главнокомандование ДАГ выпустило воззвание, в котором, в частности, говорилось:

«Воля греческого народа задушена, и Греция в результате британской оккупации, поставившей у власти монархо-фашистов, лишилась свободы, демократии и национальной независимости. Жизнь, честь и имущество народа в опасности. Бойцы национального Сопротивления не могут спокойно жить и трудиться над восстановлением страны. Это обстоятельство и необходимость защитить жизнь заставила нас уйти в горы. На наших знаменах написано: "Свобода и демократия, целостность и независимость страны"»⁹³.

Пополнение рядов и тактика избранная ДАГ — стремительные рейды, в ходе которых партизаны наносили внезапные удары по противнику, помогли провести дерзкую операцию. В конце года в северных районах страны партизанский отряд численностью свыше 2 тыс. человек, внезапной атакой захватил города Контса и Флорину. Целью операции являлось создание «освобожденной зоны», где могло бы находиться оппозиционное коммунистическое правительство страны. Но под давлением превосходящих сил противника партизаны были вынуждены отойти на территорию Югославии. Тем не менее, захват сразу двух городов продемонстрировал боевое умение и растущую силу ДАТ.

Однако партизан ожидал неприятный сюрприз. 31 декабря 1946 года И. Иоаннидис, находившийся в Белграде, получил шифровку от Г. Димитрова, в которой прямо говорилось: «В настоящий момент вы не должны рассчитывать на требуемую помощь и должны подождать»⁹⁴. Иоаннидис предложил Захариадису еще раз обратиться напрямую в Кремль, чтобы окончательно решить все вопросы, как политические, так и материально-технические. Это же предлагали сделать и югославы, «по-

нимавшие, что Москва хочет переложить все бремя вооруженного конфликта на Белград, выступая лишь, как гарант ненападения на народно-демократические страны»⁹⁵. Кроме того, Иоаннидис решил обратиться к Димитрову, Готвальду, Торезу и Тито с просьбой, чтобы они поддержали обращение Захариадиса к Москве.

Тем временем противник готовил крупную военную операцию против ДАТ. В конце декабря 1946 года по решению англо-американского объединенного штаба и под руководством главы английской военной миссии в Греции генерала Роллинса был разработан план операции «Терминиус». Операция преследовала две цели: первая — окружить и уничтожить партизан в центральной части Греции, вторая — если уничтожить партизан не удастся, то их следовало вытеснить в северные районы страны, что «должно было создать дипломатическую основу для доказательства агрессии против Греции извне»⁹⁶.

Согласно плану операции боевые действия распространялись почти на всю территорию страны, за исключением Пелопоннеса и островов центральной и южной Румелии. Операция делилась на этапы. Основными из них были три, под кодовыми названиями «Аэтос» (Орел), «Иэракс» (Сокол) и «Коракс» (Ворона). Наступление планировалось развернуть вдоль Главного Пиндского хребта, протянувшегося от границы Албании до Коринфского залива. По подсчетам одного из разработчиков операции генерала Д. Зафиропулоса, площадь, контролируемая ДАТ, достигала в этих местах 26 тыс. кв. км.

К проведению операции привлекалось три армейских корпуса, жандармерия и полиция с тяжелым вооружением — танками, артиллерией и минометами. Боевой состав наступающих достигал 60 тыс. человек. Для поддержки наступления было выделено несколько авиасоединений.

Начало «Терминиуса» было намечено на весну 1947 года.

Наступивший 1947 год ДАТ встретил активизацией боевых действий, особенно в северной части Греции и Эпире. К этому времени силы греческих партизан насчитывали 23—25 тыс. человек, из них примерно 20 процентов составляли женщины⁹⁷.

Начало года было отмечено многочисленными диверсиями на стратегически важной железнодорожной магистрали Афины-Салоники. Партизаны неоднократно взрывали железнодорожное полотно и мосты, нападали на станции. В результате диверсий отдельные участки дороги оказались надолго выведенными из строя. Продолжалась и излюбленная партизанская тактика — стремительные рейды и внезапная атака объекта. Так, в ночь на 13 февраля 1947 года отряд ДАТ численностью в 150 человек атаковал Спарту, захватил городскую тюрьму, где освободил 176 приговоренных к казни коммунистов, среди которых было 6 женщин.

Кроме того, с начала этого года ДАТ стала получать материально-техническую помощь по линии братских компартий. В январе были получены 100 тыс. фунтов стерлингов от английской компартии. К началу февраля пришла финансовая помощь от болгарских коммунистов. Компартия Югославии содействовала в создании в Белграде конспиративной радиостанция «Свободная Греция» и устройстве нелегального ЦК КПГ (в начале апреля 1947 года в Белград прибыл Н. Захариадис, но партийная пропаганда еще долгое время поддерживала слух, что он скрывается в Афинах). Помимо этого югославы приступили к активному снабжению партизан оружием и боеприпасами. Из Югославии «поставлялось по большей части советское оружие: автоматы, минометы, огнеметы, полевые артиллерийские и зенитные орудия. Партизаны имели в своем распоряжении несколько сторожевых кораблей и даже подводную лодку итальянского происхождения, доставлявшую им грузы военного назначения»⁹⁸. В свою очередь КПГ продолжал настойчиво «бомбардировать» Москву просьбами о материально-технической помощи. В начале января Н. Захариадис вновь направил на имя Сталина специальное послание, в котором просил оказать скорейшее содействие партизанам, обосновывая это тем, что «борьба имеет в действительности большое значение для демократической борьбы всех народов»⁹⁹.

В новом году противостояние заметно активизировалась и на политическом фронте. Действия отрядов ДАТ с баз расположенных в Югославии, артиллерийские обстрелы греческих городов, производимые партизанами с сопредельной территории, вынудили Афины еще в декабре 1946 года, обратиться в Совет Безопасности ООН с жалобой на вмешательство во внутренние дела Греции соседних стран, прежде всего Югославии. В жалобе утверждалось, что они «поддерживают ожесточенные партизанские действия, ведущиеся в настоящее время в Северной Греции»¹⁰⁰. Совет Безопасности принял решение о создании специальной комиссии для изучения вопроса.

В конце февраля английское министерство иностранных дел, уступив напору американцев, информировало Вашингтон о «согласии Великобритании передать США оказание помощи Греции»¹⁰¹.

12 марта 1947 года президент США Г. Трумэн направил конгрессу послание, в котором выдвинул программу военной и экономической помощи Греции и Турции. В своем послании он, в частности, заявил:

«Самому существованию греческого государства угрожают сегодня многие тысячи вооруженных людей, которые под руководством Коммунистической партии Греции игнорируют власть правительства в некоторых частях страны. (...) Греческая армия мала и плохо вооружена. Чтобы восстановить власть пра-

вительства на всей территории Греции, нужно обеспечить ее оружием и боеприпасами. Необходимо действовать немедленно и решительно»¹⁰².

Однако за идеологическим обоснованием, по образному выражению историка А. А. Улуныа, «смены караула», стояли и другие причины американского вмешательства в дела третьих стран. Прежде всего, столкновение геополитических интересов США и Москвы в горячих регионах Европы и Азии. И поэтому в случае с Грецией от Вашингтона требовалось активизация действий по скорейшему подавлению коммунистического восстания.

Началом усиления антипартизанских акций стали успешные действия полиции и жандармерии по разгрому законспирированного коммунистического подполья в ряде городов в центральной части страны. Например, 15 марта в Ларисе полиция вышла на след и обезвредила группу подпольщиков, занимавшихся диверсиями на железной дороге. В Афинах и Салониках прошли массовые аресты сторонников ЭАМ.

Свои действия активизировали также и политические организации монархического толка. 20 марта боевиками монархических военных организаций в Салониках был убит кандидат в члены Политбюро ЦК КППГ Я. Зевгос. 20 мая того же года при загадочных обстоятельствах смерть настигнет еще одного видного деятеля компартии — Г. Сяндоса. Одновременно с убийством Зевгоса в городе Гитион боевики проникли в тюрьму, где жестоко расправились с 33 политзаключенными. 29 марта в Салониках боевики ворвались в типографию коммунистической газеты «Агонистис» и выстрелами в упор убили 3 и ранили 7 работников газеты.

В конце марта правительство М. Максимоса, пришедшее к власти в январе 1947 года, провело успешную операцию по стратегической дезинформации. В ряде центральных афинских газет появилось вымышленное интервью И. В. Сталина, в котором открыто, говорилось о поддержке Советским Союзом народно-демократических стран в деле расчленения Греции¹⁰³. На подобную провокацию Советское правительство ответило тем, что немедленно отозвало в Москву почти весь персонал своего посольства в Афинах, включая посла Родионова.

1 апреля 1947 года умер король Георг II. Молодого престолонаследника Павла I впервые показали публике на похоронах его дяди. Новый монарх произвел впечатление человека решительного и бескомпромиссного. Его твердая фраза, произнесенная над гробом родственника: «Коммунистов не потерплю!» была с восторгом воспринята всеми, кто присутствовал на печальной церемонии.

После королевских похорон, правительство Максимоса приступило к реализации оперативного плана «Терминиус».

5 апреля в северной части Румелии начался первый этап — операция «Аэтос». Правительственные войска заняли исходные позиции для наступления. В город Волос, где находился греческий оперативный штаб для координации действий прибыли английский генерал Грей, американские морской и военный атташе. 9 апреля войска перешли в наступление, стремясь окружить части ДАТ, насчитывающие около 10 тыс. человек. Авиация противника, поддерживая наступление, активно обстреливала и бомбила возможные места скопления и предполагаемые лагеря партизан. Бомбардировкой с воздуха было полностью уничтожено село Трикокия в районе Дескати. Однако окружение не удалось. 11—12 апреля партизаны, находившиеся в междуречье Ахелос и Мегдовы, совершили успешный маневр, и вышли в район Рентина, оказавшись в тылу, наступающего противника. Частям ДАТ оперирующим в районе горного массива Козякаса также удалось избежать окружения. Успешным действиям партизан против правительственных войск, в значительной мере способствовали удары отрядов ДАТ в других районах страны, нанесенные по приказу генерала Маркоса. Нападения и диверсии партизан были проведены в Рентине, Румелии, Пелопоннесе, Фракии, Восточной и Западной Македонии. Таким образом, операция «Аэтос» не достигла поставленной цели. Успех партизан был вынужден признать и противник. Генерал Д. Зафиропулос отметил:

«Отряды партизан точно выполняли приказы своего командования, успешно применив методы партизанской тактики, состоящие в том, что когда враг наступает, партизаны отступают, когда же враг отступает, партизаны нападают»¹⁰⁴.

1 мая 1947 года правительственные войска приступили к выполнению операции «Иэракс», второго этапа плана «Терминус». На этот раз удар наносился по районам Гревены, Хасии и Антихасии в Западной Македонии, где по подсчетам греческой разведки, находилось около 2,5 тыс. партизан. 11 мая войска перешли в наступление. Замысел операции был прежний — уничтожить или отбросить партизан к албанской границе.

Отряды партизан, действовавшие в районах Хасии и Антихасии, под командованием А. Ипсилантиса и Палеологу (З. Димитриос), сдерживая заслонами, продвижение противника, постепенно отступали на запад, в глубь горного массива Орлякас. Этот труднодоступный горный массив был идеальным местом для ведения партизанских действий и выход из окружения здесь не представлял больших затруднений. 20 мая партизаны с боем прорвали вражеское кольцо, и вышли в свободный от противника район Войон.

Однако приказа на оставление районов, вследствие недостатка надежных радиосредств, эти партизанские отряды не получили, а действовали в соответствии с обстановкой. Командую-

щий войсками ДАГ в Западной Македонии С. Протопапас (Ки-кикас) пришел в неопишемую ярость, когда узнал об отступлении отрядов. Он считал оставленные районы крайне важными для дальнейшей вооруженной борьбы партизан. «Только ослы не могут хорошо сражаться в горах!» — в гневе заявил генерал (эта генеральская фраза быстро стала «крылатой»). Пропопа-пас приказал командирам отступивших отрядов возвратиться в районы Хасии и Антихасии и надежно удерживать их.

Подчиняясь приказу оба отряда, совершив многодневный, трудный переход через горные массивы Войо, Синяцико и Бу-рино, вышли в район Хасия, где были плотно обложены правительственными войсками близ села Эмилианос. Ожесточенный бой длился целый день. Только с наступлением ночи партизанам, понесшим значительные потери убитыми и ранеными, удалось вновь прорваться из окружения и отступить в район Амарбей. Отсюда остатки отрядов, совершив героический переход через горные массивы Пиерия, Вермион и Кайманселан, лишь в начале июня достигли района Грамоса, где соединились с частями ДАГ.

В середине мая, когда правительственные войска действовали против отрядов Ипсилантиса и Палеологу, в Румелии и ряде других мест, части ДАГ нанесли противнику серию сильных ударов. Так, в Румелии соединения под командованием Диа-мантика и Белиса в ходе наступательной операции, нанесли противнику потери и захватили большое количество оружия, в том числе 22 миномета, 372 ручных пулемета, а также много боеприпасов, снаряжения и продовольствия.

По времени, начало проведения операции «Иэракс», совпало с приездом в Москву Н. Захариадиса. 13 мая он подготовил специальную записку «К положению в Греции». В ней приводились «ориентиры руководства КПГ на ближайшую перспективу: внутреннее положение в Греции благоприятно для победы ДАГ, которая в состоянии мобилизовать до 50 тыс. человек; задача вооруженной борьбы заключается в установлении народно-демократического режима; помощь Советского Союза греческим партизанам станет гарантией их победы»¹⁰⁵. Записка Захариадиса была предоставлена для прочтения И. В. Сталину, В. М. Молотову, А. А. Жданову, Л. П. Берия, А. И. Микояну, Г. М. Маленкову и Н. А. Вознесенскому.

В 20-х числах мая состоялась встреча Захариадиса со Сталиным. Иосиф Виссарионович принял гостя тепло. Беседа была довольно обстоятельной, но непродолжительной. На ней Захариадис изложил Сталину стратегическую цель ДАГ: создание в Македонии военно-политического плацдарма и объявления его государством, аналогом «Свободной Греции» периода гитлеровской оккупации. «Свободная территория не в глухой горной местности, а в одной из основных, с точки зрения

политико-экономического значения, области. Это будет сильнейший удар по монархо-фашистам и их англо-американским хозяевам!» — горячо говорил Генсек КПГ. «Македония, насколько мне известно, приграничная область, — отозвался Сталин. — Как посмотрят на создание такого государства Югославия и Болгария?» — «В апреле я разговаривал на эту тему с товарищем Тито. В принципе он не возражает. Думаю, что со стороны болгарских товарищей возражений тоже не последует», — ответил Захариадис. «Хорошо», — помолчав, сказал Сталин. Беседа завершилась обсуждением вопросов военной и политической поддержки греческих партизан со стороны СССР.

На этот раз поездка Генсека КПГ в Москву дала большой результат. От Кремля были получены гарантии военных поставок и политической поддержки. В шифровке экстренно отправленной членам Политбюро КПГ, находившимся в Греции, значилось: «Кукос (Захариадис — Авт.) встретился со Стариком (Сталин — Авт.), во время встречи окончательно обсудили наши вопросы. Результатами этих обсуждений мы должны быть полностью удовлетворены»¹⁰⁶. Как пишет историк А. А. Улунян: «В это время Москва рассчитывала, что греческая компартия сможет сковать англо-американцев в Европе, не допустив их активного вмешательства в китайский конфликт на Дальнем Востоке. Более того, сам факт гражданской войны на европейском континенте повышал престиж Сталина, который не допустил подобного в советской зоне ответственности в Восточной Европе»¹⁰⁷.

После переговоров в Москве Захариадис вернулся в Белград, где имел обстоятельную беседу с руководством Югославии. В шифровке, направленной в ЦК ВКП(б), он отмечал, что «я обсуждал с югославскими товарищами проблему связанную с транспортировкой материалов. Они обещали устроить это дело. Имейте в виду, чем быстрее мы получим этот материал, тем будет лучше»¹⁰⁸. В начале июня 1947 года вопрос о поставках греческим партизанам «материалов» стал предметом специальной встречи министра иностранных дел СССР В. М. Молотова и секретаря ЦК Коммунистической партии Югославии (КПЮ) А. Ранковича. На встрече Молотову была вручена просьба КПГ, о поставках из Советского Союза 50 млн винтовочных патронов, 15 млн автоматных патронов и 20 горных орудий. Кроме того, Ранкович прямо заявил о том, что Югославия больше не в состоянии снабжать греческих партизан оружием и боеприпасами за счет резервов собственной армии, поскольку они на исходе¹⁰⁹.

Следующим шагом Н. Захариадиса стало усиление политической работы в ДАГ, направленное на укрепление воинской дисциплины и исправления существующих недостатков в военном деле. В начале лета соответствующие директивы им были

направлены на имя генерала Маркоса и Л. Стрингоса, ответственного за политработу в ДАТ. В одной из своих директив Захариадис в категорической форме требовал искоренить в рядах ДАТ дух партизанщины, применяя для этого любые меры воздействия, вплоть до расстрела виновного. «В военном деле дисциплина одна из составляющих победы», — писал «Неистовый Никос», выполняя свое обещание, данное товарищу Сталину (стоит сказать, что со стороны партизан факты грабежей и насилий в отношении местного населения, были не таким уж и редким явлением).

«Указанные недостатки будут преодолены по мере усиления политической и военной работы, а главным образом развития операций на основе более широких штабных планов. К числу недостатков относится также наличие некоторых нехороших традиций ЭЛАС (линейная оборона, стягивание сил, отступление)», — в ответной шифровке заверил Захариадиса Л. Стрингос¹¹⁰.

В конце июня 1947 года руководство КПГ заявило о необходимости создания Временного демократического правительства Свободной Греции. Это заявление было сделано членом Политбюро ЦК КПГ М. Порфиругенисом на съезде Французской коммунистической партии в Страсбурге. Вслед за тем в Греции стало известно, что уже начата подготовка к формированию кабинета правительства на свободных территориях. Об этом объявил командующий ДАТ генерал Маркос. Сам же Н. Захариадис в эти дни находился в Софии, где обсуждал с одним из секретарей болгарской компартии вопросы, связанные с усилением вооруженной борьбы. На встрече был, затронут вопрос об участии в боевых действиях интернационалистических формирований. Лидер КПГ рассчитывал добиться решающего успеха уже к середине 1947 года.

Неудачи военных операций «Аэтос», «Иэракс» и угрожающие заявления видных деятелей КПГ, вызвали соответствующую реакцию в официальных афинских кругах. Правительство Д. Максимоса прибегло к превентивным мерам — арестам лидеров, активистов и сторонников КПГ, ЭАМ и вообще левого блока. 8 июля только в одной лишь столице полиция арестовала 2613 человек. Среди задержанных были секретарь ЦК ЭАМ М. Парцалидис, его жена, член ЦК ЭАМ К. Гавриилидис, лидеры Социалистической партии Илепулос и Алексиу, общественный деятель Я. Кардатос и др. К 17 июля в Афинах и Пирее число арестованных достигло 7 тыс. человек. В других городах за решетку было брошено еще 8 тыс. левых и их сторонников.

Продолжались и военные операции против партизан. 22 июня 1947 года состоялось специальное военное совещание под председательством короля Павла I. Греческий генералитет, присутствующий на нем, лишний раз смог убедиться в решительности молодого монарха и его крутом нраве. Король

обрушился с резкой критикой на предыдущие действия военных, назвав их «неуклюжими», «робкими», «лишенными настойчивости и напора». При разносе высших военных чинов больше всех почему-то попало генералу Д. Зафиропулосу, управление войсками которого Павел I сравнил с «игрой на скрипке мужицкой сандалией». Свою гневную речь монарх завершил фразой, ставшей, к этому времени, широко известной всей Греции. «Только ослы не могут хорошо сражаться в горах!» — заявил Павел I, видимо, не подозревая, что авторство фразы принадлежит его заклятому врагу.

На совещании было решено бросить против партизан все наличные силы. Пристыженные генералы заверили монарха, что с помощью поступившего из США тяжелого вооружения, прежде всего новейших самолетов, быстро разгромят «банды красных негодяев».

26 июня начался третий этап плана «Терминиус» — операция «Коракс». Наступление правительственных войск, располагавших тяжелой артиллерией, танками и крупными силами авиации, развернулось в районе Грамоса, где теперь находилась основная база ДАТ.

С первых же дней наступления войска встретили упорное сопротивление партизан. Бои приняли ожесточенный характер.

В начале июля положение частей ДАТ заметно ухудшилось. Начал сказываться численный перевес сил противника и его вооружение. Вражеская авиация безнаказанно бомбила позиции партизан, громила населенные пункты в их тылу. Атаки правительственных войск становились все настойчивее.

Партизаны начали отступать. Вскоре возникла опасность полного окружения. Чтобы вырваться из кольца командование ДАТ провело блестящую операцию, под названием «Эпирский маневр».

8 июля 6 партизанских батальонов получили приказ начать атаку в направлении Эпира. Прорвать кольцо окружения в районе горы Змоликаса удалось лишь батальону под командованием Барбаляса. Затем партизаны, совершив ночной марш, скрытно переправились через реку Сарантапоро и в районе горного массива Грамос, присоединились к основным силам ДАТ.

Попытки прорыва оставшихся 5 батальонов были отбиты. Противник, встревоженный активными действиями партизан в этом районе, спешно перебросил сюда крупные силы, ослабив другие участки. Но именно эту задачу — ввести противника в заблуждение, и ставило перед собой командование ДАТ, чей план предусматривал нанесение главного удара в противоположном направлении и имел целью коренным образом изменить весь ход военных действий¹¹¹.

Ночью 12 июля две партизанские группировки — Западно-македонская и Эпирская, одновременным ударом прорвали

оборону врага в районе города Коница. К утру 13 июля они вышли в тыл противника в районе Загори. Это позволило им практически беспрепятственно начать движение в направлении Янины — центрального города Эпира. Днем партизаны находились от него на расстояние 20 км. Власти Янины охватила паника. Начальник местной полиции Гондонолуπος, первым вскочил в автомобиль и с криком: «Красные идут!» резво укатил из города. Встревоженный Павел I, узнав о приближении партизан к Янине, связался по телефону с командующим 2-м армейским корпусом генералом Калогеропулосом, и испытал настоящий шок, когда получил подтверждение, что действительно городу угрожает серьезная опасность.

Успешно проведенный «Эпирский маневр» партизан, по признанию генерала Д. Зафиропулоса, «опрокинул планы национальных сил в момент их решительной попытки. Ибо продиктовал вынужденную ориентацию сил, с одной стороны, в направлении Эпира для предотвращения нависшей над Яниной угрозы, а с другой — в направлении г. Гревена для усиления его гарнизона и обеспечения этого важного стратегического центра»¹¹².

Действительно, для защиты от партизан двух важных стратегических центров греческий Генштаб был вынужден начать переброску войск из занятых в ходе осуществления плана «Терминимус» районов Вайо, Грамос, Змоликас.

После переброски войсковых частей эти районы немедленно перешли под контроль ДАГ. Тем самым буквально в один день, были перечеркнуты все результаты, которых добились правительственные войска в ходе проведения операций «Аэтос», «Иэракс» и «Коракс».

Однако выйдя на оперативный простор группировки ДАГ не сумели использовать благоприятную обстановку для дальнейших наступательных действий. Вместо захвата Янины, а также города Коницы, они ограничились сосредоточением в указанных командованием районах, отделились друг от друга, потеряв возможность наступать объединенными силами.

Как оказалась, это был крупный просчет партизан. Генерал Зафиропулос писал:

«Развитие событий доказало, что одна лишь угроза, нависшая над местными военными объектами, заставила генштаб армии отозвать в срочном порядке войска из главного района операции — Грамоса и сосредоточить их в Эпире. Нет сомнений, что результаты этого маневра (т.е. «Эпирского маневра» ДАГ — Авт.) были бы более решительными и их влияние на общее развитие боевых действий больше, если бы этот наступательный маневр перерос в наступление против Коницы и Янины, ибо их гарнизоны были ничтожными, и командование партизан имело точные данные о них, полученные от пленных.

(...) Маневры крупными силами в большой глубине не должны быть ограничены лишь угрожающими движениями в тылу врага, основная их цель — атака против объектов, имеющих наибольшее военное значение»¹¹³.

По существу к такому же выводу впоследствии пришло и командование ДАГ.

22 июля 1947 года операция «Коракс», не выполнив поставленной задачи, была завершена. В ходе ее проведения правительственные войска потеряли убитыми, ранеными и пленными свыше 3 тыс. человек. Потери ДАГ составили 554 бойца, в том числе убитыми — 77¹¹⁴.

Таким образом, весь план «Терминиус» потерпел полный провал. Причиной этого, по мнению одного из руководителей американской военной миссии в Греции полковника Миксона, стал низкий уровень командования, отсутствие дисциплины и наступательного духа в правительственных войсках. Генерал Д. Зафиропулос также признал, что их командный состав оказался «не в состоянии понять тактику ДАГ», в частности «связь между отдельными действиями партизан»¹¹⁵. Подтверждением этим выводам служит «чистка», устроенная в греческой армии после завершения операции «Коракс». Она коснулась не только командиров многих частей и подразделений, но и высшего звена офицерского состава. В отставку были уволены командиры 8-й и 15-й дивизий, генеральный инспектор министерства обороны и т.д.

В свою очередь, план Н. Захариадиса добиться решающего успеха к середине 1947 года, тоже остался нереализованным. Ввиду того, что правительственные войска имели превосходство десять к одному в живой силе и технике, ДАГ оказалась не в состоянии нанести им сокрушительного поражения. Нехватка сил особенно четко заявила о себе в конце июля. Воспользовавшись провалом очередной операции правительственных войск, партизаны решили сами перейти в наступление. Командование частями ДАГ в Западной Македонии получило приказ об овладении городом Гревена. Наступление обернулось неудачей. Малочисленные отряды партизан были с потерями отбиты гарнизоном города.

Между тем, в августе 1947 года против ДАГ была предпринята еще одна военная операция под кодовым названием «Вэлос» (Стрела). Подготовка к ней проходила со всей тщательностью, на которую был только способен греческий Генштаб. Операция «Вэлос» проводилась в районе Войо-Грамос и также окончилась неудачей. В ходе боев партизанские отряды в очередной раз показали свое военное превосходство над противником. Правительственные войска и здесь «не проявили наступательного духа и должной маневренности», вследствие чего «не выполнили поставленных перед ними задач»¹¹⁶.

Провал операции «Вэлос» стал причиной отставки правительства Максимоса. В начале сентября был сформирован новый кабинет министров, который возглавил Ф. Софулис. В своей программной речи либерал Софулис подчеркнул, что приоритетной целью его правительства является умиротворение страны. В связи с чем, он потребовал разоружения ДАТ и прекращения вооруженной борьбы. После выполнения выдвинутых условий новый премьер гарантировал проведение амнистии. «Правительство, — заявил он, — предоставит амнистию без каких-либо условий всем, кто, прислушиваясь к голосу нации, сложит в кратчайший срок оружие и вернется домой. Если с партизанщиной будет покончено, правительство предаст забвению прошлое и предоставит без каких-либо других условий всеобщую амнистию всем тем, кто в настоящее время находится в тюрьмах в качестве подсудимых или же приговоренных. Если же, несмотря на все это, партизанщина будет продолжаться, тогда я подниму весь народ, чтобы уничтожить ее и всех, кто помогает и следует за ней, самым жестоким образом и всеми имеющимися моральными и насильственными средствами»¹¹⁷.

9 сентября 1947 года командующий ДАТ генерал Маркос отказался подчиниться требованиям правительства. Об этом он заявил в интервью корреспонденту лондонской «Таймс».

12—15 сентября состоялся III пленум ЦК КПГ. Особенностью этого форума была сама форма его проведения. Работа двух частей ЦК проходила раздельно, но по предварительной договоренности. Первая часть ЦК, (С. Анастасиадис, Д. Вландас, В. Маркезинис и др.) принимала решения в Афинах в условиях подполья. Вторая часть главного партийного органа, (Н. Захариадис, М. Вафьядис, Я. Иоаннидис и др.) обсуждала вопросы в Белграде.

В официальной резолюции пленуме говорилось о том, что «вооруженная борьба ДАГ является единственно надлежащим ответом, который народ Греции может дать иностранным оккупантам и их местным ставленникам»¹¹⁸. В первой секретной резолюции определялась руководящая тройка КПГ — Секретариат, в составе Н. Захариадиса, М. Вафьядиса и Я. Иоаннидиса. В этом же документе перед афинской частью ЦК ставилась задача «мобилизовать до конца октября на фронт в рамках общей мобилизации ДАГ 1500 членов партии в Афинах, 600 — в Пире, 500 — в Салониках, а также организовать каналы их ухода в горы»¹¹⁹. Вторая секретная резолюция имела характер военно-политической директивы. В ней определялись конкретные цели и задачи КПГ на ближайшую перспективу. Главными из них были следующие: создание на территории подконтрольной партизанам собственного правительства и реализация секретного плана «Лемнес» (Озера), содержавшим схему установления власти КПГ. План «Лемнес», разработанный

Ст. Папаяннисом, М. Вафьядисом и югославскими военными советниками, предусматривал создать свободную территорию в районе Македонии (горное плато Козани) и затем освободить всю Македонию-Фракию с центром в Салониках и объявлением их столицей партизанского государства. «Лемнес» предусматривалось реализовать до марта 1948 года. Кроме того, на пленуме Н. Захариадис выступил с планом реорганизации ДАГ в регулярную армию и увеличения ее численности до 40 тыс. человек.

Правда, план овладения Македонией-Фракией и реорганизация ДАГ, встретили возражения со стороны генерала Марко-са и командующего частями ДАГ в Восточной Македонии и Фракии Ласаниса (А. Гениос). Они высказали серьезные сомнения в возможности осуществления этих замыслов. Однако на Н. Захариадиса сомнения соратников не произвели должного впечатления. Он твердо верил в возможность реорганизации ДАГ в регулярную армию и, особенно в план «Лемнес». Его уверенность была столь высока, что Генсек отправил шифровку члену Политбюро ЦК КПГ В. Бардзиотасу, возглавлявшему партийную организацию Македонии и Фракии. В ней он предупредил, что «ДАГ скоро ударит, чтобы захватить Салоники и Фанису (псевдоним Бардзиотаса — Авт.) надо быть готовым начать восстание жителей города»¹²⁰. Даже резкий ответ, полученный от Бардзиотаса, не смог поколебать железной уверенности Н. Захариадиса. В шифровке отправленной в Белград Фанис сообщал, что «ДАГ, в соответствии с данными, которыми располагает Бюро обкома, не может ударить и захватить Салоники и подобная операция, по моему мнению, будет авантюрой»¹²¹.

15 сентября 1947 года правительство Софулиса вновь обратилось к партизанам с требованием разоружения и прекращения военных действий. Не дождавшись ответа, 13 октября Софулис, объявил по радио, что начинает национальный поход против партизан.

В середине октября были закрыты печатные органы КПГ и ЭАМ — газеты «Ризоспастис» и «Элефтери Эллада». Одновременно в Западной Македонии командование греческого Генштаба готовилось к проведению очередной операции против ДАГ. 7 ноября правительственные войска перешли в наступление в районе Войо-Грамос. После ожесточенных боев войска были вынуждены отступить. Стоит заметить, что это отступление противника стало причиной того, что руководители КПГ, находящиеся на территории Югославии, расценили его, как доказательство приближающейся победы партизан. «Еще один, два удара и враг будет разбит окончательно и бесповоротно!» — узнав об отступлении правительственных войск, заявил Захариадис.

В свою очередь части ДАГ начали операции, имевшие целью овладение районом Мургана и городом Мецово. Вскоре

район перешел под контроль партизан. Но захватить город им не удалось. Сильный гарнизон Мецово легко отбил все партизанские атаки. Кстати, неудачу под Мецово Н. Захариадис объявил следствием устаревшей партизанской тактики — наскок-удар, которую необходимо заменить действиями, присущими регулярной армии.

К началу декабря военные операции были приостановлены. По оценке генерала Д. Зафиропулоса, в этот период «установилось равновесие сил, которое диктовало обеим сторонам серьезно подготовиться к ведению военных действий весной и летом 1948 года»¹²².

2 декабря в Вици (район Войо-Грамос) состоялось заседание Политбюро ЦК КПГ, на котором присутствовали Захариадис, Иоаннидис, Бардзиотас, Вафьядис и ряд командующих региональными группировками ДАТ.

На заседании было принято решение о создании Временного Демократического правительства Греции (ВДПГ). Отсутствие в руках партизан какого-либо города, который можно было бы объявить столицей Свободной Греции, не бралось в расчет, поскольку Н. Захариадис считал, что это дело ближайших дней. При этом Генсек уверенно полагал, что захват крупного населенного пункта и образование в нем партизанского правительства подтолкнет страны народной демократии и СССР к признанию ВДПГ. Он даже наметил цель — город Коницу, находившийся на северо-западе страны в горном массиве недалеко от Албании, В конце декабря партизаны предприняли попытку захвата этого города, но потерпели поражение. Кроме того, предполагалось, что в образовании ВДПГ активное участие примет ЭАМ. Однако, большинство левых партий, входящих в эту политическую коалицию, отказалось от плана греческих коммунистов.

Тем не менее, 25 декабря 1947 года радиостанция «Свободная Греция», ведущая радиотрансляцию из Белграда, сообщила о создании Временного Демократического правительства Греции. В его состав вошли члены Политбюро и секретари ЦК М. Вафьядис, Я. Иоаннидис, П. Русос, В. Бардзиотас, Л. Стрингос, М. Порфирогенис, Д. Вландас и давний сторонник КПГ, профессор Афинского университета П. Коккалис.

Первыми на создание ВДПГ откликнулись средства массовой информации соседних с Грецией стран. Югославская печать в своих комментариях отметила, что сформированное правительство «является свидетельством побед ДАТ, провалом американской политики в Греции»¹²³. Албанская газета «Башкими» заявила, что «для албанского народа, как и для всех демократических народов на Балканах и в мире, единственной властью, которая действительно представляет волю греческого народа, является временная власть, созданная в горах Греции, которая

ведет борьбу за освобождение греческого народа от империалистического ига»¹²⁴. Затем сообщение об образовании ВДПГ появилось на страницах официального органа ЦК ВКП(б) газеты «Правда».

Впоследствии М.Вафьядис (генерал Маркос) писал, что создание ВДПГ было преждевременным:

«Когда вопрос поставили на обсуждение в Политбюро, я сказал, что мы немного торопимся. Я спрашивал тогда, существуют ли надежды на признание этого правительства, а также предложил назначить его главой Иоаннидиса. Это было за несколько дней до наступления на Коницу. Захариадис ответил: возьмем Коницу, создадим правительство и, вероятно, нас признают»¹²⁵.

В ответ на создание ВДПГ правительство Софулиса приняло 27 декабря 1947 года специальный закон №509 «О мерах безопасности государства, государственного строя и защите гражданских свобод», в соответствии с которым КПГ и ЭАМ объявлялись вне закона.

В 1948 году расстановка сил на фронтах гражданской войны в Греции была следующей.

Правительственные войска насчитывали 180 тыс. солдат и офицеров, а вместе с личным составом полиции, жандармерии и вооруженных формирований монархических партий, численность войск доходила до 300 тыс. человек. К началу 1948 года размер военных поставок правительственным войскам со стороны США, достиг почти 100 млн долларов.

Силы ДАГ определялись всего в 26 тыс. бойцов. При этом партизаны продолжали испытывать нехватку вооружения и боеприпасов, поскольку советско-югославские военные поставки, оставались достаточно скудными, по сравнению с поставками, которые получал противник от США.

Уже в начале января 1948 года в Греции начались проводиться активные мероприятия, направленные на подавление антиправительственного сопротивления.

«Чтобы выиграть войну, — писала монархическая газета «Катимерини», — государство должно спокойно и без шума очистить тыл нашей армии от массы людей, которые сотрудничают с врагом. Для этого нет никакой необходимости карабкаться в горы. Достаточно иметь верных и преданных агентов, которые по ночам рыщут повсюду и стучат в некоторые двери в 3 часа утра»¹²⁶.

В течение 8—10 января только в Афинах и Пирее были арестованы 3 тыс. активистов и сторонников левых партий. До марта 1948 года в столице, Пирее, Салониках и других городах страны за решетку отправили еще около 5 тыс. человек. Тогда же в воинских частях прошли аресты солдат и офицеров, заподозренных в связях с партизанами и сочувствии к левым. Всего

было арестовано 2500 военнослужащих. При этом не обошлось без кровопролития. Так, в конце февраля в концлагерь Макронисос, где содержались арестованные военнослужащие, ворвались боевики одной из правых организаций и учинили кровавую расправу. 17 заключенных было убито, 61 получил тяжелые ранения.

Одновременно с массовыми арестами, командованием правительственных войск велись приготовления к военным операциям против партизан. Подготовка операций проходила под руководством военной группы США в Греции (СОИПЕ), которая появилась в Афинах еще в июне 1947 года. В составе группы находилось специальное подразделение, имевшее конкретную задачу «советовать и помогать греческой армии по вопросам, касающимся составления военных планов, организации, ведения операций и обучения согласно военной доктрине США»¹²⁷. Первоначально работой СОИПЕ руководил генерал-майор Лай-всей, но в феврале 1948 года его сменил генерал-лейтенант Ван Флит. С первых же дней нахождения в Афинах новый руководитель американской военной группы, зарекомендовал себя суровым и решительным человеком. На вопрос афинского корреспондента о том, что предполагается предпринять против партизан, Ван Флит командным голосом отчеканил: «Арестовывать их или убивать!».

К середине февраля 1948 года под руководством СОИПЕ были разработаны и начали усиленно осуществляться противопартизанские мероприятия. Было начато создание так называемых «стратегических деревень». Этот замысел состоял в том, что жители деревень, расположенные на территориях контролируемых партизанами, добровольно или принудительно эвакуировались властями, незадолго до начала военных операций. Таким образом, вокруг ДАТ создавалась зона пустыни. Одновременно оборона важных стратегических объектов возлагалась на вооруженные формирования монархических партий, тем самым высвобождая мобильные войска, предназначенные для борьбы против партизан. Учитывая специфику ведения войны в условиях горной местности, в правительственных войсках появились специальные подразделения — легковооруженные роты (ЛОК). С поста начальника Генерального штаба был смещен генерал К. Вендерис. Вакантное место занял генерал Яндзис, а его помощником стал — генерал Китрилакис. Кроме того, к Генштабу в качестве военных советников было прикомандировано 80 американских офицеров.

Греческие партизаны также готовились к весенне-летней военной кампании. 15 января 1948 года в Вици состоялась конференция военных и политических кадров КППГ. В своем докладе Н. Захариадис обрисовал стратегию и тактику дальнейшей борьбы:

«Поскольку противник располагает серьезным, многократным превосходством в живой силе и технике, наша непосредственная стратегическая цель состоит в том, чтобы путем постоянного причинения ему потерь сократить до такой степени его превосходство, чтобы, перейдя в стратегическое контрнаступление, опрокинуть его. Наша тактика — народно-революционная. Она представляет собой творческое, живое и гибкое сочетание тактики регулярной революционной армии с партизанской тактикой»¹²⁸.

Однако главную ставку Захариадис все равно делал на тактику регулярной армии.

«Партизанская тактика является частью нашей революционной военной тактики. Она играет вспомогательную роль, подготавливая условия для перехода в контрнаступление. В то время как вопрос об освобождении Греции в политическом плане поставлен правильно и ясно, наши военно-политические кадры не смогли еще на деле выйти из ограниченных по своим целям районов партизанской борьбы к широким народно-демократическим, революционным горизонтам ДАТ — к освобождению страны», — заявил Генсек КПП¹²⁹.

На этом совещании произошел второй конфликт между Н. Захариадисом и премьер-министром ВДПГ и командующим ДАТ генералом Маркосом (первый конфликт случился в декабре 1947 года на заседании Политбюро ЦК КППГ в Вици). Причиной новых разногласий стала ставка Захариадиса на тактику регулярной армии. Против этого выступал генерал Маркос. Его возражения сводились к следующему:

«Сегодня мы еще являемся партизанской армией, и только осуществление партизанской тактики в сочетании с отдельными, постепенно нарастающими ударами типа наступательных действий регулярных войск даст нам возможность превратиться в регулярную армию»¹³⁰.

Немедленный переход к крупномасштабным наступательным действиям генерал Маркос считал ошибочным и недопустимым, поскольку «противник контролирует ключевые позиции, транспортные артерии и на любом участке, где мы можем в результате усилий целого месяца создать перевес, он в состоянии в сравнительно короткий срок изменить в свою пользу соотношение сил»¹³¹.

На веские доводы боевого генерала Н. Захариадис ответил тем, что назвал их «недальновидными, не учитывающими широких перспектив и возможностей, стоящих перед революционной армией». Большинство присутствующих на конференции выступили в поддержку Генсека КППГ.

В соответствии с замыслом Захариадиса, основные силы ДАТ предполагалось сконцентрировать в районе Войво-Грамоса — Вици, превратив эти труднодоступные горные массивы, посред-

ством устройства фортификационных сооружений (дотов и дзотов) в неприступную крепость и навязать здесь противнику генеральное сражение. Первым его этапом должны были стать жесткие оборонительные действия с целью измотать и обескровить неприятеля. Второй этап предусматривал переход партизан в энергичное контрнаступление, которое завершалось полным разгромом правительственных войск, измотанных предыдущими боями.

С середины января 1948 года начались работы по укреплению района Войо — Грамоса — Вици. Кроме того, в соответствии с партийной доктриной о революционной регулярной армии, в рядах ДАГ расширялся институт политкомиссаров, который возглавил член Политбюро ЦК КППГ В. Бардзиотас, получивший звание генерал-майора. Численность политкомиссаров достигла 700 человек, не считая нескольких сот подофицеров. Одновременно партизанским командованием готовились отвлекающие операции, и проводилось перемещение частей ДАГ с юга на север.

Однако реализация новых планов началась с серьезных неудач.

Так, в соответствии с линией выработанной на совещании в Вици, отдельные отряды партизан, действовавшие на Пелопоннесе, после 15 января были сведены в бригады, которым предстояло освободить ряд крупных административных центров. В условиях полуострова силы партизан оказались сосредоточенными в нескольких пунктах, легко доступных для блокирования противником. И если до этого части ДАГ на Пелопоннесе использовали тактику, хорошо приспособленную к местным условиям, основанную на непрерывном движении и маневре, неизменно приносящую им успех, то теперь они повсюду терпели поражения. Наиболее тяжелыми были поражения при попытках наступления крупными силами в Димицане, Захаро и Пэане.

Передислокация партизанских частей с юга на север тоже была сопряжена с большими потерями, поскольку она проводилась в зимних условиях и невероятной спешке.

Пожалуй, наиболее трагичным стал поход партизан, состоявшийся 15 февраля 1948 года. В этот день из района Враха Румелии в направлении Грамоса вышла колонна, состоявшая из тысячи невооруженных бойцов, среди которых было много добровольцев, только что вступивших в ряды ДАГ (оружие им предстояло получить после прибытия в Грамос). Переход по заснеженным горам оказался невероятно труден. Недостаток продовольствия еще больше ухудшал положение партизанской колонны. К середине марта партизаны сумели добраться лишь до Пиерии. Здесь они встретились с 16-й бригадой ДАГ, которая продвигалась из района Гревены к Салоникам для развертывания отвлекающих действий. В Пирееи бригада получила новый

приказ о сопровождении безоружных бойцов в Грамос. 15 марта обе колонны двинулись в дальнейший путь, который пролегал через Амарбей и Хасию.

Однако на выходе из Пиреии партизаны встретили противника, занявшего все горные проходы. Колонны были вынуждены вернуться в Пиреии и занять круговую оборону на вершинах горы Пэнде Пирги и соседних высотах. Целую неделю партизаны отбивались от правительственных войск, штурмующих их позиции, но вскоре они начали ощущать острый недостаток в боеприпасах. Оставался один выход — прорыв из окружения.

В ночь на 21 марта 16-я бригада и колонна безоружных бойцов, бросив два орудия и тяжелые пулеметы, двинулись по главному хребту Пиерии. Преодолевая снежный покров, толщиной свыше одного метра, партизаны достигли высоты Арванитис и Фламбуро, и отсюда пошли на прорыв.

Внезапность ночной атаки сделало свое дело — окружение было прорвано. К утру противник, оправившись от неожиданности, и организовал преследование. Против партизан была брошена авиация. Прикрываясь арьергардами, неся потери от налетов вражеской авиации, партизанские части упорно продвигались вперед. В одну из ночей они стремительным броском пересекли шоссе на дороге Салоники — Лариса и вступили в район Амарбей. 25 марта партизаны были окружены вблизи селения Сина Керасия. Сложилась критическая ситуация — у окруженных не осталось боеприпасов. Положение спасла подошедшая к селению бригада генерал-майора Ипсилантиса, высланная на помощь командованием ДАТ. В Грамос из 16-й бригады и невооруженной колонны пришли лишь несколько сот человек. Так завершился этот 38-дневный партизанский поход.

В результате многочисленных неудач в ходе отвлекающих операций и крупных потерь, понесенных при передислокации частей, партизанам не удалось ни сковать войска противника в разных районах страны, ни сосредоточить в районе Грамоса крупные силы, необходимые для решительного контрнаступления.

Правительственные войска, стремясь воспользоваться благоприятной ситуацией, 25 февраля развернули наступательные действия в районе Мургана (Эпир). На позиции партизан обрушился удар 75-й и 76-й бригад, поддержанных артиллерией и авиацией. Наступление, натолкнувшись на упорное сопротивление, и вскоре остановилось. 5 марта части ДАТ перешли в контратаку и сильным ударом «опрокинули 76-ю бригаду и разгромили 611-й батальон врага»¹³².

В конце марта правительственные войска, силами трех бригад, нескольких отрядов ЛОК, при поддержке 20 артиллерийских орудий и авиации, вновь атаковали партизан в районе Мур-

ганы. Однако и это наступление не имело успеха. Части ДАТ, умело используя горную местность, нанесли противнику потери и заставили его отступить.

Провал операций в Эпире, «сорвавший общие планы Генштаба и американских советников, заставил их искать легкую победу в каком-либо другом районе страны. Ею они надеялись создать психологические предпосылки для дальнейшего развертывания крупных операций по уничтожению ДАТ»¹³³.

Для достижения «легкой победы» выбор пал на Румелию, поскольку этот район страны давно уже вызывал беспокойство афинского правительства. Здесь оперировали отряды ДАТ под командованием талантливого военачальника И. Александру (Диамантиса), создавшие непосредственную угрозу столице. «Весь район от г. Ламия вплоть до подступов к Афинам, за исключением крупных административных центров, контролировался партизанами», — писал генерал Д. Зафиропулос¹³⁴.

Операция против партизан в Румелии получила кодовое название «Харавги» (Рассвет). Для ее выполнения были выделены крупные силы: 1-я, 9-я и 10-я пехотные дивизии, два отряда ЛОК, специальный разведывательный полк, 17 «охранных батальонов», батальон жандармерии, отряды монархических организаций, численностью 2,5 тыс. человек и специальные команды солдат с собаками, натасканными на поиск партизанских убежищ. Кроме того, к месту проведения операции были переброшены три полка артиллерии и две эскадрильи боевых самолетов. Несколько американских кораблей, патрулировавших в Коринфском заливе, получили приказ на обстрел партизанских позиций в этом районе. Общая численность войск, задействованных в операции «Харагви», составляла 35 тыс. человек. Им предстояло плотно блокировать район гор Сарантена, Вардусия, Гена, Парнасос, оттеснить партизан к югу и, прижав к Коринфскому заливу, вынудить их к сдаче в плен либо уничтожить. Координировал действия правительственных войск штаб 1-го армейского корпуса.

Командование частей ДАГ в Румелии сумело разгадать замысел противника и противопоставить ему свой контрплан. В соответствии с ним, 2,5 тыс. партизан, заранее сосредоточились в определенном районе. И 16 апреля, когда правительственные войска начали занимать исходные позиции для наступления, партизаны нанесли внезапный удар. В районе города Карпенисион части ДАГ, опрокинув 9-ю дивизию и отряды ЛОК, вышли из окружения. В блокированном районе остались лишь мелкие партизанские подразделения и так называемые группы вольных стрелков, состоящие из снайперов и разведчиков. Нанося «булавочные уколы» и умело, маневрируя, они в течение двух недель вводили в заблуждение противника, демонстрируя присутствие в окруженном районе

крупных сил ДАТ. Только к концу апреля командование 1-го армейского корпуса обнаружило, что «главные силы партизан Румелии находятся вне района его действий»¹³⁵.

Между тем развитие вооруженного конфликта в Греции серьезно влияло на всю политическую ситуацию в Европе. Пропитируем историка А. А. Улуняна:

«В глобальном отношении существование двух "горячих точек", в которых шла ожесточенная гражданская война, — Греции и Китая, было предметом военных и дипломатических усилий начавших складываться двух блоков — так называемого "западного" (во главе с США) и "восточного" (руководимого СССР)»¹³⁶.

К февралю 1948 года И. В. Сталин начал проявлять заметное раздражение затянувшимся конфликтом в Греции. Это было вызвано двумя немаловажными обстоятельствами. Дальнейшее развитие вооруженной борьбы в Греции вело к усилению американского присутствия на Балканах. С тактической точки зрения это было крайне выгодно в момент гражданской войны в Китае, но стратегически опасно, поскольку под удар ставился юго-западный фланг создаваемого Советским Союзом Восточного блока¹³⁷. Кроме того, Сталин насторожено относился к усилению активности некоторых балканских стран, делавших определенные шаги к созданию конфедерации восточноевропейских стран, включая Болгарию, Румынию, Албанию, Югославию, Венгрию, Чехословакию, Польшу и Грецию. Появление в Восточном блоке, неподконтрольной конфедерации, руководство которой, вероятнее всего, перешло бы в руки И. Б. Тито, не могло устроить Москву, поскольку становилось отрицательным фактором в «большой» политике. Но помимо этого Сталин был крайне недоволен решением Югославии о передислокации 2-й Пролетарской стрелковой дивизии в Албанию для защиты этой страны в случае нападения со стороны Греции. Недовольство вождя этим фактом оказалось столь высоко, что 1 февраля 1948 года В. М. Молотов, направил в Белград телеграмму следующего содержания:

«Товарищу Тито.

Из Вашей беседы с т. Лаврентьевым (посол СССР в Югославии — Авт.) видно, что Вы считаете нормальным такое положение, когда Югославия, имея договор о взаимопомощи с СССР, считает возможным не только не консультироваться с СССР о посылке своих войск в Албанию, но даже не информировать СССР об этом в последующем порядке. К Вашему сведению сообщая, что Совпра (Советское правительство — Авт.) совершенно случайно узнало о решении югославского правительства относительно посылки ваших войск в Албанию из частных бесед советских представителей с албанскими работниками. СССР считает такой порядок ненормальным. Но если Вы считаете та-

кой порядок нормальным, то я должен заявить по поручению Правительства СССР, что СССР не может согласиться с тем, чтобы его ставили перед свершившимся фактом. И, конечно, понятно, что СССР, как союзник Югославии, не может нести ответственность за последствия такого рода действий, совершаемых югославским правительством без консультаций и даже без ведома Советского правительства. Тов. Лаврентьев сообщил нам, что Вы задержали посылку югославских войск в Албанию, что мы принимаем к сведению. Однако, как видно, между нашими правительствами имеются серьезные разногласия в понимании взаимоотношений между нашими странами, связанными между собою союзническими отношениями. Во избежание недоразумений следовало бы эти разногласия, так или иначе, исчерпать»¹³⁸.

В изложении посла А. И. Лаврентьева, реакция И. Б. Тито на полученную телеграмму, была следующей:

«Тито, прочитав телеграмму два раза, крайне взволнованный, сказал, что не ожидал, что Советское правительство придает этому делу такое значение. Он признает, что им была допущена ошибка, нужно было предварительно проконсультироваться с Совпра, и такая консультация по внешнеполитическим вопросам впредь проводиться будет. Он понимает, что за такие неправильные внешнеполитические шаги реакция возложит ответственность на Советский Союз. Югославская дивизия не будет введена в Албанию»¹³⁹.

Более того, в беседе с советским послом Тито заявил, что не находит каких-либо серьезных разногласий во взаимоотношениях между Советским Союзом и Югославией. Тем не менее, несмотря на столь высокие заверения советско-югославские отношения дали трещину, которая стремительно разрасталась в широкую пропасть.

10 февраля 1948 года в Москве состоялось совещание партийно-государственных деятелей СССР, Болгарии и Югославии, на котором обсуждалась идея интеграции Восточной Европы. На совещание В. М. Молотов выказал неудовольствие по поводу болгарской идеи о создании конфедерации восточноевропейских стран. Позже идея об «организации федерации или конфедерации Балканских и Придунайских стран, включая сюда Польшу, Чехословакию и Грецию» и о «создании таможенной унии между ними» была квалифицирована газетой «Правда», как «проблематическая и надуманная»¹⁴⁰. Сам же Сталин в разговоре с югославской делегацией выразил свое мнение относительно гражданской войны в Греции. «Что вы думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты — Соединенные Штаты, самая мощная держава в мире, — допустят разрыв своих транспортных артерий в Средиземном море! Ерунда. А у нас нет флота. Восстание в Греции надо свернуть

как можно скорее», — заявил Иосиф Виссарионович¹⁴¹. Даже упоминание об успешных действиях коммунистов в Китае не заставили его изменить свою точку зрения. Сталин вновь заявил, что ситуация на Дальнем Востоке совершенно иная, чем в Греции и потому «надо, не колеблясь, свернуть греческое восстание»¹⁴².

Вернувшись из Москвы в Белград, югославская делегация, довела точку зрения Сталина по поводу вооруженной борьбы до руководства КПГ. Однако руководители греческих коммунистов, видя, что столь важное решение, передается через посредников, пришли к выводу о необязательности выполнения рекомендаций Кремля. Более того, они смогли убедить лидеров Югославии в своей неминуемой победе в гражданской войне уже в этом году.

Тем временем в самой Греции к лету 1948 года, была завершена подготовка крупнейшей операции правительственных войск. Операция «Коронис» (Вершина), разработанная греческим Генштабом совместно с СОИГТЕ, имела целью полный разгром партизан. План операции предусматривал уничтожение частей ДАТ сначала в Западной Македонии в течение трех летних месяцев, а затем осенью — на Пелопоннесе и в остальной части Греции. При этом обстоятельство, что первый удар планировалось нанести по расположенному в Западной Македонии району Грамос, «диктовалось не только стратегическими, но и дипломатическими и политическими соображениями. Существовала опасность признания созданного партизанами компактного свободного государства Советской Россией и северными соседями Греции»¹⁴³.

Перед началом операции в Западной Македонии были сосредоточены 1-я, 2-я, 8-я, 9-я, 10-я и 15-я пехотные дивизии, 11 артиллерийских полков, несколько отдельных тяжелых батарей, 8 отдельных пулеметных рот, все механизированные части и более 70 боевых самолетов. Общая численность группировки правительственных войск достигала 90 тыс. человек. Помимо этого к началу наступления правительство Софулиса получило 210 тыс. тонн американского вооружения и военного снаряжения. Правительственным войскам была передана бронетехника, самолеты, горная артиллерия, 5800 пулеметов, 1920 минометов, 70 тыс. винтовок, 3250 радиостанций, 6700 автомашин, 4500 лошадей и мулов и десятки тысяч тонн боеприпасов¹⁴⁴.

Части ДАТ в районе Грамоса насчитывали 11 тыс. человек, вооруженных легким стрелковым оружием. Из тяжелого вооружения они располагали небольшим количеством минометов и 15 горными орудиями. Однако подавляющему превосходству противника в живой силе и боевой технике, партизаны могли противопоставить высокий моральный дух, выгодность своих

позиций и хорошо организованную оборону. К началу наступления правительственных войск они проложили в горах Грамоса и Войо 150 км траншей, построили множество дзотов, дотов и крупных узлов обороны.

Операция «Коронис» началась в ночь на 16 июня 1948 года. Наступлению войск, которыми командовал генерал-лейтенант Калогеропулос, предшествовала мощная артиллерийская подготовка и массированные ракетно-бомбовые удары авиации.

«Целые эскадрильи "Спитфайров" бросают бомбы и ракеты на каждый опорный пункт. 7 артбатарей обстреляли позиции партизан, чтоб подавить их сопротивление», — напишет о начале боевых действий военный корреспондент газеты «Элефтерия»¹⁴⁵.

После огневой подготовки на район Грамос одновременно с двух направлений — северо-востока и юго-запада — двинулись в атаку части 15-й и 19-й пехотных дивизий. Вопреки всем прогнозам и ожиданиям они встретили ожесточенное сопротивление. В ходе 5-дневных боев в предполье партизаны измотали противника и организованно отошли на первую линию своей обороны.

В боях в предполье правительственные войска понесли значительные потери. Особенно сильно пострадала 15-я дивизия, действовавшая в районе Амуда. Вследствие большого урона в живой силе и технике операции дивизии в этом районе были прекращены. Неудачей закончились попытки правительственных войск разгромить партизан и в других местах — Дамаскиня, Орля, Ондра.

21 июня противник перешел в генеральное наступление по всему фронту, длина которого превышала 250 км.

На позиции ДАГ обрушился шквал артиллерийского огня, от силы которого, по свидетельствам очевидцев, раскалывались даже скалы. Авиация беспрестанно бомбила укрепления партизан, применяя напалмовые бомбы. Правительственные войска — 2-я и 10-я пехотные дивизии (вскоре к ним присоединились части 15-й дивизии) стремились прорвать с северо-востока оборону ДАГ в районе Палиокримини, Пендалофос Зузули. Эти соединения должны были овладеть важными стратегическими высотами Тамбури Фурка — Гифтиса, чтобы соединиться с 9-й пехотной дивизией, наступавшей с юго-востока в районе Коница — Клефтис. Одновременно с отвлекающей целью противник проводил наступательную операцию в районе между высотами Палиокримини и Горуша.

Реализация этого плана давала возможность правительственным войскам вклиниться на территорию, расположенную между горными массивами Змоликас и Грамос, что позволяло рассечь партизанскую группировку на две части и уничтожить их одну за другой.

В течение 10 дней в районе наступления 2-й, 10-й и 15-й пехотных дивизий шли напряженные, кровопролитные бои. 2 июля противник прорвал фронт и захватил высоту Талярос. Это произошло по вине партизанского командования, которое недооценила стратегического значения этой высоты и защищало ее незначительными силами. Противник ввел в бой свежие части и начал развивать наступление в направлении высоты Тамбури Фурка, где намечалось соединение с 9-й пехотной дивизией.

С потерей Талярос обстановка для ДАТ резко ухудшилась. Территория, занимаемая партизанами, значительно сократилась, сложнее стало производить маневрирование частями, появились трудности с восполнением людских потерь и боеприпасов. Тем не менее, партизаны оказывали отчаянное сопротивление. Особенно упорно они обороняли горный хребет Клефтис. Бои за этот хребет начались 24 июня и продолжались в течение 45 дней. Каждой атаке правительственных войск предшествовали массированный огонь 25 артиллерийских орудий и воздушные налеты 10—12 самолетов. «Нужны были крепкие нервы, — вспоминал об этих огневых и воздушных налетах командир бригады ДАТ, защищавшей Клефтис, — чтобы выдержать такую массу огня»¹⁴⁶. Однако партизаны не только продолжали удерживать свои позиции, но и непрерывно контратаковали, всякий раз отбрасывая противника на исходные рубежи. 4 июля за штурмом Клефтиса наблюдал весь состав Генштаба греческой армии во главе с королем Павлом I. Но и на этот раз атака правительственных войск захлебнулась.

16 июля операции против партизан были приостановлены. По всему фронту наступило относительное затишье.

К лету 1948 года на ситуацию, складывающуюся на Балканах, заметное влияние начали оказывать усиливающиеся разногласия между СССР и Югославией. Уже с конца мая западные представительства в Белграде обратили внимание на косвенные признаки — сокращение публикаций о Югославии в советской прессе, отсутствие традиционного поздравления из Москвы с днем рождения Тито (25 мая) — указывающие на ухудшение советско-югославских отношений. В начале лета эти наблюдения получили свое подтверждение. 29 июня 1948 года появилась резолюция Информбюро «О положении в Компартии Югославии». Из нее весь мир узнал об «отходе от марксизма-ленинизма, интернационализма и переходе на путь оппортунизма, антисоветских установок, национализма и откола от единого социалистического фронта борьбы против империализма компартии Югославии во главе с Тито»¹⁴⁷. В тот же день пленум ЦК КПЮ отверг все обвинения, выдвинутые в резолюции Информбюро, и сделал заявление о том, что «КПЮ, рабочему классу, трудящимся народам Югославии нанесена величайшая историческая несправедли-

вость»¹⁴⁸. Так, разногласия, начавшиеся с вопроса о посылке югославской дивизии в Албанию, закончились разрывом отношений между СССР и Югославией. Как позже признается сам Тито, «решение начать борьбу за то, чтобы не подчиняться диктату Сталина» оказалось самым трудным моментом, который ему довелось пережить в своей жизни¹⁴⁹.

«Для КПГ этот новый фактор международной политики имел угрожающие последствия, так как именно Югославия осуществляла главную помощь повстанцам», — пишет историк А. А. Улуныя¹⁵⁰.

28—29 июля 1948 года в Грамосе состоялся IV пленум ЦК КПГ. Повестка дня пленума была посвящена текущему моменту и Югославии. Обсуждение югославского вопроса требовала специальная директива Секретариата Информбюро, отправленная 7 июля в ЦК греческой компартии. К этому времени практически все коммунистические, и рабочие партии приняли соответствующие документы в поддержку резолюции Информбюро «О положении в Компартии Югославии». Теперь свою позицию в отношении КПЮ предстояло определить греческим коммунистам. Учитывая зависимость боеспособности ДАТ от Югославии, руководители КПГ постарались избежать открытой конфронтации. Содержание секретной резолюции по югославскому вопросу сводилось «к поддержке (что было уже немало) резолюции Информбюро и цитированию из нее общих положений об отрыве руководства югославской компартии от других стран народной демократии, угрозе националистических тенденцией, недооценке роли партии и рабочего класса»¹⁵¹. Более того, пленум принял решение отказаться на данном этапе от обнародования югославской резолюции, распространив ее по внутрипартийным каналам.

Однако присоединение КПГ, пусть и недостаточно открытое, к другим коммунистическим партиям, осудившими Югославию, немедленно обернулось для греческих коммунистов серьезными проблемами. В Белграде вскоре узнали о секретной резолюции принятой на IV пленуме ЦК КПГ. Югославское руководство «не могло безучастно относиться (даже имея ввиду тяжелое положение КПГ) к критике со стороны тех, чья победа зависела во многом от Югославии»¹⁵². Но ответные действия югославской стороны последуют несколько позже.

Принятие политических решений КПГ по времени совпало с началом нового этапа ожесточенных боев. После короткого периода фронтового затишья, правительственные войска возобновили наступление на Грамос. Командовал операцией генерал-лейтенант Китрилакис, назначенный вместо опозорившегося в присутствии короля Павла I генерала Калогеропулоса.

26 июля главные силы наступающих нанесли два удара — с юго-запада в направлении Клефтиса и с северо-востока — на

высоты Профитис Илас и Тамбури Фурка. В районе Клефтиса правительственным войскам удалось потеснить партизан и прорваться на вершину этой горы. Мощной контратакой части ДАТ восстановили положение, отбросив противника. В этот день потери правительственных войск на обоих направлениях составили 187 человек убитыми и 550 ранеными. Партизанам удалось также сбить из стрелкового оружия два самолета, в том числе один «Спитфайр».

Штурм горного массива и высот продолжался несколько дней. 28 июля при наступлении на Клефтис противник, как отмечала радиостанция ДАТ «Свободная Греция», «бросал войска, словно в мясорубку, непрерывными волнами. На очень узком фронте он 8 раз переходил в атаку»¹⁵³. Только 29 июля вследствие значительных потерь наступление было приостановлено.

Сутки спустя, проведя перегруппировку сил, правительственные войска вновь атаковали позиции партизан. На этот раз главный удар наносился в направлении высот Профитис Илас и Тамбури Фурка. В начале августа восточнее вершины Профитис Илас были захвачены два опорных пункта ДАТ, расположенных на высотах Грибоман и Фляма. В ходе штурма этих позиций по ним было выпущено более 10 тыс. артиллерийских снарядов. При этом потери правительственных войск составили 600 человек убитыми и ранеными.

Падение опорных пунктов создало реальную угрозу захвата высот Профитис Илас и Тамбури Фурка. В связи с этим, партизанские части, защищавшие Клефтис, 1 августа были вынуждены оставить свои позиции, поскольку эта вершина утратила свое прежнее значение в обороне ДАТ. 4 августа начался генеральный штурм Профитис Илас и Тамбури Фурка. В бой были брошены 22-я, 35-я, и 52-я бригады 10-й пехотной дивизии. Атаку поддерживали 43 артиллерийских орудия и большая группа самолетов. 5 августа правительственные войска овладели обеими высотами, стратегическое значение которых состояло в том, что они связывали Грамос с горными массивами Змоликас и Вузион. Таким образом, захват Профитис Илас и Тамбури Фурка рассек на две части территорию ДАТ в Северном Пинде.

Основные силы партизан отступили в главный массив Грамоса, сосредоточившись к северу от р. Сарантапорос. Южнее этой реки действовали отдельные отряды ДАТ, которым отныне отводилась вспомогательная роль.

5 августа спецчасти правительственных войск, совершив глубокий обход через албанскую территорию, вышли с юго-западного направления в тылы партизанских позиций на горных массивах Голио и Каменник. 11 августа на северо-восточном направлении части ДАТ потеряли еще один опорный пункт — высоту Алевица. Потеря трех важнейших узлов обороны сделала положение партизан в Грамосе критическим.

В создавшейся ситуации генерал Маркос принял решение вывести основные части ДАГ из района боевых действий. Намеченный план предусматривал прорыв фронта и выход из Грамоса в район горных массивов Вици и Синячко. Четыре роты из состава 670-го соединения (в период боев в Грамосе партизанские силы состояли из двух группировок: 670-го соединения и частей ДАГ Западной Македонии) оставались на месте для отвлечения сил противника.

Ночью 21 августа партизанские группировки решительным ударом прорвали оборону 15-й пехотной дивизии в узком проходе между высотой Алевица и албанской границей, и вышли из окружения в районе Вици.

В ходе боев на Грамосе правительственные войска потеряли 22 862 человек убитыми, ранеными, пленными и дезертировавшими. Потери ДАГ составили 9228 человек (по мнению отдельных исследователей, эта цифра явно преувеличена, поскольку по данным, которыми они располагают, в район Вици из окружения вышло 5 тыс. партизан)¹⁵⁴.

Одновременно с отходом из Грамоса дальнейшее развитие получил старый конфликт между Н. Захариадисом и М. Вафьядисом (генералом Маркосом). Лидер греческих коммунистов, воспользовавшись оставлением Грамоса, как предлогом, отстранил от командования ДАГ и от партийной работы генерала Маркоса и отправил его якобы на лечение в Советский Союз (смещение популярного среди партизан военачальника тщательно скрывалось до начала 1949 года). Во главе командования ДАГ встали Н. Захариадиси и три члена ЦК. Стоит заметить, что, появившись в Москве Вафьядис, направил в отдел внешней политики ЦК ВКП(б) пространное письмо, в котором изложил свое видение ситуации в Греции, подвергнув критике все решения принятые Н. Захариадисом. В ноябре 1948 года это письмо позволило лидеру КПГ выдвинуть против Вафьядиса обвинение в антипартийной деятельности и исключить его из рядов партии.

Тем временем, наступательные действия правительственных войск против партизан продолжались. Тогда как «снятие Вафьядиса, — пишет А. А. Улунян, — существенно не изменило ситуацию в пользу повстанцев. Тактика обороны свободных территорий на северных границах Греции, ставшая для Захариадиса главным элементом его оперативно-тактического и общестратегического планирования, вела к концентрации сил партизан в нескольких районах, лишая ДАГ ее преимущества — мобильности»¹⁵⁵.

В конце августа 1948 года командование правительственных войск начало операцию против района Вици, расположенного на северо-западе Греции, между озерами Большая и Малая Преспа, непосредственно у границ с Югославией и Албанией. В

случае захвата этого района партизаны отсекались от греко-албанской и большей части греко-югославской границы, тем самым, утрачивая свои иностранные базы и военные поставки извне. Для проведения операции были выделены силы 2-го армейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Кит-рилакиса, в составе 46-й, 61-й и 75-й бригад 15-й дивизии, 3-й, 22-й и 53-й горных бригад 2-й дивизии, при поддержке танковых, артиллерийских и авиационных частей. Численность ударной группировки составляла более 20 тыс. человек.

Партизаны для обороны района Вици, представляющим собой почти правильный четырехугольник длиной около 30 км, имели 9-ю и 10-ю дивизии, сформированные из частей прорвавшихся сюда из Грамоса, общей численностью 5 тыс. человек.

Таким образом, соотношение сил, включая части поддержки, составляло не менее чем пять к одному в пользу правительственных войск¹⁵⁶.

Наступление на Вици началось 26 августа. Первый удар противника был нанесен на северном участке обороны ДАТ, у горного массива Бела Вода. В течение пяти дней здесь шли упорные бои, но сломить сопротивление партизан не удалось. 30 августа правительственные войска, не прекращая атак у Бела Вода, перешли в наступление на южном направлении, у горного массива Мали — Мади — Буци.

5 сентября на южном участке противник потеснил партизан и захватил ряд важных высот. Несколько попыток отбить их обратно не увенчались успехом. Командование ДАТ, чтобы восстановить положение, решило нанести контрудар, в котором должны были участвовать основные силы партизан, оборонявшихся в районе Вици. План был достаточно рискованным, поскольку ставил под угрозу участок обороны у Бела Вода. Однако противник, сосредоточив основное внимание на Мали — Мади — Буци, не заметил перегруппировку партизанских отрядов. В итоге, это позволило нанести правительственным войскам поражение, самое крупное в истории гражданской войны в Греции.

В ночь на 11 сентября 1948 года части ДАТ внезапно атаковали противника. Решительные и дерзкие действия партизан принесли им блестящую победу. Первой была опрокинута 22-я бригада противника на высоте Рабатина. «Поражение на Рабатине было беспрецедентным и свершилось, подобно фейерверку, мгновенно», — вспоминал генерал Д. Зафиропулос¹⁵⁷. Бригада во главе с командиром обратилась в паническое бегство. Такая же участь постигла и другие части правительственных войск — 3-ю, 45-ю и 73-ю бригады. Генерал-лейтенант Китри-лакис тщетно пытался остановить своих солдат, но их бегство было настолько стремительным, что партизаны даже получили возможность атаковать г. Козани путь, на который оказался

полностью открыт. Только недостаток сил и приказ об обороне района Вици не позволил ДАТ захватить город. «В результате впервые за время гражданской войны — и в этом особое значение данного события — крупные силы правительственных войск были наголову разгромлены и обращены в поспешное бегство значительно меньшими силами ДАТ», — отметил историк Г. Д. Кирьякидис¹⁵⁸.

Во время поражения в Мали — Мади — Буци паника охватила и афинское правительство. По словам генерал-лейтенанта И. Ф. Цакалотоса, «министр Рендис, который вместе с престарелым премьером Софулисом примчался на фронт, спрашивал: "Неужели... катастрофа?"»¹⁵⁹

Однако победа партизан в одном из сражений не обернулось катастрофой для правительственной армии. На пороге катастрофы оказалась сама Демократическая армия Греции.

С осени 1948 года в значительной мере осложнилась ситуация с военными поставками для греческих партизан со стороны северных соседей — Югославии и Албании. Причиной этого стала как поддержка руководством КПГ резолюции Информбюро, так и нажим Запада на страны Восточного блока, а также «нежелание Москвы усугублять конфликт на Балканах в момент, когда Югославия оказалась вне границ народных демократий, и ее поведение было трудно спрогнозировать»¹⁶⁰.

Сложившейся обстановкой незамедлительно воспользовались американцы. Во внешней политике США в качестве важнейшей задачи определялся курс, способствующий перманентному отчуждению от СССР югославского режима¹⁶¹. В докладе Совета планирования политики госдепартамента говорилось, что позиция США в югославском вопросе, которая будет сформулирована сейчас, станет важным прецедентом, поскольку возможна дальнейшая дезинтеграция в странах Восточного блока. Авторы доклада особо подчеркивали, что вне зависимости от исхода советско-югославского конфликта урон, нанесенный коммунистической системе этим эпизодом, «возможно никогда уже не будет компенсирован»¹⁶².

Первые контакты американских дипломатов с официальными югославскими представителями состоялись в начале июля 1948 года. На вопрос о том, какой политики со стороны США югославские власти ожидают в будущем, было высказано пожелание о смягчении жесткого курса. Более того, югославы выразили недоумение по поводу того, что американская политика в отношении их страны не смягчилась за последние месяцы, в течение которых возрастало противоборство между Тито и Сталиным. В ходе встречи была затронута и греческая проблема. Югославские представители выразили озабоченность развитием ситуации в Греции, поскольку беженцы из соседней страны — тяжкое бремя для их недостаточно

прочной экономики. На замечание американцев, что эту проблему достаточно легко ликвидировать, посредством прекращения помощи греческим коммунистам, официальное югославское лицо «с уверенностью произнесло, что там не будет югославской помощи»¹⁶³.

И первый недружественный шаг югославам по отношению к греческим коммунистам последовал практически сразу после контакта с американскими дипломатами. Из Белграда пришлось срочно переносить в Бухарест штаб-квартиру ЦК КПГ и радиостанцию «Свободная Греция». Но это было только началом...

Несколько позже отказ в помощи последовал и со стороны Албании. На I съезде Коммунистической партии Албании (КПА) Генсек Э. Ходжа был вынужден откровенно солгать. Он заявил, в присутствии представителей КПГ, что «албанский народ не снабжал, и не будет снабжать греческую Демократическую армию оружием, потому что он никогда не позволит себе вмешиваться во внутренние дела Греции»¹⁶⁴.

Осложнение с поставками оружия, боеприпасов и снаряжения достаточно быстро сказалась на боеспособности ДАГ. Однако греческие партизаны продолжали упорно сражаться против правительственных войск.

В конце августа серьезные бои развернулись в Эпире в районе горного массива Мургана. Здесь оборонялось четыре легких батальона 8-й партизанской дивизии под командованием полковника К. Колияниса. Против них действовали 8-я и 10-я пехотные дивизии, 4-й батальон «национальной гвардии», эскадрон кавалерии, несколько артиллерийских частей (60 орудий), танки и авиация.

К середине сентября, когда у партизан заканчивались боеприпасы и продовольствие, полковник Колиянис принял решение оставить этот район.

В ночь на 16 сентября партизанская колонна вышла в поход. Ее путь пролегал по местности, занятой противником. Но партизаны, двигаясь ночами, по тайным горным тропам, сумели пройти незамеченными и даже провести обоз, состоящий из 300 навьюченных мулов. За двое суток они достигли горного плато Загори, в районе Главного Пиндского хребта, и вышли в тыл правительственных войск близ г. Янина. Противник обнаружил успешный уход партизан из Мурганы лишь тогда, когда они были вне досягаемости.

«Избранное ими направление, хотя и может быть охарактеризовано как противоречащее военным правилам и опасное, тем не менее, оказалось самым надежным, так как, будучи нелогичным, ввело в заблуждение национальные силы. С помощью маневра партизаны действительно ускользнули с плотно занятой войсками территории, успешно преодолев два серьезных препятствия — р. Каламаса и шоссе Янина — Калпаки», — оце-

нит поход отряда Колияниса генерал Д. Зафиропулос¹⁶⁵. Командование ДАГ тоже отметит блестящий маневр полковника К. Колияниса, присвоив ему чин генерала.

Успешные действия партизан в районах Вици и Мурганы вызвали сильное раздражение в афинских верхах и в СОИПЕ. Неудача правительственных войск в Мали — Мади — Буци, привела к отставке генерала Китрилакиса, до этого считавшегося одним из самых способных военных деятелей греческой армии. Газета «Нью-Йорк таймс» так прокомментировала боевые действия: «Наступление на Грамосе не смогло уничтожить главную группировку партизанских сил. Национальная армия не проявила наступательного духа в операциях в Вици. Доказано, что моральный дух армии, несомненно, пал, и именно тот факт, что партизанское движение продолжается в таком же масштабе и с такой же интенсивностью, свидетельствует об ухудшении положения»¹⁶⁶. Неудача в Мургане вызвала гневную реакцию начальника СОИПЕ генерал-лейтенанта Ван Флита. Выступая на собрании офицеров в Афинах, он с негодованием рассуждал о «бездарности греческих военных руководителей» и грозил, что если и дальше так будет продолжаться, то «американцам придется покинуть Грецию»¹⁶⁶. В Афины для консультаций прибыли государственный секретарь Д. Маршалл, военный министр Ройал и специальный представитель президента США А. Гарриман.

После боев в Грамосе, Вици и Мургане части ДАГ провели еще несколько боевых операций. 16 октября 18-я партизанская бригада внезапной атакой захватила г. Птолемаис в Западной Македонии. Однако удержать его не смогла и после 6-часового боя отступила из города. 12 ноября части 11-й дивизии ДАГ взяли г. Сясиста в Западной Македонии, но также были вынуждены отступить. В начале декабря партизанские отряды Южной Греции овладели г. Кардица в Фессалии. При этом правительственный гарнизон потерял убитыми 248, ранеными 369 и пленными свыше 90 человек. Через три дня партизаны были выбиты из города превосходящими силами противника. 22 декабря части ДАГ взяли сразу два города — Наусу и Эдесу, однако на следующий день правительственные войска, заставили их отступить в горы. 24—25 декабря в Центральной Македонии при артиллерийском обстреле Салоников, объединенные отряды ДАТ также постигла серьезная неудача. Партизанская артиллерия успела выпустить по целям в городе 150 снарядов, и после этого была окружена противником. В завязавшемся бою партизаны понесли значительные потери в живой силе и потеряли всю свою артиллерию.

Этими операциями завершились жестокие бои 1948 года. В новом году греческим коммунистам предстояло либо победить, либо погибнуть. Иного пути у них не было.

1949 год начался с боевых действий на Пелопоннесе.

Новый главнокомандующий правительственными войсками генерал А. Папагос, в отличие от своих предшественников, оказался умелым военачальником, действовавшим против партизан нешаблонными методами. Его тактика заключалась в следующем: оставив минимум войск для блокирования частей ДАГ в горных районах, сконцентрировать ударную группировку против Пелопоннеса, после чего приступить к ликвидации партизанского движения на полуострове.

Операция правительственных войск «Перистер» (Голубь) началась в последних числах декабря 1948 года. Против 3-й дивизии ДАГ; насчитывающей 3 тыс. человек, действовала группировка войск численностью 44 тыс. солдат и офицеров, поддерживаемая авиацией и американскими военными кораблями, блокировавшими полуостров. Одновременно с боевыми действиями, правительственными войсками на Пелопоннесе были окружены все населенные пункты, которые, по агентурным данным, оказывали помощь партизанам.

Однако 3-я дивизия ДАГ, невзирая на малочисленность и фактически утратив базы снабжения, оказала противнику упорное сопротивление. В начале января 1949 года на полуострове начались ожесточенные бои.

Командование ДАГ, с целью облегчить положение 3-й дивизии, предприняло ряд отвлекающих операций. 11 января отряды партизан захватили г. Науса в Западной Македонии, а 18 января — областной центр Карпенисион в Центральной Греции. Но эти операции не могли оказать серьезного влияния на положение частей ДАГ на Пелопоннесе, тем более что вскоре партизаны оставили города под давлением превосходящих сил противника.

В 20-х числах января 3-я дивизия ДАГ потерпела сокрушительное поражение. К концу января на полуострове остались лишь разрозненные группы партизан, ликвидированные до осени 1949 года.

«Роковой ошибкой, приведшей к гибели наших сил на Пелопоннесе, явилось преобразование партизанских отрядов в регулярное соединение. Согласно полученному нами приказу, эти отряды были сосредоточены в одном месте, что противоречило логике партизанской войны и в конечном итоге привело нас к поражению», — позже напишет командир ударного батальона 3-й дивизии майор А. Камаринос¹⁶⁸.

После разгрома партизан на Пелопоннесе, греческий Генеральный штаб приступил к подготовке новых операций, направленных на полное подавление партизанского движения в стране.

В свою очередь, новое командование ДАГ (Н. Захариадис, В. Бардзиотас, Г. Водициос-Гусиас, М. Вландас), несмотря на

угрожающе складывающиеся обстоятельства, продолжало ориентироваться на ведение фронтальных операций. Более того, в резолюции V пленума ЦК КПГ, состоявшемся 30—31 января, говорилось, что военная «инициатива находится в руках ДАТ, а соотношение сил кардинально изменилась в пользу народно-демократического лагеря и судьба монархо-фашизма и господства американцев в Греции в 1949 г. зависит исключительно и только от боевых успехов ДАТ»¹⁶⁹. В связи с чем делался прогноз о победе греческих коммунистов уже в 1949 году.

Одновременно представители КПГ принимали меры к решению проблемы с военными поставками. 20—21 января в Праге, а в феврале и в Будапеште состоялось совещание Комиссии по координации помощи ДАТ, созданной осенью 1948 года. Советский представитель сообщал о переговорах в ЦК ВКП(б):

«Делегаты на совещании заявили, что каждая страна увеличивает свою долю в материальном снабжении Демократической армии Греции. В отношении взносов в валюте все делегаты дали отрицательный ответ. На совещании было подсчитано, что имеется потребность примерно в 30—40 млн долларов. Греческие представители на совещании заявили свое недовольство отсрочкой в решении вопроса о создании валютного фонда. Представители Польши и Венгрии заявили, что они дадут валюту, но не могут сейчас сказать сколько. Чаше других с различными предложениями по активизации и расширению помощи выступали поляки»¹⁷⁰.

Однако заметных сдвигов в решении вопроса с поставками не намечалось, что было связано как с материальными, так и политическими причинами.

Между тем 12 февраля 1949 года части ДАТ, действуя по плану, утвержденному Н. Захариадисом, предприняли попытку овладеть г. Флориной, в северо-западной части страны. Наступление было отбито с тяжелыми потерями для партизан. Командование ДАТ поспешило объяснить очередную неудачу плохой подготовкой командного состава, а также влиянием неверных установок генерала Маркоса по методам ведения вооруженной борьбы. Захариадис тоже придерживался подобной точки зрения. Он утверждал, что «руководство операцией оказалось не на высоте, хотя план был хороший»¹⁷¹.

Поражение под Флориной поставило ДАТ в трудное положение, прежде всего из-за значительных потерь в живой силе. Тогда как имеющиеся разведданные свидетельствовали о том, что правительственные войска готовятся к решительному наступлению. В связи с этим командованием ДАТ было принято решение о создании второго опорного пункта, чтобы иметь возможность перейти туда в случае захвата противником района Вици.

Выбор командования пал на удобный в плане обороны район Грамос. Теперь сюда предстояло перебросить часть партизанских сил. Однако для этого следовало преодолеть позиции правительственных войск в районе Грамос — Коница. В этих целях партизаны предприняли отвлекающий маневр в направлении Эпира. Противник был вынужден направить туда дополнительные войска, ослабив фронт в нужном районе. Воспользовавшись промахом неприятеля, ночью 2 апреля 8-я дивизия, 103-я, 108-я бригады и личный состав офицерского училища ДАТ, порядка 7 тыс. человек, скрытно перешли линию правительственных войск и вскоре достигли района Грамос.

К этому времени общая численность партизанских отрядов едва достигала 20 тыс. человек¹⁷². При этом большая часть партизан была сконцентрирована в Вици (8 тыс.) и Грамосе (7 тыс.). Оставшиеся отряды, численностью порядка 5 тыс. бойцов, действовали в Румелии, Фессалии, Центральной Македонии и горном массиве Каймакчелана в районе греко-югославской границы.

Сосредоточение основных частей ДАТ в районах Вици — Грамос ускорило наступление правительственных войск, чему в немалой степени способствовала возможность создать абсолютное превосходство сил в районе предстоящих боевых действий. Последнее облегчалось именно тем, что ДАТ почти полностью сосредоточившись в двух районах, оставила в других частях страны малочисленные отряды, которые были неспособны отвлечь своими действиями крупные войсковые группировки.

К началу наступления численность правительственных войск составляла 300 тыс. солдат и офицеров. За период с августа 1947 года до января 1949 года войска получили от США 152 боевых самолета, 3740 артиллерийских орудий, 4 млн снарядов, 97 тыс. винтовок, 280 млн патронов, 10 тыс. автомашин, 26 млн галлонов бензина, 400 раций, 1450 тыс. комплектов обмундирования и т.д.¹⁷³

В первых числах апреля 1949 года правительственные войска перешли в наступление. Операции против партизан начались одновременно в Румелии, Фессалии и Центральной Македонии. В ходе тяжелых боев основные части ДАГ — 1-я и 2-я дивизии, 24-я и 159-я бригады, были разгромлены. Во время одного из боев близ селения Мармара, погиб видный партизанский военачальник командир 2-й дивизии Я. Диамантис (И. Александру). Окончательно сопротивление разрозненных групп бойцов ДАТ в этих районах было подавлено к концу июня.

С началом операций в Румелии, Фессалии и Центральной Македонии правительственные войска также попытались внезапным ударом разгромить партизан, прорвавшихся в район Грамос. Однако эта попытка не увенчалась успехом, партизаны отразили наступление. Греческий Генштаб приступил к под-

готовке операций крупными силами против районов Вици — Грамос.

В конце апреля 1949 года в Белград прибыл Ф. Макил, бывший глава британской военной миссии при штабе Народно-освободительной армии Югославии. Английского генерала связывали с И. Б. Тито личные отношения, которые зародились между ними в период борьбы югославских партизан с гитлеровцами. В беседах фронтовых друзей, лидеру КПЮ было прямо указано на все преимущества прекращения помощи греческим коммунистам. Тито твердо заверил западного представителя в том, что Югославия «закроет в скором времени свою южную границу и прекратит помогать партизанам, но при этом указал на зависимость экономического выживания республики от западной помощи, кредитов и поставок товаров»¹⁷⁴. По словам первого секретаря советского посольства в Югославии А. Зубова, недружественные действия югославского руководства в отношении греческих коммунистов, стали особенно заметными со второй половины 1949 года. Проявление недружелюбия выражалось в «торможении помощи греческому освободительному движению, плохом отношении к раненым партизанам, находящимся в югославских госпиталях, попытках задерживать на своей территории бойцов освободительной армии после их выздоровления и т.д.»¹⁷⁵.

Во время миссии Макила в Югославию, в Москве стало известно о разработке в Лондоне и Вашингтоне плана по свержению коммунистического режима Э. Ходжи в Албании. Эта неприятная новость заставила «советское партийно-государственное руководство принимать меры, чтобы обезопасить позиции СССР в Восточной Европе, избегая очевидных авантюр вне своего домена»¹⁷⁶. Авантюрой, в данном случае, Москва сочла вооруженную борьбу ДАГ в Греции. Поэтому в конце апреля Кремль потребовал от КПГ прекратить военные действия в течение мая текущего года¹⁷⁷. Свою позицию советская сторона подкрепила значительным сокращением военных поставок для ДАГ. Уже 26 апреля представитель ЦК КПГ в Болгарии сообщил руководству греческой компартии о начавшихся трудностях по доставке оружия из Болгарии.

Тем временем, гражданская война в Греции подходила к своему завершающему этапу. В мае командованием правительственных войск была разработана операция «Пирсос» (Факел). Против Вици и Грамос начали концентрироваться крупные силы, перебрасываемые из разных районов страны. При этом сосредоточение войск происходило практически открыто.

Командование ДАГ верно определило, по характеру приготовлений противника, направление главного удара — район Вици, который представлял собой группу небольших высот, с хорошо развитой сетью шоссейных дорог. К тому же на этот раз

противник имел возможность выделить для действий в Вици намного больше войск, нежели в 1948 году, и тем самым надежно закрыть все вероятные направления прорыва партизан в его тыл. При создавшихся обстоятельствах, по мнению современных историков, наиболее целесообразным было перебросить партизан из района Вици либо на Грамос, чтобы укрепить его оборону, либо в другую часть Греции¹⁷⁸. Однако этого сделано не было. Более того, Н. Захариадис уверенно заявил: «В Вици враг не пройдет» и пообещал, что именно в этом районе «монархо-фашизм разобьет себе голову»¹⁷⁹.

В начале июля 11-я пехотная дивизия правительственных войск внезапным ударом разгромила части ДАТ, укрепившиеся в горах простирающихся вдоль греко-югославской границы. Эта операция началась 4 июля, продолжалась пять дней и завершилась захватом вершины Каймакчелана — ключевой позиции в обороне всего горного массива.

10 июля, спустя пару дней после изоляции греческих партизан от соседней страны, И. Б. Тито заявил о решении закрыть границу с Грецией, имея в виду прекращение поддержки ДАТ. В справке дипломата А. Зубова о югославо-греческих отношениях заявление Тито расценивалось как «логическое завершение предательской политики югославских руководителей в греческом вопросе»¹⁸⁰. Далее Зубов подчеркивал, что граница полностью закрыта для греческих патриотов, но она остается «открытой, как и прежде, для предателей греческого народа, которые, действуя в союзе с югославскими властями и англо-американскими империалистами, вносят разложение в ряды демократических войск»¹⁸¹.

До конца июля противник продолжал, открыто стягивать войска в район Вици — Грамос. 18 июля разведка ДАГ установила, что в города Цотили и Неаполи, находящиеся восточнее Грамоса, прибыли части 9-й пехотной дивизии правительственных войск. 22 июля колонна противника в составе 150 машин проследовала из г. Коницы к мосту Страциани, т. е. в обход партизанских позиций на Грамосе. По свидетельству генерала Д. Зафиропулоса цель этих демонстративных действий, состояла в том, чтобы «улучшить рубежи атаки для предстоящего генерального наступления, сковать силы ДАГ в Грамосе, помешать их переброски в Вици и, наконец, создать впечатление, что генеральное наступление начнется сначала в Грамосе, а затем в Вици»¹⁸².

Попытка правительственных войск дезориентировать партизан блестяще удалась. 22 июля командование ДАТ, основываясь на данных разведки, изменило свое первоначальное мнение о направлении главного удара. Захариадис заявил, что «монархо-фашистские военные руководители решили начать великую битву этого года с Грамоса» и уверенно добавил: «Грамос в этом году станет их могилой»¹⁸³.

2—3 августа в восточной части Грамоса 9-я дивизия правительственных войск провела разведку боем. 4 августа противник нанес удар, главными силами дивизии, стремясь овладеть высотами Папули, Загари и Царно, расположенными между Вици и Грамосом. Особенно ожесточенные бои велись за высоту Царно, являвшуюся центром партизанской обороны. Ночью 6 августа 1-я рота 108-й бригады ДАТ под командованием капитана Марантидиса в рукопашном бою отбросила противника от подступов к высоте. К 8 августа бои на этом направлении прекратились.

Наступление в восточной части Грамоса, окончательно убедило командование ДАТ в том, что правительственные войска наносят главный удар именно здесь. Внимание, к обороне Вици было ослаблено, чем немедленно воспользовался противник.

К этому времени против Вици была сосредоточена мощная группировка правительственных войск: 2-я, 3-я, 9-я (переброшенная из Грамоса), 10-я, 11-я пехотные дивизии, 6 батальонов национальной гвардии, 12 артиллерийских полков, танковые части и авиация, насчитывающая почти 90 самолетов.

Утром 10 августа противник нанес внезапный удар. После длительной артподготовки и массированной бомбардировки района Вици правительственные войска перешли в наступление. 11-я пехотная дивизия и отряды ЛОК, совершив обходной маневр, атаковали партизан с тыла вблизи селения Павлос Мелас. Эта атака застала ДАТ врасплох, поставив под угрозу всю оборону горного массива. При этом правда, положение самой 11-й дивизии и отрядов ЛОК было крайне неустойчивым, но от неминуемого разгрома их спасла лишь растерянность и бездействие партизанского командования.

11 августа в ходе упорных боев продвижение противника на ряде направлений было остановлено. Однако 12 августа положение ДАТ вновь ухудшилось. Вечером этого дня самолеты правительственных войск произвели демонстративную высадку «десанта», сбросив в тылу партизан в районе деревень Ватохори и Антартико чучела парашютистов. Крупный «десант» противника в глубоком тылу усилил растерянность командования ДАТ. Воспользовавшись этим, противник ввел в бой вторые эшелоны, усилив натиск. Это привело к тому, что части ДАТ 13—14 августа начали оставлять свои позиции и с боем отходить к Грамосу, ставшему теперь последним оплотом обороны.

Отход партизан из района Вици оказал негативное воздействие на защитников Грамоса, подорвав их уверенность в победе. Положение еще больше ухудшилось, когда в Грамосе появились части ДАТ, деморализованные поражением.

24 августа правительственные войска начали операцию против Грамоса. Наступление велось по всему фронту, однако, главные силы противника продвигались вдоль греко-албанской

границы с целью не допустить перехода ее партизанами. Для командования ДАГ продвижение крупных частей неприятеля в пограничной зоне вновь оказалось полной неожиданностью. 28 августа Н. Захариадис, отчетливо понимая, что при дальнейшем сопротивлении партизаны будут окружены и уничтожены, отдал приказ о переходе границы и эвакуации в Албанию. В течение 28—30 августа части ДАГ с боями ушли на территорию соседней страны. Поражение греческой революции стало свершившимся фактом. Для 57 тыс. человек — бойцов ДАГ и членов их семей началась жизнь в эмиграции на территории Албании, Болгарии и Югославии. Около 20 тыс. греков-политэмигрантов нашли приют в советском Узбекистане. Бывшие бойцы ДАГ и члены их семей разместились в 13 городках в районе Ташкента и 2 в районе Чирчика.

Дальнейшая судьба руководителя КППГ, командующего ДАГ Никоса Захариадиса сложилась трагически. В 1950 году он был принят Сталиным. Во время беседы Иосиф Виссарионович спросил лидера греческих коммунистов о причинах поражения партизан. Захариадис назвал три причины: предательство Тито, закрывшего границу с Грецией, недостаточная помощь со стороны СССР и ошибки самих греков. Сталин ответил, что это временное поражение, что греческие коммунисты победят и достаточно скоро.

Стоит заметить, что слова Сталина о скорой победе греческих коммунистов, были сказаны не просто так, в утешение. Известно, что из эмигрировавших в СССР греков 500 человек сразу же направили на учебу в военные училища и академии. Этот факт, по мнению современного греческого историка А. Парниса, мог значить только одно: Сталин тайно готовил армию для вторжения в Грецию. За подобную версию, говорят и многочисленные проекты Захариадиса, направляемые им в ЦК ВКП(б), и в которых содержались различные варианты вторжения, начиная от морского десанта до воздушной высадки интернациональных бригад.

Однако Сталина вскоре не стало. После его смерти в политике подули другие ветры. В новых условиях политическая фигура Захариадиса выглядела несколько одиозно. К тому же в самой КППГ начались серьезные внутрипартийные раздоры по поводу смены лидера. Дошло до того, что в сентябре 1955 года в Ташкенте произошли уличные столкновения между греческими эмигрантами, разделившихся на сторонников и противников Захариадиса. В результате массовой драки пострадали десятки человек. В 1956 году на VII пленуме ЦК КППГ Захариадиса сняли с поста Генсека «за ошибки», назвав его борьбу с империализмом предательством (существует версия, что причиной снятия стало тайное предложение греческих судовладельцев советской стороне о постройке 200 судов в обмен на

смещение Захариадиса). На этом же пленуме его исключили из рядов КПГ.

Отстраненный от дел Захариадис, под выдуманным предлогом, был убран из Москвы. Он поселился в городе Боровичи Новгородской области под именем Николаев Николай Николаевич. Через семь лет, в 1962 году, Захариадис отчетливо понял, что временное «заточение», обернулось для него бессрочным. «Меня обманул ЦК КПСС», — скажет он позже. В мае того же года Николаев-Захариадис приехал в Москву, пришел в греческое посольство и потребовал выдать визу в Грецию, где он был заочно приговорен к смертной казни. Ему напомнили о приговоре. «Я готов отвечать перед судом», — ответил Захариадис. Однако получил отказ.

Поступок экс-лидера КПГ стал предметом разбирательства на одном из совещаний ЦК КПСС. На нем Н. С. Хрущев внезапно предложил отпустить Захариадиса на все четыре стороны, чтобы не нагнетал обстановку. Однако довод М. А. Суслова вернул Хрущева с небес на землю. «Ну да, такого только отпусти, он там какое-нибудь восстание устроит, а нам потом расхлебывай», — заявил Михаил Андреевич.

И Захариадиса отправили в далекий Сургут, где он находился под постоянным наблюдением. Но «Неистовый Никос» продолжал бунтовать, добиваясь возвращения в Грецию и реабилитации своего честного имени перед партией.

На бунт Захариадиса ЦК КПСС отвечал издевательствами. Ему запрещали встречаться с сыновьями Иосифом, Киро и дочерью Ольгой, проживающими в Советском Союзе. Со своей женой Рулой, он не желал встречаться сам, поскольку считал, что она политически предала его, проголосовав «за» во время пленума 1956 года. Не пускали к нему в Сургут и оставшихся верными соратников по КПГ.

Но Захариадис упорствовал. Он объявлял голодовки, совершал побеги. Со временем тупость и издевательства системы «развитого социализма» сделали свое подлое дело. 1 августа 1973 года Н. Захариадис повесился. Последнее издевательство властей, чуть было не догнавшее его после смерти, оказалось следующим. На могильной плите бывшего узника КПСС хотели высечь фамилию «Николаев». И только после бурных протестов семьи согласились, чтобы на ней было начертано его настоящее имя — Никос Захариадис.

В январе 1951 года греческим Генеральным штабом были обнародованы обобщенные цифры потерь в ходе гражданской войны 1946-1949 годов. Правительственные войска потеряли 12 777 убитыми, 37 732 ранеными и 4257 пропавшими без вести. Потери греческих партизан составили около 38 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 40 тыс. были захвачены в плен или сдались. Кроме того, 931 мирный житель подрывался на

минах, а также партизанами было убито 4124 гражданских лица, в том числе 165 священников. В ходе боевых действий были взорваны 476 шоссе, 439 железнодорожных мостов и уничтожено 80 железнодорожных станций¹⁸⁴

По данным справочного издания «Потери народонаселения в XX веке» в ходе гражданской войны в Греции общие потери составили 160 тыс. человек. Из них 145 тыс. было убито и умерло от ран, 320 тыс. получили ранения различной степени тяжести, 6 тыс. казнено и 9 тыс. погибло в заключении в тюрьмах и лагерях¹⁸⁵.

Примечания к главе 5

¹ История Второй мировой войны 1939—1945. В 12 тт. Т.3. М., 1974. С.267.

² История Второй мировой войны... Т.4. С.452.

³ Там же. С.213.

⁴ Эрман Дж. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944. М., 1958. С.114.

⁵ Кирьякидис Т.Д. Гражданская война в Греции 1946—1949. М., 1972. С.16.

⁶ История Второй мировой войны... Т.6. С.294.

⁷ Там же.

⁸ История национального сопротивления в Греции 1940—1945. М., 1977. С.165.

⁹ Там же. С. 166.

¹⁰ История Второй мировой войны... Т.7. С.402.

¹¹ Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х книгах. Кн.3. Т.5—6. М., 1991. С.293.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Черчилль У. Вторая мировая война... С.294.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: История Второй мировой войны... Т.7. С.403; Кирьякидис Г.Д. Гражданская война в Греции... С. 18; Черчилль У. Вторая мировая война... С.293.

¹⁷ Черчилль У. Вторая мировая война... С.295.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Имеется в виду Московское совещание представителей СССР, США и Великобритании по отдельным вопросам ведения Второй мировой войны и послевоенного мирного урегулирования в октябре 1943 года. См.: Черчилль У. Вторая мировая война... С.485.

²⁰ История Второй мировой войны... Т.8. С. 192.

²¹ Кирьякидис Г.Д. Гражданская война в Греции... С. 19.

²² История Второй мировой войны... Т.8. С. 192—193.

²³ Черчилль У. Вторая мировая война... С.484.

²⁴ Эрман Дж. Большая стратегия, октябрь 1944 — август 1945 гг. М., 1958. С.57.

²⁵ История Второй мировой войны... Т.9. С. 184.

- 26 *Черчилль У.* Вторая мировая война... С.486.
- 27 Там же.
- 28 Там же. С.487.
- 29 Там же.
- 30 История национального сопротивления в Греции... С.403—404.
- 31 *Лавренев С.Я., Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2003. С.55.
- 32 *Черчилль У.* Вторая мировая война... С.487.
- 33 Там же. С.489.
- 34 *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С.21.
- 35 *Черчилль У.* Вторая мировая война... С.494.
- 36 *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С.22.
- 37 Там же.
- 38 Там же. С.23.
- 39 *Улуния А.А.* Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. КПГ в Национальном сопротивлении, Гражданской и «холодной» войнах. 1945—1956. М., 1994. С. 136.
- 40 *Черчилль У.* Вторая мировая война... С.491.
- 41 Там же.
- 42 *Улуния А.А.* Коммунистическая партия Греции... С. 140.
- 43 Там же.
- 44 Там же. С.135.
- 45 Там же. С. 141.
- 46 *Васильева И., Гаврилов В.* Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С.183.
- 47 Там же. С. 184.
- 48 *Улуния А.А.* Коммунистическая партия Греции... С. 139.
- 49 Там же. С. 140-141.
- 50 *Кириякидис Т.Д.* Гражданская война в Греции... С.79.
- 51 *Хименко А.* Судьба человека на фоне эпохи: взлет и падение Никоса Захариадиса // Мировая экономика и мировые отношения. 1992. №2. С.101.
- 52 Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость (1941—1945). М., 1978. С.387.
- 53 *Улуния А.А.* Коммунистическая партия Греции... С. 146— 147.
- 54 *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции....С.80.
- 55 *Улуния А.А.* Коммунистическая партия Греции... С. 151.
- 56 Там же. С.151-152.
- 57 Там же. С. 150.
- 58 *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С. 105.
- 59 *Улуния А.А.* Коммунистическая партия Греции... С. 161—162.
- 60 *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С. 115.
- 61 Там же. С. 115-116.
- 62 *Улуния А.А.* Коммунистическая партия Греции... С. 167.
- 63 Там же. С. 168.
- 64 Там же. С.169-170.
- 65 Там же.
- 66 Там же.
- 67 Там же. С. 173.
- 68 Там же.

- ⁶⁹ Там же. С. 174.
- ⁷⁰ *Хименко А.* Судьба человека на фоне эпохи... С. 105.
- ⁷¹ *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С. 153.
- ⁷² Там же. С. 159.
- ⁷³ Там же. С. 160.
- ⁷⁴ Там же. С. 165.
- ⁷⁵ Там же. С. 161.
- ⁷⁶ *Малышев В.В.* Греция. Династия Шлезвиг-Гольштейн-Зондентбург-Глюксбург // *Монархи Европы: судьбы династий.* М., 1996. С.350.
- ⁷⁷ *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С. 174.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ *Лавренев С.Я., Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах... С.59.
- ⁸⁰ *Хименко А.* Судьба человека на фоне эпохи... С. 105.
- ⁸¹ *Лавренев С.Я., Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах... С.59.
- ⁸² *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С. 181.
- ⁸³ *Улуния А.А.* Коммунистическая партия Греции... С. 177.
- ⁸⁴ *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С. 179.
- ⁸⁵ *Улуния А.А.* Коммунистическая партия Греции... С. 178—179.
- ⁸⁶ Там же. С. 180.
- ⁸⁷ *Лавренев С.Я., Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах... С.60.
- ⁸⁸ *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С.202.
- ⁸⁹ Там же. С.200.
- ⁹⁰ *Улуния А.А.* Коммунистическая партия Греции... С. 181.
- ⁹¹ Там же. С.182.
- ⁹² *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С. 194-195.
- ⁹³ Там же. С.210.
- ⁹⁴ *Улуния А.А.* Коммунистическая партия Греции... С. 182.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С.234.
- ⁹⁷ См.: *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С.234; *Лавренев С.Я., Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах... С.61.
- ⁹⁸ *Лавренев С.Я., Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах... С.60.
- ⁹⁹ *Улуния А.А.* Коммунистическая партия Греции... С. 183.
- ¹⁰⁰ *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С.205.
- ¹⁰¹ Там же. С.221.
- ¹⁰² Там же. С.226-227.
- ¹⁰³ *Лавренев С.Я., Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах... С.61-62.
- ¹⁰⁴ *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С.235.
- ¹⁰⁵ *Улуния А.А.* Коммунистическая партия Греции... С. 190.
- ¹⁰⁶ Там же. С.191.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 192.
- ¹¹⁰ Там же. С.191—192.
- ¹¹¹ *Кириякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции... С.250.
- ¹¹² Там же. С.251-252.

- 113 Там же.
- 114 Там же. С.256-257.
- 115 Там же. С.255.
- 116 Там же. С.257.
- 117 Там же. С.264.
- 118 Там же. С.273.
- 119 Улуныан А.А. Коммунистическая партия Греции... С.200.
- 120 Там же. С.201.
- 121 Там же.
- 122 Кирьякидис Г. Д. Гражданская война в Греции... С.276.
- 123 Улуныан А. А. Коммунистическая партия Греции... С. 206.
- 124 Там же. С.206-207.
- 125 Кирьякидис Г. Д. Гражданская война в Греции... С. 278.
- 126 Там же. С.283.
- 127 Там же. С.284.
- 128 Там же. С.286.
- 129 Там же.
- 130 Там же. С.287.
- 131 Там же.
- 132 Там же. С.294.
- 133 Там же. С.296.
- 134 Там же.
- 135 Там же. С.298.
- 136 Улуныан А.А. Коммунистическая партия Греции... С.210.
- 137 Там же. С.211.
- 138 Гиренко Ю.С. Сталин — Тито. М., 1991. С.337.
- 139 Там же. С.337-338.
- 140 Там же. С.333-334.
- 141 Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 130.
- 142 Там же.
- 143 Кирьякидис Г.Д. Гражданская война в Греции... С.302—303.
- 144 Там же. С.303-304.
- 145 Там же.
- 146 Там же. С.308.
- 147 Хименко А. Судьба человека на фоне эпохи... С. 106.
- 148 Гиренко Ю.С. Сталин — Тито. М., 1991. С.387.
- 149 Там же. С.343.
- 150 Улуныан А.А. Коммунистическая партия Греции... С.214.
- 151 Там же. С.217.
- 152 Там же.
- 153 Кирьякидис Т.Д. Гражданская война в Греции... С.312.
- 154 Там же. С.316.
- 155 Улуныан А.А. Коммунистическая партия Греции... С.220.
- 156 Кирьякидис Т.Д. Гражданская война в Греции... С.320.
- 157 Там же. С.321.
- 158 Там же. С.322.
- 159 Там же.
- 160 Улуныан А.А. Коммунистическая партия Греции... С.222.
- 161 Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945—1957). М., 2002. С.138.

- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Там же. С. 140.
- ¹⁶⁴ *Улунян А.А.* Коммунистическая партия Греции... С.222.
- ¹⁶⁵ *Кирьякидис Т.Д.* Гражданская война в Греции... С.324.
- ¹⁶⁶ Там же. С.335.
- ¹⁶⁷ Там же. С.324.
- ¹⁶⁸ Там же. С.338.
- ¹⁶⁹ *Улунян А.А.* Коммунистическая партия Греции... С.231.
- ¹⁷⁰ Там же. С.229.
- ¹⁷¹ *Кирьякидис Т.Д.* Гражданская война в Греции... С.343.
- ¹⁷² Там же. С.344.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел... С. 143.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 148.
- ¹⁷⁶ *Улунян А.А.* Коммунистическая партия Греции... С.241.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ *Кирьякидис Т.Д.* Гражданская война в Греции... С.349.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел... С.148.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² *Кирьякидис Т.Д.* Гражданская война в Греции... С.350.
- ¹⁸³ Там же. С.350-351.
- ¹⁸⁴ *Лавренов С.Я., Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах... С.67.
- ¹⁸⁵ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004. С.44.

После поражения республики в 1939 году в Испании оставались малочисленные партизанские отряды, совершавшие диверсии на железных и автомобильных дорогах, линиях связи, добывавшие с боем еду, топливо и оружие. С режимом боролись только коммунисты и некоторые группы анархо-синдикалистов. Секретариат КПИ для организации подпольной борьбы во главе с Х. Ларраньягой был создан в марте 1939 года, сразу после падения республики, но вскоре большинству его членов пришлось, покинуть Испанию, где свирепствовал франкистский террор, унесший жизни 100 тыс. противников режима.

После начала Великой Отечественной войны в 1941 году по директиве руководителя Коминтерна Георгия Димитрова и лидеров КПИ в эмиграции Хосе Диаса, Долорес Ибаррури и Франсиско Антона во Франции в зоне «правительства Виши» было создано подпольное бюро ЦК КПИ, подчиненное руководству Французской компартии. Имена его членов до сих пор неизвестны, в документах они указаны как «т.1, 2, 3». По мнению московского исследователя А. Сагомояна, «т.1» — руководителем Бюро, мог быть вскоре погибший Х. Ларраньяга.

Задачей бюро было недопущение вступления Испании в войну на стороне Германии. В отряды, действовавшие в Галисии, Астурии и Андалусии, были переправлены десятки испанских эмигрантов-военных и партизан для координации партизанского движения, организации актов саботажа. Их деятельность была не очень удачной. Большинство прибывших попадали в руки франкистской полиции и погибали. В докладе о работе Коминтерна в Латинской Америке, направленном Димитрову в июне 1942 года, говорилось, что «аппарат во Франции функционирует и может перебрасывать людей», но «в связи с провалами во Франции, Испании и Португалии наша работа в этих странах находится в бедственном положении»¹.

Одновременно во Франции в Движении Сопротивления воевало значительное количество испанцев, в основном, бывших солдат 14-го партизанского корпуса республиканской армии, интернированных во Франции, а после поражения Франции в 1940 году и освобождения из лагерей объединившиеся в отряды («Испанская военная организация» — ОМЕ) под командованием

бывшего заместителя командира корпуса Антонио Буйтраго. По мнению полковника соединения «Вольных стрелков и французских партизан» — ФТФП коммуниста Гастона Лароша, известного также по работе в Коминтерне под именем Борис Матлин, их было 10 тысяч. Участник Сопротивления испанский эмигрант Альберто Фернандес оценивает их число в 60 тысяч человек².

Первый испанский партизанский отряд возник в июне 1942 года в департаменте Верхняя Савойя. К 1943 году испанские партизаны были сведены в 27 диверсионных бригад (9 дивизий) и именовались 14-м корпусом. Командиром его стал Х. Риос, бывший офицером штаба корпуса во время войны в Испании. В мае 1944 года после приказа де Голля об объединении всех партизанских отрядов во «Французские внутренние силы» (ФФИ) в их составе появилось «Партизанское испанское объединение» под командованием генерала Эваристо Луиса Фернандеса.

Действуя на большей части территории Франции, партизаны-испанцы участвовали в освобождении Парижа и Марселя. Испанцы занимали командные должности в соединениях французских партизан. Так, бывший начальник штаба 14-го корпуса югославский коммунист Л. Илич возглавлял оперативный отдел главного штаба ФФИ (по данным французского журналиста Тьерри Вольтона, в 1946 году именно Илич, будучи генералом и военным атташе Югославии в Париже, вместе с французскими коммунистами готовил выступление испанских партизан). Испанские патриоты вместе с французскими подпольщиками участвовали в террористических актах против нацистских оккупантов, непосредственно испанцы осуществили покушения на немецкого коменданта Парижа генерала фон Шаумбурга и двух офицеров СС в Париже и Лиможе³.

По мнению историка А. А. Сагомоняна, действия партизан в какой-то мере помешали вступлению Испании в войну против Советского Союза на стороне держав «оси» — Германии и ее сателлитов. Хотя на Восточном фронте, в частности, под Ленинградом и Сталинградом, и воевала испанская «Голубая дивизия», в которой за 2 года служило в общей сложности около 50 тыс. человек. Ее командир Муньос Грандес в 1944 году в документах советской Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков под председательством академика Н. Н. Бурденко был объявлен военным преступником, о чем свидетельствуют документы Российского государственного военного архива, выявленные А. А. Сагомоняном. Тем не менее, официально в войну с СССР, Англией и США Испания не вступила. А в апреле 1945 года Франко разорвал отношения с Японией и Германией. Незадолго перед тем, в марте 1945 года, в Мадрид прибыл новый посол США Н. Армюр, в беседе с которым Франко заявил о возможной угрозе новой гражданской войны в стране⁴.

Советская пропаганда писала о режиме Франко в таком же стиле, как и о Гитлере и Муссолини. Но война Испании советским правительством не была объявлена. Здесь можно вспомнить, что СССР не объявлял войны Японии, которая вела активные боевые действия против Англии и США, и Болгарии, также находившейся в состоянии войны с союзниками Москвы.

Относительно Испании в советском руководстве имелись определенные планы, о чем свидетельствует докладная записка, которую в январе 1944 направил наркому иностранных дел Вячеславу Михайловичу Молотову его заместитель Иван Михайлович Майский, бывший посол в Англии, будущий академик и автор монографии «Испания 1808—1917» (М., 1957). Он, в частности, предлагал способствовать ликвидации антикоммунистических режимов на Иберийском полуострове — Франко в Испании и Салазара в Португалии (после чего с Испанией планировалось заключение пакта о взаимной помощи и военного союза).

Затем проблемы Испании были рассмотрены на более высоком уровне. 23 февраля 1945 года состоялась встреча Сталина, Берия и Маленкова с Долорес Ибаррури и ее секретарем Игнасио Гальего, ей обещали поставки оружия для испанских отрядов во Франции и в Испании. «Можете рассчитывать на нас. Испанские антифашистские бойцы — наши союзники», — так, по воспоминаниям Ибаррури, сказал Сталин.

Этому предшествовала встреча Георгия Димитрова со Сталиным, на которой обсуждались испанские вопросы. В октябре 1944 на встрече с испанским коммунистом-эмигрантом, бывшим командиром республиканской армии во время гражданской войны, членом ЦК КПИ генералом Энрике Листером Георгий Димитров, бывший тогда заведующим отделом международной информации ЦК ВКП(б), так сформулировал позицию Сталина относительно Испании:

«а) Сталин хотел расстроить маневры империалистов, ориентированные на то, чтобы оставить Франко у власти после разгрома фашизма на полях сражений (как справедливо отмечает А. Сагомонян, информация Сталина об англо-американских планах была вполне достоверной — Авт.).

б) Согласно Сталину, было необходимо обязать руководителей испанских социалистов, анархистов и республиканцев прекратить их пассивную политику ожидания, что испанская проблема решится силами империалистов.

с) Было необходимо сформировать Правительство или что-то похожее на него, которое могло бы говорить и выступать от имени испанского народа. Было бы желательно, чтобы это будет Правительство, Комитет Освобождения, или как оно там будет называться, было бы возглавляемо Негрином (последний премьер республиканской Испании, союзник коммунистов, ранее, в августе 1941 года и в сентябре 1942 года, в обращениях

Политбюро ЦК КПИ в Москве и центра КПИ в Мексике ко всем антифранкистским силам испанской эмиграции, включая монархистов, католиков и консерваторов, с призывом об объединении Негрин предлагался кандидатом в качестве главы правительства национального единства, адресаты обращений игнорировали их, считая, что коммунисты действуют в интересах СССР - Авт.).

д) И наконец, это Правительство испанской демократии должно быть поддержано народным движением, главное выражение которого могло быть осуществлено в Испании партизанской борьбой.

Относительно этих вопросов и, конкретно, о партизанах Сталин считал, что Модесто, Кордон (военные руководители КПИ — Авт.) и я должны выехать во Францию, куда также переместится Долорес, особенно для того, чтобы связаться с Негрином и другими республиканскими руководителями»⁵.

После этого 7 ноября 1944 года «товарищи Эдуард Эдуардович Лисицын, Георгий Георгиевич Морозов и Антон Антонович Кузнецов» (на самом деле — Энрике Листер, Хуан Модесто и Антонио Кордон) специальным самолетом вылетели из Москвы в Бухарест, а далее через Белград (Кордон остался в Югославии еще на год) в феврале 1945 года прибыли Париж, где и находились в подполье до мая 1945 года. Туда же прибыли из Мексики В. Урибе, А. Михе, Ф. Антон и другие руководители КПИ. В Тулузе было создано новое Политбюро КПИ, в котором военные вопросы курировал Энрике Листер, сменивший генерала Фернандеса во главе «Партизанского испанского объединения». Его заместителем стал Хуан Модесто, политкомиссаром — руководитель испанского комсомола, бывшей деятель КИМ в Москве и будущей лидер КПИ Сантьяго Каррильо.

Сантьяго Каррильо, руководивший центром КПИ во Франции (ему, по словам Листера, во время пребывания в Москве Пальмиро Тольятти и бывший до своей смерти в 1942 году генсеком КПИ Хосе Диас не доверяли), скептически отзывался о московских планах, считая их выполнение «тасканием каштанов из огня для социалистов и анархистов», которым помогали США, Англия и Франция. Коммунисты, по его же мнению, «не получали от советских ничего, кроме советов, которые нам ни к чему». Он же старался убедить прибывшую в Париж в конце апреля 1945 года Долорес Ибаррури в невозможности осуществления плана партизанской борьбы⁶.

По другим данным, тот же Каррильо тогда же в городе Оран (Северная Африка) готовил группу в 60 человек для десанта в Малагу, но после возражений Ибаррури вернулся в Тулузу.

В это время в октябре 1944 года по инициативе генерального секретаря эмигрантского объединения «Испанский национальный союз» (он был создан КПИ и Объединенной социали-

стической партией Каталонии (ПСУК) на подпольной конференции в Тулузе 7 ноября 1942 года, в сентябре 1943 года была организована «Верховная хунта Национального союза». По мнению французских авторов, ИНС финансировался и действовал под руководством ФКП, хотя в него входили и испанские республиканцы и социалисты) лидера испанских коммунистов во Франции каталонца Хесуса Монсона (который перед этим побывал в Мадриде, где встретился с подпольщиками) произошла партизанская операция в долине Аран в Каталонии. Силами 15 тыс. переправленных из Франции партизан планировалось захватить один из крупных городов, создать там правительство, которое было бы признано странами антигитлеровской коалиции, и начать восстание во всей стране. Предполагалось также провести серию диверсионных акций по всей Испании, этим должны были заняться бойцы 14-го корпуса, командир которого находился в Тулузе.

В ночь на 3 октября около 8 тысяч партизан, вооруженных винтовками, автоматами и ручными гранатами, начали переход границы через долины Ронсваль и Ронкваль. Против них были брошены огромные силы — более 150 тыс. франкистских войск с артиллерией и авиацией под общим командованием генерала Москардо. В течение 10 дней не поддержанные местным населением партизаны удерживали долину, однако затем по приказу прибывшего из Алжира члена Политбюро ЦК КПИ Сантьяго Каррильо отступили к 30 октября обратно во Францию без больших потерь. Здесь они перегруппировались и, при благожелательном отношении де Голля, приступили к новым акциям.

После провала операции в долине Аран начался «разбор полетов». Каррильо в докладе Отделу международной информации ЦК ВКП(б), которым руководил тогда Георгий Димитров, утверждал, что партизанские командиры были против операции, считая ее неподготовленной, но подчинились приказу из Мадрида, подписанному Хесусом Монсоном. Каталонец Хесус Монсон, в июле 1945 года арестованный в Испании и приговоренный к 30 годам тюрьмы, был обвинен в провокаторстве и исключен из партии как оппортунист.

Неудачная операция в долине Аран, как ни странно, стала крупнейшей в истории начавшейся в Испании многолетней партизанской войны. Она была подготовлена силами самих испанцев. Нет свидетельств прямой причастности к ней СССР. По мнению историков, слухи о советском участии появились, видимо, после того, как готовившие восстание коммунисты — члены Верховной хунты Национального союза — стали для большего пропагандистского эффекта утверждать в разговорах, что приказ о восстании отдан лично Сталиным. Испанский историк В. Альба в своей книге «Коммунистическая партия Испании» так прокомментировал эти слухи: «Никто не знает, как

он передал свой приказ, и кто его слышал. Но многие коммунисты поверили в него. После долгих лет молчания Сталина об Испании их воодушевило, что он удостоил их приказа о выступлении»⁷.

Вспомнив известную советскую песню тех лет, можно было бы сказать: «Испанцы! Сталин дал приказ». Но Иосиф Виссарионович судя по всему, приказа не отдавал. Трудно сказать лучше, чем один из руководителей аранской операции коммунист Лопес Товар, проявивший редкое понимание: «Я убежден, что Сталин не имел к ней никакого отношения. В то время перед ним стояли такие большие проблемы, по сравнению с которыми наша была слишком мала»⁸.

Тем не менее, Москва продолжала оказывать финансовую помощь испанским коммунистам, которые переправляли в Испанию небольшие партизанские группы и партии оружия. Базой для вооруженной борьбы против режима Франко стала Франция, в которой после Второй мировой войны коммунисты пользовались большим влиянием и входили в правительство. Временное правительство генерала Шарля де Голля не препятствовало испанским эмигрантам в их борьбе против недружественного режима (во время войны Франко, бывший союзником Германии и коллаборационистского «правительства Виши», оккупировал Танжер и претендовал на французскую часть Марокко и Алжир). Возле франко-испанской границы, в городах Тулуза, Монтобан, Перпиньян свободно действовали антифранкистские эмигрантские организации, издававшие десятки газет и журналов, а непосредственно на границе стояли отряды испанских партизан, совсем недавно вместе с французами воевавшие против немцев и петэновцев (сторонников маршала Филиппа Петэна, главы марионеточного «режима Виши»). В Тулузе был создан генеральный штаб Компартии Испании по руководству партизанскими отрядами, там же были радиостанция «Независимая Испания», вещавшая 3 раза в день, спецшкола подготовки партизан и диверсантов, с обучением тактике, взрывному делу, медицинской подготовке, вооружению, топографии, огневой подготовке.

Однако во время операции в долине Аран де Голь, в сентябре того же года принимавший парад испанских партизан в Тулузе, выступил по французскому радио, заявив, что так же, как Испания не напала на Францию в 1940 году, Франция не собирается нападать на Испанию. Таким образом, французское правительство заявило о нейтралитете в испанском вопросе. Тогда же, в ноябре 1944 года, испанское правительство признало Временное правительство де Голля законным правительством Франции. Еще в июле 1944 года сотрудник франкистских спецслужб майор Гутьеррес Меладо вошел в контакт с начальником Главного управления информации и разведки де Голля полковником Алларом

(«дружить» они собирались в близком будущем против коммунистов). Впрочем, полностью дипломатические отношения между Мадридом и Парижем не были восстановлены. Их представители остались в ранге советников, а не послов, как предлагали испанцы. Курс французского правительства относительно Испании объяснялся как внутривойсковой борьбой (коммунисты и социалисты требовали полного разрыва отношений с Мадридом) и торговыми отношениями, так и сложными внешнеполитическими маневрами Парижа между Москвой, с одной стороны, и Лондоном и Вашингтоном, с другой.

Отношение французского общества к Испании было крайне негативным, примером чего может быть нападение на станции Шамбери в июне 1945 года на следовавший из Германии в Испанию поезд с возвращавшимися на родину испанцами. По официальным заявлениям Мадрида это якобы были семьи рабочих и торговцев, однако точно установлено, что среди них были и бывшие солдаты «Голубой дивизии», оставшиеся после ее отъезда в 1943 году в немецком вермахте. В результате местным населением при попустительстве французских жандармов было убито 12 пассажиров поезда, около 100 человек ранено, багаж разграблен, поезд был вынужден вернуться на территорию Швейцарии.

В марте 1945 года был издан указ французского правительства о разоружении испанских партизанских отрядов, фактически невыполненный вооруженными подразделениями КПИ. Американский историк А. Уайтекер охарактеризовал франко-испанские отношения этого периода как «локальную холодную войну ограниченного масштаба»⁹. В марте 1946 года на демонстрации в Париже секретарь ЦК ФКП Андре Марта, руководивший политработой в интербригадах во время гражданской войны в Испании, заявил о готовности французских коммунистов вооружить 100 тыс. человек для вторжения на испанскую территорию. Марти же в январе 1946 года с целью координации действий коммунистов в испанском вопросе организовал конференцию руководителей компартий Англии, Бельгии, Голландии, Дании, Италии, Норвегии, Уругвая, Швейцарии, на которой присутствовал представитель компартии Югославии, и, естественно, руководители КПИ и ФКП.

После провала операции в долине Аран в ноябре 1944 года в Тулузе «Испанский национальный союз» провел конференцию, на которой была принята умеренная демократическая программа с призывом к восстанию против Франко. Утверждалось, что руководство ИНС находится в Мадриде. Это не соответствовало действительности, как и декларации об объединении всех антифранкистских сил: в сентябре 1944 года съезд Испанской социалистической рабочей партии, прошедший во Франции, запретил социалистам сотрудничество с коммунистами.

В декабре 1945 года по решению пленума КПИ в Тулузе «Испанский национальный союз» формально прекратил свою деятельность. Дальнейшую вооруженную борьбу с режимом испанские коммунисты вели уже под флагом своей партии, пытаясь в то же время создать единый фронт борьбы с режимом Франко. В декабре 1945 года, после того же тулузского пленума КПИ, генсек партии Долорес Ибаррури обратилась с письмом к деятелям всех антифранкистских партий, предлагая провести конференцию в Париже и создать коалиционное правительство с участием, в том числе, монархистов и представителей армии. Однако обращение было проигнорировано, после чего Ибаррури пришлось заявить на пленуме партии в марте 1947 года о том, что партизанская борьба — самый короткий и «безболезненный» путь к победе.

В 1983 году Энрико Листер в своих воспоминаниях объявил автором обращения Сантьяго Каррильо, обвиняя последнего (после разрыва отношений между ними) в сговоре с «буржуазными партиями» и в провале партизанского движения. По мнению бывшего партизанского командира, именно Каррильо был виновен в плохом обеспечении партизан оружием и военным снаряжением.

Новая тактика предусматривала создание мощного партизанского движения в самой Испании с целью подготовки последующего общенародного восстания. Действовавшее на юге Франции «Партизанское испанское объединение» было реорганизовано в «Объединение вооруженных сил Испанской республики». В него вошли только отряды компартии Испании во главе с тем же Энрике Листером. На франко-испанской границе было создано 5 партизанских баз, с которых вооруженные группы численностью 10—15 человек переходили в Испанию с оружием, боеприпасами, деньгами. По данным испанских спецслужб, запасы оружия на этих базах насчитывали 48 тыс. винтовок, 3900 пулеметов, 45 тыс. гранат¹⁰.

Было создано 6 партизанских зон, или соединений, с политотделом в каждой. Крупнейшей была Левантско-Арагонская зона («Партизанское соединение Леванте и Арагона»), включавшая Валенсию, Гвадалахару, Теруэль, Сарагосу, часть Барселоны и Лериды. Ее командующим был бывший капитан республиканской армии коммунист Винсенте Галарса (Андрес). Около 500 партизан этого соединения за 4 года боев провели 722 боевые операции против 40 тыс. войск генерала Писарро, штаб которого находился в Толедо. Соединение делилось на секторы — 11-й (командир Гарсия Веласкес — «Гранде») и 17-й (Фуэрте Видоса), при нем имелась диверсионная школа во главе с коммунистом Франсиско Корредора (Пепито) и газета «Партизан».

Было проведено множество операций. В феврале 1946 была захвачена резиденция алькальда деревни Дос Торрес, который

был казнен по приговору партизанского суда, и взорвано управление организации фалангистов в Барселоне с многочисленными жертвами. В июне 1946 года взорвана мина на перекрестке ж.-д. станции Норте в провинции Барселона. В августе того же года на перегоне Валенсия — Барселона освобожден состав с политзаключенными. В сентябре произведено нападение на военную автоколонну на магистрали Теруэль-Куэнья, взорван дом в Барселоне, в котором проходило совещание офицеров гражданской гвардии. В октябре казнены 3 фалангистских руководителя в Кастельоне и Теруэле. В январе 1947 года взорваны пути на станции Монкада, в тот же день захвачен отель, принадлежавший фалангисту Масо Льюренсу. В сентябре 1947 года в деревне Гудар под Теруэлем заброшена ручными бомбами и гранатами казарма гражданской гвардии. Всего только в 1947 году партизаны этого соединения уничтожили 132 гражданских гвардейца, взорвали 26 паровозов, 126 вагонов.

В Галисии и Леоне соединением командовали социалист Мануэль Понте, после его гибели в 1948 году (взят в плен и казнен) — коммунист Антонио Сеоане. 3 отряда под командованием коммунистов Гомеса Гайосо, Сантьяго Альвареса и социалиста Мануэля Ботана за 4 года провели 984 операции против 8 тыс. войск гражданской гвардии. Они специализировались на диверсиях — взрывах линий электропередачи телефонной связи, железных дорог, промышленных предприятий, зданий франкистских организаций в небольших населенных пунктах. Так, в январе 1946 года был захвачен пост гражданской гвардии в деревне Рубиа в Леоне, их командир взят в плен и казнен. В июле 1946 года в Ла Корунье на улице застрелен фалангист М. Вельо, в декабре на станции Кастело в Галисии захвачен и взорван состав с артиллерийскими орудиями. Только в 1947 году убиты 29 фалангистов, проведены 23 диверсии.

Соединение Астурия — Сантандер действовало в Овьедо (Астурия), в Сантандере (Старая Кастилия) и части Бискайи (Страна Басков) под командованием Мигеля Мачадо. За 4 года они провели 737 операций, в основном взрывы опор линий электропередач, кабелей, рельсов, захват и уничтожение правительственных зданий и архивов. В январе 1946 года ими была захвачена станция Карранса в Басконии. В феврале в деревне Меро—дио (Овьедо) казнен крупный местный фалангист Гарсиа Диас. 24 апреля в 15-ю годовщину провозглашения испанской республики в деревне Поте в той же провинции захвачен и сожжен штаб фалангистов и устроен митинг с пением «Гимна Риего» и «Интернационала».

Соединение Эстремадура под командованием бывшего учителя коммуниста Дионисио Тельядо Баскеса («генерал Цезарь») действовало в Бадахосе, Касересе и андалусийской Кордове. За 4 года 3 отряда провели 625 операций. В июне 1946 года было

захвачено поместье фалангиста Моралеса Родригеса с большим количеством оружия и боеприпасов. В июне на автодороге Эль Пардо задержаны автомобили с иностранными дипломатами, партизаны им дали пропагандистскую литературу и отпустили. В октябре 1948 года в местечке Конкиста под Кордовой взорвано железнодорожное полотно.

Соединение Центр под командой коммунистов Кристино Гарсиа и Витини Флореса (после их взятия в плен в октябре 1945 года командовали анархо-синдикалист Венено, погибший в 1947 году, а затем коммунист Сесилио Мартин-«Тимошенко») действовало в самом Мадриде и одноименной провинции, а также в Толедо и Новой Кастилии. Они провели 723 операции силами 200 партизан (из них в самом Мадриде действовало 50 человек). В сентябре 1945 года была захвачена мадридская пригородная железнодорожная станция Империаль (и 21 тыс. песет в кассе), в октябре — центральный банк на ул. Делисиас в Мадриде (143 тыс. песет) и фалангистский штаб в центре Мадрида, в декабре при нападении на полицейский конвой убито 2 конвоира и освобождены заключенные.

Соединение Андалусия охватывало Малагу, Гренаду, Хаэн, районы Севильи, Кадисса. Командовал им член КПИ Рамон Виа, взятый в плен в Малаге при операции в ноябре 1945 года (казнен), затем коммунист Хуан Хосе Ромеро (Роберто). 200 человек, объединенные в 2 отряда, провели 1071 операцию. Только за полтора месяца в марте-апреле 1946 года было совершено 15 нападений на гражданскую гвардию, 11 — на армейские части, 2 захвата оружия, убито 2 фалангиста, совершена 1 диверсия, проведен 1 митинг.

Все соединения в сельской местности нападали на патрули гражданской гвардии, казнили старост, судей¹¹.

По данным, приведенным в письме Ибаррури в ЦК ВКП(б), в Испании действовало 20 тыс. коммунистов, во Франции — почти 14 тыс. членов КПИ¹².

Против Франко действовали и другие политические силы в Испании и эмиграции — анархо-синдикалистские «батальоны Свободы», левореспубликанские «Объединенные испанские вооруженные силы», разгромленные в 1945 году. В октябре 1943 года в Гаване эмигрантами-республиканцами и автономистами была принята «Хартия» с призывом к борьбе с режимом Франко. В ноябре того же года в Мексике после присоединения к «Хартии» социалистов и деятелей профсоюзов была создана «Испанская хунта освобождения», которую поддерживали и не вошедшие в ее состав анархисты. Лидеры «Хунты» — бывший председатель Кортесов (парламента) республиканской Испании Д. Мартинес Баррио и лидер ИСРП И. Прието сразу же заняли резкую антикоммунистическую и антимонархическую позицию, сузив тем самым круг возможных союзников.

В августе 1945 года в Мексике прибывший туда Негрин официально заявил собранию депутатов кортесов об отставке. После чего было создано испанское правительство в эмиграции из представителей республиканцев, каталонских и баскских сепаратистов, социалистов, профсоюзных деятелей и беспартийных во главе с бывшим в 1936 году премьер-министром Испании республиканцем Хосе Хиралем. Кандидатура Негрина, активно сотрудничавшего с коммунистами и СССР, была отвергнута. В апреле 1946 года правительство переехало в Париж, где в его состав вошел представитель компартии С. Каррильо, которому почти через 40 лет это было поставлено в вину Листером. В январе 1947 года правительство Хирала ушло в отставку, его сменил социалистический кабинет Родольфо Льюписа, в состав которого вошел член Политбюро КПИ В. Урибе. В августе того же года было образовано новое правительство, уже без коммунистов и без социалистов, так как руководитель ИСРП Прието хотел договориться с монархистами. В 1946 году КПИ вошла в Национальный альянс демократических сил, созданный социалистами, республиканцами и профсоюзами в самой Испании в 1944 году, но уже в январе 1947 года он самораспустился.

В международной политике «испанский вопрос» решался тогда следующим образом. Еще в июне 1944 года американский конгрессмен Дж. Коффи внес в конгресс США предложение о разрыве отношений с Испанией и «распространении ленд-лиза на партизанские армии испанских республиканцев». Это предложение, как и последующие инициативы Коффи, было отвергнуто конгрессом. Точно так же не получили поддержки американских властей призывы методистского епископа из Бостона Л. Хартмана, собравшего миллион подписей граждан США за резолюцию Коффи, и обращения американских масонов к «брату-масону» — новому президенту США Гарри Трумэну (масонами также были два государственных секретаря его администрации — Дж. Бирнс и генерал Дж. Маршалл) о разрыве отношений с Испанией, режим которой преследовал масонов. Тем не менее, Белый дом был вынужден считаться с антифранкистской кампанией, в которой, среди прочих, участвовала крупнейшая профсоюзная организация США АФТ-КПП.

По предложению Сталина на встрече лидеров стран «большой тройки» в Потсдаме в июле 1945 года был рассмотрен «вопрос о режиме в Испании». Советский руководитель заявил: «Мы, русские, считаем, что нынешний режим Франко в Испании навязан испанскому народу Германией и Италией. Он таит глубокую опасность для свободолюбивых объединенных наций. Мы полагаем, что было бы хорошо создать условия для испанского народа установить такой режим, какой ему нравится»¹³.

Отдельным пунктом в решении конференции СССР, США и Англия высказались против вступления Испании в ООН.

В марте 1946 после казни в Испании взятых в плен 10 партизанских командиров, среди которых был герой французского Сопротивления подполковник французской армии, кавалер ордена Почетного легиона коммунист Кристино Гарсиа, с просьбой о помиловании которого французское правительство безуспешно обращалось к Франко, Франция закрыла границу с Испанией, а правительства США, Англии и Франции заявили в совместной декларации о желательности замены режима Франко временным переходным правительством. 12 декабря 1946 года решением ООН режим Франко был назван фашистским, а сам Франко — одним из виновников развязывания второй мировой войны. Генеральная ассамблея ООН рекомендовала объявить Испании международный бойкот. Все страны — члены ООН, кроме Аргентины и Португалии, отзывали из Мадрида послов.

Режим Франко оказался в международной изоляции, внутреннее положение также было тяжелым. Существовала карточная система (от 100 до 200 грамм хлеба в день). В 1947 году произошла первая в Испании после падения республики забастовка в Бискае на предприятии «Эускалдун»¹⁴.

Франко был вынужден лавировать. Из занятого в 1940 году североафриканского портового города с международным статусом Танжера были выведены испанские войска. Франции был выдан бежавший в Испанию Пьер Лаваль, бывший французский премьер-министр, сотрудничавший с немцами. Однако продолжались и репрессии. Только в последнем квартале 1944 года было казнено около 2000 антифранкистов. Число политзаключенных, по данным зарубежной прессы, насчитывало 225 тысяч человек. Сам Франко в беседе с американским послом Н. Армюром заявлял о 26 тыс. человек¹⁵. 6 июля 1947 года в Испании прошел референдум по вопросу о государственном устройстве, из 17 тыс. участников которого более 14 тыс. человек высказались в пользу монархической формы правления.

Против партизан действовали армия и гражданская гвардия, военизированная полиция, Главное управление госбезопасности, служба информации которого вело наблюдение за партизанскими отрядами во Франции¹⁶. В ноябре 1947 район города Нерха в провинции Малага был объявлен военной зоной (площадь 30 кв. км.), оттуда было вывезено население, введены части марокканских войск и иностранного легиона. На границе с Францией было сосредоточено около 450 тыс. войск. В мае 1947 года были введены военно-полевые суды и трибуналы при войсках гражданской гвардии и полиции. Армейские части передавались в оперативное подчинение комендатурам гражданской гвардии. Франкисты выжигали леса, расстреливали семьи крестьян, помогавших партизанам. Создавались специальные антипартизанские группы из солдат и бывших партизан-преда-

телей под начальством офицеров гражданской гвардии. Они грабили и убивали население под видом партизан. Существовали спецшколы для их подготовки, самая крупная была в Аликанте.

Запуганное франкистским террором население мало помогало партизанам. Между тем с началом «холодной войны» международное положение Испании мало-помалу улучшалось. Франция в январе 1948 года открыла границу с Испанией. По предложению стран Латинской и Центральной Америки — сателлитов США резолюция ООН от 12 декабря 1946 года была отменена в ноябре 1950 года. В связи с этим ушел в отставку с поста председателя ИСРП Индалесио Приета, заявив при этом: «Я потерпел полное поражение. На мне лежит ответственность за то, что я заставил свою партию поверить демократическим державам, которые не заслуживают этого доверия». США, где решающее слово в испанском вопросе оказалось за военными, заинтересованными в Испании как стратегическом плацдарме, начали оказывать ей экономическую помощь (с 1951 года — 150 млн долларов в год). Пентагон здесь резко разошелся во мнениях с госдепартаментом, где некоторые крупные чиновники занимали резко антифранкистскую позицию. Объединенный штаб разведки уже в конце 1946 года прогнозировал войну между СССР и Англией и США, в мае 1947 года в документе Объединенного штаба планирования «Драмбит» предполагалось нападение СССР на Иран, Ирак, Турцию, Грецию или Италию. В результате в Испании начался экономический подъем, вырос национальный доход, была отменена карточная система.

Руководители испанской компартии предприняли последнюю попытку изменить ситуацию. В феврале 1948 года Листер и Каррильо прибыли в Белград, где встретились с руководителем компартии и правительства Югославии Иосипом Броз Тито и другими лидерами КПЮ для переговоров о помощи в подготовке парашютного десанта в Испанский Левант. Сделано это было без консультаций с Москвой, на что югославы и попеняли испанцам. Через две недели размышлений и консультаций с военными специалистами испанцы получили отрицательный ответ, причем технические соображения показались Листеру и Каррильо малоубедительными. По мнению А. Сагомоняна, в обстановке осложнения советско-югославских отношений, шедших к разрыву, Тито не хотел давать Сталину лишний повод для упреков.

5 августа 1948 года руководители КПИ Долорес Ибаррури, Сантьяго Каррильо и Франсиско Антон были вызваны из Франции в Москву, где встретились со Сталиным. Секретарь ЦК ВКП(б) и председатель Совета министров СССР вспомнил отсутствовавшему Листеру югославский эпизод, сказав, что он «кажется, не очень любит Советский Союз», о чем вспомнил

через 28 лет Каррильо, и предложил испанским гостям сделать упор на работу в легальных организациях, в первую очередь профсоюзах («коммунисты должны проникать везде»), и распустить партизанские отряды, оставив только силы для охраны руководителей партии в подполье. На их возражения он назвал их «леваками». Впрочем, испанцы ушли из Кремля не с пустыми руками. По данным Д. А. Волкогонова, знакомого с документами Архива президента РФ, КПИ была предложена денежная помощь — 600 тыс. долларов. В то же время 16 ноября того же года в «Правде» была опубликована статья «Какой «мир» царит в Испании», где вопреки фактам рассказывалось о размахе партизанской войны в Испании.

По мнению А. Сагомоняна, Сталин советовал испанским коммунистам прекратить вооруженную борьбу, чтобы не спровоцировать США и Англию на вооруженную интервенцию. Аналогичную позицию Сталин занимал и в «греческом вопросе» (СССР оказывал коммунистическим повстанцам в Греции, действовавшим против монархического режима, финансовую и военно-техническую помощь). В феврале того же 1948 года на встрече с руководителями Болгарии и Югославии Сталин говорил: «Если вы не уверены, что партизаны победят, нужно свернуть партизанское движение. Американцы и англичане очень заинтересованы в Средиземном море. В Греции они хотят иметь базу и не пожалеют средств, чтобы сохранить там такое правительство, которое бы их слушалось... Если сворачивается партизанское движение, у них нет повода напасть на вас»¹⁷. В свете этого не очень убедительно выглядят ставшие уже общим местом в современной отечественной публицистике рассуждения о стремлении Сталина в последние годы своего правления к мировой войне.

В октябре 1948 года во Франции в Шато-Байе на заседании Политбюро и Исполкома КПИ с участием командования партизан после доклада члена Политбюро В. Урибе партизанские отряды были распущены, а их личный состав получил приказ перейти на территорию Франции. Исключением стали те отряды, которым было поручено, как и посоветовал Сталин, охранять партийные комитеты в горах. Однако вооруженные действия им было велено прекратить. В выпущенном по этому поводу меморандуме КПИ решение о роспуске отрядов связывалось напрямую с изменением международной обстановки, и в порядке партийной самокритики говорилось о необходимости принятия такого решения еще в 1946 году.

За три года героической, но неравной борьбы, по данным Энрике Листера, приведенным им в статье «Из опыта партизанской борьбы в Испании», напечатанной в 1965 году в издававшемся в Праге журнале «Проблемы мира и социализма», испанскими партизанами было проведено: в 1945 году — 783, в

1946-м — 1086, в 1947-м — 1317 операций, отчеты о которых посылались в Москву. Потери испанских партизан составили, по разным данным, около 2500 человек (из 50 тыс. партизан, воевавших в разное время), франкистов — от 200 до 1500 человек. Как обычно бывает неизмеримо выше были потери мирного населения. Партизанское движение продолжалось и после 1948 года. Некоторые отряды продержались до 1950 года, а маленькие группы — и того больше.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов были разгромлены вооруженные организации анархистов (в 1949 году — в Барселоне, в 1950 году был повешен анархист Мануэль Сабатера). 26 апреля 1957 года было сообщено о гибели партизанского командира Хуанина. Командир последнего партизанского отряда Франсиско Сабатера (по кличек «Эль-Тринас») был убит жандармами в 1960 году в Хероне (Каталония)¹⁸. Последний партизан анархист Каракемада погиб под Барселоной в 1962 году¹⁹.

Что известно о непосредственном советском участии в испанском конфликте? Еще в 1946 году в специальной ноте Франко, направленной в Совет безопасности ООН, утверждалось, что советские представители оказывают поддержку испанским эмигрантам на юге Франции. В частности, приводился факт прибытия в Марсель советского корабля «Клим Ворошилов» с военными грузами, причем разгрузка и отправка оружия проводились, по заявлению авторов ноты, под личным наблюдением советского посла Александра Богомолова. В то же время известно, что в феврале-апреле 1947 года в Женеве имели место секретные контакты секретаря испанского посольства в Париже Террасы и швейцарским гражданином капитаном Шерером (Шеффером), который, по данным испанских историков из личного архива Франко, был доверенным лицом Москвы. Советское руководство, считая к этому времени вооруженную борьбу партизан против режима Франко бесперспективной, стремилось таким образом не допустить вхождения Испании в антисоветский военный блок западных стран, к тому времени еще не оформленный. Предлагалось заключить внешнеторговые соглашения между СССР и Испанией. Испанцы должны были в качестве первого шага возвратить в Советский Союз находившихся на их территории дезертиров и перебежчиков, в обмен на военнопленных испанцев. В апреле 1947 года после известной речи президента США, в которой он сформулировал так называемую «доктрину Трумэна», переговоры были прерваны. В мае того же года ТАСС опроверг появившиеся в шведской печати сведения о советско-испанских переговорах (в Танжере и Буэнос-Айресе).

В последние годы появились свидетельства того, что в Испании, вероятно, действовали сотрудники советских спецслужб,

в частности, военной разведки. Сотрудник ГРУ Генштаба Министерства вооруженных сил СССР Герой Советского Союза капитан Федор Кравченко (он хорошо знал испанский язык, так как вырос в Уругвае, куда его родители-старообрядцы уехали до революции от преследований царского правительства) с мая 1945 года под именем Антонио Мартинеса Серано был заместителем начальника штаба соединения в Тулузе (соединение действовало под видом торгового общества). Из Франции он координировал действия разведгрупп в Мадриде, Валенсии и Барселоне. В 1949 года был отозван в Москву, награжден орденом Красного Знамени²⁰.

Можно констатировать, что партизанская вооруженная борьба против режима Франко закончилась к 1950 году. Новый этап борьбы — забастовки, студенческие волнения, теракты анархистов и сепаратистов начался в 1967 году. Но это уже другая история.

Примечания к главе 6

¹ Сагомоян А.А. Испанский узел «холодной войны»: Великие державы и режим Франко в 1945-1948 гг. М., 2004. С.198.

² Фернандес Альберто Е. Испания «маки» // Проблемы испанской истории. М., 1971. С.331.

³ Пожарская С.П. Генералиссимус Франко и его время // Новая и новейшая история. 1990. №6. С.331.

⁴ Фернандес Альберто Е. Испания «маки»... С. 178.

⁵ Елпатьевский А.В. Испанская эмиграция в СССР. Историография и источники, попытка интерпретации. Тверь, 2002. С.256.

⁶ Там же. С.257.

⁷ Сагомоян А.А. Испанский узел «холодной войны»... С.34.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С.38.

¹⁰ Там же. С.218.

¹¹ Сагомоян А.А. Антифранкистское партизанское движение в Испании. 1939-1948. Опыт и уроки. М., 1990. С.44-96.

¹² Сагомоян А.А. Испанский узел «холодной войны»... С.220.

¹³ Сагомоян А.А. Партизанская борьба в Испании в 1940-е годы. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1996. №1. С.230-234.

¹⁴ Мигель де А. 40 миллионов испанцев 40 лет спустя. М., 1985. С.348.

¹⁵ Пожарская С.П. Генералиссимус Франко и его время... С. 178.

¹⁶ Там же. С. 180.

¹⁷ Сагомоян А.А. Испанский узел «холодной войны»... С.222.

¹⁸ Мигель де А. 40 миллионов испанцев... С.351.

¹⁹ Сагомоян А. А. Антифранкистское партизанское движение... С.96.

²⁰ Лота В. Без санкции на любовь // Совершенно секретно. 2003. №12.

К весне 1945 года обстановка, сложившаяся в оккупированном Японией Китае, не оставляла никаких надежд на скорое изгнание захватчиков собственно китайскими силами.

В японских вооруженных силах, с учетом Квантунской армии, насчитывалось свыше 7 млн солдат и офицеров, более 10 тыс. самолетов, около 500 боевых кораблей. В Маньчжурии (Северо-Восточном Китае) японцы создали 17 укрепленных районов, из них 8 на востоке против советского Приморья¹.

Японские войска, сосредоточенные в Маньчжурии, составляли Квантунскую армию, являвшуюся в организационном отношении группой фронтов (Восточно-Маньчжурский, Западно-Маньчжурский, Северо-Маньчжурский, Корейский фронты). Всего в составе Квантунской армии насчитывалось 31 пехотная дивизия, 9 пехотных бригад, 1 бригада спецназначения (смертников), 2 танковые бригады и 2 авиационные армии. На ее вооружении было 1155 танков, 5360 орудий и 1800 самолетов. Кроме регулярных войск в Маньчжурии и Корее имелись территориальные части из японских резервистов-переселенцев, численностью до 100 тыс. человек. Командованию Квантунской армии также подчинялись войска марионеточного государства Маньчжоу-Го, монгольские войска (Внутренней Монголии) японского ставленника князя Де Вана и Суйюаньской армейской группы. Общая численность японской группировки в Маньчжурии превышала 1,2 млн человек².

Противостояли оккупантам две самостоятельные и к тому же непримиримо враждебные друг другу силы — националистическая партия Гоминьдан (ГМД) и Китайская коммунистическая партия (КПК).

Вооруженные силы ГМД были сведены в 29 армейских групп и 4 объединения, численностью 4,6 млн человек. Несмотря на многочисленность, боеспособность армии была невысокой, о чем свидетельствовало серьезное поражение, нанесенное ей японцами в 1944 году. Военно-воздушные силы ГМД входили в китайско-американское смешанное авиакрыло американской 14-й воздушной армии, дислоцировавшейся в Китае. На вооружении авиакрыла находились 501 истребитель, 106 средних и 46 тяжелых бомбардировщиков, 30 транспортных

и 31 разведывательный самолет. Кроме того, с аэродромов Чэн-ду действовали бомбардировщики Б-29 20-го бомбардировочного командования США. На реке Янцзы имелось два отряда военных кораблей армии Гоминьдана: 13 канонерских лодок, один торпедный катер и два транспортных судна³.

Для повышения боеспособности войск Гоминьдана, из состава бирманских экспедиционных сил на родину были отправлены 5 китайских дивизий, имевших наибольший в китайской армии опыт ведения боевых действий против японцев. Также из Бирмы в Китай была переброшена американская пехотная группа «Марс». При помощи ее личного состава предполагалось обучать китайских солдат и офицеров. По плану «Альфа» 1850 американским инструкторам и советникам предстояло подготовить 60 китайских дивизий⁴. Для этих целей еще летом 1944 года в Сычуани было создано четыре центра подготовки. Штабом командующего американскими войсками в Китае генерала А. Ведемейера был разработан оперативный план «Бэта», который предусматривал использование китайских войск в том случае, если война против Японии затянется, и военные действия развернутся на континенте. Ввиду этого значительно увеличились американские военные поставки для армии Гоминьдана. После открытия зимой 1945 года сухопутной дороги до Куньмина был проведен нефтепровод, бесперебойно работала воздушная трасса по доставке военных грузов.

Тем не менее, армия ГМД не была готова и не стремилась к широкому наступательным операциям, необходимым для решающего поражения Японии.

Части 8-й армии КПК под командованием Чжу Дэ численностью 600 тыс. солдат и офицеров были сосредоточены в Пограничном (Особом) районе с центром в Яньани и шести освобожденных районах Северного Китая. Части Новой 4-й армии под командованием Чэнь У численностью 260 тыс. бойцов действовали в десяти освобожденных районах Центрального Китая. Коммунисты также имели более 20 тыс. человек в партизанской колонне Южного Китая и свыше 1 млн человек в народном ополчении⁵.

Однако вооруженные силы КПК не только значительно уступали японским и гоминданьевским войскам по количеству личного состава. В них ощущался постоянный недостаток как артиллерийско-минометного, так и стрелкового вооружения и боеприпасов. Эти обстоятельства отрицательно сказывалось на боеспособности коммунистических войск, которые не могли вести широкие наступательные действия оперативного или стратегического масштаба. Кроме того, руководство КПК во главе с Мао Цзэ-дуном и не стремились к активным наступательным действиям против японских оккупантов. Для войск КПК того времени характерными являлись партизанские на-

леты на маршевые колонны и небольшие японские гарнизоны⁶. Вот что, по поводу такой тактики в своих дневниках записал представитель Коминтерна при руководстве ЦК КПК П. П. Владимиров:

«В значительной мере благодаря Мао Цзэ-дуну единый антияпонский фронт в стране был фактически развален. Углубление раскола между Гоминьданом и КПК поставило Китай на грань национальной катастрофы. Боевые действия последних лет развивались трагически и предвещали победу фашистской Японии.

Однако такой поворот не тревожил Мао. Учитывая политическую обстановку в мире, он сосредоточил все усилия на захвате власти в стране, переложив заботы по разгрому Японии на плечи СССР и союзников. Мао маневрировал политически и не вел активной борьбы с оккупантами, выжидая момента, когда после разгрома Германии СССР и союзники обрушат весь свой боевой потенциал на Японию. Страна опустошалась оккупантами, народ бедствовал, погибал, вымирал с голоду, но Мао выжидал своего часа, чтобы двинуть всю свою военную силу на захват власти»⁷.

Таким образом, освобождение Китая от оккупационных войск объективно зависело только от вмешательства внешних факторов — разгрома Японии вооруженными силами других стран.

Между тем отношения между Гоминьданом и КПК продолжали обостряться. Генералиссимус Чан Кайши категорически противился любым контактам с коммунистами и не менее Мао претендовал на полный захват власти, после изгнания японских оккупантов. Длительный конфликт группировок грозил стать неуправляемым и перерасти в гражданскую войну.

В условиях внутренней политической нестабильности в Китае активизировала свою деятельность американская дипломатия. Контакты между представителями США и главными политическими оппонентами Чан Кайши и Мао Цзэ-дуном активизировались еще в 1944 году. Специальные представители и комиссии постоянно работали в Яньани и Чунцине, где прощупывали позиции коммунистов и гоминьдановцев. Американские дипломаты приложили немало усилий, чтобы притушить старый конфликт между Гоминьданом и КПК и даже создать некое коалиционное правительство. Более того, они предложили руководству КПК пойти на компромисс с Чан Кайши и подчинить 8-ю и Новую 4-ю армии КПК гоминьдановскому руководству. Предложение вытекало из того, что «американцев приводила в отчаяние неспособность продажного и стремительно терявшего популярность режима генералиссимуса вести сколько-нибудь эффективные боевые действия»⁸. По мнению руководителя американской союзнической миссии полковника

Д. Баррета подобный компромисс способствовал бы быстрейшему разгрому общего врага — Японии.

Свою игру вел в Китае и Советский Союз. Опасаясь возникновения в Китае протектората США, И. В. Сталин стремился сохранить с правительством Гоминьдана договорные соглашения, основанные на соблюдении нейтралитета восточного соседа, в случае возможного в будущем конфликта среди великих держав. Помимо этого, Кремль стремился добиться признания своих особых интересов в Маньчжурии, прежде всего на Китайско-Восточной железной дороге и на ряде военно-морских баз. Поэтому урегулирование раздоров между КПК и Гоминьданом полностью устраивала Сталина⁹.

Однако руководство Гоминьдана всячески торпедировало любые попытки переговоров с коммунистами. В частных беседах с представителями США и СССР, проходивших в Чунци — не, генералиссимус Чан Кайши пренебрежительно отзывался о возможном союзе с КПК. Тем не менее, давление со стороны Москвы и Вашингтона заставили упрямого генералиссимуса пойти на уступки.

7 ноября 1944 года личный посланник американского президента генерал-майор Патрик Дж. Хэрли вылетел в Яньань для посредничества при выработке условий будущих переговоров.

Как пишет историк Филип Шорт визит Хэрли, солдафона до мозга костей, явился свидетельством полного непонимания Китая тогдашними политиками США.

Хэрли вручил Мао лично им составленный проект соглашения, полный пустых, звучных фраз о создании правительства из народа и для народа. Тем не менее, 10 ноября посланник американского президента подписал с представителями КПК коммюнике, в котором было, пять пунктов:

«1. Китайское правительство, Гоминьдан и Коммунистическая партия Китая должны сотрудничать для достижения общей цели — поражения Японии, для чего следует объединить все имеющиеся в стране вооруженные силы и приложить общие усилия для перестройки Китая.

2. Национальное правительство должно быть реорганизовано и превращено в правительство коалиционное с тем, чтобы в его состав вошли представители от всех антияпонских (принимающих участие в борьбе против Японии) партий и групп и не принадлежащих к тем или иным партиям и группам политических ассоциаций. Коалиционное правительство должно выработать и провозгласить демократическую политику, т.е. проект реформ в военной, политической, экономической и культурной областях, и утвердить его. Военный совет также должен быть одновременно реорганизован в Объединенный военный совет, и в его состав должны войти представители от всех имеющихся в стране антияпонских армий.

3. Коалиционное правительство должно соблюдать принципы, провозглашенные Сунь Ят-сеном¹⁰, и создать правительство будет правительством народного режима, народной собственности и народных прав. Политика, которую будет проводить коалиционное правительство, по всем целям должна содействовать развитию прогресса и демократии, отстаиванию справедливости и защите свободы вероисповедания, печати, слова, собраний и союзов, а также предоставить народу право обращаться к правительству с петициями и право неприкосновенности жилища. Коалиционное правительство должно также установить политику, которая приведет к устранению свободы террора и свободы нищеты, и добиваться того, что эта политика будет проводиться в жизнь.

4. Все антияпонские вооруженные силы должны соблюдать и проводить в жизнь приказы коалиционного правительства и Объединенного военного совета и, в свою очередь, должны быть признаны правительством и Объединенным военным советом. Все военное снаряжение, полученное от союзных держав, должно справедливо распределяться между указанными выше вооруженными силами.

5. Китайское коалиционное правительство признает в качестве легально существующих партий Гоминьдан, Коммунистическую партию Китая и все антияпонские партии»¹¹.

Далее процитируем Шорта:

«Генерал был абсолютно убежден, что если документ подпишут коммунисты, то под давлением Вашингтона Чан Кайши не останется ничего иного, как сделать то же самое. Он ошибался. Весьма скоро генералиссимус дал ясно понять, что не собирается принимать выдвинутые Хэрли условия: легализацию Коммунистической партии и равноправные отношения между Красной армией и вооруженными силами националистов. Еще менее устраивала его позиция Мао, который настаивал на создании коалиционного правительства. Чисто военная прямолинейность Хэрли была для Чан Кайши тем более непереносимой, что американец публично заявил в Яньани: "Предложения Мао Цэдуна разумны и справедливы. Окончательный вариант проекта мы подписываем с верой в будущее"»¹².

Хэрли и представитель КПК отправились с подписанным коммюнике в Чунцин. Однако Чан Кайши встретил их чрезвычайно холодно. Переговоры зашли в тупик

В декабре американцы вновь попытались сдвинуть переговоры с мертвой точки, но на этот раз они столкнулись с неуступчивостью Мао Цэдуна. На встрече с полковником Д. Барре — том руководитель КПК недовольно заявил:

«Генерал Хэрли прибыл в Яньань, чтобы узнать, на каких условиях КПК согласится сотрудничать с Гоминьданом. Мы выдвинули пять пунктов, и генерал нашел их разумными и

справедливыми. Чан Кайши не согласился с нашими предложениями, и теперь США прямо просит нас принять требования Гоминьдана, для чего партии потребуется пожертвовать своей независимостью. Такое нам трудно понять... Если Америка намерена продолжать поддержку прогнившего режима — это ее право... КПК — не Гоминьдан. Мы не нуждаемся ни в чьей поддержке. Компартия твердо стоит на ногах и предпочитает оставаться свободной»¹³.

В своей докладной в Вашингтон Баррет сообщал, что позиция Мао была «до косности неподатливой». В ходе беседы руководитель КПК несколько раз впадал в ярость, топал ногами и называл Чан Кайши «подонком» и «отбросом китайского народа». Присутствующий на встрече видный деятель компартии Чжоу Энлай, всегда невозмутимый и рассудительный, довольно энергично поддерживал Мао в его «до косности неподатливой» позиции. «Беседа оставила у меня ощущение, что я имел дело с двумя умными, жесткими лидерами, абсолютно уверенными в своей силе», — таким выводом заканчивалась докладная Баррета¹⁴.

В феврале 1945 года на Ялтинской конференции «Большая тройка» — И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт и У. Черчилль определили границу послевоенной Европы, а также сферы влияния в Азии. На встрече «Рузвельт и Сталин согласились рассматривать режим Чан Кайши в качестве буфера между странами Тихоокеанского бассейна — зоной влияния США, и северо-восточной оконечностью азиатского континента, где сильны были позиции Советского Союза. Частью сделки стало обещание Сталина (Мао не мог и подозревать об этом) не оказывать поддержки КПК в ее конфликте с правительством националистов. В соответствии с договоренностью обе стороны начали оказывать давление на своих "подопечных", подталкивая их к вступлению в коалицию»¹⁵.

Ситуация несколько изменилась после смерти Рузвельта в апреле 1945 года. Вашингтон сделал официальное заявление о том, что США впредь будут сотрудничать только с Чан Кайши. Вслед за этим командующий американскими войсками в Китае генерал Ведемейер отдал своим офицерам приказ «не оказывать помощи лицам и организациям, не принадлежащим к чунцинскому правительству»¹⁶. Новый президент США Г. Трумэн уже в мае откровенно говорил, что в будущем хочет видеть Китай в качестве преданного союзника США. Трумэн резко осудил политику Рузвельта за то, что он «много позволял, многое обещал и многим помогал Сталину» и его попытки к примирению гоминьдановцев и коммунистов в Китае¹⁷. Вместе с тем Трумэн прекрасно понимал, что после капитуляции гитлеровской Германии, нельзя открыто занимать позицию, направленную на пересмотр Ялтинских соглашений. Это не поняли бы и осудили

во всем мире. Поэтому Трумэн начал искать другой путь к «обуз-
данию коммунистических планов России в отношении Азии»¹⁸.

Между тем в Китае продолжалось обострение отношений между КПК и Гоминьданом, приближая их к вооруженному про-
тивоборству.

23 апреля 1945 года в Яньани состоялся VII съезд КПК, ко-
торый продолжался до 11 июня. В его работе принимало учас-
тие 544 делегата с решающим голосом и 208 — с совещатель-
ным. Съезд проходил в период, когда в Европе Советской Ар-
мией и войсками союзников была полностью разгромлена Гер-
мания, когда Советский Союз, верный своему союзническому
долгу, готовился вступить в войну против Японии, что предоп-
ределяло быстрый и окончательный разгром японских оккупан-
тов.

«Таких условий у Китая никогда еще не было, — заявил на
съезде Мао Цзэ-дун. — ... При наличии этих условий разгро-
мить агрессоров и построить новый Китай вполне возможно»¹⁹.

В дальнейшем выступлении Мао особо подчеркнул:

«Китайский народ должен увеличить свои собственные
силы — 8-ю армию, Новую 4-ю армию и другие народные вой-
ска... Он отнюдь не должен полагаться только на Гоминьдан»²⁰.

В своей речи Мао коснулся и вопроса сотрудничества с Го-
миньданом, выразив его в достаточно оскорбительной форме
для Чан Кайши, назвав последнего «хулиганом» и человеком,
«забывшим умыться»:

«Наша позиция была и остается одной: мы предлагаем ему
взять кусок мыла, привести себя в порядок (то есть заняться ре-
формами) и не порезаться при бритье. Но чем человек старше,
тем труднее ему избавиться от своих привычек... И все-таки мы
говорим: если ты умоешься, мы сможем пожениться — ведь мы
так любим друг друга... Необходимо помнить об одном: нам
нужно крепить оборону. Если на нас нападут, мы должны быст-
ро, решительно и окончательно разгромить противника»²¹.

Съезд принял решения об увеличении вооруженных сил
КПК с 900 тыс. до одного миллиона человек, начать подготов-
ку к акциям гражданского неповиновения в городах и перейти
от партизанских вылазок к тактике мобильных военных дей-
ствий. Военачальникам КПК были разосланы секретные дирек-
тивы о тщательной подготовке к вооруженной борьбе с Гоминь-
даном.

В свою очередь в Чунцине, почти одновременно со съездом
КПК, состоялся VI съезд Гоминьдана, на котором основное
внимание было уделено внутривластным вопросам, а не
разгрому японских оккупантов.

На съезде была принята новая политическая программа и
ряд резолюций, в том числе относительно взаимоотношений с
КПК. Эти документы ничего существенного в политику партии

не внесли. Гоминьдан в очередной раз отверг сотрудничество с коммунистами и создание коалиционного правительства, тем самым, подтвердив свою приверженность к курсу на развязывание гражданской войны²².

Летом 1945 года противостояние между КПК и Гоминьданом резко обострилось.

В июле-августе в Шэньси, Суйюане и Хэнани произошли вооруженные столкновения между частями коммунистов и гоминьдановцев. Кроме того, войска Гоминьдана приступили к организации блокады партизанских районов и войск КПК. Общая численность участвовавших в блокаде войск ГМД достигала 800 тыс. человек²³.

12 июля агентство «Синьхуа» распространило статью Мао Цзэ-дуна с резкими нападка на Патрика Дж. Хэйли и Гоминьдан, обвиняя их в развязывании гражданской войны.

«Американская политика в Китае, представляемая послом США Хэрли, — писал Мао, — все более явно создает угрозу гражданской войны в стране. Гоминьдановское правительство, неизменно проводящее реакционную политику, со дня своего создания восемнадцать лет назад живет гражданской войной; только сианьские события 1936 года²⁴ и вторжение Японии во внутренние провинции Китая в 1937 году вынудили его временно отказаться от гражданской войны во всекитайском масштабе. Однако в 1939 году гражданская война, хотя и в ограниченных масштабах, была развязана вновь и больше уже не прекращается. У гоминьдановского правительства существует для внутреннего употребления лозунг: "Борьба с коммунизмом — на первом месте", война же против японских захватчиков стоит у него на втором месте. Острые всех военных мероприятий гоминьдановского правительства направлено сейчас не против захватчиков, а на "возвращение утраченных территорий" в освобожденных районах Китая и на уничтожение Коммунистической партии Китая. Это необходимо учитывать со всей серьезностью как в интересах достижения победы в войне против японских захватчиков, так и в деле осуществления мирного строительства после войны. Покойный президент Рузвельт в свое время учитывал это обстоятельство и, в интересах США, не проводил политики помощи гоминьдану в его вооруженной борьбе против Коммунистической партии Китая. Когда Хэрли в ноябре 1944 года в качестве личного представителя Рузвельта прибыл в Яньань, он отнесся одобрительно к выдвинутому Коммунистической партией Китая плану упразднения однопартийной диктатуры гоминьдана и создания демократического коалиционного правительства. Но затем Хэрли совершил крутой поворот и отказался от этого, что говорил в Яньани. Этот поворот совершенно отчетливо обнаружился в заявлении, сделанном Хэрли в Вашингтоне 2 апреля; на этот раз тот же Хэрли, не

жаляя красок, расписывал совершенства гоминьдановского правительства, представляемого Чан Кайши, а Коммунистическую партию Китая изображал как чудовище; кроме того, он без обиняков заявил, что Соединенные Штаты будут сотрудничать только с Чан Кайши, а не с китайскими коммунистами. Разумеется, это не личная точка зрения одного лишь Хэрли, а точка зрения целой группы людей в американском правительстве, но это ошибочная и притом опасная точка зрения. В это самое время скончался Рузвельт, и Хэрли вне себя от радости вернулся в американское посольство в Чунцине.

Опасность представляемой Хэрли американской политики в Китае заключается именно в том, что она способствует усилению реакционности гоминьдановского правительства и увеличивает угрозу гражданской войне в Китае. Если политика Хэрли будет продолжаться, то американское правительство безнадежно погрязнет в глубокой и смрадной клоаке китайской реакции и поставит себя во враждебные отношения с уже пробудившимися и пробуждающимися на наших глазах многомиллионными массами китайского народа, и это сейчас помешает делу войны против японских захватчиков, в дальнейшем будет мешать делу мира во всем мире»²⁵.

Вскоре на одном из совещаний кадровых работников партии в Яньяни Мао Цзэ-дун высказался о внутривнутриполитической ситуации в стране, предельно четко:

«Мы проводим курс — действовать острием против острия... Народ жаждет освобождения и дает полномочия тем, кто может предоставить его и честно служить ему. Такими людьми являемся мы — коммунисты... Значит, предстоит борьба за то, какое строить государство. Строить ли руководимое пролетариатом новодемократическое государство широких народных масс или диктатуры крупных помещиков и крупной буржуазии»²⁶.

Это заявление лишний раз подтверждало готовность руководства компартии начать непосредственную борьбу за свержение гоминьдановского режима и прихода к власти КПК.

Резкое обострение отношений между двумя политическими группировками сделало реальным начало полномасштабной гражданской войны в Китае уже летом 1945 года. Однако развитие событий коренным образом изменилось 8 августа. Вечером этого дня правительство Советского Союза через посла в Москве передало правительству Японии следующее заявление:

«После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны.

Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено

Японией. Тем самым предложение Японского Правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву»²⁷.

В заявление указывалось, что СССР присоединяется к Потсдамской декларации²⁸ и заявляет, «что с завтрашнего дня, то есть с 9-го августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией»²⁹.

10 августа 1945 года Малый хурал и правительство Монгольской Народной Республики также объявили войну Японии и заявили о полном присоединении к заявлению СССР.

Перед началом военных действий Ставка Верховного Главнокомандования развернула против Японии три фронта: Забайкальский (в его состав оперативно входила конно-механизированная группа монгольской Народно-революционной армии), 1-й Дальневосточный и 2-й Дальневосточный. К участию в операции привлекались также Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия. Непосредственное руководство военными действиями возлагалось на главное командование советских войск Дальнего Востока: главнокомандующий маршал Советского Союза А. М. Василевский, член Военного совета генерал-полковник И. В. Шикин, начальник штаба генерал-полковник С. П. Иванов. Командование военно-морскими силами возлагалось на главнокомандующего Военно-Морским Флотом адмирала Н. Г. Кузнецова. Действиями авиации руководил командующий Военно-Воздушными Силами Главный маршал авиации А. А. Новиков.

Войска трех фронтов включали 11 общевойсковых, танковую, 3 воздушные армии и оперативную группу. В них насчитывалось 70 стрелковых, 6 кавалерийских, 2 танковых, 2 мотострелковых дивизии, 4 танковых и механизированных корпуса, 6 стрелковых и 30 отдельных бригад, гарнизоны укрепленных районов. Всего в группировке насчитывалось свыше одного миллиона человек, 26 137 орудий и минометов, 5556 танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 3800 боевых самолетов. Тихоокеанский флот имел около 600 боевых кораблей и 1549 самолетов. В Краснознаменной Амурской флотилии насчитывалось 83 корабля³⁰.

Маршал К. А. Мерецков, в то время командующий 1-м Дальневосточным фронтом, так вспоминал о начале военных действий:

«1-я Краснознаменная и 5-я армии составляли ударную группировку фронта. Они должны были атаковать противника после мощной артподготовки. Но произошло неожиданное: разразилась гроза, хлынул тропический ливень. Перед нашими войсками находились мощные железобетонные укрепления, насыщенные большим количеством огневых средств, а тут разверзлись хляби небесные... Наша артиллерия молчит. Замысел был

такой: используя боевой опыт Берлинской операции, мы наметили атаковать противника глухой ночью при свете слепящих его прожекторов. Однако потоки воды испортили все дело.

А время идет. Бот наступил час ночи. Больше ждать нельзя. Я находился в это время на командном пункте генерала Бело-бородова. Вокруг стояли войска. Люди и боевая техника были в полной боевой готовности. Одно слово — все придет в движение. Открывать огонь? Или нет? Уже некогда было запрашивать метеорологические, собирать какие-то дополнительные сведения. Решать нужно немедленно, на основе тех объективных данных, которые уже известны. А они требовали: не медлить! Несколько секунд на размышления — и последовал сигнал. Советские воины бросились вперед без артподготовки. Передовые отряды оседлали узлы дорог, ворвались в населенные пункты, навели панику в обороне врага. Внезапность сыграла свою роль. Ливень позволил советским бойцам в кромешной тьме ворваться в укрепленные районы и застать противника врасплох. А наступательный порыв наших войск был неудержимым»³¹.

Вступление Советского Союза в войну против Японии имело решающее значение для изменения военно-политической ситуации в Китае.

«От имени китайского народа мы горячо приветствуем объявление Советским правительством войны Японии. Стомиллионное население и вооруженные силы освобожденных районов Китая будут всемерно координировать свои усилия с Красной Армией и армиями других союзных государств в деле разгрома ненавистных японских захватчиков», — такую телеграмму направило в Кремль командование войск, руководимых КПК³².

Откликнулся на событие и президент Китайской республики Чан Кайши, который 9 августа писал Сталину:

«Объявление Советским Союзом с сегодняшнего дня войны против Японии вызвало у всего китайского народа чувство глубокого воодушевления. От имени Правительства, народа и армии Китая имею честь выразить Вам, а также Правительству и героическому народу и армии Советского Союза искреннее и радостное восхищение»³³.

Большое значение участию в войне Советского Союза придавало и руководство США. Весной и летом 1945 года американские военные руководители считали победу над Японией весьма отдаленной перспективой. По оценке военного министра США Г. Стимсона война могла затянуться до ноября 1946 года и стоила бы американцам одного миллиона убитыми и ранеными, без учета ранее понесенных потерь. В США прекрасно понимали, что исход войны на Тихом океане зависит прежде от разгрома сухопутных сил Японии на Азиатском континенте.

«Мы очень хотели, чтобы русские вступили в войну против Японии», — позднее подчеркивал Трумэн³⁴.

Боевые действия советской группировки на Дальнем Востоке включали стратегическую наступательную операцию в Маньчжурии и Корее, Южно-Сахалинскую наступательную и Курильскую десантную операции.

Наступательная операция в Маньчжурии и Корее осуществлялась войсками Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточного фронтов, во взаимодействии с Тихоокеанским флотом и Краснознаменной Амурской флотилией в период с 9 августа — 2 сентября 1945 года.

«В течение первой же недели войны 1-й Дальневосточный, сломив ожесточенное сопротивление противника, полностью преодолел многочисленные укрепленные районы, разгромил основные силы сосредоточенных там японских войск и приближался к линии Харбин — Чанчунь. Отлично наступали и два других фронта, особенно, Забайкальский. Японское командование всюду потеряло управление войсками. Обстановка для Квантунской армии складывалась крайне неблагоприятная», — вспоминал маршал Мерецков³⁵.

19 августа 1945 года, учитывая полную бесперспективность дальнейшего сопротивления, главнокомандующий Квантунской армией генерал О. Ямада, был вынужден отдать приказ о прекращении военных действий и капитуляции перед советскими войсками. Разоружение и пленение сдавшихся японских войск закончилось к 30 августу. Советскими войсками были полностью освобождены Внутренняя Монголия, Маньчжурия, Ляодунский полуостров и Северная Корея до 38-й параллели включительно, при этом наши войска ворвались в Сеул, но затем, в соответствии с имевшимся соглашением, оставили город и отошли к северу³⁶.

Южно-Сахалинская и Курильская операции проводились в период с 11 августа — 1 сентября 1945 года силами 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта, Северной Тихоокеанской флотилии, Камчатского оборонительного района и Петропавловской военно-морской базы. Обе операции были проведены успешно и завершились освобождением от японских оккупантов Южного Сахалина и Курильских островов.

Таким образом, в течение нескольких недель советские войска наголову разгромили одну из сильнейших вражеских группировок — Квантунскую армию. С 9 по 20 августа 1945 года противник потерял убитыми, ранеными и пленными, не считая пропавших без вести, около 700 тыс. солдат и офицеров, в том числе 594 тыс. пленными, среди которых находилось 148 генералов. Была разоружена и распущена почти 200-тысячная армия Маньчжоу-Го. Советские войска захватили 686 танков, 861 самолет, 1836 артиллерийских орудий, 15 артиллерийских самоходных установок, 13099 пулеметов, около 300 тыс. винто-

вок, 2474 миномета, 774 106 артиллерийских и минометных снарядов, 121 пароход, 2321 автомашину, 722 склада с различным имуществом»³⁷.

2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» японские власти подписали акт о безоговорочной капитуляции.

«Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт безоговорочной капитуляции, — прозвучало в обращении В. И. Сталина к советскому народу. — Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на Востоке. Это они развязали вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт о капитуляции.

Это означает, что наступил конец второй мировой войны...

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава вооруженным силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией»³⁸.

Вторая Мировая война завершилась. Закончилась и восьмилетняя национально-освободительная война китайского народа против японских оккупантов, победу в которой он завоевал благодаря военной поддержке союзников по антифашистской коалиции.

Разгром советскими войсками Квантунской армии по времени практически совпал с завершением переговоров между Советским Союзом и Китайской республикой. Они были начаты еще 30 июня 1945 года, когда в Москву прибыла китайская делегация, возглавляемая видным деятелем Гоминьдана Сун Цзы-вэнем. Во время переговоров выяснились серьезные разногласия сторон. В частности, китайская делегация отказывалась признать независимость Внешней Монголии, т.е. Монгольской Народной Республики.

Однако разногласия сторон были преодолены. В результате 14 августа 1945 года в Москве был подписан договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем.

Договор предусматривал советско-китайское военное сотрудничество в борьбе против Японии, а также принятие по окончании войны совместных мер для предотвращения повторения агрессии и нарушения мира Японией, и оказание друг другу помощи в случае нападения Японии на одну из сторон. Участники договора «обязались также работать в тесном сотрудничестве после наступления мира и оказывать друг другу всю возможную экономическую помощь, действуя при этом в соответствии с принципами взаимного уважения суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой стороны»³⁹.

Одновременно с договором были подписаны четыре советско-китайских соглашения: о Китайской Чаньчуньской железной дороге (КЧЖД)⁴⁰, о Порт-Артуре (Люйшунь), порте Дальний (Далянь) и об отношениях между советским главнокомандующим и китайской администрацией после вступления советских войск в Маньчжурию.

В соответствии с соглашением о КЧЖД, железная дорога переходила в совместную собственность сторон на 30 лет, после чего дорога со всем имуществом становилась собственностью Китая.

В соглашении о Порт-Артуре было зафиксировано совместное использование этой Военно-морской базы (ВМБ), оборона которой в течение 30 лет возлагалась на СССР. Оборудование и имущество, созданные на базе советской стороной, по истечении срока аренды, подлежали безвозмездной передаче в собственность китайского правительства. Порт Дальний объявлялся «свободным портом, открытым для торговли и судоходства всех стран»⁴¹.

Соглашение об отношениях предусматривало, что советскому главнокомандующему в зоне боевых действий вменялось в обязанность решение всех вопросов ведения войны. На территории, переставшей быть зоной боевых действий, гражданскую власть получало правительство Китая, которое должно было оказывать советской военной администрации всевозможную помощь⁴².

14 августа 1945 года состоялся также обмен нотами о признании Китаем Монгольской Народной Республики.

Договор и соглашения были с одобрением восприняты правительствами и общественностью всех стран — участниц войны против Японии. Положительная реакция, как пишет историк А. М. Дедовский, была вызвана тем, что, во-первых, Советский Союз выполнил взятое им на Крымской (Ялтинской) конференции обязательство вступить в войну против Японии; во-вторых, в качестве условий вступления в войну Советский Союз не пошел дальше тех требований, которые были предусмотрены Ялтинским соглашением и, в-третьих, Советский

Союз согласился всю предоставляемую помощь Китаю адресовать правительству, возглавляемому Чан Кайши, признавая его как единственное законное правительство страны. В комментариях зарубежной печати это было интерпретировано, как согласие Кремля не оказывать помощи КПК в борьбе против Гоминьдана⁴³.

В свою очередь руководством Коммунистической партии Китая подписание договора и соглашений было встречено неодобрительно и раздраженно. Американский дипломат в Чунци — не Д. Мэбли отметил в своем дневнике, что работники представительства КПК выказывали американским дипломатам свое негативное отношение к заключенному в Москве договору⁴⁴.

Недовольство КПК было вызвано тем, что коммунисты явно рассчитывали в августе 1945 года вовлечь советские войска в непосредственное вмешательство в борьбу между КПК и Гоминьданом⁴⁵.

Этому способствовали активные действия по расширению сфер контроля на территории Китая, предпринимаемые коммунистами и гоминьдановцами, после вступления в войну Советского Союза.

11 августа 1945 года главнокомандующий армией КПК Чжу Дэ издал приказ об общем наступлении войск с целью установления контроля над всеми железными дорогами Китая, вдоль которых располагались японские и марионеточные (маньчжурские и монгольские) войска. При этом коммунистическим частям ставилась задача принимать капитуляцию противника, разоружать его, а также принимать от него «все города, укрепленные населенные пункты и коммуникации, пресекая попытки к сопротивлению или нанесению ущерба»⁴⁶.

В этот же день гоминьдановские войска тоже начали быстрое продвижение из западных и юго-западных районов страны в районы, оккупированные японцами. Одновременно Чан Кайши потребовал от армии противника сдаваться только войскам Гоминьдана.

Руководство КПК с целью форсировать продвижению своих войск в Северо-Восточный Китай, решило осуществить ряд дополнительных мер. «Случай в высшей степени срочный, посылка войск и кадров на Северо-Восток в настоящее время — стратегическое мероприятие общегосударственного масштаба. Для нашей партии и последующей борьбы китайского народа это имеет решающее значение. Ныне время решает все, медлить нельзя ни минуты, иначе история не простит», — указывал ЦК партии⁴⁷. В связи с этим на Северо-Восток страны были стремительно переброшены войска общей численностью 150 тыс. человек. В конце августа 1945 года отряды коммунистов вступили в Шаньхайгуань, где встретились с частями советской 17-й армией. С их помощью войска КПК отправились по

железной дороге на север, чтобы опередить гоминьдановские формирования, стремящиеся выйти в Маньчжурию.

Интенсивная передислокация воинских соединений в августе 1945 года приводила к многочисленным столкновениям между войсками КПК и Гоминьдана. Локальные схватки грозили перерасти в полномасштабную гражданскую войну с вовлечением в нее находившихся в Китае армий союзников, что неизбежно привело бы к конфликту между СССР и США.

Стремясь избежать подобного разворота событий, советское руководство приняло решение о невмешательстве во внутренние дела Китая, что было ясно и недвусмысленно продемонстрировано подписанием 14 августа 1945 года договора о дружбе и союзе между СССР и Китайской Республикой.

Подписание договора сумело повлиять на взрывоопасную ситуацию в Китае, но для уточнения советской позиции потребовались прямые контакты между руководством ЦК ВКП(б) и ЦК КПК. В ходе переговоров китайской стороне «была разъяснена советская политика невмешательства, объективно направленная на всемерное оттягивание начала гражданской войны, на создание дипломатическими и политическими средствами благоприятных внутренних и международных условий для накопления военно-политических сил КПК, создания более благоприятных условий развития революционного процесса»⁴⁸.

Стоит заметить, что, несмотря на полученные разъяснения, отношение руководства КПК к такому повороту событий осталось крайне негативным. Они считали, что в данном случае руководителями Советского Союза была допущена грубейшая ошибка.

Вот что по этому поводу писал китайский дипломат Ши Чже: «Она [ошибка — Авт.] состояла в следующем. Когда наша освободительная борьба только началась, Сталин недооценил силы китайской революции. Он опасался, что, поскольку у Чан Кайши имеется многомиллионная прекрасно оснащенная армия, за спиной которой стоят к тому же США, а Советский Союз не в силах помочь, мы не сможем одержать победу над Чан Кайши, и потому выражал несогласие с курсом на войну. Председатель Мао, разумеется, не принял к руководству эти суждения, не стал он и взывать к Советскому Союзу о помощи»⁴⁹.

Даже 11 лет спустя Мао Цзэ-дун не мог успокоиться. В 1956 году на заседании Политбюро он злопамятно вспоминал:

«В период Освободительной войны Сталин вначале не позволил нам вести революцию, утверждая, что, если разразится гражданская война, китайская нация окажется под угрозой гибели. А когда война началась, он лишь наполовину верил в наши силы»⁵⁰.

Тем не менее, в ходе перегруппировки сил, за месяц, с 15 августа по 15 сентября 1945 года, войска КПК заняли 156 неболь-

ших и средних городов в 158 уездах⁵¹. Им не удалось овладеть основной частью железных дорог, коммуникационными центрами и крупными городами во многих районах Китая, но зато в тех районах, где наступали войска Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов, коммунисты сумели значительно расширить сферу своего контроля.

К 1 октября 1945 года общая территория, находящаяся под контролем КПК, составляла уже свыше 2 млн кв. км, с населением около 120 млн человек, с 280 уездными и несколькими крупными городами⁵². К этому времени численность регулярных войск КПК достигала 910 тыс. бойцов. Кроме того, в народном ополчении числилось 2,2 млн человек. Эти силы располагались следующим образом: в Особом районе — 80 540 бойцов, в Северном Китае — 470 286 (ополчение — 1616 тыс.), в Центральном Китае — 343 982 (ополчение — 580 тыс.), в Южном Китае — 20 730 (ополчение — 5 тыс.)⁵³.

Большое значение имело овладение войсками КПК ключевыми пунктами на подступах к Маньчжурии, освобожденной Советской Армией, — городами Циньхуандао, Шаньхайгуань, Чжанцзякоу (Калган), а также северной частью провинции Шаньдун с портами Яньтай (Чифу) и Вэйхайвэй.

Это дало возможность 8-й армии начать переброску своих частей в районы Внутренней Монголии и Маньчжурии, задолго до прибытия гоминьдановских войск, с тем, чтобы превратить Северо-Восток Китая в основную опорную базу революции. По суше и морем на джонках с полуострова Шаньдун в эти районы были переброшены около 100 тыс. бойцов. Части КПК, вступившие в Маньчжурию, где «важные железнодорожные магистрали и крупные города были заняты Советской Армией, постепенно стали устанавливать контроль над сельской периферией и мелкими городами»⁵⁴. Помимо военных в Маньчжурию оперативно перебрасывается около 50 тыс. партийных и административных работников КПК, в том числе четыре члена Политбюро Пэн Чжэнь, Чэнь Юнь, Гао Ган, Чжан Вэньтянь и свыше четверти членов и кандидатов в члены ЦК КПК. Это позволило ЦК уже в сентябре 1945 года принять решение о создании Северо-Восточного бюро в составе Пэн Чжэня (секретарь), Чэнь Юня, Цай Чжэна, Вань И, Чжан Сюэсы. Северо-Восточное бюро ЦК КПК развернуло активную деятельность по организации сети партийных организаций, созданию новых органов власти, восстановлению разрушенного хозяйства.

К ноябрю 1945 года вся территория Маньчжурии севернее реки Сунгари перешла под контроль коммунистов. 23 ноября вооруженные силы КПК в Маньчжурии насчитывали свыше 200 тыс. человек.

В свою очередь, войска Гоминьдана сумели значительно укрепиться в восточных и южных районах Китая, захватив ряд

крупных административных центров — Шанхай, Нанкин, Пекин, Тяньцзинь, Тайюань и др.

Стремясь, быстро создать крупную группировку сил в Маньчжурии правительство Чан Кайши, рассчитывало получить помощь от США в доставке своих войск в Северный Китай морским и воздушным путем. Корабли 7-го флота США и американская транспортная авиация помогли осуществить переброску крупных соединений Гоминьдана. Однако из района Шаньхайгуаня, куда были доставлены гоминьдановцы, войти в Маньчжурию можно было только по железной дороге, проходящей по территории, занятой войсками КПК, или морским путем.

Обращение правительство Чан Кайши к советскому командованию о предоставлении своим воинским частям железнодорожного транспорта и охране эшелонов в пути следования в Маньчжурию, было встречено решительным отказом. Кроме того, советское командование не могло «допустить в районы расквартирования своих войск гоминьдановские соединения и части, которые вели себя по отношению к советским войскам недружелюбно. Поэтому в ответе на запрос чанкайшистских властей говорилось, что советское командование не возражает против занятия гоминьдановскими войсками любого пункта в Маньчжурии в соответствии с советско-китайским договором от 14 августа 1945 г., но после вывода оттуда советских войск»⁵⁵.

Получив отказ советской стороны в железнодорожных перевозках, руководство Гоминьдана, совместно с американскими военными, разработало операцию по доставке гоминьдановских войск в Маньчжурию морским путем. В октябре 1945 года корабли 7-го флота США, на которые были погружены шесть гоминьдановских дивизий из 13-го и 52-го корпусов, вышли к берегам Маньчжурии. Однако единственным портом на маньчжурском побережье, способным принять крупные корабли и обеспечить высадку значительных воинских соединений и боевой техники, был порт Дальний (Далянь), где, по советско-китайскому договору, также размещались советские войска.

О дальнейших событиях рассказывает генерал-полковник Герой Советского Союза И. И. Людников, в то время командующий 39-й советской армией:

«В конце октября 1945 г. советская комендатура Дальнего получила по радио сведения, что американская военно-морская эскадра просит разрешения войти в порт Дальний для весьма важных переговоров с нами. Контр-адмирал В. Н. Ципанович, командовавший военно-морской базой в Порт-Артуре, передал непрошеным гостям приказ: "В порт не входить, эскадру оставить на траверзе острова Дашаньдао".

Американская эскадра была вынуждена остановиться на внешнем рейде. К коменданту Дальнего генерал-лейтенанту

Г. К. Козлову на моторном катере прибыл представитель командующего американской эскадрой в звании капитан-лейтенанта. Фамилия у него была русская — Щербаков, и говорил он по-русски. От имени командующего эскадрой вице-адмирала Сеттла Щербаков просил разрешения войти эскадре в порт.

Об этом мне доложил генерал Козлов. Выслушав его доклад, я тут же связался с Маршалом Советского Союза К. А. Мерцковым и информировал его об обстановке. Вскоре мною было передано генерал-лейтенанту Козлову четкое указание: никаких переговоров с представителями командующего американской эскадрой не вести, лично выйти в море, встретиться с американским вице-адмиралом и, выяснив, чем вызвано его намерение, войти в порт Дальний, предложить немедленно уйти из наших территориальных войск.

Козлов и его переводчик прибыли на американский крейсер. После обычных взаимных приветствий вице-адмирал Сеттл сообщил генерал-лейтенанту Козлову, что эскадра выполняет приказ командующего 7-м американским флотом. В соответствии с ним он должен произвести рекогносцировку района порта, куда подходит Южно-Маньчжурская железная дорога, так как это единственный порт на юге Северо-Восточного Китая, где могут швартоваться крупнотоннажные суда. Это позволит быстро перебросить войска Чан Кайши в центральную часть этого района. 7-й флот Соединенных Штатов Америки должен перевезти из района Шанхая несколько армий "по настоятельной просьбе" самого Чан Кайши.

— Это исключено, — категорически заявил генерал Козлов. — Порт входит в арендованную зону, управляемую по договору смешанной советско-китайской комиссией. А санкции этой комиссии на вход американской эскадры в порт Дальний, на что, в свою очередь, требуется согласие обоих правительств, нет. Зато есть международная конвенция по мореплаванию, и в соответствии с нею с нею вице-адмирал Сеттл обязан отвести свою эскадру на 20 миль от берега, после чего может доложить своему командующему о результатах переговоров.

— Я выполняю приказ своего командования, — сухо заметил вице-адмирал Сеттл.

— Я тоже, — столь же сухо отозвался генерал-лейтенант Козлов.

Сеттл продолжал упорствовать, и Козлову ничего не оставалось, как напомнить американскому вице-адмиралу о нашей береговой обороне. Она свою задачу знает и отлично с ней справится.

После этого генерал-лейтенант Козлов покинул крейсер. Американская эскадра вынуждена была убраться восвояси⁵⁶.

Тем не менее, гоминьдановские дивизии сумели высадиться в порту Циньхуандао, расположенном в 25—30 км южнее

Шанхайгуаня, откуда только в середине ноября начали продвижение в Маньчжурию. Кроме того, в конце сентября — начале октября 1945 года американское командование, под предлогом приема капитуляции японских войск, произвело высадку в портах Тангу, Дагу, Циндао десантов американских морских пехотинцев в составе трех дивизий. Морская пехота установила контроль над железными дорогами и городами Пекином, Тяньцзином, Циндао, Хэбэя. Американцы взяли под охрану железнодорожный участок Тяньцзинь — Цзинхай Пекин — Шэньянской железной дороге, чтобы прекратить связь между Северным Китаем и Маньчжурией, тем самым, сохранив за Гоминьданом важные коммуникации. 8 ноября американские корабли выгрузили более 200 танков на острове Чансиндао (юго-западнее Шанхайгуаня). В эти же дни большое количество бронетехники и тяжелых орудий было выгружено в Дагу, юго-восточнее Тяньцзиня⁵⁷. На границах районов находящихся под контролем КПК было сосредоточено 800 тыс. солдат и офицеров гоминьдановской армии. К ноябрю 1945 года численность американских войск в Китае достигла 113 тыс. человек⁵⁸.

Американцами предпринимались и другие попытки произвести высадку гоминьдановских войск — в портах Яньтае, Хулудао, Инкоу и Порт-Артуре. Но все они закончились неудачей. Первые три порта находились в руках войск КПК, а в Порт-Артуре, произошла та же сцена, что и в порту Дальнем.

Неудача высадки в Порт-Артуре стала причиной неоднократных провокаций американцев против военно-морской базы. Прочитируем генерал-полковника И. И. Людникова:

«А провокации продолжались. Вспоминаю тревожное сообщение постов нашей противовоздушной обороны: 50 американских самолетов направлялись в сторону Порт-Артура. Вскоре они появились над городом, и некоторые из них прошли на бреющем полете.

По приказу советского командования в воздух поднялись наши самолеты. Один из истребителей так прижал к воде американского пилота, что непрошеному гостю, вероятно, небо над Порт-Артуром показалось с овчинку.

По радио мы вызвали наших бывших союзников:

— Чем объяснить действия американской авиации?

Последовал ответ:

— Авиация Соединенных Штатов Америки приветствует русских в Порт-Артуре.

Мы категорически потребовали, чтобы подобные "приветствия" не повторялись⁵⁹.

К концу лета — в начале осени 1945 года, после капитуляции Японии и ликвидации оккупационного японского режима, в Китае фактически образовалось два государства, одно из которых управлялось Гоминьданом, другое — КПК.

Гоминьдан располагал армией, превосходящей вооруженные силы КПК, как по численности, вооружению, так и источникам снабжения. Президент Трумэн продлил действие закона военного времени о ленд-лизе, чтобы продолжать передавать армии Гоминьдана американское вооружение, включая почти 1000 самолетов, танки, артиллерийские установки. К декабрю 1945 года войска ГДМ получили американские военные материалы, достаточные для вооружения 39 полнокровных дивизий⁶⁰. Кроме того, гоминьдановские войска располагали значительным количеством трофейного оружия от японских частей, капитулировавших в Северном, Центральном и Южном Китае.

Правительство Чан Кайши контролировало территорию, на которой проживало две трети населения Китая. Промышленные районы и крупные административные центры также находились в руках Гоминьдана. Исключение составляла Маньчжурия, где в соответствии с советско-китайским договором от 14 августа 1945 года находились советские войска. Вывод советских войск из Маньчжурии планировалось начать в марте 1946 года, а к началу мая полностью завершить.

К концу августа 1945 года вся территория Маньчжурии площадью более 1,3 млн кв. км с населением свыше 40 млн человек была полностью освобождена от японских оккупантов Советской Армией. Требовалось срочно наладить послевоенную, мирную жизнь местного населения. Эта важнейшая задача первоначально была возложена на советские военные комендатуры, которые создавались в городах и сельской местности. Всего было создано 92 комендатуры. Так, например, комендантом города Дальний был назначен заместитель командующего 39-й армии генерал-лейтенант Г. К. Козлов. Начальник разведотдела штаба 39-й армии полковник М. А. Волошин стал комендантом города Порт-Артур⁶².

Коменданты являлись первыми представителями военной и гражданской власти в освобожденных районах. Им предстояло контролировать всю политическую и хозяйственную жизнь населенного пункта. Нередко советским военным комендатурам приходилось вести настоящие бои против прогоминьдановских агентурных групп, совершающих провокации и нападения. Так, например, в декабре 1945 года в Мукдене (Шэньян) террористами были атакованы несколько комендатур, убито несколько советских вольнонаемных служащих, а в квартиру, где проживал комендант города, брошена пара гранат. По тревоге был поднят мотоциклетный батальон, группа бронемашин, которые рассеяли нападавших.

Помимо этого советским военным властям приходилось бороться с бандами хунхузов. За короткий срок только комендатура города Мукдена разоружила около 9 тыс. хунхузов и уничтожила их центр⁶³. Вот как об этом вспоминал генерал-майор

А. И. Ковтун-Станкевич, бывший в 1945—1946 годах комендантом этого города:

«Наступал вечер. Отдав распоряжение выставить охрану у государственного банка, мы отправились в гостиницу "Ямато" поужинать и отдохнуть. Но, увы, отдохнуть не пришлось. Отовсюду начали поступать сведения о грабежах. Кое-где слышалась перестрелка. Местная администрация на наш вопрос с испугом отвечала: "Хунхузы, хунхузы". О местных бандитах (хунхузах) мне приходилось читать в различных материалах о Маньчжурии. Широко разветвленная сеть банд действовала по всей территории, наводя ужас на население... Пришлось нам с Кравченко [подполковник И. Н. Кравченко, заместитель коменданта города — Авт.] разделить батальон на несколько групп и при помощи русских, живущих в Мукдене, предпринять необходимые меры против грабителей. К утру подразделения батальона восстановили в городе порядок...

К вечеру снова начались грабежи. Грабят и предприятия, и японские кварталы. Кое-где вспыхнули пожары. Отдаю приказ о применении суровых мер против грабителей и о наказании их вплоть до расстрела на месте преступления. Приказ переводится на китайский язык, быстро отпечатывается в десятках тысяч листовок, разбрасываемых с машин в толпу народа на улицах. Почти всюду грабежи прекращаются. Однако на вокзале, в пакгаузах и на текстильных фабриках бандиты продолжают свое дело. Полиция явно не хочет принимать меры против бесчинствующих хунхузов. Выезжаю с автоматчиками к вокзалу. Наше появление ничего не меняет. Решаюсь на крайние меры. Автоматчики окружают пакгаузы, арестовывают несколько бандитов. Толпа притихла, ждет, чем все закончится. Я понимаю ее настроение. Если мой приказ не будет выполнен, завтра весь город окажется во власти грабителей-хунхузов.

Рядом со мной почему-то оказался инженер Сю. По-видимому, он, как железнодорожник, находился на вокзале. Прошу его еще раз прочитать приказ собравшимся жителям города (их здесь несколько тысяч человек). Он громко читает приказ по-китайски. Кое-где в ответ раздается "хао" — "хорошо".

При посредстве Сю допрашиваю арестованных тут же у машины. Они смотрят исподлобья, смеются прямо в лицо — явно уголовные элементы. Кардинальные меры подействовали отвращающе. Грабежи прекратились.

Поздно вечером доложил о мерах по восстановлению порядка прибывшему члену Военного совета Е. Н. Тевченкову, который одобрил их»⁶⁴.

После создания Северо-Восточного бюро ЦК КПК административные, хозяйственные вопросы и вопросы правопорядка перешли в руки китайских коммунистов. Для более успеш-

ного решения возникающих задач при бюро была создана специальная группа советских представителей.

За первые два месяца пребывания советских войск на территории Маньчжурии КПК смогла провести серьезную работу по созданию революционной базы, реорганизовать и укрепить свои вооруженные силы. Значительную помощь в этом китайским товарищам оказывало советское военное командование. Вооруженные силы КПК получили в свое распоряжение трофеи Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов, среди них 1565 орудий, 2139 минометов и гранатометов, 600 танков, 860 самолетов, 12 тыс. пулеметов, свыше 2,5 тыс. автомобилей, 13 тыс. лошадей, 679 складов и много других трофеев, включая суда Сунгарийской военной флотилии⁶⁵. Несколько эшелонов трофейного вооружения было получено КПК из Северной Кореи, для чего в Пхеньян выехал представитель штаба Приморского военного округа. Чуть позже войска КПК получили в свое распоряжение и оружие советского производства⁶⁶.

Кроме того, советским комендантам приходилось решать и другие военные вопросы. Так, коменданту Порт-Артура полковнику Волошину пришлось оперативно решать вопрос о налаживании в танковых мастерских армии производство поршневых колец для трофейных японских самолетов. В другой раз, тот же полковник Волошин, по приказу командования Приморского военного округа, занимался переброской 20 магистральных грузовых паровозов для войск КПК. Участник этой операции вспоминал:

«Выполнить это распоряжение было крайне трудно: механизмов для погрузки паровозов на корабли в Порт-Артуре не было. Пришлось использовать старый единственный кран еще времен обороны Порт-Артура 1904—1905 гг., усилив его швеллерными балками. По самой кромке причала наши солдаты проложили железнодорожную ветку. Риск был большой, люди отдавали все силы, работали днем и ночью, но и это задание мы выполнили»⁶⁷.

После погрузки паровозов, они были направлены морем через Цусимский пролив в корейский порт Чхончжин, а оттуда переправлены на Северо-Восток Китая, в районы, где действовала армия КПК.

Немало помогали китайским коммунистами и промышленные предприятия Дальнего. На крупной судовой верфи «Дальдок», например, строились и ремонтировались плавсредства для КПК.

Руководство Китайской Коммунистической партии считало необходимым продлить пребывание советских войск на территории Маньчжурии, поскольку процесс создания вооруженных сил КПК был еще далек от завершения. Особенно важным узлом оперативного действия, по словам Мао Цзэ-дуна, являлась провинция Жэхэ. В своей телеграмме, направленной на имя

уполномоченного ЦК КПК на Северо-Востоке Пэн Чжэня, он предупреждал, что «ни в коем случае нельзя допускать туда войска Чан Кайши»⁶⁸. Он просил сообщить советскому командованию, чтобы Советская Армия «оставалась в провинции Жэхэ до конца декабря 1945 г.»⁶⁹. В течение этого времени, подчеркивал Мао, мы организуем силы и закрепимся в этой стратегически важной провинции. 19 ноября 1945 года руководитель КПК вновь писал своему уполномоченному:

«В связи с поддержкой нашего старшего брата [Советского Союза — Авт.] и развитием нашей партии в Маньчжурии войска Чан Кайши не могли успешно продвинуться в Маньчжурии, а также не смогли провести работу по приему власти в Маньчжурии»⁷⁰.

А через день Мао опять наставлял Пэн Чжэня:

«Попросите наших друзей, чтобы они по возможности оттянули срок прихода в Маньчжурию войск Гоминьдана»⁷¹.

В условиях быстро растущей напряженности между двумя параллельными государствами одной страны, начались переговоры между руководством КПК и Гоминьданом. Этому предшествовали посреднические усилия американского генерал-майора Патрика Дж. Хэрли и троекратное приглашение Чан Кайши направленное в адрес компартии. 28 августа 1945 года делегация ЦК КПК в составе Мао Цзэ-Дуна, Чжоу Эньлая, и Ван Жофэя прибыли в Чунцин. Правительства СССР и США обеспечили руководству КПК гарантии неприкосновенности.

Перед началом переговоров ЦК КПК опубликовал два документа, разъясняющие его позицию и те условия, на которых компартия была готова пойти на мирное урегулирование. В документе о текущем положении коммунисты сформулировали основные задачи послевоенного периода: «укрепление национального единства, обеспечение внутреннего мира, осуществление демократии, строительство независимого, свободного, процветающего, сильного Китая. Компартия предложила обеспечить созыв Национального собрания, урегулировать численность народной и гоминьдановской армий, сохранить народные правительства освобожденных районов, народной армии принять участие в приеме капитуляции японских войск»⁷².

Кроме того, делегация ЦК КПК имела полномочия пойти на уступки Гоминьдану, не ущемляющие интересы народа. Одновременно ЦК партии, предвидя несговорчивость Чан Кайши, ориентировал партию и армию на ведение военных действий против Гоминьдана.

«Продолжая наступление в течение определенного периода, — говорилось в секретной директиве ЦК КПК, — наша партия сможет установить свой контроль над подавляющей частью районов севернее низовьев Янцзы и реки Хуанхэ, над по-

давляющей частью провинций Шаньдун, Хэбэй, Шаньси и Суй-юань, над всей территорией провинции Жэхэ и Чахар, а также над частью провинции Ляонин»⁷³.

В конце августа — начале сентября 1945 года, выполняя эту директиву войска КПК, активизировали установление контроля над указанными провинциями. В ходе своего продвижения они сталкивались со встречным движением гоминьдановских войск, что приводило к ожесточенным боям. Так, 10 сентября произошло сражение между частями КПК и Гоминьдана на подступах к центру Чахара Калгану (Чжанцзякоу).

Переговоры в Чунцине проходили в течение шести недель, в довольно сложной обстановке. За это время делегации встречались четыре раза, по несколько часов в день. На встречах, по свидетельствам очевидцев, Мао Цзэ-дун и Чан Кайши бросали друг на друга взгляды полные ненависти и презрения.

10 октября 1945 года было принято коммюнике. В нем говорилось о соглашении по ряду политических проблем. Так, например, Гоминьдан выразил готовность предоставить народу элементарные демократические свободы, легализовать политические партии, создать Политическую консультативную конференцию, на которой обсудить проект мирного строительства государства и вопрос о созыве Национального собрания и т.д. Мао Цзэ-дун со своей стороны тоже пошел на уступки и передал правительству Чан Кайши восемь небольших районов южнее Хуанхе, передислоцировав оттуда свои войска на север. Других важных соглашений достичь не удалось и, прежде всего, из-за решительного отказа Мао Цзэ-дуна пойти на предварительные условия, в соответствии с которыми КПК должна была отдать свои вооруженные силы и органы местного управления под контроль Гоминьдана.

Тем не менее, 10 октября 1945 года соглашение между сторонами было подписано (подобные переговоры КПК с Гоминьданом вели с перерывами до марта 1947 года). После этого Мао Цзэ-дун вернулся в Яньань, поручив вести дальнейшие переговоры Чжоу Эньлаю.

Однако, несмотря на подписанное соглашение, в Китае продолжались ожесточенные боевые действия между частями коммунистов и гоминьдановцев. Еще в начале октября Мао Цзэ-дун, в ответ на неуступчивую позицию Чан Кайши, которая серьезно тормозила переговоры, приказал нанести мощный удар по гоминьдановским войскам в Северном Китае. В результате этой операции были разгромлены семь дивизий 30-го и 40-го корпусов Гоминьдана, которые располагались вдоль Пекин-Нанкинской железной дороге и севернее района Пекин — Тянь-цзинь. Командир 40-го корпуса Ма Фу попал в плен, потери войск Гоминьдана составили 21 тыс. человек. По мнению, современного китайского историка, Хуан Чжэнься, биографа Лю

Бочэна, командующего войсками Пограничного (Особого) района, эта операция войск КПК стала началом новой гражданской войны в Китае

В свою очередь, 13 октября Чан Кайши подписал приказ о переходе к решительным действиям против 8-й, Новой 4-й армий и партизанских колонн КПК. Наступление разворачивалась с юга на север: от Уханя и Нанкина, вдоль железнодорожных магистралей, в направлении Пекина и Тяньцзиня к границам Северо-Восточного Китая с целью скорейшего захвата его после вывода войск Советской Армии⁷⁴.

Стремительным ударом войска Гоминьдана (свыше 1 млн чел.) овладели Лунхайской железной дорогой и территорией к югу от нее. В порту Циньхуандао с американских кораблей были высажены части 13-й, 52-й и 92-й армий Гоминьдана, которые нанесли удар вдоль Пекин-Шэньянской железной дороги на Шаньхайгуань.

7 ноября 1945 года ЦК КПК принимает директиву, в которой, в частности, говорилось:

«Гражданская война в масштабах всей страны стала фактом. Перед нашей партией стоит задача мобилизовать все силы и, занимая позицию самозащиты, разгромить наступление гоминьдана, отстоять освобожденные районы и добиться установления мира»⁷⁵.

25 ноября Чжоу Эньлай прерывает потерявшие смысл переговоры и возвращается в Яньань.

Однако уже в декабре 1945 года военно-политическая ситуация резко меняется и складываются условия для возобновления мирного диалога и реализации перемирия.

Эти перемены были связаны рядом событий.

С одной стороны, в ходе осенних боевых действий выяснилась неподготовленность гоминьдановской армии к массированному наступлению, о которой руководство Гоминьдана неоднократно предупреждал командующий американскими войсками в Китае генерал А. Ведемейер. Кроме того, многие гоминьдановские части «были морально не подготовлены к гражданской войне»⁷⁶. Не только отдельные солдаты и офицеры, но даже целые соединения капитулировали или переходили с оружием в руках на сторону КПК. Так, например, 30 октября в районе Ханьдана (южный Хэбэй) на сторону коммунистов перешло свыше 10 тыс. бойцов Новой 8-й армии Гоминьдана во главе с ее командиром генералом Гао Шусюнем (он же заместитель командующего гоминьдановскими войсками 11-й военной зоны)⁷⁷. Вскоре, Главный штаб гоминьдановских войск был вынужден отдать приказ о прекращении наступательных действий.

С другой стороны, усилилось международное давление на Китай в пользу прекращения войны. С 16 по 26 декабря 1945

года в Москве состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. По инициативе советской стороны в повестку дня совещания был включен вопрос о Китае в связи с обострением военных действий на его территории. Правительство Чан Кайши выразило решительный протест против обсуждения этого вопроса, тем более без участия представителя Китая. Руководство КПК горячо одобрило инициативу советской стороны. В свою очередь министры иностранных дел США и Великобритании поддержали протест правительства Чан Кайши, но вынуждены были уступить требованиям СССР и согласиться обсудить китайский вопрос без участия Китая.

Участники совещания смогли договориться «о необходимости объединения и демократизации Китая под руководством Национального правительства, о широком привлечении демократических элементов во все органы Национального правительства и о прекращении гражданской борьбы»⁷⁸. Министры иностранных дел СССР и США заявили также о «желательности вывода из Китая советских и американских вооруженных сил в возможно кратчайший срок»⁷⁹. Это обязательство было выполнено только Советским Союзом, который завершил вывод своих войск из Маньчжурии 3 мая 1946 года. Войска США оставались в Китае вплоть до 1949 года.

Одновременно с Московским совещанием существенно активизировалась американская дипломатия, обеспокоенная за судьбу правительства Чан Кайши в случае расширения гражданской войны. Еще в ноябре в отставку ушел посол П. Хэрли, а специальным представителем президента США в Китае был назначен генерал Дж. Маршалл. 15 декабря 1945 года Трумэн выступил «с заявлением о политике в Китае, в котором высказался за объединение Китая мирными демократичными методами и за созыв Политической консультативной конференции, предусмотренной "соглашением 10 октября"»⁸⁰.

Решения Московского совещания и усилия американской дипломатии способствовали в декабре 1945 года возобновлению переговоров между КПК и Гоминьданом. 31 декабря Чан Кайши объявляет о созыве 10 января 1946 года Политической консультативной конференции (ПКК), из представителей Гоминьдана, КПК и других партий. Кроме того, для выработки условий перемирия и наблюдения за его выполнением, по инициативе Маршалла, был создан «Комитет трех», в который вошли представители от КПК (Чжоу Эньлай), Гоминьдана (Чжан Цюнь) и США (Маршалл).

К этому времени, как справедливо отмечает историк А. В. Меликсетов, отношение руководства компартии к тактике переговоров, которая уже доказала свою выгодность для военно-политических позиций КПК, меняется — она признается важным средством воздействия на общекитайское общественное мнение

и способом выиграть время для военной подготовки, особенно в Маньчжурии⁸¹.

В январе 1946 года переговоры между КПК и Гоминьданом были возобновлены. 10 января «Комитет трех» достиг согласия о прекращении военных действий. В этот же день начала работу Политическая консультативная конференция в составе семи представителей КПК, восьми — Гоминьдана, девяти — Демократической лиги, пяти — младокитайской партии и девяти беспартийных общественных деятелей. За время работы ПКК делегаты от компартии умело пропагандировали свой проект «Программу мирного строительства государства», в котором содержались положения программных документов VII съезда КПК. Это имело большое воздействие «на политических представителей промежуточных сил и, прежде всего на Демократическую лигу, которая все более критически относилась к гоминьдановской политике»⁸².

31 января ПКК приняла решение об организации Государственного совета (правительства), о программе мирного строительства государства, о Национальном собрании, о проекте конституции и о военных вопросах. В последней резолюции были указаны основные принципы реорганизации вооруженных сил: армия принадлежит государству, а не политическим партиям, военная власть отделяется от гражданской, гражданский контроль над армией осуществляется министерством национальной обороны, которое создается путем реорганизации Военного комитета Национального правительства.

Сложности в работе ПКК начались, когда вопрос зашел о статусе и численности войск КПК и Гоминьдана. В этом вопросе обе стороны не смогли найти общего языка. «Комитету трех» было поручено разработать соответствующее решение для чего потребовалось несколько недель. 25 февраля «Комитет трех» принял решение о сокращении в течение года общего числа дивизий до 108 (90 дивизий от Гоминьдана, 18 дивизий от КПК) с последующим сокращением в течение 6 месяцев до 60 дивизий (50 — от Гоминьдана, 10 — от КПК) с личным составом не более 14 тыс. человек в каждой. Помимо этого документ включал войска КПК в государственную армию, определял количество армий в Северо-Западном, Северо-Восточном, Северном, Центральном и Южном (включая Тайвань) Китае, а также соотношение войск в каждом из этих районов. Далее процитируем историка М. Ф. Юрьева:

«Это решение было компромиссным: гоминьдан соглашался на фактическое сохранение войск КПК и их включение в государственную армию, а КПК — на сокращение вооруженных сил в относительно больших размерах, чем гоминьдан (в первой половине 1946 г. соотношение их численности было при-

мерно 3,5 : 1 в пользу гоминьдана, а соглашение предусматривало 5 : 1), и передачу их (по меньшей мере номинально) под верховное командование президента Китая, т.е. Чан Кайши»⁸³.

Но реализация выработанных соглашений, столкнулась с серьезными трудностями. Причиной этому были опасения Гоминьдана перед Коммунистической партией Китая, нацеленной на реальный захват власти в стране.

Еще в конце декабря 1945 года состоялась секретная миссия сына Чан Кайши Цзян Цзинго в Москву в качестве специального представителя главы китайского государства и правительства. Перед тем как принять Цзян Цзинго, И. В. Сталин поручил МИД СССР представить ему информацию о целях визита сына Чан Кайши, о вопросах, которые могут быть им подняты, и высказать соображения советских дипломатов по этим вопросам.

29 декабря 1945 года заместитель министра иностранных дел С. А. Лозовский, представил на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова аналитическую записку, в которой сообщалось:

«В предварительных беседах с нашим послом⁸⁴ ни Чан Кайши, ни Цзян Цзинго не сообщили с какой целью, направляется в Москву "личный представитель" Чан Кайши. Тем не менее, на основании косвенных данных можно установить основную политическую цель поездки Цзян Цзинго в Москву.

Цзян Цзинго будет вести переговоры по вопросу о политическом положении в Маньчжурии, об эксплуатации японских предприятий, расположенных в Маньчжурии, об участии советских капиталов и технических сил в развитии Маньчжурии, о передаче всей Маньчжурии в руки гражданской и военной администрации китайского правительства и т. д. Цзян Цзинго имеет, очевидно, поручение в начале или в конце переговоров успокоить Советское правительство по вопросу о роли США в Китае. Чан Кайши-де не хочет предоставлять США какие-либо преимущества по сравнению с Советским Союзом; он хочет использовать США только для экономической реконструкции страны. Не исключено, что Чан Кайши делал аналогичные заявления американцам по поводу Советского Союза. Во всяком случае, одно ясно — что Чан Кайши хочет использовать и Советский Союз, и США, и особенно противоречия между нами, для укрепления национального правительства и перестройки Китая в интересах национальной китайской буржуазии»⁸⁵.

Далее в записке приводился перечень вопросов возможных в ходе беседы и делался вывод о самом посланце:

«О Цзян Цзинго. Как Чан Кайши пытается маневрировать между США и СССР, так и Цзян Цзинго хочет, как бывший член ВКП(б)⁸⁶, маневрировать между Чан Кайши и нами, выдавая себя за бескорыстного друга СССР. Чан Кайши не послал бы своего сына, если бы он не был уверен на все 100%. Цзян Цзинго готов даже критиковать Чан Кайши для того, чтобы лучше и

легче проводить намеченную его отцом политику. Окружение Чан Кайши не любит Цзян Цзинго не только как бывшего левого, но и как претендента на политическое наследство Чан Кайши. На самом деле, Цзян Цзинго середняк и не может идти ни в какое сравнение с таким дельцом и политиком, как Сун Цзывень⁸⁷. Вывод: вряд ли Цзян Цзинго имеет поручение заключить с нами какие-либо соглашения. Он едет в Москву для того, чтобы поговорить и, возможно, подготовить почву для приезда самого Чан Кайши»⁸⁸.

Аналитики МИДа оказались настоящими профессионалами. Встречи Сталина с Цзян Цзинго, состоявшиеся 30 декабря 1945 года и 3 января 1946 года были своего рода «разведкой боем», прощупыванием позиций, соблюдением дипломатического этикета, заполненного цветастым восточным многословием — и ничем иным. Приведем, по нашему мнению, показательный отрывок беседы от 30 декабря, на которой присутствовали И. В. Сталин, Цзян Цзинго, министр иностранных дел В. М. Молотов, ответственный работник МИДа Павлов, посол Китая Фу Бинчан:

«Цзян Цзинго говорит, что теперь он перейдет к вопросу об отношениях Китая к Америке. Чан Кайши поручил ему откровенно заявить Генералиссимусу Сталину, что Китай заинтересован в сотрудничестве между Китаем, Советским Союзом и США, так как союз между ними имеет большое значение не только для Дальнего Востока, но и для всего мира. Ни один представитель из числа тех, которые побывали в Китае и беседовали с Чан Кайши, и в частности генерал Маршалл, ни разу не отождествлялись плохо о Советском Союзе. Генерал Маршалл сказал, что он полностью доверяет Генералиссимусу Сталину. Разного рода рассуждениями занимаются лишь те люди, которые стремятся заработать себе на этом капитал. Чан Кайши заявляет, что он заинтересован в союзе Советского Союза, Китая и США.

Тов. Сталин замечает, что Чан Кайши прав.

Цзян Цзинго говорит, что, однако, в силу исторических и географических причин Китай ближе к Советскому Союзу. Китай прямо заявил, что он ожидает экономической помощи от США, но он не будет терять самостоятельности в политике⁸⁹.

Тов. Сталин говорит, что это правильно.

Цзян Цзинго замечает, что Китай не будет верить людям, занимающимся провокациями.

Цзян Цзинго говорит, что теперь он хотел бы сказать несколько слов об американской морской пехоте в Северном Китае. Пребывание американских войск в Северном Китае было предусмотрено соглашением, заключенным еще до капитуляции Японии. План предусматривал высадку семи американских дивизий. После капитуляции Японии в Северном Китае не оказалось войск Центрального правительства Китая, которые

были оттеснены в южные районы, и для разоружения японцев были высажены американские войска.

Тов. Сталин спрашивает, неужели японские войска еще не разоружены. Тов. Сталин говорит, что в Чаньчуне 25 советских военных разоружили два корпуса японцев. Японцы не сопротивлялись. Все японские войска в Маньчжурии были разоружены в течение 10 дней. Японцы, говорит тов. Сталин, теперь не будут сопротивляться. Надо действовать смелее. Японцев разоружать легко.

Цзян Цзингюй заявляет, что американские войска будут отведены, как только они выполнят свою задачу.

Тов. Сталин заявляет, что Советское правительство не хотело бы, чтобы американские войска вступили в Маньчжурию. Это — советская зона. Кажется, американцы и не намереваются вступать туда. В Маньчжурию не надо пускать ни американских, ни английских, ни других иностранных войск.

Цзян Цзингюй отвечает, что американские войска не войдут в Маньчжурию, и снова повторяет, что они вообще будут выведены из Китая, как только выполнят свою задачу.

Тов. Сталин заявляет, что присутствие иностранных войск в Китае приведет к подрыву авторитета Чан Кайши и что, наоборот, если иностранных войск в Китае не будет, то авторитет Чан Кайши будет выше⁹⁰.

Секретная миссия Цзян Цзингюй завершилась дежурными улыбками обеих сторон, вежливым пожиманием рук и не менее вежливым дипломатическим ответом И. В. Сталина:

«Вручено Заведующим 1-м Дальне-Восточным отделом НКВД СССР

Г. И. Тункиным г-ну Цзян Цзингюй

5 января 1946 г.

Москва, 4 января 1946 года

Господин Генералиссимус,

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо, врученное мне Вашим сыном господином Цзян Цзингюй 30 декабря 1945 года.

В беседах, которых я имел с ним, был, затронут ряд вопросов советско-китайских отношений и некоторые другие проблемы, представляющие интерес для Китая и Советского Союза. Я надеюсь, что отношения между странами будут развиваться в соответствии с советско-китайским договором, чему я и впредь буду уделять постоянное внимание.

Закончившееся недавно в Москве Совещание Министров Иностранных Дел трех держав дало полезные результаты и, что следует особо отметить, оно помогло решению послевоенных проблем Дальнего Востока, имеющих столь важное значение для Китая и СССР.

Примите, господин Генералиссимус, уверения в моем самом высоком уважении и мои наилучшие пожелания.

Господину Генералиссимусу И. Сталин
Цзян Чжунчжуну (настоящее имя Чан Кайши — Авт.)
Цунцин»⁹¹.

Между тем в самом Китае в марте 1946 года состоялся XI пленум Гоминьдана. На нем правительство Чан Кайши фактически пошло на срыв «решений ПКК, стремясь сохранить антидемократический проект конституции 1936 года, созвать Национальное собрание до создания коалиционного демократического правительства, т.е. под эгидой Гоминьдана, и в том же составе, который был сформирован Гоминьданом еще до войны»⁹².

Одновременно войска Гоминьдана путем частных военных операций пытались подорвать вооруженные отряды КПК, как в освобожденных районах страны, так и формирования Объединенной демократической армии (ОДА) Северо-Востока, которая вскоре стала костяком Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

Напомним, что ОДА была образована в январе 1946 года на базе частей 8-й армии, Новой — 4-й армии, Антияпонской объединенной армии, а также партизан и бойцов корпуса добровольцев в Маньчжурии.

К 14 февраля 1946 года численность ОДА составляла около 300 тыс. человек, не считая бойцов созданного корпуса охраны мира и милиции. Командующим Объединенной демократической армией стал Линь Бяо, политкомиссаром секретарь Северо-Восточного бюро ЦК КПК Пэн Чжэнь, заместителями командующего были назначены Чжоу Баочжун, Сяо Цзингуан, Люй Чжэнцао, Ли Юнчан, заместителями политкомиссара — Ло Жунхуань и Гао Ган. Одновременно руководитель администрации Маньчжурии Гао Ган командовал Северо-Восточным военным округом и отвечал за тыл ОДА⁹³.

Ранней весной 1946 года 52-я гоминьдановская армия, по рекомендациям американских военных советников, начала операции к югу от Великой китайской стены, к западу и востоку от Пекин-Ханькоуской железной дороги. Целями этих операций было изолирование освобожденных районов в Северном Китае от Маньчжурии, где находились советские гарнизоны. В то же время американская транспортная авиация и автотранспорт продолжали переброски гоминьдановских войск, главным образом дивизий, обученных и вооруженных США, к границам Маньчжурии и Монгольской Народной Республики⁹⁴. Одновременно американские корабли доставляли в порты на восточном побережье Северного и Центрального Китая военное снаряжение и вооружение. К июлю 1946 года правительство Чан Кайши получило от США помимо стрелкового и артиллерийского вооружения, 800 самолетов, 200 кораблей, 12 тыс. бронемашин и автомашин, 48,5 тыс. снарядов и другое оружие⁹⁵.

В марте в Маньчжурию были введены значительные гоминьдановские силы, которые расположились в основном вдоль Китайско-Чанчуньской железной дороге. Это приводило к ожесточенным столкновениям с воинскими соединениями КПК.

К моменту вывода Советской Армии из Маньчжурии гоминьдановцы еще больше активизировали свои действия, стремясь одновременно ввести свои части во все пункты, где располагались наши войска.

Однако отвод советских войск осуществлялся поэтапно, с учетом интересов китайских коммунистов и завершился в соответствии с взятыми советской стороной обязательствами. Первые части Советской Армии начали покидать территорию Маньчжурии в начале марта. Как это происходило, вспоминает бывший комендант Мукдена А. И. Ковтун-Станкевич:

«9 марта 1946 г. мы получили приказ оставить Мукден, передав всю власть китайцам не позднее 11 марта. Такое распоряжение нас несколько удивило. Ведь 5 марта маршал Р. Я. Малиновский⁹⁶, приехавший в Мукден, в разговоре со мной сказал, чтобы я получше устраивался, так как мне предстоит длительное пребывание в Маньчжурии.

И вдруг, 9 марта получаем, приказ срочно покинуть Мукден и отправиться всем составом комендатуры в Харбин. Истинная причина столь неожиданного изменения обстановки стала известна несколько позже. Она заключалась в следующем: чанкайшисты хотели, чтобы их воинские части вошли во все пункты, где расположены наши войска. Они намеревались использовать нас как своего рода щит, прикрывающий их от Народно-освободительной армии Китая, иными словами, рассчитывали укрепить свою власть, опираясь на мощь Советской Армии. Визит мадам Сун, о котором я упоминал выше, был предпринят для того, чтобы договориться с нашим командованием о длительной оккупации советскими войсками Маньчжурии⁹⁷. Одновременно в Москве китайское посольство вело переговоры в Министерстве иностранных дел. Потребовалось принять срочные меры, чтобы сорвать коварные замыслы чанкайшистов...

Последние дни нашего пребывания в Мукдене были посвящены ликвидации комендатуры, и заниматься городскими делами уже не было времени. А в городе всю хозяйничали гоминьдановцы. По улицам маршировали войска. По мере освобождения нами административных зданий их занимали чанкайшисты. Аресты противников чанкайшистского режима начались сразу же, как только последняя машина с советскими солдатами ушла на вокзал для погрузки в эшелон. Город затих. Кроме гоминьдановских солдат и американских "туристов", на улицах редко можно было увидеть прохожего. Все попрятались, как будто в ожидании грозы...

Эшелоны погружены. Ожидаем отправления. В вагоне собрались мои заместители. Раздается гудок паровоза. Бросаем последний взгляд на город, с которым уже так много связано. Еще вчера сверкавший огнями Мукден погрузился в темноту»⁹⁸.

В начале апреля советские войска эвакуировались из городов, расположенных к северу от Мукдена. 14 апреля войска были выведены из Чанчуня, 28 апреля — из Харбина, а 3 мая 1946 года эвакуация Советской Армии из Маньчжурии была полностью завершена. Перед уходом из Южной Маньчжурии советские войска демонтировали арсеналы, военные и некоторые другие промышленные предприятия, чтобы они не достались го-миньдановским войскам.

Объем вывезенного оборудования, по подсчетам американской экспертной комиссии Э. Паули, оценивался в 895 млн долларов. Японские эксперты, по просьбе правительства Гоминьдана, оценили нанесенный ущерб в 1233 млн долларов".

В свою очередь товарищи из КПК, по поводу вывезенного оборудования, оказались не столь меркантильными:

«Если бы оборудование не было вывезено, оно попало бы в руки чанкайшистской армии, которая использовала бы его для производства оружия и боеприпасов, чтобы усилить себя в предсмертной агонии, а китайский народ пролил бы больше крови в освободительной войне. Китайский народ ясно отдаст себе отчет в том, что такие действия Советской Армии в тот период шли на пользу нашей народной революции. Практически это была своего рода помощь¹⁰⁰, за которую мы должны быть чрезвычайно признательны»¹⁰⁰.

После 3 мая 1946 года последними советскими войсками, оставшимися на территории Китая, в соответствии с советско-китайским договором и соглашениями от 14 августа 1945 года, были военнослужащие 39-й армии и Тихоокеанского флота. Местом их дислокации была ВМБ Порт-Артур и порт Дальний, т.е. южная часть Ляодунского полуострова и Гуаньдунский полуостров, расположенный на юго-западной оконечности Ляодунского полуострова. Границы военно-морской базы полностью совпадали с границами Гуаньдунского полуострова. Ее северная граница проходила через железнодорожную станцию Шихе в 120 км севернее Порт-Артура. Кроме того, все острова, расположенные в водном пространстве, прилегающем к полуострову, относились к договорной зоне¹⁰¹. Оба полуострова занимали срединное положение в Желтом море и оставались воротами в Маньчжурию. Помимо этого определенный контингент советских вольнонаемных рабочих и служащих находился на Китайско-Чанчуньской железной дороге¹⁰². Стоит заметить, что в дальнейшем многие советские военнослужащие ВМБ были награждены медалью «Китайско-советская дружба», а командованию базы было вручено памят-

ное знамя. На нем китайские товарищи написали: «С уважением преподносим Советской Армии, Военно-Морскому Флоту и артиллерийским частям, пребывающим в Порт-Артуре. Да здравствует великая нерушимая китайско-советская дружба!» (ныне эта реликвия хранится в запасниках Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге).

Между тем в апреле-мае 1946 года военные столкновения между войсками Гоминьдана и КПК уже подошли к той невидимой черте, за которой начинается полномасштабная гражданская война. Особенно яростные столкновения происходили в Маньчжурии, где одна группировка армии Гоминьдана, заняв город Чанчунь, с боями вышла на северный берег Сунгари по направлению на Харбин. Одновременно другая группировка в составе восьми дивизий нанесла удар в направлении Ляодунского полуострова против небольшой части КПК, прижав ее к Гуаньдунскому полуострову, практически к советской военноморской базе Порт-Артур. Далее процитируем воспоминания непосредственного участника этих событий:

«В этой сложной ситуации командование 39-й Советской Армии было вынуждено предпринять встречные меры. В гоминьдановские войска выехал наш представитель полковник М. А. Волошин с группой офицеров. В штабе гоминьдановской армии, наступающий в направлении Гуаньдуна, он встретился с командующим. На карте был обозначен рубеж, который гоминьдановские войска не должны переходить. Гоминьдановскому командованию было заявлено, что территория за этим рубежом находится под огнем нашей артиллерии, и могут возникнуть опасные последствия. Командующий армией без особого энтузиазма дал согласие, которое впоследствии твердо выполнялось. Этим самым нам удалось успокоить население и выполнить обещание, данное органам китайской администрации [коммунистической], — учесть их интересы в зоне 8—10 км севернее Гуаньдана. В дальнейшем эту зону активно использовали части 8-й армии НОА»¹⁰³.

К этому времени численность войск Гоминьдана составляла 4 млн 300 тыс. человек и превосходила армию КПК в полевых частях в 2,2 раза, в артиллерии — в 4,8, в боевых самолетах — в 6,3, в автотранспорте — в 17 раз¹⁰⁴. Однако политико-моральный настрой солдат и офицеров Гоминьдана был невысок. Как отмечают современные исследователи, социальный состав армии составляли крестьяне, «которым цели и интересы Гоминьдана были совершенно чужды, а демократические цели КПК близки и понятны»¹⁰⁵. Существовал и другой неблагоприятный для Гоминьдана фактор: наличие общей границы у Маньчжурии с СССР, Монгольской Народной Республикой и Северной Кореей. Это лишало командование Гоминьдана перспективы нанести удары по территории контролируемой КПК с севера,

запада и востока. Наступление войск Чан Кайши с юга было невозможно из-за Порт-Артура и Дальнего, где находились советские войска.

Американский генерал Маршалл, реально оценивающий боееспособность гоминьдановской армии, предпринял очередную попытку посадить противников за стол переговоров и сумел добиться объявления 7 июня перемирия.

Однако миссия Маршалла потерпела полный провал. Как отмечает историк А. В. Меликсетов:

«Позиции сторон уже примирить нельзя было даже на бумаге, перемирие было сорвано, что, как показали последующие события, означало развертывание гражданской войны в широких масштабах» (одноко переговоры в Чунцине продолжались еще почти полгода)¹⁰⁶.

В июне 1946 года в Китае началась всеобщая гражданская война.

Началом войны стал план Главного штаба гоминьдановских войск о планомерном расширении наступательных операций против войск КПК во Внутреннем Китае, развернув их в первой половине 1946 года по четырем основным направлениям.

Первое направление предусматривало наступление 26 гоминьдановских бригад общей численностью 310 тыс. человек на стык провинций Хэнань и Хубэй против освобожденного района Центральной равнины, который обороняли войска КПК под командованием Ли Сяньняня и Чжэн Вэйсяня.

Второе наступление гоминьдановских войск численностью 500 тыс. солдат, велось в районе железных дорог Тяньцзинь-Пукоу, Цзинань-Циндао и Лунхайской железной дороге и было направлено с севера и юга на провинции Шаньдун, Аньхой и Цзянсу против группировки войск КПК под командованием Чэнь И.

Третье направление наступления гоминьдановцев планировалось вдоль железной дороге Датун-Пучжоу против коммунистических отрядов Хэ Луна и Лю Бочэна.

Четвертое направление предусматривало действием гоминьдановских войск вдоль железной дороги Баотоу-Чжанцзкоу разгромить части КПК под командованием Не Жунчжэня.

Повсюду целью наступательных операций Главного штаба гоминьдановских войск был захват железнодорожных магистралей, ведущих к Пекину и Тяньцзиню.

Кроме того, командование Гоминьдана стремилось летом 1946 года создать прочные плацдармы в Северном Китае для наступления на Маньчжурию. В первую очередь гоминьдановцы намеривались захватить и удержать коммуникации: Пекин-Шэньян, Пекин-Тяньцзинь-Дагу, Пекин-Баотоу, Датун-Пучжоу, Пекин-Ханькоу. Особое значение придавалось захвату коммуникаций, выводящим к восточному побережью Китая

и портам Цзиньчжоу, Дату, Яньтай, Циндао (на шаньдунском побережье)¹⁰⁷.

К моменту начала широкомасштабных военных действий ЦК КПК, наряду с изменениями в структурах партийных и административных органов, провела значительную реорганизацию своих вооруженных сил, сведенных в Народную Освободительную Армию (НОА). К лету 1946 года было создано шесть военных зон (округов) находящихся под непосредственным руководством соответствующих Бюро ЦК КПК. Кроме Северо-Восточного округа в Маньчжурии (руководитель — Гоа Ган) были образованы следующие округа: в освобожденном районе Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань (руководители — Лю Бочэн, Дэн Сяопин), в Восточном Китае (руководители — Чэнь И, Су Юй, Ло Жуйцин, Тань Чжэньлинь), в освобожденном районе Шаньси-Суйюань (руководитель — Хэ Лун), на Центральной равнине (руководители — Ли Сяньнянь, Чжэнь Вэйсань, Се Фучжи). Части НОА округов сводились в полевые армии. Общее военное руководство осуществлялось Народно-революционным военным советом под руководством Мао Цзэ-дуна и Главным командованием НОА под руководством Чжу Дэ¹⁰⁸.

В конце июня 1946 года гоминьдановские войска перешли в решительное наступление почти на все освобожденные районы, рассчитывая разом покончить с «коммунистическими бандами».

Ответом КПК на наступление противника стала так называемая «война самозащиты», стратегия и тактика, которой во многом опирались на опыт предыдущих войн, но с учетом особенности военно-политической ситуации в новой гражданской войны. Эта особенность заключалось, прежде всего, в том, что руководство КПК и НОА осознавали, что длительность развертывающихся военных действий работает на коммунистов, поскольку правительство Чан Кайши переживает глубокий кризис, который будет лишь углубляться по мере затягивания войны.

20 июля ЦК КПК принял директиву под названием «Войной самообороны разгромим наступление Чан Кайши». В ней, в частности, подчеркивалось, что «для победы над Чан Кайши следует, как правило, применять такой метод ведения боевых действий, как маневренные действия. Поэтому временное оставление некоторых районов и городов не только неизбежно, но и необходимо... Необходимо, чтобы вся партия и весь народ освобожденных районов, поняли это и морально были подготовлены к этому»¹⁰⁹.

Сам Мао Цзэ-дун, при подготовке этой директивы, говорил своим близким соратникам:

«Отступать, чтобы сохранить силы, — это не только естественно, это необходимо. В противном случае о победе нечего и мечтать»¹¹⁰.

Между тем, фронтовая обстановка в Китае складывалась следующим образом.

В Северном Китае НОА под командованием Не Жунчжэня удерживали районы и коммуникации и угрожали флангам и тылу сосредоточенных здесь войскам противника, не давая им войти в Южную Маньжурию.

В Восточном Китае четыре дивизии НОА и партизанские отряды освобожденного района Северной Цзянсу больше месяца вели оборонительные бои против 500 тыс. группировки противника, которую поддерживали 100 самолетов. В ходе ожесточенных боев гоминьдановцы потеряли свыше 20 тыс. убитыми и ранеными, около 30 тыс. вражеских солдат попало в плен¹¹¹.

Войска НОА Шаньдунского освобожденного района сдерживали натиск гоминьдановских частей наступающих из района Лунхайской железной дороге, и срывали десантные операции американско-гоминьдановских войск на побережье Бохайского залива.

В Центральном и Южном Китае части НОА освобожденных районов сковывали активными действиями группировки противника, а также срывали его военные перевозки по Пекин-Ханькоуской, Ханькоу-Гауанчжоуской железным дорогам и рекам Янцзы, Бэйцзян и Сицзян.

Однако во Внутреннем Китае войска НОА численностью 60 тыс. человек, оказались не в состоянии противостоять наступлению 300 тыс. группировки противника, при поддержке тысячи самолетов, свыше тысячи танков и 50 тыс. артиллерийских орудий, и были вынуждены отступить в горные районы Западного и Северного Шаньдуна, Тайханшаня и Утайшаня¹¹².

За четыре месяца ожесточенных боев (июль-октябрь) Гоминьдан, бросивший в бой 80% своих регулярных сил (1600 тыс. из 2 млн), пытался ликвидировать почти все освобожденные районы. НОА (примерно 1,2 млн человек) была вынуждена вести тяжелые оборонительные бои, отступать, оставляя некоторые освобожденные районы и города. Однако, несмотря на численное и материальное превосходство противника над коммунистическими войсками, гоминьдановскому командованию не удалось завершить ни одну из задуманных наступательных операций разгромом или пленением частей НОА¹¹³. Более того войска НОА неоднократно предпринимали наступательные операции и громили противника. Так, 22 августа в районе Лунхайской железной дороги между Кайфэном и Сюйчжоу части НОА решительным ударом разбили соединение гоминьдановцев численностью в 16 тыс. человек. А всего за время боев в армии Гоминьдана были разгромлены соединения и части общей численностью около 300 тыс. человек¹¹⁴. Помимо этого, за четыре

месяца боев из гоминьдановской армии дезертировало или перешло на сторону НОА 432 тыс. человек. Причем, отказывались воевать не только солдаты и офицеры, но даже часть армейского генералитета. Только за июль 1946 года из гоминьдановской армии дезертировало более 500 офицеров¹¹⁵.

Тем не менее, армия Чан Кайши захватила значительную территорию и ПО городов, включая и такие важные центры, как Чэндэ, Чжанцзякоу, Аньдун, Калган, центр Североцзянсуского освобожденного района Хуайинь. Кроме того, в результате наступательных операций гоминьдановских войск Северо-Восточный Китай оказался рассеченным на три части. Ляодунский и Гуаньданский полуострова, где базировались советские войска, находились под контролем КПК. Южная и юго-западная часть от границы Ляодунским полуостровом до нижнего течения Сунгари (Аньшань, Шэньян, Сыпингай, Гирин) были захвачены гоминьдановцами. Северная Маньчжурия от нижнего течения Сунгари на север и северо-запад (до советской границы) контролировались войсками НОА¹¹⁶.

Стоит заметить, что после выхода гоминьдановских войск в октябре 1946 года к сухопутным границам Порт-Артурской военно-морской базы, правительством Чан Кайши неоднократно поднимался вопрос о пересмотре советско-китайского соглашения о договорной зоне Ляодунского полуострова. В качестве давления чанкайшисты неоднократно прибегали к провокациям: усиливали патрулирование у водных границ ВМБ, насильно отстранили советскую администрацию и железнодорожников от работы на Китайско-Чанчуньской железной дороге. В декабре 1946 года в американской и чанкайшистской печати была поднята шумиха о необходимости открытия порта Дальний и возможности нахождения вооруженных сил Гоминьдана на территории ВМБ Порт-Артур «для поддержания престижа в глазах китайского народа и мировой общественности»¹¹⁷. В свою очередь Советский Союз неуклонно отвергал их домогательства и неоднократно поднимал вопрос о прекращении интервенции США в Китае.

Кстати, вопрос о пересмотре советско-китайского соглашения о договорной зоне Ляодунского полуострова, поднимаемый правительством Чан Кайши, имел под собой реальную почву.

С весны 1946 года связи командования 39-й советской армии с секретарем Северо-Восточного Бюро ЦК КПК Хань Гуаном и членом Военного совета НОА на Северо-Востоке Сяо Цзиньгуаном стали более частыми и деловыми. В апреле с активизацией военных столкновений между КПК и Гоминьданом в Маньчжурии Хань Гуан и Сяо Цзиньгуан от имени бюро ЦК КПК по Северо-Востоку и командования НОА обратились в Военный совет 39-й армии с просьбой передать им трофейное японское оружие, хранящееся в Порт-Артуре (до 50 вагонов).

«Положение с оружием и боеприпасами настолько тяжелое, что если мы не получим необходимой помощи, то устоять против гоминьдановских войск, вооруженных американским оружием, будет невозможно», — сказали китайские товарищи¹¹⁸.

Передачу трофейного оружия решено было начать немедленно. Ответственными за эту операцию были назначены начальник разведывательного отдела М. Волошин и его заместитель по политической части подполковника Н. Позднякова. С этой задачей они успешно справились. На полуострове Дагушань, в 15 км севернее порта Дальний, было сосредоточено около 15 вагонов оружия. Южная и северная бухты этого полуострова были очень удобны для прибрежного флота, что позволило бойцам НОА в течение одной ночи погрузить все оружие на баржи, джонки, рыбацьи лодки и доставить к местам назначения. В конце июля на Дагушане была подготовлена новая партия оружия и боеприпасов, которая также благополучно была доставлена в НОА.

В другой раз, командование 39-й армии оказало большую помощь частям НОА, действовавшим на Шаньдунском полуострове и испытывающим острый недостаток в оружии и боеприпасах. На этот раз советское командование обратилась за помощью к частным китайским торговцам. По просьбе Военного совета армии купец «Ц» зафрахтовал американский пароход «Либерти», загруженный пшеницей, гаоляном, чумизой, но главное оружием и боеприпасами. Операция прошла успешно и заняла менее пяти суток. В результате НОА нанесло чувствительный удар по гоминьдановским войскам на Шаньдунском полуострове.

В августе 1946 года Сяо Цзиньгуан и Хань Гуан специально прибыли в Порт-Артур, чтобы поблагодарить советское командование за операцию с переброской оружия на Шаньдунский полуостров. Командующему 39-й армией генерал-полковнику И. И. Людникову и члену Военного совета армии генерал-лейтенанту В. Р. Бойко от имени Военного совета НОА были вручены золотые часы. В записках, приложенных к подаркам, в частности, говорилось:

«В знак благодарности за оказанную заботу и помощь китайской революции в связи с годовщиной освобождения северо-восточных провинций от имени Демократической объединенной армии Северо-Востока дарю на память золотые часы.

24 августа 1946 года.

С приветом Сяо Цзиньгуан»¹¹⁹.

Тем временем, считая, что победа в гражданской войне близка, правительство Чан Кайши в одностороннем порядке объявило о созыве в конце 1946 года Национальное собрание без представителей КПК, Демократической лиги и некоторых других партий.

В ноябре 1946 года гоминьдановское командование вновь развернуло широкие наступательные операции. На этот раз удар был направлен против освобожденного Шэньганнинского района и против сил НОА, действующим в восточных приморских районах, где находились такие важные экономические и политические центры, как Пекин, Тяньцзинь, Циндао, Цзинань, Сюйчжоу, Нанкин, Шанхай, Ханчжоу.

В декабре 1946 года гоминьдановские войска повели новое наступление в Северной Цзянсу. 13-19 декабря силы НОА внезапно атаковали врага, и нанесли поражение 92-й дивизии 28-й армии и 5-й смешанной бригаде 5-й армии Гоминьдана. Потери противника составили 24 тыс. убитыми, ранеными и пленными¹²⁰.

С начала 1947 года гоминьдановские войска направили главные усилия против Особого района (Шэньси — Ганьсу — Нинся) и Шаньдунского освобожденного района. Ударная группировка была усилена переформированной и снабженной американским оружием 42-й группой армий. Руководил операцией начальник оперативного управления гоминьдановской армии генерал Чэнь Чэн. Успех этой операции, как пишет военный историк Б. Г. Сапожников, позволил бы гоминьдановской армии выйти на большом протяжении на побережье Желтого моря, получить непосредственную поддержку американского флота, который базировался на порты Шаньдуна, и с его помощью перебросить гоминьдановские соединения по морю в Северо-Восточный Китай¹²¹.

23 февраля соединения 42-й группы армий вышли в район Линьцзи, где остановились, чтобы быть готовыми перейти в наступление одновременно с 73-й армией, которая сосредоточивалась в районе Цзинаня.

Однако командование Народно-освободительной армии Китая (НОАК, так с 1947 года стали называться народно-революционные войска), разгадала замысел противника. НОАК отвела свои соединения в горные районы и, используя опыт Пинсиньгуаньского боя против японцев (1937 год), внезапно ударили по частям 73-й армии в районе Лайу и по частям 42-й армии в районе высоты 571 и Исяня. В результате умело проведенной операции, наступление было сорвано, противник понес крупные потери — свыше 60 тыс. человек, в том числе 49 тыс. пленными, среди которых оказался и командующий 42-й группой армий генерал Хэ Пэн-цзюй¹²².

Поражение в Шаньдуне заставило, Главный штаб гоминьдановской армии, отдать приказ войскам в Северо-Восточном Китае прекратить ряд наступательных операций, с тем, чтобы провести дополнительную подготовку и перегруппировку.

К началу марта Главный штаб при участии американских военных советников, разработал новый план, значительно сокращающий крупные фронтальные наступления. На смену им

пришли менее масштабные операции, целью которых был захват и удержание коммуникаций, связывающих Северо-Восточный Китай с Северным и Центральным Китаем, а также коммуникаций, связывающие глубинные районы с восточным и юго-восточным побережьем Китая. Кроме того, по новому плану основные операции были сконцентрированы на двух участках — Шэньси и Шандун.

Решить эти задачи должны были следующие группировки войск: в Шандуне — 2-я, 54-я и 73-я армии, в Шэньси — 5-я, 10-я, 15-я и 28-я армии. Была значительно усилена группировка войск под командованием генерала Ху Цзун-наня, которой была поставлена самая ответственная задача — уничтожить Шэньганнинский особый район и захватить город Яньань — столицу народно-революционных сил.

13 марта 1947 года (на второй день после провозглашения президентом США Г. Трумэном «антикоммунистической доктрины») ¹²³ войска Ху Цзун-наня развернули стремительное наступление на Яньань. Перевес сил был противника был огромен — десять к одному ¹²⁴. Войска НОАК под командованием Пэн Дэхуая не смогли сдержать наступление гоминьдановцев. 19 марта Яньань был захвачен противником. Части НОАК отступили в малонаселенные, горные районы Северной Шэньси. Мао Цзэ-дун и часть членов ЦК КПК последовали за своими войсками. Другие члены ЦК переехали в Северо-Восточный Китай и провинцию Хэбэй.

По мнению историка Б. Г. Сапожникова, потеря Яньаня, который был известен в народе как столица национально-освободительных сил и сосредоточие демократических элементов страны, отрицательно повлияла на политико-моральное состояние НОАК ¹²⁵.

Отчасти подобное утверждение верно, но лишь отчасти. Известно, что перед эвакуацией Яньаня, переводчик Мао Ши Чже сказал, что нельзя допустить падения политического центра всех революционных баз. Мудрый Мао рассмеялся в ответ:

«Не будем совершать глупости. Зачем же нам избегать этого? Чан считает, что стоит захватить берлогу, как медведь окажется в его руках. На деле же он все потеряет. Еще в древности говорили, что нельзя получать, не давая ничего взамен, это — неуважение к ритуалу. Чан получит Яньань, а отдаст нам весь Китай» ¹²⁶.

Слова Мао Цзэ-дуна оказались пророческими.

Отступив в Северный Шэньси, лидер ЦК КПК, возглавил так называемый Фронтвой комитет, который первоначально располагался в Цинхубяне (35 км северо-восточнее Яньаня) и развернул здесь маневренную войну.

В апреле-мае 1947 года покоритель революционной столицы генерал Ху Цзун-нан вел поиски и карательные операции

против частей НОАК Пэн Дэхуая и местных партизанских отрядов, закрепившихся в Северном Шэньси. Были созданы специальные подразделения — «отряды направлений», которые двигались по шоссе и дорогам, захватывая населенные пункты и перевалочные станции. Попытки «отрядов направлений» проводить карательные операции в горной и лесистой местности, заканчивались разгромом или пленением этих отрядов. Находившийся при Фронтовом комитете иностранный представитель Сидней Риттенберг, так писал об этом:

«С противником Мао увлеченно играл в кошки-мышки. Открытым текстом он беззаботно слал в эфир радиogramмы о всех своих перемещениях, стараясь никогда не опережать части Гоминьдана более чем на суточный переход. Ему было прекрасно известно, что командовавший националистами Ху Цзун-нан станет в глазах Генералиссимуса [Чан Кайши — Авт.] героем, если сумеет захватить неуловимого Мао. На эту карту Председатель [Мао Цзэ-дун — Авт.] и ставил. На каждой лагерной стоянке он обязательно дожидался того момента, когда разведчики сообщат о том, что противник находится на расстоянии часового марша, и только после этого неторопливо надевал куртку, садился в седло и вел небольшой отряд дальше, максимально запутывая следы... Окончательно измотав гоминьдановцев Мао заманивал их в ловушку, где Пэн Дэхуай наносил стремительный удар по врагу»¹²⁷.

Кстати, сам Мао свою «игру в кошки-мышки» с противником называл «тактикой истощения», вынуждавший врага тратить силы и запасы продовольствия на изнурительные погони.

Стоит также заметить, что в боях за Яньань и в Северном Шэньси во время маневренной войны, потери гоминьдановцев составили около 20 тыс. человек.

Наступление гоминьдановских войск в апреле-мае 1947 года на другом важном участке — Шаньдуне, закончилось их крупным поражением. 2-я, 54-я и 73-я армии под командованием генерала Тан Эньбо потеряли убитыми, ранеными и пленными 56 тыс. солдат и офицеров¹²⁸.

К лету 1947 года, несмотря на определенные успехи, боеспособность армии Гоминьдана неуклонно снижалась. Прежде всего, это было связано с большими потерями на поле боя. Так, с июля 1946 года по июнь 1947 года потери гоминьдановцев составили 426 тыс. человек убитыми и ранеными, 677 тыс. человек было взято в плен¹²⁹. Однако еще большие потери армия несла из-за дезертирства. С июля 1946 года по июнь 1947 года гоминьдановские соединения потеряли 1250 тыс. своих солдат, причем около 70% этого числа составили дезертиры и перешедшие на сторону НОАК¹³⁰. Кроме того, в тылу гоминьдановской армии участвовали антиправительственные крестьянские выступления, к которым все чаще присоединялись и другие слои

населения. Эти выступления провоцировали сами солдаты Гоминьдана. Вот что об этом свидетельствовал один из иностранных наблюдателей:

«Я побывал в нескольких оставленных коммунистами деревнях, занятых и разграбленных солдатами Чан Кайши. То, что не могло быть вывезено на украденных повозках с волами, представляло собой просто никому не нужный хлам... Оставляемое в амбарах зерно, смешивалось с навозом и человеческими экскрементами, колодцы, засыпались землей... Сельскую школу солдаты превратили в нужник и измазали калом все стены — так они поступали повсюду. Молодая женщина рассказала о том, как рота гоминьдановцев тащила ее за собой из форта в форт, ежедневно насилуя. Семидесятипятилетняя старуха, оставшаяся в деревне одна, пожаловалась, что не может сидеть, поскольку была многократно изнасилована»¹³¹.

К июлю 1947 года в Китае образовалось четыре основных фронта гражданской войны: Северо-Восточный (Маньчжурский), Северный, Восточный и Северо-Западный. В это время обе стороны находились в обороне. Гоминьдановская армия приводила в себя в порядок после понесенных потерь, производила перегруппировку с целью продолжения наступления в междуречье Хуанхэ и Янцзы. НОАК интенсивно готовилась к контрнаступлению. Этому предшествовало совещание в июне 1947 года командующих и политкомиссаров всех группировок НОАК в Фупине (Хэбэй) с участием прибывших сюда видных военачальников: Пэн Дэхуая, Линь Бяо, Не Жунчжэня и других.

Предпосылки перехода НОАК в контрнаступление были достаточно вескими. Прочитируем историка М. Ф. Юрьева:

«1) поддержка большинства населения районов, руководимых КПК, основанная на справедливых целях, за которые она боролась (отпор наступлению Гоминьдана, нарушившего решения ПКК и соглашение о прекращении огня, аграрная реформа и другие демократические преобразования, спасение Китая от американского господства); 2) правильная стратегия и тактика НОАК; 3) высокие боевые качества солдат и офицеров НОАК; 4) глубокий политический и экономический кризис, охвативший гоминьдановский Китай; 5) помощь СССР в предотвращении широкомасштабной интервенции США и в превращении Маньчжурии в основную военно-территориальную базу китайской революции. Все это привело к изменению в соотношении сил. Армия Гоминьдана потеряла 1120 тыс. человек, НОАК — 300 тыс. Хотя армия Гоминьдана и сохранила численное и материальное превосходство, но оно уже не было столь разительным. К июлю 1947 года численность НОАК выросла с 1,2 млн до 1,95 млн бойцов, а армия Чан Кайши сократилась с 4,3 млн до 3,6 млн»¹³².

В это время наиболее слабым участком фронта гоминьдановских войск была линия Кайфын — Чэнчжоу — Лоян. На эти позиции готовилась переброска 18 дивизий, сформированных и обученных американскими инструкторами в восточной части Сычуани.

И именно здесь командование НОАК решило упредить противника и нанести внезапный удар. Прорыв на этом участке позволял коммунистическим войскам выйти в междуречье Хуанхэ и Янцзы и развить успех в Центральном Китае.

1 июля группировка НОАК под командованием Лю Бо-чэна (12 дивизий) форсировала Хуанхэ северо-восточнее Кайфына и пересекла Лунхайскую железную дорогу. К 12 июля войска Лю Бо-чэна вышли в горный район Дабэшань. Оборудовав здесь позиции фронтом на запад и оставив малые силы для их обороны, Лю Бо-чэн, силами в 9 дивизий форсировал Пекин-Ханькоускую железную дорогу и вышел в долину реки Хань, создав здесь позиции фронтом на восток.

Другая группировка НОАК под командованием Чэн Гэна (8 дивизий) 12 августа форсировала Хуанхэ восточнее Тунгуаня и, выйдя в западную часть провинции Хэнань, создала в долине притоков реки Хань — Байхэ и Танхэ — исходный плацдарм для наступления на восток. Противник потерял в боях 20 тыс. пленными и 11 тыс. убитыми и ранеными.

15 августа группа войск НОАК под командованием Чэнь И (6 дивизий) перешла в наступление из района Банбу-Хуайнань и продвинулась к горному массиву Дабэшань, где вошла в контакт с войсками Лю Бо-чэна, создав единый фронт. Потери противника превысили 30 тыс. человек.

В итоге, к осени 1947 года три группировки НОАК создали фронт в Центральном Китае, «проходивший по территории провинций Хэнань, Аньхой, Хубэй, и лишили противника коммуникаций вдоль Пекин-Ханькоуской железной дороги. Командование и политические органы НОАК развернули здесь работу среди населения, создав обширный освобожденный район с населением в 30 млн»¹³³.

В Северном Китае в августе-сентябре соединения НОАК численностью в 324 тыс. бойцов предприняли несколько успешных наступательных операций, и вышли на ближайшие подступы к городу Сиань.

Все эти наступления, по мнению историка Сапожникова, привели к положительным результатам: гоминьдановское командование потеряло важные наземные коммуникации в Центральном и Северном Китае, были сорваны планы противника по перегруппировке и подготовке войск к наступлению. НОАК выросла численно, приобрела значительный опыт наступательных операций. Образовались крупные по территории освобожденные районы в Северо-Восточном Китае (с населением 42,7

млн человек), Северном (44 млн), Восточном (44,8 млн), Центральном (30 млн) и Северо-Западном Китае (7 млн), были созданы условия для перехода в решительное наступление и достижения окончательной победы над противником¹³⁴.

Успех военной стратегии вооруженных коммунистических сил позволил внести коренные изменения в политическую стратегию КПК. На смену концепции «войны самозащиты», была выдвинута концепция борьбы за окончательное свержение гоминьдановского режима. «Долой Чан Кайши!» — под таким лозунгом 10 октября 1947 года была принята декларация НОАК, в восьми пунктах, которой содержались изменения политической стратегии:

«1) объединить все угнетенные слои населения в национальный единый фронт, свергнуть диктаторское правительство Чан Кайши и образовать демократическое коалиционное правительство; 2) арестовать и судить преступников гражданской войны во главе с Чан Кайши; 3) установить народно-демократический строй, гарантировать народу свободу слова, печати, собраний и организаций; 4) уничтожить коррупцию, создать неподкупную власть; 5) конфисковать собственность представителей бюрократического капитала, развить национальную промышленность и торговлю, улучшить материальное положение рабочих и служащих, помочь пострадавшим от войны и стихийных бедствий, а также беднейшему населению; 6) уничтожить систему феодальной эксплуатации, осуществить принцип: «земля — хлебопашцу»; 7) признать равноправие всех национальностей, их право на автономию и свободное вступление в Китайскую федерацию; 8) отвергнуть изменническую внешнюю политику Чан Кайши, заключить с иностранными государствами равноправные договоры, сплотиться со всеми народами, относящимися к китайскому народу как к равному»¹³⁵.

При принятии декларации Мао Цзэ-дун особо подчеркнул, что это «основная политическая программа Народно-освободительной армии, это и есть самая основная политическая программа Коммунистической партии Китая»¹³⁶.

Как пишет историк М. Ф. Юрьев:

«Это была программа радикальной буржуазно-демократической революции, выдвинутая от имени НОАК, что подчеркивало значение военной формы революции и армии, как главного ее орудия. Эта особенность китайской революции сказалась и в период гражданской войны 1946—1949 гг. на соотношении армия-партия. Фактически местные партийные органы в значительной мере подчинялись армейскому руководству. В партии был принят приказной стиль, Мао Цзэ-дун приравнивал секретаря парторганизации к командиру отделения»¹³⁷.

С середины декабря 1947 года группировка НОАК численностью до 70 тыс. человек под командованием Не Чжун-чжэня

развернула наступление на города Тяньшань, Пекин, чтобы закрыть выход противнику к Великой китайской стене. После тяжелых боев, длившихся до середины января 1948 года, части НОАК потерпели крупное поражение.

Главный революционный военный совет (ГРВС) при разборе неудачи этой операции пришел к выводу о необходимости немедленной реорганизации войск НОАК в направлении превращения их в регулярные войска. Следовало вместо группировок и колонн создать корпуса, армии, группы армий, соответствующие штабы и управления и т.д. Однако осуществить быструю реорганизацию в ходе продолжающихся боевых действий было нелегко, и она затянулась до осени 1948 года.

Тем временем части НОАК продолжали вести наступательные операции. В феврале-марте 1948 года была одержана крупная победа над гоминьдановцами в районе Ичуаня в Западной Шэньси, в марте был взят город Лоян, в мае освобождены города Яньань, Лочуань и Линьфэн.

Активные операции продолжались и летом. В мае-июне НОАК овладели провинцией Хэхэ (гоминьдановцы удержали лишь ее административный центр город Чэндэ), в конце июня пал город Кайфэн, в июне-июле была занята вся центральная часть провинции Шаньси, кроме Тайюани, в июле коммунисты освободили города Фэньчэн и Сянъян.

В ходе боев армия Гоминьдана несла громадные потери. Так, с июня 1947 года по июль 1948 года гоминьдановцы потеряли свыше 540 тыс. убитыми и ранеными и 953 тыс. взятыми в плен. Потери же НОАК почти за это же время (с июля 1946 года по июль 1948 года) составили 810 тыс. бойцов, из них 370 тыс. убитыми и 440 тыс. ранеными. При этом число пропавших без вести и попавших в плен составило лишь 8,3% всех потерь, а в армии Гоминьдана — 63,4%.

К июлю 1948 года НОАК увеличилась до 2,8 млн бойцов, а армия противника сократилась до 3,6 млн человек. Быстрый рост численного состава НОАК был вызван тем, что от половины до трех четвертей пленных (800 тыс. — 1,2 млн) влились в ее состав. Так, летом 1947 года взятая в плен под Шэньчжоу гоминьдановская артиллерийская часть после политической обработки перешла на сторону НОАК игромила артиллерийским огнем своих недавних сослуживцев. А в январе 1949 года капитулировавший более чем 200-тысячный гарнизон города Пекина был реорганизован и включен в состав НОАК. И по мере успешного развития наступления коммунистов такие явления становились все более обычными¹³⁸.

Стоит заметить, что для обеспечения успешных действий НОАК большое значение имела помощь Советского Союза. Уже с мая 1947 года было организовано регулярное сообщение между китайскими портами на реке Сунгари и советскими портами —

Хабаровском, Благовещенском и Комсомольском-на-Амуре. Китайский город Цзямусы, расположенный на Сунгари, являлся одним из наиболее важных тыловых центров НОАК. В городе находились базы материального снабжения, госпитали, военно-учебные заведения. В течение всей навигации 1947—1948 годов советская сторона обеспечила бесперебойную доставку в Цзямусу все необходимое: горючее, медикаменты, одежду, обувь, оружие, боеприпасы и т.д.

В сентябре 1948 года в провинции Хэбэй состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПК. Заседание обобщило успехи в гражданской войне, приняло решение об ускорении реорганизации НОАК в регулярную армию и поставило задачи преодоления «недисциплинированности, анархии, местничества и партизанщины, сосредоточения всех прав, которые важно и нужно сосредоточить, в руках ЦК и представляющих его органов, с тем, чтобы обеспечить переход от партизанской войны к регулярной»¹³⁹.

Следом за совещанием Политбюро ЦК партии НОАК перешла в свое победоносное наступление. В телеграмме ЦК КПК от 7 сентября 1948 года на имя командующего Линь Бяо приказывалось провести в Маньчжурии три операции в течение девяти месяцев. Столь продолжительный срок для проведения операций был обусловлен тем, что на сентябрьском совещании Политбюро ЦК КПК сочло, что потребуется, как минимум еще пять лет, чтобы победить режим Чан Кайши. Позже сам Мао признается: «Я не ¹⁴⁰думал, что так быстро произойдет победа революции в Китае».

12 сентября 1948 года войска Линь Бяо начали крупную операцию по разгрому 14 корпусов гоминьдановской армии в Маньчжурии. 18 сентября части НОАК штурмом взяли город Цзиньчжоу, на голову разгромив 100 тыс. гарнизон противника. После этого коммунистам без боя сдались части (26 тыс.) обороняющие город Чанчунь. Вслед этим капитулировало еще около 60 тыс. солдат и офицеров гарнизонов других городов. Осажденные в Шэньяне гоминьдановцы попытались прорваться к порту Инкоу, но были разбиты, а частью сдались в плен. В отчете Линь Бяо Военному комитету ЦК КПК отмечалось, что в боях противник потерял убитыми, ранеными и попавшими в плен 472 тыс. человек. Кроме того, захвачено огромное количество оружия американского производства и Шэньянский военный арсенал¹⁴¹. Эта блестящая операция получила название Ляо-шэньской (от названия провинции Ляоси и города Шэньяна).

1 ноября 1948 года согласно директиве ЦК КПК и ГРВС была проведена реорганизация НОАК в форме создания пяти полевых армий: 1-й (под командованием Пэн Дэхуая), 2-й (Лю Бо-чэна), 3-й (Чэнь И), 4-й (Линь Бяо) и Северо-китайской (Не Жунчжэня). Эти армии располагали артиллерийскими, танко-

выми и саперными подразделениями, позволяющими осуществлять широкие наступательные операции и прорывы сильно укрепленных районов противника¹⁴².

7 ноября 1948 года между рекой Хуайхэ и Желтым морем (море по-китайски «хай») началось Хуайхайское сражение. В нем участвовали 2-я и 3-я полевые армии Лю Бочэна и Чэнь И, которым противостояли 7-я и 12-я армейские группы Хуан Ботао и Хуан Вэя, а также 1-я, 3-я и 16-я армейские группы под общим командованием заместителя командующего гоминьдановскими войсками в Восточном Китае Ду Юймина.

В целях разгрома противника, под руководством Народно-революционного военного совета была разработана операция, которая проходила в три этапа: 1) окружение и уничтожение 7-й армейской группы восточнее Сюйчжоу; 2) окружение и уничтожение 12-й армейской группы в районе Мынчан-Сусянь, отражая попытки других гоминьдановских групп оказать ей действенную помощь; 3) окружение и уничтожение 2-й, 13-й и 16-й армейских групп юго-западнее Сюйчжоу¹⁴³.

В течение 65 суток непрекращающихся боев 2-я и 3-я полевые армии полностью разгромили 55 гоминьдановских дивизий общей численностью 555 тыс. солдат и офицеров. В плен попали командующие армейскими группами Хуан Вэй и Ду Юймин, а Хуан Ботао был убит.

10 января 1949 года Восточный Китай к северу от Янцзы (за исключением порта Циндао, где находились американские войска) был полностью очищен от гоминьдановских войск. Перед НОАК лежал открытый путь на Шанхай и Нанкин.

Как пишет историк Б. Г. Сапожников:

«Хуайхайская операция была характерна решительностью целей. Она явилась свидетельством нового этапа в совершенствовании военного искусства НОАК и показала ее полное превосходство над военным искусством чанкайшистской армии, обученной американскими специалистами и располагавшей более совершенной боевой техникой, полученной от Соединенных Штатов Америки»¹⁴⁴.

В самый разгар Хуайхайского сражения началась наступательная операция НОАК в Северном Китае, направленная на разгром крупной гоминьдановской группировки общей численностью в 520 тыс. человек и освобождению городов Пекина, Тяньцзиня и Чжанцзякоу.

Операция проводилась силами 4-й полевой армии, насчитывавшей к этому времени уже около 1 млн бойцов, и частями Северо-китайской армии Не Жунчжэня.

На первом этапе операции группировка противника была расчленена последовательными ударами и окружена в районах городов Тяньцзинь, Синьбаоань и Чжанцзякоу. Всего в окружение попало 10 дивизий — 130 тыс. солдат и офицеров. На

втором этапе операции началось уничтожение окруженных гоминьдановских дивизий.

Одновременно с проведением операций под Тяньцзинем, Синьбаоань и Чжанцзякоу шли переговоры о капитуляции 26 гоминьдановских дивизий (более 200 тыс.) генерала Фу Цзо-и, оборонявшихся в районе Пекина.

22 января 1949 года генерал Фу Цзо-и согласился на капитуляцию. Его войска вышли из Пекина и сосредоточились в окрестностях города для последующей реорганизации и включения их в состав НОАК. Агентство компартии «Синьхуа» распространило сообщение командования НОАК о том, что «учитывая участие Фу Цзо-и в положительном разрешении мирным путем вопроса о Пекине, признало, что он искупил свои прежние преступные действия перед китайским народом»¹⁴⁵. Стоит кстати заметить что, к капитулирующим гоминьдановским генералам КПК демонстрировало редкое великодушие. Сдавшийся Фу Цзо-и получил официальное прощение и личное послание Мао Цзэ-дуна (позже Фу Цзо-и стал министром в правительстве КНР).

Бескровное освобождение старинной столицы Китая — Пекина, стало одним из знаковых событий гражданской войны. Британский журналист Алан Уиннингтон, наблюдавший вхождение в Пекин первого полка НОАК, писал о «толпах ликующих, смеющихся и выкрикивающих приветственные лозунги людей, которые запрудили все улицы»¹⁴⁶. Другой европеец, Дерк Бодд, записал в своем дневнике:

«Город вздохнул с облегчением. У меня нет и тени сомнения в том, что коммунисты пришли сюда при поддержке огромной части населения всей страны»¹⁴⁷.

Стоит отметить, что европеец не ошибся: с конца 1948 года по октябрь 1949 года состав КПК возрос с 3,066 млн до 4,488 млн, т.е. на 1,422 млн человек¹⁴⁸.

После сдачи Пекина войска НОАК приступили к операции против группировки противника под командованием генерала Сунь Ланьфэна в провинции Суйюань. Однако генерал и губернатор Дун Циу после недолгого раздумья тоже предпочли героическому сопротивлению капитуляцию.

Таким образом, пишет историк Б. Г. Сапожников, в итоге трех крупных стратегических наступательных операций войск НОАК были ликвидированы главные силы гоминьдановской армии, насчитывавшие свыше 1,5 млн человек. Были созданы условия для подготовки и проведения последней, завершающей операции по форсированию реки Янцзы и окончательному разгрому противника южнее этой реки¹⁴⁹.

Приближение полного краха заставило лидеров Гоминьдана предпринять попытку политических маневров с целью выиграть время, чтобы собраться с силами и продолжить дальнейшую вооруженную борьбу с КПК.

Весной 1949 года Чан Кайши объявил о своей отставке, го-миньдановское правительство временно возглавил Ли Цзун-жэнь, Гоминьдан согласился вести переговоры с КПК. 20 апреля 1949 года в Пекине состоялись переговоры между делегациями КПК и Гоминьдана, которые привели к выработке соглашения на основе условий компартии. Однако Ли Цзун-жэнь и премьер Хэ Инь-цин отказались подписать проект соглашения, выработанного на переговорах.

20 апреля 1949 года Народно-революционный военный совет и главное командование НОАК издали приказ войскам о форсировании Янцзы и наступлении в Северном и Северо-Западном Китае, где еще оставались изолированные группировки противника. В приказе, в частности, говорилось, НОАК должна «смело наступать, решительно, последовательно и до последнего уничтожать всех оказывающих сопротивление гоминьдановских реакционеров в пределах всего Китая, освободить народ нашей страны, отстоять независимость, суверенитет и целостность китайской территории»¹⁵⁰.

Форсирование Янцзы 2-й, 3-й и 4-й полевыми армиями началось в ночь на 21 апреля на трех участках протяженностью 68 км. Главный бросок через реку на участках Цзюцзя — Аньцин и Чжэньцзян — Цзяньинь должны были осуществить части 2-й и 3-й полевых армий. Войска 4-й полевой армии активными действиями на своем участке в районе Ханькоу должны были сковывать группировку генерала Бай Чун-си.

Форсирование такой широкой водной преграды (800 м — 1,5—2 км) проходило практически без технических средств переправы. Бойцы НОАК форсировали Янцзы на самодельных плотках, джонках, рыбацких лодках, вплавь под жестоким артиллерийским и минометным огнем и бомбардировкой с воздуха, в которой участвовало 230 самолетов.

Во время переправы через реку 2-й и 3-й полевых армий, английский фрегат «Аметист» и сопровождающий его эсминец «Консорт», идущие по Янцзы в Нанкин якобы для охраны посольства Великобритании на участке Цзюцзяна открыли огонь по береговым батареям НОАХ. Ответным огнем был накрыт фрегат «Аметист». 17 членов экипажа было убито, 20 человек получили ранения, в том числе командир фрегата. Корабли поспешно вышли из зоны обстрела.

Командующий английскими морскими силами в Китае адмирал Мадден послал к месту инцидента крейсер «Лондон» и фрегат «Блэйксвэн», чтобы достойно наказать коммунистов. В районе Янчжоу крейсер и фрегат попали под огонь береговых батарей НОАК и были вынуждены ретироваться в Шанхай.

Чуть позже адмирал Мадден получит от командования НОАК протест в котором говорилось, что «любое появление иностранных кораблей в китайских водах будет пресечено силой, так как

они нарушают государственный суверенитет Китая»¹⁵¹. В протесте командование НОАК потребовало вывести все иностранные корабли с реки Янцзы. Это требование было выполнено.

Между тем к вечеру 21 апреля форсирование Янцзы было завершено. Столь стремительная и успешная переправа на южный берег реки 830 тыс. армии, по мнению многих исследователей, стала возможной в результате растерянности противника, отсутствия единого командования у 630-тысячной армии Гоминьдана¹⁵².

Переправившись через водную преграду, войска НОАК нанесли мощный удар на Нанкин и 23 апреля заняли его. Столица Гоминьдана пала, правительство Ли Цзун-жэня бежало в Гуанчжоу, а сам Чан Кайши вылетел на Тайвань.

К этому времени гоминьдановская армия занимала оборону на нескольких рубежах Центрального, Южного, Юго-Западного и Северо-Западного фронтов: 350 тыс. солдат и офицеров обороняли Шанхай-Нанкинский район; 175 тыс. — границу между провинциями Шэньси и Сычуань; 120 тыс. прикрывали провинции Ганьсу, Нинся и Синьцзян; 120 тыс. обороняли район Уханя; 300 тыс. солдат и офицеров по приказу Чан Кайши были переброшены на Тайвань.

После взятия Нанкина, группа войск из состава 2-й полевой армии, вышла на рубеж Уху — Аньцин, и готовилось развить наступление в юго-восточном направлении, чтобы занять ближние подступы к Шанхаю.

Из Тайваня в Наньчан срочно вылетел Чан Кайши. На военном совете он потребовал от своих командующих удержать Шанхай любыми силами, «если бы даже потребовалось для этого три года вооруженной борьбы, с тем чтобы обеспечить базу для будущей победы»¹⁵³.

Все население Шанхая было мобилизовано на оборонительные работы. Однако они велись медленно, население и войска были деморализованы успехами НОАК. По приказу Чан Кайши, чтобы ускорить сооружение оборонительных рубежей, специальные группы полицейских бамбуковыми палками подготавливали нерадивых строителей.

2 мая форсировав Янцзы перешла в наступление на Ухань 4-я полевая армия. Через девять дней армия, взаимодействуя с войсками 2-й полевой армии, штурмом овладела городом.

21 мая 1949 года началось общее наступление НОАК на Шанхай, 100-тысячный гарнизон которого через четыре дня сложил оружие.

Таким образом, войска НОАК за короткий срок разгромили крупную группировку противника и овладели громадной территорией южнее реки Янцзы. Были полностью освобождены провинции Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, а также крупнейшие города Центрального Китая, такие как Нанкин, Шанхай, Наньчан, Аньцин и др.

Успехи 2-й, 3-й и 4-й полевых армий позволили северной группе НОАК под командованием Не Жунчжэня и 1-й полевой армии нанести ряд ударов в Северо-Западном Китае.

1 мая ими был взят главный город провинции Шаньси — Тайюань. 20 мая части 1-й полевой армии подошли к столице провинции Шаньси — Сиань. Гоминьдановские войска без боя оставили город, но затем нанесли внезапный контрудар по правому флангу 1-й полевой армии. Им удалось вернуть Сиань и заставить НОАК отступить в северо-западном направлении. Однако положение было вскоре восстановлено: противник выбит из города, а затем и из провинции Шаньси. В северной части провинции на сторону НОАК перешла в полном составе 22-я гоминьдановская армия. Вскоре войска НОАК двинулись в 300-километровый поход на город Ланьчжоу. По пути они выполняли директиву КПК: на всей освобождаемой территории «провести политическую работу среди местного населения, избрать на собраниях общин населенных пунктов местные демократические органы власти, провести конфискацию земель и скота у помещиков, разделить конфискованную землю крестьян по числу членов семьи»¹⁵⁴. В августе 1949 года войска НОАК заняли город Ланьчжоу и освободили провинцию Ганьсу.

В июне 1949 года наступление войск НОАК было временно приостановлено ввиду сильных дождей, вызвавших небывалые наводнения в Центральном и Южном Китае. Однако это было использовано командованием НОАК для подготовки к новому наступлению с целью освобождения крупных портов на южно-китайском побережье: Гуанчжоу, Шаньтоу, Сямынь. Через них американцы продолжали поставлять оружие и снаряжение гоминьдановской армии. Для решения этой задачи было необходимо освободить южные районы провинций Цзянси, Фуцзянь, Хунань и Гуандун, где концентрировались остатки гоминьдановской армии, порядка 500—600 тыс. человек. Одновременно командование НОАК готовило большое наступление на северо-западе Китая¹⁵⁵.

В южных районах вышеназванных провинций главные силы противника 450 тыс. солдат и офицеров под командованием генерала Бай Чунси занимали выгодные позиции, оборудованные еще со времен антияпонской войны — города Чанша, Хэньян, Гуйлинь, Лючжоу.

В конце июля против этих позиций начали действовать части 4-й полевой армии. 1 августа 1949 года они окружили Чанша. 4 августа гарнизон общей численностью 80 тыс. человек капитулировал. Войска 4-й полевой армии продолжали наступление и достигли провинции Гуандун. 23 сентября армия окружила Гуанчжоу. Генерал Ю. Ханьмоу, начальник городского гарнизона, отклонил предложение о капитуляции. За город начались тяжелые бои.

Одновременно войска 2-й и 3-й полевых армий наступая в южном направлении, полностью освободили провинцию Цзянси, вышли на границы Гуандуна и вели бои по освобождению южной части провинции Фуцзянь.

Непрекращающиеся ливни и наводнения затрудняли наступление войск НОАК, и до октября 1949 года военные действия на южном и юго-западном участках фронта свелась к отдельным операциям с ограниченной целью¹⁵⁶.

Военные победы дали возможность КПК совместно с другими партиями и организациями перейти к выработке основ новой государственности и программы действий нового правительства Китая.

Еще в июле 1949 года в Пекине состоялось первое заседание Подготовительного комитета, в котором наряду с представителями КПК присутствовали представители демократических партий и общественных организаций и т.д. На заседании был избран Постоянный комитет новой Народной политической консультативной конференции (НПКК) во главе с Мао Цзэ-дун.

17 сентября состоялось второе заседание Подготовительного комитета, на котором были одобрены проекты конституционных документов, а также вынесено решение об открытии первой сессии НПКК, назначенной на 21 сентября 1949 года.

Открывая работу сессии Мао Цзэ-дун очень эмоционально оценил происходящие события:

«Мы сплотились, и в ходе народно-освободительной войны и великой народной революции мы свергли иностранных и внутренних угнетателей. Мы провозглашаем создание Китайской Народной Республики. Наша нация отныне вступает в великую семью миролюбивых и свободолюбивых народов мира. Она будет самоотверженно и усердно трудиться, чтобы создать свою собственную цивилизацию и счастье, борясь одновременно за мир и свободу во всем мире. Наша нация никогда не будет униженной»¹⁵⁷.

Сессия приняла Организационный статус НПКК, Закон об организации Центрального народного правительства, а также решения о переносе столицы из Нанкина в Пекин, о гимне и флаге нового государства.

30 сентября НПКК избрала свой постоянный рабочий орган — Всекитайский комитет и Центральное народное правительство, председателем которого единодушно был избран Мао Цзэ-дун.

1 октября 1949 года на грандиозном митинге на площади Тяньаньмэнь с башни Ворот Небесного Спокойствия, Мао Цзэ-дун, окруженный высшими руководителями КПК, официально провозгласил образование Китайской Народной Республики. Далее процитируем Ф. Шорта:

«После речей начался военный парад. Его открыла конница НОАК, за которой потянулись длинные колонны захваченных у гоминьдановцев американских грузовиков и танков. Следом на площадь ступили горожане, громко скандировавшие: "Да здравствует Председатель Мао!". В ответ из репродукторов неслось: "Да здравствует Народная Республика!". В наступивших сумерках небо над городом озарилось сполохами фейерверков. На площади появились гимнасты с разноцветными бумажными фонариками, разрисованными красными звездами и пролетарской эмблемой серпа и молота. По словам поэтически настроенного очевидца, они выстроились в форме "гигантского корабля новой китайской государственности, стремительно несущегося по сине-зеленым волнам". Над крытыми желтой черепицей дворцами Запретного города поплыли звуки музыки, заглушаемые время от времени мощным хором голосов, с торжеством выпевающих имя Мао»¹⁵⁸.

2 октября 1949 года Советский Союз первым из иностранных государств признал Китайскую Народную Республику (КНР).

Ко времени образования КНР Народно-освободительная армия Китая практически разгромила гоминьдановские войска, изгнав их из Северо-Восточного, Северного, Восточного и Центрального Китая, а также большей части Южного, Северо-Западного и Юго-Западного Китая. Тем не менее, под властью Гоминьдана продолжала еще оставаться значительная территория страны. Поэтому первоочередной задачей НОАК и после провозглашения КНР оставалось завершение разгрома противника, освобождение Южного и Юго-Западного Китая.

В начале октября НОАК возобновила наступательные операции. Войска 1-й полевой армии вступили в Синьцзян. 8 октября части 4-й полевой армии штурмом взяли город Гуанчжоу. Развивая наступление, НОАК вышла на границу с Гонконгом, на побережье Южно-Китайского моря и Тайваньского пролива. В начале ноября 1949 года 1-я, 2-я и 3-я полевые армии полностью овладели провинциями Сычуань (кроме центра провинции) и Гуйчжоу. 13 ноября пал город Гуйян, а 30 ноября — Чунцин. За два дня до падения Чунцина находившиеся в городе министры гоминьдановского правительства были эвакуированы американской транспортной авиацией на Тайвань.

Остатки гоминьдановских войск в беспорядке отступали на юг через Куньмин, к границам Индокитая и Бирмы. По пути разбитая армия чинила грабеж и насилие над местным населением.

11 декабря 1949 года гоминьдановский генерал Лю Хань, губернатор провинции Юньнани, объявил о капитуляции 110-тысячной армии. Командование НОАК приказало ему демобилизовать часть солдат и офицеров, а оставшиеся войска влить в состав 1-й полевой армии.

27 декабря части НОАК овладели центром провинции Сычуань — городом Чэнду.

Около 25 тыс. гоминьдановских войск пересекли границы Бирмы, Вьетнама и Лаоса, где были интернированы французской колониальной администрацией.

К концу 1949 года в руках Гоминьдана остались лишь острова Тайвань, Хайнань, группа Чжоушаньских островов, а также отдельные горные районы в Юньнани и других южных провинциях, где скрывались небольшие отряды гоминьдановцев.

По данным Главного штаба НОАК, за время военных действий 1946—1949 годов было разгромлено 495 регулярных гоминьдановских войск общей численностью 4 150 650 человек, 663 полка и 3 батальона нерегулярных войск общей численностью 1 540 750 человек; взято в плен 3 464 010 человек, в том числе 927 высших гоминьдановских офицеров; убито 1 537 800 солдат и офицеров гоминьдановской армии¹⁵⁹.

Боевые потери НОАК за этот же период установить не удалось.

В справочнике «Потери народонаселения в XX веке» приводятся обобщенные данные о людских потерях во время третьей гражданской войны в Китае: общие потери 1 млн 600 тыс. человек, из них убито и умерло от ран 900 тыс.; ранено 2 млн 500 тыс.; потери мирного населения 700 тыс.; эмигрировало из страны 2 млн 200 тыс.¹⁶⁰

Победа КПК в конце 1949 года еще не означала полной и безоговорочной победы коммунистов на всей территории страны. Как уже указывалось выше ряд прибрежных островов и районов в южных провинциях Китая, оставались под контролем гоминьдановцев. Однако наибольшую опасность для КПК в этот период представлял остров Тайвань и прилегающие к нему острова Пэнхуледао, на которых закрепились крупные силы под командованием генерала Бай Чунси и высшее политическое руководство Гоминьдана, положив начало параллельному существованию Китайской Республики на острове и Китайской Народной Республики на материковой части страны.

Стоит напомнить, что остров Тайвань с XIII века входил в состав Китая. В конце XVI века на остров проникли португальцы, давшие ему название — «Формоза» («Прекрасный»), которое очень долго функционировало параллельно с исконно китайским наименованием острова (вплоть до 1971 года). В 1624 году Тайвань захватили голландцы. После их изгнания китайцами остров вновь был включен в состав Китая. В 1895 году в результате поражения Китая в войне с Японией, Тайвань отошел к японцам, став их колонией. И только после капитуляции Японии в 1945 году «Прекрасный остров» стал принадлежать Китаю.

После провозглашения Китайской Народной Республики США и закрепившиеся с их помощью на Тайване остатки го-миньдановского режима сделали ставку на скорейшее свержение новой власти в Китае. Эта цель с первых дней существования КНР провозглашалась ими открыто.

Еще летом 1949 года в Вашингтоне началась кропотливая работа по выработке новой линии в отношении Китая. Государственный департамент США, в Белой книге «Отношения Соединенных Штатов с Китаем», изданной в августе этого года, признал полную несостоятельность всей предшествующей политики США в отношении этой страны. В предисловии к Белой книге госсекретарь Д. Ачесон, в частности, заявил:

«Неприятным, но неизбежным фактом является то, что зловещий результат гражданской войны в Китае оказался вне контроля со стороны правительства Соединенных Штатов. Ничто из того, что сделала или могла сделать в разумных пределах своих возможностей наша страна, не могло изменить этот результат. Ничто из того, чего не сделала наша страна, не содействовало этому результату. Это был продукт внутренних китайских сил, сил, на которые наша страна пыталась, но не смогла повлиять»¹⁶¹.

Выработка новой линии потребовала от политиков в Вашингтоне «тяжелой работы, вдумчивости, нового подхода»¹⁶². Прежде всего, как пишет историк Б. Т. Кулик, им пришлось одновременно решать несколько сложных вопросов: признавать или нет КНР; что делать с Чан Кайши — использовать ли его и дальше как непримиримого борца с КПК или прибегнуть к варианту третьей силы; как поступить с Тайванем — просто взять его под контроль США, превратить в самостоятельное государство либо рассматривать его гоминьдановской Китайской республикой, которая рано или поздно вернет свою утраченную власть в континентальном Китае. Однако какие бы новые линии не намечались американскими политиками, существо их сводилось к одной цели — восстановлению господствующих позиций Соединенных Штатов в Китае путем насаждения там власти, способной обеспечить интересы США¹⁶³.

Вскоре выработка американскими политиками новой линии пошла по двум главным направлениям. Вашингтон вновь сделал свою ставку на Чан Кайши, как непримиримого борца с новым режимом в Китае, а Тайвань был признан Китайской Республикой. Город Тайбэй стал фигурировать как столица этого государства, с которым США поддерживали дипломатические отношения, развивали активное политическое, экономическое и военное сотрудничество.

В свою очередь, закрепившись на Тайване Чан Кайши в короткие сроки, установил на острове жесткую военно-бюрократическую диктатуру. Ключевые посты в армии заняли два его

сына: Цзян Цзинго был назначен начальником Главного политического управления Министерства обороны, а Цзян Вэйго — командующим бригадой бронетанковых войск. С этого момента 62-летний президент и генералиссимус Китайской Республики объявил своей главной задачей контрнаступление на материк.

Однако в КНР грозные заявления Чан Кайши воспринимались достаточно спокойно. Так, например, известный коммунистический деятель Лю Шаоци говорил в беседе с советским послом:

«Несмотря на большую шумиху американцев и самих гоминьдановцев по вопросу о возможности высадки чанкайшитов на материке, вряд ли можно ожидать, чтобы Чан Кайши пошел на эту авантюру. Однако было бы очень хорошо, если бы войска Чан Кайши высадились на материк. Мы смогли бы нанести его войскам серьезный удар, а значительная часть из них просто перешла бы на нашу сторону»¹⁶⁴.

Тем не менее, контрнаступление гоминьдановцев на материк имело место. Правда, на этот раз формой борьбы против КНР были избраны не широкомасштабные военные действия, а подрывная деятельность — шпионаж, засылка и вербовка агенты, попытки организовать партизанское движение, провоцирование антиправительственных выступлений, диверсии и террор. Расчеты при этом, по мнению историка Б. Т. Кулика, делались на то, что новая власть в Китае окажется непрочной, поскольку СССР не в состоянии оказать ей достаточную помощь, а сама она не справится с неизбежными политическими и экономическими трудностями¹⁶⁵.

Отметим, что подобные расчеты, как Чан Кайши, так и Вашингтона были вполне оправданны и реалистичны. Тем более что подрывная деятельность гоминьдановцев на территории КНР оказалась чрезвычайно активной и велась в тесном взаимодействии с разведками западных стран. Так, в мае 1949 года руководитель гоминьдановских спецслужб Чжэн Цзэминь достиг соглашения о сотрудничестве с англичанами. По этому соглашению спецслужбы Гоминьдана должны были передавать англичанам военно-политическую информацию о КПК. В свою очередь Лондон обязывался снабжать ведомство Чжэн Цзэминя денежными средствами, оборудованием и оружием. Пункт по обмену информацией был создан в Гонконге. В ноябре 1949 года Чжэн Цзэминь договорился в Вашингтоне, при тесном содействии бывшего посла США в Китае Л. Стюарта, о создании совместного органа разведки с целью ведения подрывной деятельности в КНР и создания там «пятой колонны». В соответствии с достигнутой договоренностью Чжэн Цзэминь организовал филиалы своего ведомства в Гонконге и на Филиппинах. Помимо этого, в Гонконге была создана гоминьда-

новско-американская организация, формировавшая разведгруппы для работы в Маньчжурии, Северном Китае и крупных городах КНР, а на Филиппинах открыта школа на 400 человек, готовившая агентов для засылки в Китайскую Народную Республику.

17 ноября 1949 года заместитель министра иностранных дел КНР Ли Кэнун, одновременно исполнявший обязанности заведующего партийной разведки ЦК КПК и куратора деятельности всех других органов спецслужб, в беседе с советским послом СССР Н. В. Рощиным сообщал, что «в настоящее время центр американской разведки переместился из посольства США в Китае в Гонконг, где американцы создали специальное "Исследовательское бюро по дальневосточным вопросам". "Исследовательское бюро" поставило перед своими кадровыми работниками, а также перед засылавшейся в КНР агентурой первоочередную задачу — подорвать дружбу между КНР и СССР: компрометировать советских специалистов, изображать торговлю между нашими странами как грабеж Советским Союзом продовольственных ресурсов и природных богатств Китая, преподносить китайско-советский договор 1945 г., как неправомерный и империалистический. Утверждалось, что в результате заключения этого договора Китай потерял Квантунский полуостров и все машинное оборудование в Маньчжурии. Основные кадры американской агентуры — это выходцы из среды китайских эмигрантов в США, Японии и на Филиппинах и в других странах, и китайцы, учившиеся за границей. В качестве потенциальной базы, откуда американцы могли вербовать свою агентуру, также рассматривались правые деятели демократических партий, входившие в правительство КНР, вроде Ло Лунцзи, Чжан Дунсуня и других»¹⁶⁶.

В конце декабря 1949 года в штаб-квартире Чан Кайши в Цаошани состоялось секретное совещание, на котором обсуждались вопросы об использовании «стратегии наступательной обороны» против вооруженных сил КПК, а также о деятельности гоминьдановских партизанских отрядов, оставшихся в южных провинциях КНР. Действия отрядов были признаны неудовлетворительными. Было решено направить для активизации партизанских действий специально выделенных людей, подбор которых осуществляли оперативные и разведывательные отделы Министерства обороны и Бюро охраны секретов совместно с канцелярией Чан Кайши. Последней инстанцией подбора и утверждения таких людей являлся сам генералиссимус. Кроме того, совещание утвердило решение о создании «антикоммунистических армий спасения родины», общей численностью в 600-900 тыс. человек. Действия армий планировалось развернуть в 48 партизанских районах, на которые была разбита территория КНР. В задачи армий входили партизанские и

диверсионные действия против частей НОАК, местных органов власти, коммуникаций, военных и народнохозяйственных объектов.

Кроме того, гоминьдановцы в тесном контакте с американцами не оставляли планов создания из японских добровольцев армии численностью 100 тыс. человек под командованием генерала Я. Окамура, предназначенной для вторжения в КНР. В конце 1949 года на Тайвань трижды приезжала штабная группа японских офицеров, занимавшаяся формированием добровольцев в Японии. Генерал Окамура получил от Чан Кайши 50 тыс. долларов для подкупа высокопоставленных японских военных, через которых должна была вестись вербовка добровольцев.

В начале 1950 года контрнаступление на материк, объявленное Чан Кайши, приняло гораздо более широкий размах. В январе на Тайване прошли два совещания, по вопросам реорганизации разведслужбы и усиления подрывной деятельности. Был создан «Комитет по руководству действиями во вражеском тылу» под руководством Сунь Ляньчжуню. Командующим «антикоммунистической армией спасения родины» в Юго-Восточном Китае был назначен Мао Сэн. В Тайбэе были открыты три спецзаведения: Революционная академия, где обучался командный состав, школа политработников и школа по обучению диверсантов и террористов¹⁶⁷.

С февраля 1950 года гоминьдановцы начали производить массированные воздушные налеты на города Шанхай, Нанкин, Суйчжоу, и на места дислокации частей НОАК в районе населенного пункта Нинбо. Ожесточенным бомбовым ударам подвергались промышленные объекты, электростанции, железнодорожные узлы и аэродромы. Авиационная группировка гоминьдановцев состояла из четырех истребительных, двух бомбардировочных и двух транспортных авиаполков, одной разведывательной авиационной эскадрильи и одного авиаотряда особого назначения. Всего в ней насчитывался 361 самолет, из них: 158 истребителей («Мустанг», «Тандерболт»), 65 бомбардировщиков (В-24, В-25, «Москито»), 16 самолетов-разведчиков и один транспортный самолет. Базировалась авиация гоминьдановцев на аэродромах Тайваня и островах Чжоушаньского архипелага¹⁶⁸.

Генеральный консул СССР в Шанхае П. П. Владимиров сообщал в Москву о результатах бомбового удара по городу, произведенному гоминьдановской и американской авиацией 6 февраля 1950 года:

«17 тяжелых бомбардировщиков нанесли одновременный удар по всем электростанциям Шанхая. Последствия бомбежек чрезвычайно тяжелые. Самая мощная электростанция, принадлежащая американцам, выведена из строя полностью. Частично разрушены и другие. Все предприятия прекратили работу,

остановился трамвай, прервалось водоснабжение, приостановили свою работу коммунальные и подсобные предприятия. Хотя на восстановление американской электростанции были брошены все имеющиеся силы, только через десять дней удалось ввести в строй около 20% ее мощности. Дальнейшие ремонтные работы натолкнулись на противодействие американских хозяев станции, которые всячески препятствовали ее восстановлению... Настроение у жителей Шанхая, в том числе в правительственных и партийных кругах, подавленное. Все опасаются новых налетов. Было принято решение возобновить перебазирование промышленных предприятий в глубинные районы страны»¹⁶⁹.

Результаты воздушных налетов заставили Чан Кайши провести специальное совещание высших офицеров, посвященное этому вопросу. На нем генералиссимус потребовал расширения бомбардировок, лично санкционировав их на Пекин, Тяньцзинь, Ханькоу, Циндао, Гуанчжоу и некоторые другие города.

Однако в середине февраля контрнаступление гоминьдановцев на материк встретило на своем пути серьезную преграду.

14 февраля 1950 года в Москве был подписан договор между СССР и КНР, в соответствии с которым Советский Союз брал на себя обязательство оказывать помощь Китаю всеми имеющимися у него средствами, включая, военные.

Подписание договора предворяли советско-китайские переговоры, состоявшиеся в Москве в конце декабря 1949 — начале февраля 1950 годов.

В ходе переговоров китайская делегация — Мао Цзэ-дун, Чжоу Эньлай, и советская — И. В. Сталин, члены правительства, обменялись мнениями по тайваньской проблеме.

Мао Цзэ-дун рассчитывал решить эту проблему ко второй половине 1950 года «путем осуществления военной операции при содействии СССР. Он полагал, что эта операция будет поддержана восстанием населения и гоминьдановских войск на самом Тайване»¹⁷⁰. Кроме того Мао Цзэ-дун и Чжоу Эньлай поставили перед И. В. Сталиным вопрос о направлении «своих летчиков-волонтеров или секретные воинские части для ускорения захвата Формозы», а также о создании с помощью Советского Союза национальных ВВС и ВМС¹⁷¹.

Однако мнение Сталина в отношении того или иного участия в захвате Тайваня, оказалось чрезвычайно осторожным. Сталин ответил, что «оказание помощи не исключено, но формы помощи нужно обдумать. Главное здесь — не дать повода американцам для вмешательства. Что касается штабных работников и инструкторов, то их мы можем дать в любое время. Остальное обдумаем». И далее Сталин предложил «отобрать роту десантников из бывшего гоминьданского десантного полка, перешедшего на сторону коммунистов, распропагандировать

их, забросить на Формозу и через них организовать восстание на острове»¹⁷².

Такая осторожная позиция Сталина, как справедливо отметил историк А. М. Дедовский, объяснялась пониманием того, что США не позволят китайским коммунистам взять Тайвань силой и пустят в ход все имеющиеся у них средства, чтобы помешать этому. В случае военных операций по захвату Тайваня Пекину пришлось бы иметь дело с вооруженными силами США. Советское правительство считало весьма опасным для КНР затевать военный конфликт из-за Тайваня и не хотело вовлечения в этот конфликт СССР. Такой позиции советское правительство придерживалось и на протяжении последующих лет¹⁷³.

Тем не менее, советская сторона обязалась обучить кадры китайского морского флота в ВМБ Порт-Артур с последующей передачей части советских военных кораблей, подготовить план десантной операции на Тайвань, направить в Китай группировку войск ПВО и необходимое количество советских военных советников и инструкторов.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР №582—227сс от 14 февраля 1950 года для организации ПВО города Шанхая была создана Группа советских войск противовоздушной обороны.

Командующим Группы войск ПВО был назначен генерал-лейтенант П. Батицкий, начальником штаба — полковник Б. Высоцкий. Заместителями командующего назначили: по авиации — генерал-лейтенант авиации С. Слюсарев, по зенитной артиллерии — полковник С. Спиридонов.

В боевой состав Группы войск ПВО входили: управление группы войск, управление 106-й истребительной авиационной и 52-й зенитно-артиллерийской дивизий; 29-й гвардейский истребительный, 351-й истребительный, 829-й смешанный авиapolки; 1-й гвардейский зенитно-прожекторный полк, 64-й отдельный радиотехнический батальон воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС); 278-й, 286-й и 300-й отдельные автотехнические батальоны; отдельные радиотехническая и автомобильная кислородно-добывающая станции; 45-я отдельная рота связи и транспортная авиагруппа.

Всего в состав Группы войск входило: 118 самолетов (в т.ч. МиГ-15 - 39, Ла-11 - 40, Ту-2 - 10, Ил-10 - 25, Ли-2 - 4), 73 прожекторных и 13 радиотехнических станций, 116 радиостанций, 31 радиоприемник и 436 автомашин.

Сосредоточение советских войск планировалось завершить к 23 марту 1950 года.

Согласно приказу министра Вооруженных Сил СССР №0040 от 16 февраля 1950 года район боевых действий истребительной авиации был строго ограничен: 70 км северо-восточнее Шанхая, Цзыйцзыной и далее на юг острова Хэнша, по северному

берегу залива Ханьчжоувань до города Ханчжоу. Авиационные части базировались в районах Шанхая, Нанкина, Сюйчжоу, на аэродромах Дзяньвань, Дачан и Сюйчжоу. Зенитно-артиллерийские и прожекторные части дислоцировались на девятнадцати позициях в районе Шанхая, образовав световую зону и зону обнаружения самолетов радиусом от 10 до 30 км от центра города. Посты ВНОС располагались в пунктах Цидун, Наньхой, Хайянь, Усянь и Хун Цзяолу¹⁷⁴.

В конце февраля 1950 года в Китай прибыли: оперативная группа командующего советской группировкой, управления 106-й истребительной авиационной, 52-й зенитно-артиллерийских дивизий и 64-го батальона ВНОС. В начале марта начала поступать авиационная техника. 7 марта 351-й истребительный авиационный полк приступил к боевому дежурству.

13 марта 1950 года советские летчики провели свой первый воздушный бой. В этот день звено истребителей Ла-11 под командованием В. Сидорова обнаружило южнее Сюйчжоу средний бомбардировщик В-25. После двух атак с задней полусферы сверху с дистанции 400-800 метров, произведенных командиром звена Сидоровым, самолет противника загорелся и упал в горах северо-западнее Нанкина.

14 марта советские летчики одержали вторую воздушную победу. На этот раз звеном Ла-11 под командованием П. Душина был обнаружен и подбит еще один В-25. Горящий самолет противника произвел вынужденную посадку в нескольких километрах северо-восточнее Сюйчжоу. Шесть членов экипажа были захвачены в плен, седьмой погиб.

20 марта 9 Ла-11 в 85 км юго-восточнее Шанхая атаковали группу бомбардировщиков противника, идущую под прикрытием трех «Мустангов». Противник уклонился от боя и спешно ушел за границу запретной зоны.

2 апреля советский летчик-истребитель И. Гужев, в районе северного побережья залива Ханчжоувань, атаковал и уничтожил два самолета «Мустанг».

После этих потерь активность гоминьдановской авиации значительно снизилась.

Однако на материковой части Китая действия противника заметно активизировались.

К середине апреля 1950 года гоминьдановские партизанские отряды появились в нескольких районах: ряд уездов провинции Хэнань, линия железной дороги Нанкин — Шанхай, западная часть провинции Чжэцзян, острова в устье реки Чжуцзян.

А всего к этому времени на территории КНР в разрозненных отрядах бывшей гоминьдановской армии и вновь созданных вооруженных формированиях насчитывалось примерно 440 тыс. бойцов. Наибольшая концентрация партизанских отрядов

наблюдались в провинциях Сычуань, Хунань, Сикан, Гуанси и Фуцзянь. В Сычуани их было около 160 тыс., в Хунани — 70 тыс., в Гуанси — 50 тыс. человек¹⁷⁵.

В апреле 1950 года в Китай, в соответствии с советско-китайским договором от 14 февраля, прибыла большая группа советских гражданских лиц: экономических советников и специалистов в различных областях промышленности, транспорта, финансов, культуры, науки и образования.

12 апреля Чан Кайши отдал секретный приказ о создании в Юго-Востоке Китая специальных подразделений для осуществления террористических актов против советских специалистов.

«Кроме установления точного местопребывания и местожительства советского военного и технического персонала, — подчеркивалось в приказе, — я строго приказываю руководящим товарищам подпольной работы в Пекине, Шанхае, Ханьчжоу воссоздать террористические группы и широко развернуть проведение террористических действий против советских военных и технических специалистов и важных военных и политических работников-коммунистов с тем, чтобы эффективно пресечь их деятельность, а также показать бесстрашие наших подпольных товарищей и добиться успехов в борьбе с русскими и коммунистами»¹⁷⁶.

Несколько позже Бюро охраны секретов правительства Чан Кайши дало указание своим агентам спецслужб получить документы находящихся в Китае советских граждан: паспорта, партбилеты, командировочные удостоверения, записные книжки и т.д.

Авторы не располагают достоверными сведениями о террористических актах гоминьдановских спецслужб, совершенных против советских военных и гражданских специалистов, но, следует полагать, что они имели место. Косвенным подтверждением этому может служить приказ командующего Группой войск ПВО генерал-лейтенанта П. Батицкого о повышении бдительности личного состава войск группировки в местах дислокации. Другим доказательством является распоряжение Чжоу Эньлая, курировавшего работу советских гражданских специалистов, об усилении их охраны.

Отряды народной милиции и спецслужбы КНР вели активную борьбу против гоминьдановского подполья и партизан. Это противостояние было напряженным, кровопролитным и велось с переменным успехом. О том, что обе стороны, умели действовать профессионально, свидетельствуют следующие факты. Так, например, в 1950 году был ликвидирован заговор командующего 36-й Суйюаньской армией и двух командиров дивизий НОАК, завербованных гоминьдановскими спецслужбами. А в Министерстве общественной безопасности КНР было выявлено десять внедренных агентов противника¹⁷⁷.

Одновременно с ликвидацией вражеского подполья и партизанских отрядов на материковой части Китая, войска НОАК провели две крупные десантные операции, направленные против островов занятых противником. 17 апреля 1950 года части НОАК захватили остров Хайнань, а 4 мая от гоминьдановцев были очищены Чжоушаньские острова.

Начавшуюся войну в Корее (25 июня 1950 года) в Тайбэе восприняли, как реальную возможность прямого вовлечения США в войну против КНР, что в свою очередь создаст гоминьдановцам наиболее благоприятные условия для продолжения наступления на материк. Во многом этому способствовало заявление президента Трумэна от 27 июня о том, что он «отдал приказ 7-му флоту предотвратить нападение (со стороны КНР — Авт.) на Формозу»¹⁷⁸. Еще больше Тайбэй уверовал в это, после переговоров между Чан Кайши и Верховным командующим союзными оккупационными силами в Японии Д. Макартуром, которые состоялись 31 июля — 1 августа 1950 года. На них Макартур заверил Чан Кайши, что «в случае возникновения войны 7-й флот США блокирует Тайваньский пролив; при наступлении гоминьдановских войск на материк задача их снабжения продовольствием и боеприпасами будет возложена на американскую авиацию; если в ходе войны появится необходимость, то союзнический штаб может назначить японского офицера для руководства гоминьдановскими войсками; в настоящее время Тайбэй может производить бомбардировку побережья КНР, но об этом не надо упоминать в официальных сообщениях, чтобы избежать лишних разговоров и обсуждений. Единственное ограничение, которое возлагалось на Тайбэй, состояло в том, что он не должен затрагивать интересы Англии, не совершать нападения на английские торговые суда, совершающие рейсы в КНР»¹⁷⁹.

Открывшиеся перед Чан Кайши, благоприятные перспективы для восстановления утраченной власти, заставили его отдать приказ о формировании для засылки в КНР отрядов смертников из молодых бойцов армии и работников спецслужб. Ответственным за выполнение этого приказа был назначен сын Чан Кайши — Цзян Цзинго. Помимо этого, в Тайбэе приняли решение активизировать политическую работу: восстановить партийные организации Гоминьдана на материке, перед которыми ставилась задача по срыву земельной реформы и других мероприятий новой власти, направленных на восстановление мирной жизни. Определенная реорганизация была внесена и в структуру партизанского движения. Отныне территория КНР делилась на шесть крупных партизанских округов — Северо-Западный (командующий Ма Буфан), Северо-Китайский (Ли Юйтан), Южно-Китайский (Се Яо), Юго-Западный (Хэ Инцин), Центрально-Китайский и Юго-Западный (сведений об их командующих установить не удалось)¹⁸⁰.

Боевые действия против гоминьдановского подполья и партизан на территории КНР продолжались. Продолжалась и война в воздухе, которую в основном вели советские летчики и зенитно-артиллерийские части. По данным штаба Группы войск ПВО с 24 февраля по 18 мая 1950 года авиация противника произвела в обороняемом советскими войсками районе 367 самолето-вылетов, в том числе 10 ночью. С 18 мая гоминьдановцы прекратили полеты в обороняемом районе и только с началом войны в Корее производили полеты вне границ района по маршруту Тайвань — Южная Корея — Тайвань¹⁸¹. Отныне действия ВВС противника были направлены на борьбу с войсками НОАК, дислоцированными вдоль побережья и мелкими надводными целями.

1 августа параллельно с несением боевой службы части Группы войск ПВО, в соответствии с шифротелеграммой военного министра СССР №3365 от 13 июля 1950 года, приступили к обучению личного состава частей ПВО НОАК на технике группы войск. Систематически проводились занятия по изучению материальной части, по отработке способов управления частями и подразделениями в бою и т.д.

Группа войск ПВО находилась на территории КНР до октября 1950 года. За это время советскими авиационными частями было произведено 5107 самолето-вылетов, из них: на прикрытие аэродромов и объектов Шанхая и на перехват самолетов противника — 238 самолето-вылетов; на учебно-боевую подготовку — 4676 самолето-вылетов; на обеспечение полетов транспортной авиации — 193 самолето-вылетов. При этом было проведено шесть воздушных боев, в которых советские летчики не потеряли ни одного самолета. В то же время потери противника составили 6 самолетов: В-24 — 1, В-25 — 2, «Мустанг» — 2 и «Лайтнинг» — 1 (ПВО НОАК сбили один В-24).

С февраля по октябрь 1950 года безвозвратные потери Группы войск ПВО составили 3 человека: два офицера (летчики Макеев и Простеряков) и один рядовой. (Стоит заметить, что общие потери советских военных и гражданских специалистов в Китае за 1946—1950 годы составили 936 человек). По техническим причинам было потеряно два самолета — МиГ-15 и Ла-11. Еще один самолет Ту-2 ВВС НОАК по ошибке был сбит советскими зенитчиками¹⁸².

19 октября 1950 года, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 21 июля, все вооружение и имущество группировки советских войск было передано командованию НОАК. Советские воинские части частично возвращены в Советский Союз, а частично направлены в Северо-Восточный Китай на формирование 64-го истребительно-авиационного корпуса для участия в боевых действиях в Северной Корее.

Командование НОАК высоко оценило действия Группы войск ПВО: все военнослужащие были награждены китайской медалью «За оборону Шанхая».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1950 года (без публикации в печати) за отличное выполнение задания орденом Ленина были награждены майор Ю. Колесников, капитаны Н. Гужев, И. Шинкаренко, старшие лейтенанты С. Володкин, П. Душин. Ордена Красного Знамени были удостоены генерал-лейтенанты П. Батицкий, С. Слюсарев, полковники Б. Высоцкий, С. Спиридонов, М. Якушин, старшие лейтенанты Н. Абрамович, В. Люфарь, В. Сидоров¹⁸³.

После окончания войны в Корее (27 июля 1953 года) в противоборстве Тайваня и КНР произошел коренной перелом. Все планы и усилия гоминьдановцев силовым путем вернуть утраченную власть потерпели полный крах. Отныне вопрос стоял не о контрнаступлении Тайваня на материк, а, наоборот, об освобождении Тайваня материком, т.е. Китайской Народной Республикой.

Серьезные изменения после корейской войны претерпела и борьба США против КНР, которая с этого времени приняла «позиционный характер». Соединенные Штаты отгородилась от КНР «военно-политическими блоками, эмбарго, запретами и всякого рода ограничениями на контакты. Цель свержения коммунистического режима в КНР посредством прямого вмешательства в ее внутренние дела утратила свою актуальность в силу заведомой нереалистичности»¹⁸⁴.

За период 1949—1953 годов от боевых действий и террора в Китае (считая и коммунистов, и гоминьдановцев) пострадало 5 млн 500 тыс. человек, из них: казнено и убито 2 млн человек (по официальным данным 830 тыс.), заключено в тюрьмы и лагеря 12 млн человек, из которых погибло 3 млн 500 тыс. человек¹⁸⁵.

Примечания к главе 7

¹ Новейшая история Китая 1928-1949. М., 1984. С.239.

² *Внотченко Л.Н.* Победа на Дальнем Востоке. Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе-сентябре 1945 г. М., 1971. С.44-45.

³ История Второй мировой войны 1939—1945. В 12 тт. Т.П. М., 1980. С.93.

⁴ *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны (1931-1950). М., 1977. С.296.

⁵ История Второй мировой войны... С.94.

⁶ Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М., 1975. С.85-86.

⁷ *Владимиров П.П.* Особый район Китая. 1942-1945. М., 1973. С.654.

⁸ *Шорт Ф.* Мао Цзэдун. М., 2001. С.356.

⁹ Там же.

¹⁰ Сунь Ят-сен (другие имена: Сунь Чжуншань, Сунь Вэнь), китайский революционный деятель.

Родился в 1866 году в зажиточной семье в деревне, недалеко от Кантона. Учился в американской школе в Гонолулу, где овладел английским языком, получил европейское образование. В 1886 году поступил в медицинский колледж при англо-американской духовной миссии в Кантоне, а после открытия в Гонконге медицинского института переехал в этот город. Получив высшее образование, Сунь Ят-сен в 1892 году занялся медицинской практикой в Макао.

В конце XIX века молодой Сунь Ят-сен появился на политической арене. В 1894 году он создал среди китайских эмигрантов на Гавайских островах свою первую революционную организацию, назвав ее Обществом возрождения Китая («Син-Чжун-хой»), ставившей своей целью свержение Цинской династии, правящей в Китае. В 1895 году Сунь Ят-сен начал готовить вооруженное восстание в Кантоне. Однако заговор был раскрыт, заговорщики арестованы, самому Сунь Ят-сену удалось бежать в Гонконг. Затем он перебрался в Японию, откуда перебрался на Филиппинские острова, а позже в Америку и Европу. Находясь в эмиграции, Сунь Ят-сен сколачивал кадры революционеров, среди китайских националистов, вел пропаганду, собирал средства на революционную борьбу. В 1900 году он организовал в Южном Китае новое вооруженное выступление против маньчжурской династии Цин. Но выступление потерпело неудачу. Сунь Ят-сен вновь бежал из Китая в Японию, которая стала центром революционной китайской эмиграции. В 1905 году произошло слияние всех китайских эмигрантов в Объединенный союз обществ («Тунмынхой»), включающий уроженцев 17 провинций Китая. Во главе революционного союза стал доктор Сунь Ят-сен. В 1906 году «Тунмынхой» насчитывал в своих рядах 10 тыс. членов. Через руководителей революционеров китайской провинции Хунань Сунь Ят-сен установил связи с некоторыми тайными братствами («Старые братья»).

В 1911 году в Китае вспыхнуло Учанское восстание, подготовленное членами «Тунмынхой». Это восстание стало прологом китайской революции 1911—1912 годов, которая свергла маньчжурскую династию. При первых сведениях о революции Сунь Ят-сен выехал на родину. Его приезд окрылил революционеров. В конце декабря 1911 года в Нанкине состоялась конференция делегатов революционных провинций, на которой была провозглашена образоване Китайской республики. 1 января 1912 года Сунь Ят-сен принял пост временного президента и присягнул на верность республики. Временной столицей республики был объявлен Нанкин. «Тунмынхой» стал легальной правительственной партией. Вождем партии был Сунь Ят-сен, членами руководящего органа — Хуан Син, Сунн Цзяо-жень и др. В Чжэцзяне отделением партии руководил молодой Чан Кайши. 12 февраля правящая маньчжурская династия прекратила свое существование. В этот день мать шестилетнего богдыхана Пу И, возведенного на трон императрицей Цыси, незадолго до собственной смерти в 1908 году, от его имени подписала акт отречения от власти. Через день после отречения маньчжуров Сунь Ят-сен отказался от президентства в пользу Юань Ши-кая, который принял пост временного президента. В марте 1912 года в Нанкине была принята конституция Китайской республики,

провозглашавшая демократические свободы. 29 апреля в Пекине состоялось открытие Национального собрания, переехавшего из Нанкина. Вскоре партия «Тунмынхой» слилась с несколькими политическими организациями. Так возник Гоминьдан («Национальная партия»). Его провозглашение состоялось 25 августа 1912 года на объединенном совещании представителей пяти партий и обществ. Лидером Гоминьдана стал Сунь Ят-сен. В апреле 1913 года в Пекине открылся парламент, где новой партии принадлежало значительное число депутатских мест. Парламент находился в оппозиции к президенту Юань Ши-каю. В Китае назревала острая политическая борьба, которая вскоре вылилась в открытое вооруженное противостояние между югом и севером, то есть между сторонниками Гоминьдана и сторонниками президента. 4 ноября 1913 года Юань Ши-кай объявил Гоминьдан вне закона. Революционеры ушли в подполье, сам Сунь Ят-сен был вынужден эмигрировать.

18 января 1915 года Япония предъявила Китаю «21 требование», которые выражали откровенное стремление установить полный протекторат японского империализма над Китаем. Юань Ши-кай принял основные требования Японии, выторговав лишь некоторые уступки, несколько ограничивавшие ее политическое влияние в Китае. В июне 1916 года Юань Ши-кай внезапно умер. Новым президентом был избран Ли Юань-хун, но отпадение провинций от центра, парламентская борьба, министерская чехарда, новые монархические заговоры продолжались. Северный Китай надолго стал оплотом реакции, за спиной которой стояла Япония. В Кантоне более прогрессивные либералы и националисты создали в 1916 году свое правительство. В 1917 году его возглавил Сунь Ят-сен. В эти годы Япония значительно усилила свое экономическое влияние в Китае. Но одновременно с этим окрепла и национальная буржуазия. Сунь Ят-сен стал ее передовым вождем и идеологом. В 1923 году Гоминьдан заключил тактический союз с Коммунистической партией Китая. Умер Сунь Ят-сен в 1925 году.

Цит. по: Новая история колониальных и зависимых стран. Том первый. М., 1940.

¹¹ Сапожников Б.Г. Китай в огне войны... С.298—299.

¹² Шорт Ф. Мао Цзэдун. М., 2001. С.357.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С.358.

¹⁵ Там же. С.359.

¹⁶ Сапожников Б.Г. Китай в огне войны... С.299.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т.4. М., 1953. С.455.

²⁰ История Второй мировой войны... С.97.

²¹ Шорт Ф. Мао Цзэдун. М., 2001. С.359-360.

²² История Второй мировой войны... С.99.

²³ Военная помощь СССР... С.89.

²⁴ Имеется в виду арест Чан Кайши, произведенный в Сиане китайскими генералами Чжан Сюэляном и Ян Хучэном, в декабре 1936 года. Причиной ареста стала непоследовательность в политике Чан Кайши. 12 декабря мятежные генералы выпустили обращение к народу, в котором говорилось, что «генерал Чан Кайши, окруженный

бесчестными советниками, лишил себя поддержки масс нашего народа. Он глубоко виновен в том, что его политика наносила серьезный вред стране. Мы, Чжан Сюэлян и другие, подписавшиеся под этим обращением, со слезами на глазах советовали ему избрать другой путь, однако наши советы постоянно с упреками отвергались». Далее в обращении выдвигались следующие требования: реорганизация нанкинского правительства; прекращение всякой гражданской войны; немедленное освобождение всех политзаключенных; предоставление свободы народному патриотическому движению и т.д. Об аресте Чан Кайши Чжан Сюэлян немедленно поставил в известность руководство КПК, находившееся в Баоане. После получения радиogramмы Чжан Сюэляня в Баоане был проведен специальный митинг, на котором выступили Мао Цзэ-дун и другие руководители КПК. Они говорили о том, что пришло время рассчитаться с Чан Кайши, «главным врагом нации», предать его народному суду и казнить, призывали к поддержке мятежных генералов.

Однако события в Сиане вызвали озабоченность в Советском Союзе. «Японская военщина... — писала «Правда», — справедливо считает, что происходящий процесс объединения Китая вокруг правительства Чан Кайши представляет смертельную опасность для ее планов превращения Китая в колонию. Поэтому она поддерживала и поддерживает отдельных китайских генералов к выступлению против нанкинского правительства, не брезгуя в случае необходимости пользоваться антияпонскими лозунгами». Секретариат ИККИ, ссылаясь также на линию компартии Китая, выражаемую китайской делегацией в Коминтерне, рекомендовал ЦК КПК решительно выступить за мирное разрешение конфликта. Позиция СССР и Коминтерна имела решающее значение для мирного урегулирования сианьских событий. 25 декабря 1936 года Чан Кайши был освобожден и вылетел в Нанкин.

Цит. по: Новейшая история Китая 1928—1949. М., 1984.

²⁵ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т.4. С.605—607.

²⁶ Меликсетов А.В. Победа китайской революции: 1945—1949. М., 1989. С.69.

²⁷ История Второй мировой войны... С.212.

²⁸ Потсдамская декларация 1945 года, опубликованная по инициативе США и Великобритании 26 июля в Потсдаме без согласования с Советским Союзом. Требовала от имени глав правительств США, Великобритании и Китая безоговорочной капитуляции Японии. В случае отказа от требований Потсдамской декларации Япония предупреждалась, что ее ожидает «быстрый и полный разгром». 28 июля японское правительство ответило решительным отказом. 8 августа Советский Союз, верный союзническому долгу, присоединился к Потсдамской декларации. — Цит. по: Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985.

²⁹ История Второй мировой войны... С.212.

³⁰ Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке... С.66—67.

³¹ Мерецков К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1969. С.433.

³² Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов. М., 1959. С. 194.

³³ История Второй мировой войны... С.213.

- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Мерецков К.А.* На службе народу... С.437.
- ³⁶ Там же. С.448.
- ³⁷ См.: Военная помощь СССР... С.96; История Второй мировой войны... С.253; Новейшая история Китая 1928-1949... С.242.
- ³⁸ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949. С.203, 206.
- ³⁹ Сталин и Чан Кайши. Секретная миссия сына Чан Кайши в Москву. Декабрь 1945 — январь 1946 г. // Новая и новейшая история. 1996. №4. С. 100.
- ⁴⁰ В состав КЧЖД входили две железные дороги, построенные в свое время русскими специалистами: Китайская Восточная железная дорога (КВЖД) и Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД).
- ⁴¹ Новейшая история Китая 1928-1949... С.245.
- ⁴² Военная помощь СССР... С.93.
- ⁴³ Сталин и Чан Кайши... С.100-101.
- ⁴⁴ *Меликсетов А.В.* Победа китайской революции... С.48.
- ⁴⁵ *Астафьев Г.В.* Интервенция США в Китае. 1945-1949. М., 1985. С.18.
- ⁴⁶ *Юрьев М.Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа (20—40-е годы). М., 1983. С.260.
- ⁴⁷ Новейшая история Китая 1928-1949... С.246-247.
- ⁴⁸ *Меликсетов А.В.* Победа китайской революции... С.48—49.
- ⁴⁹ *Ши Чжэ.* Сопровождение Председателя Мао во время его государственного визита в Советский Союз // Проблемы Дальнего Востока. 1989. №1. С.140-141.
- ⁵⁰ *Меликсетов А.В.* Победа китайской революции... С.49.
- ⁵¹ *Меликсетов А.В.* Победа китайской революции... С.47; *Юрьев М.Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.261.
- ⁵² Новейшая история Китая 1928-1949... С.249.
- ⁵³ *Меликсетов А.В.* Победа китайской революции... С.53—54.
- ⁵⁴ Новейшая история Китая 1928-1949... С.250.
- ⁵⁵ История Второй мировой войны... С.261.
- ⁵⁶ *Людников И.И.* Через Большой Хинган // По дорогам Китая. 1937—1945. Воспоминания. М., 1989. С.305-306.
- ⁵⁷ *Бойко В. Р.* Освободительная миссия // По дорогам Китая 1937—1945... С.334.
- ⁵⁸ Новейшая история Китая 1928—1949... С.251; *Юрьев М.Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.264.
- ⁵⁹ *Людников И.И.* Через Большой Хинган // По дорогам Китая 1937—1945... С.306.
- ⁶⁰ *Юрьев М.Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.263.
- ⁶¹ История Второй Мировой войны... С.256.
- ⁶² *Бойко В.Р.* Освободительная миссия // По дорогам Китая. 1937—1945... С.321.
- ⁶³ История Второй Мировой войны... С.257.
- ⁶⁴ *Ковтун-Станкевич А. И.* Комендант Мукдена // По дорогам Китая 1937-1945... С.347, 349.
- ⁶⁵ *Людников И.И.* Через Большой Хинган // По дорогам Китая 1937—1945... С.302; *Бойко В.Р.* Освободительная миссия // Там же. С.338.

⁶⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С.636.

⁶⁷ *Людников И.И.* Через Большой Хинган // По дорогам Китая 1937—1945... С.304.

⁶⁸ Новейшая история Китая 1928-1949... С.247.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С.247-248.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С.252.

⁷³ *Меликсетов А.В.* Победа китайской революции... С.58.

⁷⁴ Новейшая история Китая 1928—1949... С.254; *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны... С.302.

⁷⁵ *Меликсетов А.В.* Победа китайской революции... С.58:

⁷⁶ *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны... С.302.

⁷⁷ *Юрьев М. Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.264.

⁷⁸ Московское совещание министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства. М., 1946. С.П.

⁷⁹ Там же. С.И—12.

⁸⁰ *Меликсетов А.В.* Победа китайской революции... С.59.

⁸¹ Там же. С.60.

⁸² Там же.

⁸³ *Юрьев М.Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.266.

⁸⁴ Имеется в виду крупный ученый-востоковед А.А.Петров, бывший в 1945—1948 годах послом СССР в Китае.

⁸⁵ Сталин и Чан Кайши... С. 105.

⁸⁶ Цзян Цзинго длительное время жил, учился и работал в Советском Союзе, был членом ВКП(б), выступал с резкой критикой своего отца — Чан Кайши. В середине 30-х годов, когда в СССР развернулись массовые политические репрессии, Цзян Цзинго, с помощью друзей, смог вернуться в Китай. На родине он помирился с отцом и стал его ближайшим советником по вопросам, касающимся СССР и советско-китайских отношений.

⁸⁷ Имеется в виду Сунь Цзывень — премьер-министр Китайской Республики в 1944—1945 годах.

⁸⁸ Сталин и Чан Кайши... С. 108.

⁸⁹ По воспоминаниям А.М.Ледовского, в то время первого секретаря посольства СССР в Китае, 10 октября 1945 года, Мао Цзэ-дун, оценивая Чан Кайши и его политику, сказал в Чунцине в узком кругу советских дипломатов: «У Чан Кайши пока нет глубокой идейно-политической устремленности или, как мы говорим, центрального звена, вокруг которого вращалось бы все остальное. Сам Чан Кайши не знает, по какому пути ему идти: по пути диктатуры или по пути демократии. Во внешней политике Чан Кайши не знает, на кого ориентироваться: на США или на СССР. Опирается целиком на США он не решается в силу международного влияния СССР, а на СССР — опасается. Его отношение к КПК определяется такими факторами: силой КПК, международным весом СССР, положением в Синьцзяне и наличием Советской Армии в Маньчжурии». — Сталин и Чан Кайши... С.119.

- ⁹⁰ Сталин и Чан Кайши... С.118-119.
- ⁹¹ Там же. С. 129.
- ⁹² Новейшая история Китая 1928-1949... С.258.
- ⁹³ См.: *Меликсетов А.В.* Победа китайской революции... С.94; Новейшая история Китая 1928—1949... С.247; *Юрьев М.Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.261.
- ⁹⁴ *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны... С.303.
- ⁹⁵ Третья гражданская революционная война в Китае. М., 1957. С.12-13.
- ⁹⁶ Известный советский военачальник Р.Я.Малиновский с июля 1945 года командующий Забайкальским фронтом, войска которого участвовали в боях против Японии. В 1945—1947 годах командующий войсками Забайкальско-Амурского военного округа, в 1947—1953 годах главнокомандующий войсками Дальнего Востока, в 1953—1956 годах командующий войсками Дальневосточного военного округа.
- ⁹⁷ Имеется в виду, что в декабре 1945 года в Мукдене ожидался визит мадам Сун — жены Чан Кайши. Однако после ее неудачных переговоров в Ставке советского командования в Маньчжурии, она отменила свой визит в город.
- ⁹⁸ *Ковтун-Станкевич А. И.* Комендант Мукдена // По дорогам Китая 1937-1945... С.356-357, 358.
- ⁹⁹ *Меликсетов А.В.* Победа китайской революции... С.96.
- ¹⁰⁰ *Борисов О.Б., Колосков Б. Т.* Советско-китайские отношения 1945-1970. Краткий очерк. М., 1972. С.24.
- ¹⁰¹ *Бойко В.Р.* Освободительная миссия // По дорогам Китая 1937—1945... С.319.
- ¹⁰² Новейшая история Китая 1928-1949... С.261.
- ¹⁰³ *Бойко В.Р.* Освободительная миссия // По дорогам Китая 1937—1945... С.335.
- ¹⁰⁴ Новейшая история Китая 1928-1949... С.258.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ *Меликсетов А.В.* Победа китайской революции... С.61.
- ¹⁰⁷ *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны... С.304.
- ¹⁰⁸ *Меликсетов А.В.* Победа китайской революции... С.94—95.
- ¹⁰⁹ Там же. С.96.
- ¹¹⁰ *Шорт Ф.* Мао Цзэдун. М., 2001. С.366.
- ¹¹¹ *Юрьев М.Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.272.
- ¹¹² Новейшая история Китая 1928-1949... С.259.
- ¹¹³ *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны... С.308.
- ¹¹⁴ *Юрьев М.Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.274.
- ¹¹⁵ *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны... С.308.
- ¹¹⁶ Новейшая история Китая 1928-1949... С.262.
- ¹¹⁷ Военная помощь СССР... С. 104-105.
- ¹¹⁸ *Бойко В. Р.* Освободительная миссия // По дорогам Китая 1937—1945... С.336.
- ¹¹⁹ Там же. С.338.
- ¹²⁰ *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны... С.309.
- ¹²¹ Там же.

¹²² Сапожников Б.Г. Китай в огне войны... С.309; Юрьев М.Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.274.

¹²³ Имеется в виду внешнеполитическая программа правительства США, выдвинутая президентом Г.Трумэном в 1947 году. Доктрина Трумэна предусматривала под видом оказания помощи Греции и Турции вмешательство в их внутренние дела и использование их территорий как военно-стратегического плацдарма против СССР и других социалистических стран. Цит. по: Советский энциклопедический словарь. М., 1988.

¹²⁴ Сапожников Б.Г. Китай в огне войны... С.310.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Шорт Ф. Мао Цзэдун. М., 2001. С.366.

¹²⁷ Там же. С.368.

¹²⁸ Юрьев М.Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.275.

¹²⁹ Там же. С.279.

¹³⁰ Сапожников Б.Г. Китай в огне войны... С.311.

¹³¹ Шорт Ф. Мао Цзэдун. М., 2001. С.371.

¹³² Юрьев М.Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.276.

¹³³ Сапожников Б.Г. Китай в огне войны... С.313.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Юрьев М.Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.278.

¹³⁶ Меликсетов А.В. Победа китайской революции... С. 103.

¹³⁷ Юрьев М.Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.278.

¹³⁸ Меликсетов А.В. Победа китайской революции... С. 101; Юрьев М.Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.279—280.

¹³⁹ Юрьев М.Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе... С.281.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Новейшая история Китая 1928-1949... С.288.

¹⁴² Там же. С.288-289.

¹⁴³ Сапожников Б.Г. Китай в огне войны... С.316.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. С.317.

¹⁴⁶ Шорт Ф. Мао Цзэдун. М., 2001. С.377.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Меликсетов А.В. Победа китайской революции... С. 141.

¹⁴⁹ Сапожников Б.Г. Китай в огне войны... С.318.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Новейшая история Китая 1928-1949... С.293.

¹⁵² Там же. С.292.

¹⁵³ Там же. С.293.

¹⁵⁴ Там же. С.294.

¹⁵⁵ Сапожников Б.Г. Китай в огне войны... С.320—321.

¹⁵⁶ Там же. С.321.

¹⁵⁷ Меликсетов А.В. Победа китайской революции... С. 163.

¹⁵⁸ Шорт Ф. Мао Цзэдун. М., 2001. С.379.

¹⁵⁹ Сапожников Б.Г. Китай в огне войны... С.349.

¹⁶⁰ Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004. С.70.

¹⁶¹ Кулик Б.Т. США и Тайвань против КНР. 1949-1952. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1995. №5. С.22.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. С.31.

¹⁶⁵ Там же. С.31-32.

¹⁶⁶ Там же. С.24.

¹⁶⁷ Там же. С.32.

¹⁶⁸ Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М., 2000. С.65.

¹⁶⁹ Кулик Б.Т. США и Тайвань против КНР... // Новая и новейшая история. 1995. №5. С.33.

¹⁷⁰ Ледовский А.М. Переговоры И.В.Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949 — феврале 1950 г. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. №1. С.32.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же. С.33.

¹⁷⁴ Россия (СССР) в локальных войнах... С.63-65.

¹⁷⁵ Кулик Б.Т. США и Тайвань против КНР... // Новая и новейшая история. 1995. №5. С.34.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же. С.30.

¹⁷⁹ Там же. С.35.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Россия (СССР) в локальных войнах... С.65.

¹⁸² Там же. С.66.

¹⁸³ Там же. С.67.

¹⁸⁴ Кулик Б.Т. США и Тайвань против КНР... // Новая и новейшая история. 1995. №5. С.40.

¹⁸⁵ Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004. С.70.

**СИНЬЦЗЯН: В ПОДДЕРЖКУ НУЖНОГО КУРСА.
ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ КИТАЯ
В 1945-1949 ГГ.**

С начала 1930-х до конца 1940-х годов органы госбезопасности СССР проводили спецоперации на северо-западе Китая — в провинции Синьцзян, также именовавшейся Восточным Туркестаном и Джунгарией, стратегически важном районе с большим количеством сырья и минералов — нефти, золота, платины, железной руды, меди.

С глубокой древности эта территория были предметом спора тюркоязычных и монголоязычных народов. В XVIII веке этими землями завладела китайская империя. Тогда и появилось название Синьцзян — «новая граница, новая земля».

Русские войска появились здесь еще в 70-х годах XIX века. Тогда, после мятежа мусульманского населения под руководством Якуб-бека против власти китайских императоров и образования им своего государства, по просьбе китайцев в Синьцзян была предпринята интервенция русской армии. В ходе кампании выступление мусульман было подавлено, после чего Россия передала усмиренный Синьцзян Китаю, согласно Петербургскому договору 1881 года. Тогда же в ряде городов региона были учреждены российские консульства. После окончания гражданской войны в Синьцзяне нашли пристанище солдаты и офицеры армии белого генерала Дутова, участники Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года и басмачи из Средней Азии.

К этому времени население Синьцзяна насчитывало около 4 млн человек — из них 3,5 миллиона уйгуров, более 400 тысяч казахов, 220 тысяч ханьцев (китайцев), 100 тысяч дунган. Кроме них, в Синьцзяне проживали киргизы (65 тыс.), монголы (50 тыс.), русские (19 тыс.), узбеки (10 тыс.), сибиряки (10 тыс.), татары (5 тыс.), солоньки (2 тыс.) и маньчжуры (около 800 чел.). Наиболее политически активны были уйгуры и дунгане, которые являлись мусульманами, что служило фактором дополнительной напряженности в отношениях с китайцами. Центральное правительство охваченного гражданской войной Китая слабо контролировало Синьцзян. Япония, пользуясь этим, стремилась отторгнуть мятежную провинцию от Китая.

В апреле 1933 года ставленник гоминьдановского правительства в Нанкине, наместник (дубань) У Чжунсинь был свергнут. Власть в столице Синьцзяна Урумчи захватил начальник штаба Синьцзянского военного округа Шен Шицай, опиравшийся на русский полк, состоявший из бывших белогвардейцев под командованием полковника Паппенгута. Новый дубань обнаружил следующую программу: юридическое равноправие национальностей; выборность при назначении всех чиновников; свобода слова, собраний и печати; развитие транспорта, производства, оказание помощи крестьянам и т.д. Летом 1933 года он выдвинул свои «Восемь пунктов»: национальное равенство, свобода вероисповедания, немедленное сокращение земельного налога, финансовая реформа, административная реформа, распространение образования, реализация самоуправления и реформа правосудия. Далее последовали «Шесть основных направлений политики»: антиимпериализм, дружба с СССР, национальное равенство, неподкупность правительства, мир и реконструкция.

Однако уже в конце 1933 года снова начались беспорядки. В результате конфликта с центральным правительством большую часть Синьцзяна заняла 36-я дивизия, в основном состоявшая из дунган. Тогда Шен Шицай обратился с просьбой о помощи к СССР. В январе 1934 года советское руководство, справедливо опасаясь появления у границ СССР нового японского сателлита типа Маньчжоу-го, приняло решение об оказании ему военной помощи. В Синьцзян была введена группа войск Красной Армии и погранвойск ОГПУ с танками, авиацией и артиллерией. Начальником опергруппы стал заместитель начальника Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ (с июля того же года — Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД) Николай Кручинкин. Советские войска были одеты в форму царской (и белой) армии, с погонами. В боях они разгромили 36-ю китайскую дивизию.

Кроме того, в Синьцзян было введено около 10 тысяч солдат и офицеров китайской армии и маньчжурских партизан, бежавших из Маньчжурии после японского вторжения в 1931 году и интернированных в СССР. Эти части составили так называемую «Алтайскую добровольческую армию», куда вошел и отряд полковника Паппенгута. Впрочем, сам Паппенгут, как ярый антибольшевик, по требованию советской стороны был расстрелян, и его сменил лояльный к советскому режиму Бехтеев, также бывший белый офицер.

В конце апреля 1934 года советские войска вышли из Синьцзяна, оставив там кавалерийский полк численностью около тысячи человек с танками и артиллерией, и несколько десятков военных советников. Среди них были старший военный советник дубаня, известный разведчик Ади Каримович Маликов и

будущий маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза Павел Семенович Рыбалко, под псевдонимом Фу Дзи-Хуй ставший помощником командующего Южным фронтом Бехтеева. Вместе с советскими военными действовали и солдаты белой армии — из четырех полков и конного артиллерийского дивизиона численностью 2200 человек в ноябре 1934 года был создан полк. СССР способствовал и вооружению армии дубаня: в Синьцзян были произведены поставки самолетов У-2 и Р-5, пушек, винтовок, станковых и ручных пулеметов, снарядов и патронов.

Весной 1937 года недовольные политикой режима уйгуры, подстрекаемые Англией и Японией, объединились с дунганями и подняли восстание. Тогда в июне 1937 года из состава Среднеазиатского военного округа и войск НКВД были сформированы две группы — «Ошская» и «Нарынская». Каждая включала в себя горный кавалерийский полк, батарею, специальные подразделения горной кавалерийской дивизии и полк войск НКВД, соответственно кавалерийский и мотомеханизированный. Границу войска пересекли в конце августа и в сентябре-октябре 1937 года, совместно с войсками правительства Урумчи, подавили восстание.

В январе 1938 года начался вывод советских войск из Синьцзяна, впрочем, не всех — часть их должна была остаться. Тогда же в городах Урумчи, Кульдже, Чугучаке, Шара-Сумэ, Хами, Кашгаре, Хотане и Аксу были образованы легальные резидентуры ИНО Главного управления госбезопасности НКВД. Их сотрудники вели тайную войну против японской и английской разведок, наблюдали за строительством шоссе от Алма-Аты до контролируемых войсками Чан Кайши территорий. По этой стратегической дороге шла советская помощь китайским войскам, сражавшимся с японцами.

В сентябре 1938 года прибывший в Москву для переговоров о дальнейшей военной помощи Шен Шицай во время беседы с наркомом обороны маршалом К. Е. Ворошиловым заявил о своем желании вступить в ВКП(б). По решению Политбюро он был тайно принят в партию. В день отъезда Синьцзянской делегации заместитель начальника Разведывательного Управления Красной Армии (фактический руководитель военной разведки), старший майор госбезопасности Семен Гендин вручил ему партийный билет. Это не помешало китайскому дубаню во время Великой Отечественной войны проводить двойственную политику, заигрывая и с СССР, и с Японией. В 1943 году советские специалисты и дипломаты в Синьцзяне даже подвергались нападениям¹.

Постепенно отношения Шен Шицай с Советским Союзом начали ухудшаться, зато произошло улучшение отношений с режимом Чан Кайши. Армия дубаня, насчитывавшая около 20 тысяч солдат, в 1942—1944 годах еще более увеличилась за счет

перевода частей четырех дивизий новой 2-й армии из Ганьсу в Синьцзян, а в конце 1944 года туда были направлены две дивизии дунганской конницы из провинции Цинхай. К 1945 году личный состав войск гоминьдана в Синьцзяне насчитывал почти 100 тысяч человек, главным образом ханьцев и дунган.

Режим Шен Шицай в Урумчи отличался жестокостью. По данным уйгурских историков, с 1934 по 1944 год под предлогом пресечения «попыток восстаний» было арестовано более 120 тысяч человек, из которых 80 тысяч казнено. Дунганское сопротивление было окончательно разгромлено, тяжелые удары получил турецкий мусульманский национализм на юге Синьцзяна. Просоветская позиция диктатора позволила нейтрализовать деятельность коммунистического подполья. По словам видного уйгурского коммуниста, министра просвещения Восточно-Туркестанской республики, члена политбюро ЦК КПК Сайфуддина Азизи, «...в тот период мы — вернувшаяся после обучения в СССР молодежь — доверяли советскому правительству и преклонялись перед сталинской идеологией. В Синьцзяне было много образованной молодежи, которая мыслила одинаково с нами. Оставаясь на этих позициях, мы считали, что все, поддержанное советским правительством и особенно Сталиным — правильно, поэтому Шен Шицай не может ошибаться, а его дела — правильны».

Однако после того, как позиция диктатора перестала быть просоветской (в 1942 году по требованию Чан Кайши Шен Шицай подверг репрессиям легально работавших в Синьцзяне китайских коммунистов и «просоветских элементов», среди казненных были глава департамента культуры, родной брат Мао Цзэдуна Мао Цзэмин и брат самого Шен Шицай — Шен Шиин, выпускник московской военной академии), ситуация в очередной раз изменилась. В отличие от СССР, режим Чан Кайши не в состоянии был оказать Шен Шицаю серьезную военную помощь. Пользуясь этим, оппозиционные силы при поддержке СССР 7 ноября 1944 года начали восстание в Кульдже. Активную роль в восстании принимало русское население, но не те русские белогвардейцы, о которых упоминается в отдельных источниках, а русская молодежь «родившаяся и выросшая в Синьцзяне, знавшая о белогвардейцах и красногвардейцах по рассказам и учебникам истории». Именно они, как подчеркивает историк В. И. Петров, штурмовали губернаторский дворец, полицейское управление, тюрьму, сражались с гоминдановскими частями, оставшимися в городе и за его пределами. В январе 1945 года Кульджа и окрестности окончательно перешли в руки повстанцев. В ходе последующих военных действий китайские войска были полностью изгнаны из трех округов Синьцзяна — Илийского, Алтайского и Тарбагатайского. Шен Шицай был отозван Чан Кайши в Чунцин и погиб в 1948 году при невыясненных обстоятельствах.

12 ноября 1944 года в городе Кульдже была образована Восточно-Туркестанская республика (ВТР). Ее руководство, во главе с муллой Алихан-Тюре (Алихан Тура Сагони), узбеком по национальности, создавшим в 1943 году в Кульдже «Организацию свободы Восточного Туркестана», было настроено анти-китайски и промусульмански. В правительство вошли уйгуры Ахметжан Касымов, Хакимбек-ходжа, Рахимджан Сабирходжаев, татары Анвар Мусабаев и Набиев, казахи Урахан и Абдулхайир, русские эмигранты Иван Полинов и Фотий Лескин, калмык Фуча². 5 января 1945 года, на четвертом заседании Временного правительства ВТР, был принят «Манифест 9 пунктов». Согласно этому документу, на территории Восточного Туркестана ликвидировалось господство китайцев, и создавалась суверенная республика с равенством прав всех национальностей, провозглашалась необходимость развития промышленности, сельского хозяйства, животноводства, частной торговли, повышения материального благосостояния народа. Правительство заявило о намерении поддерживать ислам, как религию большей части населения Восточного Туркестана, но при этом провозгласило свободу и защиту других религий. Декларировалось также развитие культуры, образования и здравоохранения; установление дружественных отношений со всеми демократическими государствами, а в особенности с правительством граничащего с Восточным Туркестаном СССР; установление связей с правительством Китая в экономической и политической областях; организация армии из представителей всех национальностей Восточного Туркестана; национализация банков, почт, телеграфа, леса и природных недр; ликвидация «вредных проявлений индивидуализма, бюрократизма, национализма, алчности и коррупции».

После ухода с политической арены Алихан-Тюре (он был арестован советскими органами безопасности, вывезен в СССР и до самой своей смерти в 1976 году жил в Ташкенте, где написал книгу о пророке Мухаммеде) Временное правительство было реорганизовано, и к власти пришли откровенно просоветские группы. Армия республики, насчитывавшая около 30 тысяч человек, находилась под советским контролем. Армия, главным организатором которой был министр Ахметжан Касымов, была создана в апреле 1945 года из отрядов партизан-добровольцев. В основном она состояла из уйгуров, китайцы в армию не призывались. Второй по численности национальностью в армии стали русские эмигранты. Армия насчитывала две пехотные дивизии и Отдельный кавалерийский полк, которым командовал бывший белый офицер полковник Фотий Иванович Лескин. Успешно действуя в Тарбагатайском и Алтайском округах, он сформировал на базе полка кавалерийскую бригаду и отдельный стрелковый батальон³.

Первой дивизией командовал генерал Исхак-бек, его заместителем был полковник Зунун Таипов, оба уйгуры. Дивизия обороняла Музартский перевал от находившихся в Кашгарии войск Чан Кайши.

Второй дивизией командовал генерал Иван Георгиевич Полинов (в литературе упоминается также как Поленов), в 1911 году бывший начальником конвоя русского генерального консула в Урумчи, затем служивший сотником в армии Колчака, с остатками которой перешел в Синцзян, где в 1931—1934 годах командовал казачьим полком. Дивизия состояла из двух стрелковых полков и отдельного батальона. Командный состав дивизии практически полностью сформировался из русских офицеров-белоземigrants. Первым полком командовал полковник Могутнов, вторым полком — капитан Федяев, все командиры батальонов, рот, взводов и отделений были русскими, их заместителями — уйгуры, которые вели также политрабoту, при штабе дивизии, также состоявшем исключительно из русских офицеров, числился мусульманский имам. Полки состояли из трех батальонов, батальоны — из трех рот, в ротах — 4 взвода. В штабе полка были оперативный, разведывательный и строевой отделы. В структуру штаба дивизии входили также отделы артиллерийско-технического снабжения, продовольственно-фуражный, вещевого, комендантский кавалерийский дивизион, кавалерийский эскадрон (дунгане), русско-уйгурский разведывательный эскадрон, калмыцкий кавалерийский дивизион, артиллерийский дивизион (3 батареи) и бронетанковый взвод с тремя броневиками.

Солдаты были вооружены старыми пушками и броневиками синцзянской армии, списанными в 1930-е гг. трофейным стрелковым оружием, захваченным у гоминдановских войск, а также старыми трехлинейными винтовками, немецкими гранатами, немецкими и японскими пулеметами («первыми номерами» на станковых пулеметах были русскими, вторыми — уйгуры). Ткани для обмундирования поставлялись из СССР через «Совсинторг». Из полученной ткани местные портные шили форменную одежду для военнослужащих армии ВТР — гимнастерки, шаровары, фуражки, телогрейки и уйгурские чапаны на вате, без воротников и пуговиц, с широкими рукавами (верхняя зимняя одежда — дубленые полушубки местного производства). Продовольствием и фуражом армия снабжалась за счет местных ресурсов, кроме папирос для офицеров, которые закупались в Советском Союзе. Седла и сбруя для кавалерийских подразделений изготавливались на месте по русским казачьим образцам.

Вторая дивизия наступала с июня 1945 года с тяжелыми боями по Шелковому пути через города Дзиньхо-Шихо — Манас на Урумчи. На левом берегу реки Манас нападали на китайские

войска казахские повстанцы под командованием Калибека. В сентябре 1945 года наступление 12-тысячной армии ВТР было остановлено 100-тысячной группировкой китайских войск, вслед затем в октябре 1945 года начались мирные переговоры между Чан Кайши и руководством республики. К этому времени линия обороны войск ВТР располагалась от Тянь-Шаня на юге до Алтая на севере, в состав республики входили Илийский, Тарбагатайский, Алтайский и часть Урумчинского округов, занимавшие 2/3 территории Джунгарии. Однако ВТР не была признана ни одним иностранным государством. В июне 1946 года переговоры завершились созданием коалиционного правительства во главе с китайским генералом Чжан Чжи Чжун (которого затем в результате сложной внутривластной борьбы сменили сначала уйгурский панисламист Махсуд Сабри, а затем татарский историк и лингвист, знавший 7 языков, Бурхан Шахиди). В правительство вошли и представители ВТР, Ахметжан Касими (Касымов) стал вице-премьером. После этого по настоянию китайцев русские офицеры в течение суток были демобилизованы из армии ВТР, уступив место заместителям-уйгурам.

В 1944—1946 годах в Синьцзяне действовала оперативная группа наркоматов госбезопасности и внутренних дел СССР во главе с начальником отдела специальных заданий НКВД генерал-майором Владимиром Егноровым (1903—1976). Его заместителем был начальник 4-го отдела 1-го (разведывательного) управления НКГБ генерал-лейтенант Александр Лангфранг⁴.

В конце 1946 года специальным решением Сталина заместитель начальника 4-го управления МТБ, генерал-майор Наум Эйтингон (организатор убийства Троцкого) получил особо важное задание: помочь органам безопасности Компартии Китая подавить сепаратистское движение уйгуров и казахов, в частности бывшего губернатора Алтайского округа казаха Оспан-батыра Исмаилова, которых финансировали и снабжали оружием гоминьдановцы и разведки США и Англии. Особенно старался вице-консул США в Урумчи Дуглас Маккернан.

Как мог «помочь» Эйтингон? Совместно с китайскими коммунистами под его руководством были созданы диверсионные группы под общим командованием легендарного разведчика-диверсанта Героя Советского Союза полковника Николая Прокопюка. Задание было выполнено, «помощь оказана». К 1949 году уйгурские сепаратисты потерпели поражение. Сам Эйтингон, организовав все, что надо, уже к началу 1947 года вернулся в Москву.

О борьбе с Оспан-батыром следует рассказать подробнее. Банда Оспан-батыра из 500 человек с апреля 1946 года воевала против войск ВТР и действовала в пограничных с СССР районах Алтайского округа, нападая на советских геологов и грабя

местное население, но границу не переходили, опасаясь пограничников. В июне 1947 банда понесла поражение от войск ВТР (под командованием генерала Далельхана Сугурбаева и полковника Фотия Лескина), потеряв около 300 человек, и укрылась в горах Байтык. В опубликованных служебных донесениях командования Казахского погранокруга (подписанных заместителем начальника округа полковником Севастьяновым) делался вывод об инспирировании выступления Оспан-батыра американцами. Но вскоре банде удалось увеличить численность до 2000 человек и взять под контроль большую часть Алтайского округа. Оспан объявил себя «белым царем», борющимся против Восточно-Туркестанской республики, приказал вывесить на подконтрольной ему территории на всех учреждениях китайские флаги. Как уже упоминалось, Оспану помогали сотрудники западных и китайской разведок, с которыми он неоднократно встречался, особенно с американцами. К банде тогда же примкнул отряд русских белогвардейцев во главе с Иосифом Самойловым, насчитывавший несколько сот человек. Бандиты из отряда Самойлова напали на машину советской геологоразведочной экспедиции и убили 6 советских солдат, охранявших экспедицию.

Осенью 1947 года банда Оспана была окончательно разбита войсками генерала Сугурбаева и отступила в восточный район хребта Богдо-Шань. Там он действовал до вступления войск КНР в Урумчи в октябре 1949 года, после чего перебазировался в Баркуль и дальше на юг. В феврале 1951 года Оспан попал в плен к войскам КНР, в апреле того же года после суда в Урумчи его расстреляли⁵.

Дальнейшие события в Синьцзяне развивались следующим образом. К середине 1949 года, когда китайские коммунисты одержали победу в гражданской войне, позиция СССР по отношению к этому региону изменилась. Китай стал коммунистическим, в Синьцзяне же по-прежнему сохранялась возможность появления исламского государства, которое могло оказаться под влиянием Англии и США, чего всерьез опасались в Кремле. Независимость республики была уже не в интересах Советского Союза.

Несколько ранее под давлением СССР руководство ВТР было вынуждено пойти на соглашение с Мао Цзэдуном, который, как и все лидеры КПК, был противником независимого Синьцзяна, допуская лишь его автономию. Тем не менее, политические силы, выступавшие за суверенный Восточный Туркестан, сохраняли влияние в республике.

Для обсуждения всех этих вопросов и принятия совместной программы было принято решение направить делегацию Синьцзяна в Пекин, на заседание Политического консультативного совета. Делегация, возглавляемая бывшим президентом ВТР,

заместителем председателя коалиционного правительства Ахметжаном Касими⁶, выехала 27 августа 1949 года из Кульджи в Алма-Ату, чтобы оттуда направиться в Пекин. В ее состав также входили генералы Исхак-бек и Далель-хан Сугурбаев, командовавший казахскими партизанскими отрядами, бывший вице-президент ВТР Абдукерим Аббасов (по мнению уйгурских историков, сотрудник советской разведки под псевдонимом «Иран»), переводчик А. Иминов, адъютант Г. Керимов, племянник Касими и советский вице-консул в Кульдже Василий Борисов, которого уйгурские историки считают резидентом НКВД в Синьцзяне. Все они погибли в авиационной катастрофе самолета Ил-12 в районе Иркутска. Существует, правда, версия, принятая некоторыми уйгурскими историками, что на самом деле члены делегации были доставлены в Москву и там убиты, но версия эта не имеет под собой фактических оснований.

По словам Сайфудина Азизи, после отъезда делегации из Кульджи советский консул сообщил ему, что из Алма-Аты она вылетела в Новосибирск. Затем поступило сообщение о прибытии делегации в Иркутск. Потом, вплоть до 3 сентября, никакой информации не было. 3 сентября советский консул вызвал С. Азизи и сообщил полученную из Москвы срочную телеграмму следующего содержания: «Самолет с находящейся на его борту возглавляемой Ахметжаном Касими делегацией вылетел из Иркутска и в скором времени упал в районе Забайкальских гор, из-за отвратительной погоды натолкнувшись, к несчастью, на гору; все находящиеся на борту 17 человек потерпели крушение».

8 сентября делегация ВТР в составе Сайфудина Азизи, Сюй Чжи и Алимжана выехала из Кульджи. Когда она прибыла в Иркутск, Азизи встретился с двумя советскими офицерами (полковник и подполковник), как он вспоминал, «по их просьбе». Эти офицеры рассказали, что самолет с делегацией в течение трех дней находился в Иркутске. На третий день, когда погода улучшилась, он вылетел, но над озером Байкал из-за урагана не смог набрать необходимую высоту и получил приказ вернуться на аэродром. Самолет начал разворот, развернулся на 60 градусов, затем связь с ним неожиданно прекратилась. На место предполагаемой катастрофы вылетели поисковые самолеты и в одной из глубоких расщелин обнаружили участок с обгоревшими деревьями. По приказу из Москвы в этот район был направлен поисковый отряд альпинистов, который в течение недели пытался добраться до места катастрофы, но безуспешно. По словам полковника, они организовали второй поисковый отряд и в ближайшие дни направят его к месту гибели самолета. Как вспоминает Сайфудин, когда они пролетали над этим районом, он видел в бинокль место аварии и «возможно, трупы», лежащие «в значительном удалении от обломков самолета».

Случайна была катастрофы или же нет, но после нее серьезных противников присоединения к Китаю в Синцзяне не осталось. По соглашению с советским руководством, ЦК Компартии Китая принял решение об «освобождении» Синцзяна не к середине 1950 года, как планировалось раньше, а к концу 1949 года. 20 октября войска Народно-освободительной армии Китая заняли Урумчи, а 17 декабря было сформировано Синцзянское провинциальное народное правительство, в состав которого вошли 9 уйгуров, 3 казаха, 4 китайца, 2 дунгана и по одному представителю от всех других народов. Возглавил правительство Бурхан Шахиди, а его заместителями стали Сайфуддин Азизи и Гао Цзиньчунь (китаец). Войска бывшей республики вошли в состав Народно-освободительной армии Китая в качестве 5-го корпуса, командиром которого был назначен генерал Ф. И. Лескин, не бывший китайским гражданином. Позднее, в середине 1950-х годов, он вернулся в СССР, где и умер в Алма-Ате (есть данные, что он сидел в тюрьме, но похоронен был по военному ритуалу, с почетным караулом). Также вернулся на родину и генерал Полинов, занимавшийся научной работой в Ташкенте⁷.

В 1950 году во время советско-китайских переговоров в Москве по предложению Сталина в Синцзяне были восстановлены акционерные общества «Совкитметалл» и «Совкитнефть». На заседаниях комиссий по выработке договора (советскую возглавлял заместитель министра иностранных дел А.А.Громыко, китайскую — С.Азизи) китайцы пытались саботировать предложение Сталина. Но после выступления Иосифа Виссарионовича на заседании комиссии китайское руководство было вынуждено согласиться на учреждение акционерных обществ⁸.

В 1955 году ВТР окончательно прекратила свое существование как независимое государство, став китайской провинцией — Синцзяно-Уйгурским автономным районом. Так в середине 1950-х гг., после смерти Сталина, завершился период советского влияния в Синцзяне. Это совпало с выводом, по решению Хрущева, советских войск из Маньчжурии и передачей всех баз сухопутных войск и военно-морского флота СССР Китаю⁹. Тогда же были ликвидированы акционерные общества «Совкитметалл» и «Совкитнефть». Из Синцзяна уехали советские специалисты, большинство русских эмигрантов и более 150 тыс. казахов, получивших при переселении помощь советского правительства.

Примечания к главе 8

¹ *Антекарь П.* Белое солнце Синцзяна // Родина. 1998. № 1.

² *Петров В.И.* Мятежное «сердце» Азии: Синцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С.450.

³ Там же. С.477-493.

⁴ Лангфанг Александр Иванович. Генерал-лейтенант. Родился в 1907 г. в г. Бресте в семье железнодорожника. С 1923 г. работал чернорабочим-бетонщиком, прядильщиком на фабрике. В 1925 г. был принят кандидатом в члены, позднее — в члены ВКП(б). В 1929 г. призван в Красную Армию; учился в школе младшего комсостава, исполнял обязанности командира взвода. С 1931 г. — практикант, помощник уполномоченного, уполномоченный Экономического управления ОГПУ. В 1934—1936 гг. уполномоченный, оперуполномоченный Экономического отдела ГУГБ НКВД. В 1937—1938 гг. помощник начальника 9-го отделения 3-го отдела (контрразведка) ГУГБ НКВД.

В качестве следователя вел дела зам. наркома иностранных дел Н. Крестинского, бывших руководителей Коминтерна О. Пятницкого, В. Кнорина, руководителя службы связи Коминтерна Б. Мельникова, руководителя КИМ В. Чемоданова и многих других. В 1938—1940 гг. — зам. начальника, затем начальник следственной части 3-го отдела ГУГБ НКВД. С июня 1940 по июль 1941 г. находился в специальной командировке в Греции по линии внешней разведки.

В начале Великой Отечественной войны вернулся в Советский Союз. Начальник 6-го, с октября 1942 г. по июль 1946 г. — начальник 4-го отдела 1-го управления НКВД—НКГБ. В 1942 г. выполнял спецзадания в Тувинской и Монгольской народных республиках. В 1944—1946 гг. — зам. начальника оперативной группы в Синьцзяне (Китай), оказывал помощь национально-освободительному движению.

С июля 1946 г. по 1952 г. находился в резерве назначения ПГУ МГБ (на должность начальника отдела). С июля 1953 по март 1954 г. — старший советник МВД в Китае. С ноября 1954 по август 1955 г. зам. начальника управления КГБ по Красноярскому краю.

Награжден 2 орденами Красного Знамени, 2 орденами Красной Звезды, знаками «Почетный работник ВЧК—ГПУ».

20 августа 1955 г. был уволен из органов госбезопасности «по фактам дискредитации звания чекиста». Арестован «за фальсификацию уголовных дел и истязания арестованных». В 1957 г. приговорен к 15 годам заключения. Полностью отбыл свой срок заключения. В 1972 г. был освобожден. Умер в Москве в 1990 году.

⁵ *Петров В.И.* Мятёжное «сердце» Азии... С.488—505. Пограничные войска СССР. Май 1945-1950. М., 1975. С.475-483.

⁶ Имеются данные о его пребывании в тюремном заключении в СССР в конце 1930-х гг., после чего он был завербован НКВД и переправлен в Синьцзян.

⁷ *Петров В.И.* Мятёжное «сердце» Азии... С.507.

⁸ Там же. С.506.

⁹ *Аптекарь П.* Белое солнце Синьцзяна // Родина. 1998. №1.

Глава девятая

ОТ АВГУСТОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ К СРАЖЕНИЮ ПОД ДЬЕНЬЕНФУ. ВОЙНА СОПРОТИВЛЕНИЯ В ИНДОКИТАЕ В 1945-1954 ГГ.

Накануне поражения Японии во Второй Мировой войне, на полуострове Индокитай, где полностью или частично расположены семь стран — Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Таиланд, Малайзия, Бангладеш и Бирма — сложилась революционная ситуация.

Вьетнам, оказался первой страной на полуострове, который решил воспользоваться удобной ситуацией, чтобы обрести национальную независимость и установить народную власть. В этот период Вьетнам делился на три части: Северный Вьетнам — Тонкин, по-вьетнамски Бакбо; Центральный Вьетнам — Аннам, по-вьетнамски Чунгбо; Южный Вьетнам — Кохинхина, по-вьетнамски — Намбо. Коммунистическая партия Индокитая (КПИК) и Лига борьбы за независимость Вьетнама (Вьетнам док лап донг минь хой, сокращено — фронт Вьетминь) призвали народные массы готовиться к вооруженному выступлению для взятия власти.

После капитуляции Японии в местечке Танчао собралась Национальная конференция КПИК, принявшие решение о начале всеобщего восстания.

16 августа 1945 года представители массовых патриотических организаций, национальностей и религиозных объединений собрались на Национальный конгресс, созданный фронтом Вьетминь. Конгресс полностью поддержал призыв коммунистов к восстанию, подчеркнув необходимость «вырвать власть из рук японцев и марионеточного правительства до прибытия в Индокитай союзных войск, чтобы встретить их как хозяева страны»¹. Под «союзными» войсками имелись в виду войска Чан Кайши, английские, французские и американские воинские контингенты, которые после вступления в Индокитай могли представлять угрозу его независимости.

Конгресс принял программу, состоящую из 10 пунктов:

«1. Захватить власть, создать Демократическую Республику Вьетнам на основе полной независимости.

2. Вооружить народ. Укрепить Освободительную армию.

3. Конфисковать имущество захватчиков и предателей и, в зависимости от обстоятельств, либо национализировать его, либо распределить среди бедноты.

4. Отменить все налоги и поборы, установленные французами и японцами, ввести справедливую и разумную налоговую систему.

5. Предоставить народу основные права: право на свободу личности, право собственности, гражданские права: всеобщее избирательное право, демократические свободы, национальное равенство и равноправие полов.

6. Справедливо перераспределить общинные земли, снизить арендную плату и ростовщические проценты, отсрочить выплату долгов, организовать социальную помощь.

7. Обнародовать законы о труде: установить 8-часовой рабочий день и минимум заработной платы, ввести социальное страхование.

8. Создать независимую национальную экономику, развивать сельское хозяйство, учредить национальный банк.

9. Организовать народное образование, развернуть борьбу с неграмотностью, сделать обязательным начальное обучение. Создать новую культуру.

10. Поддерживать дружеские отношения с союзными державами и со всеми странами, борющимися за свою независимость»².

Кроме того, был создан Комитет национального освобождения Вьетнама во главе с генеральным секретарем КПИК и президентом фронта Вьетминь Хо Ши Мином. В этот же день Хо Ши Мин обратился к народу с призывом к всеобщему восстанию. Его призыв заканчивался следующими словами:

«Пробил решительный час в жизни нашего народа. Соотечественники по всей стране, поднимайтесь на борьбу за освобождение! Угнетенные народы многих стран ведут активную борьбу за свою независимость. Мы не должны медлить»³.

19 августа 1945 года вооруженные выступления произошли одновременно в трех крупнейших городах Вьетнама — Ханое, Хюэ и Сайгоне. В Ханое на улицы вышло более 100 тыс. человек. В Сайгоне около миллиона жителей провели грандиозную демонстрацию в знак солидарности с революцией. Чтобы избежать кровопролития, делегация фронта Вьетминь сумела убедить императора Бао Дая, который находился в Хюэ — столице монархии, отречься от престола. 23 августа Бао Дай навсегда отказался от власти. 28 августа Комитет национального освобождения Вьетнама был реорганизован во Временное революционное правительство, председателем которого и министром иностранных дел стал Хо Ши Мин, министром обороны — Тю Ван Тан, министром внутренних дел — Во Нгуен Зиап. Остальные места в правительстве получили люди, не входившие во фронт Вьетминь. Так завершилась Августовская революция 1945 года.

Стоит заметить, что наряду с вооруженными отрядами фронта Вьетминь, активное участие в революции принимали отря-

ды «братства зангхо» или отряды Бинь Сюен — крупнейшей гангстерской группировки Вьетнама.

Местом базирования «братства зангхо» (вьетнамское произношение китайских морфем: «занг» — река и «хо» — озеро, часто переводится, как «рыцари рек и озер») с начала 20-х годов XX века служил труднодоступный, болотистый район к югу от Сайгона под названием Биньсюен. Преступным промыслом люди из «братства зангхо» занимались в том месте, где проходил так называемый дублирующий канал, который связывал Сайгон с китайским кварталом Телоном, крупным торговым центром. «Рыцари рек и озер» обложили данью китайских и вьетнамских купцов, ежедневно возивших товары в Сайгон и обратно. Когда братство окрепло, оно поделило между собой город и окрестности на сферы влияния. Очень скоро название глухого, болотистого района Биньсюен (вьетнамское произношение китайских морфем: «бинь» — спокойный, «сюен» — канал) стало названием крупнейшего в Юго-Восточной Азии гангстерского синдиката и нарицательным именем преступных организаций вообще. Так появилось словосочетание — группы или отряды Бинь Сюен, в сентябре 1945 года переименованные в Армию Бинь Сюен. В истории остались и имена главарей этой организации — Ба Зыонг, Мьюй Чи, и, наиболее известного лидера — Бай Виена, ставшего впоследствии крупной политической фигурой.

К началу 1945 года отряды Бинь Сюен представляли собой хорошо организованную вооруженную силу. Склонить на свою сторону эти отряды неоднократно пытались представители, как правых, так и левых партий Вьетнама. Но, в конце концов, гангстеры присоединились к левым.

Причина столь странного на первый взгляд альянса, по мнению историка В. Н. Колотова, состоит в следующем. Руководители Бинь Сюен не слишком разбирались в идеологических хитросплетениях правых партий, но зато они реально «видели, что коммунисты последовательно уже в течение многих лет проводили национально ориентированную политику, а члены отрядов Бинь Сюен, особенно их руководители, такие как, например, Зыонг Ван Зыонг, еще не забыли, что они вьетнамцы, и были готовы с оружием, которое у них в отличие от коммунистов было, выступить за свободу своей родины»⁴.

Еще одной причиной сотрудничества левых и Бинь Сюен было то, что руководители фронта Вьетминь заранее просчитали возможность возникновения подобной ситуации и загодя внедрились своих людей в гангстерские структуры. Например, известно, что по заданию партии большую работу по привлечению отрядов Бинь Сюен на сторону революционных сил проделал коммунист Нгуен Ван Чан. Уже в мае 1945 года один из гангстерских лидеров Ба Зыонг приказал руководителям групп «зангхо» усилить сбор оружия и установить контакт с прокоммунистической

организацией «Молодой авангард» (Тхань ниен тиен фонг). Одновременно он предложил лидерам братства приступить к ликвидации тайных агентов, прислужников французских колонизаторов и японских захватчиков. Выполняя приказ Ба Зыюнга группы «зангхо» объединились с «Молодым авангардом» и начали уничтожать изменников и реакционеров. С мая и до начала восстания ими было казнено несколько сот тайных агентов и предателей⁵.

Апофеозом победы вьетнамского народа, стал день 2 сентября 1945 года, когда на многолюдном митинге в Ханое на древней площади Бадинь, председатель Временного революционного правительства Хо Ши Мин огласил текст Декларации независимости Вьетнама, которая юридически оформила победу Августовской революции и создание Демократической Республики Вьетнам (ДРВ).

Примеру Вьетнама последовали еще две страны Индокитая — Лаос и Камбоджа. 12 октября 1945 года в Лаосе антиколониальное движение «Патет Лао» провозгласило о независимости страны. Следом за ним прокоммунистическое движение «Некхум Кхмер Иссарак» также заявило о суверенитете Камбоджи. В обеих странах были созданы органы революционной власти и изгнаны предатели, запятнавшие себя сотрудничеством с японскими оккупантами.

Однако провозглашение независимости Вьетнамом, Лаосом и Камбоджей серьезно затронуло интересы Англии и Франции в этом регионе. Англия опасалась, что революционный пример этих стран станет заразительным для британских азиатских колоний. В свою очередь, Франция надеялась восстановить свою власть в Индокитае, значительно утраченную в период японской оккупации.

Уже 16 августа 1945 года французское правительство направило к берегам Вьетнама специальное войсковое соединение «Массю» и 9-ю дивизию колониальной пехоты во главе с командующим экспедиционным корпусом генералом Леклерком. Генерал установил контакт с адмиралом Тьерри д'Аржанлье — Верховным комиссаром Французской Республики в Индокитае и взял на себя обязательство восстановить власть Франции во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

В 20-х числах августа в одном из районов Намбо (Южный Вьетнам) был высажен французский десант, во главе которого находился посланник Верховного комиссара Седиль. 23 августа десант — 1,4 тыс. непальских гуркхов и батальон французских парашютистов — вошел в Сайгон, где в это время находилось около 30 тыс. французских подданных. 29 августа Седиль встретился с представителями революционного комитета Намбо и объявил, что Франция не признает независимости и единства Вьетнама. В ответ посланник Верховного комиссара услышал, что «Вьетнам уже добился независимости и единства, а

вьетнамский народ не признает никакой формы давления и насилия колониальной администрации»⁶.

Однако обстановка очень быстро изменилась не в пользу революционных сил.

В конце августа — начале сентября северные районы Индокитая (до 16-й параллели) были заняты 200-тысячной армией чанкайшистского генерала Лу Ханя, которая должна была разоружить и интернировать капитулировавшие японские войска. В административных центрах провинций Лаокай, Лангшон и Куангйен китайские солдаты и националистические группы «Вьеткать» и «Вьеткуок» ликвидировали революционную власть, создав свои марионеточные органы управления. Однако Чан Кайши, озабоченный размахом революционного движения в собственной стране, так и не решился на открытую агрессию против Вьетнама. Правда, войска Лу Ханя вели себя в занятых районах, как оккупанты и представляли постоянную угрозу для ДРВ. Политика правительства Хо Ши Мина в отношении чанкайшистов состояла в том, чтобы избегая открытых столкновений, не позволять им вмешиваться во внутренние дела страны. Эта стратегия оказалась верной и полностью себя оправдала.

Одновременно с войсками Чан Кайши на территорию Индокитая к югу от 16-й параллели высадились англо-индийские подразделения, а затем и части французского экспедиционного корпуса.

Между тем, 2 сентября 1945 года десантники Седия, при поддержке тайно вооруженных французских подданных и японских частей, предприняли попытку разгромить организации КПИК и фронта Вьетминя в Сайгоне. После короткого боя французы заняли центр города. Следом в порту Сайгона бросили якоря транспортные суда с английскими частями. 13 сентября англичане захватили здание революционного комитета Намбо и дали возможность французам поднять свой национальный флаг. 19 сентября Седиль заявил, что во Вьетнаме «должен быть восстановлен порядок и сформировано новое правительство»⁷. 20 сентября английский генерал Грасэй отдал приказ о закрытии всех вьетнамских газет. На следующий день он ввел в городе комендантский час и потребовал роспуска и разоружения вьетнамских частей.

В ответ революционный комитет Намбо обратился к населению с призывом подняться на борьбу с захватчиками. В Сайгоне повсюду появились лозунг: «Независимость или смерть!». Тем не менее, основные силы фронта Вьетминь были вынуждены покинуть город, отступив в сельские районы. В Сайгоне командиром партизан остался один из лидеров «зангхо» Бай Виен. Под его командованием находилось сотня гангстеров и две тысячи бойцов из «Молодого авангарда». Партизаны наносили захватчикам ощутимые удары и скрывались в непроходимых

болотах Биньсьюена⁸. Так началась первая война Сопротивления вьетнамского народа на юге страны.

В начале октября французская колониальная администрация решила пойти на переговоры. На встрече сторон революционный комитет Намбо потребовал от французских представителей немедленного признания независимости Вьетнама. Французы отказались удовлетворить предложения комитета. После короткой передышки военные действия в Южном Вьетнаме возобновились. К этому времени в Сайгоне высадились первые части французского экспедиционного корпуса. Английский генерал Грасэй пообещал им всевозможную помощь. В ответ на это революционный комитет Намбо направил англичанам ноту, в которой говорилось:

«Мы с уважением относимся к англо-индийским войскам, занятым выполнением своей миссии, но если они попытаются восстановить французское господство, весь вьетнамский народ встанет на защиту своей независимости»⁹.

21 октября франко-английские войска двинулись в наступление на дельту Меконга — зону рисовых и каучуковых плантаций. Им противостояли немногочисленные и плохо вооруженные отряды фронта Вьетминя. Наиболее боеспособными соединениями революционных сил в этот период были части Армии Бинь Сьюен, состоящие из различных группировок «братства зангхо» и действующие на основе своих законов. Всего осенью 1945 года в юге Вьетнама против франко-английских войск сражалось 25 партизанских подразделений, из которых 7 подразделений принадлежали к Армии Бинь Сьюен. В конце 1945 года ЦК КПИК сформировал батальон «Намтиен» (Поход на Юг), полностью состоящий из бойцов Армии Бинь Сьюен, отобранных по личной рекомендации командующего Армии Зыонг Ван Зыонгом. Бойцы этого формирования были направлены на учебу в военную школу в провинции Куангнгаи. После окончания учебного курса батальон стал носить имя Зыонг Ван Зыонга.

В ноябре 1945 года правительством ДРВ были приняты директивы о войне Сопротивления, ставившие следующие задачи:

«...Перерезать пути сообщения между оккупированными городами, устроить экономическую блокаду, изолировать политически и не давать врагу покоя в военном положении... Всюду вести партизанскую войну, убеждать жителей городов осуществлять политику несотрудничества с врагом, а жителей деревень проводить тактику выжженной земли. Поддерживать связи между различными военными зонами. Чтобы обеспечить единое руководство, необходимо детально разрабатывать как планы наступления, так и планы отступления... Приготовление к затяжной войне Сопротивления и отправка подкреплений на Юг составляет центральную задачу правительства и всего народа. Мы должны отдать все свои силы и жизни делу Сопротивления, Южному фронту»¹⁰.

После принятия директивы сопротивление франко-английским войскам на юге Вьетнама значительно возросло, особенно в сельских районах, где партизаны имели возможность наносить неожиданные удары противнику и безнаказанно скрываться в джунглях. Крупные партизанские базы были созданы на территории Долины Тростников в провинции Бенче и в труднопроходимых лесах Уминь в Западной части Намбо. Французский генерал Пелле писал:

«Враг повсюду. Нет фронта как такового, нет фиксированной линии обороны, где могли бы эффективно использовать наши современные военные средства. Каждая заросль бамбука, каждая хижина, возможно, является укрытием для противника. Нашим солдатам приходится чрезмерно напрягать силы, ибо они в любом месте, в любой момент могут столкнуться с неуловимым противником»¹¹.

Тем не менее, в ноябре-декабре 1945 года франко-английские войска установили свой контроль над главными городами и коммуникациями Намбо, южной частью Чунгбо и плато Тэй-нгуен. Одновременно французская колониальная администрация продолжала перебрасывать в Индокитай части экспедиционного корпуса, общая численность которых достигла 35 тыс. человек. К началу 1946 года эти войска, при поддержке английских подразделений, оккупировали южные районы ДРВ, Камбоджу и Лаос. В двух последних странах у власти были поставлены монархические правительства, которые дали согласие вступить во Французский союз.

В январе-феврале 1946 года, продолжая военные операции в Южном Вьетнаме, французская колониальная администрация приступила к разработке плана отделения Намбо от ДРВ и создания там автономного правительства. Кроме того, колонизаторы начали переговоры с Чан Кайши, стремясь получить от него согласие на замену китайских войск в Северном Индокитае частями своего экспедиционного корпуса. Франция при этом «отказывалась от своих экстерриториальных прав в Китае, предоставляла китайской стороне право свободного провоза товаров по железнодорожной линии Хайфон — Юньнань, "свободную зону" в Хайфоне и устанавливала особый статус для китайских иммигрантов в Индокитае»¹². 28 февраля 1946 года франко-китайское соглашение было подписано. После этого 4 тысячи французских солдат, находившихся на территории Китая, перебазировались в северные районы Вьетнама и заняли Лайтяу. В ближайшее время ожидалось подкрепления из Франции, которые должны были высадиться в порту Хайфон.

Стремясь избежать одновременного столкновения с французскими и китайскими войсками, правительство ДРВ было вынуждено пойти на компромисс. 6 марта 1946 года Хо Ши Мин и

представители французского правительства подписали следующее соглашение:

«1. Французское правительство признает Демократическую Республику Вьетнам как свободное государство, имеющее собственное правительство, парламент, армию и финансы, а также как члена Индокитайской федерации и Французского союза. Что касается судьбы Намбо, то французское правительство подчинится решению, которое примет народ в ходе референдума.

2. Вьетнамское правительство заявляет, что оно готово дружески принять французскую армию, когда она в соответствии с международными соглашениями придет на смену чан-кайшистским войскам.

3. Сразу же после подписания соглашения каждая из договаривающихся сторон предпримет все необходимые меры для прекращения военных действий, удержания войск на своих позициях и создания атмосферы, благоприятствующей скорому началу дружественных и откровенных переговоров. На этих переговорах будут рассмотрены дипломатические связи Вьетнама с другими странами, будущее положение Индокитая, культурные и экономические интересы Франции во Вьетнаме»¹³.

В соответствии с этим соглашением суверенитет ДРВ распространялся на Северный и Центральный Вьетнам — до 16-й параллели. Население Южного Вьетнама путем референдума должно было решить вопрос — войдет ли эта часть страны в состав ДРВ или же вступит во Французский союз как самостоятельное государство, подобно Камбодже и Лаосу. Кроме того, согласно документу в марте на территорию ДРВ вошли 15 тыс. французских солдат, а 200-тысячная армия генерала Лу Ханя покинула пределы страны.

После подписания мартовского соглашения между правительством Хо Ши Мина и представителями Франции начались переговоры, которые проходили в Далате с апреля по май 1946 года. В ходе переговоров выяснились серьезные расхождения в позициях сторон. Правительство ДРВ отстаивало государственный суверенитет в области внутренней и внешней политики и территориальную целостность страны, тогда как «французы выдвигали проект "Индокитайской федерации" во главе с французским губернатором и претендовали на то, чтобы представлять Вьетнам во всех международных отношениях»¹⁴. Помимо этого, французская сторона настаивала на изъятии из обращения вьетнамских денежных знаков — донгов, запущенных в обращение в январе 1946 года, и замены их индокитайским пиастром. Однако основной конфликт на переговорах разгорелся вокруг правового статуса Южного Вьетнама — Намбо, территорию которого французы стремились отколоть от остальной части страны. Правительство Хо Ши Мина твердо отстаивало принцип единства Вьетнама. В результате переговоры в Далате зашли в тупик.

В октябре 1946 года Национальное собрание ДРВ поручило президенту Хо Ши Мину сформировать новое правительство, состав которого представлял бы самый широкий спектр национальных сил. На этом же собрании была принята Конституция, провозгласившая Вьетнам единой страной от Севера до Юга.

Действия вьетнамской стороны, послужили причиной для провокаций французов, направленных против суверенитета Вьетнама. 20 ноября французские войска открыли огонь по вьетнамским подразделениям в Хайфоне и Лангшоне. В этот же день военные корабли Франции произвели артиллерийский обстрел жилых кварталов Хайфона. Отряды фронта Вьетминь были вынуждены оставить крупный порт страны Хайфон и важный стратегический пункт — Лангштон вблизи границы с Китаем.

В конце декабря 1946 года произошли вооруженные столкновения в Ханое. 17 декабря французские солдаты заняли улицу в так называемом торговом Шелковом ряду, убив при этом около сотни жителей. На следующий день они захватили здания министерства финансов и путей сообщений. В ответ бойцы фронта Вьетминь и население города, воздвигли на улицах баррикады, вырыли окопы и ходы сообщения. 19 декабря французское командование предъявило «вьетнамскому правительству ультиматум с требованием разобрать баррикады, разоружить отряды самообороны, передать французским войскам право охранять порядок в столице Вьетнама»¹⁵.

Вечером этого же дня Хо Ши Мин обратился к народу с воззванием:

«Соотечественники!

Желая сохранить мир, мы шли на уступки. Но, чем больше мы уступали, тем более алчными становились французские колонизаторы, ибо они руководствовались одним стремлением — вновь захватить нашу страну.

Довольно! Мы жертвуем всем, но не отдадим свободы нашей страны и не станем рабами.

Соотечественники! Поднимайтесь на борьбу!

Каждый гражданин Вьетнама, мужчина или женщина, старый или молодой, без различия религиозной, партийной и национальной принадлежности, должен ради спасения Родины подняться на борьбу с французскими колонизаторами. У кого есть винтовка, пусть вооружится винтовкой, у кого есть меч, пусть вооружится мечом. Если же нет даже мечей, вооружайтесь мотыгами, лопатами или палками. Все, как один, должны подняться на борьбу с колонизаторами во имя спасения Родины.

Бойцы армии, войска самообороны, народное ополчение!

Пробил час спасения Родины! Во имя Родины мы должны бороться до последней капли крови.

Война Соппротивление будет суровой, однако в самоотверженной борьбе наш народ одержит победу»¹⁶.

19—20 декабря в Ханое и других городах Северного и Центрального Вьетнама начались ожесточенные уличные бои между французскими частями и отрядами вьетнамских патриотов. Война Сопротивления, до настоящего момента идущая лишь в южных провинциях, теперь охватила всю страну.

С началом войны руководство компартии и правительство ДРВ располагало лишь 10 тыс. солдат регулярных подразделений и 90 тыс. бойцов, находящихся в партизанских отрядах¹⁷. Им был отдан приказ упорно оборонять города в целях обеспечения эвакуации из них населения, промышленного оборудования и сырья, необходимых для развертывания баз Сопротивления в труднодоступных районах страны.

К этому времени командование французского экспедиционного корпуса имело в своем распоряжении части сухопутных войск, ВВС и ВМС общей численность до 90 тыс. человек. Французское командование было уверено, что сумеет в кратчайший срок овладеть наиболее важными центрами и районами ДРВ, разгромить ее вооруженные силы и победоносно завершить боевые действия.

Однако «блицкрига» не получилось. Это выяснилось в первые же месяцы войны, когда оккупанты натолкнулись на неожиданное упорное и жесткое сопротивление в Хюэ, Намдине, Тхайбине и других крупных промышленных центрах. Например, в Ханое 2,5 тыс. вьетнамских ополченцев и бойцов рабочих батальонов, имевших на вооружении всего 1,5 тыс. винтовок и несколько пулеметов, в течение двух месяцев (конец декабря 1946 — начало марта 1947 года) успешно оборонялись против крупной французской группировки¹⁸. В состав этой группировки входило до 6,5 тыс. человек, 42 орудия, 40 танков и бронемашин, которые действовали при поддержке эскадрильи бомбардировщиков и нескольких военных кораблей. В ходе боев за Ханой французы потеряли 500 солдат и офицеров убитыми, 1500 ранеными и 200 пленными¹⁹.

Столь же ожесточенное сопротивление вьетнамцев отмечалось и в сельской местности, где появились так называемые «боевые деревни», жители которых объединялись в вооруженные отряды самообороны, способные собственными силами давать отпор войскам противника. Каждая такая деревня была окружена системой траншей, укреплений и подземных ходов. Во время артиллерийского или минометного обстрела жители деревни уходили в укрытия и подземные ходы, а когда начиналась атака, занимали внешние укрепления и отражали ее.

Кроме того, силами Сопротивления активно применялась тактика «выжженной земли». Несколько городов было полностью разрушено самими жителями, чтобы лишить противника возможности закрепиться в них. Вьетнамцы сжигали и подрывали мосты, выводили из строя линии связи, приводили в негодность же -

лезнодорожные и шоссейные магистрали. Советский журналист М. М. Ильинский, стал свидетелем того, как под Ханоем, в зоне «Серебряного водопада», партизаны взорвали более 50 богатых вилл колонизаторов, мотивируя это тем, что, французам увидевшим разрушенные дома, некуда и незачем будет возвращаться. Помимо вилл партизанами в «Серебряном водопаде» была взорвана колокольня и церковь. «Зачем?», — спросил их советский журналист. «А зачем они здесь?», — последовал бесхитростный ответ²⁰. Тактика «выжженной земли» применялась вьетнамцами повсеместно и без всякого сожаления.

Пока силы Сопротивления сковывали противника борьбой за города, в труднодоступном горном районе Вьетбак, куда эвакуировалось военное командование и правительство ДРВ, создавалась главная военно-промышленная база по подготовке к длительной вооруженной борьбе. Территория Вьетнама была разделена на 6 военных округов и 14 зон, в каждой военно-территориальной единице были созданы военно-исполнительные комитеты — объединенные органы государственной и военной власти²¹.

В конце 1946 года французским войскам удалось нанести силам Сопротивления чувствительный удар. 17 декабря в местечке Биньххюнг в Южном Вьетнаме французский самолет атаковал полевой штаб Армии Бинь Сюйен. Во время этого налета погиб командующий Армией Зыонг Ван Зыонг. Правительство ДРВ посмертно присвоило ему звание генерал-майора, а президент Хо Ши Мин лично выразил соболезнование родственникам и близким погибшего. В свою очередь исполнительный комитет войны Сопротивления Нимбо присвоил имя бывшего командующего Армией Бинь Сюйен большому каналу в районе Донгтхапмьюй²².

После гибели Зыонг Ван Зыонга на его роль в Армии начал серьезно претендовать известный полевой командир Бай Виен. С этого момента в частях Армии, никогда не отличавшихся железной дисциплиной, стали явственно проявляться сепаратистские тенденции. Новый командующий Бай Виен стремился сохранить определенную автономию в отношениях с командованием сил Сопротивления и коммунистическими организациями Намбо. Сепаратистский настрой Бай Виена оказался неприемлемым для командующего фронтом Вьетминь в Южном Вьетнаме Нгуен Биня, который предпринял попытку реорганизовать Армию Бинь Сюйена с помощью политических комиссаров. В итоге конфликт приобрел острый характер и привел к расколу. При содействии капитана французской службы безопасности А. Савани Бай Виен с отрядом в 800 человек перешел на сторону французских колонизаторов. После раскола Армия Бинь Сюйена практически прекратила свое существование. Одна часть бойцов Армии ушла с Бай Виеном, другая влилась в партизанские отряды Сопротивления (однако, словосочетание

«Бинь Сюйен» еще долго не исчезало с политической арены Вьетнама).

Между тем, в течение января-апреля 1947 года французские войска активно проводили операции по расширению оккупированных зон в стратегически важных районах. К середине года им удалось захватить основные стратегические центры Южного и Центрального Вьетнама, а также некоторые важные районы Северного Вьетнама, в том числе район дороги №5 (Ханой — Хайфон) и территорию вдоль границы с Китаем.

В марте 1947 года ЦК КПИК было принято решение о создании регулярной Армии защиты родины (АЗР), а также вспомогательных подразделений — территориальных (региональных) войск и местных сил самообороны (народной милиции). Главнокомандующим АЗР был назначен член ЦК партии, министр национальной обороны Во Нгуен Зиап.

Отныне главная тяжесть войны возлагалась на Армию защиты родины, основной организационной и тактической единицей которой стал стрелковый батальон. На первом этапе войны батальоны вели партизанские действия против отдельных гарнизонов и рейдовых групп противника, коммуникаций и линий связи. Батальоны создавались мобильными, способными быстро перемещаться из одного района действий в другой по приказу командования. Подразделения территориальных войск действовали в пределах определенного района под руководством исполнительного комитета. Они привлекались к борьбе против небольших французских гарнизонов и диверсионных действий на коммуникациях и линиях связи. Группы самообороны участие в боях принимали эпизодически. Их основной задачей была производственная деятельность для нужд фронта. В оккупированных районах группы самообороны вели борьбу с предателями, охраняли подпольные организации²³.

В свою очередь французское командование готовилось к новому решительному наступлению против сил Сопротивления. В Индокитай прибыли значительные подкрепления и к осени 1947 года общая численность экспедиционного корпуса составила 108 тыс. солдат и офицеров. Эти силы дислоцировались в пяти оперативных зонах: Северном, Центральном, Южном Вьетнаме, Камбодже и Лаосе.

Осенью 1947 года был разработан план операции «Леа», главная цель, которой заключалась в уничтожении основных сил и командования АЗР, захвате и ликвидации правительства ДРВ в районе Вьетбака. Общая численность войск привлекаемых к операции, составляла 14 тыс. человек, при 800 бронемашинах, 40 самолетах и флотилии речных судов. Основная часть войск была сведена в две маневренные группы, которые должны были охватить Вьетбак с востока и запада, замкнув кольцо окружения в районе перевала Леа. Полубригаде парашютистов (1200

человек) отводилась главная роль во внезапном захвате городов Вьетбака — Баккан, Тёмой и Тёдон, где находились правительственные учреждения и штаб АЗР.

Операция «Леа» началась утром 7 октября с выброски парашютистов, которые к концу дня захватили все три города. Однако части АЗР сумели вовремя эвакуировать правительство и штаб. По пути движения ударных французских группировок вьетнамские подразделения организовали многочисленные засады, действующие по флангам и тылам наступающих, нанося им ощутимые потери. К 16 октября, когда кольцо окружения в районе перевала Леа было замкнуто, общие потери ударных группировок составили свыше 7 тыс. человек²⁴. Кроме того, французы потеряли 13 самолетов, 38 речных катеров и 255 военных машин²⁵. Но даже ценой значительных потерь французским войскам не удалось достичь основной цели — политические и военные органы ДРВ не были уничтожены. Не была обеспечена также и надежная блокада Вьетбака. Гарнизоны оставленные французами в некоторых городах не могли наглухо перекрыть многочисленные тайные тропы, по которым в блокированный район доставлялось все необходимое для нормальной деятельности правительства, штаба армии и промышленных предприятий. В течение всей войны Вьетбак оставался основным военно-политическим и промышленным центром ДРВ и главной оперативной базой ее вооруженных сил²⁶.

Неудача операции «Леа» означала полный провал французской стратегии «блицкрига» в Индокитае. С этого момента война Сопротивления вступила в новый период, который обычно называют «периодом равновесия сил» — французские войска уже не были в состоянии наступать, а Армия защиты родины еще не была готова к решительным наступательным действиям.

Командование французского экспедиционного корпуса, стремясь удержать и расширить оккупированные районы, продолжало методично наращивать численность войск, совершенствовать их организацию и оснащение. К весне 1948 года численность экспедиционного корпуса была доведена до 115 тыс. человек. Используя превосходство в живой силе и технике (к этому времени части АЗР насчитывали 106 тыс. человек) французы активизировали боевые действия, применяя в Северном Вьетнаме тактику «масляного пятна». Принцип ее заключался в том, чтобы в захваченных населенных пунктах создавать укрепленные посты, гарнизоны которых (от роты до батальона) проводили рейдовые карательные операции, обеспечивая постоянное удержание и расширение «умиротворенных» районов. В Центральном и Южном Вьетнаме колонизаторами использовалась тактика «паутины» — создание сети многочисленных укрепленных постов, контролирующих ключевые позиции: переправы, перекрестки дорог, господствующие высоты и т.д.²⁷

Оккупация французскими войсками новых районов (летом 1948 года, к примеру, они захватили во Вьетбаке города Вьетчи и Шонтэй) и создание значительного количества укрепленных пунктов, привели к распылению сил и утрате стратегической инициативы. Недостаток вооруженных сил французское командование надеялось восполнить за счет военных формирований марионеточных «независимых» государств, создаваемых в областях Индокитая, населенных национальными меньшинствами (тхай, нунг), а также путем создания иррегулярных отрядов из вьетнамцев. «Заставлять вьетнамцев убивать вьетнамцев», «питать войну войной», — как выразился о подобной политике журналист М. М. Ильинский²⁸. Так, например, в 1948 года при помощи колониальных властей были возрождены отряды Бинь Сюйен под командованием Бай Виена, которому было присвоено звание полковника. Эти отряды действовали в районе Сайгон-Телон (вскоре под их контроль перейдет весь Сайгон), имея своей главной задачей борьбу с подпольными организациями фронта Вьетминь. Действия отрядов Бинь Сюйен оказались эффективными: в течение месяца они практически разгромили революционное подполье. Все это время, пишат очевидцы, сточные канавы и подворотни в районе Сайгон — Телон были забиты трупами коммунистов и кадровых работников особого отдела²⁹.

Помимо борьбы с силами Соппротивления Бай Виена и французских чиновников связывали и чисто деловые отношения. Содержание отрядов Бинь Сюйен (их численность в 1948 году составляла несколько тысяч человек), служивших надежной опорой для колонизаторов в Южном Вьетнаме, требовало крупных материальных средств. Французские колониальные власти предоставили Бай Виену полную свободу действий в деле обеспечения финансирования своих отрядов. Получив такую возможность, Бай Виен восстановил и расширил прежнюю систему «взимания налогов» с торговцев и предпринимателей. Отныне все сайгонские кофейни, бары, рестораны и танцплощадки были вынуждены отдавать ему часть своей прибыли. Самыми значительными источниками доходов полковника Виена были казино, в первую очередь «Grand Monde» в Телоне и «Cloche d'Or» в Сайгоне. Достаточно сказать, что казино «Grand Monde», крупнейшее во всей Азии, могло выплачивать в день по 2600 долларов откупного, чтобы автоматная очередь или граната, брошенная в окно, не испортили отдых его посетителям³⁰.

Постепенно Бай Виен расширил возможности дополнительного извлечения доходов, открыв ряд новых казино и домов терпимости. Вскоре отряды Бинь Сюйен заняли лидирующее положение в игорном бизнесе, торговли наркотиками, банковской сфере, сфере проституции. Помимо этого, в Сайгоне появилась транспортная компания «Нгиа хиеп» и скотобойня

«Чань хынг», куда были вложены средства Бай Виена. Далее процитируем историка В. Н. Колотова:

«Таким образом, в течение непродолжительного времени Бай Виен стал миллиардером и самой крупной персоной в Индокитайском банке. Налоги только с двух игорных домов составляли около полумиллиона каждый день! Конечно, приходилось делиться, делать подарки французским и вьетнамским служащим колониальной администрации, что в общей сложности составляло миллионы, но деньги лились рекой. Мешки, туго набитые деньгами, ввозились в резиденцию Бай Виена на специально оборудованных машинах каждый день. Главарь отрядов Бинь Сюйен Бай Виен быстро приобрел надлежащий вес. Был произведен дополнительный набор в отряды Бинь Сюйен, и, как следствие, произошло расширение влияния Бай Виена; вскоре он получил чин генерал-майора и стал одной из важнейших фигур того времени»³¹.

В заключение стоит сказать, что отряды Бинь Сюйен просуществовали до середины 50-х годов, пока в Южном Вьетнаме не началась борьба за власть между ними и проамериканским правительством Нго Динь Зьема. Весной 1955 года эти отряды были уничтожены в боях с правительственными войсками. Их предводитель Бай Виен бежал во Францию, где умер своей смертью в 1970 году.

Между тем, «период равновесия сил» военное и политическое руководство ДРВ использовали для укрепления собственных сил, консолидации национального и политического единства населения, расширения военно-промышленной базы. В районах, контролируемых АЗР, было налажено производство оружия, боеприпасов, тканей и продуктов питания.

В январе 1949 года ЦК КПИК поставил перед командованием вооруженных сил задачу: готовиться к всеобщему контрнаступлению. К этому времени Армия защиты родины получила новое название — Вьетнамская народная армия (ВНА). Командование ВНА приступило к формированию пехотных полков трех-четырёхбатальонного состава численностью до двух тысяч человек. Вооружение первых частей армии было следующим: обычно они имели 9 минометов, 9 базук, 7 станковых, 22 ручных пулемета и до 1 тыс. винтовок. В ходе боевых действий снабжение частей осуществлялось отрядами носильщиков (пешими или на велосипедах), что позволяло им длительное время действовать автономно и быстро менять дислокацию³². В августе 1949 года в составе ВНА появилась первая пехотная дивизия — 308-я, а через несколько месяцев была сформирована вторая — 304-я дивизия усиленного типа. Это были маневренные соединения численностью до 15 тыс. человек, их батальоны тяжелого оружия имели на вооружении 81- и 120-мм минометы, безоткатные орудия и станковые пулеметы.

С осени 1949 года командование ВНА, проведя ряд успешных операций в районе вьетнамо-китайской границы, постепенно овладело боевой инициативой. Особенно отличились в боях 308-я и 304-я пехотные дивизии.

В свою очередь, командование французским экспедиционным корпусом готовилось нанести силам Сопротивления решительный удар. В июне 1950 года в Сайгон прибыла американская военная миссия МААГ, которая обосновалась при французском командовании. Осенью 1950 года, при помощи американской транспортной авиации, французы начали переброску новых частей экспедиционного корпуса к вьетнамо-китайской границе, планируя комбинированным ударом с севера и юга окружить и разгромить главные силы вьетнамской армии. К этому времени общая численность французских войск достигла 122 тыс. человек. Сухопутные части получили американское оружие и технику: танки-амфибии, бронемашины, вездеходы и грузовые машины повышенной проходимости, а ВВС — боевые и транспортные самолеты, напалмовые и термитные бомбы. Наступление французских войск было запланировано на начало 1951 года.

Однако Вьетнамская народная армия, численность, которой достигла 100 тыс. человек, опередила противника, проведя превентивную наступательную операцию вдоль границы с Китаем. 16 сентября 1950 года 304-я дивизия ВНА штурмом овладела городом Донгкхе. Три французских батальона, находящихся в Ка-обанге, попали в окружение. На помощь им была направлена маневренная группа, состоящая из четырех батальонов пехоты и средств усиления. Но части ВНА сумели разгромить как окруженные батальоны, так и маневренную группу противника. В ходе 98-ми дневных боев в приграничной зоне французы потеряли убитыми, ранеными и взятыми в плен 8 тыс. человек³³.

Успешное наступление ВНА открыла ей дорогу на Ханой. Французское командование, стараясь сосредоточить силы для обороны дельты реки Хонгха (Красная), приказало гарнизонам городов Тхаткхе, Донгданг, Лангшон, Дьенбьенфу и Лаокай отступить в район дельты. Отвод войск проводился неорганизованно и поспешно, а на отдельных участках превратился в паническое бегство. При этом потери французских войск составили около 15 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Кроме того, части ВНА вывели из строя или захватили около 140 артиллерийских орудий, 125 минометов, 2 тыс. станковых и ручных пулеметов, 450 автомашин, 1,3 тыс. тонн боеприпасов и военного имущества³⁴.

К декабрю 1950 года части ВНА очистили от оккупантов весь северный район, примыкавший на протяжении 750 км к вьетнамо-китайской границе, что имело важное политическое и стратегическое значение.

«Победа в районе вьетнамо-китайской границы вырвало вьетнамскую революцию из империалистического окружения и соединила нашу страну с братскими социалистическими странами», — отмечал главнокомандующий ВНА Во Нгуен Зиап³⁵.

Начиная с 1951 года, после установления дипломатических отношений между Вьетнамом и СССР, через вьетнамо-китайскую границу во Вьетнам стала поступать военная и экономическая помощь из стран социалистического лагеря. Советское вооружение, в частности, артиллерия и средства ПВО, сыграли значительную роль в успешных операциях ВНА, особенно в период сражения за Дьенбьенфу весной 1954 года.

Французское командование оперативной зоны Тонкин-Бак — бо готовилось к обороне Ханоя, но без надежды его удержать. Панические слухи о неизбежной эвакуации распространились среди французов, проживающих в городе, что вызвало их спешное бегство в более безопасные места.

Однако к середине декабря 1950 года в Ханой прибыл новый главнокомандующий вооруженными силами Франции в Индокитае генерал армии Ж.-М. де Латтр де Тассиньи, который энергичными мерами сумел восстановить положение. По его приказу к Ханю были спешно переброшены пехотные, десантные, артиллерийские и авиационные части и подразделения из Центрального и Южного Вьетнама. Помимо этого, к концу декабря в распоряжение де Латтара прибыли значительные подкрепления из Франции и Северной Африки. Прибывающие резервы сводились в маневренные тактические группы, которые выдвигались на наиболее вероятные направления наступления ВНА.

К началу 1951 года силы французского экспедиционного корпуса насчитывали 185 тыс. солдат и офицеров. В резерве находилась 165-тысячная армия марионеточного правительства Бао Дая, действовавшая в Южном Вьетнаме. Основные силы французов (около 70%) были сосредоточены в Северном Вьетнаме в районе Ханоя (дельта р. Хонгха, районы Монгкай, Хонгтай), где была создана мощная линия обороны, получившая название «линия де Латтра»³⁶.

К этому времени вооруженные силы ДРВ выросли количественно и организационно. В составе их регулярных войск имелось пять пехотных и одна артиллерийская (тяжелая) дивизии, несколько отдельных пехотных полков, отдельные артиллерийские, минометные, зенитно-пулеметные, инженерные и автотранспортные части и подразделения. Значительно увеличилась их огневая мощь: каждый пехотный полк имел девять безоткатных орудий, девять 75-мм базук, 24 миномета, 18 станковых и 60 ручных пулеметов, 600 автоматов, 900 винтовок (частично полуавтоматических), а каждый пехотный батальон включал в свой состав роту тяжелого оружия (минометный и пулеметный взводы). На вооружении артиллерийской дивизии находились

75-мм горные пушки и 105-мм гаубицы. Общая численность войск ДРВ на 1 января 1951 года составляла 220 тыс. человек, из которых около 100 тыс. — регулярные войска. Основные силы регулярных войск действовали в Северном Вьетнаме³⁷.

В январе-мае 1951 года силы французского экспедиционного корпуса отразили три последовательных наступления войск ДРВ, которые пытались прорвать «линию де Латтара» в районе дельты р. Хонгха у городов Виньйен, Хоггай, Уонгби и Намдинь. Французы удержали свои позиции в результате массированного применения артиллерии и особенно авиации, выжигавшей напалмовыми бомбами атакующие цепи вьетнамской пехоты.

Осенью 1951 года командование ВНА изменило направление главного удара. В сентябре вьетнамские войска перешли в наступление в стороне от укреплений «линии де Латтара» — в северо-западной части Северного Вьетнама, в районе границы ДРВ с Лаосом. Под ударом 312-й пехотной дивизии ВНА оказался город Нгиало — крупный опорный пункт, расположенный на дороге, связывающий северо-западные районы ДРВ с Лаосом. Эта коммуникация приобрела важное стратегическое значение после того, как в марте 1951 года на конференции представителей фронта Вьетминь, Нео Лао Итсала (Фронт освобождения Лаоса) и Некхум Кхмер Иссарак (Фронт освобождения Камбоджи) было принято решение о создании Объединенного фронта борьбы с колонизаторами, который сплачивал усилия патриотических сил трех стран в борьбе против общего врага. В частности, осенью 1951 года предполагалось развернуть вооруженную борьбу в двух провинциях Лаоса — Луангпхабанг и Сиангкхуанг (Долина Кувшинов).

Однако французский гарнизон Нгиало сумел отбить наступление 312-й дивизии ВНА, опираясь на поддержку с воздуха и используя свое превосходство в артиллерии. Итог многодневным боям подвел французский парашютный десант в составе трех батальонов, выброшенный в тылу 312-й дивизии. В начале октября ее части, понеся значительные потери, были вынуждены прекратить наступательные действия.

Пытаясь перехватить инициативу, генерал де Латтар в ноябре 1951 года развернул наступление на город Хоабинь — важный узел коммуникаций, связывающий основные районы базирования ВНА с зоной действий 320-й дивизии в Центральном Вьетнаме. По замыслу операции маневренная тактическая группа (три батальона парашютистов, 15 пехотных батальонов, 7 артиллерийских дивизионов и два бронетанковых полка) при помощи воздушного и речного десантов должна была быстро овладеть городом, отрезать 320-ю дивизию от основных сил ВНА и создать в захваченном районе «умиротворенную» зону. Ожесточенные бои развернулись в 75 км от Ханоя, на берегу реки Да (Черной). Однако через пять дней боевых действий вьетнамские части получили приказ отступить в горы, поскольку противник

имел слишком большое превосходство в живой силе и технике. Французские войска вступили в Хоабинь, где оставили гарнизон из девяти пехотных батальонов, трех дивизионов артиллерии, роты танков и создали на ближних подступах к городу развитую систему оборонительных сооружений.

Командование ВНА провело оперативное совещание, на котором пришло к выводу, что наступление французов на Хоабинь привело к распылению сил противника, и поэтому у вьетнамцев «появилась возможность атаковать "осевшую на отлете" вражескую группировку, одновременно расширить партизанские действия на равнине, где вражеская оборона оказалась особенно ослабленной»³⁸. Для осуществления этого плана три дивизии ВНА, при поддержке артиллерии, двинулись на Хоабинь, а две другие дивизии нанесли удар в районе дельты р. Хонгха.

В середине декабря 1951 года Хоабинь оказался плотно блокированным войсками ВНА. Снабжение французского гарнизона по реке Да было сорвано вьетнамскими артиллеристами, которые укрыв орудия в скальных берегах реки в упор расстреливали речные конвои. Колонны автомашин доставлявших боеприпасы и продовольствие в Хоабинь по шоссе №6, подвергались постоянным ударам из засад. Для их прикрытия французскому командованию пришлось ввести в действие все свои резервы — 16 бронетанковых, пехотных и парашютно-десантных батальонов. Попытка снабжения окруженного гарнизона по воздуху также потерпела неудачу, поскольку части ВНА, блокирующие город, впервые с начала войны применили эффективную систему зенитного огня, введя в действие значительное количество 12,7-мм зенитно-пулеметных установок.

25 февраля 1952 года, после того как создалась реальная угроза полного уничтожения гарнизона, французские войска покинули Хоабинь. В ходе боев за город французы потеряли 20 тыс. человек, из них 7 тыс. пленными³⁹.

Пока большая часть французских войск зоны Тонкин-Бакбо, оказалась связанными боями вокруг окруженного Хоабиня, во всех других районах Вьетнама активизировались действия региональных войск и партизанских отрядов. Они действовали и в дельте р. Хонгха, т.е. за «линией де Латтара», внутри обороны французского экспедиционного корпуса. По меткому выражению журналиста французской газеты «Фигаро», район дельты стал «совместным владением»: «в дневное время французы пытались изловить вьетнамских солдат, ничем не отличавшихся от простых крестьян, а ночью преследователи сами становились преследуемыми и нагло захопились в своих укрепленных постах»⁴⁰.

«После поражения в Хоабине французские части перешли к обороне на всех фронтах, — пишет в своей книге журналист М. М. Ильинский. — Вьетнамские же войска, развивая наступление силами регулярных войск в сочетании с широкой

партизанской войной, освобождали один за другим важные районы страны. В октябре 1952 года силы Сопrotивления овладели долинами рек Да (Черной) и Ма (Стремительной) общей площадью 28 тыс. кв. км с населением 250 тысяч человек»⁴¹.

Кроме того, в ходе осенне-зимнего наступления 1952—1953 годов части ВНА, совместно с отрядами лаосских партизан, добились крупного успеха у города Самныа в Верхнем Лаосе. Французский гарнизон, оборонявший город, был частью уничтожен, частью взят в плен. Территория освобожденного района составила 40 тыс. кв. км с 300 тыс. населения. Перед частями ВНА и местными партизанами открылся прямой путь для наступления в Долину Кувшинов и к важному пункту в Верхнем Лаосе — городу Луангпхабангу.

В мае 1953 года во главе французского командования в Индокитае был поставлен генерал А. Наварр, до нового назначения исполнявший обязанности начальника штаба сухопутных сил НАТО в Центральной Европе (прежний командующий генерал де Латтар скончался от болезни в 1951 году).

Генералом А. Наварром с участием американских военных советников был разработан план боевых действий, который предусматривал захват стратегической инициативы и полное уничтожение вьетнамских сил Сопrotивления в течение 18 месяцев.

Для осуществления выработанного плана предусматривалось полностью освободить французский экспедиционный корпус (к этому времени он насчитывал 250 тыс. человек и располагал 26 артиллерийскими дивизионами, 528 самолетами и 390 военными судами) от выполнения задач по охране объектов и территории. Охранные функции отныне возлагались на марионеточную армию Бао Дая, численность которой была доведена до 320 тыс. человек. Сам план А. Наварра состоял из трех основных этапов. На первом этапе (ноябрь—декабрь 1953 года) французское командование «рассчитывало сосредоточить главные силы в равнинных районах Северного Вьетнама и одновременно захватить район Дьенбьенфу для создания плацдарма на северо-западе страны. На втором этапе (первая половина 1954 года) предполагалось овладеть всей территорией Центрального и Южного Вьетнама. На третьем, заключительном, этапе (октябрь 1954 — май 1955 годов) Наварр намечал развернуть генеральное наступление в Северном Вьетнаме против главных сил ВНА, разгромить их и завершить войну»⁴².

К началу осенне-зимней кампании 1953—1954 годов численность регулярных войск Вьетнамской народной армии составляла 125 тыс. солдат и офицеров. Силы вьетнамских региональных войск и партизанских отрядов насчитывали 225 тыс. бойцов. В соответствии со стратегическим планом, выработанным на заседании ЦК Партии трудящихся Вьетнама (так стала называться КЛИК после II съезда, состоявшегося в феврале 1951 года),

части ВНА должны были наносить удары по уязвимым местам противника на нескольких операционных направлениях — на северо-западе страны и в Лаосе. Уже в сентябре 1953 года была начата подготовка перехода регулярных войск из районов основных баз в северо-западную горную часть страны⁴³. Для этого миллионы вьетнамцев были мобилизованы на строительство дорог и снабжение воинских частей, которым предстояло действовать в изрядном отрыве от своих баз. О масштабах и размахе работ по обеспечению наступательных операций можно судить по строительству дороги от Йенбая до Шонла, на прокладку которой было затрачено более двух миллиона человеко-дней⁴⁴.

«Никогда еще столько людей не уходило на фронт. Никогда простые вьетнамские юноши и девушки не уходили так далеко от родных краев и деревень. Как на равнинных, так и в горных районах, в джунглях и на прибрежных песках, как на шоссе-ных, так и на проселочных дорогах, на больших и малых реках — везде были тысячи людей. Тыл направлял их на фронт, тыл вместе с армией участвовал в уничтожении врага и освобождении Родины», — позже скажет о тех героических событиях Ву Данг Ат, их непосредственный участник⁴⁵.

Тем временем французы приступили к осуществлению плана А. Наварра. В октябре 1953 года они силами в 21 батальон провели операцию «Муэтт», целью которой была ликвидация баз 320-й пехотной дивизии ВНА в районе города Ниньбинь. Операция оказалась неуспешной, части вьетнамской дивизии отразили атаку на свои базы.

20—25 ноября французы осуществили новую операцию под кодовым наименованием «Кастор». На этот раз целью захвата был город Дьенбьенфу, расположенный в 20 км от границы с Лаосом в узкой, окруженной высокими (более 1000 м.) горами долине, имеющей 23 км в длину и 8 км в ширину. В долине протекала р. Намюм, которая издавна служила естественным путем, связывающий Вьетнам через горы с широкой равниной р. Меконг на территории Лаоса. Падение Дьенбьенфу позволяло французам перекрыть пути проникновения вьетнамских сил в Лаос, тем самым, лишив слабые отряды местных партизан, поддержки со стороны Вьетнама. Кроме того, захваченный район предполагалось расширить и превратить в плацдарм для наступления в тыл основным силам ВНА на заключительном этапе военных действий.

Взятие Дьенбьенфу было осуществлено путем высадки авиационного десанта (6 батальонов парашютистов, саперная рота, две батареи 75-мм безоткатных орудий и рота тяжелых минометов) общей численностью 5,1 тыс. солдат и офицеров. Вьетнамский батальон, составляющий гарнизон города, без боя отступил в горы. Проведением операции «Кастор» завершился первый этап плана А. Наварра.

Одновременно с французами, занятыми операциями «Му-этт» и «Кастор», командование ВНА приступило к выполнению своего стратегического плана по выдвижению основных сил на северо-восток страны.

К концу ноября части 316-й пехотной дивизии подошли к новому месту своей дислокации: в район городов Нашам и Шонла, расположенных в непосредственной близости от Дьен-бьенфу. В начале декабря 316-я дивизия решительным ударом пресекла попытку соединения частей гарнизона Дьенбьенфу с гарнизоном военно-воздушной базы Лайтяу. Вслед за этим вьетнамцы штурмом овладели Лайтяу и блокировали Дьенбьенфу.

24 ноября из Футхо и Тхайнгуена двинулись в поход на северо-запад еще три соединения ВНА — 308-я и 312-я пехотные и 351-я артиллерийская дивизии. В декабре 1953 — январе 1954 годов частями 325-й пехотной дивизии, при поддержке отрядов лаосских партизан, была проведена успешная операция в Лаосе.

«Вьетнамские войска совместно с вооруженными силами Патет-Лао развернули наступление в Северном и Центральном Лаосе, — вспоминал главнокомандующий Вьетнамской народной армией Во Нгуен Зиап, — и к 27 декабря овладели городом Такек. Наварр поспешно перебросил свежие части экспедиционного корпуса на помощь оказавшемуся под угрозой опорному узлу под Саваннакетом. Но это не спасло от поражения войска, дислоцированные в Южном Лаосе. 31 декабря под ударами патриотических сил пал город Агтопе, а в январе 1954 года все плато Боловен перешло в руки патриотов»⁴⁶.

В январе 1954 года французское командование пришло к выводу о том, что наступательный порыв ВНА полностью иссяк в Лаосе, и приступило к проведению второго этапа плана Наварра — операций «Атлант». Операция осуществлялась силами 25 пехотных батальонов, трех артиллерийских дивизионов и двух танковых батальонов. Цель «Атланта» заключалась в захвате прибрежных районов Центрального Вьетнама, которые являлись одним из главных поставщиков в ВНА рыбы и риса.

Однако контрнаступление вьетнамских войск спутало все планы французского командования. В момент, когда французы развернули наступление на город Куинён, вьетнамцы перешли к контрнаступлению в направлении городов Контум и Плейку, создав угрозу тылам противника. В результате этого удара части ВНА заняли Контум и установили связь с партизанскими отрядами, действующими на плато Боловен. Развивая успех, 308-я дивизия ВНА, совместно с лаосскими партизанами, нанесли удар в направлении Лаунгпхабанга, освободив обширные равнинные районы в Верхнем Лаосе.

К этому времени командование ВНА приступило к подготовке операции против Дьенбьенфу, ставшим последним районом на северо-западе Вьетнама, где в начале 1954 года еще остава-

лись в полном окружении французские войска. Незадолго до сосредоточения вьетнамских частей вокруг города, французское правительство отправило в Индокитай для изучения обстановки министра обороны Р. Плевена. Вернувшись из поездки Плевен сообщил премьеру Ланьелю о безнадежном положении гарнизона в Дьенбьенфу и предложил ему использовать политические средства, в частности, решения Берлинского совещания министров, чтобы почетно «положить конец войне» и спасти солдат окруженных в Дьенбьенфу⁴⁷. Однако главнокомандующий А. Наварр «методично и неуклонно продолжал наращивать силы французского гарнизона. Мотивы этого были скорее политические, чем военные. Исход сражения за Дьенбьенфу приобретал особое значение в связи с изменением политической обстановки. Французское правительство Ж. Ланьеля под давлением развернувшегося по всей стране мощного движения антивоенного протеста вынуждено было согласиться на ведение мирных переговоров с ДРВ. На Берлинском совещании министров иностранных дел (25 января — 18 февраля 1954 года) по предложению Советского правительства было решено созвать 26 апреля 1954 года в Женеве совещание министров иностранных дел пяти великих держав для рассмотрения вопроса о восстановлении мира в Индокитае. В свете этих событий французские правящие круги хотели бы прийти на переговоры с козырной картой — хотя бы одной крупной победой. Такую победу, по их мнению, могло принести сражение за Дьенбьенфу»⁴⁸.

Расчет французского командования строился на том, что гарнизон города (около 16 тыс. человек) в составе 6 парашютных батальонов (два французских и четыре — иностранного легиона), 4 пехотных батальонов колониальных войск, двух батальонов народности тай, 10 отдельных пехотных рот, двух дивизионов 105-мм гаубиц (24 шт.), одной батареи 155-мм гаубиц (4 шт.), трех батарей 120-мм минометов, одной танковой роты (10 легких танков «Шафрен» с 75-мм пушкой), одного саперного батальона, 9 истребителей и нескольких разведывательных самолетов, способен успешно обороняться⁴⁹. Было принято во внимание и то обстоятельство, что вьетнамские войска, лишённые бронетехники и при весьма ограниченном количестве артиллерии (французы считали, что вьетнамцы сумеют провести через горные джунгли только 75-мм пушки), если и предпримут штурм Дьенбьенфу, то понесут при этом огромные, невосполнимые потери. И, кроме того, с помощью американских советников французы превратили город в непреступную крепость: 49 созданных опорных пунктов были объединены в восемь узлов сопротивления — «Анна-Мария», «Беатриса», «Габриель», «Генриетта», «Доминик», «Изабелла», «Клодия», «Юлиан». Основу обороны составляли четыре центральных узла сопротивления — «Генриетта», «Доминик», «Клодия» и «Юлиан», где находился командный пункт

командующего гарнизоном генерала де Кастри, главные силы артиллерии, танки и аэродром. Все эти обстоятельства, по мнению французского генералитета, давали реальную возможность разгромить главные силы ВНА в одном генеральном сражении. Более того, американский генерал О'Даниэль в феврале 1954 года инспектировавший гарнизон и укрепления Дьенбьенфу, заявил о своем «исключительном удовлетворении перспективами битвы»⁵⁰.

Подготовка войск ВНА к штурму города заняла три месяца. За это время через горные джунгли были проложены сотни километров новых путей, по которым тысячи добровольцев-носильщиков в бамбуковых корзинах переносили продовольствие и боеприпасы, а бойцы ВНА вручную, в разобранном виде, тащили артиллерийские орудия, в том числе и 105-мм гаубицы.

С полной нагрузкой для доставки оружия и боеприпасов использовалась дорога №13, которая переходила затем в дорогу №41, ведущую в Дьенбьенфу. Французская авиация прилагала все усилия, чтобы остановить движение по этой трассе. За три месяца перевозок бомбардировщики противника совершили 483 самолето-вылета, сбросив на дорогу №41 400 т бомб, а истребители — 669 самолето-вылетов, расстреливая из пушек и пулеметов любую движущуюся цель. Однако перевозки грузов продолжались, отныне колонны автомашин и велосипедные бригады двигались по ночам или в период сильных предрассветных туманов⁵¹.

Другим мероприятием, осуществленным в период подготовки штурма, стали крупномасштабные саперные работы, больше известные, как «битва траншей». Вьетнамским командованием было принято решение: войскам глубоко зарываться в землю, тем самым, компенсируя отсутствие бронетехники и боевых самолетов. За короткий срок вокруг французской линии обороны была создана широко разветвленная система тоннелей, траншей, ходов сообщений и подземных укрытий, основу, которой составляла сплошная круговая траншея полного профиля. От нее в направлении вражеских укрепленных пунктов проводились осевые траншеи с ответвленными ходами сообщений. На артиллерийских огневых позициях для каждого орудия был отрыт окоп полного профиля, если орудие устанавливалось на склоне горы, то для него вырубалось скальное укрытие в виде пещеры. Всего в ходе проведения саперных работ было отрыто не менее 600 км тоннелей, траншей, ходов сообщений и подземных укрытий⁵².

К началу штурма под Дьенбьенфу было сосредоточено три пехотных дивизии — 308-я, 312-я, 316-я (два полка) и один полк 304-й пехотной дивизии, части 351-й артиллерийской дивизии: два дивизиона 105-мм гаубиц, два дивизиона 75-мм горных пушек, один зенитно-артиллерийский полк (37-мм пушки и 12,7 зенитно-пулеметные установки) и отдельный саперный полк.

Всего — 33 тыс. регулярных войск ВНА⁵³. Штурм города планировалось осуществить в три этапа. На первом этапе был намечен захват трех передовых узлов сопротивления — «Анна-Мария», «Беатриса» и «Габриель». Затем — сжатие кольца окружения, путем последовательного овладения оставшимися опорными пунктами. И, наконец, третий этап должен был завершить разгром врага общим штурмом укрепленных позиций.

Вечером 13 марта 1954 года на французскую оборону обрушился шквал артиллерийского огня — началась полуторачасовая артиллерийская подготовка к наступлению, целью которого являлось взятие узла сопротивления «Беатриса». Мощный артиллерийский огонь вьетнамцев, особенно стрельба из 105-мм гаубиц, вызвало замешательство среди французского командования. Замешательство еще больше усилилось, когда стало известно, что на аэродроме, расположенном близ «Беатрисы», артиллерийским огнем уничтожено шесть истребителей из 9, а на самом узле сопротивления прямым попаданием снаряда разрушен командный пункт и управление боем утрачено.

Между тем, вьетнамская пехота, под прикрытием артиллерийского огня, энергично копала 50-метровые ходы сообщения через нейтральную полосу, вплотную подбираясь к проволочным заграждениям «Беатрисы». С прекращением полуторачасовой артподготовки и наступлением темноты два пехотных полка 312-й дивизии по ходам сообщений и проходам, проделанным в проволочных заграждениях, устремились на штурм. После упорного ночного боя, продолжавшегося несколько часов, «Беатриса» была захвачена вьетнамцами.

14 марта по отработанной схеме был взят штурмом второй передовой узел сопротивления — «Габриель». Третий узел сопротивления «Анна-Мария» сдался без боя. Гарнизон этого узла состоял, из двух батальонов народности тай, с которыми еще до наступления сумели хорошенько поработать вьетнамские агитаторы. Утром 17 марта после непродолжительного артиллерийского обстрела, гарнизон узла сопротивления «Анна-Мария» бросил укрепления и обратился в паническое бегство.

Взятие трех передовых узлов сопротивления обеспечил вьетнамцам крупный оперативно-тактический успех. ВНА получила возможность держать центр обороны французов под непрерывным артиллерийско-минометным огнем. Вести энергичные работы по дальнейшему развитию системы траншей. К концу месяца вырытыми траншеями были прерваны все пути сообщения между центром обороны и передовым узлом сопротивления «Изабелла», расположенного в пяти километрах на юг от Дьенбьенфу.

Французское командование принимало экстренные меры по укреплению обороны города. На помощь гарнизону были выброшены два батальона парашютистов (один батальон легионеров и один батальон марионеточных войск). Транспортная

авиация приступила к снабжению гарнизона по воздуху. Однако выброска продуктов, боеприпасов и медикаментов на парашютах была сопряжена с немалыми трудностями. Из-за огня вьетнамского ПВО выброска грузов могла производиться с высоты не менее 3 тыс. метров, что приводило к их большому разбросу, поэтому значительное количество грузовых парашютов попадало в руки вьетнамцев. Попытка французской авиации вести борьбу с зенитными средствами вьетнамцев, окончилась потерей более 25 боевых самолетов.

В ночь на 30 марта 1954 года начался второй этап сражения за Дьенбьенфу. С наступлением темноты части ВНА повели наступление на центральные узлы сопротивления «Доминик» и «Юлиан», расположенные на восточном берегу р. Намьюм. Бои сразу же приняли ожесточенный характер. Французы оказывали яростное сопротивление, часто контратаковали, опорные пункты переходили из рук в руки.

К концу апреля положение гарнизона Дьенбьенфу стало критическим. Потери убитыми, ранеными, пропавшими без вести и дезертировавшими, достигли свыше 5 тыс. человек. Территория, удерживаемая французами, площадью 1,5 на 2 км простреливалась всеми видами огня. К 1 мая город обороняло лишь 3 тыс. боеспособных солдат и офицеров⁵⁴.

Французское командование лихорадочно искало выход из создавшегося положения. Было разработано несколько планов спасения оставшегося гарнизона. Первый план, явно нереальный, предусматривал прорыв гарнизона в южном направлении с последующим выходом в Долину Кувшинов. Второй план был разработан совместно с американцами и носил кодовое название «Гриф». Его замысел сводился к массированным бомбардировкам американской авиацией позиций ВНА. Однако вскоре было признано, что «вмешательство американской авиации к значительному изменению обстановки в Дьенбьенфу не приведет» и план «Гриф» остался нереализованным⁵⁵. И наконец, третий план предусматривал прорыв из Лаоса в окруженный город отряда из трех батальонов под командованием полковника Буше де Кревкёра. Отряд полковника вышел на помощь гарнизону, ему оставалось пройти до города 60 км, когда стало известно о его падении.

В ночь на 2 мая 1954 года начался завершающий этап наступления ВНА на окруженный гарнизон Дьенбьенфу. Почти неделю шли ожесточенные бои. Французы оборонялись с безрассудством обреченных. В ночь на 7 мая вьетнамцы провели подкоп и заложили заряд мощностью в 1 т взрывчатки под один из главных опорных пунктов противника. Оглушительный взрыв стал сигналом для генерального штурма. Сражение продолжалось всю ночь и весь следующий день. Только вечером 7 мая на командном пункте генерала де Кастри был поднят флаг

Демократической Республики Вьетнам. Штурм Дьенбьенфу завершился полной победой Вьетнамской народной армии. В ходе 55-дневных боев французский гарнизон потерял убитыми и взятыми в плен 16 200 солдат и офицеров, было сбито 62 самолета и захвачено большое количество вооружения, боеприпасов и другого военного снаряжения⁵⁶.

Одновременно с борьбой за Дьенбьенфу активные действия партизан и регулярных войск ВНА были развернуты по всему Вьетнаму. Весной 1954 года партизаны провели несколько дерзких диверсий на аэродромах Жиалам в Ханое, Катби в Хайфоне и Досон на побережье Тонкинского залива, в результате которых было уничтожено 24 самолета противника и склады с горючим. Под ударами вьетнамцев французы были вынуждены оставлять города и покидать свои опорные пункты. Стремительными темпами шел развал марионеточной армии Бао Дая, целые части и подразделения которой без сопротивления сдавались в плен.

После падения Дьенбьенфу в июле 1954 года части ВНА перешли в наступление по всему фронту равнинной территории Северного Вьетнама. Наступление развивалось стремительно и успешно. Под контролем французов оставался только город Хонгтай и район, за «линией де Латтара» на рубеже Ханой — Хайфон. ВНА начала подготовку к штурму Ханоя.

Военное поражение французов в Индокитае, стало причиной политического банкротства в самой Франции. В июне ушло в отставку правительство Ж. Ланьеля. Новый премьер-министр П. Мендес-Франс выступил с заявлением, что в течение месяца прекратит войну в Индокитае.

21 июля 1954 года Женевское совещание министров иностранных дел пяти держав успешно завершило свою работу. Были подписаны соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, принята Заключительная декларация Женевского совещания.

Соглашения по Вьетнаму предусматривали установление временной демаркационной линии, проходящей несколько южнее 17-й параллели по р. Бенхай. Силы воюющих армий должны были быть отведены по обе стороны этой линии в течение 30 дней. Предусматривалось также проведение в июле 1956 года всеобщих выборов для объединения вьетнамского народа. Кроме того, Женевские соглашения запрещали использование стран Индокитая в агрессивных целях, не разрешали ввод во Вьетнам иностранных войск и ввоз оружия.

«Для французов достигнутое в 1954 году соглашение о прекращении военных действий явилось спасительным средством. Они получили возможность закончить войну, которую проигрывали. После этого французы с вполне простительным, но вызывающим раздражение самодовольством наблюдали, как на

последующем этапе американцы повторяют многие ошибки, которые они сами совершили в период с 1945 по 1954 год», — так оценил исход военных действий Франции в Индокитае известный историк Питер Кальвокоресси⁵⁷.

28 апреля 1956 года последний французский солдат навсегда покинул территорию Вьетнама.

За время боевых действий в Индокитае французы и их ма-рионетки потеряли в общей сложности 460 тыс. солдат и офи-церов (потери экспедиционного корпуса составили более 172 тыс. человек), что в два раза превышало военные потери Фран-ции во Второй Мировой войне⁵⁸.

Потери вьетнамцев за период партизанской войны против французских колонизаторов составили 2 млн 500 тыс. человек. Из них — 500 тыс. боевые потери и 2 млн потери мирного насе-ления, из которых погибло от военных действий — 150 тыс., каз-нено и убито — 600 тыс., заключено в тюрьмы и лагеря — 1 млн 300 тыс., из них погибло — 250 тыс. человек.

Потери лаосцев в войне против того же врага составили 22 тыс. человек. Из них — 10 тыс. боевые потери и 12 тыс. потери мирного населения. Потери французской армии в Лаосе оказа-лись следующими: 2 тыс. человек, из которых не более 450 че-ловек были французами.

Потери камбоджийцев в боевых действиях против француз-ских колонизаторов составили 20 тыс. человек. Из них — 5 тыс. боевые потери и 15 тыс. потери мирного населения⁵⁹.

Примечания к главе 9

¹ *Ильинский М.М.* Индокитай. Пепел четырех войн (1939—1979 гг.). М., 2000. С.39.

² Там же. С.39-40.

³ Там же. С.40.

⁴ *Колотов В.Н.* Сайгонские режимы: Религия и политика Южного Вьетнама (1945-1963). СПб., 2001. С.140.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ *Ильинский М.М.* Индокитай... С.43.

⁷ Там же.

⁸ *Колотов В.Н.* Сайгонские режимы... С. 141.

⁹ *Ильинский М.М.* Индокитай... С.44.

¹⁰ Там же. С.45.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С.46.

¹³ Там же. С.47.

¹⁴ Там же. С.48.

¹⁵ Там же. С.49.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Вооруженная борьба народов Азии за свободу и независимость 1945-1980. М., 1984. С.81.

- ¹⁸ Там же. С.83.
- ¹⁹ *Ильинский М.М.* Индокитай... С.51; *Кальвокоресси П.* Мировая политика после 1945 года: В 2-х кн. Кн.2. М., 2000. С.52.
- ²⁰ *Ильинский М.М.* Индокитай... С.51—52.
- ²¹ Вооруженная борьба народов Азии... С.83.
- ²² *Колютов В.Н.* Сайгонские режимы... С. 143.
- ²³ Вооруженная борьба народов Азии... С.83—84.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Ильинский М.М.* Индокитай... С.52.
- ²⁶ Вооруженная борьба народов Азии... С.84—85.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Ильинский М.М.* Индокитай... С.53.
- ²⁹ *Колютов В.Н.* Сайгонские режимы... С.150.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 152.
- ³² Вооруженная борьба народов Азии... С.86.
- ³³ Там же. С.87.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С.88.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Ильинский М.М.* Индокитай... С.57.
- ³⁹ Вооруженная борьба народов Азии... С.89.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Ильинский М.М.* Индокитай... С.58.
- ⁴² Вооруженная борьба народов Азии... С.90.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Ильинский М.М.* Индокитай... С.60.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. С.61.
- ⁴⁷ Политика Франции в Азии и Африке (1945-1964 гг.). М., 1965. С.155.
- ⁴⁸ Вооруженная борьба народов Азии... С.93.
- ⁴⁹ Там же. С.94.
- ⁵⁰ *Ильинский М.М.* Индокитай... С.62.
- ⁵¹ Вооруженная борьба народов Азии... С.94.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. С.96.
- ⁵⁵ *Ильинский М.М.* Индокитай... С.63—64.
- ⁵⁶ Политика Франции в Азии... С. 156.
- ⁵⁷ *Кальвокоресси П.* Мировая политика после 1945 года... С.60.
- ⁵⁸ Вооруженная борьба народов Азии... С.97.
- ⁵⁹ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке. М., 2004. С.60, 68, 72.

Поражение и капитуляция Японии в 1945 году вселили у народа Малайзии (Малайи)¹ надежду на скорое обретение независимости. Еще в августе 1945 года Коммунистическая партия Малайзии (КПМ), завоевавшая большой авторитет героической борьбой с японскими оккупантами в 1941—1945 годах, опубликовала свою программу, главные пункты которой совпадали с положениями, выдвинутыми в период антияпонской борьбы: провозглашение независимой республики; создание правительства, представляющего интересы всех национальностей; свобода слова и объединений; ликвидация колониального законодательства; увеличение зарплаты; уничтожение ростовщичества; бесплатное образование на языках, распространенных в Малайзии².

Однако в начале сентября 1945 года в стране высадилось 250 тыс. английских войск, которые попытались восстановить прежние колониальные порядки. Владение Малайзией и Сингапуром давало Британии возможность контролировать важнейшие стратегические и торговые коммуникации с Дальним Востоком, Австралией и Новой Зеландией. Кроме того британские колонизаторы строили планы по превращению Малайзии в надежный «барьер против коммунистической экспансии», «силовой центр» военно-политического союза — Южноазиатского доминиона в составе Малайзии, Сингапура, Саравака, Брунея и Северного Борнео (Калимантана)³.

В октябре 1945 года английские власти объявили о намерении реорганизовать систему колониального управления страной, для чего в Малайзию прибыл представитель английского правительства Г. Мак-Майкл. Согласно этой реорганизации, с 1 апреля 1946 года «система косвенного управления ликвидировалась и девять малайских султанатов вместе с двумя селтльментами⁴ (Пинанг и Малакка) образовывали колонию короны Малайский Союз. Сингапур отделялся от Малайи и становился отдельной колонией. Вводилось гражданство Малайского Союза, которое получали все лица, родившиеся в Малайе или жившие в ней не менее десяти лет... Британские подданные могли иметь двойное гражданство. Малайским султанам было

оставлено лишь право председательствовать в малайских совещательных советах, занимавшихся в княжествах религиозными делами. Английский генерал-губернатор в Сингапуре должен был осуществлять общий контроль над деятельностью администрации в Малайском Союзе, Сингапуре, Сараваке и Сабахе»⁵.

Подобная реорганизация колониального управления, по мнению историка В. А. Тюрина, имела своей главной целью восстановить британский контроль, а также максимально ослабить демократическое движение, отделив Сингапур с его организованным пролетариатом и влиятельными левыми организациями от остальной страны⁶.

Тем не менее, под грубым давлением Мак-Майкла все малазийские султаны были вынуждены подписать новые договора с Англией, по которым они уступали свои суверенные права и соглашались на создание Малазийского Союза. Кроме того, английские колонизаторы предпринимали меры, чтобы обезопасить себя на случай обострения обстановки в стране. Прежде всего, были распущены народные комитеты, организованные малазийцами как новые органы власти сразу же после капитуляции Японии. В декабре 1945 года колонизаторы разоружили и распустили Антияпонскую армию народов Малайзии, созданную для борьбы с оккупантами в 1943 году.

Бесцеремонные действия англичан явилось толчком к мощному подъему антиколониального движения в Малайзии. Главной силой этого движения стала КПМ, под влиянием которой находился ряд молодежных и женских организаций, мощное профсоюзное объединение — Всеобщий рабочий союз, а также Ассоциация ветеранов Антияпонской армии народов Малайзии.

С начала 1946 года по стране прокатилась волна забастовок, организованных КПМ, в которых наряду с экономическими требованиями выдвигались и политические: прекращение репрессий колониальных властей, обеспечение демократических прав и т.д. Только в Сингапуре во время всеобщей январской забастовки коммунистам удалось вывести на улицы 170 тыс. человек.

В декабре 1946 года произошло объединение ряда партий и организаций во Всемаалазийский совет объединенных действий (ВСОД), куда первоначально входили Малазийский демократический союз, Малазийская национальная партия, Сингапурская федерация профсоюзов и т.д. К осени 1947 года в ВСОД вошли организации находящиеся под руководством КПМ, через которые коммунисты оказывали значительное влияние на политику этого объединения.

Столкнувшись с растущим антиколониальным движением, возглавляемым КПМ и другими партиями и организациями,

английские власти решили отменить реформу 1946 года. После совещания генерал-губернатора М. Макдональда и губернатора Малазийского Союза (образован 1 апреля 1946 года) Э. Гента с малазийскими султанами и лидерами оппозиции был разработан проект создания Малазийской Федерации, которая должна была заменить Малазийский Союз.

В июле 1947 года была опубликована новая конституция Малазийской Федерации, составленная рабочим комитетом, куда входили шесть членов, назначенных английскими властями, четыре султана и два представителя от оппозиционных партий. По этой конституции «султаны признавались суверенами своих княжеств, и возобновлялась довоенная система протектората английского правительства над малайскими султанами. Все изменения в иммиграционных законах подлежали утверждению конференции султанов. Вся полнота власти сосредоточивалась в руках английского верховного комиссара, при котором действовали законодательный и исполнительный советы, куда входили чины колониальной администрации и лица, назначенные верховным комиссаром. Были изменены правила гражданства таким образом, что возможности его получения для немалайского населения были резко сокращены»⁷.

Новые английские предложения вызвали резкий протест со стороны ВСОД. В конце 1947 года это объединение, поддержанное коалицией националистических партий «Путера» (Пусат Тенага Райят), представило проект Народной конституции. Проект содержал следующие принципиальные положения: предоставление Малайзии, включая Сингапур, независимости; закрепление за малазийцами 55 процентов мест в парламенте — Законодательном собрании; объявление малазийского языка официальным и т.д.⁸ По стране в поддержку проекта Народной конституции прошли многочисленные митинги и демонстрации. ВСОД призвал население к всеобщей забастовке протеста, назначенной на 1 февраля 1948 года — дате введения в силу конституции Малазийской Федерации. В стране назревал новый подъем антиколониального движения.

1 февраля 1948 года английские власти провозгласили создание Малазийской Федерации. Одновременно с этим колонизаторы взяли курс на силовое подавление антиколониального движения. Весной 1948 года репрессии против компартии, профсоюзов и других организаций приняли массовый характер. Ответом колонизаторам стали многочисленные забастовки по всей стране, которые нередко заканчивались столкновениями с полицией и войсками. С середины мая число забастовок и столкновений значительно возросло.

В начале июля 1948 года английские власти ввели чрезвычайное положение по всей территории Малайзии. Это давало им «право казнить всякого, у кого будет найдено оружие, про-

изводить аресты по простому подозрению, запрещать печатание и распространение изданий, неугодных властям, разгонять собрания, в которых участвует более пяти человек, конфисковать любые средства передвижения и помещения»⁹. 23 июля была официально запрещена КПМ и ряд молодежных организаций, возглавляемых коммунистами. В стране начались аресты и убийства членов компартии и других прогрессивных деятелей.

В создавшихся условиях КПМ приняла решение уйти в подполье, вывести свои основные кадры из городов в джунгли и развернуть против колонизаторов вооруженную партизанскую войну.

К началу военных действий группировка регулярных английских войск, дислоцированных в Малайзии, насчитывала 11 пехотных батальонов (три английских, шесть гуркхов, два малазийских) и артиллерийский полк. Для их усиления из Англии была срочно переброшена 2-я гвардейская пехотная бригада трехбатальонного состава, из Гонконга — один пехотный батальон. Из бывших военнослужащих 136-го десантно-диверсионного подразделения, действовавшего в Малайзии в период борьбы с японскими оккупантами — англичан и малазийцев, проживающих на территории страны, был сформирован специальный отряд для специфических действий в джунглях. Местная полиция, в рядах, которых насчитывалось 10 тыс. человек, была усилена переброшенными из Англии советниками и специалистами. В самой стране прошел дополнительный набор в полицию 30 тыс. малазийцев. Кроме того, группировку сухопутных английских войск поддерживали крупные силы авиации и военно-морского флота. Всего в Малайзии для борьбы с партизанами было сосредоточено 40 тыс. регулярных войск, около 60 тыс. полицейских и 250 тыс. человек внутренней охраны¹⁰.

Силы партизан насчитывали всего 4—5 тыс. человек, костяк которых составляли ветераны войны с японскими захватчиками. Среди партизан преобладали малазийцы китайского происхождения. Местное население, по признанию одного колониального чиновника, полностью находилось под влиянием коммунистов и оказывало партизанам всевозможную помощь.

С началом военных действий, несмотря на огромное превосходство в силах, партизаны наносили противнику из засад чувствительные удары и даже предпринимали наступательные операции крупного масштаба. Так, в конце июня 1948 года партизанские отряды внезапным налетом захватили город Джерантунг в Паханге, а в июле — центр угледобычи, город Бату-Аранг.

В декабре 1948 года в директиве ЦК КПМ под названием «Стратегические проблемы революционной войны в Малайе»

была сформулирована военная программа борьбы с колонизаторами. В ней анализировались «два предполагаемых этапа военных действий. Содержание первого этапа составляла партизанская война, которая рассматривалась как средство истощения противника и наращивания революционных сил. Основным тактическим способом действий считались внезапные нападения на противника в наиболее уязвимых для него местах. Главная цель таких нападений заключалась в захвате оружия и боеприпасов. На этом этапе должны были создаваться только временные базы, преимущественно в районах, заселенных скваттерами. Второй этап военных действий (стратегическое контрнаступление) предполагалось начать тогда, когда партизанские отряды окрепнут»¹¹.

Политическую программу борьбы против колонизаторов ЦК КПМ обнародовала несколько позже — в январе 1949 года. В ней были объявлены, в качестве приоритетных, следующие цели: создание народно-демократической республики, равенство народов, распределение земли среди крестьян и создание сельскохозяйственных кооперативов; конфискация капитала империалистов и передача его в распоряжение государства и т.д.

В феврале 1949 года из партизанских отрядов была создана Освободительная армия народов Малайзии (МРЛА), численностью 8 тыс. человек, в организации которой КПМ использовала богатый опыт антияпонского сопротивления. Действиями армии руководил военный штаб, подчинявшийся непосредственно ЦК КПМ. Основным партизанским формированием был полк в составе 200—400 бойцов, который делился на роты и взводы. В каждом штате Малайзии действовало не менее полка МРЛА, исключение составлял только штат Келантан, где боевые действия вела одна рота 5-го партизанского полка. Тактика армии была партизанской — устройство засад, нападения на патрули, полицейские посты, небольшие гарнизоны, диверсии на шоссейных и железнодорожных коммуникациях. В своих действиях МРЛА опиралась на подпольные политико-административные комитеты, которые под руководством партийных комитетов обеспечивали снабжение партизан всем необходимым, вели разведку, поддерживали связь с местным населением. Части армии дислоцировались в труднопроходимых джунглях, вблизи скваттерских (в основном китайских) поселений, где у них находились хорошо замаскированные базы и лагеря.

Осенью 1949 года МРЛА перешла к широким наступательным действиям, нанося удары по коммуникациям и экономическим объектам (каучуковые плантации, рудники, железнодорожные станции и узлы). Каждую неделю партизаны уничтожали до 7—10 тыс. каучуковых деревьев — гевей, фикусов каучуконосных и других видов рода ландолфия, что приносило

англичанам, владельцам каучуковых плантаций огромные убытки. Некоторые операции проводились силами достаточно крупных отрядов — по 100—200 бойцов. Так, в сентябре 1949 года отряд партизан, численностью 300 человек, произвел нападение на железнодорожную станцию Куала-Курау (штат Паханг), где был уничтожен бронепоезд противника и разрушены все станционные сооружения. К концу года в Малайзии сложилось такое положение, когда «ни один поезд не был в безопасности от возможной диверсии, ни одна дорога в джунглях не была свободна от засад, ни одна линия телеграфной связи не застрахована от обрыва»¹².

Английское командование противопоставило активным действиям МРЛА не только численное и техническое превосходство, но и особую противопартизанскую тактику, которая в специфических условиях джунглей приносила определенный успех. Подразделения английских войск были разделены на две части. Силы безопасности (полиция и воинские части) использовались для охраны коммуникаций и жизненно важных сооружений и объектов. Другая часть, взаимодействуя со спецподразделениями и регулярной полицией, осуществляла глубокое патрулирование в джунглях. Главная цель этой тактики состояла в том, чтобы путем поиска в районах базирования партизан, войти с ними в боевое соприкосновение и, навязав бой, нанести им максимальные потери. Для ведения патрулирования пехотный батальон выделял специальные «охотничьи команды», численностью до взвода, состоящие из опытных, проверенных солдат. Каждой из команд придавалось отделение регулярной полиции, под командованием офицера-констебля, который хорошо ориентировался в джунглях и разговаривал на местных языках и диалектах. «Охотничьи команды» действовали автономно, поддерживая связь со штабом батальона только по радио и получая необходимые грузы по воздуху. Солдаты команд были вооружены короткоствольным оружием, наиболее действенным в условиях джунглей. Для более эффективного поиска партизан с Северного Борнео были доставлены отряды аборигенов племени ибан, известных охотников и следопытов. В населенных пунктах создавались опорные пункты глубокого патрулирования. Находящиеся в них органы управления руководили не только действиями «охотничьих команд», но и авиационными налетами на партизанские базы и лагеря.

Кроме того, в 1949 году английские власти по договоренности с правительством Таиланда приняли меры для закрытия малазийско-тайландской границы, чтобы предотвратить уход партизанских отрядов для отдыха и реорганизации на тайландскую территорию. В самой Малайзии был установлен военно-полицейский репрессивный режим. Была введена «принудительная регистрация всего населения старше 12 лет и система

пропусков. Военные власти арестовывали подозрительных лиц и содержали их в тюрьме без суда, контролировали передвижение населения по всей стране, был введен комендантский час. За помощь повстанцам и за ношение оружия предусматривались суровые наказания вплоть до смертной казни»¹³.

Одновременно англичане приступили к формированию политической коалиции китайской, индийской и малазийской буржуазии, готовой к сотрудничеству с колонизаторами на антикоммунистической основе. В начале 1949 года был образован Комитет связи между общинами, куда вошли представители крупной буржуазии различных национальностей и английской администрации.

Однако ни военные меры, ни политические маневры не привели к быстрому разгрому партизанского движения. Напротив, в 1950 году МРЛА предприняло новое наступление, которое носило более интенсивный характер, нежели предыдущее.

К маю 1950 года партизаны провели 534 боевые операции, что вдвое превысило среднемесячный уровень предыдущего года. Военнослужащие английских войск оценивали партизан, как «решительного и упорного противника», который держал в постоянном напряжении всю страну¹⁴. Большинство карательных операций, предпринимавшихся против МРЛА, не приносили ожидаемых результатов. В Малайзию были срочно переброшены очередные подкрепления: бригада гуркхов из Гонконга, отряд «командос» английской морской пехоты и авиационные соединения, в том числе эскадрилья бомбардировщиков «Линкольн» австралийских ВВС. Весной 1950 года был назначен новый командующий силами безопасности в Малайзии генерал-лейтенант Г. Бриггс, который разработал «план противоповстанческих действий», разделенный на три этапа¹⁵.

Задача плана Бриггса «на начальном этапе состояла в том, чтобы, разгромив подпольные коммунистические организации в городах и деревнях Малайи, утвердить господство карателей и колониальной администрации среди населения, принудить его к массовому сотрудничеству с властями и выслеживанию партизанских отрядов. Цель следующего этапа — полностью изолировать партизанские отряды от городского и сельского населения, лишить их поступления продовольствия, снаряжения, подкреплений. Задача заключительного этапа заключалась в том, чтобы навязать партизанам боевые действия в невыгодных для них условиях и уничтожить превосходящими силами карателей. Осуществление операций по плану Бриггса должно было быть начато из исходного района (штаты Джохор, Негри-Сембилан, юго-западная часть штата Паханг) и развиваться в северном направлении»¹⁶.

Составной частью «антиповстанческих действий» Бриггса явилось переселение населения, в первую очередь китайских

скваттеров, в так называемые «новые деревни», которые были окружены двойным проволочным забором высотой до 3,5 м и находились под контролем сил безопасности. «Новые деревни» располагались недалеко от воинских гарнизонов и использовались как опорные полицейские пункты. Они стали центрами формирования из местного населения вооруженного ополчения или, «внутренней стражи». Патрулирование «охотничьих команд» с опорой на «новые деревни» значительно расширяло сферу контроля сил безопасности и серьезно затрудняло действия партизанских отрядов. Изоляция населения в «новых деревнях» использовалась также в целях лишения партизан продовольствия, которое они обычно получали от местных жителей.

Руководство КПМ и МРЛА предпринимало активные контрмеры, направленные на срыв мероприятий колонизаторов. В августе 1950 года ЦК КПМ издал директиву «Руководство по борьбе с переселением», которая призывала население оказывать всяческое противодействие переселению в «новые деревни»¹⁷. Однако полностью сорвать планы англичан не удалось. К концу 1950 года произошло заметное снижение масштабов партизанской войны.

Но и силы безопасности не добились перелома в военных действиях в свою пользу. Переселение в «новые деревни» происходило с большими трудностями, поскольку население отчаянно сопротивлялось этому. И, кроме того, в середине 1950 года полную неудачу потерпел заключительный этап плана Бриггса: вытянув всю армию поперек Малаккского полуострова, пройти по стране с юга на север и уничтожить партизанские силы. Части МРЛА, разбившись на мелкие группы, просочились сквозь порядки английских войск и продолжили операции в их тылу¹⁸.

В 1951 году партизаны вновь активизировали свои действия. К лету этого года части МЛРА проводили до 606 стычек и боев в месяц. В августе партизаны контролировали 75 процентов территории страны¹⁹. Их численность достигла наивысшей точки. В рядах МЛРА насчитывалось 3250 человек, в отрядах самообороны (частично вооруженных) — 3800 человек и в партизанском резерве (вне джунглей) — 7400 человек²⁰. В октябре 1951 года в одной из партизанских засад погиб глава британской колониальной администрации — верховный комиссар Малазийской Федерации Г. Гёрни. Это был чувствительный удар по престижу колонизаторов. В результате от должности командующего силами безопасности с позором был отстранен генерал-лейтенант Г. Бриггс. На пост верховного комиссара Малазийской Федерации назначение получил генерал Дж. Темплер. На него же было возложено оперативное руководство всеми вооруженными силами в стране.

В январе 1952 года англичане начали подготовку к крупной карательной операции против партизан. В Малайзии было сосредоточено до 50 пехотных батальонов. Численность полиции и полицейского резерва, состоящего из европейских поселенцев, достигла 52 тыс. человек. Общее количество регулярной войсковой группировки (с учетом авиации и флота) составило 130 тыс. солдат и офицеров, а численность иррегулярных подразделений — «внутренней стражи» была доведена до 200—250 тыс. человек²¹. Действующие в Малайзии ВВС Англии, Австралии и Новой Зеландии осуществляли тактическую поддержку группировки, а ВМС блокировали побережье Малаккского полуострова.

Одновременно США заявили о своей поддержке Англии в борьбе против антиколониального движения в Малайзии. В том же году американцы поставили англичанам боевые вертолеты, приспособленные для ведения операций в джунглях и большое количество стрелкового оружия.

В середине 1952 года колониальные войска развернули широкое наступление против партизан, применив новую тактику постоянного преследования, рассчитанную на полное физическое и моральное изматывание противника. К тому же к началу этой карательной операции условия вооруженной борьбы партизан резко ухудшились. Они испытывали острый недостаток в оружии, боеприпасах, снаряжении, продовольствии и, не имея никаких средств ПВО, были бессильны перед авиационной техникой и воздушными десантами карателей. В свою очередь, английские войска, активно используя авиацию, особенно техническое новшество тех лет — вертолеты, наносили партизанам ощутимые потери. Кроме того, каратели с помощью самолетов заливали целые лесные массивы химикатами — дефолиантом и гербицидами, которые уничтожали всю листву на деревьях, лишая партизан надежного естественного укрытия.

Однако наиболее сложным для частей МЛРА являлось то, что местным жителям становилось все труднее оказывать им необходимую помощь, поскольку все население тех районов, где оперировали партизаны, было переселено в «новые деревни». Уже к концу 1952 года в Малайзии появилось 509 таких деревень, в которых содержалось 461 822 человека, в том числе 423 тыс. китайских скваттеров. В последующем, число «новых деревень» выросло до 546, а численность их жителей была доведена до 650 тыс. человек²².

В 1953 году партизанские силы практически утратили стратегическую инициативу. Они были вынуждены полностью перейти к оборонительной тактике, что значительно снижало уровень их боеспособности. С осени 1953 года английские войска начали вытеснять партизан из центральных районов страны. Части МЛРА, разбившись на небольшие группы, отходили на

север и восток Малайзии. Общее количество боев и стычек сократилось в 1953 году до 1000, а в 1955 году — до 250²³.

В сентябре 1955 года малазийское правительство А. Рахмана провозгласило амнистию участникам партизанского движения, желающим сложить оружие и сдаться властям. Практических результатов амнистия не имела, поскольку сдалось всего несколько человек. Однако КПМ в ответ на инициативу правительства предложила начать переговоры с целью восстановления мира в стране. К этому моменту вооруженные силы КПМ находились в чрезвычайно тяжелом положении. На их состоянии сказалась, как общая усталость партизан, так и огромный численный и технический перевес английской армии. Партизанское движение было ограничено лишь северными районами Малайзии, сплошь покрытыми труднопроходимыми джунглями и удаленными от основных центров страны.

Переговоры состоялись в декабре 1955 года в горной деревушке Баланг при участии главных министров Малазийской Федерации и Сингапура и генерального секретаря КПМ Пэн Чжэня. Компартия изъявила готовность прекратить вооруженную борьбу и перейти к легальной деятельности. Однако администрация Малайзии настаивала на безоговорочной капитуляции партизан. В результате переговоры зашли в тупик.

Летом 1957 года была провозглашена независимость Малазийской Федерации в рамках Содружества наций.

Последний период партизанских действий официально продолжался с осени 1957 года по июль 1960 года. Этот период характеризовался почти полным спадом вооруженной борьбы, действия партизан проявлялись лишь в незначительных стычках в районах горных джунглей у границы с Таиландом. К этому времени численность партизан сократилась до 700 человек²⁴.

В июле 1960 года было официально объявлено об окончании «чрезвычайного положения» в стране.

За время военных действий 1948—1960 годов в Малайзии общие потери составили 15 тыс. человек. По официальным данным было убито 6705 партизан и 2384 военнослужащих сил безопасности. Потери мирного населения составили 6 тыс. человек²⁵.

Примечания к главе 10

¹ До 1963 года Малайзия называлась Малайей.

² *Тюрин В.А.* История Малайзии. Краткий очерк. М., 1980. С. 171.

³ Вооруженная борьба народов Азии за свободу и независимость 1945-1980. М., 1984. С. 111.

⁴ В XIX — первой половине XX веков особые городские кварталы для проживания иностранцев, пользовавшиеся экстерриториальностью и управляющиеся, как правило, администрацией соответствующей державы.

- ⁵ *Тюрин В.А.* История Малайзии... С. 170.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 174.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 176.
- ¹⁰ Вооруженная борьба народов Азии... С. 113; *Тюрин В.А.* История Малайзии... С. 176.
- ¹¹ Вооруженная борьба народов Азии... С. 113.
- ¹² Там же. С. 115.
- ¹³ Там же. СПб.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С.117.
- ¹⁸ *Тюрин В.А.* История Малайзии... С.177.
- ¹⁹ Вооруженная борьба народов Азии... С.117.
- ²⁰ Там же. С.118.
- ²¹ Там же. С.117-118.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С.119.
- ²⁴ *Тюрин В. А.* История Малайзии... С. 198.
- ²⁵ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004. С.74.

В 1945 году политическая ситуация в Бирме (Мьянме) была схожа с ситуацией в других странах Юго-Восточной Азии, оккупированных японцами: подъем национально-освободительного движения и наличие единого общенационального руководства.

Образование в августе 1944 года Антифашистской лиги народной свободы (АЛНС) под руководством министра обороны генерала Аун Сана и одного из лидеров Коммунистической партии Бирмы (КПБ) Такин Тан Туна позволило развернуть организованное движение сопротивления японским оккупантам и начать подготовку к всеобщему восстанию. Объединенные партизанские отряды Лиги и части Национальной армии Бирмы (НАБ) общей численностью до 50 тыс. бойцов стали ядром антияпонского сопротивления. В конце 1944 года руководством Лиги, совместно с английским военным командованием, был разработан план восстания, которое должно было начаться во время широкого наступления английских войск на бирманском фронте.

На рубеже 1944—1945 годов войска союзников под командованием адмирала Л. Маунтбэттена перешли в наступление на центральном, северном и араканском направлениях бирманского фронта. На центральном направлении (командующий английский генерал У. Слим) 14-я армия в составе 4-го и 33-го корпусов передовыми частями оттеснила японские войска из правобережных районов реки Иравади к северу от Мандалая. На северном направлении (командующий американский генерал Д. Салтэн), где наступали три китайские дивизии, 36-я английская дивизия и американская тактическая группа «Марс», войска союзников вышли на рубеж Бамо, Ката, Индо, соединившись в районе Индо с частями 14-й армии. На араканском направлении (командующий генерал Ф. Кристисон) части 15-го корпуса овладели южной оконечностью полуострова Маю, мысом Фоул-Пойнт и горными проходами у Чауто в долине реки Каладан¹.

27 марта 1945 года в Южной и Центральной Бирме началось вооруженное восстание Национальной армии Бирмы под командованием Аун Сана. Части армии численностью 11 480 человек до начала восстания дислоцировались во многих городах

страны, расположенных в долине реки Иравади и вдоль шоссейной и железной дорог Мандалай — Рангун. Коммуникации японских войск в этих районах оказались под их ударами. Одновременно активизировались партизанские отряды Лиги. В первый же день восстания части бирманской армии, и партизаны уничтожили более 700 японских солдат и офицеров, разгромили несколько штабов и взяли в плен двух вражеских генералов.

В ходе дальнейшего наступления союзников НАБ и партизаны полностью дезорганизовали японские коммуникации, провели более 1000 боев, уничтожили и взяли в плен свыше 10 тыс. военнослужащих японской армии. Позже адмирал Маунтбаттен писал в официальном докладе в Лондон:

«Атакуя изолированные гарнизоны и линии связи, и оказывая давление на японцев, бирманская армия связала большое количество вражеских войск, которые иначе могли быть использованы для блокирования 14-й союзной армии в ее наступлении на Рангун»².

1 мая 1945 года части НАБ вступили в столицу Бирмы. Авиация союзников несколько дней ожесточенно бомбила Рангун, хотя экипажи самолетов отчетливо наблюдали выложенный на крыше городской тюрьмы сигнал: «Японцы ушли». Только 3 мая, окончательно убедившись, что японских войск в городе нет, в столицу вошли части 36-й английской дивизии.

Овладением Рангуна завершилось освобождение Центральной Бирмы от японских оккупантов. Но военные действия на этом не закончились. Разрозненные группы противника продолжали обороняться в некоторых районах страны. Части 15-й и 33-й японских армий действовали в Шанских горах между дорогой Мандалай-Рангун и бирмано-тайландской границы. Части 28-й армии оборонялись в горах Пегу между долинами рек Иравади и Ситаун.

С началом сезона дождей активность военных действий в Бирме значительно снизилась. Союзные войска сводились во вновь создаваемую 12-ю армию (командующий генерал М. Стопфорд), на которую возлагалась, по сути дела, задача закрепить колониальное господство Великобритании в Бирме, принять на себя военные и административные функции на территории страны³.

Ее боевая задача сводилась к уничтожению окруженных групп противника. В боях с 20 июля по 4 августа основная часть японских войск была разгромлена, только 1200 солдат и офицеров сумели вырваться из окружения. На этом военные действия против японских захватчиков в Бирме были завершены.

Между тем еще 1 июня 1945 года в английском парламенте вновь вернулись к обсуждению вопроса о будущем Бирмы (впервые этот вопрос обсуждался в декабре 1944 года). Со стороны

английских политиков это был своевременный и необходимый шаг, поскольку в Бирме создавалось двоевластие: англичане пытались возродить свою администрацию, бирманцы создавали свою. Более того, выступления АЛНС весной 1945 года с требованиями независимости вызывали раздражение и тревогу кадровых колониальных чиновников и части британского военного командования.

При обсуждении данного вопроса, парламентарии руководствовались «Белой книгой» о Бирме, опубликованной в том же месяце в Лондоне. Из нее следовало, что в стране, после окончания военных действий, по крайней мере, до 1948 года, утверждается губернаторский режим. При губернаторе на правах совещательного органа должен был функционировать Исполнительный совет, назначаемый тем же губернатором. Ни о какой независимости и «речи не шло — Бирме предложено было отказать даже от тех куцых свобод, которые были предоставлены ей по закону 1935 года⁴. Экономические разделы «Белой книги» предусматривали восстановление позиций британского капитала в промышленности и возвращение земель тем, кто владел ими до 1941 года»⁵.

Ответом английскому парламенту было заявление АЛНС, в котором, в частности, говорилось:

«Бирманский народ нельзя отбросить назад, к духовному и политическому уровню 1941 года... Бирма хочет быть независимой — ни больше, ни меньше»⁶.

В августе 1945 года на сессии Высшего совета АЛНС с участием представителей всех входивших в нее политических партий была принята резолюция. В документе, с одной стороны, содержались слова благодарности союзникам за освобождение страны от японской оккупации, а с другой — выдвигалось требование созыва Учредительного собрания и признания за Бирмой права на решение собственной судьбы.

«Народы Бирмы, — говорилось в резолюции, — полностью едины в том, чтобы предпринять решительные усилия для создания свободной Бирмы в свободном мире»⁷.

До созыва Учредительного собрания Высший совет АЛНС планировал создание временного правительства, наделенного широкими полномочиями.

Английские власти открыто не выражали своего недовольства действиями АЛНС. Даже более того, бывший губернатор Бирмы Дорман-Смит заявил в Лондоне, что программа Лиги не противоречит целям английского правительства. Но при этом англичане пытались всячески ограничить размах национально-освободительного движения, ввести его в приемлемые для себя рамки.

Первым шагом в этом направлении стала попытка склонить на свою сторону наиболее популярных лидеров Лиги и, прежде

всего ее руководителя генерала Аун Сана. И хотя лично генерал Аун Сан сохранил верность национальным интересам, англичанам удалось заручиться поддержкой некоторых бывших лидеров и активистов АЛНС⁸.

В сентябре 1945 года английские власти, на переговорах в Канди на Цейлоне, добились согласия Лиги на роспуск Бирманской национальной армии, называвшийся в это время Патриотическими бирманскими силами (ПБС).

Однако полностью оставить национально-освободительное движение без вооруженной силы им не удалось. По инициативе лидеров Лиги была создана военизированная Народная добровольческая организация (НДО), объединившая бойцов расформированных партизанских отрядов и Бирманской национальной армии. Возглавил новую организацию Аун Сан. Вскоре НДО, вызвавшее «открытое недовольство колониальной администрации, ибо сводило на нет все усилия по роспуску бирманской армии, превратилась в значительную силу, охватывавшую всю страну и опасную для англичан в случае, если бы они решили вооруженным путем подавить национально-освободительное движение»⁹. Уже в первые месяцы своего существования Народная добровольческая армия, насчитывала более 25 тыс. бойцов, не считая десятков тысяч резервистов.

«НДО была бы страшной в партизанской войне против английской армии и не менее страшной для любого бирманского правительства, которое не смогло бы добиться ее лояльности», — откровенно признавал один из английских политических деятелей¹⁰.

В октябре 1945 года английские военные власти передали управление страной гражданской администрации. Как и до войны, вся полнота власти была сосредоточена в руках губернатора — сэра Дормана-Смита. Однако дальнейшие попытки Лондона полностью восстановить довоенные политические и экономические позиции в Бирме встречали решительное сопротивление бирманцев.

Руководство Лиги, и, прежде всего ее левое крыло, примыкавшее к КПБ, продолжало борьбу за независимость. Осенью 1945 года была предпринята попытка добиться свободы, получив большинство мест в Исполнительном и Законодательном советах — консультативных органах, которые создавались при английском губернаторе. Но после того как Дорман-Смит вычеркнул из состава Исполнительного совета большинство кандидатов, предложенных АЛНС, ее лидеры отказались участвовать в работе консультативных органов, и открыто выступили против принципов английской политики. В ноябре 1945 года на митинге в Рангуне было заявлено, что АЛНС готово «к мирному сотрудничеству с губернатором, однако если англичане откажутся удовлетворить требования Лиги, начнется общенациональная борьба»¹¹.

В январе 1946 года состоялся первый съезд Антифашистской лиги народной свободы. Из 2 тыс. делегатов съезда, большинство были членами компартии. Съезд постановил, что главной задачей Лиги является достижение полной независимости Бирмы, путь к которой лежит через создание временного правительства и выборы в Учредительное собрание. В области экономики съезд «заявил о своей решимости передать землю тем, кто ее обрабатывает, повысить закупочные цены на рис, а также ликвидировать недоимки и отменить арендную плату за 1945—1946 годы ввиду бедственного положения крестьянства. В резолюцию также был включен пункт о национализации предприятий, принадлежавших англичанам»¹².

Правда, к этому времени внутри самой АЛНС возникли серьезные разногласия. Некоторые правые политики покинули Лигу, предпочтя сотрудничество с колониальной администрацией. От КПБ откололась и вышла из Лиги троцкистская группа, возглавляемая бывшем генеральным секретарем компартии Такин Со, организовавшая свою партию «Красный флаг».

Эти события несколько ослабили АЛНС, но не смогли подорвать ее влияния. Лига продолжала выступать в качестве лидера национально-освободительного движения.

Летом 1946 года положение в стране обострилось. Этому способствовала послевоенная разруха, тяжелое положение крестьян, рабочих и служащих, а также жесткая политика колониальных властей. В Бирме действовали чрезвычайные законы, происходили аресты политических деятелей, предпринимались неоднократные попытки распустить НДО.

«В случае необходимости мы должны быть готовы и к нелегальной борьбе за нашу свободу», — подчеркнул в одном из своих выступлений Аун Сан¹³.

Губернатор Дорман-Смит обратился к премьер-министру, лидеру Лейбористской партии К. Эттли с просьбой срочно прилететь в Лондон, чтобы обсудить с ним обстановку в Бирме и меры, необходимые для сохранения этой страны в составе Британской империи.

После консультаций Дормана-Смита в Лондоне, английские власти перешли в решительное наступление на АЛНС, КПБ и НДО. Был выписан ордер на арест Аун Сана, обвиняемого в убийстве старейшины одной из деревень, якобы совершенном в 1942 году (в последний момент арест был отложен до особого распоряжения). В города и сельские районы были направлены отряды полиции, которые под видом борьбы с бандитизмом, проводили массовые аресты среди членов Лиги, КПБ и НДО. К июлю 1946 года в тюрьмах Бирмы находилось свыше 22 тыс. человек, осужденных за так называемый «бандитизм». Приказом губернатора было запрещено ношение военной формы гражданскими лицами (мера, направленная против НДО) и

объявлена вне закона партия «Красный флаг». В Тантабине, в дельте Иравади, при разгоне мирной демонстрации, полиция пустила в ход огнестрельное оружие, убив нескольких демонстрантов.

В ответ состоялись массовые демонстрации и крупный митинг в Рангуне 8 июня 1946 года, на котором Аун Сан заявил:

«Мы хотим добиться осуществления наших национальных требований мирным путем, но в связи с действиями правительства вряд ли имеется много шансов на мирное решение вопроса. Если англичане полностью удовлетворят наши требования, битва за свободу в широких масштабах может и не начаться. Если, однако, англичане хотят этой битвы, они ее получают»¹⁴.

В условиях, когда страна оказалась на пороге англо-бирманского вооруженного конфликта, в Лондоне пришли к мысли о проведении в Бирме определенных умиротворяющих мероприятий. Первым шагом в этом направлении была смена губернатора Дормана-Смита, имевшего репутацию «дубиноголового» политика, сторонника консерваторов. В конце июля 1946 года на пост губернатора был назначен генерал Ранс, бывший глава военной администрации в Бирме, известный, как умеренный либерал.

Приезд нового губернатора в Бирму в августе 1946 года совпал с всеобщей забастовкой в стране. Начало забастовке положили рабочие английских компаний, к которым присоединились связисты, железнодорожники, нефтяники, служащие и учащиеся. Затем забастовку объявили полицейские Рангуна. Перед этим столичные стражи порядка выпустили воззвание, обращенное к преступникам, с просьбой воздержаться на время забастовки от противоправных действий. В среде криминалитета воззвание было встречено с пониманием: в эти дни преступность в Рангуне значительно снизилась¹⁵.

В сентябре 1946 года ушел в отставку Исполнительный совет, созданный при Дормане-Смите. Генералу Рансу не оставалось ничего иного, как обратиться к лидерам Лиги с предложением войти в новый состав этого консультативного органа на положении большинства.

После бурных дебатов в АЛНС предложение губернатора было принято. Аун Сан стал председателем Исполнительного совета, Тейн Пе — членом совета по сельскому хозяйству.

Вхождение лидеров Лиги в Исполнительный совет стало причиной серьезных осложнений в отношениях с коммунистами. Руководство КПБ сочло сотрудничество с колониальной администрацией предательством национальных интересов и обрушилось с резкой критикой на действия Аун Сана. В результате 10 октября 1946 года исполком АЛНС исключил из своего состава КПБ. Это ослабило как Лигу, так и компартию: «Лига идеологически сдвинулась вправо, а компартия лишилась мно-

гих членов, решивших остаться в АЛНС, и утратила руководство в ряде организаций»¹⁶.

Между тем, войдя в Исполнительный совет, лидеры Лиги потребовали превратить выборы в совет, назначенные на апрель 1947 года, в выборы Учредительного собрания, а сам Исполнительный совет отныне считать временным правительством Бирмы. Это был ультиматум, принять который Лондон должен был не позднее 31 января 1947 года. И Лондон дрогнул, пригласив бирманских лидеров на переговоры.

«Мы не желаем удерживать в содружестве и империи народы, которые этого не хотят», — заявил при этом премьер-министр К. Эттли¹⁷.

Решение правительства Эттли вызвало гнев непреклонного У. Черчилля, который высказался более откровенно, нежели премьер:

«Это бегство, это неуклонный и бесстыдный процесс лишения себя, всего того, что было приобретено многими поколениями»¹⁸.

Далее процитируем историка И. В. Можейко:

«Черчилль продолжал рассматривать Британскую империю как большое поместье. И считал лейбористов неразумными наследниками, разбазаривающими то, что накопили предки, — скупили, украли, отняли. Но гнев его ничего не мог изменить»¹⁹.

13 января 1947 года в Лондоне начались переговоры между бирманскими лидерами и английским правительством. В Бирме все время, пока шли переговоры, проходила «неделя демонстраций», в поддержку бирманской делегации. Обстановка в стране была настолько накалена, что любой срыв в переговорном процессе, грозил обернуться всенародным взрывом.

В конце января в Лондоне был подписан договор, на основании которого за Бирмой признавалось право на самостоятельность, Исполнительный совет становился «временным правительством» и всеобщие выборы в Учредительное собрание назначались на апрель 1947 года. Однако сроки предоставления независимости в договоре указаны не были. Этот юридический казус давал право обеим сторонам полагать, что результаты переговоров им выгодны: «английская сторона получала три месяца отсрочки, в течение которых надеялась с помощью политических и административных мер подготовить выборы таким образом, чтобы Лига не получила в Учредительном собрании большинства. Лига же была уверена в победе на выборах, и за три месяца намеривалась еще более укрепить свои позиции»²⁰.

9 апреля 1947 года в Бирме состоялись выборы в Учредительное собрание. Их результаты перечеркнули все планы и надежды англичан. Из 210 избравшихся депутатов 194 прошли по спискам Лиги, 7 мест получили коммунисты, остальные места достались независимым кандидатам.

В июне открылась первая сессия Учредительного собрания. На ней была принята резолюция о независимости и утвержден проект национальной конституции. На сессии выступил Аун Сан, который заявил о необходимости передачи власти в стране бирманцам.

«Если эта передача власти не будет произведена мирным путем, — подчеркнул в своей речи Аун Сан, — то мы прибегнем к другим средствам»²¹.

В начале июля между АЛНС и КПБ начались переговоры о восстановлении утраченного единства. Этого требовали многие рядовые члены «Лиги и компартии, а также низовые крестьянские и рабочие организации, которым порой неясны были различия в позициях Лиги и КПБ»²².

Однако эти важные для обеих сторон переговоры были внезапно прерваны. Утром 19 июля 1947 года к зданию Исполнительного совета, где проходило заседание министров временного правительства во главе с Аун Саном, подъехал военный джип под № 1814. Из машины вышли четверо вооруженных солдат с нашивками 12-й армии на рукавах, и беспрепятственно проследовали в кабинет, где шло заседание. Войдя в кабинет, солдаты открыли шквальный огонь из автоматов. Напавал был убит Аун Сан (после на его теле обнаружат 13 пулевых ранений), шесть министров, чиновник, который оказался в кабинете, и телохранитель одного из министров. Убийцы, воспользовавшись поднявшейся суматохой, скрылись в неизвестном направлении.

Следствие, которое вел комиссар полиции Рангуна У Аун Сейн, достаточно быстро вышло на след убийц. Преступниками оказались политик правого толка У Со и несколько его подручных. Мотивы покушения были следующими. Движимый честолюбием и ненавистью к лидеру Лиге, У Со надеялся, что после убийства Аун Сана в Бирме воцарится хаос и в такой обстановке губернатор Ранс предложит ему сформировать новое правительство. Суд приговорил У Со и его подельников к смертной казни через повешение. И хотя во время следствия и суда не было установлено связей преступников с англичанами, многие бирманские историки и современники событий, полагают, что английская разведка была причастна к этому убийству²³.

С августа по октябрь 1947 года проходили англо-бирманские переговоры о передаче власти в стране, в результате которых было решено объявить Бирму независимой в начале 1948 года. В сентябре Учредительное собрание приняло конституцию свободной Бирмы — Республики Бирманского Союза. В соответствии с ней Республика состояла из собственно Бирмы, трех автономных государств — Шанского, Качинского, Карен — ни, а также Чинского особого округа. В конституции провозг-

лашалось равенство всех граждан Бирмы перед законом, свобода слова, печати, собраний. Верховным законодательным органом страны становился двухпалатный парламент, состоящий из палаты депутатов и палаты национальностей. Конституцией запрещалась деятельность картелей, синдикатов и т.д. Рудники и нефтепромыслы на 60 процентов принадлежали государству. Государство также объявлялось верховным собственником земли²⁴. В числе голосовавших за конституцию была и КПБ, хотя при этом коммунисты указывали, что не все положения принятого документа их устраивают.

Ранним утром 4 января 1948 года в Рангуне состоялась торжественная церемония провозглашения независимости. После парада на место спущенного английского флага был поднят флаг независимой Бирмы. Главой правительства свободного государства стал У Ну (Такин Ну).

В новый этап своей истории Бирма «вступила политически нестабильным государством, ибо как только пропал объединяющий стимул — достижение независимости, на поверхность всплыли противоречивые интересы политических партий, начавших борьбу за власть»²⁵. Стоит заметить, что эта борьба, принявшая формы вооруженных выступлений, велась еще до провозглашения независимости, с начала 1947 года. Первыми, кто встал на путь силовых методов решения политических вопросов, были троцкисты из партии «Красного флага», а также мусульманские националисты Северного Аракана, требовавшие создания самостоятельного мусульманского государства.

В 1948 году основными политическими силами в Бирме были АЛНС и КПБ. Основу Лиги составляли две фракции — Социалистическая партия и НДО. Во главе АЛНС после гибели Аун Сана стоял премьер-министр У Ну, религиозный человек, не состоящий в какой-либо партии. В число лидеров Лиги входили также социалисты У Ба Све, У Чжо Нейн, руководители НДО Бо По Кун, Бо Ле Яун и близкие соратники покойного Аун Сана Бо Ле Я и Не Вин.

Коммунистическая партия Бирмы, во главе с Такин Тан Туном, была второй крупнейшей и авторитетной политической организацией страны. Большим влиянием коммунисты пользовались в рабочих профсоюзах и крестьянской среде. Крестьянство привлекал к ним радикальный лозунг «Долой налоги и арендную плату», а также требование немедленно покончить с помещичьим землевладением и справедливо распределить землю между крестьянами»²⁶.

К весне 1948 года отношения между Лигой и КПБ резко обострились. Причиной обострения стали действия Социалистической партии, которая, опираясь на влияние Лиги, старалась возглавить профсоюзное и крестьянское движение. Коммунисты подвергли резкой критике действия социалистов.

В марте 1948 года борьба приняла открытую форму. На конференции Всебирманского крестьянского союза, состоявшейся в Пьинмане (традиционном оплоте коммунистов), была одобрена программа КПБ, и прозвучали призывы к вооруженному восстанию. В ответ на это Социалистическая партия потребовала ареста лидеров коммунистов и запрещения КПБ. Но руководитель Лиги У Ну не решился выступить против компартии.

27 марта на митинге в Рангуне Такин Тан Туан высказал нелицеприятные слова в адрес руководства Лиги и потребовал пересмотра англо-бирманского договора от 27 января 1947 года. Высший совет АЛНС принял решение арестовать всех руководителей КПБ. Однако коммунисты, своевременно предупрежденные об аресте, успели скрыться из столицы. Взбешенный коварством Лиги Такин Тан Туан прибыл в Пьинману и обратился к своим сторонникам с призывом взяться за оружие. Впоследствии лидеры АЛНС «в оправдание своему решению арестовать лидеров компартии, объявили о том, что заместитель Такин Тан Туна Ба Тин (Гошал) привез из Индии "директивное письмо на 27 страницах", в котором излагались инструкции для бирманских коммунистов, призывающие их к вооруженной борьбе»²⁷.

В Бирме началась затяжная гражданская война.

С началом военных действий на сторону коммунистов перешли тысячи крестьян. За короткий срок часть районов Нижней Бирмы от Таунгу до Яметина оказалась под контролем повстанцев. Однако отряды КПБ были плохо вооружены, в них практически отсутствовали кадровые военные, поэтому коммунисты не спешили переходить к широкому наступлению, а развернули политическую работу среди населения, рассчитывая на поддержку в других районах страны.

В свою очередь, правительство У Ну также отказалось от наступательных операций, ограничившись оборонительными действиями.

Весна 1948 года оказалась для обеих сторон достаточно мирной, но к лету положение резко обострилось. В июне к коммунистам начали присоединяться отдельные отряды НДО. Ненадежными оказались и некоторые части правительственной армии, где многие военнослужащие сочувствовали КПБ. В конце июля 1948 года восстали два батальона НДО, один из которых дислоцировался на окраине Рангуна, в районе аэропорта, второй — в городе Таемьо. Восставшие заняли города Пьи (Пром) и Таемьо, где к ним присоединились части военной полиции.

Одновременно с этим беспокойно стало в районах Бирмы, населенных представителями национального меньшинства — каренами. Здесь еще до получения страной независимости, начали формироваться отряды самообороны. В 1948 году они были объединены в Каренскую национальную оборонную организа-

цию (КНОО), находящуюся под контролем Каренского национального союза (КНС) — националистической группы проанглийского толка, борющейся за создание независимого каренского государства в составе Британской империи. Летом 1948 года КНС предъявил правительству У Ну ультиматум с требованием создать независимое каренское государство, включающее в свой состав весь Тенассерим и большую часть дельты реки Иравади.

В создавшейся обстановке правительство У Ну приняло решение об аресте лидеров НДО и было вынуждено опереться на подготовленные и вооруженные английской военной миссией воинские части, состоящие в основном из представителей малых народов — чинов, качинов и каренов. Верными правительству войсками командовал карен Смит-Дун, его заместителем был генерал Не Вин²⁸. Помимо этого, премьер У Ну сумел убедить лидеров КНС отложить решение вопроса о создании независимого государства до восстановления мира в стране.

Однако ситуация продолжала оставаться напряженной. Судьба правительства У Ну висела на волоске.

К осени 1948 года в стране перестал работать железнодорожный и речной транспорт: основные железнодорожные и водные магистрали были перерезаны коммунистическими повстанцами. Связь с городами Верхней Бирмы, находившимися в руках правительства, поддерживалась лишь с помощью авиации.

В конце декабря 1948 года отряды вспомогательной военной полиции, формируемые с начала гражданской войны Социалистической партией из асоциальных типов — уголовников и бродяг, напали на ряд каренских поселений, где убили более 80 человек. Эти провокационные действия полицейских послужили толчком к началу мощного восстания каренов.

В январе 1949 года восстание под руководством лидеров КНС охватило район Бассейна, перекинувшись затем на Таунгу и Инсейн, пригород Рангуна.

Большинство каренских частей правительственных войск перешло на сторону восставших. Каренские летчики захватили часть самолетов, находившихся на аэродроме в Мейтхиле, и перелетели к восставшим. Затем с помощью авиации был выброшен воздушный десант в районе Мемьо, недалеко от Манда-лая, где правительственными войсками был блокирован каренский батальон. Блокада была снята. Карены захватили арсенал в Мингаладоне, в котором находились большие запасы оружия и боеприпасов.

С поста командующего правительственными войсками был смещен генерал Смит-Дун. Назначение на его пост получил генерал Не Вин. Однако смена командующих не улучшила положение на фронте — карены перешли в широкое наступление на Рангун.

Зимой 1949 года положение правительства У Ну стало катастрофическим: на окраинах столицы шли бои с каренами, восточные районы Бирмы были заняты каренскими националистами, Аракан — мусульманскими муджахидами и троцкистами из партии «Красное знамя», Средняя Бирма — повстанцами КПБ и НДО. Помимо этого, правительство оказалось на грани финансового краха: из важнейших рисопроизводящих районов, практически прекратились налоговые поступления²⁹.

Тем не менее, свержения кабинета У Ну не произошло. Ряд объективных факторов, позволил правительству не только устоять, но и победить в гражданской войне. Далее процитируем отечественных историков И. В. Можейко и А. Н. Узянова:

«Первым и основным фактором оказалось отсутствие единства среди восставших. Силы повстанцев в несколько раз превосходили силы, которыми располагало правительство, и в случае их объединения ничто не могло бы спасти У Ну и его сторонников. Однако за все время гражданской войны противники правительства так и не смогли по-настоящему объединиться. Союзы, в которые они вступали, были недолговечными, каждая из сторон преследовала свои политические цели, и порой антиправительственные силы были более враждебно настроены друг к другу, нежели к рангунским властям... Вторым фактором политического характера была твердая поддержка, которую оказывали правительству лидеры горных районов — шанских, качинских и чинских. Консервативно настроенные шанские и качинские князья предпочитали видеть у власти умеренного буддиста У Ну, сторонника сохранения статус-кво в окраинных государствах, а не коммунистов и народных добровольцев с их радикальными программами... Третий фактор заключался в составе и характере оставшейся верной правительству армии. Меньшую часть ее составляли бирманские войска, лично преданные со времен японской оккупации командирам — генералу Не Вину, Бо Ле Я и т.д. Большую часть правительственной армии составляли набранные в горных районах чинские и качинские батальоны, обученные английскими инструкторами и укомплектованные зачастую ветеранами, прошедшими вторую мировую войну. Численно уступая противнику, они превосходили повстанцев в военном отношении, подчинялись общему командованию, были дисциплинированы и хорошо вооружены. На стороне правительства осталось и большинство высших и старших офицеров, полагавших, что присяга обязывает их хранить верность АЛНС. Среди коммунистов и народных добровольцев было немало специалистов по ведению партизанской войны, но не было крупных военачальников, профессиональных военных, прошедших японскую кампанию. В распоряжении правительства была авиация (хоть и состоящая всего из нескольких старых самолетов), что давало ему возможность

даже в самый тяжелый период войны поддерживать постоянную связь с отдаленными пунктами, снабжать их оружием, боеприпасами и направлять подкрепления. Наконец, правительственные войска удерживали Рангун — крупнейший морской порт, ворота во внешний мир. Четвертым фактором, решившим судьбу войны в пользу правительства, было изменение во внутренней и внешней политики... После провала попыток найти компромисс с повстанцами У Ну и его сторонники полностью прекратили заигрывание с левыми силами и избрали основной опорой бирманскую национальную буржуазию и горных феодалов»³⁰. И еще одним, пятым фактором, следует считать помощь оказанную западными державами правительству У Ну. В феврале 1949 года правительство Бирмы обратилось к Англии с просьбой о финансовой и военной поддержке. В результате было получено согласие о предоставлении Бирме 10 тыс. винтовок и займа в количестве 350 млн бирманских рупий.

Весна 1949 года стала переломным моментом в гражданской войне в Бирме.

В ходе наступления каренов на Рангун, произошли вооруженные выступления каренов, живущих в пригороде столицы, что спровоцировало их последующую резню бирманскими экстремистами. Одновременно на помощь правительству пришли отряды НДО, позиция которых в гражданской войне отличалась крайней непоследовательностью, а также части ополченцев, состоявшие из горожан. Одна из наступающих каренских группировок была разгромлена воздушным налетом правительственной авиации, вторая остановлена чинскими частями, держащими оборону в районе Пегу. На этом наступательный порыв каренов выдохся, они перешли к обороне на окраине столицы.

В апреле 1949 года карены вновь атаковали Рангун, но были отбиты с большими потерями. Правительственные войска перешли в контрнаступление и 24 апреля заняли Мандалай. В конце мая, после более чем 100 дней осады, карены отступили из пригорода Рангуна Инсейна, открыв правительственным войскам дорогу на север страны. Вместе с поражением каренов под столицей, в Центральной Бирме начались серьезные разногласия между коммунистами и НДО, организовавшими Объединенный демократический фронт, но не сумевшими найти точек соприкосновения в политических и военных вопросах.

До конца 1949 года правительственные войска вели успешное наступление. Повстанцы повсеместно теряли инициативу, отступали, оставляя один город за другим.

1950 год принес новые военные успехи правительству У Ну. В конце марта был захвачен город Таунгу — столица каренского повстанческого «государства Котулей» и важная железнодорожная станция на линии Рангун — Мандалай. Тогда же произошел

распад Объединенного демократического фронта, где разногласия между коммунистами и НДО переросли в вооруженные столкновения в городах Тамьо и Пьи (Проме). Боевые действия между бывшими союзниками, позволили правительственным войскам 19 мая без особого сопротивления, овладеть важным стратегическим пунктом — городом Пьи. Вскоре пал последний оплот каренов в дельте реки Иравади — город Эйнме. Попал в засаду и был убит Со Ба У Джи, наиболее видный каренский военачальник и один из лидеров КНОО. Основные силы каренов были вынуждены отступить из района Бассейна в горные джунгли за рекой Салуин.

Летом 1950 года У Ну объявил программу «Мир в течение года», которая привлекла на сторону правительства население, уставшее от почти 10 лет военных действий, и внесла разброд и шатания в ряды повстанцев, и без того деморализованных военными поражениями.

К середине 1951 года правительственные войска установили контроль над главными городами Бирмы. Повстанцы, отступив в сельские районы и джунгли, перешли к партизанской войне, которая продолжалась с различной степенью интенсивности в течение нескольких десятилетий.

С 1952 года в гражданскую войну в Бирме вмешался иностранный фактор — отряды гоминьдановцев под командованием генерала Ли Ми. Первые гоминьдановские части появились в северо-восточных горных районах Бирмы в конце 1949 года, после падения режима Гоминьдана в Южном Китае. В то время, в разгар гражданской войны, их переход через бирманско-тайскую границу остался незамеченным. Но постепенно гоминьдановцы начали облагать налогом местные горские племена, рекрутировать в свои ряды местную молодежь и наладили регулярное воздушное сообщение с Тайванем, откуда им перебрасывали оружие, боеприпасы и американских инструкторов. Со второй половины 1952 года «владения гоминьдановцев охватывали значительную часть шанских княжеств и доходили до реки Салуин. Отдельные подразделения гоминьдановских войск появились в окрестностях Бамо и Мьичины, а на юге наметился их союз с частями КНОО»³¹.

В январе 1953 года гоминьдановцы, при поддержке отрядов каренских повстанцев, перешли к открытой агрессии, напав на шанские города Таунджи и Лойко. В начале марта правительственные войска отбросили части противника от обоих городов и нанесли им сокрушительное поражение в сражении на реке Салуин. В течение 1954–1955 годов войска генерала Ли Ми были полностью разгромлены. Небольшие группы гоминьдановцев смогли закрепиться в ряде труднодоступных районов, где они собирали дань с деревень, торговали контрабандным опиумом и изготавливали фальшивые деньги³².

После ликвидации угрозы гоминьдановской агрессии, правительственные войска развернули наступление против повстанцев.

В ходе антипартизанских операций 1954—1955 годов каренские повстанцы, активизировавшие диверсионные действия на железнодорожной линии Рангун — Мандалай, потерпели несколько серьезных поражений и потеряли свою новую столицу — город Папун. Одновременно были разгромлены основные силы араканских мусульман муджахидов и захвачен город Ракхайна (Аракана).

Однако, несмотря на успехи правительственных войск, гражданская война продолжалась. В 1958 году в Бирме по официальным данным насчитывалось до 9 тыс. повстанцев из КПБ, партии «Красный флаг», КНОО и гоминьдановцев. Во время операций против партизан в сентябре 1958 — феврале 1959 годов было убито и ранено около 4 тыс. повстанцев и 1238 сдались в плен. К началу 1959 года в отрядах КПБ и «Красного флага» насчитывалось менее 1 тыс. человек, в КНОО — около 1700 и гоминьдановцев — до 2300 человек³³.

Даже гибель в 1968 году руководителя КПБ Такин Тан Туна, застреленного собственным телохранителем во время отступления под натиском правительственных войск, и пленение в конце 70-х годов главы партии «Красный флаг» Такин Со, не остановили гражданскую войну в Бирме. Война продолжалась до 1996 года, включительно. В последующие годы военные действия утратили свою интенсивность. Но эпизодические столкновения между правительственными войсками и повстанцами происходили еще несколько лет и прекратились только в 2000 году.

В ходе гражданской войны в Бирме погибло 75 тыс. человек, из них 50 тыс. составили потери военных и 25 тыс. потери мирного населения³⁴.

Примечания к главе 11

¹ История Второй мировой войны 1939-1945. В 12 тт. Т.11. М., 1980. С.81.

² Можейко И.В. Аун Сан. М., 1965. С. 194.

³ История Второй мировой войны... С.91.

⁴ В 1935 году английским парламентом был утвержден «Закон 1935 г. об управлении Бирмой», который должен был вступить в силу с 1 апреля 1937 года. По этому закону Бирма отделялась от Индии и становилась отдельной колонией, с двухпалатным парламентом, состоящим из палаты представителей и сената. В палату представителей входило 132 человека. Сенат в составе 36 человек, частично избирался нижней палатой, частично назначался губернатором. Совет министров утверждался губернатором и был формально ответственен перед парламентом. В

руках губернатора были сосредоточены все ключевые позиции, включая оборону, внешние сношения, охрану порядка и т.д. В ведении губернатора также находились районы, где проживали национальные меньшинства Бирмы. Кроме того, по закону 1935 года Бирма должна была выплатить индийскому колониальному правительству долг в размере 570 млн рупий, который включал в себя расходы на покорение Бирмы, на строительство железных дорог и т.д.

⁵ *Можейко И.В., Узянов А.Н.* История Бирмы (Краткий очерк). М., 1973. С.245.

⁶ *Можейко И.В.* Аун Сан. М., 1965. С.195.

⁷ *Можейко И.В., Узянов А.Н.* История Бирмы... С.248.

⁸ История Второй мировой войны... С.388.

⁹ *Можейко И.В., Узянов А.Н.* История Бирмы... С.248—249.

¹⁰ *Можейко И.В.* Аун Сан. М., 1965. С.201.

¹¹ *Можейко И.В., Узянов А.Н.* История Бирмы... С.249.

¹² Там же.

¹³ Там же. С.252.

¹⁴ *Можейко И.В.* Аун Сан. М., 1965. С.211.

¹⁵ Там же. С.214.

¹⁶ *Можейко И.В., Узянов А.Н.* История Бирмы... С.254.

¹⁷ *Можейко И.В.* Аун Сан. М., 1965. С.215.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Можейко И.В., Узянов А.Н.* История Бирмы... С.255.

²¹ *Можейко И.В.* Аун Сан. М., 1965. С.223.

²² *Можейко И.В., Узянов А.Н.* История Бирмы... С.257.

²³ Там же. С.258.

²⁴ Там же. С.259-260.

²⁵ Там же. С.264.

²⁶ Там же. С.265.

²⁷ Там же. С.266-267.

²⁸ Там же. С.270.

²⁹ Там же. С.273.

³⁰ Там же. С.273-275.

³¹ Там же. С.292.

³² Там же. С.293.

³³ Там же. С.319-320.

³⁴ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004. С.75.

Глава двенадцатая

«СУРАБАЯ, ЭТО СТАЛИНГРАД В ИНДОНЕЗИИ...»

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА В ИНДОНЕЗИИ В 1947-1949 ГГ.

В истории индонезийского народа окончание Второй Мировой войны стало началом нового этапа в длительной и кровопролитной борьбе за национальную независимость.

На протяжении трех веков эта борьба велась против голландских колонизаторов, которые к началу XX века сумели полностью захватить огромный архипелаг. Однако 1942 году голландцев сменили японские оккупанты. 10 января был высажен первый японский морской десант на острове Таракан, у восточного побережья Калимантана. В конце февраля японцам удалось полностью разгромить союзный англо-американо-голландский флот у острова Бавеан в Яванском море. После поражения союзного флота японские морские десанты смогли беспрепятственно произвести высадку на всем северном побережье Явы. 8 марта 1942 года пал город Бандунг — последний оплот голландцев. Генерал-губернатор Нидерландской Индии (Индонезии) ван Старкенборгх Стахувер принял японский ультиматум о безоговорочной капитуляции. В начале марта голландские колониальные войска, общая численность, которых составляла около 100 тыс. человек, капитулировали.

Индонезия оказалась под властью японских оккупантов, установивших в стране жесткую военную диктатуру. Отряды «кэм-пэйтэй» (военная полиция) и войска безжалостно подавляли малейшие попытки открытого сопротивления, все партии и общественные организации были распущены. Японцы начали настоящий грабеж природных ресурсов страны, стремясь поставить экономику и трудовые ресурсы Индонезии на службу военной машины Японии.

Осенью 1943 года японские оккупанты создали рабочие батальоны Хейхо и Добровольную армию защитников родины (ПЕТА). Эти формирования были созданы захватчиками для использования населения Индонезии на случай вторжения англо-голландских войск на архипелаг. Рабочие батальоны Хейхо были сформированы как вспомогательные трудовые подразделения японской армии и входили в состав японских вооруженных сил. ПЕТА создавалась как резерв японских сухопутных сил на архипелаге и насчитывала около 40 тыс. человек.

Японская оккупационная политика вызывала растущее недовольство индонезийского народа. Однако движение Сопротивления не имело единого центра, и было разрозненным. Одна из первых подпольных организаций под руководством Амира Ша-рифуддина, многие члены которой являлись коммунистами, начала активно действовать в начале оккупации. В 1943 году при непосредственном участии нелегальной Коммунистической партии Индонезии (КПИ) была создана подпольная организация Геракан Индонесиа Мердека-Гериндом (Движение свободной Индонезии). Из других антияпонских организаций следует назвать группировку левого националиста К. Сукарни, группу С. Шарира и организацию Персатуан Махасисва (Союз студентов).

Тем не менее, работа подпольных организаций, при всей своей малочисленности и разобщенности, вносила огромный вклад в борьбу против японских захватчиков. На железнодорожном транспорте, при непосредственном участии членов КПИ, были развернуты широкие мероприятия по саботажу: срывались графики движения поездов, выводился из строя подвижной состав, расточительно расходовались запчасти, уголь, смазочные материалы и т.д. В начале 1944 года вспыхнули крестьянские волнения на Яве в районах Индрамаю и Тасикмалайе. К середине того же года выступления охватили и другие районы острова — округа Лохбенер, Синданг, Бантене, Мадуйне. Но эти выступления носили стихийный характер и не увенчались успехом.

Антияпонские выступления не ограничивались пределами Явы. На Суматре одним из районов наиболее активного сопротивления оккупантам был крайний север острова — область Аче. Здесь борьба против японцев началась еще в 1942 году. Руководители сопротивления пытались придать борьбе религиозную окраску и выдвигали лозунг «перанг сабил» («священной войны»). Наиболее известным руководителем антияпонского сопротивления в области Аче был молодой мусульманский проповедник А. Джамиль.

Активная борьба против оккупантов велась и на Молуккских островах, в ряде районов Сулавеси. К концу японской оккупации на острове Хальмахера действовал партизанский отряд во главе с Саленду, бывшим сержантом голландской армии.

В феврале 1945 года в городе Блитаре (Восточная Ява) восстал батальон ПЕТА. Инициаторами восстания оказались младшие офицеры Муради, Суприйяди, Супарьоно и командир отделения Сунанто. Восставшие перебили японских полицейских, военных и гражданских лиц взяв город под свой полный контроль. Однако другие части ПЕТА их не поддержали. В результате восстание было подавлено превосходящими силами противника.

В мае 1945 года восстали даякские племена во внутренних труднодоступных районах Калимантана. Японские захватчики были вынуждены отступить из внутренних районов в прибреж-

ные укрепленные пункты. Затем волнения против японцев начались среди папуасских племен Западного Ириана.

Стоит заметить, что даже эти малоуспешные, разрозненные выступления (зачастую повстанцы были вооружены лишь бамбуковыми копьями и устаревшими голландскими винтовками) способствовали росту духа сопротивления по всей Индонезии.

По мере изменения обстановки на фронтах Второй Мировой войны в пользу антигитлеровской коалиции и роста сопротивления в Индонезии японские оккупанты были вынуждены идти на уступки требованиям индонезийского народа. 29 апреля 1945 года японское военное командование на Яве объявило о создании Исследовательского комитета для изучения возможностей по подготовке независимости Индонезии. Работой комитета, в составе 62 человек, руководил д-р В. Раджиман. В их обязанности входило «изучение и исследование всех вопросов, связанных с политикой, экономикой, государственным строем, правом, обороной, транспортом и т.п., — всего, что необходимо для образования индонезийского государства»¹.

1 июня 1945 года в Исследовательском комитете с речью выступил ветеран национального движения Ахмед Сукарно. На основе его речи, получившей впоследствии название «Рождение Панча сила», была сформирована платформа для объединения всех национальных сил в борьбе за создание независимого индонезийского государства. Сукарно выдвинул пять следующих принципов: «1) индонезийский национализм, т.е. создание единого национального государства, охватывающего всю территорию Индонезии; 2) интернационализм или гуманизм, т.е. отказ от всякого шовинизма и стремление суверенной Индонезии к дружбе со всеми народами, к равноправному международному сотрудничеству; 3) муфакат², или демократия в соответствии с традициями индонезийского общества; 4) социальное благосостояние; 5) вера в бога, понимаемая как веротерпимость (каждый может поклоняться своему богу)»³.

22 июня 1945 года в Джакарте на нелегальной встрече ведущих деятелей национально-освободительного движения была подписана Джакартская хартия, определившая в качестве главной задачи, создание суверенного государства — Республики Индонезии. В хартии особо оговаривалось, что суверенность индонезийской нации должна быть закреплена конституцией, основу которой составят принципы «Панча сила».

6 августа командующий японской армии в Юго-Восточной Азии маршал Тераути вызвал лидеров Исследовательского комитета в Сайгон, чтобы «обсудить» с ними вопрос о предоставлении Индонезии «дарованной свободы». Перед этим Тераути получил из Токио инструкции о том, что одним из условий «независимости» должно было стать вступление Индонезии в войну против США, Англии и Голландии. На совещании в Сайгоне

было принято решение о создании под руководством Сукарно Комиссии по подготовке независимости, заменившей Исследовательский комитет.

Однако Япония не успела сделать широкий жест «о даровании свободы» Индонезии. 9 августа 1945 года Советский Союз, верный своим союзническим обязательствам, начал военные действия против страны Восходящего Солнца. После полного разгрома советскими войсками Квантунской армии, правительство Японии заявило о безоговорочной капитуляции. Создались благоприятные условия для приобретения Индонезией полной независимости.

Вернувшись из Сайгона в Джакарту, председатель Комиссии по подготовке независимости А. Сукарно и его заместитель М. Хатта убедились, насколько активно и решительно антияпонские организации требуют немедленного провозглашения независимости. Известие о капитуляции Японии быстро распространилось по всей стране. Оккупационные власти пребывали в полной растерянности. В свою очередь, индонезийские патриоты повсюду создавали народные отряды, проводили массовые митинги и демонстрации. Однако при этом все же существовала реальная угроза вооруженного столкновения с оккупантами, которая могла обернуться поражением антияпонских сил.

Тем не менее, 17 августа Сукарно, преодолев определенные колебания, выступил перед жителями столицы с призывом о том, что «настал момент взять нашу судьбу в собственные руки»⁴. Вслед за этим был зачитан текст Декларации независимой Индонезии. «Мы, индонезийская нация, — говорилось в документе, — настоящим провозглашаем независимость Индонезии. Вопросы, связанные с передачей власти, и другие вопросы будут решены тщательным образом и в кратчайший срок. От имени индонезийской нации: Сукарно, Хатта»⁵. Церемония завершилась поднятием красно-белого флага индонезийского государства, сшитого накануне женой Сукарно, и исполнением гимна «Великая Индонезия».

Известие о провозглашении независимости мгновенно распространилось по всей стране. В городах и деревнях расклеивались лозунги: «Отныне и навеки мы независимы!», «Лучше умереть, чем снова стать рабами»; распространялись листовки, призывающие к решительной борьбе с японскими оккупантами; в них же определялись основные пути этой борьбы.

«1. Республика Индонезия провозглашена 17 августа 1945 г., и народ освободился от иностранного господства.

2. Вся власть должна быть сосредоточена в руках государства и народа.

3. Япония потерпела поражение и лишена возможности, поддерживать свое господство в Индонезии.

4. Индонезийский народ должен захватить оружие у японцев.

5. Все предприятия (конторы, фабрики, шахты, плантации и т.д.) должны быть отобраны у японцев и переданы в управление народу», — гласил текст одной из листовок, распространенной по всей стране⁶.

Провозглашение независимости произошло в благоприятных для Индонезии условиях: японская администрация и войска были полностью деморализованы, а англо-американские вооруженные силы находились еще далеко от центров архипелага. С 17 августа до высадки первых английских частей на Яве пройдет около полутора месяца. Это обстоятельство позволило индонезийскому народу сразу же приступить к государственному строительству.

18 августа Комиссия по подготовке независимости утвердила текст Конституции Республики Индонезии, избрала ее президентом Сукарно, а вице-президентом Хатту. На другой день, 19 августа, Комиссия наметила «программу первоочередных мероприятий по организации государственного управления. В частности, было решено разделить территорию Индонезии на провинции (три на Яве и по одной на Суматре, Калимантане, Сулавеси, Молуккских островах, Малых Зондских островах) во главе с губернаторами, которым будут помогать местные национальные комитеты; намечено провести чистку и реорганизацию полиции; решено распустить ПЕТА и Хейхо, поскольку они созданы японскими оккупантами, и создать национальную индонезийскую армию для обороны республики без какого-либо сотрудничества с Японией»⁷.

22 августа был создан Комитет народной безопасности. На другой день по радио прозвучало обращение президент Сукарно к народу, которое призывало, вступать в отряды народной безопасности бывших бойцов военизированных формирований, созданных японцами.

Основной базой для создания регулярных вооруженных сил Индонезии явились ПЕТА и (в меньшей степени) голландская колониальная армия (КНИЛ), рядовой состав, которой состоял из индонезийцев. Стоит заметить, что из рядов КНИЛ вышли некоторые видные военачальники: генералы У. Сумохарджо, Насутион, Хидайят. Однако основной командный состав республиканской армии комплектовался за счет ПЕТА, в которой насчитывалось около 900 офицеров-индонезийцев⁸. Кроме этого, в стране на добровольной основе стали возникать отряды народной безопасности, с различной степенью подготовки и вооружения.

В первые недели после провозглашения независимости в Индонезии сложилось странное двоевластие: рядом с японской администрацией существовали республиканские национальные комитеты, рядом с японскими войсками находились вооруженные индонезийские отряды.

Первоочередной задачей республиканцев в сложившейся ситуации стало разоружение японских частей. Разоружение бывших оккупантов происходило в основном без инцидентов, хотя иногда и случались вооруженные столкновения. К концу сентября значительная часть 280-тысячной японской армии была разоружена и изолирована в своих казармах индонезийцами.

Тем временем незадолго до капитуляции Японии английским и американским командованием было принято решение о том, что территория Индонезии станет сферой действий английских войск. Такое решение было вызвано особой заинтересованностью Англии в Индонезии, расположенной поблизости от британских колониальных владений и баз в Юго-Восточной Азии. США подобное разделение сфер влияния полностью устраивало, поскольку это давало им возможность установить свой контроль над Китаем и Японией без каких-либо помех с английской стороны.

Кроме того, образование независимой Республики Индонезии серьезно угрожало Англии потерей важных экономических позиций (британские инвестиции в этой стране по своим размерам уступали только голландским) и могло явиться опасным революционизирующим примером для других британских колоний в Юго-Восточной Азии. Поэтому английские правящие круги имели свой интерес в восстановлении утраченного голландского контроля над Индонезией. Тем более что сами голландцы предполагали в той или иной степени вернуть свои довоенные позиции в этом регионе мира, и в этом они серьезно рассчитывали на помощь своих союзников-англичан⁹.

Еще в период Второй Мировой войны эмигрантское правительство Нидерландов в Лондоне, возглавлявшееся П. Гербранди, усиленно готовилось к восстановлению своего контроля над Индонезией. Впрочем, не располагавшему реальными военными силами и к тому же находившемуся в эмиграции правительству Гербранди необходимо было дать какие-то обещания индонезийцам, чтобы привлечь их на свою сторону. В декабре 1942 года королева Нидерландов Вильгельмина в речи по лондонскому радио «обещала провести после войны конференцию с участием представителей Нидерландов, Нидерландской Индии, Суринама и Кюрасао с целью преобразовать Нидерландское королевство в Союз из четырех частей, пользующихся внутренней автономией. Индонезии были обещаны создание парламента, признание равноправия индонезийского языка с голландским и другие уступки. Однако в речи королевы ни слова не говорилось о независимости и, наоборот, делался упор на ответственности Нидерландов за развитие Индонезии и на необходимости тесного союза между ними»¹⁰.

В декабре 1943 года в Лондоне было воссоздано правительство Нидерландской Индии, которое вскоре перебазировалось

поближе к Индонезии — в город Брисбен (Австралия). Правительство возглавил исполняющий обязанности генерал-губернатора Нидерландской Индии Х. ван Моок. По отзывам современников, это был косный человек, придерживающийся крайне консервативных взглядов, считавший, что без помощи европейцев дальнейшее развитие Индонезии пойдет тупиковым путем и уверенный в том, что Голландия до сих пор является великой морской державой.

24 августа 1945 года было подписано англо-голландское соглашение. В соответствии с ним гражданское управление освобожденными от японцев районами Индонезии должна была осуществлять голландская Гражданская администрация Нидерландской Индии (НИКА), а в дальнейшем — правительство Нидерландской Индии.

В середине сентября в Джакарту прибыла союзная военная миссия во главе с заместителем командующего английскими войсками в Юго-Восточной Азии адмирала Л. Маунтбеттена контр-адмиралом Р. Паттерсоном. Вместе с военными в столицу Индонезии прибыли ван дер Плас и другие представители правительства Нидерландской Индии. Прибывшие смогли сразу же убедиться в том, что существование Республики Индонезии — свершившийся факт. Джакарта была украшена национальными флагами, из уличных динамиков звучали национальные гимны, улицы патрулировались народной милицией, вооруженной японским оружием. По словам очевидцев, контр-адмирал сэр Паттерсон был неприятно поражен увиденным. «Ван Моок будет недоволен тем, что тут творится», — заметил он представителям правительства Нидерландской Индии. «Ван Моок сумеет приструнить распоясавшихся дикарей», — ответил контр-адмиралу член правительства ван дер Плас.

29 сентября 1945 года в порту Джакарты Танджунг Приок высадилась первая группа английских войск во главе с командующим силами союзников в Нидерландской Индии генералом Ф. Кристисоном. Официально целью высадки англичан объявлялось выполнение союзнических договоренностей по разоружению и эвакуации японской оккупационной армии, а также освобождение интернированных японцами европейцев. А. Сукарно со своей стороны заявил, что если союзники преследуют только такие цели, то индонезийцы не станут препятствовать им.

30 сентября генерал Кристисон признал де-факто правительство независимой республики. В свою очередь адмирал Маунтбеттен также подчеркнул, что англичане прибыли в Индонезию только для разоружения японцев.

Однако уже 1 октября 1945 года контр-адмирал Паттерсон откровенно объявил, что английские войска будут находиться в Индонезии до тех пор, пока не начнет функционировать законное правительство Нидерландской Индии, и что Англия не

намерена признать правительство Сукарно¹¹. Заявление адмирала, как справедливо отметил историк Э. Х. Кямилев, не было его личной декларацией, а отражало истинные устремления британской политики, направленной на всемерную дискредитацию нового национального режима, на его максимальное ослабление и, в конечном счете, ликвидацию.

4 октября в Танджунг Приоке вместе с новым десантом английских войск, прибыли первые голландские военные подразделения и голландские колониальные чиновники во главе с ван Мооком. Над дворцом бывшего генерал-губернатора, ставшим его резиденцией, был поднят голландский флаг.

Корреспондент агентства Антара оставил описание возвращения голландских войск в столицу своей бывшей колонии:

«4 октября 1945 г. в джакартский порт Танджунг Приок прибыло семь голландских военных кораблей. Находясь в открытом море, они шли под английским флагом. Суда беспрепятственно вошли в порт. После этого английские флаги на них были заменены на голландские. Суда доставили большое количество военной техники и снаряжения, а среди их "пассажиров" было много голландских солдат. Часть автомобилей, которыми они пользовались для беспрепятственного передвижения в порту и в городе, выдавались за машины, принадлежащие якобы Международному Красному Кресту. Голландские солдаты начали немедленно устанавливать свои порядки в порту, они срывали красно-белые флаги республики и водружали на их место голландские флаги. 6 октября голландские солдаты въехали в город. В столице начались беспорядки и грабежи»¹².

В ответ на провокации голландских солдат, забастовку объявили 7 тыс. рабочих столичного порта. Отряды народной безопасности вступили в первые стычки с колонизаторами, которые вскоре переросли в ожесточенные, кровопролитные бои.

5 октября 1945 года был издан указ президента Сукарно об организации Армии народной безопасности — Тента кеаманан ракъят (ТКР) на базе объединения отрядов народной безопасности и других военизированных формирований. Наиболее организованными и боеспособными соединениями на этот момент были молодежные отряды «Песиндо» (Социалистическая молодежь Индонезии) и отряды «Хисбуллах», правой мусульманской партии Машуми. Общая численность этих отрядов достигала 45 тыс. человек. Вскоре агентство Антара опубликовало программную статью «Основы и принципы Армии народной безопасности». В ней, в частности, говорилось, что «создание армии является делом чрезвычайной важности для Индонезийской республики. Голландские колонизаторы пытаются вновь поработать индонезийский народ. Повседневный ход событий доказывает необходимость создания национальной армии — Армии народной безопасности»¹³. В статье особо подчеркивалось, что «моло-

дежь, вступающая в ряды Армии народной безопасности, должна походить по своей убежденности и отваге на русскую молодежь — воинов Красной Армии»¹⁴. 7 октября был сформирован первый регулярный полк ТКР. 9 октября Центральный национальный комитет Индонезии — Комитет национал Индонезиа пусат (КНИП), образованный в качестве временного парламента страны в августе 1945 года, издал постановление о всеобщей мобилизации. 20 октября были учреждены министерство народной безопасности (обороны) под руководством коммуниста А. Шарифуддина, и общий штаб армии, который взял на себя практическое руководство созданием ТКР.

В предельно короткие сроки на о-вах Ява и Суматра были сформированы 16 дивизий Армии народной безопасности, в которые вошли до 400 батальонов (100 полков)¹⁵. Дивизии располагались следующим образом: 10 — на Яве и 6 — на Суматре. В качестве промежуточного звена управления были созданы три командования на Яве и одно — на Суматре (позднее командование Западной, Центральной и Восточной Явы были сведены в одно укрупненное командование).

ТКР стала ядром сопротивления англо-голландским колонизаторам. Однако на первых порах армия была слишком слабой. В ней отсутствовало единство взглядов по вопросам строительства вооруженных сил, между военными (общий штаб армии) и политическими руководителями (министерство обороны) возникали частые разногласия, отсутствие опытных офицеров старшего звена отрицательно сказывался на разработке общей стратегии и отдельных операций, ощущался острый недостаток в вооружении и боеприпасах. Трофейного японского оружия хватало лишь на полноценное вооружение 100 батальонов. Армия имела в своем распоряжении 27,3 тыс. винтовок, 600 пулеметов, 700 минометов и 56 орудий разных калибров, 30 огнеметов и 43 млн патронов¹⁶. Многие части и подразделения ТКР были совершенно безоружны либо вооружены холодным оружием — бамбуковыми копьями, саблями, крисами.

К концу октября 1945 года подразделения английских войск (три индийских дивизии) вступили в основные порты и стратегические пункты на Яве и Суматре — Джакарту, Богор, Бандунг, Семаранг, Сурабаю, Паданг, Палембанг, Медан и другие центры на остальных островах архипелага, где начала восстанавливаться власть голландской колониальной администрации. При этом голландские воинские формирования, прибывшие вместе с англичанами, занимались открытым грабежом населения, устраивали погромы и облавы. Одновременно в Нидерландах готовились к отправке в Индонезию новые голландские войска.

Первое значительное сражение между англо-голландскими войсками и частями Армии народной безопасности произошло в Сурабае, бывшей японской военно-морской базой на Яве.

«Сурабая, это Сталинград в Индонезии, в котором мы непосредственно защищали свою независимость», — позднее скажет президент Сукарно о Сурабайской битве¹⁷.

25 октября 1945 года в Сурабая, полностью находящемся под контролем индонезийцев, высадилась бригада английских войск. Целью высадки было объявлено окончательное разоружение японцев. Представители английского командования заверили власти города, что сухопутные и военно-морские силы голландцев не будут допущены в Сурабая, после чего бригада беспрепятственно высадилась на берег.

Однако уже на следующий день флаг Индонезии, развевавшийся над Управлением нефтеперерабатывающего завода, был демонстративно спущен и заменен английским. Затем над городом с самолетов были сброшены листовки, в которых Сурабая объявлялась на военном положении. Населению города запрещалось проводить митинги и собрания и предлагалось добровольно сдать оружие. 27 октября английские войска начали занимать важнейшие государственные конторы и учреждения, находящиеся под контролем индонезийских властей. На следующий день в Сурабая вступили части голландских колониальных войск. В городе начались ожесточенные уличные бои.

Конфликт принял настолько серьезный характер, что в Сурабая немедленно вылетел президент Сукарно и вице-президент Хатта. 30 октября в результате их переговоров с представителем войск союзников на Яве генерал-майором Хавсорном и командующим английскими войсками в Сурабае бригадным генералом А. Маллаби, была подписана договоренность о прекращении боевых действий.

Однако перемирия не получилось. В тот же день в городе в районе банка «Интернасио» вспыхнула сильная перестрелка. Бригадный генерал Маллаби выехал на место инцидента. Возле здания банка кортеж генерала попал под интенсивный ружейно-минометный обстрел. Одна из мин попала в генеральскую машину. А. Маллаби и все пассажиры, находящиеся вместе с ним, были убиты. Уличные бои вспыхнули с новой силой.

9 ноября командующий английскими войсками в Сурабае генерал-майор Е. Мэнсерг, назначенный вместо погибшего Маллаби, предъявил индонезийцам ультиматум, в котором обвинил их в нападении на английские войска и убийстве своего предшественника. Далее в ультиматуме содержалось требование к руководителям местных властей о подписании безоговорочной капитуляции и сдачи оружия населением города: «Все индонезийцы обязаны, явится для сдачи оружия, построенные в колонну по одному и с белыми флагами в руках»¹⁸. В случае невыполнения условий ультиматума Мэнсерг угрожал жесткими мерами: «Находящиеся под моим командованием сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы помогут вы-

полнить этот приказ. Если индонезийцы откажутся повиноваться, то они сами будут отвечать за то кровопролитие, которое обязательно произойдет»¹⁹. Срок ультиматума истекал в 6 часов утра 10 ноября.

Вечером 9 ноября, в ответ на требование англичан, губернатор Восточной Явы Пак Сурьо по радио обратился к населению Сурабаи с речью, в которой, в частности, заявил: «Все наши усилия урегулировать конфликт путем переговоров не дали результатов. Мы должны смело противостоять любым опасностям для укрепления и защиты нашей страны. Лучше умереть, чем снова стать рабами»²⁰.

Утром 10 ноября англо-голландские войска, получив подкрепления (5-ю индийскую дивизию), перешли к активным действиям. Сурабая была подвергнута интенсивному обстрелу стоящими на рейде английскими военными кораблями. После по городу нанесли бомбовый удар 6 английских самолетов. Затем в бой были введены пехотные части, поддержанные танками и полевой артиллерией.

«Сурабая и ее пригороды, — сообщало агентство Антара, — превращены в руины в результате шквального артиллерийского обстрела и нападения с воздуха, моря и суши. Город непрерывно подвергается бомбежке. Улицы полны убитыми солдатами и горожанами»²¹.

Несмотря на многократный перевес противника в живой силе и технике, части Армии народной безопасности, молодежные отряды под командованием Сутомо и отряд сурабайских рабочих ожесточенно сражались на городских улицах, сдерживая наступление англо-голландских войск. В первый же день боев индонезийцам удалось сбить три английских самолета и подбить несколько танков.

Только 25 ноября, после двух недель кровопролитного сражения, англо-голландским войскам удалось одержать победу над индонезийцами.

Но даже несмотря на падение города, значение героической обороны Сурабая было очень велико. Она пробудила дух сопротивления по всей Индонезии, способствовала сплочению ее народа в борьбе за независимость, показала всему миру, что индонезийцы намерены всерьез защищать свою республику. Недаром вплоть до наших дней 10 ноября ежегодно отмечается в Индонезии как «День героя»²².

Вслед за Сурабайей ожесточенные бои против англо-голландских войск произошли в Джакарте, Богоре, Бандунге и некоторых других городах.

Не менее упорными, чем на Восточной и Западной Яве, были сражения на Центральной Яве. 18 ноября англо-голландские войска перешли в наступление на важный стратегический пункт — город Джокьякарту. Оборону на этом направлении держала 5-я

дивизия ТКР и молодежные отряды. В отличие от других индонезийских частей, подразделения, оборонявшие Джокьякарту, были хорошо вооружены, поскольку еще до начала вражеского наступления, они произвели несколько нападений на японские оружейные склады, где ценой больших потерь (свыше 2 тыс. человек убитыми) захватили большое количество стрелкового и артиллерийского вооружения. В боях на этом направлении части ТКР под командованием генерала Судирмана добились своих первых серьезных успехов. Дважды — 21 ноября и 15 декабря индонезийцы успешно контратаковали войска противника и выбивали их из городов Амбараву и Магеланг — важных опорных пунктов на дороге к Джокьякарте. Эти операции имели особое значение, поскольку вскоре правительство Индонезийской Республики переехало в Джокьякарту из оккупированной Джакарты.

«Что такое Республика Индонезия 1945 года? Национальное знамя, гимн "Великая Индонезия" да огонь борьбы за независимость, который горел в наших сердцах...», — писал А. Сукарно о начальном периоде освободительной войны индонезийского народа²³.

Агрессия Англии и Нидерландов против Индонезии вызвала волну протестов международного рабочего движения, национально-освободительных сил Азии, прогрессивной общественности Запада.

В январе 1946 года вопрос о положении в Индонезии по требованию Украинской ССР был поставлен на повестку дня Совета Безопасности. Как отмечалось в журнале «Индонезия», вышедшем в феврале 1946 года в Голландии, «голос свободной Индонезии» нашел отклик в ООН: «Первым откликнулся Советский Союз, представитель которого защищал дело индонезийского народа так настойчиво, как это мог сделать лишь сам индонезийский народ»²⁴. Однако представители колониальных держав, используя соотношение сил внутри Совета Безопасности, отклонили предложение СССР о посылке в Индонезию делегации ООН для расследования положения на месте.

Между тем, в 1946 году вооруженная борьба индонезийцев против англо-голландских войск развернулась по всему архипелагу. Голландские власти, вступив в переговоры с индонезийской стороной, старались выиграть время для увеличения контингентов своих экспедиционных войск. Кроме того, голландское военное командование, понимая, что под напором протестов мировой прогрессивной общественности, вывод английских вооруженных сил неизбежен, предприняло, совместно с англичанами, ряд операций по захвату новых районов Индонезии с целью недопущения распространения на них республиканской власти.

3 марта 1946 года голландцы высадили двухтысячный десант на остров Бали. Жители острова развернули против захватчиков

партизанские действия. 9 марта дивизия (девять батальонов) голландских войск высадились в Джакарте оккупированной англичанами, в связи, с чем правительство Индонезии выразило резкий протест, заявив, что «высадка голландских солдат является нарушением суверенитета Республики Индонезии»²⁵. Упорные бои начались и на юге Суматры, в городе Палембанг, в порт которого голландцы ввели свои военные корабли.

С 10 марта английские войска общей численностью 5 тыс. человек при поддержке тяжелых танков атаковали район Лембанга, расположенный неподалеку от города Бандунга. В ходе тяжелого боя Лембанг был взят. Потери англичан составили около сотни убитыми. 11 марта противник начал наступление на города Сукамби и Богор, которые пали после ожесточенных боев. 18 марта англичане, используя 10 легких танков, атаковали Бандунг, захватив его южную часть.

После этого повсеместно, начиная с Джакарты, началась замена английских войск голландскими. 16 апреля южная часть Бандунга была передана англичанами под контроль голландских войск. Вслед за этим, 16 мая, под контроль голландцев перешел Семаранг. С 10 июля голландцам были переданы все оккупированные союзниками районы вне Явы и Суматры. В октябре голландцы получили под свой контроль города Богор на Яве, Палембанг, Медан и Паданг на Суматре. А 30 ноября 1946 года последний английский солдат покинул территорию Индонезии.

Голландские войска, будучи не в состоянии полностью овладеть островами Ява, Суматра и Мадуро, развернули боевые действия в других районах архипелага. К июлю 1946 года они оккупировали о-ва Калимантан, Сулавеси, Молуккские и Малые Зондские, а также архипелаг Риау и о-ва Банка и Белитунг. На всех этих территориях, слабо развитых в экономическом положении, проживало менее четверти населения Индонезии.

Тем не менее, голландские правящие круги предпринимали энергичные шаги для реализации плана раскола Индонезии, противопоставляя ей искусственно созданные на окраинах «независимые» государства, пытаясь таким образом заставить республиканцев дать согласие на создание федеративного государства «Соединенные Штаты Индонезии», состоящего из четырех частей: Ява, Сумарта, Борнео и «Великий Восток» (о-ва Сулаверси, Молуккские и Малые Зондские)²⁶.

Автором плана по расчленению Индонезии выступал Х. ван Моок. Ссылаясь на то, что индонезийское общество неоднородно в этническом отношении, разделено языковыми, культурно-религиозными и социально-экономическими барьерами, и.о. генерал-губернатора Нидерландской Индии утверждал, что наиболее реальной для страны явилась бы федеративная система. «Чтобы не разжигать существующих разногласий... наиболее подходящей для устройства Индонезии представляется та

или иная форма индонезийского содружества или Соединенных Штатов Индонезии», — утверждал ван Моок²⁷. Именно с таким предложением от имени своего правительства ван Моок еще в феврале 1946 года обратился к представителями Индонезийской Республики.

7 октября 1946 года в Джакарте начались переговоры между голландской Генеральной комиссией и возглавлявшейся С. Ша-риром делегацией республики, которые завершились в марте 1947 года подписанием соглашения о прекращении военных действий, вошедшего в историю под названием Лингаджатского.

Соглашение носило «компромиссный характер. Нидерланды признали де-факто власть Республики на Яве, Мадуре и Суматре, т.е. на территории, где проживало более 80% населения страны. В свою очередь Республика соглашалась на создание в будущем федеративных Соединенных Штатов Индонезии (СШИ), которые в качестве суверенного государства должны были войти в голландско-индонезийский союз, а также признавала права голландских и других западных собственников предприятий, расположенных на ее территории»²⁸.

«Однако этот странный и неуклюжий план никого не устраивал, и в обстановке возникших подозрений и споров положение ухудшилось настолько, что привело к хаосу», — как верно оценил Лингаджатское соглашение известный историк-международник Питер Кальвокоресси²⁹.

Впрочем, подписанное соглашение все же принесло Республике короткую передышку и определенный международный статус, т.е. создавало лучшие условия для борьбы за полную независимость. В свою очередь, правительство Нидерландов продолжало проводить курс, направленный на раскол страны, сохраняло экономическую блокаду и активно увеличивало свой воинский контингент для решения проблемы силовым путем.

В конце мая 1947 года голландская Генеральная комиссия предъявило республиканскому правительству меморандум. Основные пункты, которого предусматривали признание суверенитета Нидерландов над Индонезией в период до создания СШИ, т.е. до 1 января 1949 года, формирование временного федерального правительства для всей Индонезии во главе с голландским представителем и создание совместной голландско-индонезийской жандармерии для поддержания порядка в стране, включая территории находящиеся под контролем республиканцев. При этом индонезийской стороне предлагалось представить ответ в двухнедельный срок. «Если ответ будет отрицательным или неудовлетворительным, — особо подчеркивалось в меморандуме, — Генеральная комиссия не будет, к сожалению, иметь возможности продолжить обсуждение и вынуждена будет передать этот вопрос на дальнейшее рассмотрение Нидерландского правительства»³⁰.

8 июня республиканское правительство направило Генеральной комиссии ответную ноту. В ней Республика соглашалась, «до того как будут созданы Соединенные Штаты Индонезии, образовать временное правительство в составе представителей республики, Восточной Индонезии и Борнео»³¹. В то же время в ноте содержался решительный отказ от предложения о создании «совместной жандармерии»: «Обеспечение безопасности в стране не является делом голландской армии, а полностью входит в обязанности республиканской полиции»³².

Как и следовало ожидать, содержание индонезийской ноты, произвело на голландскую сторону плохое впечатление. Ответ республиканских властей, как отметил ван Моок, «был почти полностью негативным и неудовлетворительным»³³. Особенно возмутительным, голландцам показался отказ от одного из главных требований меморандума — о создании объединенной жандармерии для обеспечения внутренней безопасности Индонезии. Решительная позиция республиканцев в этом вопросе, по мнению ван Моока, ставила голландскую сторону перед необходимостью самостоятельного восстановления безопасности: «Мы должны были выбирать между двумя возможностями: оставить страну или самостоятельно восстановить безопасность; первое, конечно, было исключено»³⁴.

19 июля голландское правительство поставило в известность индонезийскую сторону, что оно «не может более считать себя связанным перемирием и Лингаджатским соглашением и резервирует за собой свободу действий»³⁵.

20 июля премьер-министр Голландии Л. Бейл, по рекомендации ван Моока, отдал голландским вооруженным силам в Индонезии приказ о всеобщем наступлении.

К началу первой колониальной войны или первой полицейской акции, как ее позднее назовут голландцы, войсковая группировка Нидерландов в Индонезии насчитывала 120 тыс. солдат и офицеров, имея на вооружении 54 бомбардировщика, 64 истребителя «Мустанг», 50 танков «Шерман», 170 артиллерийских орудий, 266 минометов и 159 пулеметов американского производства. Кроме того, к лету 1947 года Англия обучила и снарядила две голландские дивизии. От Австралии Нидерланды получили заем на военные нужды на сумму 7,5 млн фунтов стерлингов и от Канады — на сумму 100 млн долларов³⁶.

Республиканская армия, к этому времени переименованная из ТКР в Национальную армию Индонезии — Тентара Nasional Индонесиа (ТНИ), насчитывала около 200 тыс. бойцов, входивших в 10 дивизий и три отдельных бригады (7 дивизий и бригады располагались на Яве, три дивизии — на Суматре). Однако эти войска, как и прежде, были плохо подготовлены и вооружены. Военно-воздушные силы ТНИ располагали несколькими десятками устаревших и изношенных

японских самолетов, а бронетанковых войск и военно-морского флота армия не имела вообще.

21 июля голландские войска с занимаемых ими баз на Яве (Джакарта, Сурабая, Бандунг) и Суматре (Медан, Паданг, Палембанг) при поддержке авиации, развернули мощное наступление на позиции индонезийцев. Одновременно голландские власти в Джакарте совершили насильственные действия в отношении республиканской делегации, присутствовавшей на переговорах: «все ее члены, включая главу делегации А. К. Гани, были арестованы. Вместе с ними голландцы арестовали еще 200 ведущих индонезийских лидеров в Джакарте»³⁷.

В первый же день боевых действий голландская авиация нанесла бомбовые удары по индонезийским аэродромам в городах Мадииуне, Маланге, Магуво, Тасикмалайе, где вывела из строя 20 самолетов. Жестокой бомбардировке подверглось также мирное население ряда городов.

Основные удары голландских войск были направлены на долину Краванг в 70 км от Джакарты и районы Восточной Явы, являвшимися главными производителями риса в стране. Это делалось для того, чтобы подорвать Республику экономически. Наступление голландских войск развивалось вдоль шоссейных и железных дорог, что облегчало им захват важных административных центров, районов крупных плантаций и предприятий. Кроме того, высадкой морских десантов голландцы попытались овладеть всеми пригодными для эксплуатации портами в Центральной и Восточной Яве.

На пятый день после начала войны, выступивший по радио ван Моок, подвел первые итоги боевых действий: «После того как мы прошли сотни миль и бесчисленное количество оборонительных сооружений, наши потери не достигли еще и трех человек. Не намного выше и потери распавшейся республиканской армии»³⁸.

Отчасти в своем выступлении ван Моок сказал правду. Уже через две недели хорошо подготовленная, вооруженная и высоко механизированная голландская армия захватила многие крупные города, порты и коммуникации. На Яве голландцам удалось установить контроль над побережьем и занять все важнейшие городские центры острова, а на Суматре — оккупировать ключевые пункты восточного побережья, где располагались крупнейшие плантации и нефтеразработки. Бои приближались к Джокьякарте — резиденции правительства Республики Индонезия.

Тем не менее, успешное наступление стоило голландской армии значительных усилий и больших потерь, намного превышающих то число, которое приводил в своем выступлении ван Моок. В отдельных районах Национальная армия Индонезии оказывала противнику ожесточенное сопротивление.

Так, например, когда на Центральной Яве голландские части начали наступление в западном направлении, на город Кали-вунгу, им потребовалось восемь дней непрерывных боев, чтобы продвинуться всего лишь на 21 км; целую неделю голландцы штурмовали город Гарут, с которого они начали войну на Западной Яве.

Однако самое главное в ходе боевых действий заключалось в ином. «Хотя за короткое время голландцы смогли достичь многих своих географических целей, — как справедливо отмечает историк Дж. Кейн, — они были не в состоянии решить своей другой главной задачи — разрушить основной костяк вооруженных сил республики. За исключением нескольких случаев, легковооруженные республиканские войска избегали вступать в непосредственный бой с тяжеловооруженными голландскими силами. Вместо этого они в соответствии с планом ушли из равнинных танкоопасных областей и основных коммуникационных артерий в горы, которые защищали их. В таких зонах, порой весьма населенных и включавших в себя много городов, они начали вести затяжную партизанскую войну»³⁹.

На борьбу с голландскими захватчиками поднялась вся страна. 30 июля 1947 года был создан Национальный фронт обороны Западной Суматры, объединивший 56 политических, общественных и военных организаций. В августе на Северной Суматре начал свою деятельность Совет по координации деятельности партий. Главными задачами Совета, в который вошли представители влиятельных и авторитетных индонезийских партий, были:

«а) на основе единства и целостности всех сил защищать суверенитет и полную независимость Республики Индонезии как внутри страны, так и на мировой арене; б) способствовать проведению всеобщей мобилизации; в) привести политическую, экономическую и социальную жизнь в соответствии с интересами обороны страны»⁴⁰.

Совет объявил всеобщую мобилизацию и призвал все население страны к длительной партизанской войне. «На территории, оставленной нами, — указывалось в обращении Совета, — уничтожайте все, что может потребоваться врагу»⁴¹.

Со 2 августа 1947 года, в районах оккупированных захватчиками развернулось широкое движение «несотрудничества», выразившиеся в массовом саботировании всех мероприятий голландских властей. Так, из 6800 рабочих железнодорожников в Джакарте лишь 100 человек изъявили желание работать на оккупантов. Из трех тысяч работников городского муниципалитета столицы, только 10 человек продолжали выполнять свои служебные обязанности, а из 800 служащих управления электроснабжения Джакарты голландские указания выполняли — 7 человек⁴².

Главные центры сопротивления оккупантам находились в районе Джокьякарты (здесь располагалось правительство и штаб ТНИ), в районах Чепу и Тасикмала (Западная Ява), на Восточной Яве, Центральной и Южной Суматре.

Части Национальной армии Индонезии и партизанские отряды вели не только упорные оборонительные бои, но постоянно переходили и к наступательным действиям. Так, в конце июля части ТНИ перешли в контрнаступление в районе Джакарты и захватили важный опорный пункт голландских войск — город Тангеранг. В боях за этот город храбростью и отвагой отличились молодежные «отряды смертников» (Пасукан Берани Манти). На Западной Яве, в районе Пасундан, во время контрнаступления индонезийцами было взято в плен свыше 800 голландских солдат. Не менее упорные бои между республиканцами и голландскими войсками шли на Южной и Северной Суматре в районах Палембанга и Медана, где большая часть партизан была вооружена лишь бамбуковыми копьями. Стоит, кстати, отметить, что в конце августа в ряды ТНИ влилась интернациональная бригада, состоящая из индийских, китайских и филиппинских добровольцев⁴³.

31 июля 1947 года по требованию Индии и Австралии началось обсуждение индонезийского вопроса в Совете Безопасности. На следующий день после крайне острых дебатов Совет Безопасности принял следующую резолюцию:

«Совет Безопасности, отмечая с тревогой военные действия, имеющие место между вооруженными силами Нидерландов и Республикой Индонезией, предлагает сторонам:

- а) немедленно прекратить военные действия и
- б) разрешить свой спор путем арбитража или другими мирными средствами и уведомлять Совет Безопасности о ходе урегулирования спора»⁴⁴.

Однако голландские власти фактически игнорировали решение Совета Безопасности. 4 августа военные действия против индонезийцев были прекращены лишь в районе временной столицы Джокьякарты, а на других направлениях голландские войска продолжали вести наступательные действия.

В сообщении индонезийской стороны от 5 августа на имя председателя Совета Безопасности, говорилось:

«5 августа в 02. ч. 30 м. нидерландские вооруженные силы, состоящие из роты пехоты, 17 бронированных машин, 20 грузовиков и одного отряда китайских войск, напали на Гомбонг после жестоких боев в Иджо, расположенного в 15 км на запад от Гомбонга. Вслед за этим последовали столкновения в 5 км на запад от Гомбонга.

5 августа в 16.00 Пингит был взят под огонь нидерландской артиллерией.

5 августа нидерландские воздушные силы провели разведку над районом на юг от г. Маланга.

Нидерландское радио в передаче от 5 августа сообщало, что "на Западной и Центральной Яве продолжают операции по ликвидации очагов сопротивления. Гомбонг был занят нидерландской армией. На Западной Яве нидерландские войска заняли Гриссе и теперь занимаются ликвидацией очагов сопротивления в этом районе. Такие же операции по ликвидации производятся на острове Мадуре. Такие же меры проводятся и на Суматре, чтобы восстановить там законность и порядок. Были заняты также Кизаран, Тунджунг-балай, Кулахмедан и Нгули, около оз. Тоба. Террористические акты на Центральной Суматре привели к занятию Лубо Калунга. На Южной Суматре производящаяся нидерландскими войсками ликвидация очагов сопротивления встречает незначительное сопротивление".

Согласно полученным армией сведениям, высадка нидерландских войск на о-ве Мадуре производилась в большом масштабе, при поддержке семи танков и тяжелой артиллерии. 5 августа военные действия все еще продолжались. Высадка началась 4 августа в 08.20 м. Того же числа в 16 ч. 55 м. нидерландские войска при поддержке воздушных сил высадились на запад от Демака на Центральной Яве. 5 августа произошли высадки в 3 км от Бабатана, близ Кудуса, где нидерландские войска встретили сопротивление индонезийских войск. Передвижение нидерландских войск, после того как был издан приказ о прекращении огня, ничем не отличалось от передвижений до этого»⁴⁵.

За короткий срок, голландские войска, нарушая решение Совета Безопасности от 1 августа, сумели продвинуться в глубь территории Индонезии на Западной Яве на 140 км, на Центральной Яве — на 77, на Восточной Яве — на 150 и на Суматре — на 50 км⁴⁶.

29 августа 1947 года наступление голландских войск было приостановлено. Оккупанты объявили о создании так называемой линии ван Моока. Эта линия соединяла пункты максимального продвижения голландских танковых и моторизованных колонн в глубь индонезийской территории, охватывая обширные районы между этими пунктами. Согласно линии ван Моока под контролем республиканского правительства оставалось лишь около трети Явы (часть Центральной и Восточной Явы и небольшой район в Западной Яве), около трех четвертей территории Суматры и часть Мадеры. Объявив о создании линии, голландские войска приступили к ликвидации очагов сопротивления частей ТНИ и партизанских отрядов, отрезанных этой линией от районов подконтрольных Республике Индонезия⁴⁷.

Действия голландских оккупантов вызвали бурные протесты мировой прогрессивной общественности. Советский представитель в ООН потребовал не только прекращения военных действий, но и отвода голландских сил на исходные позиции.

Однако западные державы отклонили эти предложения, приняв лишь решение о прекращении огня и создания так называемой Комиссии добрых услуг из представителей США, Австралии и Бельгии.

Упорное сопротивление индонезийского народа и позиция международных сил заставило голландцев временно отказаться от планов ликвидации Республики и возобновить с ней переговоры.

8 декабря 1947 года состоялась встреча сторон. Она проходила на «нейтральной территории» — транспортном судне американского военного флота «Ренвил», стоявшем на якоре в порту Джакарты. Индонезийскую делегацию возглавлял премьер-министр А. Шарифуддин, а делегацию Нидерландов — чиновник-индонезиец Р. Виджойатмоджо. Представители Комиссии добрых услуг также активно участвовали в переговорном процессе.

В результате переговоров 17 января 1948 года было подписано Ренвильское соглашение, предусматривающее прекращение огня и принятия линии ван Моока в качестве временной линии разграничения, оставляющей под голландской оккупацией большую часть Явы и основные нефтяные и плантационные районы Суматры. Территория Республики сильно урезывалась. Теперь на ней проживало 19,2 млн человек, тогда как на оккупированной территории — 30,6 млн индонезийцев⁴⁸. Правительство Шарифуддина подписало «это соглашение в надежде на мирную передышку в крайне тяжелый для Республики момент и, рассчитывая, что в результате предусмотренного соглашением плебисцита оккупированные голландцами районы вернутся в ее состав»⁴⁹.

Подписание Ренвильского соглашения спровоцировало обострение борьбы между национальными силами Индонезии. Правые партии обвинили Шарифуддина в «уступчивости» и добились падения его кабинета. К власти пришел кабинет вице-президента М. Хатты, в котором преобладали правые силы. Со своей стороны, левые партии, прежде всего Коммунистическая партия Индонезии, в феврале 1948 года создали оппозиционный Народно-демократический фронт (НДФ) во главе с Шарифуддином.

Итогом внутривнутриполитической борьбы стала «малая гражданская война». В сентябре 1948 года правые силы спровоцировали в районе города Маджуна вооруженные столкновения, в ходе которых погибло около 600 коммунистов, в том числе А. Шарифуддин. Было арестовано 35 тыс. коммунистов и сочувствующих им, а КПИ был нанесен удар, от которого она оправилась лишь через несколько лет⁵⁰.

Маджунаские события раскололи единый фронт борьбы против оккупантов, и серьезно ослабили Республику.

Этим незамедлительно воспользовалась голландская сторона. 11 декабря 1948 года голландцы направили в Комитет добрых услуг заявление, в котором обвиняли индонезийское правительство в том, что оно «не в состоянии контролировать свои вооруженные силы» и поэтому «нельзя ожидать, что республика сможет эффективно содействовать в борьбе с нарушениями соглашения о перемирии»⁵¹.

Индонезийская сторона попыталась найти выход из назревавшего кризиса путем переговоров, обратившись за содействием в Комитет добрых услуг.

17 декабря, попытка индонезийцев избежать нового вооруженного столкновения, была пресечена ответом голландцев, в котором говорилось, что обращение индонезийского правительства в Комитет добрых услуг «не может заставить правительство Нидерландов пересмотреть выводы, изложенные в ноте 11 декабря», и возобновить переговоры⁵².

Рано утром 19 декабря 1948 года 150-тысячная голландская армия одновременно в нескольких местах пересекла разграничительную линию и развернула наступление на позиции республиканцев. На этот раз голландское командование предприняло попытку одним ударом покончить с Республикой. Временная индонезийская столица Джокьякарта была избрана главной целью удара. После ожесточенной бомбардировки центра столицы и аэродрома Магуво (в 6 км от Джокьякарты), в которой участвовало до 75 боевых самолетов, голландцы выбросили крупный парашютный десант под командованием полковника ван Лаге—на. Следом за парашютистами сюда же по воздуху была спешно переброшена бригада морской пехоты. В течение нескольких часов десант овладел Джокьякартой, арестовав президента, премьер-министра и многих членов кабинета (избежать ареста удалось главнокомандующему ТНИ генералу Судирману и некоторым другим высшим офицерам). Современники оставили свидетельства о том, как происходил арест президента А. Сукарно:

«Днем голландские войска окружили дворец. Охрана оказала сопротивление, но силы были неравными, и Сукарно, приказав сложить оружие, выслал парламентаря. Командир десанта полковник ван Лаген докладывал: "Господин генерал, мы захватили Сукарно и держим его здесь". Президента доставили в штаб. Голландский генерал потребовал: "Сукарно, прикажите вашей армии сложить оружие, или мы уничтожим ее в течение одной недели. Я могу вас в этом заверить". Затем, гордо оглядев своих помощников, он продолжал: "История вашей страны и ваша лично закончилась". Сукарно молчал, затем тихим, спокойным голосом сказал: "Генерал! Я пленник или президент? Если я президент, я могу вести с вами переговоры. Если же я пленник, то я не могу отдавать приказы". На том беседа и закончилась»⁵³.

На острове Ява помимо нанесения основного удара по Джо́кьякарте, голландские войска атаковали позиции индонезийцев еще с трех направлений.

19 декабря на северном побережье Явы, к западу от города Пекалонган, голландцы высадили воздушный и морской десанты, которые, объединившись, начали продвижение к югу, в направлении города Магеланг. Другая механизированная колонна голландских войск 20 декабря пересекла разграничительную линию к юго-западу от Семаранга, нанеся удар также в направлении Магеланга. 22 декабря после захвата этого города, голландцы перерезали коммуникации между Восточной и Западной Явой и соединились с десантниками, овладевшими Джо́кьякартой.

Другая атака голландцев последовала 20 декабря из Семаранга в восточном направлении, по дороге на Сурабаю. Эта атака была поддержана наступлением из Семаранга в направлении города Кудус, где оборонялся батальон республиканской дивизии «Силиванги», а также высадкой морского десанта на северном побережье Явы. 21 декабря десант захватил город Тубан и нанес удар по городу Боджонегоро. 22 декабря голландские войска, наступавшие из Магеланга в восточном направлении, заняли ряд важных опорных пунктов республиканцев — Блитар и Чепу. 23—24 декабря голландские части начали боевые действия на западной оконечности Явы, где захватили города Серанг и Джасинга.

Столь же молниеносно военные операции разворачивались и на Суматре. 20—21 декабря голландские войска на западном и северо-восточном побережье острова заняли Солок и Баганси-апиапи, захватили весь район Южного Асахана, а также Букит-тинги и Паданг. 23 декабря голландские десантники на гидропланах высадились на оз. Тоба, захватили Балиг, откуда начали наступление на Сиберанг-Беранг.

Таким образом, войска оккупантов, «широко используя наступление механизированных колонн, воздушные и морские десанты, при массовой поддержке с воздуха овладели важнейшими стратегическими центрами, оставшимися после Рен-вильского перемирия под контролем Индонезийской Республики»⁵⁴.

Однако, несмотря на столь внушительный «блицкриг», главная задача голландцев, заключавшаяся в том, что им удастся обезглавить Республику, лишив ее всякого руководства, а также на полный разгром индонезийских вооруженных сил, оказалась не выполненной.

Республиканскую власть представляло Чрезвычайное правительство, возглавляемое министром Ш. Правиранегарой со штаб-квартирой на Суматре, сформированное в соответствии с решением президента Сукарно. Чрезвычайное правительство

развернуло энергичную деятельность, категорически потребовав освобождения арестованных руководителей Республики и отвода голландских войск на исходные позиции, занимаемые ими до 19 декабря.

Войска Индонезии, понеся значительные потери, сумели, тем не менее, избежать полного разгрома и с 26 декабря по приказу главнокомандующего Судирмана, продолжили вооруженную борьбу против голландских оккупантов. Кроме того, военному руководству на Яве пришлось возглавить как движение Соппротивления, так и деятельность всех республиканских властей.

В виду явного военно-технического превосходства противника военное руководство Республики выработало новую концепцию партизанской войны, известную как стратегия «войны слабого против сильного». Автором этой стратегии был начальник оперативного штаба ТНИ полковник А. Х. Насутион. Суть ее заключалась в организации сопротивления колонизаторам путем опоры на созданную по всей стране сеть военно-административных районов, которые должны были служить основой организации партизанских сил и управления республиканской территорией в случае оккупации ее центров (городов) противником⁵⁵. Полковник Насутион разработал и тактику вооруженной борьбы, которая предусматривала внезапные налеты небольших мобильных отрядов на коммуникации и тыловые объекты противника, блокаду занятых им городов и населенных пунктов. Подобные действия партизан должны были сковать основные силы врага и в сочетании с другими факторами (международной поддержкой Республики, например) заставить его, в конечном счете, отступить.

В соответствии с планом Насутиона командование ТНИ создало систему военно-партизанского управления во всех административно-территориальных единицах Явы — от деревенской общины до провинций. Военно-административные органы возглавляли кадровые офицеры, опиравшиеся на поддержку гражданских властей и населения. Высшая военная и гражданская власть была сосредоточена в руках военного правительства Явы, возглавлявшегося главнокомандующим генералом Судирманом и командующим республиканскими войсками на Яве полковником Насутионом. Военному правительству непосредственно подчинялись военные губернаторы провинций. Боевыми действиями на Яве руководил штаб военного командования, находившийся в районе Джокьякарты. Партизанские отряды делились на территориальные и мобильные. В задачу первых входила оборона определенного района. Вторые предназначались для нападений на противника⁵⁶.

Наряду с партизанской войной, индонезийцы применяли тактику «выжженной земли», которая в сочетании с саботажем

не давала захватчикам возможности эффективно эксплуатировать плантации и предприятия на оккупированной ими территории. В занятых голландцами городах, действовали подпольные республиканские власти, связанные с партизанами. В Джокьякарте, Соло, Мадуине и других городах крепло движение «несотрудничества» с оккупантами. Так, в Джокьякарте из 10 тыс. государственных чиновников, находившихся в городе и окружающем его районе, с голландцами сотрудничало только 150 человек⁵⁷.

К началу 1949 года силы республиканцев консолидировались. В стране началось восстановление антиимпериалистического фронта, фактически распавшегося после Мадийских событий. Активное участие в его восстановлении приняли члены КПИ, в том числе бежавшие из тюрем.

В январе-феврале 1949 года голландские войска на Яве были блокированы в городах, за пределами которых власть принадлежала партизанам. Республиканское командование активно расширяло зону партизанских действий. На территорию созданных голландцами марионеточных «государств» в Западной и Восточной Яве, а также в Южный Калимантан были посланы части ТНИ, объединившие вокруг себя местные партизанские отряды.

На Суматре голландцам удалось нанести поражение республиканским войскам, которые распались на отдельные партизанские группы, не имевшие общего руководства. Однако постепенно штаб суматранского командования сумел объединить партизан и наладить их координацию действий.

4 марта 1949 года командующий республиканскими войсками на Яве полковник Насутион издал приказ о переходе частей ТНИ к наступательным операциям, силами от батальона и выше. К этому времени республиканцы уже имели определенный опыт наступательных действий. В декабре 1948 года, в январе и марте 1949 года, они провели три успешных нападения на Джокьякарту, причем во время последнего нападения части ТНИ удерживали город в течение суток.

К концу марта — началу апреля 1949 года фактически вся территория Явы, за исключением крупных городов, была очищена от голландских оккупантов. Республиканцами был освобожден также ряд районов Суматры и Калимантана.

В целом вторая колониальная война привела к провалу голландской политики в Индонезии, ибо она вызвала рост сопротивления индонезийского народа и массовую партизанскую войну против захватчиков, вызвала резкие протесты мировой общественности, в первую очередь СССР, вынудила отказаться от прямой поддержки оккупантов США и Англию, что отразилось на решениях Совета Безопасности.

Все это заставило голландцев освободить арестованных лидеров Республики, вернуть их в Джокьякарту и начать с ними

переговоры. 11 августа 1949 года прекратились боевые действия на Яве, а 15 августа — на Суматре. В соответствии с решениями Конференции круглого стола, состоявшейся 23 августа — 2 ноября 1949 года в Гааге, Индонезийская Республика была признана независимым государством (Соединенными Штатами Индонезии), которое вскоре было провозглашено унитарным индонезийским государством, где президентом стал д-р А. Сукарно⁵⁸.

По подсчетам английского историка Чарлза Мессенджера людские потери за время боевых действий в Индонезии составили: 24 тыс. человек у голландцев и 80 тыс. человек у индонезийцев⁵⁹.

По другим данным за период с 1945 по 1949 годы общие людские потери составили 177 тыс. человек. Англо-индонезийский конфликт 1945—1946 годов унес жизни 7 тыс. человек; за время голландской агрессии 1947—1949 годов погибло 170 тыс. человек, из них — 50 тыс. боевые потери и 120 тыс. потери мирного населения. Кроме того, Индонезию были вынуждены покинуть 270 тыс. голландцев и 30 тыс. жителей Молуккских островов⁶⁰.

Примечания к главе 12

¹ *Кяmileв Э.Х.* Завоевание Индонезией независимости. М., 1972. С.6.

² Муфакат — единодушное решение, принятое без голосования в результате совместного обсуждения (мушаварах) какого-либо вопроса членами общины и носящее обычно компромиссный характер.

³ Индонезия. Справочник. М., 1983. С.98.

⁴ Там же. С.99.

⁵ *Капица М.С., Малетин Н.П.* Сукарно: Политическая биография. М., 1980. С.89.

⁶ *Кяmileв Э.Х.* Завоевание Индонезией независимости... С. 10.

⁷ Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965). М., 1970. С.73.

⁸ Там же. С.77.

⁹ *Кальвокоресси П.* Мировая политика после 1945 года: В 2-х кн. Кн.2. М., 2000. С.84.

¹⁰ Национально-освободительное движение... С.82.

¹¹ *Капица М.С., Малетин Н.П.* Сукарно... С.94.

¹² *Кяmileв Э.Х.* Завоевание Индонезией независимости... С.26—27.

¹³ Там же. С.29.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Вооруженная борьба народов Азии за свободу и независимость 1945-1980. М., 1984. С.102.

¹⁶ Там же. С. 103.

¹⁷ Там же. С. 105.

¹⁸ *Кяmileв Э.Х.* Завоевание Индонезией независимости... С.36.

¹⁹ Там же. С.37.

²⁰ Там же.

- 21 Там же.
- 22 Национально-освободительное движение... С.84.
- 23 *Капица М.С., Малетин Н.П.* Сукарно... С.96.
- 24 Там же. С. 100-101.
- 25 *Кямилев Э.Х.* Завоевание Индонезией независимости... С.85.
- 26 Вооруженная борьба народов Азии... С. 106.
- 27 *Кямилев Э.Х.* Завоевание Индонезией независимости... С.86.
- 28 Индонезия... С.101-102.
- 29 *Кальвокоресси Т.* Мировая политика после 1945 года... С.84—86.
- 30 *Кямилев Э.Х.* Завоевание Индонезией независимости... С. 100—101.
- 31 Там же.
- 32 Там же. С. 102.
- 33 Там же.
- 34 Там же. С. 106-107.
- 35 Там же. С. 108.
- 36 Вооруженная борьба народов Азии... С. 107; *Кямилев Э.Х.* Завоевание Индонезией независимости... С.206.
- 37 *Кямилев Э.Х.* Завоевание Индонезией независимости... С.110.
- 38 Там же. С.1 П.
- 39 Там же. С.112.
- 40 Там же. С.113.
- 41 Там же.
- 42 Там же. С.113-114.
- 43 Национально-освободительное движение... С.119.
- 44 *Кямилев Э.Х.* Завоевание Индонезией независимости... С.118.
- 45 Там же. С.121.
- 46 Там же. С. 122.
- 47 Национально-освободительное движение... С.121—122.
- 48 Вооруженная борьба народов Азии... С. 108.
- 49 Индонезия... С.103.
- 50 Там же. С. 104.
- 51 *Кямилев Э.Х.* Завоевание Индонезией независимости... С.191.
- 52 Там же. С.193.
- 53 *Капица М.С., Малетин Н.П.* Сукарно... С.113.
- 54 Вооруженная борьба народов Азии... С.109.
- 55 Там же.
- 56 Вооруженная борьба народов Азии... С.110; Национально-освободительное движение... С.141.
- 57 Национально-освободительное движение... С.142.
- 58 Вооруженная борьба народов Азии... С.111.
- 59 *Мессенджер Ч.* Энциклопедия войн XX века. М., 2000. С.406.
- 60 *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004. С.63-64.

Осенью 1944 года Верховное командование вооруженных сил США решило начать вторжение на Филиппинский архипелаг, оккупированный войсками Японии. К этому времени международная обстановка складывалась весьма благоприятно для держав антифашистской коалиции. Главный союзник Японии — гитлеровская Германия, под ударами войск союзников, доживала свои последние дни. Сама Япония, утратив стратегическую инициативу в войне на Тихом океане, проигрывала одно сражение за другим. В этих условиях американское командование могло рассчитывать на легкую победу над японскими войсками в борьбе за Филиппины.

20 октября 1944 года крупный американский десант, высадившись на острове Лейте, встретив лишь незначительное сопротивление со стороны японцев.

В начале 1945 года американцы произвели высадку на главном острове архипелага — Лусоне. 9 января, первые части 6-й армии США высадились на побережье залива Лингаен и развернули наступление на столицу Филиппин — Манилу. Несколько позже в Насугбу и в районе горной гряды Тагайтай десантировался с моря и воздуха второй эшелон американцев, который двинулся на столицу с юга.

Значительную помощь американским войскам в борьбе за Лусон оказывала Народная антияпонская армия — Хукбонг бай-ян лабанса Хапон, или сокращенно Хукбалахап, созданная Коммунистической партией Филиппин (КПФ) в 1942 году. Еще в октябре 1944 года, как только по архипелагу разнеслась весть о высадке американцев на Лейте, хуки, как называли бойцов Хукбалахап, стали с удвоенной силой наносить удары по японским оккупантам. В бой были «брошены все резервы, много новых добровольцев вступило в партизанские отряды... Японскому командованию пришлось направить против партизан все марионеточные войска и свои дополнительные части, усиленные танками, артиллерией и авиацией. В тяжелых боях Хукбалахап теснила оккупантов. Число освобожденных районов росло, сливаясь в сплошную территорию»¹. После того как первые американские части высадились на Лусоне, отряды хуков перерезали основные коммуникации в тылу японских войск, разрушили связь и снабжение их соединений.

«Не встречая сопротивления в пунктах высадки, — отмечалось в документах 6-й армии США, — американские войска высаживались на сушу, чтобы по собственному выбору вести борьбу с дезорганизованным и деморализованным, плохо снаряженным и плохо снабжаемым противником»².

К февралю 1945 года Хукбалахп имела в своих рядах 20 тыс. бойцов и еще 50 тыс. резервистов, готовых в любой момент встать под ружье. Сражаясь на Центральном Лусоне, в провинциях Южнотагальского региона (Лагуна, Батангас) и некоторых других, хуки провели порядка 1200 боев с противником, уничтожив более 25 тыс. японцев и коллаборационистов³.

В первых числах марта 1945 года американские войска штурмом взяли Манилу, которую оборонял 17-тысячный японский гарнизон под командованием контр-адмирала С. Ивабуги. В июне того же года закончились бои на Лусоне, а в июле — и на других островах архипелага. В сентябре 1945 года после подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии, на Филиппинах не осталось ни одного вооруженного японского солдата.

«Но филиппинцы не могли вздохнуть свободно, — как верно заметил историк Г. И. Левинсон. — Их родина была оккупирована войсками американского империализма, давнего и жестокого угнетателя филиппинского народа»⁴.

Непосредственный очевидец новой оккупации, известный филиппинский журналист Э. Абайя, писал:

«В первое время после освобождения от японской оккупации филиппино-американские отношения вселяли в людей надежду и веру в будущее. Джо — рядовой американский солдат — стал на Филиппинах своим человеком. Простой парень, раздающий малышам леденцы, добрый и сильный — совершенно такой, каким он описан у американского журналиста Эрни Пайла. Филиппинцы понравились ему, но он скучал по дому, и они помогали ему забыть тоску. Для него были открыты двери каждого дома. Джо был знаком филиппинцам еще до войны, но теперь, когда он вернулся после трех мрачных лет японской оккупации, он стал милее и ближе. То было время, когда американский престиж достиг своего апогея.

Но вот и для Джо, ветерана боев на Соломоновых островах, на Новой Гвинее и под Манилой, наступила пора возвращаться домой. С его отъездом кончился и медовый месяц "освобождения". В Манилу приехал новый Джо, с саквояжем в руках. Традиционное отношение к гостям никогда бы не позволило филиппинцам отказать кому-либо в радушном приеме. Но этот Джо был человеком другого склада, и чуткие филиппинцы сразу уловили эту разницу. Это был искатель наживы — наглый, самоуверенный, полный сил и презрения к окружающим. Ловкий и речистый делец, словно сошедший с голливудского эк-

рана, он примчался сюда, чтобы быстро набить карманы, повинаясь лишь морали бессердечного чистогана»⁵.

Более того, сразу же после изгнания японцев, т.е. в начальный период восстановления американского господства на Филиппинах, правящие круги США считали возможным, опираясь на свои войска, дислоцированные на архипелаге и местную буржуазию, отказаться от провозглашения в 1946 году обещанной филиппинцам независимости, ликвидировать автономию и создать систему прямого управления.

Стоит напомнить, что в конце XIX века в ходе испано-американской войны 1898 года Филиппины были захвачены Соединенными Штатами. Эта единственная американская колония в Азии стала служить плацдармом для дальнейшей экспансии США на Дальнем Востоке, а попутно эксплуатировалась ими как источник сырья, рынок сбыта и сфера выгодного вложения капиталов. Перед лицом революционных событий начала XX века американцы стали строить свою колониальную политику на основе гибких компромиссов, не раз обещая предоставить Филиппинам полную независимость. В 1934 году США в период подъема рабочего и крестьянского движения и обострения противоречий с местной буржуазией оказались вынуждены обнародовать закон Тайдингса — Макдаффи, по которому Филиппинам была обещана независимость через 10 лет, а до истечения этого срока им предоставлялась автономия. Однако вторжение японских войск на Филиппины в 1941 году, отодвинула исполнение закона Тайдингса — Макдаффи на несколько лет.

В сентябре 1945 года назначенный на пост верховного комиссара США на Филиппинах П. Макнатт открыто грозил филиппинцам всевозможными неприятностями в случае получения независимости.

«Если филиппинцы, — опускаясь до откровенного шантажа, заявил в своем выступлении Макнатт, — оставят в стороне вопрос о независимости, они будут, иметь больше шансов, встретить сочувственное отношение конгресса к мероприятиям по восстановлению страны»⁶.

Другой американский деятель Р. Говард, выступил с предложением о ликвидации автономного режима и превращении Филиппин в обыкновенный штат США.

Однако осуществление колонизаторских планов американцев натолкнулось на растущее недовольство народных масс.

Офицер американской разведки Ч. Парсонс пророчески писал в частном письме: «Люди, которые там, в горах, сражались с японцами, естественно, чувствуют, что они имеют право сказать свое слово в отношении правительства и будущего Филиппинских островов»⁷.

Вместе с ростом политической сознательности филиппинцев шло и повышение их организованности, что превращало

народ в большую общественную силу. В мае 1945 года на основе объединения всех довоенных крестьянских организаций был создан Национальный крестьянский союз (НКС), собравший в свои ряды не менее 300—400 тыс. человек. Руководителями НКС были избраны видные члены компартии М. дель Кастильо и Х. Фелео. Несколько раньше было положено начало созданию крупного профсоюзного центра — Комитета (впоследствии — Конгресса) рабочих организаций (КРО), объединявшего рабочих манильских предприятий. В организации и деятельности КРО заметную роль играла КПФ. Армия Хукбалахап, руководимая компартией, придавала особую силу народно-освободительному движению. Наличие оружия «в руках народа не позволяло колонизаторам чувствовать себя на Филиппинах так же спокойно и уверенно, как до войны»⁸.

В обстановке политического подъема, царившего на Филиппинах, остро встал вопрос о необходимости организации широкого национального фронта борьбы за независимость и демократию. С этой целью КПФ начала переговоры об объединении с Демократическим альянсом, созданным летом 1945 года, деятелями буржуазной националистической организации Союз гражданских свобод. В результате переговоров Демократический альянс был значительно расширен. К началу 1946 года в его состав вошли КПФ, Хукбалахап, НКС, КРО, а также ряд националистических организаций. Альянс, по подсчетам американских наблюдателей, объединял в своих рядах не менее 2 млн членов и сочувствующих.

Летом 1946 года Демократический альянс принял декларацию, в которой заявил, что он «остро ощущает наличие в нашей среде сильного и хорошо организованного реакционного меньшинства, которое стремится защищать свои особые, корыстные интересы, и с этой целью проникнуть в состав нашего правительства, чтобы затруднить или вовсе парализовать наш прогресс и тягу к самоопределению, которая сейчас охватила весь мир, и чтобы урезать демократические достижения, уже завоеванные в политической борьбе в период американского владычества и в революционной борьбе против японских фашистских милитаристов»⁹.

Выдвинутые Демократическим альянсом программные требования включали:

«1. Достижение полной политической независимости Филиппин.

2. Обеспечение экономической независимости страны путем проведения политики индустриализации.

3. Проведение аграрных преобразований: скупка поместий правительством для перепродажи арендаторам на льготных условиях, а также повышение доли арендатора при разделе урожая.

4. Признание прав рабочих на заключение коллективных договоров и установление для них минимума заработной платы.

5. Удаление с занимаемых постов и предание суду всех коллаборационистов.

6. Укрепление национального единства против фашизма и реакции»¹⁰.

В обстановке мощного политического подъема, американские правящие круги рассчитали, что с предоставлением независимости Филиппинам они потеряют намного меньше, чем могут потерять в случае отказа от выполнения своего обещания. Обеспечив в апреле 1946 года приход к власти проамериканского правительства М. Рохаса, они продиктовали ему условия провозглашения независимости. В этих условиях американские колонизаторы внесли ряд существенных изменений, которые делали независимость еще более призрачной, чем она гарантировалась в законе 1934 года. Свое согласие на предоставление суверенитета Филиппинам американцы обусловили рядом экономических требований: во-первых, заключить договор, освобождающий американские товары от ввозных пошлин и устанавливающий ограничительные квоты на беспошлинный ввоз в США основных товаров филиппинского экспорта; во-вторых, внести в конституцию Филиппин поправку, предоставляющую американским гражданам равенство с филиппинцами в правах на эксплуатацию природных ресурсов и коммунальных предприятий; в-третьих, не изменять курс филиппинской валюты без согласия правительства США. Особое место в дополнительных требованиях американцев заняли меры по укреплению военного присутствия на архипелаге вооруженных сил США и контролю над филиппинской национальной армией.

Правительство Рохаса полностью согласилось принять американские требования. «Одобрить такие "правила игры" могла бы только олигархическая элита, причем ее самая эгоистичная часть. Собственно, "под нее" и строились эти планы», — пишет об этом соглашении историк В. В. Сумский¹¹.

4 июля 1946 года была провозглашена независимость Филиппин (в тот же день были подписаны все продиктованные американцами экономические требования, а через год — требования по военным вопросам). Далее процитируем Э. Абая:

«Четвертого июля на площади Лунета с невероятной помпой, в потоке цветистых речей праздновались устроенные американцами крестины Филиппинской республики. В последнюю минуту из Токио на своем самолете прилетел верховный главнокомандующий союзными силами на Тихом океане Дуглас Макартур, прибывший по приглашению своего друга президента Рохаса, которого генерал в свое время "освободил от японцев". Другими важными гостями был Пол Макнатт и Милард Тайдингс (один из авторов закона о независимости Филиппин). Каждый из них произнес прочувственную речь. Полумиллионная толпа жителей Манилы смотрела сквозь сетку мелкого дождя, как с

почтительной медлительностью спускали американский флаг, а на его место подняли флаг Филиппин. Прогремел салют из американских пушек, американские самолеты рассекли небо, приветствуя новую Республику, американские войска и техника прошли церемониальным маршем перед рукоплескавшими трибунами. Шел дождь. Но народ не уходил. Проносающиеся с ревом истребители, гигантские бомбардировщики — такое зрелище жалко было упустить... Однако чего-то все же не хватало на этом великолепном празднике. Речам недоставало правдивости. Воздушный парад был, конечно, впечатляющ и всем очень понравился, но никому не хотелось кричать от радости: "Наконец-то мы свободны!"¹².

Сразу же после провозглашения независимости американские колонизаторы и правительство Рохаса взяли курс на насильственное подавление народно-освободительного движения, на разгром и уничтожение всех прогрессивных политических организаций. Прежде всего, было запланировано разгромить основные организации движения — КПФ, Лигу ветеранов Хукбалахап (армия самораспустилась в 1945 году, создав Лигу ветеранов, в которую вступило около 60 тыс. человек), НКС, КРО, Демократический альянс и др., физически уничтожить их руководителей. Эта задача была возложена на военную полицию, общая численность которой составляла 22 тыс. человек, под командованием генерала М. Кастаньеда, по прозвищу «Гиммлер». Из уголовников был сформирован особый батальон военной полиции под названием «Череп», предназначенный для выслеживания и убийства лидеров и активистов освободительного движения. Кроме того, военная полиция опиралась на так называемую гражданскую гвардию — наемные банды, состоящие на службе у отдельных крупных землевладельцев. Так, например, губернатор провинции Панбанга А. Давид и губернатор провинции Нуэва Эсиха Э. Альгаса, одни из первых, под предлогом «охраны народа от нарушителей закона», создали отряды гражданской гвардии¹³.

Особенно острая ситуация сложилась на Центральном Лусоне — в основном «рисоводческом районе, одном из центров крупного помещичьего землевладения, где преобладали наиболее отсталые формы эксплуатации и свыше 80% крестьян принадлежало к категории безземельных арендаторов-издольщиков. Этот район традиционно был центром высокой активности крестьянских выступлений. В годы японской оккупации (1942—1945) он служил главной территориальной базой Народной антияпонской армии (Хукбалахап), руководимой КПФ. После окончания войны именно крестьяне и сельскохозяйственные рабочие Центрального Лусона составили основу наиболее крупной крестьянской организации — Национального крестьянского союза, которым руководили коммунисты. Не случайно, поэтому Центральный

Лусон стал главной ареной террористической кампании развязанной правительством Рохаса»¹⁴.

Летом 1946 года отряды военной полиции и гражданской гвардии, вооруженные броневидами и минометами, совершили ряд налетов на деревни в провинциях Пампанга, Нуэва — Эсиха, Пангасинан и Тарлак на Центральном Лусоне. Во время этих налетов было убито более 500 крестьян и арестовано до 1500 человек, подозреваемых в принадлежности к народно-освободительному движению. В отдельных случаях к репрессиям привлекались части регулярной филиппинской армии. Ее опорой была 95-тысячная группировка американских войск (60 тыс. американских солдат и офицеров и 35 тыс. так называемых «филиппинских разведчиков», входящих в армию США), дислоцированная на военных базах страны. Так, например, еще в январе 1946 года на Центральный Лусон была направлена американская 86-я пехотная дивизия «Черный ястреб». Начальник штаба этой дивизии прямо заявил в печати, что дивизия направляется в этот район, чтобы «справиться с беспорядками»¹⁵.

Крестьяне некоторых деревень оказывали карателям ожесточенное вооруженное сопротивление. Стали стихийно возникать крестьянские отряды самообороны, а в ряде провинций бывшие партизаны воссоздали роты Хукбалахап. Руководство Лиги ветеранов Хукбалахап приняло решение о восстановлении генерального штаба, который взял бы под свой контроль сопротивление карателям.

19 июля 1946 года был принят правительственный указ №4 о запрещении владения огнестрельным оружием частным лицам и угрожавший им тюремным заключением сроком до 10 лет. Этот указ был направлен против бывших партизан-хуков, сохранивших оружие со времен войны, и крестьян, создававших отряды самообороны.

Отказ хуков и крестьян разоружиться вызвал новую волну карательных операций. С середины августа 1946 года военная полиция и гражданская гвардия снова развернула террористические налеты на очаги народно-освободительного движения в Южном и Центральном Лусоне.

«Отдельные стычки вскоре переросли в настоящие бои, — пишет об этих карательных операциях Э. Абайя, — кое в чем походившие на партизанскую войну, которую крестьяне вели против японцев. Расстановка сил в этой борьбе была такова: на одной стороне были крестьяне Центрального Лусона, почти поголовно члены Национального крестьянского союза (по-тагальски — Памбансанг Каисахан Магбубукид), а также их армия, созданная в годы оккупации, — Хукбалахап; на другой стороне была жандармерия и гражданская гвардия, находящаяся на содержании у помещиков. Поскольку около 70 процентов солдат и офицеров правительственных войск в провинциях

Памбанга и Нуэва — Эсиха служили при японских оккупантах в филиппинской марионеточной жандармерии, то возобновившиеся вооруженные столкновения были не более чем продолжением прежней борьбы, временно приостановленной освобождением страны от японского господства»¹⁶.

В ходе операций каратели применяли самолеты, артиллерию, танки. Офицеры американской армии сопровождали отряды военной полиции и гражданской гвардии в качестве советников, нередко беря на себя непосредственное руководство операциями. За короткий срок было сожжено 87 деревень, убиты сотни человек, среди них — один из создателей и руководителей НКС Х. Фелео, которого обманом заманили в ловушку, отрубили голову, а тело бросили в реку Пампанга.

Однако сопротивление со стороны вооруженных хуков и крестьян серьезно изматывало противника. К ноябрю 1946 года наступательный порыв правительственных войск значительно ослабел. Отряды партизан-хуков и сельские отряды самообороны, сохранив свои силы, отступили в труднодоступные районы страны.

В 1947 году обстановка на Центральном Лусоне оставалась крайне напряженной. Формировались новые отряды крестьянской самообороны. Началось полномасштабное воссоздание боевых частей хуков, был сформирован генеральный штаб Хукбалахап, который стал полностью контролировать процесс организации сопротивления.

В этих сложных условиях руководство КПФ проводила курс на расширение единого антиколониального фронта, укрепление связей с массами, сочетание легальных и нелегальных методов борьбы. Курс компартии получил отражение в решениях февральского расширенного пленума ЦК КПФ, а позже и в тезисах генерального секретаря В. Лавы. Против генеральной линии КПФ выступала часть ее руководителей, главным образом связанных с НКС и Хукбалахап, которые настаивали на немедленном вооруженном восстании и силовом захвате власти.

В свою очередь, правительство Рохаса продолжало проводить карательные операции на Центральном Лусоне. Так, в конце марта 1947 года полиции стало известно, что в провинции Пампанг в районе горы Араят состоится совещание представителей отрядов Хукбалахап. Скрытно сосредоточив большие силы в соседних провинциях, «эм-пи» (военная полиция) умелым маневром окружила район горы Араят. 26 марта в кольцо окружения оказался штаб Хукбалахап и около 200 партизан. Под прикрытием артиллерийского огня несколько тысяч полицейских во главе с генералом Кастаньеда начали штурм Араята. Несколько дней партизаны отражали атаки «эм-пи», а затем внезапной ночной атакой вырвались из окружения, потеряв всего четырех человек.

После неудачной операции под Араят правительство Рохаса пришло к выводу, что «попытки разбить Хукбалахап одним внезапным ударом будут обречены на неудачу, что справиться с Хукбалахап будет нелегким и затяжным делом»¹⁷. Генерал Кас-таньедра даже заявил, что хотел бы иметь атомную бомбу, чтобы применить ее против хуков.

Весной 1948 года были объявлены вне закона НКС и Хукбалахап. Комиссия по расследованию антифилиппинской деятельности во главе с К. Вильяреаль (образована в 1947 году) развернула пропагандистскую кампанию по поводу коммунистической угрозы. В ходе этой кампании президент Рохас выступил с заявлением, что «Хукбалахап пользуется поддержкой Советского Союза и готовит военную диктатуру русских»¹⁸.

15 апреля 1948 года во время осмотра американской военной базы Кларкфилд, неожиданно от сердечного приступа умер президент М. Рохас.

Правительство Э. Кирино, пришедшее к власти после смерти Рохаса, решило испробовать новую тактику в борьбе против народно-освободительного движения. Президент Кирино пообещал всеобщую амнистию партизанам-хукам и членам НКС при условии, что они сдадут оружие. В июне 1948 года было заключено соглашение между правительством Кирино и главнокомандующим Хукбалахап Л. Таруком. Э. Кирино подписал декрет об амнистии и одновременно взял на себя ряд обязательств по проведению демократических социальных мероприятий, в частности по обеспечению «более справедливого распределения земли»¹⁹.

Однако очень скоро стало очевидным, что правительство не намерено выполнять условий соглашения. Военная полиция и гражданская гвардия продолжали свои налеты на деревни, никаких законодательных или административных мер по разрешению земельного вопроса принято не было.

В таких условиях бойцы Хукбалахап и члены НКС отказывались сдавать оружие. По официальным данным из 200 тыс. партизан амнистией воспользовалось, только 189 человек и только 10 из них сдались с оружием²⁰. 15 августа 1948 года правительство Кирино заявило, что последний срок амнистии истек, и что отныне все, кто не сдал оружие, будут объявлены вне закона.

К осени 1948 года сменилось руководство КПФ, в котором возобладали сторонники курса вооруженной борьбы. Они исходили из того, что «коренные для народа проблемы — проблемы пропитания, земли, свободы и мира — более не могут быть решены иначе, как путем вооруженного свержения власти империалистов, феодальных помещиков и их марионеток»²¹. На Центральном Лусоне вновь начались вооруженные столкновения между отрядами хуков и военной полицией. В октябре 1948 года указом Кирино КПФ была объявлена вне закона. Но к этому времени в провинциях Центрального Лусона уже полыхало

крупное крестьянское восстание, во главе которого стояло новое руководство компартии.

В начале восстания основной территорией сопротивления являлись горные районы в провинциях Пампанга, Тарлак, Нуэва-Эсиха, Батангас, Рисаль.

В боевых действиях хуки придерживались тактики, отточенной ими в период антияпонской войны, состоявшей из засад на коммуникациях и внезапных налетов на военные посты, склады с оружием и помещичьи асьенды (имения). Нападения проводились большими отрядами по 400—500 бойцов, либо мелкими группами по 20—30 человек. Иногда хуки предпринимали налеты на небольшие города. При этом они заранее выясняли обстановку в городе, перекрывали все дороги засадами, выводили из строя телефонную и телеграфную связь. В ходе нападения партизаны уничтожали вражеский гарнизон, освобождали политзаключенных, чинили расправу над захваченными правительственными чиновниками. Однако удерживать город более суток они не пытались, стараясь уйти на свои опорные базы в горах. Обычно вместе с ними уходило множество молодежи, решившей вступить в ряды Хукбалахап. Американский публицист Р. Шэплен, непосредственный свидетель военных действий, писал, что армия хуков — «искусная, неуловимая и трудно уязвимая организация партизан... Они весьма искусны в нападениях из засады. Они умеют поразительно быстро передвигаться ночью по тайным горным тропам и создавать в джунглях десятки баз. Их система пропаганды и разведки организована превосходно»²².

В начале 1949 года отряды Хукбалахап развернули активные наступательные операции в районе горного массива Сьерра-Мадре и провинции Нуэва-Эсиха, стремясь распространить зону партизанского движения на всю территорию архипелага. Чтобы воспрепятствовать этому, в горы Сьерра-Мадре и провинцию Нуэва-Эсиха, было спешно переброшено свыше двух тысяч правительственных войск, усиленных артиллерией и бомбардировочной авиацией. Однако, как сообщал корреспондент одного из телеграфных агентств США, «попытки правительственных войск разгромить партизан полностью провалились, ... подавляющая часть гражданского населения активно поддерживает партизан»²³.

К концу 1949 года укрепление позиций армии Хукбалахап позволило ей значительно расширить зону боевых действий. На Северо-Восточном Лусоне партизаны начали действовать в провинциях Нуэва Бискайя, Исавела, Кагаян и Кэсон. В Южном Лусоне деятельность хуков распространялась до района Манилы (партизаны начали совершать нападения на пункты, расположенные в радиусе 10 км от столицы), и охватывала провинции Рисаль, Кавите, Лагуна и Батангас. На западе Лусона партизаны появились в джунглях Батаана и в провинциях Пангаси-

нан и Самбалес. Но особое значение имел тот факт, что действия Хукбалахап вышли за пределы острова Лусон и развернулись на ряде Бисайских островов — Себу, Негрос, Панай. «Казалось, что на Филиппинах разворачивается революция "восточного типа", — писал по этому поводу историк В. В. Сумский, — та, что, зарождающаяся где-то в деревне, завершается покорением столицы, а с нею и страны»²⁴.

В середине января 1950 года состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПФ, на котором была рассмотрена текущая обстановка в стране и задачи партии. На заседании говорилось об ожидаемом крахе мировой экономической системы капитализма, и поэтому были переоценены экономические трудности правительства Филиппин. Возлагались надежды на то, что правительство Кирино взвалив на плечи населения непосильное финансовое и экономическое бремя, тем самым подтолкнет народные массы на вооруженную борьбу. Режим Кирино и его вооруженные силы оценивались как «находящиеся в деморализованном состоянии»²⁵. Ожидалось также, что США не станут оказывать действенную помощь существующему правительству. На том же заседании был утвержден план увеличения численности Хукбалахап за один год с 10 до 172 тыс. бойцов.

В марте 1950 года партизанская армия приняла новое название — Армия освобождения страны (АОС). Была создана разветвленная «политико-административная организация, призванная осуществлять централизованное руководство партизанским движением. Высшим исполнительным органом стало внутреннее политбюро, или секретариат, которое находилось и действовало в подполье в Маниле. Внешнее политбюро состояло из представителей руководства КПФ, работавших непосредственно на местах, в повстанческих районах»²⁶. К этому времени общая численность АОС достигла 10-12 тыс. бойцов (по другим данным, численность армии варьировалась от 6 до 80 тыс. человек)²⁷.

29 марта 1950 года части АОС перешли в неожиданное наступление, захватив четыре города, расположенные в радиусе 15 км от Манилы. Это наступление вызвало настоящую панику в столице. Посольство США срочно вызвало отряд морской пехоты для охраны здания посольства и запретило американским гражданам передвигаться по стране без надлежащей охраны.

Американское правительство проявило большую озабоченность по поводу ситуации на Филиппинах. В апреле 1950 года помощник госсекретаря США Раск, выступая в комиссии по иностранным делам палаты представителей, заявил, что «американское и филиппинское правительства обсуждают широкую программу восстановления внутреннего порядка»²⁸. Он указал также, что «меры по подавлению партизан Хукбалахап изучаются с пристальным вниманием»²⁹. В том же месяце американцы

передали правительству Кирино 50 самолетов «Мустанг» и 26 самолетов «Тандерболт», которые немедленно были задействованы в карательных операциях против партизан. К середине 1950 года стоимость американского вооружения доставленного на Филиппины составила 136,5 млн долларов. Главное место в военных поставках занимали легкомоторные реактивные самолеты Т-28 и Т-33, вертолеты, патрульные и десантные суда³⁰.

Между тем части АОС продолжали вести активные наступательные действия. В июне крупный партизанский отряд совершил переход из Центрального Лусона на север, в долину реки Кагаян, где развернул новые базы. Одновременно другой отряд партизан совершил рейд в юго-восточной части Лусона. Боевые операции хуков были отмечены также на прилегающем к Лусону острове Миндоро. В августе 1950 года отряды АОС, численностью от 500 до 2000 бойцов каждый, совершили одновременное нападение на десяток городов, расположенных на Центральном, Южном и Северо-Восточном Лусоне.

«Хуки держат в своих руках военную инициативу на Филиппинах», — констатировал в одном из своих номеров журнал «Лайф»³¹. «Хуки сохраняют все свои позиции, а по некоторым данным даже усилили их», — были солидарны со своими коллегами из «Лайфа» журналисты «Ньюсуик»³².

К осени 1950 года новый министр обороны Филиппин Р. Магсайсай, опираясь на помощь американских советников, разработал план подавления партизанского движения. Свой план министр обороны начал реализовывать с реорганизации регулярной армии. Были проведены энергичные меры по укреплению дисциплины, своих постов лишились бестолковые и проворовавшиеся офицеры. Под армейский контроль была поставлена военная полиция, до сих пор игравшая ведущую роль в антипартизанской борьбе. Личный состав регулярной армии увеличился до 54 тыс. человек за счет создания 28 боевых групп батальонного состава общей численностью в 22,5 тыс. солдат и офицеров. Каждая из этих групп представляла собой высокомобильную, вооруженную самым современным оружием воинскую часть, укомплектованную знающим и умелым командным и рядовым составом. Костяк таких соединений составляли филиппинские военнослужащие, имевшие опыт войны в Корее. Были сформированы также разведывательные отряды, прошедшие специальную подготовку ведения боевых действий в условиях горных джунглей. Для поднятия боевого духа войск Магсайсай обещал платить крупные денежные награды — до 150 тыс. песо — за доставленные головы бойцов и командиров АОС. Помимо регулярной армии в карательные силы вошли филиппинские ВВС и ВМС, части береговой охраны, 8 тыс. полицейских, 20—30 тыс. гражданской гвардии и даже несколько сот собак-ищеек, специально доставленных из Японии. Общая чис-

ленность правительственных войск составляла 100 тыс. человек, что определило соотношение сил между ними и партизанами как десять к одному³³.

18 октября 1950 года, накануне перехода правительственных войск к широкому наступлению, под непосредственным руководством Магсайсая, в Маниле была осуществлена акция по разгрому коммунистического подполья. За один день, по «наводке» тайного осведомителя Т. Рисаля, полиция арестовала 105 активистов КПФ, в том числе нескольких членов Политбюро и генерального секретаря ЦК Х. Лаву. Кроме того, в руки властей попала ценнейшая документация — обоснования стратегии АОС, планы ее будущих операций, списки членов партии, источники материальной помощи и конспиративные адреса³⁴. Этой успешной акцией партизанскому движению были нанесены невосполнимые потери: оно лишилось централизованного управления и связей с подпольем в столице страны. Была также сорвана крупная наступательная операция АОС — удар по Маниле, запланированный партизанами на 7 ноября 1950 года. Чтобы как-то «компенсировать» понесенные потери и поднять упавший дух армии, командирами АОС был распушен слух о том, что в скором времени хуки получают помощь со стороны русских и китайцев³⁵.

После ликвидации подполья в столице, правительственные войска в октябре-декабре 1950 года перешли в наступление, в результате которого части АОС потерпели ряд сокрушительных поражений, сначала в провинциях Самбалес, Пампанга и Тарлак, а затем в других частях Лусона. Только убитыми партизаны потеряли в этих боях свыше тысячи человек. Начавшимся наступлением была начата кампания, рассчитанная, по заявлениям правительства Кирино, на полное подавление партизанского движения менее чем за один год.

В 1951 году на Лусоне было проведено 14 карательных операций, под названием «Убийца», «Папайя», «Омаха» и т.д. В феврале в одной из самых крупных операций — «Сабля», было задействовано несколько десятков тысяч солдат и офицеров, поддержанных артиллерией и авиацией. Оперативно-тактический замысел этой операции состоял в том, «чтобы полукольцом охватить с флангов основные районы действия партизан и, оттеснив их в горы, решительными ударами с юга на север нанести полное поражение»³⁶. Но осуществить этот замысел полностью не удалось. Партизаны сумели избежать фланговых охватов, однако были вынуждены уйти в горы, понеся значительные потери — 2 тыс. человек убитыми и 2,5 тыс. пленными. Среди погибших был и командующий партизанскими силами на Висайских островах Г. Кападосия, убитый в бою на острове Панай. В конце 1951 года АОС полностью утратила стратегическую инициативу и перешла к оборонительной тактике. Тем не менее, президент Кирино, встретившись накануне нового

года в Мадриде с генералом Ф. Франко, откровенно признался тому, что хуки по-прежнему «являются для нас кошмаром»³⁷.

В 1952 году правительственные войска продолжили активные действия против АОС. В январе в провинции Самбалес была проведена карательная операция, в которой приняли участие все наличные силы филиппинских ВВС. Самая крупная по масштабу «Операция четырех роз» была осуществлена в апреле 1952 года в горах Сьерра-Мадре против соединения АОС, возглавляемого четырьмя известными партизанами — Лава, Сауло, Таруком и Димасалангом. Правительственным войскам, численностью 6 тыс. солдат и офицеров, удалось окружить это соединение и захватить ряд партизанских баз и оружейные мастерские. Только ценой больших потерь партизаны смогли вырваться из окружения. В ходе других операций, проведенных в мае-августе 1952 года в провинциях Батаан, Лагуна, Камаринес Сур, Кэсон и Рисаль, части АОС вновь потерпели поражение, понеся тяжелые потери. Партизанское движение оказалось на грани полного разгрома. В этот период широкое «применение нашли такие способы преследования и уничтожения партизан, как действия лжепартизанских отрядов, свободное патрулирование специально подготовленных войск, различного рода ловушки, засады»³⁸. По заявлению командования правительственных войск потери АОС за 1952 год составили 4250 человек убитыми и пленными.

Помимо силовых мер в кампаниях против АОС, правительство Кирино широко использовало различные формы психологической войны с целью деморализации партизанского движения и привлечения хуков и сочувствующих им крестьян на сторону власти. В интенсивную пропагандистскую кампанию активно включились средства массовой информации, специальные службы по ведению психологической войны и католическая церковь. Основной упор в пропаганде делался на обещания аграрных преобразований. Лично министр обороны Р. Магсайсай выступил с заявлением о раздаче земельных участков на острове Минданао бойцам АОС, сложившим оружие. Помимо земельных наделов министр обещал сдавшимся партизанам «горячий кофе и мороженое каждый день»³⁹. И хотя из тысячи безземельных семей, получивших землю в соответствии с заявлением Магсайсая, партизанами были только 246, само мероприятие имело серьезный пропагандистский эффект.

С этого момента началось стремительное сужение социальной базы восстания. Отход от вооруженной борьбы большей части сельских жителей, объяснялся также усталостью крестьян от войны, которая продолжалась в общей сложности около десяти лет (учитывая годы японской оккупации), но, главное, большинству из участников сопротивления были недостаточно ясны и понятны цели борьбы (в отличие от периода сопротивления японцам). И, кроме того, крестьянское восстание на Лусоне оказа-

лось в изоляции, поскольку городской пролетариат и широкие демократические слои общества не поддержали восставших. Одной из причин этому, стало нарастание с 1952 года экстремистских методов борьбы, таких как индивидуальный террор. Убийство вдовы бывшего президента автономных Филиппин М. Кэсона и двух других членов его семьи, совершенное бойцами АОС, «вызвало антипатии во многих слоях населения и лишило крестьянское движение моральной поддержки»⁴⁰.

В 1953 году начался завершающий этап операций правительственных войск против партизанских соединений. В январе 16 тыс. солдат атаковали позиции хуков по всему Лусону, нанеся главный удар по горному району Сьерра-Мадре. В марте операции против АОС были развернуты в юго-восточной части Лусона. Летом бои начались к северо-западу от Манилы и в центральной части острова. Всеми операциями по подавлению партизан руководил начальник объединенной группы американских военных советников бригадный генерал Р. Кеннон. Потери хуков за первые шесть месяцев 1953 года составили 1280 человек убитыми и взятыми в плен.

В ноябре 1953 года в результате очередных президентских выборов, президентом Филиппин был избран бывший министр обороны Р. Магсайсай, который предпринял попытку добиться капитуляции АОС путем секретных переговоров с отдельными командирами хуков из провинции Пампанга. Эта попытка дала неожиданный результат — склонность пойти на соглашение с правительством проявил главнокомандующий АОС Л. Тарук. Внутри руководства партизанским движением возникли серьезные разногласия — идти на мирные переговоры с правительством или продолжить вооруженную борьбу. Результатом борьбы мнений стало исключение Тарука из КПФ за капитулянтство и продолжение сопротивления.

Однако партизанская армия уже не могла выдержать натиска правительственных войск. Один за другим в боях погибли популярные командиры хуков М. Бальгос, М. дель Кастильо, Димасаланг и другие. К концу 1953 года восстание было подавлено. Уцелели лишь незначительные отряды партизан, разбросанные в горных джунглях провинций Пампанг и Тарлак на Центральном Лусоне.

В начале 1954 года правительству сдался главнокомандующий АОС Л. Тарук. Лидер партизан был предан суду и приговорен к 12 годам заключения (в 1958 году его судили вторично и приговорили к пожизненному заключению). После сдачи Тарука оставшиеся части АОС уже «не вели наступательных действий, а стали мало-прмалу подвергаться идейно-политическому разложению, моральной деградации»⁴¹. Отряды хуков, возглавляемые командиром Сумулонгом (настоящее имя — Ф. дель Мундо) и капитаном Данте (Б. Бускайно), занялись вымогательством у

лавочников, хозяев ночных клубов и других увеселительных заведений, предназначенных для американских солдат. Более того, Сумулонг и Данте «активно вмешивались в политическую жизнь провинций Пампанга и Тарлак, заставляя население контролируемых ими районов голосовать за того или иного кандидата, причем не политические соображения играли роль, а родственные связи с баллотирующимся кандидатом в одном случае или денежное вознаграждение — в другом» (оба командира были арестованы полицией в 70-х годах)⁴². Правда, несколько сот хуков, сумевших избежать идейно-политического разложения и моральной деградации, продолжали вести борьбу с правительственными войсками до середины 60-х годов, но это были уже не прежние наступательные операции, а незначительные перестрелки и стычки⁴³.

Неудавшееся восстание 1948—1953 годов привело к жестокому разгрому КПФ, ликвидации всех находящихся под влиянием компартии общественных организаций. В стране началась «охота на ведьм», антикоммунизм на долгое время стал основой государственной политики и идеологией правящих кругов. Изданный в 1957 году закон о подрывной деятельности предусматривал жесткие меры наказания (вплоть до смертной казни) за принадлежность к КПФ.

Спустя два десятилетия, один из лидеров компартии, оценивая минувшие события, писал:

«Причинами неудач явились недостаточно глубокое знание условий на Филиппинах, неправильная оценка нами соотношения сил и возможностей нашего национально-освободительного движения, с одной стороны, совместные действия империалистов и их союзников — с другой. У нас существовала левая тенденция опираться исключительно на вооруженную борьбу в ущерб другим формам деятельности, а также наблюдалось стремление добиться полной гегемонии КПФ в освободительном движении в ущерб другим формам деятельности, в ущерб широкой антиимпериалистической борьбе»⁴⁴.

В ходе восстания на Филиппинах в 1948—1953 годов погибло 2 тыс. военнослужащих армии и полиции, 9 тыс. партизан-хуков и 4 тыс. мирных жителей. Во время террора 1948—1957 годов погибло 2 тыс. человек и 50 тыс. было заключено в тюрьмы⁴⁵.

Примечания к главе 13

¹ Левинсон Г.И. Филиппины вчера и сегодня. М., 1959. С.72.

² Там же. С.73.

³ Сумский В.В. Фиеста Филипина: Реформы, революции и активное ненасилие в развивающемся обществе. В 2-х кн. Кн.1. М., 2003. С.437.

⁴ Левинсон Г.И. Филиппины вчера и сегодня... С.77.

⁵ Эрнандо Х. Абайя. Нерассказанная история Филиппин. М., 1970. С.48-49.

- ⁶ Левинсон Г.И. Филиппины вчера и сегодня... С.88—89.
⁷ Там же. С.90.
⁸ Там же. С.92.
⁹ Там же. С.95.
¹⁰ Там же.
¹¹ Сумский В.В. Фиеста Филипина... С.443.
¹² Эрнандо Х. Абайя. Нерассказанная история Филиппин... С.46—47.
¹³ Там же. С.81.
¹⁴ Вооруженная борьба народов Азии за свободу и независимость 1945–1980. М., 1984. С.122.
¹⁵ Левинсон Г.И. Филиппины вчера и сегодня... С.ПО.
¹⁶ Эрнандо Х. Абайя. Нерассказанная история Филиппин... С.81.
¹⁷ Левинсон Г.И. Филиппины вчера и сегодня... С. 146.
¹⁸ Там же. С. 149.
¹⁹ Там же. С. 150.
²⁰ Там же. С. 151.
²¹ Тайван Л.Л. Крестьянские восстания на Филиппинах в XX веке. М., 1980. С.69.
²² Левинсон Г.И. Филиппины вчера и сегодня... С.180.
²³ Там же. С.181.
²⁴ Сумский В.В. Фиеста Филипина... С.448.
²⁵ Тайван Л.Л. Крестьянские восстания... С.70.
²⁶ Вооруженная борьба народов Азии... С.125.
²⁷ Вооруженная борьба народов Азии... С.125; Левинсон Г.И. Филиппины вчера и сегодня... С. 187—188.
²⁸ Левинсон Г.И. Филиппины вчера и сегодня... С. 189.
²⁹ Там же.
³⁰ Вооруженная борьба народов Азии... С. 126.
³¹ Левинсон Г.И. Филиппины вчера и сегодня... С. 192.
³² Там же. С.192–193.
³³ Вооруженная борьба народов Азии... С. 126.
³⁴ Сумский В.В. Фиеста Филипина... С.448.
³⁵ Тайван Л.Л. Крестьянские восстания... С.71.
³⁶ Вооруженная борьба народов Азии... С. 127.
³⁷ Левинсон Г.И. Филиппины вчера и сегодня... С.201.
³⁸ Вооруженная борьба народов Азии... С. 127.
³⁹ Левинсон Г.И. Филиппины вчера и сегодня... С.203.
⁴⁰ Тайван Л.Л. Крестьянские восстания... С.71.
⁴¹ Там же. С.72.
⁴² Там же. С.72–73.
⁴³ Там же.
⁴⁴ Там же. С.71–72.
⁴⁵ Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004. С.80.

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
И «ЭЛЬ-НАКБА». АРАБО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ВОЙНА
1948-1949 гг.**

После окончания Второй Мировой войны на Ближнем Востоке с новой силой вспыхнул старый арабо-израильский конфликт, причиной, которого была борьба за обладание территорией Палестины.

Этот конфликт имел давние и глубокие корни. Исторически Палестина принадлежала евреям, однако за многие века арабы полностью захватили палестинские земли. Начиная с XVI века в арабских странах, в том числе и Палестине, безраздельно господствовала Османская империя.

В конце XIX столетия в Европе возникло сионистское движение, выступающее за создание государства Израиль и возвращения евреям их исконных земель. Сионизм, как писал будущий израильский президент Х. Герцог, стал национально-освободительным движением еврейского народа¹. В 1897 году в Базеле была основана Всемирная сионистская организация (ВСО), принявшая политическую программу, направленную, в частности, на широкую колонизацию Палестины. Для осуществления своей программы ВСО стремилась получить поддержку той страны, которая в данный момент обладала сильными политическими позициями в Палестине. Однако переговоры, проведенные основателем сионизма Т. Герцелем и Исполкомом ВСО в период 1898—1902 годов с кайзером Вильгельмом II, турецким султаном Абдул-Хамидом II и английским парламентом, не имели успеха.

Переговоры с Англией возобновились в 1914 году. На этот раз английское правительство более благосклонно отнеслось к идее ВСО о создании еврейского национального государства. Но потребовалось несколько лет, прежде чем был сделан первый практический шаг в этом направлении.

Изменение политики Англии было продиктовано прежде всего изменением международной обстановки, вызванным Первой Мировой войной. Однако стоит заметить, что политика Лондона в годы войны исходила, прежде всего, из британских имперских интересов. Известно, что в первый период военных действий английские войска терпели неоднократные поражения в боях против турецких войск на Галлиопольском полуострове, в Месо-

потамии и Египте. Стремясь улучшить свое положение, Лондон решил использовать в борьбе с Турцией арабов. В 1915 году английский верховный комиссар в Египте Мак-Магон начал переговоры с правителем Мекки Хусейном эль-Хашими. На них от имени английского правительства верховный комиссар обещал предоставить после войны независимость арабским странам. В июне 1916 года Хусейн эль-Хашими объявил Турции священную войну — джихад. Арабские войска возглавил сын Хусейна — эмир Фейсал. В качестве военного советника при нем находился кадровый английский разведчик Лоуренс. В крупной арабской области Османской империи — Хиджазе, вспыхнуло мощное восстание против турецкого господства.

Правда, незадолго до объявления арабским лидером войны Турции, в мае 1916 года было заключено секретное англо-французское соглашение Сайкс-Пико, названное по имени подготовивших его дипломатов. Это соглашение расчленяло турецкие владения на зоны влияния. «Красная зона», занимавшая южную Месопотамию с Багдадом, рассматривалась как будущее владение Англии. «Синяя зона», включавшую прибрежную Сирию и Киликию, передавалась во владение Франции. К ней примыкала «зона А» — внутренняя Сирия и Мосульский округ, отходившую во французскую сферу влияния. Трансиордания и центральная Месопотамия составляли «зону Б» — английскую сферу влияния. Палестина выделялась в особую «коричневую зону» под совместным управлением Англии, Франции и России².

«Грабительское соглашение Сайкс-Пико находилось в вопиющем противоречии с обещаниями, — подчеркивалось в одном исследовании, — которые Англия дала арабам. Но соглашение сохранялось в глубокой тайне; поэтому мак-магоны и лоуренсы могли по-прежнему обманывать арабов, сражавшихся за чуждое им дело империалистов Антанты»³.

В начале 1917 года англичане, при поддержке войск эмира Фейсала, начали наступление в Месопотамии и в зоне Суэцкого канала. К весне 1917 года им удалось занять южную часть Месопотамии и выйти на линию Багдада, который был захвачен 11 марта. В суэцкой зоне англичане перешли Синайскую пустыню и предприняли попытку вступить в Палестину, но были дважды разбиты под Газой. Только в июне 1917 года, когда бедуины под командованием Лоуренса заняли Акабу и своими партизанскими действиями в Трансиордании обеспечили правый фланг английских войск, англичане развернули третье, на этот раз успешное, наступление на Палестину. В декабре 1917 года армия английского генерала Алленби вступила в Иерусалим.

Военные победы английских войск на Ближнем Востоке открыли Великобритании доступ в Палестину, важнейшему военно-стратегическому району в этом регионе мира. Поэтому незадолго до захвата Иерусалима, 2 ноября 1917 года появилась

так называемая декларация лорда А. Бальфура, секретаря «Фортин-оффис» (министерства иностранных дел), поддерживающая идею ВСО о возрождении еврейского государства в Палестине.

«Правительство его Величества, — говорилось в декларации, — благоприятно относится к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа и готово предпринять все усилия, чтобы облегчить достижение этой цели, причем само собой разумеется, что не будет сделано ничего, что могло бы нанести ущерб гражданским и религиозным правам существующих в Палестине нееврейских народностей или правам и политическому статусу евреев в других странах»⁴.

Таким образом, поддержав требование ВСО, Англия стремилась полностью установить свой контроль над Палестиной, значительно потеснив Францию, которая в соответствии с соглашением Сайкс-Пико претендовала на Сирию и некоторые части Палестины (Россия, в соответствии с тем же соглашением, претендовавшая на отдельные палестинские области, «вышла из игры» ввиду революционных событий 1917 года). Кроме того, «еврейский очаг», созданный под эгидой Англии, мог бы стать буфером, прикрывающим подступы к Суэцкому каналу и британские коммуникации⁵.

В свою очередь сионистские лидеры прилагали все усилия, чтобы представить идею создания «еврейского очага» в наиболее выгодном свете для правительства Англии. Вот что писал английский политический деятель Ч. Вебстер, лично знакомый с Х. Вейцманом, который от имени ВСО вел переговоры с Великобританией:

«С безошибочным искусством он (Вейцман — Авт.) приводил свои доводы в соответствии с взглядами того или иного государственного деятеля... Ллойд Джорджу говорилось, что Палестина представляет собой маленькую гористую страну, похожую на Уэльс, с лордом Бальфуром обсуждалась философская основа сионизма, лорду Сесилю проблема представлялась как необходимость создания новой мировой организации, в то время как лорду Милнеру живо рисовалось усиление имперской власти. Говоря со мной (я занимался этими проблемами в должности младшего офицера генерального штаба), он со всей очевидностью доказывал важность основания еврейского национального очага для укрепления стратегических позиций Британской империи»⁶.

Стоит добавить, что помимо дипломатического искусства Х. Вейцмана, сионистскими лидерами предпринимались и другие шаги, направленные на то, чтобы продемонстрировать свою преданность Англии.

Еще в 1915 году В. Жаботинский предложил создать военный отряд из евреев, бежавших от преследования турецких властей из Палестины в Египет. В том же году в Египте было сфор-

мировано первое еврейское военное подразделение «Сион муле корпус», вошедшее в состав английской армии на Ближнем Востоке. Но просуществовало оно недолго. В январе 1916 года после отступления английских войск из Галлиполи, это подразделение было распушено. Однако в 1917 году из канадских и американских евреев-добровольцев была создана «Еврейская бригада» (по другим данным — «Еврейский легион»), численностью 5 тыс. человек, из которых палестинские евреи составляли около одной трети⁷. Несколько позже «Еврейская бригада» получила название 39-го батальона Королевских стрелков Ее Величества королевы Англии. Кроме этого, в регулярной английской армии из евреев были сформированы 38-й и 40-й батальоны королевских стрелков, после войны названных «иудейскими батальонами». В 1918 году 38-й и 39-й батальоны были переброшены в Египет, а затем в Палестину, где приняли участие в завершающем периоде боевых действий против турецких войск (40-й батальон находился в стадии формирования)⁸. В рядах 39-го батальона в звании капрала служил будущий создатель государства Израиль Д. Бен-Гурион⁹. И, наконец, в годы Первой Мировой войны многие евреи, проживающие на Ближнем Востоке, исполняли роль английских разведчиков и диверсантов в глубоком турецком тылу¹⁰.

В результате, декларацию Бальфура горячо поддерживали многие английские политики: Л. Джордж, У. Черчилль и другие. Лидер арабского мира, правитель Мекки Хусейн эль-Хашими также не возражал против возвращения евреев в Палестину. Его сын эмир Фейсал даже заявил:

«В Сирии хватит места для нас всех. Более того, я думаю, что один народ не может преуспеть без другого»¹¹.

Между тем после окончания военных действий на Ближнем Востоке арабское население Палестины составляло 642 тыс. человек, в то время как еврейское — 58 тыс. и владело всего 2,04 процентами земли¹². Однако успешное завершение переговоров с Англией позволило ВСО резко активизировать свою деятельность по увеличению еврейской иммиграции в Палестину. По подсчетам сионистских лидеров она должна была стать «национальным очагом» для 10 млн человек. На Парижской мирной конференции 1919 года делегация ВСО, указывая на перспективы переселения значительного числа евреев в Палестину, даже потребовала включить в состав будущего государства земли, принадлежащие Ливану, Сирии, Трансиордании и Египту.

В 1920 году Англия официально получила мандат Лиги Наций на управление Палестиной. Верховным комиссаром страны был назначен английский еврей сэр Г. Сэмюэл, один из видных приверженцев декларации Бальфура. В соответствии с мандатом, территория Палестины включала в себя оба берега реки Иордан как западный, так и восточный — Трансиорданию. В

1922 году Трансиордания была объявлена эмиратом, позднее — независимым королевством Иордания и отделена от Палестины. В итоге 80% всей подмандатной палестинской территории стали автономным арабским районом¹³.

Стремительное увеличение числа еврейских иммигрантов, прибывающих в Палестину (по оценкам английской администрации в 1920—1929 годах в Палестину прибыло около 100 тыс. еврейских переселенцев), вызывало протесты среди арабского населения. Эти протесты особенно усиливались в связи с тем, что организованные ВСО «Еврейский национальный фонд» и «Палестинский колониционный фонд» вели активную скупку палестинских земель, вытесняя при этом арабов. Кроме того, чтобы обеспечить достаточно быстрый переход земли в руки новых владельцев и ускорить вытеснение арабов, сионистскими лидерами было санкционировано применение силы. Для этих целей при киббуцах (сельскохозяйственных поселениях) создавались вооруженные отряды «Хашомер» («Страж») ¹⁴. В 1920 году на базе первых отрядов была создана нелегальная военная организация «Хагана» («Оборона»), основные функции которой заключались в том, «чтобы способствовать инфильтрации еврейских поселений на арабские земли» ¹⁵.

В 1929 году в Палестине вспыхнуло крупное арабское восстание. Утром 23 августа в Иерусалиме произошли кровавые столкновения между арабами и евреями. Иерусалимский муфтий Хадж Амин эль-Хусейни призвал арабское население к джихаду против неверных.

«Призыв к священной войне с евреями, — отмечал биограф Бен-Гуриона М. Бар-Зохар, — явился следствием опасений перед усилением еврейской мощи и притоком новых иммигрантов» ¹⁶.

Столкновения, начавшиеся в Иерусалиме, быстро охватили прибрежные районы Палестины вплоть до Галилеи. Английские власти были вынуждены эвакуировать целые еврейские поселения, находящиеся под угрозой нападения арабов. Только после вмешательства английских войск волна насилия пошла на спад. В ходе столкновений, по официальным данным, потери евреев составили 133 человека убитыми и 339 ранеными, арабы потеряли 104 человека ¹⁷.

Кровавые события 1929 года со всей остротой высветили проблему арабо-еврейских отношений. В начале 30-х годов председатель Исполнительного комитета ВСО и председатель «Еврейского агентства» (практически правительства еврейского населения Палестины) Д. Бен-Гурион выступил с инициативой проведения переговоров с руководителями палестинских арабов. Встреча сторон состоялась в 1934 году под Иерусалимом. На ней Бен-Гурион предложил двухэтапный план по урегулированию арабо-еврейской проблемы. Этот план, в частности, предусматривал участие евреев и арабов в национальном

правительстве на паритетных началах, создание еврейского государства по обоим берегам Иордана в рамках региональной федерации, в состав которой входил Ирак и т.д.¹⁸ Однако руководители палестинских арабов отклонили предложение Бен-Гуриона, заявив, что «ни в коей мере не заинтересованы в создании еврейской Палестины» и что «если такое государство будет создано, арабы его никогда не признают»¹⁹. А в декабрьском номере журнала «Арабская нация» появилась статья, в которой идея еврейского лидера была названа «детской и нерациональной» и говорилось «о бесполезности продолжать эту нелепую беседу»²⁰.

В 1935 году после принятия в Германии антиеврейских законов, иммиграция евреев в Палестину резко возросла. В этот год число иммигрантов достигло рекордной отметки — 65 тыс. человек.

По времени рост еврейской иммиграции совпал с подъемом национально-освободительного движения палестинских арабов. Весной 1936 года в Палестине вспыхнуло новое арабское восстание.

Ночью 15 апреля группа арабов расстреляла автобус с еврейскими переселенцами, убив двух и ранив одного человека. В ответ бойцы «Хаганы» учинили в Тель-Авиве жестокую расправу с арабами. 16 апреля в Яффе прокатилась волна еврейских погромов, в результате которых погибло 16 евреев.

Следом за первыми актами насилия, убийства, погромы и поджоги охватили всю территорию Палестины. Вооруженные отряды арабов, составляющие так называемую «неофициальную армию» (10 тыс. человек) под командованием сирийца Ф. аль-Каукджи (по другим данным иракца Ф. Кауджи), развернули активные партизанские действия²¹. Особенно интенсивными эти действия стали летом 1936 года. Достаточно сказать, что в одну из ночей арабы одновременно атаковали 38 еврейских поселений. Боевикам Каукджи противостояли части «Хаганы» и отряды еврейских поселенцев, организованные по территориальному признаку и проходившие военную подготовку под руководством английского офицера Уингейта²².

В ноябре 1936 года группа лидеров арабских государств обратилась к палестинским арабам с призывом восстановить мир и «довериться добрым намерениям нашего друга Великобритании, которая заявила о готовности справедливого разрешения конфликта»²³. Этот призыв был услышан, вскоре восстание пошло на убыль, хотя и не прекратилось совсем. Арабо-еврейские вооруженные столкновения и стычки, разной степени интенсивности, продолжались до 1938 года, включительно. За это время погибло 2287 арабов, 520 евреев и 140 британских подданных²⁴.

В конце ноября 1936 года в Палестину прибыла Королевская следственная комиссия во главе с лордом Пилем, задача

которой заключалась в сборе свидетельских показаний о недавнем восстании и выработке рекомендаций по созданию обстановки терпимости и взаимопонимания между двумя народами.

В начале 1937 года работа комиссии была завершена. Ее итог оказался достаточно неожиданным. Комиссия пришла к выводу, что «евреи и арабы не могут мирно сосуществовать в границах одного государства. Национальные чаяния евреев и арабов несовместимы, указала комиссия»²⁵. В качестве выхода из создавшегося положения было предложено разделить Палестину на два государства — арабское и еврейское. По плану Пиля в состав еврейского государства предполагалось включить Верхнюю и Нижнюю Галилею, долину Иезраэль и прибрежную равнину, где проживало 258 тыс. евреев и 225 тыс. арабов. Оставшаяся часть страны и Трансиордания вместе с находящимися там еврейскими поселениями отходила к арабскому государству. За Иерусалимом, Вифлиемом, Назаретом и некоторыми другими городами сохранялся статус подмандатной территории²⁶. Еврейская община была готова рассмотреть это предложение, но арабы его не приняли. Д. Бен-Гурион писал:

«Частичное еврейское государство — это не конец, а только начало... Мы сделаем так, что в нашу страну приедут все евреи, все, кто только может... Мы создадим поливалентную, сельскохозяйственную, промышленную и морскую экономику. Мы организуем современную национальную оборону, создадим отборную армию... и тогда, я в этом уверен, никто не помешает нам обосноваться в других концах страны как по взаимной договоренности с нашими соседями-арабами, так и любыми другими способами. Нам предстоит создать больше чем просто страну. Нам предстоит создать государство, способное противостоять арабам. Я не сторонник войны, но если арабы станут настаивать на неприкосновенности своих националистических чувств и говорить нам: "Пусть лучше Негев останется пустыней, чем его заселят евреи», то мы будем говорить с ними на другом языке, право на который мы получим только в том случае, если у нас будет свое государство"»²⁷..

В мае 1939 года английское правительство Н. Чемберлена опубликовало «Белую Книгу» о Палестине. В ней говорилось, что в течение 10 лет предстоит создать Палестинское государство на основе конституции, гарантирующей права меньшинств. Новое государство предполагалось разделить на еврейские и арабские провинции, еврейская иммиграция ограничивалась 75 тыс. человек в течение ближайших пяти лет, а затем полностью прекращалась, приобретение евреями земли было ограничено пятью процентами. Таким образом, как пишет один из видных еврейских военачальников И. Алон, по истечении 10 лет Палестина должна была стать арабским государством с еврейским гетто, а Великобритания при этом играла роль арбитра и временной власти²⁸.

Положения «Белой Книги» вызвали резкие протесты евреев, как в Палестине, так и во всем мире. В свою очередь, арабы полностью поддержали план правительства Чемберлена.

Однако в сентябре 1939 года и «Белая Книга», и арабо-еврейские отношения в Палестине отошли на второй план — в Европе началась Вторая Мировая война.

Война поставила перед ВСО четкую альтернативу: принять непосредственное участие в борьбе с фашизмом или продолжать накапливать силы, искать новых союзников и использовать сам факт истребления гитлеровцами евреев в Европе как своеобразный толчок для дальнейшей продвижения идеи создания государства в Палестине²⁹. Всемирная сионистская организация выбрала второе. Еврейский журналист и общественный деятель У. Авнери писал:

«В течение всей войны ничего значительного не было сделано сионистским руководством, чтобы помочь в захваченной Европе евреям, близким к уничтожению... Многие верят, что могло быть и должно было быть совершено следующее: сотни бойцов "Хаганы" и ИЦЛ («Иргун Цвай Леуми» или «Национальная военная организация», созданная на базе Ревизионистской партии В. Жаботинского в 1937 году — Авт.) могли быть сброшены на парашютах в Европу, а британское и американское правительства подвергнуты нажиму с целью бомбардировки железнодорожных путей, подводивших к лагерям смерти»³⁰.

Лидеры ВСО, учитывая вполне оправданные опасения англичан относительно вторжения гитлеровских войск в Палестину, использовали этот момент для возобновления контактов с английской администрацией, прерванных после опубликования «Белой Книги». Им удалось убедить английские власти в необходимости укрепления еврейских вооруженных сил в Палестине. В мае 1941 года была создана новая военная организация «Палмах» (сокращение от слов «плугог махац», то есть — «ударные роты»), перед которой стояли две основные задачи: защита еврейских поселенцев от нападений арабов и защита страны в случае вторжения гитлеровцев. К 1943 году в «Палмах» насчитывал более тысячи бойцов, прошедших курс военной подготовки под руководством английских инструкторов.

Помимо укрепления военной силы лидеры ВСО приступили к разработке послевоенной политики. В начале мая 1942 года в Нью-Йорке в отеле «Билтмор» 603 делегатами внеочередного сионистского конгресса была принята резолюция, известная как «Билтморская программа». В ней делался упор на превращение всей Палестины в еврейское государство, на создание армии и снятие всех ограничений на еврейскую иммиграцию.

«Я ничуть не сомневался, что эта программа заменит ту, которая была принята в Базеле сорок пять лет назад, и станет

целью еврейского народа в послевоенный период», — откликнется на «Билтморскую программу» Бен-Гурион³¹.

Ближе к окончанию войны в сентябре 1944 года английское военное командование санкционировало создание «Еврейской бригады», в состав которой вошло 5 тыс. палестинских евреев. Весной 1945 года бригада приняла участие в боевых действиях в Италии. В свою очередь лидеры ВСО использовали это воинское соединение, как кузницу кадров для «Хаганы» и «Палмаха».

Летом 1945 года в США развернулась широкая кампания с целью вынудить английское правительство разрешить въезд на территорию Палестины 100 тыс. еврейских переселенцев. Этому предшествовала большая работа, проделанная лидерами ВСО для привлечения на свою сторону еврейской общины США, которая имела серьезное влияние на общественное мнение. Результатом этого стала возросшая политическая «значимость сионизма в Соединенных Штатах: сионизм получил поддержку со стороны двух наиболее влиятельных политических деятелей Америки 40-х годов — Франклина Д. Рузвельта и Гарри С. Трумэна»³². Выступая, на одной из пресс-конференций в Вашингтоне, Трумэн, в частности, заявил:

«Мы хотим отправить в Палестину как можно большее количество евреев. Следовательно, потребуется провести переговоры с англичанами и арабами, чтобы установить там новое государство, причем мирным путем. Я не желаю отправлять в Палестину 500 000 солдат для установления там мира»³³.

Проеврейская кампания в США рассматривалась в Лондоне как «нелепая выходка, граничащая с безответственностью и невежеством и продиктованная тайными мотивами»³⁴. Поэтому английское правительство отклонило призыв американских властей допустить в Палестину еврейских переселенцев из Европы.

Твердая позиция Лондона в иммиграционном вопросе стала причиной резкого обострения ситуации на Ближнем Востоке. Летом 1945 года палестинские евреи поняли, пишет И. Алон, что их ждет, и сделали необходимые выводы: у них нет другого выбора, как начать борьбу против политики «Белой Книги» и борьба эта должна вестись одновременно на всех фронтах³⁵.

Обеспечение нелегальной еврейской иммиграции в Палестину стало одним из важнейших направлений в начавшейся борьбе. Выполнение этой задачи возлагалась на разведывательную службу «Моссад» («Учреждение»), созданной в 1937 году по решению ВСО. Иммигранты прибывали в Палестину двумя путями: из Европы — морем, и из стран арабского мира — по суше. Агенты «Моссад» тайно переправляли беженцев на судах «Энцо Серени», «Палмах», «Браха Фульд», «Пьетро», «Тель-Хай», «Уингейт», «Макс Нордау» или по подпольной железной дороге, называемой «Бриха» («Побег»), до определенного пункта на территории страны, где их встречали бойцы «Хаганы» и

сопровождали далее в глубь Палестины. Эти операции были сопряжены с большими трудностями и риском: английские власти решительно пресекали нелегальную иммиграцию. Однако, не смотря на противодействие, по данным И. Алона, за 1945—1947 годы в Палестину была переправлена 71 тыс. беженцев, из них 8 тыс. из арабских стран³⁶.

Другим направлением борьбы палестинских евреев стало наращивание военного потенциала «Хаганы» и «Палмаха». Эта задача осуществлялась специальными организациями «Рехеш» (закупки оружия за границей) и «Таас» (производство оружия в подпольных мастерских), развернувших свою деятельность еще в 30-х годах. Но наиболее важным источником приобретения современного вооружения являлся «Институт Зонненборна» (создан летом 1945 года), который занимался поставками оружия из США.

О размахе деятельности этих организаций, возможно, судить по следующему факту. Так, в результате обыска английскими войсками только в киббуце Яжур было изъято 325 винтовок, 96 минометов с большим запасом боеприпасов, свыше 5 тыс. ручных гранат и другое вооружение. Стоит также заметить, что качество обнаруженных минометов, изготовленных в подпольных мастерских «Тааса», оказалось очень высоким. Это обстоятельство ввело в заблуждение английских экспертов, которые пришли к выводу, что минометы были изготовлены в США, а в Палестине их только собрали³⁷.

И, наконец, в 1945 году палестинские евреи перешли к открытым вооруженным выступлениям против английских властей.

До этого отдельные террористические акты осуществляли подпольные организации ИЦЛ и «Борцы за свободу Израиля» («Лохамей Херут Исраэль», «Лехи», или «Группа Штерна», создана в 1940 году). Так, например, в феврале 1944 года на улицах Хайфы террористами из этих организаций было убито несколько английских офицеров и констебль, а в городском штабе полиции взорвана мощная бомба.

Однако в 1945 году в Палестине появилось «Еврейское движение сопротивления» (ЕДС), объединившее боевые группы «Хаганы», «Палмаха», ИЦЛ и «Лехи», ставившее своей целью полностью вывести ситуацию в стране из-под контроля английской администрации³⁸.

В октябре 1945 года подразделение «Палмаха» численностью около 250 человек атаковали укрепленный лагерь «Атлет» и освободили 200 нелегальных иммигрантов, задержанных англичанами. В ноябре того же года отряды «Палмаха», ИЦЛ и «Лехи» одновременно организовали диверсии в 153 местах железной дороги от Рош-Ханикры до Газы, подорвали три катера британской береговой охраны и несколько полицейских участков.

Ответом английских военных властей стал комендантский час, введенный по всей стране, массовые обыски и аресты, в ходе которых было арестовано 2700 человек. 6-я английская воздушно-десантная дивизия, как писал Бар-Зохар, стала основным орудием репрессий против палестинских евреев³⁹.

В апреле 1946 года был опубликован доклад англо-американского Комитета, который с октября 1945 года знакомился с обстановкой в Палестине, арабских государствах и европейских лагерях, где уцелевшие от гитлеровских преследований евреи ожидали своей дальнейшей судьбы. В опубликованном докладе было отмечено, что на территории Европы находится около 100 тыс. бездомных евреев, которым следует разрешить въезд на территорию Палестины. Комитет также отверг идею раздела страны на еврейские и арабские провинции, «рекомендовал продлить британский мандат на управление Палестиной и, призвав евреев к массовой иммиграции, предложил отменить существующие ограничения на продажу им земли»⁴⁰. Рекомендации англо-американского Комитета были одобрены президентом США Г. Трумэн, но английское правительство целиком отклонило их.

Отказ англичан от рассмотрения предложений Комитета спровоцировал новое вооруженное выступление палестинских евреев. Подразделения ЕДС провели крупную диверсионную операцию: одновременно были взорваны 11 мостов, соединяющих Палестину с соседними арабскими государствами. Но масштабы насилия продолжали расти. В начале июня 1946 года с согласия начальника оперативного управления «Хаганы» И. Галили была подготовлена операция по взрыву отеля «Кинг Давид» («Король Давид») в Иерусалиме, в котором размещались английские мандатные организации. 22 июля боевики ИЦЛ взорвали здание отеля. В результате взрыва погибло около 200 человек (по другим данным — 91 человек) — англичан, арабов и евреев⁴¹.

В феврале 1947 года английское правительство окончательно убедившись, что оно не в силах контролировать обстановку в Палестине, приняло решение о передаче палестинского вопроса во введение преемнице Лиги Наций — Организации Объединенных Наций (ООН). На внеочередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 апреля — 15 мая 1947 года была учреждена Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины (ЮНСКОП), которая должна была представить планы решения палестинской проблемы.

Вскоре ЮНСКОП выдвинул на обсуждение два плана. В соответствии с первым планом, Палестина должна была быть разделена на два государства (еврейское и арабское) и международную зону Иерусалим. Второй план предусматривал создание независимого федерального государства со столицей в Иерусалиме⁴².

Оба плана вызвали острые дебаты в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций. С первых же дней обсуж-

дения представители Советского Союза в ООН выступали за создание после окончания британского мандата двуединого арабско-еврейского государства, но при этом особо настаивали на том, чтобы в еврейском государстве «арабов было менее 50%»⁴³. Однако уже в сентябре 1947 года нарком иностранных дел В. Молотов отправил советскому представителю в ООН А. Вышинскому телеграмму, суть которой сводилась к тому, что СССР на начальном этапе обсуждения палестинской проблемы не хотел брать на себя инициативы в создании независимого еврейского государства. Теперь же, говорилось далее в телеграмме, задача создания самостоятельного еврейского государства «соответствует нашей основной установке по этому вопросу», поэтому ее и необходимо открыто отстаивать в дальнейшем⁴⁴.

Новая позиция занятая Советским Союзом по палестинскому вопросу вызвала одобрение среди широких слоев еврейской общественности во всем мире. В самом Союзе это одобрение выражалось, порой, самым экстравагантным способом. Так, например, в Москве после прочтения в «Правде» отчета о дебатах в ООН, группа из десяти евреев под руководством некоего Гольдберга, начала отплясывать «Хаву нагилу» прямо на площади Трех вокзалов (Комсомольская пл.). На замечание, сделанное им сержантом милиции по фамилии Зюзин, танцоры никак не отреагировали, а продолжали плясать, потрясая номерами «Правды». Только с прибытием дополнительного наряда милиции «Хава нагила» была прекращена, евреи препровождены в милицейский участок и оштрафованы за нарушение общественного порядка.

29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН приняла 33 голосами (против 13 и при 10 воздержавшихся) план по разделу Палестины на два независимых государства: еврейское (14,1 тыс. кв. км) и арабское (11,1 тыс. кв. км) и утвердила Иерусалим зоной международного контроля⁴⁵. К этому моменту население Палестины достигало почти 2 млн человек — 1364 тыс. арабов и 608 тыс. евреев. Из них на зону Иерусалима приходилось 106 тыс. арабов и 100 тыс. евреев, на еврейское государство — 510 тыс. арабов и 293 тыс. евреев, на арабское государство — 749 тыс. арабов и 9 тыс. евреев⁴⁶. Английский мандат на Палестину решением ООН оканчивался 15 мая 1948 года, а вывод английских войск должен был завершиться не позднее 1 августа того же года.

«В эту ночь толпа плясала на улицах, но я не мог танцевать. Я знал, что близится война, на которой погибнет весь цвет нашей молодежи», — отметит в своем дневнике Бен-Гурион в день голосования Генеральной Ассамблеи ООН⁴⁷.

Утвержденный план ЮНСКОП, как пишет П. Кальвокореси, был принят с некоторыми оговорками евреями, и полностью отвергнут арабами, которые выступали за превращение

Палестины в арабское государство с предоставлением в нем определенных юридических прав еврейскому меньшинству. В свою очередь, согласие евреев было показным и вводило в заблуждение: публично они соглашались с перспективой создания еврейского государства, каковы бы ни были их оговорки в отношении размеров его территории и конфигурации, однако для них было неприемлемо условие об образовании палестинского арабского государства⁴⁸. В ноябре 1947 года евреи вступили в тайный сговор с королем Трансиордании Абдаллой эль-Хусейни об аннексии территорий, предназначенных для арабов. В данном случае они умело сыграли на вполне лояльном отношении короля Трансиордании к евреям и его давней вражде с палестинским муфтием Хадж Амин эль-Хусейни, который не скрывал своего стремления «вырезать всех евреев, а этого неотесанного кочевника Абдаллу оттеснить назад в пустыню, где ему самое место»⁴⁹. На переговорах между королем и представителем «Еврейского агентства» Г. Мейерсон (Меир) были оговорены перспективы на раздел Палестины. Абдалла заверил Мейерсон, что «подпишет соглашение с еврейским государством после того, как приберет к рукам арабскую часть Палестины»⁵⁰. Представитель «Еврейского агентства» дала понять, что евреев это вполне устраивает.

План ЮНСКОП резко обострил отношения между палестинскими евреями и арабами. Обе стороны начали активно готовиться к надвигающейся войне.

К концу 1947 года палестинские евреи располагали следующими силами: регулярные части «Хаганы» — 16 тыс., «Палмаха» — 2,1 тыс., ИЦЛ — 5 тыс. и «Лехи» — 300 человек⁵¹ (по другим данным вооруженные силы насчитывали 45 тыс., включая 30 тыс. человек, способных участвовать только в местной обороне)⁵². На их вооружении имелось 10 073 винтовки, 1900 автоматов, 444 легких пулеметов, 186 пулеметов среднего калибра, 672 50-мм минометов, 96 76-мм минометов, 93 738 ручных фанат и 4 896 303 патрона⁵³. Тяжелое вооружение — артиллерийские орудия, бронемашины, танки, боевые корабли — отсутствовало полностью. Военно-воздушные силы состояли из 9 самолетов (по другим данным — 11), из них 7 одномоторные легкие «Пайперы» и 2 двухмоторные S-199 (истребители «Мессершмит» Bf-109, чехословацкого производства), которые накануне войны были тайно доставлены на территорию Палестины⁵⁴.

Правда, до начала военных действий во Франции были проведены переговоры между эмиссаром «Хаганы» И. Ариэли и представителями правительства Чехословакии о закупки крупной партии современного вооружения. В результате переговоров был подписан контракт на покупку 4500 винтовок, 200 автоматов и 5 млн патронов. Первая партия оружия — 200 винтовок, 40 пулеметов и тысячи патронов, была доставлена 1 апреля

1948 года на транспортном самолете, который совершил беспосадочный перелет из Чехословакии в Палестину и приземлился на секретной взлетно-посадочной полосе Бейт-Дарас на юге страны. Двумя днями позже судно «Нора» доставило в Тель-Авив вторую партию — 4500 винтовок, 200 пулеметов и 5 млн патронов, спрятанных под тоннами лука. До мая 1948 года Ариэли закупил в Чехословакии 24 500 винтовок, более 5000 легких пулеметов, 200 средних пулеметов, 54 млн патронов и 25 истребителей S-199. Стоит заметить, что чехословацкие поставки оружия в Палестину велись под видом поставок в Эфиопию и были санкционированы Москвой⁵⁵.

И, кроме того, за самый короткий срок Г. Мейерсон сумела собрать в США добровольных пожертвований на сумму в 50 млн долларов, которые пошли на военные нужды «Хаганы».

«Однажды, когда будет писаться история, скажут, что была одна еврейская женщина, которая получила деньги, необходимые для создания государства», — скажет о ее поступке Бен-Гурион⁵⁶.

В свою очередь, вооруженные силы палестинских арабов составляла добровольческая «Арабская освободительная армия» под командованием Ф. Каукджи общей численностью 6 тыс. человек, имевшая на вооружении старые французские 75-мм и 105-мм орудия и несколько военных грузовиков. Помимо этого, существовала «Армия спасения», состоящая из двух отрядов по тысяче человек в каждом, которыми командовали двоюродный брат палестинского муфтия Абд-эль-Кадер эль-Хусейни и Хасан Саламе, а также отряд египетских добровольцев из «Мусульманского братства»⁵⁷. Но в войсках палестинских арабов наблюдались разногласия между военными лидерами, отсутствовала четкая организация и дисциплина. Однако они могли рассчитывать на военную мощь Лиги арабских стран (образована Египтом, Сирией, Ираком, Трансиорданией, Саудовской Аравией и Йеменом в 1945 году), обладавшей значительными человеческими ресурсами, сотнями боевых самолетов, артиллерией и бронетанковыми частями.

С конца декабря 1947 года в Палестине, одновременно с началом эвакуации английских войск, начались первые вооруженные столкновения между евреями и арабами. Первоначально они носили незначительный, разрозненный характер, но с 1948 года эти столкновения становятся все более ожесточенными и кровопролитными.

В январе-марте 1948 года арабские отряды атаковали ряд еврейских поселений (Кфар-Сольд, Кафр'Эцион, Тират-Цви и др.) и перешли к активным действиям на путях сообщений ведущих в Иерусалим, Негев и Галилею, где устраивали засады на конвои с продовольствием. «Хагана» направила на охрану транспорта значительные силы, но успех в «дорожной войне» остался на

стороне арабов. Евреи несли значительные потери (только за одну неделю марта потери «Хаганы» составили более 100 человек), большинство конвоев попадало в засаду и гибло, что привело к изоляции Иерусалима, Негева, Эциона и части Галилеи.

Помимо нападений на поселения и действий на коммуникациях арабские боевики, при помощи дезертиров из английских войск, сумели осуществить ряд крупных диверсионных актов в густонаселенных еврейских кварталах Иерусалима. Им удалось взорвать мощные бомбы в помещении газеты «Палестин пост», рядом со зданием штаб-квартиры «Еврейского агентства» и на улице Бен-Иегуда. В результате последнего взрыва погибло около 50 человек, и был почти полностью разрушен еврейский квартал.

В ходе январско-мартовских боев и диверсионных актов общие потери евреев составили 1200 человек⁵⁸.

Но, вопреки неблагоприятным обстоятельствам, пишет Х. Герцог, борьба не была тщетной: отбивая с тяжелыми потерями многократные попытки арабов захватить поселения, еврейская община выигрывала одну из важнейших вещей на свете — время, время на превращение хаоса в порядок, время на мобилизацию, время на учение, время на подготовку гигантской операции по нелегальному провозу в страну оружия для продолжения борьбы⁵⁹.

В апреле 1948 года в военных действиях наступил стремительный перелом: евреям удалось перехватить инициативу. К этому времени силы «Хаганы» насчитывали 6 бригад, которые располагались так: в долине Иордана и Восточной Галилеи действовала бригада «Голани», в районе Хайфы и Западной Галилеи — бригада «Кармели», на южной равнине — бригада «Гивати», в центральном районе Шарона — бригада «Александрони», в районе Иерусалима — бригада «Эциони», в районе Тель-Авива и его пригородах — бригада «Кирияти». Немного позднее на базе частей «Пальмаха» были сформированы еще три бригады: «Негев» на южной равнине и Северном Негеве, «Ифтах» в Галилеи и «Харель» в районе Иерусалима⁶⁰. В это же время в силу вступил военно-стратегический план «Д» («Далет»), разработанный в марте-апреле 1948 года штабом «Хаганы». По этому плану перед вооруженными силами ставилась задача перейти к активным наступательным действиям и захватить как можно больше палестинской территории до середины мая. Оперативные задачи «Хаганы» предусматривали захват арабских фортификаций и бывших английских укреплений, оккупацию арабских деревень, расположенных поблизости от еврейских поселений, установление контроля над коммуникациями и арабскими городами. План «Д» состоял из двух направлений: военного и психологического. Важным элементом «психологического давления» на арабов были террористические действия. Взрывы на рынках, улицах, в магазинах, убийства мирных граждан, угро-

зы и шантаж должны были заставить арабов покинуть насиженные места»⁶¹.

В первых числах апреля ожесточенное сражение развернулось в районе еврейского поселения Мишмар ха-Эмек. Здесь арабы силами частей трех батальонов — 1-го батальона «Ярмух», «Кадисия» и «Хиттин», общей численностью около тысячи человек при 7 орудиях, под командованием Мухаммада Сафа и Мадлуль Абаса, захватили господствующие высоты, создав угрозу, стратегической коммуникации Тель-Авив-Хайфа. В ходе упорного пятидневного боя рота из бригады «Голани» и 1-й батальон «Палмаха» сумели окружить части противника. Ценой больших потерь арабам удалось прорваться сквозь кольцо окружения и отступить к Дженину.

Одновременно с боями под Мишмар ха-Эмек командование «Хаганы» подготовило и провело крупную операцию «Нахшон» по деблокированию дороги на Иерусалим, занятую арабами в районе узкого горного прохода Баб-эль-Вад еще в марте 1948 года.

План операции «Нахшон» предусматривал создание коридора шириной в 9 км на прибрежной равнине и 3 км — в горах. Еврейским войскам также следовало занять господствующие высоты и арабские поселения по обеим сторонам дороги, чтобы дать возможность конвоям беспрепятственно продвигаться по главной трассе в Иерусалим⁶². Выполнение боевой задачи возлагалось на бригаду «Гивати» общей численностью 1500 человек под командованием Ш. Авидану.

Перед началом главной операции еврейские войска нанесли два вспомогательных удара. В районе Рамле диверсионный отряд «Хаганы» уничтожил штаб-квартиру Хасана Саламе, одного из командиров «Армии спасения». Сам Саламе остался жив, но «с тех пор его войска лишь с большим трудом могли мешать приготовлениям «Хаганы» на прибрежной равнине»⁶³. И, кроме того, части «Палмаха» овладели арабской деревней Кагель, контролирующей важный участок дороги между Иерусалимом и Кирият-Анавим.

Операция «Нахшон» началась вечером 5 апреля 1948 года. Три батальона бригады «Гивати» блокировали семь арабских поселений, захватили в районе Латруна арабские деревни Хульда, Дир-Мухсен и штурмом взяли ключевые позиции противника у Баб-эль-Вада. В этот же день колонна из 60 грузовиков с продовольствием и боеприпасами смогла двинуться в направлении Иерусалима.

В ночь с 7 на 8 апреля арабы перешли в контратаку, направив основной удар на район Моцы, расположенный в долине над высотой Кагель. Завязались ожесточенные бои, в которых обе стороны несли тяжелые потери. В одном из боев погиб командующий арабскими войсками в этой операции двоюродный

брат палестинского муфтия Абд-эль-Кадер эль-Хусейни. После его гибели атаки арабов на некоторое время были прекращены.

Короткое затишье позволило евреям доставить в Иерусалим необходимые продовольствие, боеприпасы и подкрепления. 10 апреля в город был направлен большой конвой, 13 апреля — еще один, состоящий из 235 грузовых автомобилей, за ним — целых три конвоя дошли до Иерусалима, перебросив туда бригаду «Харель». Но уже 20 апреля поток людей и грузов прекратился. Арабские войска перешли в контратаку и вернули свои утраченные позиции в районе Баб-аль-Вада, вновь перекрыв путь сообщения.

Тем не менее, по мнению Х. Герцога, операция «Нахшон» была особенно важна по ряду причин. Подкрепления и провиант, доставленные в Иерусалим, позволили осажденному гарнизону и гражданскому населению продержаться еще два месяца. С военной точки зрения, операция «Нахшон» оказалась первой, в которой еврейские войска были успешно использованы на уровне крупных соединений. Операция также оказала на арабов деморализующее влияние, которое сказывалась на протяжении ряда последующих боев⁶⁴.

В разгар боевых действий под Баб-аль-Вадом произошло событие, вызвавшее возмущение прогрессивной общественности, прежде всего в странах арабского мира. 9 апреля 1948 года части ИЦЛ и «Лехи» захватили арабскую деревню Дейр-Ясин на западной окраине Иерусалима, где учинили жестокую расправу с мирными жителями, в результате которой было убито 254 человека. Представитель Красного Креста Ж. де Ренье сумел осмотреть место бойни, и, несмотря на угрозы убийства со стороны ИЦЛ, направил в Женеву объективный доклад о расправе. До конца своих дней он с ужасом вспоминал то, что увидел в деревне.

После бойни в Дейр-Ясин, арабы нанесли ответный удар, атаковав конвой, который совершал регулярные рейсы в госпиталь «Хадассах» на горе Скопус. Во время нападения погибло более 70 евреев, среди них оказался и жених младшей дочери Бен-Гуриона⁶⁵.

До настоящего времени события в Дейр-Ясин остаются для арабов одним из жестоких преступлений еврейской военщины. В свою очередь, многие современные еврейские историки полагают, что нападение на деревню «превратилось в оружие в руках арабов для обвинений Израиля, и слова "Дейр-Ясин" использовались арабами вновь и вновь, чтобы оправдывать собственные зверства»⁶⁶.

К середине мая 1948 года части «Хаганы» провели против арабов 13 военных операций («Ифтах», «Маккаби» и др.), при этом 8 операций были совершены вне границ еврейского государства, установленных резолюцией ООН от 29 ноября 1947

года⁶⁷. В результате, территория предназначенная для создания арабского государства в Палестине, претерпела значительные изменения. Евреи заняли арабские города Хайфу, Яффо, Цфат, Тверию, арабский квартал Каталон в международной зоне Иерусалима и захватили около сотни арабских деревень. Более 400 тыс. палестинских арабов стали беженцами.

Тем временем эвакуация английских войск из Палестины подходила к концу. Англичане покидали последние районы страны. 14 мая 1948 года английский гарнизон оставил Иерусалим. Верховный комиссар А. Каннингем вылетел с аэродрома Каландия в Хайфу, где поднялся на борт корабля Королевских ВМС. Эвакуация завершилась.

В тот же день Бен-Гурион созвал Верховный совет (будущий Кнессет) на заседание в городском музее Тель-Авива. На нем он зачитал Декларацию о независимости и провозгласил образование еврейского государства в Палестине под названием «Государство Израиль». Президентом новой страны стал Х. Вейцман, премьер-министром — Бен-Гурион.

Сразу же после провозглашения независимости правительство США признало Израиль де-факто. 16 мая Советский Союз признает его де-юре. Одновременно с этим зарубежные еврейские организации обратились лично к И. Сталину с просьбой оказать военную поддержку молодому государству, в частности, направить «еврейских летчиков-добровольцев на бомбардировщиках в Палестину»⁶⁸. «Вы, человек, доказавший свою прозорливость, можете помочь, — говорилось в одной из телеграмм американских евреев на имя Сталина. — Израиль заплатит Вам за бомбардировщики»⁶⁹. Но советские еврей-добровольцы не были посланы на Ближний Восток. В вооруженных силах Советского Союза военнослужащих, изъявивших желание воевать в Палестине, оказалось чуть более десяти человек, в основном замполитов. Один из них, по фамилии Вайншток, даже посвятил добровольцам поэму «В борьбе за еврейское счастье», которая по недосмотру цензуры была опубликована в газете «На страже Родины» Ленинградского военного округа. Тем не менее, в Москве состоялась встреча израильского военного атташе с первым заместителем начальника Генерального штаба А. Антоновым. На ней обсуждались практические вопросы поставок оружия и принятия на учебу в советские военные заведения группы израильских офицеров. В итоге советское вооружение стало поставляться в Израиль по нескольким каналам — через Чехословакию и Венгрию, а в Праге на базе бригады им. Готвальда началась подготовка военных специалистов для израильской армии⁷⁰.

Между тем, после официального провозглашения государства Израиль 14 мая 1948 года военные действия на Ближнем Востоке вступили в новую фазу.

15 мая на территорию Палестины вошли войска Египта, Сирии, Ливана, Ирака и Трансиордании (формально войну Израилю объявила Саудовская Аравия и Йемен). Общая численность арабских армий составляла 23 тыс. человек (по другим данным — 30 тыс.), имевших на вооружении авиацию, танки, бронемашин и артиллерию⁷¹. Командовал объединенными арабскими силами король Трансиордании Абдалла, который весной 1948 года, под давлением англичан и лидеров арабских стран, изменил свою позицию, изложенную им на тайной встрече с Г. Мейерсон в ноябре 1947 года.

Арабское вторжение началось рано утром 15 мая с авиационных ударов египетских ВВС. Самолеты непосредственной поддержки войск «Лайсендер» и переоборудованные в бомбардировщики транспортные «Дуглас» С-47 атаковали позиции израильских войск. Три истребителя Супермарин «Спитфайер» УС произвели налет на объекты Тель-Авива — электростанцию «Рединг», аэродром и вокзал (во время удара по вокзалу было убито 42 человека). Пулеметным огнем с крыши электростанции был подбит один из египетских истребителей, который упал недалеко от Тель-Авива. Взятый в плен летчик заявил на допросе: «Долго я у вас не пробуду. Доблестная египетская армия уже на пути в Тель-Авив»⁷².

На сухопутном фронте события разворачивались в соответствии с планом, разработанным начальниками штабов арабских армий на совещании в Дамаске.

Ливанская армия — две бригады, двинулась по северному побережью Израйля, в направлении Нагарии. Сирийцы — 1-я моторизованная бригада, в составе 200 автомашин и бронетранспортеров, 20 танков «Рено» и нескольких десятков артиллерийских орудий, перешли границу к северу и югу от Тивериадского озера и развернули наступление в направлении Цемаха. Иракские войска — бригада и моторизованный батальон, переправились через Иордан к югу от Тивериадского озера и устремились на побережье Средиземного моря к городу Натании. Трансиорданский Арабский легион в составе трех бригад вел наступление на Шхем, Самарию и Рамле. Отметим, что этот легион, состоящий из 10 тыс. отборных бедуинских воинов, под командованием английского бригадного генерала Д. Глабба, по праву, считался ударной мощью арабских войск. «Это была грозная сила, — пишет историк В. Фромер. — Из всех арабских армий, напавших на еврейское государство, лишь легион короля Абдаллы оказался на уровне поставленных войной задач»⁷³. Египетская армия — 2-я и 4-я бригады (пять пехотных батальонов), войсковые подразделения Саудовской Аравии и отряд египетских — добровольцев из «Мусульманского братства» при поддержке подразделения танков типа «Крусейдер», артиллерии и авиации, начала наступление из Синая двумя колоннами. Пер-

вая колонна двигалась вдоль берега Средиземного моря на Газу и Тель-Авив. Вторая колонна наступала в северо-восточном направлении в сторону Ауджи, Беэр-Шевы, Хеврона и готовилась к атаке Иерусалима с юга. Палестинским «Арабской освободительной армии» и «Армии спасения», по плану, отводилось выполнение второстепенных функций местной обороны.

К началу арабского вторжения израильские войска состояли из 9 бригад, которые действовали в разных районах страны: бригада «Ифтах» — в Восточной Галилее, «Харель» — в Иерусалимском коридоре, «Негев» — на юге, «Голани» — в Южной Галилее, «Кармели» — в Западной Галилее, «Александрони» — на побережье между Хайфой и Тель-Авивом, «Кирияти» — к северу и северо-востоку от Тель-Авива, «Гивати» — к югу от Тель-Авива, «Эциони» — в Иерусалиме. В это же время шло формирование 7-й бригады полковника Ш. Шамира, 8-й бронетанковой бригады И. Садэ и 9-й бригады «Одед»⁷⁴. Общая численность израильских войск составляла 19 тыс. человек (по другим данным — 40 тыс.) и 6 тыс. бойцов находились в резерве, проходя военную подготовку⁷⁵. На вооружении войск находилось 195 76-мм минометов, несколько 20-мм орудий «Испано-Суи-за», 4 65-мм французских гаубицы 1870 года выпуска, несколько десятков 20-мм противотанковых гранатометов «Пиат», машины разведки, самодельные броневики и 9 самолетов.

С первых же часов вторжения на всех фронтах — Северном, Центральном, Иерусалимском и Южном — начались упорные бои. И уже с первых часов боевых действий отчетливо проявилось отсутствие единства и четкой координации в рядах арабов. «Никакой единой арабской стратегии не было, — подчеркивает Фромер. — Должность главнокомандующего... оказалась фикцией. Арабские армии сражались, не обращая друг на друга никакого внимания, что существенно облегчало задачи еврейскому командованию»⁷⁶.

Используя разрозненные, несогласованные действия противника, израильские войска нанесли ему ряд чувствительных ударов на Северном, Центральном и Южном фронтах.

Так, на Северном фронте сирийская армия проиграла сражение в Иорданской долине. С 18 по 23 мая в ходе боев за еврейские поселения Дегания-А и Дегания-Б, численность защитников которых не превышала 70 человек, сирийские войска понесли значительные потери в живой силе и технике (огнем 20-мм гранатометов и бутылками с зажигательной смесью были подбиты три сирийских бронетранспортера и два танка «Рено»). После вступления в бой израильской артиллерии — четырех 65-мм орудий, срочно переброшенных в этот район, сирийские войска спешно отступили, оставив ранее захваченные пункты Цемах, Шаар ха-Голан и Масаду.

Далее процитируем Х. Герцога:

«Значение победы под Деганией заключается не столько в том, что был отражен главный удар арабского вторжения в район Иорданской долины, сколько в электризирующем действии, которое эта победа произвела не все еврейское население ново-рожденного государства Израиль. Дегания, расположенная на реке Иордан, где воды поднимаются от южного берега Тивериадского озера, известна как "мать киббуцев", ибо она, основанная в 1910 году, была первым кооперативным поселением киббуцного типа в Палестине. Тот факт, что первое крупное сражение против вторгшейся армии произошло именно у Дегании, было воспринято во многих отношениях как предзнаменование. Численное и техническое неравенство не помешало горстке поселенцев отразить наступление регулярной арабской армии. Моральный подъем в результате этого успеха сыграл решающую роль в отчаянные последующие дни»⁷⁷.

Почти одновременно с победой над сирийцами, израильские войска нанесли мощный удар по ливанской армии. В начале июня батальон «Палмаха» под командованием Д. Ланнера, отбросил противника от стен Рамат-Нафтали, закрыв ему путь в Центральную Галелею. «Получившие урок ливанцы, — пишет Фромер, — не проявляли в дальнейшем особой активности»⁷⁸.

На Центральном фронте в тяжелых боях 25 мая — 4 июня подразделения бригад «Голани», «Кармели» и «Александрони» остановили продвижение иракских войск в 16 км от Натании и берега Средиземного моря, тем самым, предотвратив угрозу расщепления Израиля на две половины. Правда, израильские войска могли бы добиться больших успехов, вплоть до разгрома иракцев, но этот шанс был упущен «в результате слабости бригады "Александрони", командование, которой, бесспорно, отличалось скудным воображением и отсутствием наступательного духа»⁷⁹.

На Южном фронте с момента арабского вторжения, бригада «Негев» (800 человек, усиленные подразделением командос на джипах) под командованием полковника Н. Саринга и бригада «Гивати» (свыше 3 тыс. человек) под командованием полковника Ш. Авидана, сдерживали наступление египетской армии. 24 мая, захватив еврейское поселение Яд-Мордехай, египтяне начали продвижение в направлении города Ашдод. Несколько дней спустя колонна египетских войск, насчитывающая 500 машин, подверглась вблизи Ашдода атаке четырех израильских «Мессершмитов» (эти истребители были получены из Чехословакии в 20-х числах мая и подготовлены к вылету бригадой чехов-авиатехников). И хотя налет израильской авиации был недостаточно удачным, психологический эффект от него оказался огромным: «египтяне до этого не имели представления о наличии у израильтян самолетов. Египетское наступление застопорилось у подорванного моста в двух милях севернее деревни Исдуд, и египтяне получили приказ окопаться»⁸⁰.

Однако, несмотря на то, что, на нескольких фронтовых направлениях арабское наступление было остановлено, судьба Израиля, продолжала оставаться под угрозой. Исход сражения на Иерусалимском фронте решал все.

С 15 мая вооруженные жители арабских кварталов начали совершать нападения на позиции «Хаганы» в еврейской части Иерусалима. Нападения отличались невероятной яростью, сравнимой с безумием, в них принимали участие все — от подростков до ветхих стариков, которые, нередко, бросались на еврейские укрепления с камнями и палками. Это, по мнению Фромера, позволило королю Абдалле под предлогом спасения населения и города ввести в него ударные части Арабского легиона⁸¹.

19 мая легионеры атаковали еврейскую часть Иерусалима. Им противостояли два батальона бригады «Эциони», численностью тысяча человек, 200 бойцов ИЦЛ и «Лехи» и 1500 городских ополченцев, вооруженных в основном стрелковым оружием. Артиллерия Арабского легиона, заняв позиции на Французском холме и высотах севернее Иерусалима, обрушила на город шквал артиллерийского огня. За время майских боев арабы выпустили по городу 10 тыс. снарядов, в результате обстрелов 316 человек погибли и 1422 получили ранение⁸². Стремительной атакой легионеры выбили подразделения ИЦЛ из квартала Шейх-Джарах — важного стратегического пункта между Раммалой и Старым городом. Захватив Шейх-Джарах, арабы блокировали Еврейский квартал в старой части города, гору Скопус и предприняли попытку прорыва в центр еврейской части Иерусалима. Атака велась с двух направлений: через район, ставший впоследствии известным как Ворота Мандельбаума и от Дамасских ворот Старого города.

Наиболее упорные бои развернулись за монастырь Нотр-Дам. Старинные монастырские постройки прикрывали путь к центру от Дамасских ворот и одновременно господствовали над ключевыми кварталами Старого города. 3-й полк легиона при поддержке пушечных бронетранспортеров, неоднократно штурмовал Нотр-Дам, но всякий раз, встретившись с отчаянным сопротивлением евреев, был вынужден отступать, неся большие потери. «Мои люди дрались, как герои, но евреи сражались с доблестью, превышающей человеческие возможности», — позднее напишет один из арабских офицеров, участник штурма монастыря⁸³. Вечером 24 мая, командуя Арабским легионом бригадный генерал Д. Глабб, приказал приостановить наступление на этом направлении.

Одновременно со штурмом Нотр-Дама жестокие бои шли в южных предместьях Иерусалима, где части Арабского легиона совместно с подразделениями «Мусульманского братства», вели наступление на кибуц Рамат-Рахель. Этот населенный пункт

господствовал на южных подступах к городу, надежно защищая кварталы Тальпиот, Макор-Хаим и Катамон. Трижды кибуц переходил из рук в руки, но в конечном итоге остался у евреев.

Не добившись успеха под Рамат-Рахель, арабы направили острие своих атак на Еврейский квартал Старого города. Бои за квартал, не раз доходившие до рукопашных схваток, отличались невероятным упорством и ожесточением.

К концу мая евреи отступили на последний рубеж обороны — вокруг синагоги Нисана Бека и больницы Мисгав-Ладах. Эту территорию не более 200 кв. м защищало 36 человек, у которых оставалось лишь 300 патронов. 28 мая Еврейский квартал капитулировал. Когда офицеры Арабского легиона принимали капитуляцию, то один из них не смог сдержать своего удивления перед горсткой защитников. «Если бы мы знали, что вас так мало, то пошли бы на штурм с палками вместо пулеметов и минометов», — произнес офицер⁸⁴. Из зоны боев вышло 1190 гражданских лиц — женщин, детей и стариков. Арабское население Старого города занялась грабежами и поджогами в Еврейском квартале, уничтожив 58 синагог.

Еще в период борьбы за Еврейский квартал командование Арабского легиона сосредоточило внимание на блокаде еврейской части Иерусалима, усилив контроль дороги ведущей в город, в особенности — на Латрунском участке. Голодом и жаждой противник пытался сломить сопротивление евреев. Но город жил и боролся, хотя хлебный суточный паек составлял 160 граммов на человека, а суточная норма воды, выделяемая на каждую семью, равнялась одному маленькому ведерку⁸⁵. Однако в конце мая после падения Еврейского квартала тиски блокады стали невыносимыми.

Процитируем Х. Герцога:

«Подача электроэнергии в город была ограничена несколькими часами в день, а водонасосные станции арабы отключили 12 мая. Никто не знал новостей, потому что радио тоже было отключено. Царил всеобщий голод, не было воды, и ночами все погружалось в непроглядную тьму. Круглосуточно город подвергался артиллерийскому обстрелу. В лавках не было продуктов, все население жило и спало в подвалах и бомбоубежищах, и элементарные санитарные условия не соблюдались из-за отсутствия воды. Когда последние запасы иссякли, всем стало ясно, что есть предел человеческой выносливости и что так долго продолжаться не может»⁸⁶.

В 20-х числах мая израильское военное командование приняло решение о прорыве блокады Иерусалима. План операции предусматривал захват крепости Латурн, которая контролировала вход в город. Выполнение боевой задачи возлагалось на батальон бригады «Александрони» и недавно сформированную 7-ю бригаду под командованием полковника Ш. Шамира.

Накануне операции выяснилось, что 7-я бригада недостаточно подготовлена к ведению боевых действий. Так, один из батальонов бригады был целиком укомплектован иммигрантами, ранее не державшими в руках оружия и не понимавшими иврита. Тем не менее, Бен-Гурион отдал суровый приказ: «Атаковать любой ценой»⁸⁷.

На рассвете 25 мая израильские войска пошли на штурм Латурна, но были встречены шквалом артиллерийско-пулеметного огня. Атака захлебнулась, едва начавшись. 7-я бригада, оставив на поле боя около 200 убитых, в панике отступила на исходные позиции.

Однако Бен-Гурион «решает продолжать атаковать крепость Латурн до тех пор, пока дорога на Иерусалим не станет свободной»⁸⁸. В конце мая 7-я бригада и батальон бригады «Гивати», при поддержке четырех 65-мм орудий и нескольких 120-мм минометов, которые прибыли в страну с очередной партией оружия, вновь атакуют крепость. И вновь — неудача. Следующая попытка овладеть Латурном была предпринята 9 июня силами бригад «Харель» и «Ифтах», но и она оказалась безуспешной. «Битва при Латурне станет одним из самых горьких поражений в войне за независимость», — отметит М. Бар-Зохар⁸⁹.

Тем не менее, израильтянам удалось снять осаду Иерусалима. Было принято решение о строительстве обходной дороги к югу от Латурна. Усилиями сотен дорожных рабочих и солдат инженерных войск, дорога, получившая название «Бирманской», была построена в кратчайший срок. С 10 июня по ней начался подвоз продовольствия, боеприпасов и подкреплений в еврейскую часть Иерусалима.

7 июня 1948 года лидеры воюющих сторон приняли предложение Организации Объединенных Наций о прекращении огня сроком на один месяц. Соглашение вступало в силу 11 июня. В район вооруженного конфликта в качестве посредника ООН был направлен шведский граф Ф. Бернадотт.

«Прекращение военных действий позволило обеим сторонам перевести дыхание и заново осмыслить сложившуюся ситуацию, — пишет В. Фромер. — И в еврейских, и в арабских штабах шла напряженная работа. Подводились предварительные итоги, обсуждались перспективы на будущее. Арабское командование понимало, что гордиться ему особенно нечем. План захвата Тель-Авива и Хайфы и разгрома евреев за две недели провалился.

Легион Глабба завяз в Иерусалиме, понеся невосполнимые потери. Продвижение египетских войск было заблокировано у Ашдода. Иракцы, добившиеся успеха в Дженине, потеряли столько бойцов, что боялись сдвинуться с места. Ливанцы вообще ничего не добились. Лишь сирийцам удалось захватить небольшой плацдарм на израильской территории.

Но и у еврейского руководства не было оснований для радости. Правда, армии вторжения были остановлены. Но египтяне контролировали большую часть Негева. Иракские войска находились всего в 16 километрах от Средиземноморского побережья. Угроза еврейскому Иерусалиму не миновала. Сирийцы, окопавшиеся на западном берегу Иордана, угрожали всей Восточной Галилеи»⁹⁰.

В соответствии с условиями перемирия обе стороны не имели права использовать передышку для наращивания военной мощи. И если арабы в лице короля Абдаллы, нарушали соглашение, предпринимая неудачные попытки по обеспечению централизации военного руководства, то евреи делали все возможное, чтобы увеличить и укрепить свои вооруженные силы.

Незадолго до прекращения огня было официально объявлено о создании регулярной израильской армии. Она получила название «Армия Обороны Израиля» («Цава Хагана ле-Исраэль», сокращенно — «Цахал»). Все военные части приняли присягу, были введены единая военная форма и звания, высшим из которых стал чин генерал-майора. Этот чин был присвоен начальнику генерального штаба Я. Дори, ранее возглавлявшему генеральный штаб «Хаганы». Правительство Израиля также издало приказ о роспуске ИЦЛ и «Лехи», члены которых могли быть приняты в «Цахал» в индивидуальном порядке. Правда, осуществление этого приказа встретило сопротивление со стороны ликвидируемых организаций, дошедшее до вооруженного столкновения между «Цахал» и ИЦЛ.

Интенсивными темпами шло формирование новых частей, обучение новобранцев и освоение вооружения, поступающего из Чехословакии и Венгрии. К моменту перемирия 7 судов с грузом оружия и боеприпасов достигли берегов Израиля. В это же время в одной из европейских стран израильские представители вели переговоры о закупке четырех истребителей Норт-Америкэн Р-51D «Мустанг». К концу года «Мустанги» появились в Израиле, сбив в нескольких воздушных боях самолеты противника: Де-Хэвилленд «Москито» и Фиат G 55⁹¹.

Между тем посредник ООН Берандотт, после соответствующих консультаций с арабскими и израильскими лидерами, предложил меры по мирному урегулированию конфликта. План Берандотта предусматривал создание некоего политического объединения, включавшего в себя еврейское, арабское государства и Трансиорданию. Арабо-еврейские интересы в объединение представлял центральный совет. В состав Трансиордании включался западный берег Иордана. Израиль получал всю Западную Галилею. К арабскому государству отходил Негев и Иерусалим, при условии защиты арабами религиозных святынь. Свободная еврейская иммиграция в Израиль разрешалась на два года, после чего она осуществлялась под контролем ООН⁹².

7 июля правительство Израиля с негодованием отвергло план Берандотта. Аналогичную позицию заняли и арабские лидеры. Первые не могли согласиться с ущемлением своей независимости, а также потерей Негева и Иерусалима. Вторые полагали, что «евреи и Абдалла получают слишком многое»⁹³.

8 июля 1948 года военные действия возобновились с новой силой. Израильским командованием был разработан план, предусматривающий проведение трех наступательных операций: «Дани», «Декель» и «Брош». Операция «Дани» разрабатывалась, как главное наступление «Цахала», нацеленное на разгром Арабского легиона и снятие осады Иерусалима. Операция «Декель» имела целью, нанесение мощного удара по наиболее слабому звену в арабском союзе — «Арабской освободительной армии» Ф. Каукджи. Операция «Брош» планировалась против сирийской армии, представляющей серьезную угрозу для всей Восточной Галилеи.

9 июля израильские войска перешли в наступление на Иерусалимском, Центральном и Северном фронтах. На Южном фронте части «Цахал» сковывали египетские силы сдерживающими боями. «Египтяне должны были заплатить по счетам позднее», — как выразился историк В. Фромер⁹⁴.

На Иерусалимском и Центральном фронтах, где началась операция «Дани», израильскими войсками командовал И. Алон, один из лучших полководцев «Цахал». В его распоряжении находились довольно внушительные силы: бригады «Харель», «Ифтах», «Кирияти» и 8-я бронетанковая бригада, в составе которой имелся танковый батальон (первый в «Цахал») из 10 французских легких танков Н-35 и двух британских крейсерских (средних) «Кромвелей», а также отдельные подразделения бригад «Александрони» и «Эциони». На первом этапе операции войскам ставилась задача овладеть районами Лода и Рамле, гарнизоны которых угрожали Тель-Авиву, и, кроме того, в Лодѣ находился главный железнодорожный узел страны и международный аэропорт. Второй этап операции предусматривал захват Латурна, Рамаллы и ликвидацию осады Иерусалима.

Израильское наступление развивалось успешно. Бригада «Ифтах», продвигаясь на южном фланге в направлении Бен-Шемена, с ходу захватила несколько арабских деревень. Севернее танковый батальон 8-й бронетанковой бригады совместно с подразделениями бригад «Александрони» и «Кирияти» заняли международный аэропорт в Лодѣ и двинулись к Бен-Шемѣну на соединение с «Ифтахом».

12 июля 89-й моторизованный батальон командос из бригады «Ифтах» на полугусеничных машинах, джипах и трофейном бронетранспортере ворвался в город Лод. Командовал батальоном полковник М. Даян, ставший впоследствии известным военачальником и политическим деятелем. Внезапное появление в Лодѣ командос Даяна, промчавшихся, с грохотом и

стрельбой, по улицам города, вызвало панику среди гарнизона и горожан. 30 тысяч арабских жителей Лода бежали в Рамле, внося в этот город неразбериху и панику. 13 июля части бригады «Кирияти» без боя вошли в Рамле.

Первый этап операции «Дани» успешно завершился, на очереди был второй — захват Латурна, Раммалы и освобождение Иерусалима.

Главный удар своей группировки И. Алон нацелил против Латурна (по ряду обстоятельств наступление на Раммалу было отложено). В ночь с 15 на 16 июля начался четвертый штурм непреступной крепости. Бригада «Ифтах», при поддержке танкового батальона 8-й бронетанковой бригады и частей бригады «Кирияти», заняла район к северу от Латурна, захватив арабские деревни Барфилия, Салбит, Эль-Бурдж и Бир-Маин. Этот успешный маневр открывал перед израильской армией возможность обхода крепости по дороге на Раммалу.

Командующий Арабского легиона Д. Глабб своевременно заметил угрозу обхода и ответил решительным контрнаступлением. Легион, пишет Герцог, исполненный решимости любой ценой удержать Латурн, и слишком хорошо сознавая, что израильтяне стремятся изолировать или окружить этот пункт, принял несколько яростных контратак, не зная себе подобных по силе за всю войну⁹⁵.

В результате, штурм был отбит. Израильские войска отошли на исходные позиции. В войне за независимость это была последняя попытка израильтян захватить Латурн. Крепость продолжала держать в блокаде главную дорогу на Иерусалим в течение долгих 19 лет. Овладеть Латурном израильским войскам удалось только в Шестидневную войну⁹⁶.

На Северном фронте, наступление против сирийской армии, по плану операции «Брош», развивалось с большим трудом. С первых же минут наступления израильские бригады «Александри», «Голани», «Кармели», «Одед» и 7-я бригада, встретились с упорным сопротивлением сирийцев в районе Мишмар-ха-Ярден. До 18 июля здесь шли тяжелые, кровопролитные бои, но ни одна из сторон, так и не смогла одержать убедительной победы.

В свою очередь операция «Декель» оказалась намного удачней. Части бригады «Голани» сковали «Арабскую освободительную армию» боями за селение Седжера в центре Галилеи. Воспользовавшись этим, войсковое соединение под командованием Х. Ласкова, состоящее из 7-й бригады и батальона бригады «Кармели», совершило стремительный бросок по дороге Акко-Назарет, захватив без особого труда город Шфарам и поселение Ципори. Беспрепятственное продвижение соединения Ласкова в направлении Назарета дезорганизовало арабские войска. 15 июля командующий «Арабской освободительной армией» Ф. Каукджи, чтобы

восстановить положение, бросил в бой свой последний резерв — роту бронетранспортеров. В ходе атаки арабы потеряли шесть бронемашин, которые были подбиты 20-мм артиллерийской самоходной установкой 7-й бригады. 16 июля пал Назарет, а следом из-под Седжеры начали отход и войска Каукджи. Они оставили всю Нижнюю Галилею, отступив в северо-восточном направлении.

На Южном фронте, начиная с 8 июля в районах Фалуджи и Негбы, шли непрерывные бои с переменным успехом. К моменту вступления в силу второго соглашения о прекращении огня, обе стороны были совершенно изнурены боевыми действиями, в которых понесли тяжелые потери.

18 июля 1948 года, в соответствии с требованием Совета Безопасности ООН, на арабо-израильских фронтах вновь устанавливалось перемирие, без ограничения срока действия.

К этому времени израильтяне смогли захватить 14 арабских городов и 313 арабских деревень. В свою очередь в руках арабов находилось 14 еврейских поселений, включая Еврейский квартал в старой части Иерусалима. Помимо этого, в Галилее вдоль границы с Ливаном под контролем «Арабской освободительной армии» находилась значительная территория (300 кв. км) и большая часть Негева все еще была отрезана египтянами от Израиля⁹⁷.

В середине сентября Ф. Берандотт, «высокий и костлявый шведский аристократ, не воспринимаемый евреями всерьез», выступил с новыми предложениями по мирному урегулированию конфликта⁹⁸. Эти предложения почти не отличались от предыдущих, к ним были добавлены только параграфы о возвращении арабских беженцев и о предоставлении автономии еврейской общине в Иерусалиме.

Как и следовало ожидать, очередной план аристократа, не был одобрен ни одной из воюющих сторон. Бар-Зохар писал:

«Ни при каких условиях он (Бен-Гурион — Авт.) не отказался бы от Негева, Мертвого моря и выхода к Красному морю... Он настаивал на том, чтобы Иерусалим стал частью израильского государства. Что касается арабских беженцев, то он подчеркнул: "Мы должны быть уверены, что они никогда не вернутся". Инженерные войска начали разрушать покинутые арабские деревни, расположенные в стратегических районах»⁹⁹.

17 сентября автомобиль, в котором Берандотт и члены его штаба, направлялись на встречу с израильским городским губернатором, попал в засаду, устроенную в одном из еврейских кварталах Иерусалима. Автоматная очередь напавал сразила Берандотта и французского наблюдателя полковника Серро.

Следствием было установлено, что убийство посредника ООН совершили террористы из «Лехи». Это известие вызвало возмущение мировой общественности. Правительство Израиля приняло решение о ликвидации экстремистских организаций «в

Иерусалиме и уничтожении их остатков на всей остальной территории страны»¹⁰⁰. На членов «Лехи» и ИЦЛ обрушились репрессии властей. В частности, был арестован руководитель «Лехи» и приговорен к пяти годам заключения (спустя несколько лет он был выпущен из тюрьмы и избран депутатом Кнессета).

Но возмущение общественности продолжало нарастать. Вскоре стало очевидным, что ООН намерена сильно «нажать» на Израиль с тем, чтобы заставить принять план покойного Бен-рандотта. Однако Бен-Гурион четко осознавал, что единственным выходом из создавшегося положения «может быть немедленное принятие военных мер, которые поставят дипломатов перед свершившимся фактом»¹⁰¹,

В итоге был разработан план под названием «Десять казней египетских» (вскоре он получил более скромное название — «Йоав»). План предусматривал проведение решительного наступления против египетской армии и освобождение Негева. Поводом к началу военных действий должен был стать конвой с продовольствием направленный в сторону Негева и, который египтяне, несомненно, попытаются остановить в нарушении соглашения о перемирии. И тогда «на сцену выступит Израиль и начнет общее наступление на южном фронте»¹⁰².

Утром 15 октября 1948 года израильский офицер связи, как и было, предусмотрено планом операции «Йоав», сообщил в штаб наблюдателей ООН, что в соответствии с условиями перемирия через транспортный узел Фалуджи в Негев отправляется колонна с продовольствием. Штаб наблюдателей утвердил отправку конвоя. На подходе к Фалуджи машины были обстреляны египетскими войсками, поскольку незадолго до этого израильские командос из подразделения «Лисы Соломона» (бригада «Гивати»), под видом продовольственных конвоев, совершили ряд нападений на египетские посты. Таким образом, Израилем был получен весомый повод к возобновлению военных действий.

Как только стало известно об инциденте в Фалуджи, израильская авиация (к этому времени на вооружении «Цахал» помимо «Мессершмитов» и «Мустангов» появилось несколько бомбардировщиков В-17 «Летающая крепость»)¹⁰³ нанесли бомбо-штурмовые удары по египетским аэродромам и скоплениям войск в Газе, Эль-Арише, Фалудже и Беэр-Шеве. Следом ударная израильская группировка в составе бригад «Гивати», «Негев», «Ифтах», «Одед» и двух батальонов 8-й бронебригады под командованием И. Алона, атаковала египетские позиции в Негеве.

Начало наступления оказалось неудачным. Танковый батальон 8-й бронетанковой бригады и пехотное подразделение бригады «Негев» были разбиты египтянами под Ирак-эль-Маншие. В ходе боя израильяне понесли тяжелые потери в живой силе и потеряли пять танков — четыре «Гочкиса» и один «Кромвель».

Поражение под Ирак-эль-Маншие послужило уроком для командования израильской группировки. Алон отказался от повторной атаки на этот исключительно важный стратегический пункт и перенес основной удар западнее, в направлении Фалуджи, где у египтян в районе Хулекайт был создан мощный оборонительный рубеж, известный под названием «Негевское чудовище». Этот рубеж — стержень всей обороны египетской армии в Негеве, защищал пехотный батальон, усиленный ротой из Саудовской Аравии, и ротой тяжелого вооружения с пулеметами, минометами и транспортерами «Брен». Египетские позиции были оборудованы на шести высотах, окруженных семью рядами колючей проволоки, в случае необходимости каждая высота могла быть прикрыта огнем с соседней возвышенности.

В ночь с 19 на 20 октября 2-й батальон бригады «Гивати» под командованием Ц. Цура ринулся на штурм «Негевского чудовища». На всех шести высотах закипели жестокие рукопашные бои. В ход шли штыки и приклады, ножи и гранаты. Особенно яростно дрались саудовские бойцы, которые с воплями: «Алаху акбар!» кидались на израильтян с большими кривыми ножами. Утром 20 октября египетский укрепленный рубеж был взят. В качестве трофеев, бойцам «Гивати» досталось большое количество стрелкового оружия, боеприпасов и 30 пулеметов «Виккерс».

Падение «Негевского чудовища» стало переломным моментом в борьбе за Негев.

Развивая успех, достигнутый под Хулекатом, И. Алон направил батальон десантников, два батальона бригады «Негев» и части 8-й бронетанковой бригады, для захвата Беэр-Шевы. 21 октября после упорного боя египетский гарнизон Беэр-Шевы, столицы Негева, капитулировал.

Новая победа позволила израильским войскам изолировать войска противника в холмах Хеврона. Египетский экспедиционный корпус был рассечен на четыре изолированные группировки: «одна бригада находилась в районе Газа-Рафиях, другая бригада готовилась к отступлению на юг из района Мадждала, третья полная бригада — около 4 тысяч человек под командованием суданского бригадного генерала Сайда Таха-Бея — была окружена в "мешке" Фалуджи, и еще два батальона были отрезаны в районе Хеврон-Иерусалим»¹⁰⁴.

Командующий Арабским легионом Д. Глабб попытался оказать помощь союзникам, попавшим в тяжелое положение. Им был разработан план операции под кодовым названием «Дамаск». Согласно этому плану отряд легиона должен был нанести отвлекающий удар в районе Бейт-Гуврин, севернее Негева и пока израильские войска будут отражать атаку, бригада Таха-Бея выйдет из окружения в Фалуджи по тайной тропе, известной

английскому майору Локкету, одному из офицеров Арабского легиона. Локкет даже пробрался по этому пути в Фалуджу и изложил план «Дамаск» бригадному генералу Таха-Бею.

Ознакомившись с планом, генерал Таха-Бей запросил указаний у верховного командования в Газе. Ответ, полученный им, гласил:

«Нельзя полагаться на план, инициатором которого является Глабб-паша. Пешая эвакуация солдат через контролируемую евреями территорию означает их преднамеренную гибель. Отклоните план и прогоните этого наемника Локкета. Защищайте свои позиции до последнего патрона, как и подобает египетским воинам»¹⁰⁵.

План «Дамаск» окончательно испортил отношения транс-орданского короля Абдаллы с египетским королем Фаруком. Египтяне были уверены, что их коварный союзник хотел погубить бригаду Таха-Бея. «Ну и пускай им евреи задницу надерут», — в свою очередь заявил Абдалла и даже поклялся, что отныне вообще не станет помогать египтянам.

Между тем израильтяне нанесли новый удар на Северном фронте. 28 октября началась операция «Хирам» против «Арабской освободительной армии» Каукджи, которая продолжалась чуть более 60 часов. Этого времени оказалось достаточным, чтобы войска Каукджи были разгромлены наголову. Арабы потеряли 200 человек убитыми и 550 взятыми в плен. Преследуя противника, израильские части вторглись на территорию Ливана и захватили 14 ливанских деревень. Ливанская армия вышла из войны. Израиль занял полосу «ливанской территории к югу от Литании до Малкии. Сирийцы сохранили свое укрепление перед мостом в Мишмар ха-Ярден, но за исключением этого вся Галилея была в руках Израиля. Война на севере страны практически завершилась»¹⁰⁶.

14 ноября 1948 года Совет Безопасности ООН обратился к Израилю и его арабским противникам с предложением начать переговоры о прекращении огня. Однако Египет отказался от диалога с Израилем.

Египетское командование, произведя перегруппировку войск, готовилось к наступлению в направлении Фалуджи, чтобы деблокировать окруженную бригаду Таха-Бея.

В свою очередь командование «Цахал» решило провести операцию «Хорев», направленную на полное изгнание египтян из Негева и уничтожение войск противника в районе Газы. Для участия в операции были выделены пять бригад под командованием И. Алона.

22 декабря израильские войска внезапной атакой захватили высоту 86, господствующую над дорогой Газа-Рафиях. Египтяне ответили мощной контратакой с использованием артиллерии, танков и огнеметных бронетранспортеров. Части бригады

«Голани», захватившие высоту, были вынуждены отойти. Но их атака заставила египтян сконцентрировать все внимание на этом участке фронта.

Тем временем саперы бригады «Негев» днем и ночью расчищали от песчаных заносов старинную римскую дорогу, известную под названием «тропа Рухейбы», ведущую в обход египетских укрепленных позиций в районе Бир-Аслуджа. 25 декабря по этой дороге двинулся отряд танков 8-й бронетанковой бригады. Внезапное появление израильских танков в глубоком тылу египтян решило исход сражения. 27 декабря египетские войска обратились в паническое бегство. Преследуя противника, израильтяне пересекли египетскую границу, вторглись на территорию Синайского полуострова и развили успех в направлении египетской военной базы Эль-Ариш. Однако полного разгрома египетской армии достичь не удалось.

1 января 1949 года посол США Д. Макдональд вручил израильскому правительству английский ультиматум, в котором говорилось, что если израильские войска не будут выведены из Синая, то Великобритания по условиям англо-египетского Договора 1936 года будет вынуждена оказать военную помощь Египту. Вечером того же дня посол Макдональд лично встретился с Бен-Гурионом и передал ему официальную ноту президента Трумэна:

«Правительство Соединенных Штатов Америки будет вынуждено пересмотреть свое отношение к вступлению Израильского государства в ООН... а также характер отношений с государством Израиль... Во избежание разрастания конфликта минимальным требованием со стороны правительства США является немедленный отвод израильских войск с территории Египта»¹⁰⁷.

2 января передовые израильские части, находящиеся на расстоянии выстрела от Эль-Ариша, оставили Синайский полуостров. Во время их отхода случился инцидент, едва не ставший поводом для вступления в войну Великобритании. Израильские истребители, патрулировавшие на границе с Египтом, атаковали группу английских самолетов «Спитфайр», сбив в воздушном бою пять машин (по другим данным — три). На поиск пропавших «Спитфайров» вылетел разведывательный самолет «Москито» и несколько истребителей «Хаукер Темпест». На их перехват были направлены израильские самолеты, сбившие один «Хаукер Тампест».

На это событие Великобритания отреагировала крайне резко, потребовав ухода израильтян и из Рафияха, захваченного ими во время отхода из Синая. Требование англичан было выполнено, хотя тем самым египетские войска, находящиеся в районе Газы, сумели избежать окружения и разгрома.

24 февраля 1949 года Израиль подписал с Египтом соглашение о перемирии. Согласно документу полоса Газы была оставлена

под египетским контролем, а стратегическая зона Эль-Ауджи демилитаризована. В марте соглашение о перемирии было подписано с Ливаном: израильские войска ушли с ливанской территории. В апреле Израиль подписал мирное соглашение с Трансиорданией, в соответствии с ним демаркационные линии поделили Иерусалим на две части: израильскую и арабскую. Соглашение с Сирией было подписано в июле того же года.

Первая арабо-израильская война 1948—1949 годов завершилась. В ходе военных действий потери Израиля составили 6,5 тыс. человек убитыми, из них 4300 военнослужащих и 2200 гражданских лиц, 11,5 тыс. было ранено¹⁰⁸. Свыше 900 тыс. арабов были вынуждены бежать из Палестины¹⁰⁹. Трансиордания потеряла в боях 6,5 тыс. убитыми, Сирия — 1,5 тыс., Египет — 8 тыс., Ирак — 500 человек¹¹⁰.

Война 1948—1949 годов вошла в историю арабского мира под названием «эль-накба» — «бедствие». В истории Израиля она известна как Война за независимость.

Примечания к главе 14

¹ Арабо-израильские войны. М., 2004. С. 197.

² Новая история колониальных и зависимых стран. Том первый. М., 1940. С.455.

³ Там же.

⁴ Звягельская И.Д. Роль военной верхушки в формировании государственной политики Израиля. М., 1982. С.9.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.9-10.

⁷ Там же. С. 12-13.

⁸ Арабо-израильские войны. С.33, 44—46.

⁹ Бар-Зохар М. Бен-Гурион. Ростов-на-Дону, 1998. С.64—65.

¹⁰ Новая история... С.454.

¹¹ Арабо-израильские войны. С. 197.

¹² Звягельская И.Д. Роль военной верхушки... С. 149.

¹³ Арабо-израильские войны. С. 198.

¹⁴ Звягельская И.Д. Роль военной верхушки... С. 11.

¹⁵ Там же. С.15-16.

¹⁶ Бар-Зохар М. Бен-Гурион. С.93.

¹⁷ Там же. С.94.

¹⁸ Там же. С.127.

¹⁹ Там же. С.129.

²⁰ Там же. С.130.

²¹ Арабо-израильские войны. С.79.

²² Звягельская И.Д. Роль военной верхушки... С. 17—18.

²³ Бар-Зохар М. Бен-Гурион. С. 136.

²⁴ Арабо-израильские войны. С.65.

²⁵ Там же. С. 198.

²⁶ Бар-Зохар М. Бен-Гурион. С. 139.

²⁷ Там же. С. 140.

- 28 Арабо-израильские войны. С.100.
- 29 Звягельская И.Д. Роль военной верхушки... С.26.
- 30 Там же. С.26-27.
- 31 Бар-Зохар М. Бен-Гурион. С.164.
- 32 Кальвокоресси 77 Мировая политика после 1945 года: В 2-х кн. Кн.1. М., 2000. С.449.
- 33 Бар-Зохар М. Бен-Гурион. С.193.
- 34 Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года... С.452.
- 35 Арабо-израильские войны. С.140.
- 36 Там же. С. 141, 145.
- 37 Там же. С. 155.
- 38 Бар-Зохар М. Бен-Гурион. С.196; Звягельская И.Д. Роль военной верхушки... С.31.
- 39 Бар-Зохар М. Бен-Гурион. С.198.
- 40 Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года... С.452.
- 41 Звягельская И.Д. Роль военной верхушки... С.32; Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года... С.453.
- 42 Звягельская И.Д. Роль военной верхушки... С.33.
- 43 Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М., 2000. С. 169.
- 44 Там же.
- 45 Звягельская И.Д. Роль военной верхушки... С.33—34.
- 46 Ладейкин В.П. Источник опасного кризиса. М., 1973. С. 104.
- 47 Бар-Зохар М. Бен-Гурион. С.213.
- 48 Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года... С.454.
- 49 Фромер В. Реальность мифов. М., 2003. С. 12.
- 50 Там же.
- 51 Звягельская И.Д. Роль военной верхушки... С.35.
- 52 Арабо-израильские войны. С.209.
- 53 Бар-Зохар М. Бен-Гурион. С.215.
- 54 Арабо-израильские войны. С. 186—187, 209; Ильин В. Семь равно восьми // Крылья Родины. 1992. №12. С. 10.
- 55 Бар-Зохар М. Бен-Гурион. С.221—222; Арабо-израильские войны. С.223.
- 56 Бар-Зохар М. Бен-Гурион. С.223.
- 57 Арабо-израильские войны. С.212.
- 58 Там же. С.218.
- 59 Там же. С.218-219.
- 60 Там же. С.208.
- 61 Звягельская И.Д. Роль военной верхушки... С.36—37.
- 62 Арабо-израильские войны. С.223.
- 63 Там же. С.224.
- 64 Там же. С.225.
- 65 Бар-Зохар М. Бен-Гурион. С.230—231.
- 66 Арабо-израильские войны. С.226.
- 67 Звягельская И.Д. Роль военной верхушки... С.39.
- 68 Россия (СССР) в локальных войнах... С. 170.
- 69 Там же.
- 70 Там же.
- 71 Звягельская И.Д. Роль военной верхушки... С.43; Мессенджер Ч. Энциклопедия войн XX века. М., 2000. С.446.

- ⁷² *Фромер В.* Реальность мифов. С. 18.
- ⁷³ Там же. С. 11.
- ⁷⁴ Арабо-израильские войны. С.250.
- ⁷⁵ *Звягельская И.Д.* Роль военной верхушки... С.43; Арабо-израильские войны. С.250.
- ⁷⁶ *Фромер В.* Реальность мифов. С. 14.
- ⁷⁷ Арабо-израильские войны. С.258.
- ⁷⁸ *Фромер В.* Реальность мифов. С.23.
- ⁷⁹ Арабо-израильские войны. С.266.
- ⁸⁰ Там же. С.289-290.
- ⁸¹ *Фромер В.* Реальность мифов. С.24.
- ⁸² Там же. С.27.
- ⁸³ Там же. С.26.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же. С.27.
- ⁸⁶ Арабо-израильские войны. С.272—273.
- ⁸⁷ *Бар-Зохар М.* Бен-Гурион. С.251.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же. С.252.
- ⁹⁰ *Фромер В.* Реальность мифов. С.32.
- ⁹¹ *Ильин В.* Семь равно восьми // Крылья Родины. 1992. №12. С.10.
- ⁹² *Звягельская И.Д.* Роль военной верхушки... С.47; *Фромер В.* Реальность мифов. С.34.
- ⁹³ *Фромер В.* Реальность мифов. С. 34.
- ⁹⁴ Там же. С.35.
- ⁹⁵ Арабо-израильские войны. С.306.
- ⁹⁶ Там же. С.306-307.
- ⁹⁷ *Звягельская И.Д.* Роль военной верхушки... С.47; *Фромер В.* Реальность мифов. С.37.
- ⁹⁸ *Бар-Зохар М.* Бен-Гурион. С.267.
- ⁹⁹ *Звягельская И.Д.* Роль военной верхушки... С.47.
- ¹⁰⁰ *Бар-Зохар М.* Бен-Гурион. С.268.
- ¹⁰¹ Там же. С.270.
- ¹⁰² Там же. С.270-271.
- ¹⁰³ Там же. С.267.
- ¹⁰⁴ Арабо-израильские войны. С.324.
- ¹⁰⁵ *Фромер В.* Реальность мифов. С.41.
- ¹⁰⁶ Арабо-израильские войны. С.318.
- ¹⁰⁷ *Бар-Зохар М.* Бен-Гурион. С.276.
- ¹⁰⁸ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004. С.61.
- ¹⁰⁹ *Звягельская И.Д.* Роль военной верхушки... С.49.
- ¹¹⁰ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004. С.65, 77, 86.

**«ВЕЛИКАЯ КАЛЬКУТТСКАЯ РЕЗНЯ». МЕЖОБЩИННЫЕ
СТОЛКНОВЕНИЯ В ИНДИИ В 1946-1948 ГГ.**

К началу 1946 года обстановка в Индии, где с середины XIX века безраздельно господствовала Великобритания, грозила обернуться политическим взрывом, который неизбежно должен был приобрести антиколониальную, антианглийскую направленность.

«В стране произошли коренные изменения. Родилась совершенно новая Индия. Люди, будь то государственные служащие или нет, были охвачены новым пламенным стремлением к свободе», — оценивал ситуацию, сложившуюся к февралю 1946 года, известный индийский политический деятель А. К. Азад¹.

Правящие круги Великобритании, давно предвидевшие неизбежность отказа от империи в Южной Азии, тем не менее, энергично пытались сохранить колониальный режим в «самой яркой и ценной жемчужине» в короне британского монарха — Британской Индии. Как и в предшествующие годы, англичане решили сделать ставку на обострение разногласий между основными политическими партиями страны — Индийским Национальным Конгрессом (ИНК) и Мусульманской Лигой (МЛ). Стоит заметить, что Мусульманская лига созданная в 1906 году, активно использовалась колониальными властями для раскола освободительного движения, противопоставления мусульман индусам. Так, например, весной 1907 года во время крестьянского восстания в Восточной Бенгалии англичане умело направили народный гнев в русло индо-мусульманской вражды. Через активистов МЛ они распространяли воззвание: «Вы, мусульмане, составляете большинство населения; вы составляете большинство крестьян, вы — земледельцы, вы — производители богатства, вы — единственный источник благосостояния нашего Бенгала. Индусы — не крестьяне. Они сами не производят богатства, они обогащаются за ваш счет; они — грабители, истребим их скорей»². В итоге была спровоцирована межобщинная резня, в результате которой в выигрыше остались колонизаторы.

В середине 40-х годов XX века ситуация с разногласиями между индусами и мусульманами складывалась в пользу англичан. Еще в сентябре 1944 года на встрече «отца индийской нации» М. Ганди и лидера Лиги М. Али Джинна произошла

размолвка. Ганди не мог согласиться с религиозно-экстремистской позицией Джинны, который требовал признания за лигой исключительного права выступать от лица всех мусульман Индии³. Партийные разногласия усилились летом 1945 года в городе Симле, где, по инициативе вице-короля лорда Уэйвелла, состоялись переговоры между представителями ИНК и МЛ. На них обсуждалось предложение Уэйвелла о формировании при вице-короле Исполнительного совета из представителей религиозных общин. Это было неприемлемо для обеих партий. М. Ганди всегда подчеркивал, что «ИНК является не индусской религиозной, а всеиндийской политической организацией. Джинна же, напротив, претендовал на исключительное представительство Лиги от имени всей мусульманской общины страны и не соглашался с тем, чтобы в Исполнительный совет вошли мусульмане-конгрессисты»⁴. В результате, переговоры окончились полным провалом.

«Конференция в Симле, — отметил Азад, — явилась переломным моментом в политической истории Индии. Впервые переговоры потерпели неудачу не по причине политических разногласий между Индией и Англией, но из-за религиозно-общинных разногласий между различными индийскими группировками»⁵.

Английская администрация возложила всю ответственность за провал переговоров на представителей ИНК. Относительно позиции МЛ не было сказано ни слова упрека, поскольку она вполне устраивала правительство Великобритании. М. Ганди, по воспоминаниям современников, не покидало чувство горькой досады, когда он видел злорадное торжество англичан, наблюдающих за распрями индийцев, которые некогда жили в духе религиозной терпимости и согласия между общинами⁶.

Переговоры с Симле проходили в одно время с парламентскими выборами в Великобритании, на которых консервативная партия потерпела поражение, и правительство У. Черчилля было вынуждено подать в отставку. К власти пришло лейбористское правительство во главе с К. Эттли.

В августе 1945 года Эттли заявил, что его правительство будет содействовать предоставлению Индии «полного самоуправления»⁷. Вскоре было объявлено, что в период с ноября 1945 по апрель 1946 года в стране пройдут выборы в Центральное и провинциальные законодательные собрания. После выборов будет сформирован Учредительный орган по выработке новой конституции Индии. О предоставлении независимости в заявлениях Эттли ничего не говорилось.

Это не могло не насторожить индийских политических деятелей. Один из лидеров ИНК Дж. Неру охарактеризовал заявления правительства Эттли как «неопределенные и не отвечающие требованиям» индийского народа⁸.

Осенью 1945 года недовольство индийцев половинчатыми решениями лейбористов, переросло в многотысячные митинги и демонстрации под лозунгом: «Вон из Индии!», которые нередко переходили в стычки с полицией и войсками. Дополнительным толчком к обострению внутривнутриполитической обстановки послужило решение английского правительства об использовании частей англо-индийской армии для подавления национально-освободительного движения в странах Юго-Восточной Азии. По призыву ИНК, МЛ, Коммунистической партии Индии (КПИ) и других массовых организаций в стране прошли многочисленные митинги и демонстрации протеста. В декабре 1945 года Рабочий комитет ИНК принял воззвание в поддержку борьбы народов Индонезии и Индокитая против голландских и французских колонизаторов.

Член лейбористского кабинета Х. Александер, оценивал ситуацию в сентябре-декабре 1945 года следующим образом:

«Необходимо признать, что правительство Индии буквально сидело на вершине вулкана, и в результате положения, которое сложилось в стране после войны, революционный взрыв нужно было ожидать в любой момент»⁹.

В начале 1946 года ухудшение экономического положение в Индии вызвало новый прилив антиколониальных выступлений. Усилилось забастовочное движение в городах, волнения охватили и сельскую местность.

17 февраля 1946 года в Бомбейском учебно-тренировочном флотском экипаже «Тальвар» («Меч») произошло стихийное выступление матросов. Причиной ее стало плохое питание (рядовому составу экипажа был выдан рис, перемешанный с песком). Вскоре к «Тальвару» присоединились команды кораблей, стоявших на рейдах в портах Карачи, Мадраса, Калькутты, Ви-загапатана, а также матросы береговых служб. Первоначально требования матросов касались улучшения условий службы, но уже 19 февраля на демонстрации в Бомбее они стали приобретать политический характер. Демонстрация матросов проходила под флагами трех политических организаций — ИНК, МЛ и КПИ.

22 февраля по призыву КПИ в Бомбее началась всеобщая забастовка, демонстрации и массовый митинг в поддержку требований матросов Королевского индийского флота. Несмотря на мирный характер выступления трудящихся, против них были брошены полицейские и армейские части. В результате столкновений около 300 человек было убито и 1700 ранено¹⁰. Однако лидеры ИНК и МЛ отстранились от участия в Бомбейских событиях. Они выразили свое сочувствие матросам и трудящимся, но в то же время настаивали на полном прекращении борьбы. Представитель ИНК В. Патель, встретился с руководителями восставших и убедил их прекратить дальнейшее

сопротивление, «поскольку насильственные действия могут свести на нет все усилия Конгресса добиться освобождения Индии мирным путем»¹¹. 23 февраля волнения в Бомбее были прекращены.

Бомбейские события вызвали настоящую панику в Лондоне. Уже 19 февраля в парламенте Великобритании было объявлено, что в Индию для переговоров с лидерами крупных политических партий направляется правительственная миссия во главе с министром по делам Индии и Бирмы лордом П. Лоуренсом. В состав миссии также входили, министр торговли С. Криппс и первый лорд адмиралтейства А. В. Александер. Представителями английского правительства предстояло обсудить с индийскими партийными лидерами вопросы будущего государственного устройства Индии.

«Новое английское правительство не уклоняется от решения индийской проблемы, а смело берется за ее разрешение», — удовлетворенно заявил по этому поводу корреспонденту Ассошиэйтед Пресс А. К. Азад¹².

23 марта 1946 года в Индию прибыла миссия Лоуренса, а в начале апреля стали известны результаты выборов в Центральные и провинциальные законодательные собрания страны, проводившиеся с ноября 1945 года.

На выборах ИНК одержал убедительную победу, собрав абсолютное большинство голосов во всех провинциях. Второе место получила МЛ, третье — КПИ. Однако выборы, в которых принимало участие 13% населения, проходили по куриальной системе, тем самым, выдвинув на авансцену политической жизни страны религиозно-общинные отношения. Это обстоятельство серьезно обеспокоило М. Ганди, тем более что между Индийским Национальным Конгрессом и Мусульманской Лигой по-прежнему сохранялись острые разногласия по вопросу о будущем страны. Еще в период избирательной компании лидер МЛ Джинна в своих выступлениях постоянно подчеркивал, что противником «индийцев-мусульман является не английское правительство, а партия Индийский Национальный Конгресс, выражающая интересы только индусского населения»¹³. В начале апреля 1946 года лидеры МЛ впервые заговорили о возможном разделе Индии на два государства, индусское и мусульманское. Эта идея была обнародована ими в так называемой Лахорской резолюции, позднее получившей название Пакистанской¹⁴. Результаты прошедших выборов только укрепили решимость руководства МЛ добиваться проведения идеи создания независимого Пакистана.

5 мая 1946 года в Симле начались переговоры миссии Лоуренса с лидерами ИНК и МЛ. До этого в течение нескольких недель члены миссии для выяснения политической обстановки в стране встречались отдельно с представителями этих

партий. На переговорах делегацию ИНК возглавил А. К. Азад, в нее также входили Дж. Неру, В. Патель и Абдул Гаффар-хан. Делегацию МЛ представляли Джинна, Лиакат Али-хан и еще два мусульманских деятеля из Северо-Западной пограничной и Соединенных провинций.

Начавшиеся переговоры со всей очевидностью продемонстрировали ту политическую пропасть, которая пролегла между позициями ИНК и МЛ. Мусульманский лидер Джинна сразу же в категоричной форме заявил, что индийские мусульмане «не примут никакого устройства, неизбежным результатом которого было бы создание правительства с индусским большинством»¹⁵. Делегация МЛ вынесла на обсуждение идею об образовании из провинций с мусульманским большинством отдельного государства — Пакистан. Представители ИНК, руководствуясь установками М. Ганди, убеждали политических оппонентов в том, что в такой стране, как Индия, возможна лишь конституция, основанная на принципах федерации. Лидеры ИНК шли на уступки руководству Лиги, «заявляя о готовности предоставить провинциям с большинством мусульманского населения широкую автономию, полную свободу во внутренних делах и гарантировать их участие в деятельности центральных правительственных органах»¹⁶. Однако лидеры МЛ остались глухи ко всем доводам делегации ИНК.

В итоге англичане, умело играя на противоречиях между политическими партиями, навязали Индии свое решение, в котором формально отвергалась идея расчленения страны, но в то же время содержалось утверждение об опасности для мусульманского меньшинства быть поглощенным индусским большинством в едином доминионе.

16 мая 1946 года миссия Лоуренса выдвинула «компромиссный» план, в соответствии с которым рекомендовалось «создать Индийский Союз, включающий Британскую Индию и княжества, который должен решать вопросы внешней политики, обороны и связи и располагать для этого необходимыми финансами. Провинции получали широкую автономию. Они группировались в три зоны по религиозному принципу»¹⁷. По оценке историка М. Бречера, такой план предусматривал «группирование районов при котором Пакистан как бы протаскивался с черного хода, хотя внешне сохранялась видимость объединенной Индии»¹⁸.

Лидеры МЛ одобрили план англичан, хотя и заявили, что не исключают возможности создания суверенного Пакистана. Руководство ИНК тоже не возражало против предложений Лоуренса.

Позднее Азад с горечью отметит:

«Принятие плана миссии английского кабинета одновременно и Конгрессом и Мусульманской лигой явилось триумфальным событием в истории освободительного движения в Индии.

Оно означало, что трудный вопрос о свободе Индии был разрешен не путем насилий и конфликта, а путем переговоров и соглашений. Казалось также, что позади остались, наконец, и все трудности религиозно-общинной проблемы. Вся страна ликовала, и весь народ объединился в требовании свободы. Мы радовались, но мы не знали тогда, что наша радость преждевременна и что нас ожидает горькое разочарование»¹⁹.

В июне 1946 года в Индии состоялись выборы в Учредительное собрание, на которых ИНК получил в несколько раз больше голосов, чем МЛ. В июле председателем ИНК, вместо Азада, руководившего организацией на протяжении семи последних лет, был избран Дж. Неру. 10 июля Неру, уже в качестве председателя ИНК, выступил перед журналистами, где объявил о конечной цели Конгресса — создании независимой Индийской республики. При этом Неру особо подчеркнул, что конституцию Индии должно разработать Учредительное собрание, то есть представители индийского народа, а не англичане. «Конгресс войдет в состав Учредительного собрания, — заявил председатель ИНК, — не связанный никакими соглашениями, сохраняя за собой при любой ситуации право самостоятельного решения»²⁰.

Заявления Неру были встречены в штыки руководством МЛ, которое не хотело мириться с индусским большинством в Учредительном собрании. 27 июля в Бомбее открылось заседание Совета МЛ. В своем выступлении Джинна утверждал, что если ИНК, имевший большинство в Учредительном собрании, может, по заявлению его председателя Неру, не обращать внимания на одобренный всеми план Лоуренса, то мусульманскому меньшинству, грозит опасность попасть в зависимость от индусского большинства. После трех дней совещания Совет МЛ принял резолюцию, также отвергавшую план английской миссии и постановившую начать открытую борьбу за создание суверенного Пакистана. Резолюция гласила:

«Поскольку стало совершенно ясно, что мусульмане Индии не удовлетворятся меньшим, чем незамедлительное образование независимого и полностью суверенного государства Пакистан и окажут сопротивление любой попытке навязать им структуру, разрабатывающую конституцию, или саму долговременную или кратковременную конституцию, равно как и временное правительство в центре, создаваемое без согласования и одобрения Мусульманской лигой; Совет Всеиндийской Мусульманской лиги убежден, что для нации мусульман настало время прибегнуть к прямому действию, чтобы добиться создания Пакистана, осуществить свои неотъемлемые права, отстоять свою честь и избавиться от нынешнего британского рабства и предполагаемого в будущем господства кастовых индусов»²¹.

Кроме того, Совет МЛ уполномочил лидера партии к принятию по его усмотрению любых мер, направленных на выполнение принятой резолюции. Джинна заявил: «Сегодня мы расстаемся с конституциями и конституционными методами. В ходе нелегких переговоров обе стороны держали нас на мушке; одна имела за спиной мощь и пулеметы, другая — несотрудничество и угрозу развязать массовую кампанию гражданского неповиновения. С таким положением надо бороться. У нас тоже есть оружие»²². Он призвал всех индийских мусульман к «прямым действиям» и объявил 16 августа 1946 года «Днем прямой борьбы за Пакистан»²³.

Подобный поворот событий встревожил руководство ИНК. 8 августа состоялось заседание Рабочего комитета Конгресса, на котором была принята следующая резолюция:

«Рабочий комитет с сожалением отмечает, что Совет Всеиндийской мусульманской лиги, изменив свое первоначальное решение, отказался от участия в работе Учредительного собрания. В этот период стремительного перехода от состояния зависимости от чужеземной державы к состоянию полной независимости, когда наша страна стоит перед лицом разрешения обширных и сложных политических и экономических проблем, и народ Индии и его представители должны сплотиться в тесном сотрудничестве, чтобы переход совершился плавно и благоприятно для всех заинтересованных сторон. Комитет вполне сознает существование различий в мировоззрении и целях Конгресса и Мусульманской лиги. Тем не менее, учитывая широкие интересы страны в целом и интересы свободы индийского народа, Комитет призывает к сотрудничеству всех, кто стремится к свободе и благополучию страны, в надежде, что такое сотрудничество в стремлении к общим целям может привести к разрешению многих индийских проблем»²⁴.

Далее в резолюции указывалось, что Рабочий комитет Конгресса полностью принимает план английской миссии и призывает Мусульманскую Лигу также «вернуться к первоначальному положению»²⁵.

12 августа вице-король Уэйвелл предложил Дж. Неру сформировать временное правительство. Из четырнадцати мест в кабинете, шесть отдавалось ИНК, пять — МЛ.

Неру принял предложение Уэйвелла, тогда как Джинна его отверг и заявил по поводу резолюции Рабочего комитета, что «она лишь в иных словах отражает все ту же позицию Конгресса, занятую им с самого начала»²⁶. Более того, 15 августа на переговорах с Неру Джинна заявил, что в дальнейшем не намерен сотрудничать с Конгрессом, и что мусульмане держат наготове свои мечи. Слова Джинны, как выяснилось на следующий день, оказались не пустой угрозой...

«День прямой борьбы за Пакистан» — 16 августа 1946 года — был объявлен главным министром Бенгалии и министром внутренних дел Х. Ш. Сухраварди (один из лидеров МЛ, сторонник создания Пакистана) нерабочим днем. Все чиновники Индийской гражданской службы были отправлены в незапланированный трехдневный отпуск. Незадолго до этого по распоряжению того же Сухраварди из тюрем были выпущены гунда — бандиты, которые осели в шестимиллионной Калькутте, крупном портовом городе, раскинувшемся на берегах реки Хугли — одном из рукавов Ганга. Самая крупная банда собралась в городских трущобах Калабаган, где ожидала приказа к выступлению. Бандиты были вооружены холодным оружием и имели грузовые автомобили, выделенные по указанию главного министра Бенгалии.

С утра в Калькутту начали стекаться толпы рабочих-мусульман с джутовых фабрик, к которым присоединялись группы бандитов. Размахивая зелеными знаменами и скандируя лозунги в поддержку Пакистана, они направлялись к обелиску Ок-терлони, где планировалось проведение митинга. По дороге демонстранты нападали на лавки и магазины торговцев-индусов и громили их. Первые погромы начались в 7 часов утра в районе Маникролла на северо-востоке Калькутты. Погромщики были вооружены холодным оружием, палками, камнями и бутылками с керосином.

Вечером на митинг у обелиска Октерлони собралось около миллиона мусульман. В своей речи на митинге главный министр Сухраварди особо подчеркнул «значение джихада, борьбы за веру и идеи Пакистана»²⁷. Под воздействием воинственных речей толпы возбужденных мусульман отправились в разные концы Калькутты громить дома и лавки индусов. К 6 часам вечера ситуация в городе «характеризовалась многочисленными и масштабными межобщинными столкновениями, сопровождавшимися погромами лавок и поджогами»²⁸. Особо жестокие столкновения были отмечены на Парк-роуд, Уэсли-стрит, Банерджи-роуд, Маркиз-стрит и Эллиот-роуд.

«С цепи сорвались необузданные маньяки, чтобы с беспредельной жестокостью убивать, калечить и поджигать», — вспоминал о погромах, вошедших в историю под названием «Великой Калькуттской резни», командующий восточным округом Индии, генерал-лейтенант Ф. Такер²⁹.

Несмотря на введенный комендантский час и патрулирование силами трех пехотных батальонов густонаселенного района между Роу-базар и Вивекананда-роуд (подчиненная Сухраварди полиция бездействовала в течение всех дней массовых беспорядков), на улицах Калькутты продолжались бесчинства мусульманских бандитов и мародеров. Они атаковали здание провинциального комитета ИНК, дом одного из лидеров Конгресса Б. С. Роя и подожгли два индуских храма.

С 18 августа инициатива в погромах перешла в руки индусов, которые, вооружившись железными прутьями от оград общественных парков, обрушились на мусульманские кварталы. Сикхи приняли сторону индусов и оказывали им всевозможную помощь: снабжали охотничьими ружьями и перебрасывали отряды погромщиков к объектам нападения на грузовиках и такси.

«В те дни мост через реку Хугли, — вспоминали очевидцы, — буквально захлестнул поток беженцев, устремившихся к вокзалу Хоура. Поездов, как и мест на вокзале, не хватало. Люди, разделившись на индусов и мусульман, лежали и сидели прямо на бетонном полу, подолгу ожидая своей очереди к вагонам. Сам город являл страшное зрелище. Его хорошо освещенные улицы как бы выставляли напоказ груды мертвых человеческих тел и кучи гниющего мусора. Трупы громоздились на тротуарах и проезжей части, валялись в сточных канавах, в домах, храмах, мечетях, плыли по реке»³⁰.

Только 19 августа, с появлением в Калькутте дополнительных армейских сил, массовые беспорядки пошли на спад. В городе началась уборка трупов, которых вывозили за городскую черту и спешно закапывали в общих могилах. Опасаясь вспышки эпидемий, власти Бенгалии выплачивали по пять рупий за каждое убранный тело. Жуткая работа продолжалась почти неделю. Помимо армейских частей в ней приняли участие добровольцы из организаций «Хинду саркар самити» и «Анджуман мофидул ислам».

Между тем вслед за Калькуттой религиозно-общинные столкновения быстро распространились в глубинные районы Восточной Бенгалии, а также затронули Бихар и Бомбей. Столкновения здесь носили не менее кровавый характер, чем в Калькутте и продолжались до октября 1946 года.

Справедливости ради отметим, что к «Великой Калькуттской резне» англичане практически не имели прямого отношения. В отличие от большинства индусско-мусульманских столкновений, погромы в августе 1946 года в столице Бенгалии были развязаны агрессивно настроенными группами мусульман³¹. Вообще столкновения между двумя общинами в Калькутте происходили достаточно часто и всегда отличались большим ожесточением и большим количеством жертв. Причем, спровоцировать погром мог самый неожиданный фактор. Так, например, летом 1926 года в городе произошло три крупных столкновения между общинами, причиной которых оказались удары колокола в индусских храмах, мешающие мусульманам совершать намаз.

24 августа 1946 года в Индии было сформировано временное правительство, которое возглавил вице-король лорд Уэйвелл. Посты вице-премьера и министра иностранных дел занял Дж. Неру.

Остальные посты заняли члены Конгресса В. Патель, Р. Пра-
сад, С. Ч. Бос, С. Раджагопалачария, Асаф Али, от индийских
христиан — Д. Маттхай, лидер сикхов Б. Сингх и т.д. Предста-
вители Мусульманской Лиги вошли в состав правительства толь-
ко осенью 1946 года, но при этом они отказывались присутство-
вать на совещаниях, созываемых Неру и бойкотировали работу
Учредительного собрания. В результате, в правительстве «нача-
ли возникать и усиливаться внутренние разногласия»³². В пос-
ледующем английское правительство, воспользовавшись тре-
ниями в кабинете, предложило изменить порядок голосования
статей будущей конституции. Это дало возможность МЛ сорвать
принятие Учредительным собранием решения о сохранении
единой Индии, на чем настаивал Дж. Неру.

Между тем в 1946 году экономическое положение Индии
продолжало стремительно ухудшаться, что стимулировало даль-
нейшее развитие массовых выступлений в городе и деревне.

Летом и осенью 1946 года забастовки прошли на Южно-
Индийской, Северо-Западных железных дорогах и в крупных
промышленных центрах — Мадрасе, Нагпуре, Коимбатуре и др.
Всего в течение 1946 года в стране состоялось свыше 2 тыс. за-
бастовок, в которых приняло участие около 2 млн человек. За-
бастовочная борьба не прекращалась и в первой половине 1947
года. Наиболее мощные выступления трудящихся прошли в
Канпуре и Калькутте, где полиция для разгона бастующих при-
менила оружие.

В 1946 году начались стихийные выступления крестьян. В
некоторых провинциях они переросли в вооруженные стычки
с бандами помещичьих наемников (гунда) и полицией. В Со-
единенных провинциях ожесточенная борьба развернулась в
округах Басти и Баллия, где арендаторы выступали против мас-
сового сгона их с земель, который начали помещики в преддверии
аграрной реформы (подготовка реформы началась в 1946
году). В Бенгалии движение арендаторов-издольщиков «Техха-
га» («Третья часть»), охватило 11 округов провинции и превра-
тилось в настоящую партизанскую войну против отрядов гунда
и полиции. В движении принимало участие около 6 млн чело-
век, основное требование которых заключалось в сокращении
доли землевладельца до 1/3 части урожая. В движение «Техха-
га» значительную роль играла политическая деятельность КПИ.
Борьба арендаторов-издольщиков была прекращена лишь тог-
да, когда законодательное собрание Бенгалии приняло в 1946
году Закон о защите прав издольщиков. Крестьянские волне-
ния имели также место в Кашмире, Пенджабской, Бомбейской
провинциях и во многих княжествах Центральной Индии.

Однако наивысшего уровня крестьянские выступления до-
стигли в Телингане (область в княжестве Хайдарабад, населен-
ная племенем телугу), где гнет помещиков и пателей (деревен-

ских старост) сочетался с религиозным и национальным преследованием. Поводом к восстанию в Телингане явился расстрел крестьянской демонстрации во время похорон крестьянского вожака в деревне Сурьяпет. За короткий срок восстание, во главе которого стояли представители КПИ, охватило огромную территорию в 16 тыс. кв. км с населением 3 млн человек. К началу 1947 года в княжестве действовали отряды партизанской армии и деревенской милиции общей численностью 15 тыс. человек³³. В дистриктах Налгонда, Варранхал и Хамман крестьяне ликвидировали администрацию правителя Хайдарабада, создали органы народной власти, изгнали помещиков и перераспределили их земли. Когда в 1948 году в Телингану вошли части правительственных войск (к этому времени княжество Хайдарабад стало индийским штатом), среди восставших начались разногласия: прекращать борьбу или продолжить ее, но не против правительственной армии, а против местных помещиков с тем, чтобы защитить завоеванное. Окончательно вооруженная борьба крестьян в Телингане прекратилась только в 1951 году (власть КПИ в районах восстания сохранялась до 1953 года)³⁴.

К началу 1947 года в Индии создалась революционная ситуация. Было очевидно, что освободительное движение, «несмотря на страстную пропаганду ненасильственных методов, проводимую Махатмой Ганди, принимает характер острых классовых битв и вооруженных столкновений с полицией и войсками. Расстрелы демонстрантов и насилие властей вызывали ответную реакцию в народе. Было ясно, что теперь народ не отступит»³⁵.

20 февраля 1947 года премьер-министр Эттли, выступая в палате общин, объявил о том, что его кабинет намеревается передать власть в Индии в руки национального правительства не позднее 30 июня 1948 года. При этом Эттли также заявил, что вице-королем и генерал-губернатором Индии на место Уэйвелла, назначается лорд Л. Маунтбэттен (по авторитетному мнению У. Черчилля, никто иной не смог бы так искусно выполнить миссию по подрыву национального движения в Индии и по сохранению британского влияния в этой стране, как лорд Маунтбэттен)³⁶.

В марте новый вице-король, имея в портфеле уже готовый план раздела страны на два доминиона, прибыл в Индию, где развернул активную деятельность. Искушенный в делах дипломатии, проницательный и обаятельный лорд Маунтбэттен, по воспоминаниям современников, с первых же встреч сумел расположить к себе всех — от Неру и Пателя до Джинны и Лиаката Али Хана (министр финансов во временном правительстве, один из лидеров МЛ). Изучая мнения сторон по вопросу передачи власти, Маунтбэттен приглашал на многочисленные

приемы лидеров индийских партий, князей, крупных предпринимателей и финансистов. В общей сложности на обедах у вице-короля побывали 7605 человек, на торжественных ужинах — 8313, на приемах в саду — 25 287, а всего за пять месяцев своего правления Маунтбэттен принял 41 205 гостей³⁷. Более того, красноречием и личным обаянием новый вице-король сумел склонить к идее о неизбежности раздела Индии вначале В. Пателя, а затем и самого Дж. Неру.

«Как только сардар Патель, — вспоминал Азад, — окончательно поддался убеждению, лорд Маунтбэттен обратил все свое внимание на Джавахарлала. Джавахарлал сначала вовсе не был склонен прислушиваться к его убеждениям и бурно реагировал против самой идеи раздела, но лорд Маунтбэттен продолжал упорствовать, пока, наконец, Джавахарлал не начал шаг за шагом сдавать позиции. Спустя месяц со времени приезда Маунтбэттена в Индию Джавахарлал, решительный противник раздела, если и не превратился в сторонника этой идеи, то, во всяком случае, начал проявлять признаки молчаливого согласия»³⁸.

Обсуждая, вопрос раздела Индии с Ганди Маунтбэттен, смог добиться больших уступок со стороны Махатмы и использовать их в своих целях. (Ганди, стремясь избежать раздела страны и устранить индусско-мусульманские разногласия, согласился на роспуск временного правительства и формирование нового кабинета Джинной). Маунтбэттен сообщил о предложении Ганди лидеру Лиге, но тот, как и следовало ожидать, с порога отклонил это предложение и продолжал настаивать на образовании Пакистана. Вице-король и Джинна оказались «в одной упряжке», что делало позицию Конгресса, если учесть, что среди них были сторонники раздела, еще более шаткой. Позднее Ганди заявил Маунтбэттену о том, что он категорически против раздела Индии и не стал больше участвовать в переговорах. От Конгресса переговоры продолжили Неру, Патель и Азад³⁹.

Тем временем в Индии вновь начались индусско-мусульманские столкновения на почве религиозной вражды, которые, по мнению отечественных историков, на этот раз спровоцировали англичане, чтобы осложнить и без того сложные отношения между Конгрессом и Лигой накануне принятия окончательного решения о разделе страны.

Межобщинные столкновения вспыхнули в Ноакхили и Вихре, а затем перекинулись в Бомбей. В Пенджабе, где до сих пор все было спокойно, также появились признаки напряженности, начали возникать конфликты между индусами и мусульманами. Антипакистанская демонстрация сторонников ИНК в Лахоре, во время которой 30 человек было убито и десятки, получили ранения, окончательно взорвала Пенджаб. Провинцию захлестнула волна убийств и насилия. Особенно сильные беспорядки имели место в Амритсаре, Таксиле и Равалпинди.

«Религиозный фанатизм все разгорался, — писал очевидец. — Правительство же, напротив, становилось все более и более безвольным. Европейцы, находившиеся на государственных постах, работали теперь без души. Они были убеждены, что в скором времени власть будет передана в руки индийцев. По этой причине интерес к работе у них пропал, и они только попусту тратили время. Они открыто говорили, что не несут больше административной ответственности. Это еще больше вселяло в людей чувство неуверенности и беспокойства, порождало недоверие»⁴⁰.

На этом фоне в июне 1947 года был обнародован так называемый «план Маунтбэттена» о разделе Индии на два доминиона. Он сводился к следующему:

1. В Индии образуются два доминиона: Индийский Союз и Пакистан.

2. Вопрос о разделе Бенгалии и Пенджаба по религиозному признаку решается раздельным голосованием депутатов от частей провинции с преобладанием индусского и мусульманского населения.

3. В Северо-Западной пограничной провинции в округе Силхет (Ассам), населенном в основном мусульманами, проводится референдум.

4. Вопрос о судьбе Синда решается голосованием в провинциальном законодательном собрании.

5. Вхождение княжеств в один из доминионов составляет юрисдикцию их правителей.

6. Учредительное собрание делится на учредительные собрания двух доминионов; они определяют будущий статус обоих государств.

Кроме того, незадолго до обнародования плана Маунтбэттену удалось убедить правительство Великобритании перенести срок передачи власти в Индии с июня 1948 года на 15 августа 1947 года. В противном случае, как выразился Маунтбэттен, бомба, уготованная им для индийцев, «может разорваться в его руках»⁴¹.

Руководство Лиги полностью одобрило «план Маунтбэттена», тем самым отказавшись от дальнейшего сотрудничества с Конгрессом. В свою очередь ИНК, понимая, что англичане, при поддержке МЛ, любым способом добьются раздела страны, и чтобы избежать гражданской войны, тоже согласился на принятие предложенного плана. К этому времени «способность индусов и мусульман к совместным действиям уменьшилось до такой степени, что оказалось невозможным сохранить одно государство — преемник английского владычества, и на момент получения независимости две крупные религиозные общины боялись и ненавидели друг друга больше, чем англичан»⁴².

В августе 1947 года английский парламент утвердил «план Маунтбэттена» в качестве Закона о независимости Индии, который вошел в силу 15 августа того же года. Страна оказалась разделенной на две части — Индийский Союз и Пакистан.

Запад принес в Индию институт «национального государства», как выразился известный историк А. Тойнби, который не был исконной принадлежностью социальной системы. Подобно любому восточному региону, в Индии люди, говорящие на разных языках, перемешаны географически и взаимозависимы, к тому же они не обязательно компактно проживают на одной территории, и при отделении одной из частей и сама эта часть, и оставшееся нарушенное целое ведут себя иначе, нежели в исконном состоянии⁴³.

16 августа 1947 года в Пенджабе с новой силой вспыхнуло пламя религиозно-общинной вражды, усиленное невиданным страхом охватившем людей при разделе страны. В Восточном Пенджабе толпы индусов и сикхов нападали на мусульманские деревни, где жгли дома и убивали ни в чем не повинных людей. В Западном Пенджабе мусульманские фанатики без разбора убивали мужчин, женщин и детей, принадлежащих к религиозным общинам индусов и сикхов. Ожесточенность столкновений усиливалась и вскоре охватила огромные территории вплоть до Дели.

Почти одновременно с массовыми беспорядками в Пенджабе, сложная обстановка создавалась в княжестве Джамму и Кашмир, где продолжалась движение против правителя княжества Х. Сингха, возглавляемое Национальной конференцией, организацией, которая по примеру ИНК включала в свой состав индусов и мусульман. Еще до раздела Индии вице-король Маунтбэттен попытался склонить Сингха к проведению плебисцита, надеясь, что мусульмане княжества, составляющие подавляющее большинство населения, выскажутся за присоединение к Пакистану. Однако приезд в сентябре 1947 года в Джамму и Кашмир Ганди, сумевшего убедить заключить мирное соглашение между правителем княжества и руководством Национальной конференции, сорвало английские планы. Тогда Лондон решился спровоцировать прямой вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном.

22 октября отряды горских племен из Северо-Западной пограничной провинции вторглись на территорию Кашмира. 26 октября они вышли на подступы к столице княжества городу Сринагару. Х. Сингх в панике бежал, оборона города была организована народными силами под руководством Национальной конференции и КПИ. М. Ганди, отступив от своей доктрины ненасилия, потребовал от премьер-министра Дж. Неру использовать вооруженную силу для защиты интересов Индии. 27 октября индийский авиадесант был высажен в Сринагаре и всту-

пил в боевое соприкосновение с частями регулярной пакистанской армии, вошедшими в Кашмир вслед за отрядами горцев.

Так начался затяжной вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном, в котором операциями с обеих сторон руководили английские генералы. В декабре 1947 года Индия передала вопрос о Кашмире на рассмотрение Совета Безопасности ООН, где была образована Комиссия по Кашмиру. В начале 1948 года военные действия были прекращены, а с 1 января 1949 года вступило в силу соглашение о прекращении огня, которое закрепило разделение Кашмира вдоль случайно установленной линии. Западная часть княжества, включая Пунч, Балтистан и Гилгит, вошла в состав Пакистана. Оставшаяся территория Кашмира, включая Ладакх, отошла к Индии⁴⁴. Однако на этом конфликт не закончился, с разной степенью интенсивности индо-пакистанские столкновения в Кашмире продолжались до конца XX века.

Тем временем к концу 1947 года на окраинах Дели скопилось до 400 тыс. индусов и сикхов, беженцев из Пенджаба. В городе начались кровавые погромы мусульманских кварталов. Погромщиками руководили лидеры из индуССко-сикхских организаций «Хинду махасабха» и «Раштрия сваямсевак сангх». Беспорядки затронули даже кварталы, где проживали служащие правительственных учреждений.

А. К. Азад, очевидец кровавого кошмара, вспоминал:

«В эти дни поджогов, убийств и погромов я разъезжал из одного района города в другой в сопровождении нескольких офицеров. Я видел, что мусульмане были совершенно деморализованы, мучаясь сознанием своей полной беспомощности. Многие просили убежища в моем доме. Богатые и известные в городе семьи являлись ко мне совершенно разоренные, лишившиеся всего имущества, кроме одежды на теле. Некоторые не отваживались выйти при свете дня и являлись в сопровождении военной охраны глубокой ночью или на рассвете. Мой дом был вскоре переполнен, и я был вынужден поставить во дворе палатки. Мужчины и женщины, всевозможного рода и звания — богатые и бедные, молодые и старые — смешались здесь, гонимые одним неприкрытым страхом смерти»⁴⁵.

Национальный лидер, «отец индийской нации» М. Ганди, поборник индуССко-мусульманского единства, глубоко переживал происходящее. Пытаясь остановить погромы и убийства невинных людей, он объявил 12 января 1948 года 16-ю за свою жизнь голодовку протеста, заявив, что будет продолжать ее до тех пор, пока в Дели не восстановятся мир и спокойствие. Условия голодовки Ганди были следующими:

1. Индусы и сикхи должны немедленно прекратить все действия, направленные против мусульман, и заверить мусульман в том, что отныне они будут жить в мире, как братья.

2. Индусы и сикхи должны приложить все усилия для обеспечения таких условий, при которых ни один мусульманин не был бы вынужден покинуть Индию из опасения за свою жизнь и имущество.

3. Имеющие место нападения на мусульман в железнодорожных вагонах во время хода поезда должны быть немедленно прекращены, и индусам и сикхам, принимающим участие в этих нападениях, должно быть воспрепятствовано повторение подобных актов.

4. Мусульмане, живущие вблизи святилищ и даргахов, таких, как Низамуддин Аулия, Ходжа Кутубуддин Бахтияр Каки и Насируддин Чирагах Дельви, в отчаянии бежали из своих домов. Они должны получить возможность возвратиться и вновь поселиться в своих домах.

5. Даргах Кутубуддин Бахтияр был разрушен. Конечно, правительство могло бы восстановить и реставрировать святилище, но это не удовлетворит Ганди. Он настаивает на том, чтобы восстановление и реставрация были произведены индусами и сикхами в искупление их вины.

6. Но самым важным из всех условий является необходимость до глубины сердца осознать свою неправоту. И его выполнение важнее выполнения всех других условий. Вожди индусской и сикхской общин должны дать Ганди в этом отношении полную гарантию, чтобы он не был вынужден вновь объявить голодовку⁴⁶.

Авторитет Ганди оказался настолько огромным, что 18 января, на митинге, где собралось около 50 тыс. человек, представители индусов, сикхов и мусульман подписали клятву сохранить мир между общинами и распространить его на всю Индию и Пакистан. «Мы выполним все пожелания Ганди. Клянемся жизнью, мы не доставим ему огорчения», — кричали собравшиеся на митинге⁴⁷. Спокойствие в Дели было восстановлено. Махатма прекратил голодовку.

30 января 1948 года Ганди погиб от выстрелов в упор, произведенных фанатиком-индусом из организации «Хинду махасабха».

По разным данным число погибших в результате индусско-мусульманских столкновений в 1946—1948 годах составило от 2 млн до 700—600 тыс. человек⁴⁸. Кроме того, 1 млн 200 тыс. умерло от голода и болезней и 12 млн человек стали беженцами (свыше 8 млн человек переместились из Пакистана в Индию, 3 млн — из Индии в Пакистан)⁴⁹. Однако многие историки сомневаются в достоверности этих данных, полагая, что точного количества жертв межобщинных столкновений установить невозможно. Так, например, только по «Великой Калькуттской резне» историки приводят различные цифры пострадавших. Согласно А. Уэйвеллу число убитых в Калькутте составило 3 тыс. человек

и 17 тыс. было ранено. Ш. Саркар определяет число погибших в 4 тыс. человек, тогда как А. Ч. Гуха сообщает о 5 тыс. убитых, 50 тыс. раненых и 100 тыс. оставшихся без крова⁵⁰.

В результате восстания в Телингане в 1946—1948 годах погибло 2 тыс. человек и в ходе военных столкновений Индии и Пакистана в 1947—1949 годах было убито 6 тыс. человек⁵¹.

Примечания к главе 15

¹ *Азад А.К.* Индия добивается свободы: Автобиографический очерк. М., 1961. С.205.

² Новая история колониальных и зависимых стран. Том первый. М., 1940. С.592.

³ *Горев А.В.* Махатма Ганди. М., 1984. С.282.

⁴ Там же.

⁵ *Азад А.К.* Индия добивается свободы... С. 171.

⁶ *Горев А.В.* Махатма Ганди... С.282.

⁷ *Горев А.В., Зимянин В.М.* Неру. М., 1980. С.288.

⁸ Там же.

⁹ *Горев А.В.* Махатма Ганди... С.286.

¹⁰ Там же. С.287.

¹¹ *Горев А.В., Зимянин В.М.* Неру. М., 1980. С.291.

¹² *Азад А.К.* Индия добивается свободы... С.206.

¹³ *Горев А.В., Зимянин В.М.* Неру. М., 1980. С.291.

¹⁴ *Азад А.К.* Индия добивается свободы... С.210.

¹⁵ *Горев А.В.* Махатма Ганди... С.289.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Горев А.В., Зимянин В.М.* Неру. М., 1980. С.295.

¹⁹ *Азад А.К.* Индия добивается свободы... С.223.

²⁰ *Горев А.В., Зимянин В.М.* Неру. М., 1980. С.296.

²¹ *Кашин В.П.* «Великая Калькуттская резня»: Подоплека и особенности // Южная Азия: Конфликты и компромиссы. М., 2004. С.78—79.

²² Там же.

²³ *Горев А.В., Зимянин В.М.* Неру. М., 1980. С.297.

²⁴ *Азад А.К.* Индия добивается свободы... С.229—230.

²⁵ Там же. С.231.

²⁶ Там же. С.232.

²⁷ *Кашин В.П.* «Великая Калькуттская резня»... С.81.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С.73-74.

³¹ Там же. С.74.

³² *Азад А.К.* Индия добивается свободы... С.244.

³³ *Банерджи С.* Индийская революция у точки кипения: Восстание наксалитов // Революция и традиция в странах Азии: Реферативный сборник. М., 1987. С. 120.

³⁴ Там же.

³⁵ *Горев А.В.* Махатма Ганди... С.294.

³⁶ Там же. С.295.

³⁷ *Володин А., Шаститко П.* Пусть не обманет надежда: Жизнь и борьба Джавахарлала Неру. М., 1990. С.226.

³⁸ *Азад А.К.* Индия добивается свободы... С.264.

³⁹ *Горев А.В.* Махатма Ганди... С.296.

⁴⁰ *Азад А.К.* Индия добивается свободы... С.262—263.

⁴¹ *Горев А.В., Зимянин В.М.* Неру. М., 1980. С.311.

⁴² *Кальвокоресси П.* Мировая политика после 1945 года: В 2-х кн. Кн. 2. М., 2000. С. 12.

⁴³ *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории. М.—СПб., 1996. С.184-185.

⁴⁴ *Кальвокоресси П.* Мировая политика после 1945 года... С.21.

⁴⁵ *Азад А.К.* Индия добивается свободы... С.298.

⁴⁶ Там же. С.307-308.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Горев А.В.* Махатма Ганди... С.299; *Кальвокоресси П.* Мировая политика после 1945 года... С. 16; *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М, 2004. С.62.

⁴⁹ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения... С.62.

⁵⁰ *Кашин В.П.* «Великая Калькуттская резня»... С.73.

⁵¹ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения... С.62.

После окончания Второй мировой войны колониальная политика Франции на африканском континенте разворачивалась на фоне бурного подъема национально-освободительного движения.

Наиболее значимыми частями французской колониальной империи были колонии в Северной и Тропической Африке. Их общая площадь составляла свыше 10 млн кв. км, что составляло более чем две трети площади всех французских колоний накануне войны. В число колоний Французской Северной Африки входило три страны: Алжир, Тунис и Марокко. В Тропической Африке Франция владела двенадцатью колониями во Французской Западной Африке, Французской Экваториальной Африке, а также Французским Того, Французским Камеруном и Французским берегом Сомали. Кроме того, к французским колониальным владениям в Тропической Африке относились Коморские острова, остров Реюньон и остров Мадагаскар¹.

Активное участие народов этих колоний в войне против держав фашистского блока значительно повлияло на их дальнейшую политическую жизнь. Известно, что колониальные войска стали костяком армии «Сражающейся Франции». Эта армия была сформирована из войск, находившихся еще до начала войны в африканских колониях. Так, например, в Алжире с 1938 года дислоцировался 19-й корпус французской армии, а также размещались иррегулярные части, в рядах которых преобладали арабы и берберы. В дальнейшем армия «Сражающейся Франции» быстро увеличивалась главным образом за счет новых колониальных контингентов. В ходе тунисской кампании в рядах «Сражающейся Франции» насчитывалась около 80 тыс. солдат, на две трети африканцев. В итальянской кампании участвовал экспедиционный корпус, состоящий из нескольких алжирских и марокканских дивизий. В период борьбы за освобождение от гитлеровцев территории самой Франции в Провансе высадилось 238 тыс. солдат «Сражающейся Франции», что составило свыше трети всех союзных войск². В 1944 году из частей этой армии была сформирована 1-я французская армия, в рядах которой было до 120—140 тыс. выходцев из африканских колоний.

Сражаясь против гитлеровцев и их союзников, сотни тысяч солдат-африканцев вступили в непосредственный контакт с населением метрополии и других стран Европы, в результате, чего колонизаторы постепенно утратили в глазах колонизируемых ореол суверенов. Впоследствии эти солдаты составили костяк армий национального освобождения (в Алжире, Тунисе, Марокко и т.д.) и других антиколониальных военных и полувоенных, легальных и нелегальных организаций народов колоний³.

«Франция не казалась больше непобедимой и всемогущей, — писал известный французский историк Ф. Борелла, — она нуждалась в помощи своих колоний, чтобы вновь обрести независимость, а в связи с этим колонии считали, что теперь по справедливости им принадлежит решающее слово»⁴.

В свою очередь, главной задачей французских лидеров в это время стало сохранение колониальной империи — источника обогащения монополий, залог будущего величия и могущества Франции, серьезно ослабленной в годы войны.

Среди всех французских колоний в Африке Алжир занимал особое место. Во-первых, это была одна из старейших колоний, захваченная Францией в 1834 году, намного раньше Туниса и Марокко. Во-вторых, Алжир всегда отличался высоким удельным весом европейского, главным образом, французского населения. На 9 млн алжирцев приходилось около 1 млн европейцев⁵. Многие из них родились в колонии и никогда не бывали в метрополии. И в третьих, Алжир находился в центре североафриканских французских владений и занимал выгодное стратегическое положение, через него проходили кратчайшие коммуникации, связывающие с колониями Франции в Западной и Экваториальной Африке.

«Алжир часто рассматривается как часть Франции, — писал после окончания Второй мировой войны писатель М. Девез, — это красивая страна, близко расположенная к Франции, эта белая Африка, разделенная на департаменты и управляемая Министерством внутренних дел, представляет собой продолжение метрополии. Орошенный кровью стольких солдат, политый потом столь большого количества наших людей, мирно преобразованный в наш второй юг, со своими виноградниками, оливковыми рощами и полями пшеницы, опора французской колониальной империи в Африке, населенный почти одним миллионом энергичных французов, — Алжир представляется нам необходимым, и попытки раскола или отделения, на наш взгляд, бессмысленны. Сегодня, как и перед войной, Алжир — главный импортер наших продуктов и наш главный поставщик. Без Алжира французская колониальная империя... потерпит крах и распадется. И без Франции Алжир, разделенный на враждующие расы, являющейся предметом вождения многих государств, станет ставкой в игре, перед тем как стать мертвой землей, и может быть подчинен иностранному государству»⁶.

Между тем сразу же после войны в Алжире раздались требования о предоставлении стране политической независимости. Инициатором этих требований выступала Партия алжирского народа (ППА), основанная в 1937 году известным алжирским политическим деятелем А. Мессали. Еще до войны «Плебейская партия», как гордо называла себя ППА, сумела завоевать большой авторитет среди мелкой городской буржуазии, рабочих и бедноты.

В феврале 1943 года ППА был выработан документ, под названием «Алжир перед лицом мирового конфликта. Манифест алжирского народа». Манифест, подписанный 56 видными политическими деятелями Алжира, резко осуждал «колониальный режим, навязанный алжирскому народу и основанный на несправедливостях и преступлениях»⁷. Основная часть Манифеста содержала требования ликвидации колонизации, признания прав народов на самоопределение и предоставлении Алжиру собственной конституции, а также «немедленного и эффективного участия алжирских мусульман в управлении их страной»⁸. В целом документ разработанный «Плебейской партией», по мнению современных исследователей, явился своего рода переломным моментом в развитии антиколониального движения в Алжире, сплотив самые разные силы и течения.

Весной 1943 года французские колониальные власти обратились к сторонникам Манифеста с просьбой конкретизировать свои требования. В результате группа политических деятелей во главе с лидером национальной буржуазии Ф. Аббасом разработала «Проект реформ», или «Дополнение к Манифесту».

«Проект реформ» предусматривал после окончания войны создание алжирского государства с собственной конституцией, выработанной Учредительным собранием, члены которого избирались жителями Алжира. Предлагалось заменить генерал-губернатора «алжирским правительством во главе с верховным комиссаром Франции, учредить равное представительство французов и алжирцев во всех органах государственной власти и руководстве общественных организаций, ввести равноправие алжирцев с французами при прохождении военной службы и предоставить алжирским частям во французской армии флаг с национальными цветами Алжира»⁹.

Реакция французских властей на «Проект реформ», который служил дальнейшим развитием главной цели манифеста — достижения независимости Алжира, была следующей. В июне 1943 года новый губернатор Алжира Ж. Катру заявил, что «никогда не допустит независимости Алжира», ибо «единство Франции и Алжира — догма»¹⁰. С этим мнением был солидарен и руководитель Французского комитета национального освобождения (ФКНО) генерал Ш. де Голль, подчеркнувший в декабре 1943 года в своей речи, что не намерен выйти за рамки «миссии Франции в трех департаментах французского Алжира»¹¹.

Тем не менее, ФКНО, представляющий власть метрополии, был вынужден провести в Алжире ряд демократических преобразований, в частности, в июне 1943 года началось формирование Консультативной ассамблеи Франции — временного парламента, в который впервые вошли и представители алжирских мусульман. Прежде всего, места в ассамблеи получили лидеры правобуржуазных партий, придерживающиеся профранцузских взглядов.

Однако вынужденные уступки французских властей не могли удовлетворить большинство коренных алжирцев. Либерально-патриотическое крыло национальной буржуазии во главе с Ф. Аббасом, А. Буменджелем и М. А. Кессусом твердо стояло на позициях Манифеста и «Проекта реформ». В марте 1944 года Аббас организовал ассоциацию «Друзья Манифеста и свободы», в которую вошли улемы во главе с шейхом Б. аль-Ибрахими, ППА и другие сторонники Манифеста. Политическая программа ассоциации выступала в защиту идей документа ППА 1943 года, осуждала «оковы, произвол и расистские догмы колониального режима», а также «насилие и агрессию империалистических держав в Африке и Азии, применение силы против слабых народов»¹². И, кроме того, программа выдвигала идею свободной федерации автономного Алжира с «обновленной антиколониальной и антиимпериалистической Французской республикой»¹³.

Ассоциацию «Друзей Манифеста и свободы» поддерживали самые широкие слои алжирцев, прежде всего неимущие классы, больше всего страдавшие от колониального гнета и резкого ухудшения экономических и социальных проблем страны. В ряды ассоциации вступило, по разным оценкам, от 350 тыс. до 600 тыс. человек. За короткое время в стране появилось 165 секций «Друзей Манифеста», к весне 1945 года их насчитывалось уже 257¹⁴.

Внутри ассоциации «Друзей Манифеста» Партия алжирского народа (примкнувшая к ассоциации, но сохранившая организационную самостоятельность) представляла собой наиболее реальную и организованную силу, опиравшуюся преимущественно на молодежь. К моменту создания ассоциации ППА имела свои нелегальные группы боевиков и располагала арсеналом оружия, собранного на местах боев в Тунисе либо похищенного со складов французской армии. Во многих общественных организациях и различных учреждениях имелись члены и сторонники партии. Даже в воинских частях были созданы подпольные группы ППА.

Партия алжирского народа вела активную работу по подготовке алжирского народа к революционным методам борьбы за свободу и независимость. Правда, «неопытность основной части подпольного актива партии, ошибки ее руководства и трудности управления ее разросшимся нелегальным аппаратом сильно осложняли эту работу»¹⁵. Положение усугублялось еще и тем, что большинство старых лидеров партии, в том числе А. Месса-

ли, были оторваны от политической жизни страны, находясь в тюрьме или в эмиграции.

К началу 1945 года лидеры ППА Л. Дабагин, Х. Аслах, М. Мес-туль и другие захватили внутри ассоциации «Друзей Манифеста и свободы» лидирующие позиции, проводя жесткую антифранцузскую линию. Партийный орган газета «Л'Аксьон альжирьенн» писала: «Арабский Алжир во французской федерации — нет! В арабской федерации — да!»¹⁶. На мартовском съезде ассоциации речь шла о независимости Алжира и намерении сражаться за нее, выдвигались требования освобождения из ссылки Мессали и предоставления Алжиру возможности присоединения к возникшей в марте 1945 года Лиге Арабских государств. Одновременно с этим боевиками ППА велась активная подготовка к вооруженному выступлению против колонизаторов.

О подготовке восстания стало известно французским властям. Вся информация о тайных планах ППА содержалась в секретном бюллетене префектуры Алжира за март 1945 года. Власти использовали ситуацию для нанесения решительного удара, как по ассоциации «Друзей Манифеста и свободы», так и вообще всему антиколониальному движению в Алжире. В повышенную готовность были приведены войска и гражданская гвардия — военизированная милиция, состоящая из европейцев. В апреле 1945 года в стране начались массовые аресты, было арестовано около 60 человек из руководящего звена ППА. Лидер партии А. Мессали, отбывающий ссылку в деревне Рейбеле, был выслан в Эль-Голеа (Сахара), а затем в Браззавиль (Конго). 1 мая в ряде городов полиция открыла огонь по демонстрациям ППА, только в городе Алжире было убито 11 демонстрантов, десятки человек получили ранения.

8 мая 1945 года в Восточном Алжире началось стихийное восстание. В этот день по всей стране прошли демонстрации по случаю Дня победы над фашистской Германией. Манифестанты несли плакаты, на которых лозунги в поддержку союзников соседствовали с призывами: «Да здравствует независимость Алжира! Долой колониализм! Освободите Мессали!». В городах Сетифе и Гельме полиция открыла огонь по демонстрантам. В ответ на стрельбу, участники шествия в Сетифе взялись за кинжалы, палки и камни. Они рассеялись по городу и начали убивать всех встречающихся им европейцев, в том числе и яростных алжирофилов (так, например, толпа растерзала мэра Сетифа социалиста Делука, сочувствующего алжирцам). В первый день было убито 27 европейцев, на второй день пострадало еще 75 человек, многие из которых были забиты насмерть¹⁷.

Восстание быстро распространилось по всей Баборской Кабилии, охватив около 20 городов и поселков, не считая отдаленных горных деревень. В нем участвовало до 50 тыс. человек, главным образом крестьян, горцев и городской бедноты. По

области распространились слухи о всеобщем характере восстания и даже о «создании в Алжире арабского правительства»¹⁸. Повстанцы, вооруженные охотничьими ружьями и трофейными автоматами, поджигали фермы колонистов, жестоко убивали европейцев, нападали на отряды правительственных войск.

Однако действия повстанцев были разрозненными и неорганизованными, что привело их к быстрому разгрому. Французские власти бросили на подавление восстания значительные силы полиции, гражданской гвардии, сенегальских стрелков и части Иностранного легиона, поддержанных авиацией и флотом. Против восставших были даже задействованы итальянские военнопленные, вооруженные по приказу супрефекта Гельмы А. Ашьяри. Районы восстания подверглись жесточайшему разгрому: многие деревни были сожжены дотла, сотни людей расстреляны без суда и следствия. 16—17 мая 1945 года последние отряды повстанцев (до 6 тыс. человек) сложили оружие. В руки полиции попало три пулемета, 356 винтовок, 1192 пистолета и 12 173 охотничьих ружья¹⁹. Восстание было подавлено. Правда, до конца мая в районе Сук-Ахраса — Керраты было неспокойно — отдельные группы алжирцев продолжали нападать на европейцев и отдаленные фермы.

По приказу французских властей ассоциация «Друзей Манифеста и свободы» была распущена. В ходе развернувшихся в стране облав было арестовано 4560 человек, в том числе и Ф. Аббас. Военные суды вынесли приговоры в общей сложности 1307 алжирцам, из них 99 были приговорены к смертной казни, 64 — к пожизненной каторге, 329 — к каторжным работам, 300 — к тюремному заключению²⁰.

По официальным данным французских властей число жертв восстания в мае 1945 года составило: 88 убитых и 150 раненых европейцев, 1200 убитых и 1500 раненых алжирцев²¹. По другим данным в ходе подавления восстания было убито от 6 до 45 тыс. алжирцев²².

После разгрома восстания в Баборской Кабилии «французская община получила и стимул, и предлог для узурпации власти» в Алжире²³. Но политика открытого колониального угнетения встречала растущее сопротивление алжирского народа.

В конце 1946 года была создана «Специальная организация» (ОС) — разветвленная подпольная сеть вооруженных групп революционеров, действующих в городах. Во главе ОС стояли М. Белуиздад и Х. Айт Ахмет. Организация насчитывала 1800 бойцов, имевших несколько сот единиц оружия. В 1949 года ОС возглавил А. Бен Белла, бывший сержант французской армии с боевым опытом Второй Мировой войны. ОС провела несколько акций, в частности, нападение на почту в Ороне, где было захвачено 3170 тыс. франков, необходимых для закупки оружия, но вскоре была разгромлена полицией²⁴.

Однако борьба алжирского народа против колонизаторов продолжалась. С марта 1947 года в горных районах страны появились первые партизанские отряды²⁵.

«Неудавшаяся попытка восстания в 1945 году, — писал известный французский историк Р. Ажерон, — послужила исходным пунктом и генеральной репетицией победоносного восстания 1954 года»²⁶.

Свою независимость Алжир завоевал в ходе партизанской войны 1954–1962 годов.

Примечания к главе 16

¹ *Гукасян-Гандзакеци Л.Г.* Французский империализм и Африка. М., 1962. С.9, 24; Политика Франции в Азии и Африке (1945—1964 гг.). М., 1965. С.272.

² *Гукасян-Гандзакеци Л.Г.* Французский империализм... С. 13—14.

³ Там же. С. 15.

⁴ Политика Франции... С.273.

⁵ Там же. С.245.

⁶ Там же. С.245–246.

⁷ История Алжира в новое и новейшее время. М., 1992. С. 165.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С.166.

¹¹ *Шарль де Голль.* Военные мемуары. Т.2. М., 1960. С.654.

¹² История Алжира... С. 169.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 170.

¹⁷ *Уильямс Ч.* Последний великий француз: Жизнь генерала де Голля. М., 2003. С.374.

¹⁸ *Ланда Р.Г.* Кризис колониального режима в Алжире (1931—1954). М., 1980. С.122.

¹⁹ История Алжира... С. 173.

²⁰ *Ланда Р.Г.* Кризис колониального режима... С. 123—124.

²¹ История Алжира... С.171.

²² История Алжира... С.171; *Кальвокоресси П.* Мировая политика после 1945 года: В 2-х кн. Кн. 2. М., 2000. С.130; *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке. М., 2004. С.83.

²³ *Кальвокоресси П.* Мировая политика после 1945 года... С.130.

²⁴ *Ланда Р.Г.* Кризис колониального режима... С. 154.

²⁵ Политика Франции... С.250.

²⁶ История Алжира... С. 173.

Остров Мадагаскар, ставший французской колонией в 1896 году, также не избежал подъема национально-освободительного движения. Еще в декабре 1943 года на острове было создано Объединение профсоюзов Мадагаскара, которое активно выступало против колониальных порядков. Генеральными секретарями этой организации были избраны известные политические деятели Ж. Равуаханги и П. Бауто. В 1945 году на Мадагаскаре появилась партия «Восстановление независимости мальгашского народа», ставшая в авангарде борьбы против колонизаторов (мальгаши или малагасийцы, народ, составляющий большинство населения Мадагаскара).

В феврале 1946 года партия «Восстановления независимости мальгашского народа» была переименована в «Демократическое движение мальгашского возрождения» (ДЦМВ), которая стала быстро превращаться в самую мощную антиколониальную организацию. Председателем партии был избран мальгашский политический деятель Ж. Расета. С момента своего переименования новая партия оказывала большое влияние на массы. В течение нескольких месяцев в ряды ДЦМВ вступило 300 тыс. человек.

21 марта 1946 года мальгашские депутаты Ж. Равуаханги и Ж. Расета (избраны в ноябре 1945 года), находящиеся во Франции, внесли на рассмотрение Учредительного Собрания Четвертой Республики законопроект, где речь шла об отмене договора 1896 года и предоставлении независимости Мадагаскару¹.

Однако законопроект мальгашских политических деятелей не был принят к рассмотрению. Председатель Учредительного Собрания В. Ориоль, отказался рассматривать документ под тем предлогом, что он носит ярко выраженный антиконституционный характер, хотя конституция Четвертой Республики только вырабатывалась и не была еще утверждена. Тем не менее, Равуаханги и Расета твердо надеялись «получить возможность вновь поставить этот вопрос в более благоприятных условиях после принятия конституции. В самом деле, статья 66 проекта предоставляла заморским территориям возможность определять свое правовое положение, а статья 70 разрешала местным ассамблеям обсуждать вопросы, касающиеся статута территории, и открывала, таким образом, дверь для возможных переговоров с Францией»².

На самом Мадагаскаре инициатива Равуаханги и Расета вызвала серьезную озабоченность французских колониальных властей. Весной 1946 года на острове была создана Лига защиты колонизации, которая в одном из своих воззваний, призвала колонизаторов «быть готовыми к защите своих прав и обеспечить без ущерба для себя переход от колонизации во французской колонии к колонизации французской колонии в рамках иностранного государства»³. В спешном порядке была усилена полиция. В ее рядах появились специальные отряды (туземная стража), сформированные из переселенцев — коморцев и африканцев, не говоривших по-мальгашски.

Новый генерал-губернатор Мадагаскара М. де Коппе, назначенный на этот пост летом 1946 года, развернул широкую кампанию по запугиванию и подавлению национально-освободительного движения. По острову прокатилась волна арестов. В течение нескольких месяцев было возбуждено свыше шестидесяти уголовных дел «в связи с совершением насилий по отношению к комиссару полиции и актов, могущих подорвать государственную безопасность, и в связи с разговорами, способными вызвать ненависть к французскому правительству»⁴. Увеличилось число провокаций и актов насилия со стороны полиции, особенно в прибрежных районах. Так, например, 24 июня 1946 года на рынке Сабуци-Намехана близ столицы Мадагаскара Тананариве, полицейский грубо обошелся с бывшим фронтовиком — мальгашем. Толпа начала возмущаться. Полицейский, считая, что ему угрожает опасность, открыл огонь на поражение и убил двух мальгашей. 26 июня в Тананариве мирная процессия провожала в последний путь тела жертв полицейского произвола. Когда процессия поравнялась с городской ратушей, где были сконцентрированы крупные силы полиции, кто-то из участников похорон выкрикнул несколько грязных ругательств в адрес полицейских. Этого было достаточно, чтобы те набросилась на процессию. Произошла яростная стычка. В тот же день в Тананариве произошли многочисленные аресты, прежде всего среди активистов ДДМВ.

Помимо этого французские власти начали создавать партии оппозиционные «Демократическому движению мальгашского возрождения». В 1946 года появилась «Партия обездоленных Мадагаскара» (Падесм), во главе которой стоял некий Рамамбасон, сотрудник сил безопасности. Печатный орган Падесм газета «Вурумахери» («Хищная птица») постоянно выступала с провокационными статьями, направленными на то, чтобы противопоставить население прибрежных районов острова населению центральных районов Мадагаскара. Так, на предложение ДДМВ превратить 6 августа 1946 года, пятидесятую годовщину договора, провозгласившего Мадагаскар французской колонией, в день национального траура, «Вурумахери» откликнулась статьей

«Незабываемая дата, годовщина 6 августа 1896 г.», прославлявшей французское завоевание.

«Горе, горе тем, кто осмеливается одеваться в траур и оплакивать то, — цинично говорилось в статье, — что принесло народу счастье в 1896 году. Пусть у того из нас, кто осмелится сказать ложь этому небольшому, слепому и легковерному народу, все принимающему за правду, язык присохнет к гортани. И, напротив, если призывать к трауру вас побуждает политика, то мы говорим вам — прощайте, господа, так как мы прославляем незабываемую дату — 6 августа 1896 года»⁵.

Председатель ДЦМВ Ж. Расета, разоблачая провокационную деятельность Падесм, сделал следующее заявление:

«Пресловутая партия Падесм, величающая себя "партией обездоленных", не имеет никаких корней в народе. Это создание департамента Верховного комиссариата Мадагаскара, рассчитанное не то, чтобы внести раскол среди мальгашей и найти послушное властям орудие, которое в критические моменты можно будет заставить воспевать привязанность и преданность»⁶.

13 октября 1946 года в Париже Учредительным Собранием после долгих прений была принята конституция Четвертой Республики, которая предусматривала создание Французского Союза. Однако эта идея «по-разному рассматривалась в демократических и реакционных кругах. Демократические круги вкладывали в понятие Французского Союза объединение свободных народов на равноправных условиях с гарантией взаимных интересов всех участников Союза. Реакционные круги стремились к сохранению старых, колониальных порядков под новой вывеской»⁷. В результате, принятая конституция носила следы борьбы двух противоположных сил. Статьи, касавшиеся Французского Союза, оказались непоследовательными и противоречивыми. Отдельные из них осуждали колониализм, «основанный на насилии, содержали обещания содействовать созданию возможности для колониальных народов демократического управления своими делами»⁸. Но в целом, та же конституция оставляла без изменения все политические основы колониальной системы и французский суверенитет над заморскими владениями.

Французский Союз 1946 года объединял территории общей площадью около 12 млн кв. км, с населением 70 млн человек. Формально эти территории были разделены на три части: заморские департаменты, заморские территории и присоединившиеся территории и государства.

В Тропической Африке две большие группы колоний объявлялись «федерациями», по-прежнему носившими названия — Французская Западная Африка и Французская Экваториальная Африка. Отдельную колониальную административную единицу со статусом «заморской территории» представлял остров Мадагаскар. В федерациях колоний Западной Африки и Эква-

ториальной Африки, а также на Мадагаскаре были созданы Большие советы, обладавшими лишь ограниченными консультативными правами. Вся полнота власти в колониальных федерациях и Мадагаскаре была целиком сосредоточена в руках французской администрации. Большой совет мог «обсуждать что угодно и решать что угодно, но все это не имело никаких практических последствий, если противоречило мнению французских чиновников»⁹. Каждая колония, входившая в ту или иную федерацию, имела свою Территориальную ассамблею, провинции Мадагаскара — Провинциальные ассамблеи, которые также не обладали законодательной властью. Выборы в ассамблеи проходили без расовой дискриминации, но с большими ограничениями. Из числа членов ассамблеи избирались депутаты в Большие советы. Всю полноту власти в колониях федераций осуществлял глава французской администрации — губернатор, в провинциях Мадагаскара — начальник провинции. Губернаторы или начальники провинций составляли при генерал-губернаторе Исполнительный совет, координирующий деятельность колониальной администрации на всех территориях федераций, а на Мадагаскаре — во всех провинциях¹⁰.

При режиме Четвертой Республики и Французского Союза, народы колоний Тропической Африки, стали объединять свои усилия и создавать национальные фронты с целью борьбы за независимость.

Осенью 1946 года по инициативе группы известных политических деятелей колоний Тропической Африки (Ф. Уфуэ-Буа-ньи, Л. Сенгора, Л. Гея и др.) была создана массовая федеральная политическая партия, получившая название «Демократическое объединение Африки» (ДОА). В это объединение вошли антиколониальные партии Берега Слоновой Кости, Гвинеи, Судана и т. д.

За короткий срок ДОА и ДДМВ сумели объединить вокруг себя все прогрессивные силы стран Тропической Африки и Мадагаскара, вставшие на путь борьбы за свободу и независимость. В ноябре 1946 года на выборах в Национальное собрание Франции обе партии смогли завоевать большинство депутатских мандатов, выделенных африканцам и мальгашам (соответственно 11 и 3). При этом выборы на Мадагаскаре проходили под давлением французской администрации, в атмосфере страха и насилия. В ходе избирательной кампании сторонники и члены ДДМВ подвергались неоднократным избиениям, запугиваниям и необоснованным арестам. Так, на восточном побережье округов Манакара и Вухипену в тюрьму были брошены 215 человек. В округе Ифанадеин дело дошло до столкновения между полицией и населением, в результате которого был убит один мальгаш по имени Лефаку. Тем не менее, политика запугивания потерпела провал. 10 ноября 1946 года кандидаты

от ДЦВМ — Ж. Равуаханги, Ж. Расета и Ж. Рабеманандзара, одержали бесспорную победу в первом же туре¹¹.

Результаты выборов в Национальное собрание Франции стали причиной серьезного обострения обстановки на Мадагаскаре.

«Нет сомнения, — писал П. Буато, — что уже с этого момента у многих колониалистов появилось желание найти предлог для вооруженного вмешательства на Мадагаскаре с тем, чтобы обуздать национально-освободительное движение»¹².

В конце 1946 года между членами ДЦВМ и Падесм начались вооруженные столкновения, что позволило французской администрации получить из Парижа средства на увеличение численности полиции. Вскоре в дополнение к 4 взводам моторизованной полиции было сформировано еще 6, причем каждый взвод имел грузовую автомашину и 11 мотоциклов.

Однако еще более значительным успех ДЦВМ оказался на выборах в январе 1947 года, где партия завоевала 64 из 92 мест Провинциальных ассамблей Мадагаскара¹³.

Новая победа ДЦВМ вызвала настоящий шок среди французской администрации и потребовала немедленных ответных мер. Именно к этому призывал французские власти Ш. Сильбер, выступивший в феврале 1947 года на страницах газеты «Авенир де Мадагаскар».

«Последние месяцы и в особенности последние недели показали, — писал он, — какую активную роль играет ДЦВМ. Необходимо вмешаться, а не ограничиваться беспредметным гневом и не достигающими цели угрозами»¹⁴.

Власти ответили изменением условий выборов в Большой совет, которые должны были состояться 30 марта. Секретом устанавливалось, что депутаты должны назначаться внутри каждой Провинциальной ассамблеи двумя объединенными коллегиями, а не каждой коллегией отдельно, как это было предусмотрено раньше. Таким образом, французская администрация получила возможность без труда провести в Большой совет своих депутатов, тогда как победившая на январских выборах ДЦВМ практически лишалась этой возможности.

Другими мерами, предпринятыми властями стали новые аресты среди активистов и сторонников ДЦВМ. Стоит заметить, что волна арестов прокатилась по Мадагаскару еще в начале января 1947 года, когда в одном лишь округе Мураманга под следствием оказалось 450 человек. Но с февраля задержания и аресты приняли лавинообразный характер. Полицейские хватали любого, кто вызывал хоть малейшее подозрение в нелояльном отношении к властям. Члены партии Падесм, в сопровождении полицейских, приступили к проведению показательных репрессий в прибрежных деревнях, в январе проголосовавших за ДЦВМ. Своих сторонников «Партия обездоленных» повсюду вооружала копьями, которые в больших количествах из-

готовляли в мастерских Тананариве. С одобрения администрации вооружались и французы-переселенцы. В районе Манака-ра-Манадзари их дома были превращены в настоящие крепости¹⁵. Вооруженные силы французской администрации — 7 батальонов колониальной пехоты, 2 дивизиона артиллерии, части обслуживания и 3140 человек туземной стражи — были приведены в состояние повышенной боеготовности.

Изменение условий выборов, непрекращающиеся преследования и репрессии, по мнению П. Буато, переполнили чашу терпения мальгашского народа, став причиной социального взрыва¹⁶.

29 марта 1947 года на Мадагаскаре вспыхнуло национальное восстание. Первоначально восставшие планировали захватить Тананариве и даже сосредоточили в столице несколько отрядов, но в последний момент они отказались от этого замысла. В ночь с 29 на 30 марта мальгаши, вооруженные в основном копьями, за что они впоследствии получили название «копьеносцы», совершили нападение на военный лагерь в Мураманге, где находились солдаты-африканцы (сенегальские стрелки). В нападении участвовало около 1200 человек. Им удалось ворваться в лагерь, поджечь часть строений и захватить несколько единиц огнестрельного оружия. В бою было убито 11 солдат, 5 унтер-офицеров и 4 офицера, в том числе начальник гарнизона майор Перри¹⁷.

Той же ночью в округах Мураманга, Амбатундразак и Мана-кара произошли налеты на посты и военные лагеря полиции и армии, разгрому подверглись магазины, склады, плантации и дома французов-переселенцев. Всего в эту ночь погибло около 140 европейцев. Более многочисленными были жертвы среди активистов Падесм и чиновников, сотрудничающих с французской администрацией. Город Манакара, после ожесточенной рукопашной схватки с полицией, полностью перешел под контроль «копьеносцев». В Фианаранцуа восставшие вывели из строя линию электропередачи, обслуживающую город. В Дие-го-Суаресе отряды «копьеносцев», общей численностью до 4 тыс. бойцов, предприняли попытку захвата арсенала военно-морской базы, но были с потерями отражены французской охраной. Нападавшие захватили только несколько винтовок и ручных пулеметов. В общей сложности, «копьеносцам», во время ночных нападений, удалось добыть лишь немного патронов и чуть более сотни единиц огнестрельного оружия.

Утром 30 марта радио Тананариве сообщило о том, что ДЦВМ несет полную ответственность за происшедшие события, и что военные власти приступили к раздаче оружия «наиболее разнужданным колониалистским элементам»¹⁸. В Мурамангу и другие округа, где произошли вооруженные выступления, были срочно направлены войска. По железнодорожной линии Тана-нариве-Таматаве начали курсировать вооруженные пулеметами бронепоезда.

В первых числах апреля был подписан указ о запрещении ДДВМ, все депутаты этой партии были арестованы (депутат Ж. Расета, находящийся в это время во Франции, был арестован летом 1947 года).

Одновременно французские войска и вооруженные отряды переселенцев приступили к подавлению восстания. По всему Мадагаскару началась жестокая расправа с восставшими и теми, кто им сочувствовал. В округе Амбатундразака «активисты ДДВМ и вся интеллигенция — врачи, учителя и т.д. — были арестованы вооруженными колонистами, а их дома сожжены или взорваны динамитом. Многие были казнены без суда и следствия. Остальных загнали в три вагона для скота, а двери опечатали. В течение трех дней люди находились в вагонах без пищи и воды. Наконец, они прибыли в Мурамангу. Майор Жубер выдвинул на огневые позиции свои самоходные орудия и расстреливал вагоны до тех пор, пока никого не осталось в живых»¹⁹. В Манандзари за один день было арестовано и расстреляно 159 человек, среди них двое подростков тринадцати и четырнадцати лет. Шесть жителей деревни Амбухиманга и житель деревни Марухита были посажены в самолет и сброшены вниз над своими деревнями, это называлось сбрасывать «психологические бомбы». В Манакаре «охрана заключенных была поручена добровольцам из числа гражданских лиц. Они получили приказ стрелять в каждого, кто попытается бежать. Несколько арестованных поднялись и начали бросать валявшимися там камнями и кирпичами в охрану. Часовые открыли стрельбу и убили два десятка заключенных»²⁰.

По всему острову совершались сотни подобных расправ. В городах, в том числе и Тананариве, происходил грабеж магазинов и домов мальгашей. Арестованных направляли в тюрьмы и концлагеря, без какого бы ни было контроля и учета. Позднее представитель Верховного судебного совета генеральный адвокат М. Роллан писал по поводу численности заключенных:

«Вопрос о тюрьмах приобрел на Мадагаскаре серьезный характер: имеется 20 тыс. заключенных, из них 5 тыс. за участие в вооруженном восстании. Я уже сказал, что эти данные ориентировочные, так как нельзя верить цифрам, приводимым тюремным ведомством Мадагаскара, которые никем не проверяются и не поддаются учету. На острове имеется 98 тюрем. По секрету мне сообщили, что арестованных приводят, увозят, переводят без всякого контроля»²¹.

В конце апреля 1947 года восстание переросло в настоящую партизанскую войну. Жители из-за расправ и арестов укрывались в лесах, где спешно создавались укрепленные базы и вооруженные отряды. «Если мальгаши хотят войны, они ее получат», — заявил на это генерал-губернатор де Коппе²².

Однако быстро справиться с партизанским движением французским властям не удалось. «Копьеносцы» установили контроль над территорией, простиравшийся от лесной зоны до восточного побережья Мадагаскара, составляющей 20% площади острова с населением более 600 тыс. человек. Округи Таматаве, Манакара и Манандзари были изолированы от остальной части острова. Снабжение полиции и войск, расположенных в этих округах, осуществлялось только по воздуху. Для этих целей французскими властями был создан специальный авиационный отряд, состоящий из военного самолета «Делины» и двух транспортных самолетов «Ю-52», на которых были установлены пулеметы. Авиаотряд активно участвовал и в военных действиях, пулеметным огнем поддерживая обороняющиеся гарнизоны. В мае-июле 1947 года «копьеносцы» провели несколько нападений на населенные пункты. Отрядом в количестве 400 человек был атакован вокзал в Мураманге. 200 «копьеносцев» осуществили нападение на тюрьму в Фианаранцуа. Обе атаки были отбиты. 3 июля многочисленные отряды партизан предприняли попытку захвата Тананариве. В ходе боя «копьеносцы» потерпели жестокое поражение, только пленными они потеряли свыше 3 тыс. бойцов²³. Этот бой был последним из тех, в котором войскам пришлось столкнуться со значительными силами партизан.

К осени 1947 года активность «копьеносцев» заметно снизилась. Во многом это было связано с большими потерями, которые партизаны несли из-за собственного суеверия. Местные жрецы убедили многих бойцов в том, что в борьбе за свободу они будут неуязвимы. Эти «копьеносцы» обвешанные амулетами с холодным оружием бросались на винтовки и пулеметы в полной уверенности, что «пули французов принесут им не больше вреда, чем капли воды»²⁴. Сказывалось также отсутствие у партизан единого руководства, общего плана действий и острая нехватка огнестрельного оружия.

В свою очередь французские власти получили значительные подкрепления. Для борьбы с партизанским движением на Мадагаскар были направлены части Иностранного легиона, парашютисты, алжирские и сенегальские стрелки, общей численностью до 15 тыс. человек. Командующий французскими войсками генерал Гарбе применил против партизан тактику «масляного пятна», впервые успешно опробованную при подавлении восстания на Мадагаскаре в 1896—1897 годах. В районах действия партизан прокладывались новые дороги, создавалась плотная сеть укрепленных постов, которые постепенно переносились в глубь района, лишая «копьеносцев» возможности маневрирования, затрудняя связи с населением и т.д.

К началу 1948 года под контролем партизан оставалось лишь два небольших района к западу от Ватуманди и Фианаранцуа.

Здесь находилось порядка 10 тыс. человек — как мирных жителей, так и «копыеносцев». В апреле-мае 1948 года партизанское движение на Мадагаскаре было полностью подавлено. Правда, в отдельных округах, в частности, Мураманга, вооруженные столкновения между французами и мелкими партизанскими группами продолжались в 1949 и даже в 1950 годах²⁵.

В ходе восстания 1947—1948 годов погибло 90 тыс. человек, из них 5 тыс. партизан и 85 тыс. мирных жителей²⁶. По другим данным при подавлении восстания на Мадагаскаре было убито 100 тыс. человек и 20 тыс. заключено в тюрьмы и концлагеря²⁷. Потери французских войск составили около 1000 человек²⁸.

Полную независимость Мадагаскар (Мальгашская Республика) обрел только в октябре 1958 года.

Примечания к главе 17

¹ Имеется в виду, договор от 6 августа 1896 года, заключенный между французскими властями и королевой Ранавалон III, в соответствии с которым Мадагаскар был превращен во французскую колонию.

² *Буато П.* Мадагаскар. Очерки по истории мальгашской нации. М., 1961. С.352-353.

³ Там же. С.352.

⁴ Там же. С.357.

⁵ Там же. С.359.

⁶ Там же. С.358.

⁷ Политика Франции в Азии и Африке (1945—1964 гг.). М., 1965. С. 18.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С.275.

¹⁰ Там же. С.275-276.

¹¹ *Буато П.* Мадагаскар... С.368.

¹² Там же. С.370.

¹³ Политика Франции... С.278.

¹⁴ *Буато П.* Мадагаскар... С.371.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С.372.

¹⁷ Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость. М., 1974. С.144.

¹⁸ *Буато П.* Мадагаскар... С.373.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С.374.

²¹ Там же. С.376.

²² Там же. С.377.

²³ Вооруженная борьба народов Африки... С. 146.

²⁴ Там же. С. 145.

²⁵ *Буато П.* Мадагаскар... С.377.

²⁶ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке. М., 2004. С.90.

²⁷ Политика Франции... С.278.

²⁸ *Буато П.* Мадагаскар... С.377.

Ближе к концу Второй мировой войны, политическая обстановка в странах Латинской Америки, стала стремительно обостряться. Это было связано с рядом причин. Во-первых, существовавшие в Латинской Америке диктаторские режимы в общественном сознании начали все больше ассоциироваться с фашизмом. Во-вторых, значительно усилилась доминирующая роль США в Западном полушарии. Так, еще в 1942 году Соединенные Штаты отказались от одного из основополагающих принципов политики «доброго соседа» — принципа коллективную принятия решений, заявив на III консультативном совещании министров иностранных дел стран Западного полушария в Рио-де-Жанейро о намерении фактически единолично решать все проблемы Латинской Америки, тем самым нарушив принятое в 1933 году в Монтевидео Соглашение о правах и обязанностях государств¹. И, в-третьих, неизбежно приближающийся разгром фашизма, вызвал подъем демократических и левых сил во всем мире, в том числе и в Латинской Америке. К весне 1945 года все латиноамериканские страны оказались участниками антифашистской коалиции. В 1942—1946 годах 14 из 20 стран региона имели или объявили об установлении дипломатических отношений с СССР. Общая численность латиноамериканских коммунистических партий стремительно увеличилась с 90 тыс. до 370 тыс. человек. В профсоюзном движении Латинской Америки лидирующую роль занимала Конфедерация трудящихся Латинской Америки, в которой преобладали левые течения².

В 1944 году в ряде стран Латинской Америки произошла активизация левых сил.

В результате народных восстаний с участием демократически настроенных военных в мае 1944 года были свергнуты диктатуры в Сальвадоре и Эквадоре. В обоих восстаниях активное участие принимали члены коммунистических партий. Свержение диктатур обошлось малой кровью: в Сальвадоре в ходе вооруженных столкновений погибло 200 человек, в Эквадоре — одна тысяча³. В Сальвадоре после падения диктатора Э. Мартинеса у власти за короткий срок побывали три президента (в 1948 году в стране при поддержке США власть захватила военная хунта). В Эквадоре президентом был избран В. Ибарра, заявивший, что «как человек — я

левый, как государственный деятель — центрист» (в 1947 году в результате переворота к власти пришёл Х. Аросемена)⁴.

Летом 1944 года забастовки и массовые волнения охватили Гватемалу. Начало революционным выступлениям положили студенты, потребовавшие от правительства генерала Х. Убико (имевшего прозвище «Наполеончик Карибского моря»), восстановления автономии университета, ликвидированной в 1930-х годах. Одновременно против правительства начали выступать представители национальной буржуазии, страдающие от засилья американских монополий «Юнайдет фрут компани», «Интернейшнл рилуэйз оф Сентрал Америка» («ИРСА») и других, получивших при Х. Убико неслыханные льготы. Так, например, «Юнайдет фрут компани» были выделены новые земли на Тихоокеанском побережье страны, аннулированы долги и отменены налоги, государственные учреждения были обязаны выполнять указания руководства компании. Американские монополии почти не платили налогов Гватемале, тогда как правительство США получало значительную часть их прибылей⁵.

25 июня в столице страны — Гватемале, полиция открыла огонь по демонстрации женщин, которые принимали участие в панихиде в память жертв диктатуры. В столице начались стихийные акции протеста. Против горожан выступила конная жандармерия. В ответ на это забастовки и массовые выступления охватили всю страну.

29 июня генерал Убико, напуганный накалом народного возмущения, подал в отставку, передав руководство страной военной хунте во главе с Ф. П. Вайдесом. «Новая администрация уже заявила о своем желании тесно сотрудничать с Соединенными Штатами», — сообщал в государственный департамент посол США в Гватемале Б. Лонг⁶. Проамериканский настрой новой власти вызвал очередную волну народного недовольства, опрокинувшую режим.

20 октября 1944 года в стране началась революция. Руководителями вооруженного выступления стали военнослужащие гватемальской армии капитан Х. Арбенс и майор Ф. Арана, а также лидер отрядов студентов и городских ремесленников Х. Ториэль. В ночь с 19 на 20 октября восставшие при содействии солдат захватили казармы и вооружили гражданское население. Полиция и воинские части, оставшиеся верными генералу Вайдесу, оказали восставшим отчаянное сопротивление. В столице начались уличные бои, в ходе которых было убито более тысячи человек⁷. К вечеру 20 октября революция в Гватемале победила.

Особое значение гватемальской революции состояло в том, — отметил историк С. А. Гонионский, — что она произошла в Латинской Америке, т.е. в таком районе земного шара, который являлся основной экономической и сырьевой базой империализма США и который американские колонизаторы, даже в

обстановке распада системы колониализма, считали зоной своего безраздельного господства. Эта революция явилась первой буржуазно-демократической и антиимпериалистической революцией в Латинской Америке со времен мексиканской революции, которая началась в 1910 году⁸.

После 20 октября власть в Гватемале перешла к Военно-гражданской революционной хунте, состоящей из трех человек: Арбенса, Арана и Ториэльо. Революционная хунта объявила о подготовке к всеобщим демократическим выборам.

В декабре 1944 года в стране были проведены президентские выборы, в результате которых победу одержал известный политический деятель Х. Х. Аревало, собравший 85% голосов.

15 марта 1945 года Аревало официально занял пост президента. В состав демократического правительства вошли Х. Арбенс в качестве военного министра и Ф. Арана в качестве командующего вооруженными силами страны.

За время правления президента Аревало в Гватемале был осуществлен ряд революционных преобразований: в 1945 году была принята новая конституция, в 1946 году введен в действие закон о социальном страховании, в 1947 году — кодекс о труде, были изданы законы о свободе слова, печати, вероисповедании, проведена реорганизация армии, укреплен государственный банк. В стране появились многочисленные профсоюзные и общественные организации и партии: Всеобщая конференция трудящихся Гватемалы, Национальная конференция крестьян Гватемалы, Гватемальский демократический авангард, Коммунистическая партия Гватемалы и другие.

Однако революционные преобразования в Гватемале вызвали сильное противодействие консервативных сил как внутри страны, так и за ее пределами. Из США в адрес Гватемалы раздались обвинения в том, что она превратилась в «очаг коммунистической угрозы» на континенте. По мнению американских стратегов, пишет историк и дипломат Г. Т. Гарридо, Гватемала являла собой «дурной пример» для народов Латинской Америки. Необходимо было сделать все для того, чтобы революция потерпела поражение⁹.

В Вашингтоне начали подготовку к свержению правительства Аревало. Только за период с 1946 по 1950 годы в стране произошло более 30 попыток государственного переворота¹⁰. Наиболее опасным, оказался мятеж 18 июля 1949 года, во главе которого стоял командующий вооруженными силами страны полковник Ф. Арана, ставший к этому времени фактическим лидером консервативно-реакционных сил. Лишь благодаря решительным действиям министра обороны Х. Арбенса мятежники потерпели поражение, их руководитель полковник Арана был убит в перестрелке, обстоятельства которой не прояснены до сих пор¹¹. Самое активное участие в подготовке антиправительственных

выступлений принимал посол США в Гватемале Р. Паттерсон — доверенное лицо «Юнайтед фрут компании».

В 1950 году Паттерсон был выслан из Гватемалы, что вызвало сильное раздражение в правительстве Соединенных Штатов. Американская пресса обрушилась с обвинениями против растущего в Гватемале демократического движения, усматривая в его росте результат деятельности «коммунистических агентов», руководимых из Москвы. Одновременно США стали готовить интервенцию против Гватемалы. С этой целью на территории Никарагуа и Гондураса были сформированы отряды наемников под командованием бывшего подполковника гватемальской армии К. Армаса. Наемники из «Армии освобождения» получали по 300 долларов в месяц, их боевой подготовкой руководил полковник американских спецвойск К. Студер. При непосредственном участии США отряды Армаса были отлично экипированы и имели на вооружении даже истребители «Р-47» и бомбардировщики «Б-26», которые обслуживались американскими пилотами и механиками¹². В установленное время армия Армаса была сосредоточена в местечке Копан на гондурасско-гватемальской границе, где ожидала сигнала к вторжению.

17 июня 1954 года на заседании Совета национальной безопасности США было принято решение о начале «Операции Гватемала». В ночь на 18 июня «Армия освобождения» в составе 300 человек вторглась на территорию Гватемалы¹³. Авиация наемников подвергла бомбардировке столицу и ряд городов страны. Правительственные войска нанесли несколько чувствительных ударов по «Армии освобождения» и начали теснить ее к границе. Однако 25 июня высшее командование гватемальской армии предъявило президенту Х. Арбенсу (президент с 1951 года) ультиматум о его отставке. 29 июня была сформирована военная хунта, которая вскоре передала власть К. Армасу, установившему в стране диктаторский режим.

С 1960 года в Гватемале против правящего режима под руководством Гватемальской партии труда (бывшая Коммунистическая партия Гватемалы, переименована в 1952 году) была развернута партизанская война, продолжавшаяся с разной степенью интенсивности до 1996 года.

Революционные события 1944 года в Сальвадоре, Эквадоре и Гватемале послужили толчком к активизации левых сил в других странах Латинской Америки.

Впечатляющим успехом левого движения стали парламентские и муниципальные выборы, прошедшие в 1945—1946 годах во многих странах региона. Вышедшие из подполья коммунистические партии сумели добиться значительных успехов. До начала Второй мировой войны они имели своих депутатов лишь в парламентах Чили и Уругвая. К началу 1947 года коммуниста -

ческие фракции стали действовать в парламентах 12 стран Латинской Америки. В Бразилии депутатами высших законодательных органов стало 15 коммунистов, в Эквадоре — 13, в Перу — 5, в Чили — 21, в Уругвае — 6, на Кубе — 12. Всего в первые послевоенные годы в парламентах стран Латинской Америки работало свыше «100 депутатов-коммунистов, развернувших в высших законодательных органах самую активную политическую работу в защиту интересов трудящихся»¹⁴. Более 500 коммунистов были избраны на посты мэров, муниципальных советников и префектов.

В Чили в 1946 году к власти пришло правительство блока демократических сил с участием коммунистов. В состав правительства Г. Виделы вошли генеральный секретарь Коммунистической партии Чили К. К. Лабарка и члены компартии В. Контрерас и М. Конча. В Колумбии в 1946—1948 годах активизировалось массовое антиимпериалистическое движение под руководством левого либерала Х. Э. Гайтана. Самое активное участие в таких важных антиимпериалистических выступлениях, как защита колумбийского торгового флота «Гранколумбиана» от посягательств США и национализации нефтяной компании «Тропикал», принадлежавшей «Стандарт ойл компани», принимала Коммунистическая партия Колумбии. В Аргентине, Венесуэле и Перу в 1945—1948 годах также были проведены с участием компартий меры по стимулированию национальных экономик, упрочению демократических свобод и расширению прав трудящихся.

Однако в 1947-1948 годах обстановка в Латинской Америке резко изменилась в пользу консервативных правых сил. В первую очередь, по мнению историка А. И. Строганова, это было связано с общим поворотом в мировой политике к «холодной войне», с противоборством СССР и США и возглавляемых ими военно-политических блоков, двух олицетворяемых ими социальных систем на мировой арене¹⁵.

2 сентября 1947 года на межамериканской конференции по поддержанию мира и безопасности на континенте в Рио-де-Жанейро США и 20 латиноамериканских стран подписали Межамериканский договор по взаимопомощи. В соответствии с «Договором Рио-де-Жанейро» все его участники обязывались сотрудничать друг с другом в вопросах обороны и принимать коллективные меры вплоть до использования вооруженных сил в случае угрозы военного нападения на одного из них или при возникновении угрозы миру в Западном полушарии, прежде всего со стороны международного коммунизма.

В апреле-июне 1948 года в Боготе на IX межамериканской конференции было завершено создание политического союза участников «Договора Рио-де-Жанейро» в виде Организации американских государств (ОАГ). Основными целями ОАГ были

объявлены «поддержание мира и безопасности в Западном полушарии, урегулирование споров между участниками, организация совместных действий против агрессии, развитие политического, экономического, социального, научного и культурного сотрудничества»¹⁶. Кроме того, конференция в Боготе приняла Декларацию о сохранении и защите демократии в Америке, предоставлявшие право ОАГ предпринимать акции против коммунистической опасности в той или иной стране региона.

Организация на антикоммунистической основе военно-политического союза ОАГ, где лидирующие положение занимали Соединенные Штаты, создало благоприятные условия для перехода правых сил в наступление по всей Латинской Америке. В 1947 — начале 1948 годов в большинстве стран в ходе санкционированных США реакционных государственных переворотов к власти пришли президенты-консерваторы, которые разорвали дипломатические отношения с СССР, объявили компартии вне закона и развернули грубый полицейский произвол.

Ситуация сложившаяся в Латинской Америке привела к многочисленным народным волнениям и вооруженным столкновениям, в ряде случаев обернувшихся кровопролитными гражданскими войнами.

В 1947 году в Боливии после смены правительств Н. Гиллена и Т. М. Гутьерресо к власти пришел представитель партии Республиканский социалистический союз Э. Эртцог. Новый президент заключил ряд соглашений с нефтяными и горнорудными компаниями США и отменил некоторые прогрессивные законы прежних правительств. Преследованию подверглись представители партии Национальное революционное движение (НРД), профсоюзов крестьян¹⁷, горняков и других демократических и левых общественных организаций.

В начале февраля 1947 года в стране произошло несколько серьезных выступлений против режима Эртцога.

Шахтеры крупного горнорудного центра — Потоси — организовали демонстрацию, требуя повышения заработной платы и освобождения арестованных руководителей профсоюза горняков. Правительство Эртцога бросило против демонстрантов полицию и войска. Десятки шахтеров были убиты, сотни ранены. Шахты Потоси были окружены войсками, но горняки продолжили борьбу, объявив забастовку.

В департаменте Кочабамба началось вооруженное выступление крестьян под руководством И. Грахеда, которое было наиболее серьезным восстанием индейцев в истории страны¹⁸. Воинские части из гарнизона города Оруро оказались не в состоянии разгромить восставших. Только к середине февраля 1947 года власти, используя авиацию, смогли подавить очаги сопротивления.

В это же время НРД совместно с Федерацией профсоюза горнорудных рабочих и троцкистской Революционной рабочей партией начала активную работу по организации забастовок и крестьянских волнений, подготавливая условия для свержения реакционного правительства. По заявлению министра внутренних дел Боливии, целью готовящегося выступления НРД являлось «создание в стране шахтерско-крестьянского правительства»¹⁹.

К весне 1949 года обстановка в стране значительно обострилась. 1 мая НРД одержала убедительную победу на парламентских выборах. В ответ правительство Эртцога спровоцировало кровавую провокацию в Ла-Пасе, в районе Вилья-Виктория, в результате которой было убито свыше 160 человек. Это позволило властям признать недействительными полномочия депутатов избранных от НРД. Однако президент Эртцог подал в отставку, ибо, «По мнению правых сил, он не проявил должной твердости в подавлении народных выступлений»²⁰. Президентом Боливии стал М. Урриолагойтия, проводивший немного более жесткий курс во внутренней политике, нежели его предшественник. 29 мая по приказу нового президента войска жестоко подавила забастовку шахтеров в Катави. В ходе расправы более 150 горняков было убито, несколько сот ранены и 5 тыс. рабочих уволены с предприятий.

Руководство НРД во главе с лидером партии В. Пас Эстенсоро, находившимся в эмиграции, пришло к выводу, что настал решительный момент для всеобщего восстания. 31 мая 1949 года вооруженный отряд партии под командованием Эстенсоро предпринял неудачную попытку вторжения в Боливию с территории Аргентины. После провала этой экспедиции НРД стала готовить восстание в столице и других городах страны. Однако из-за предательства вооруженное выступление в Ла-Пасе не состоялось. Тем не менее, 27 августа в ряде департаментов произошли события, вошедшие в историю под названием «гражданская война 1949 года». В Кочабамбе, Сукре, Санта-Крус, Камири, Риберальте и других районах начались вооруженные столкновения сторонников НРД с правительственными войсками. На короткое время восставшим удалось удержать инициативу в своих руках, но в начале сентября правительственные силы полностью подавили восстание. В ходе кровопролитных столкновений, только в Катави было убито около 1200 сторонников НРД, тысячи людей брошены в тюрьмы и концлагеря.

Гражданская война 1949 года была использована правительством Урриолагойтия для еще большего ужесточения режима и развязывания в стране антикоммунистической истерии, пик которой пришелся на 1950 год.

Несмотря на это в январе 1950 года в условиях подполья была создана Коммунистическая партия Боливии (КПБ). В своем первом политическом документе — «Обращении к трудящимся и всем патриотам», КПБ выступила с лозунгом создания

фронта национального освобождения. Программа фронта предусматривала «национализацию всех предприятий, банков и рудников, принадлежащих иностранному капиталу; установление широких демократических свобод; проведение независимой внешней политики; экспроприацию латифундий и безвозмездную передачу земли крестьянам; повышение жизненного уровня трудящихся; демократическую реформу конституции»²¹. В апреле 1950 года КПБ была объявлена властями вне закона. В ответ коммунисты выступили с манифестом, в котором призвали народ к борьбе против «правительства национального предательства», за «полную ликвидацию буржуазно-феодальной диктатуры»²².

1 мая 1950 года в Боливии состоялась всеобщая забастовка трудящихся, сопровождавшаяся вооруженными столкновениями с войсками в течение нескольких недель. После этих событий власти были вынуждены назначить новые президентские выборы.

На выборах 6 мая 1951 года победу одержала НРД. Кандидаты этой партии на посты президента и вице-президента В. Пас Эстенсоро и Э. Суасо собрали 54 059 голосов, тогда как кандидаты от правительственного блока только 39 940 голосов²³.

Однако правящая верхушка, стремясь любыми способами не допустить прихода к власти НРД, пошла на организацию очередного переворота. В истории Боливии это был 179-й государственный переворот²⁴. 16 мая действующий президент Уррио-лагойтия имитировал захват власти военной хунтой во главе с генералом У. Балывианом, а затем покинул страну.

Военная хунта объявила состоявшиеся выборы «недействительными» и ввела в стране чрезвычайное положение. Чтобы как-то оправдать эти меры был распространен документ, который «разоблачал» заговор между НРД и КПБ с целью захвата власти²⁵.

В январе 1952 года генерал Балывиан от имени хунты заключил соглашение с США об отправке 30 тыс. боливийских солдат в Корею²⁶. Это соглашение, наряду с тяжелым положением трудящихся, репрессиями правительства и засильем американских монополий, до предела накалила обстановку в стране. В Ла-Пасе и других городах произошли массовые забастовки и демонстрации. На повестку дня, пишет историк Г. З. Сашин, встал вопрос о необходимости осуществления радикальных изменений социально-экономической и политической структуры общества²⁷.

В конце марта 1952 года НРД создала Революционный комитет, в который вошли представители, как левого, так и правого крыла партии — Э. Суасо, Х. Лечин, У. Робертс и А. Барренчеа. Комитет, готовящий вооруженное свержение хунты, заручился поддержкой шефа карабинеров генерала А. Селеме и

командующего армией генерала Т. Ортиса, которые должны были способствовать успеху предприятия. Выступление было намечено на 12 апреля, но из-за предательства Боливийской социалистической фаланги, политической организации, участвующей в заговоре, выступление пришлось перенести на более ранний срок.

Утром 9 апреля 1952 года группа членов НРД и карабинеры захватили президентский дворец. По радио было объявлено о свержении хунты. На улицы столицы вышли тысячи манифестантов в поддержку НРД и революции, «отличительной чертой которой было невиданное прежде в Латинской Америке по масштабам и удельному весу участие пролетариата»²⁸. На огромном митинге выступили Э. Суасо, заявивший о готовности провести новые выборы, и Х. Лечин, призвавший к немедленной национализации горнорудной промышленности.

К середине дня внезапно выяснилось, что армия осталась верной хунте. В столице начались уличные бои. Войска хунты взяли под свой контроль район Генштаба, Военного колледжа, а также пригород столицы Эль-Альто, откуда вели артиллерийский обстрел Ла-Паса.

На защиту революции поднялось практически все население столицы. Штабом восставших стало здание университета. Создавались рабочие отряды, строились баррикады, в городе был отключен свет, чтобы авиация хунты не имела возможности прицельного бомбометания.

Вечером войска начали наступление на город, но были остановлены в рабочем квартале Вилья-Виктория, где разгорелись ожесточенные бои. К утру 10 апреля ситуация стала критической из-за нехватки у восставших оружия и боеприпасов. Однако к этому времени к столице подошли отряды горняков из Мильюни и Лимы, которые ударили по войскам хунты с тыла и захватили склады оружия.

11 апреля наступил перелом: боевики НРД и отряды рабочей милиции, в которую входили 10 тыс. шахтеров, 2 тыс. железнодорожников и 3 тыс. фабричных рабочих, наголову разгромили войска хунты²⁹. Победа революции была полной и неоспоримой. Рабочие районы, «бастионы сопротивления, стали называть Лечинградо, по аналогии с Ленинградом. Мексиканский посол с восхищением писал о высоком моральном духе революционеров: в течение всех трех дней баррикадных боев не было отмечено ни одного случая мародерства, воровства или иных преступлений»³⁰.

В ходе кровопролитной борьбы (только в столице число погибших в боях 9—11 апреля превысило 400 человек) диктатура была свергнута и к власти пришла партия НРД. 15 апреля из эмиграции прибыл В. Пас. Эстенсоро, который стал президентом Боливии и пробыл на этом посту до 1964 года.

За период 1947—1952 годов в результате репрессий и вооруженных столкновений в Боливии погибло свыше 4 тыс. человек³¹. В ходе апрельской революции 1952 года было убито 800 человек³² (по другим данным погибло более тысячи человек и 3 тыс. было ранено)³³.

В декабре 1947 года в Венесуэле состоялись первые в истории страны всеобщие прямые выборы высших органов власти: президента и конгресса. Победу на президентских выборах одержал кандидат от партии Демократическое действие («Аксьон Демократика» — АД), известный писатель и общественный деятель Р. Гальегос, получивший 871 752 голоса³⁴.

На выборах в конгресс АД заняла первое место по количеству голосов и получила 83 мандата в палате депутатов и 38 — в сенате. Второе место завоевала партия под названием «Комитет по организации независимой избирательной политики» (КОПЕЙ) — 19 мест в палате депутатов и 6 в сенате. Третье место досталось Коммунистической партии Венесуэлы (КПВ) — 3 мандата в палате депутатов и 1 в сенате.

После вступления на пост президент Гальегос заявил, что его правительство «будет охранять и укреплять демократические свободы и приветствовать сотрудничество оппозиции в решении общенациональных проблем»³⁵. При этом президент подчеркнул, что «коммунисты имеют право действовать в рамках демократии»³⁶. В области внешней политики Гальегос заявил о стремлении к сближению с демократическими странами и необходимости придерживаться политики карантина в отношении тоталитарных режимов.

Политика президента Гальегоса вызвала недовольство местных реакционных сил и правящих кругов США, которые стали готовиться к государственному перевороту. В стране участились антиправительственные провокации, террористические акты против представителей АД и КПВ и заговоры с целью свержения законного правительства. Реакционеров, прежде всего из «Национального антикоммунистического фронта» (организация была запрещена летом 1948 года) во главе с сенатором-копеистом П. Вильяфане, активно поддерживало правительство США, а также диктаторы соседних стран — Никарагуа и Доминиканской Республики.

В январе 1948 года правительству Гальегоса удалось предотвратить серьезную провокацию, план которой предусматривал бомбардировку, столицы Венесуэлы — Каракаса, с двух американских самолетов «В-24», базировавшихся на аэродроме в Никарагуа. Летом и осенью того же года в венесуэльских портах были задержаны два американских транспортных судна с грузом оружия и боеприпасов для заговорщиков.

Тем не менее, в ноябре 1948 года правительство Гальегоса было свергнуто. Организацией государственного переворота руково-

дил военный атташе США в Венесуэле полковник Э. Адамс. Переворот был осуществлен гарнизоном Каракаса и воинскими частями, переброшенными в столицу из порта Ла Гуайра.

Утром 24 ноября танки мятежников окружили президентский дворец Мирафлорес, захватили радиостанцию и все стратегические позиции на подступах к Каракасу. Президент Гальегос и члены его правительства были арестованы.

Власть в стране перешла в руки военной хунты. Народу было объявлено, что вооруженные силы, «руководствуясь в высшей степени гуманными и глубоко патриотическими соображениями», свергли правительство Р. Гальегоса, «вывели страну из политического кризиса, искусственно созданного партией "Аксьон Демократика", предотвратили экономический кризис и таким образом выполнили свой священный долг»³⁷.

25 ноября глава хунты подполковник Д. Чальбо выступил с заявлением о том, что «хунта носит временный характер и не стремится к установлению военной диктатуры, уничтожению демократических принципов и запрещению деятельности политических партий»³⁸.

Однако уже в декабре 1948 года была запрещена АД, многие руководители и активисты партии брошены в тюрьму (КПВ была вынуждена уйти в подполье). Затем был распущен конгресс, упразднена конституция 1947 года и введена жесточайшая цензура.

Наступление новых властей на демократические завоевания вызвало сопротивление масс. По стране прокатилась волна демонстраций протеста. В начале 1949 года возникли нелегальные организации «Демократический фронт студентов университета» и «Объединенный комитет венесуэльской молодежи», которые возглавили борьбу молодежи за восстановление демократических норм. Ответом властей стал террор и массовые репрессии. Для политзаключенных в джунглях реки Ориноко был создан лагерь смерти Гуасина, прозванный «венесуэльским Дахау».

В истории страны наступил тиранический период правления военной хунты, который сменился в 1952 году кровавой диктатурой П. Хименеса. В 1958 году в ходе всенародного восстания диктатор был свергнут.

За время правления военно-полицейских диктатур в Венесуэле в результате террора и репрессий погибло 5 тыс. человек и 35 тыс. было брошено в тюрьмы и лагеря³⁹.

Летом 1945 года в Колумбии начался политический кризис. Его причиной стал уход в отставку главы государства, представителя Либеральной партии А. Лопеса Пумарехо, покинувшего свой пост под нажимом США. Дело в том, что за период 1930—1945 годов бессменно стоявшие у власти либералы провели серию реформ под общим названием «Революция на марше». Так,

Либеральной партией был принят закон о земле, по которому необрабатываемые в течение 10 лет помещичьи земли могли перейти в собственность крестьян. И хотя этот закон не был полностью проведен в жизнь, он способствовал революционизированию крестьян, которые в некоторых районах перешли к прямым захватам пустующих земель. Правительство в ряде случаев поддержало крестьян-скваттеров, захватывающих пустоши, принадлежавшие крупным землевладельцам, не имевшим желания их обрабатывать. К западу от Боготы «в зоне выращивания кофе в районе Кундинамарка тысячи крестьянских семей получили землю в собственность на основании того, что они ее эффективно обрабатывали»⁴⁰.

После ухода Пумарехо в стране было образовано коалиционное правительство из либералов и консерваторов, которое находилось у власти до очередных президентских выборов, состоявшихся весной 1946 года.

Основная борьба за пост президента в 1946 году развернулась между Либеральной и Консервативной партиями. От либералов были выдвинуты одновременно два кандидата — Г. Турбай и Х. Элиесер Гайтан. От консерваторов выступал М. Оспине Перес. Победа на выборах досталась Консервативной партии, кандидат которой получил 566 тыс. голосов.

По мнению большинства исследователей, именно приход к власти Переса «открыл мрачную страницу в истории Колумбии», получившую название «Эра насилия»⁴¹. «Колумбия была вовлечена в состояние гражданской войны практически с того момента, как он (Перес — Авт.) занял пост президента», — писал известный историк Г. Херринг⁴².

Правление президента М. Оспине Переса началось с резкого сворачивания либеральных реформ его предшественника, конфискации земель у крестьян и введения непомерных налогов. Это вызвало волну протестов в стране, вылившуюся в череду забастовок трудящихся. Пиком забастовочной борьбы стала всеобщая забастовка 15 ноября 1946 года. В движении протеста большую роль играла Коммунистическая партия Колумбии (КПК) и левые социалисты из Социал-демократической партии Колумбии (СДП).

Для подавления революционных выступлений трудящихся правительство Переса создало секретную полицию, развернувшую кровавый террор против всех недовольных. В сельских районах страны помещики-латифундисты организовали вооруженные банды из уголовников, безнаказанно грабивших и убивавших крестьян, заподозренных в сочувствии к коммунистам или либералам. Так, в поселках Кокуй и Либано бандитами было убито 6,5 тыс. человек, под предлогом того, что все они якобы являются сторонниками Либеральной партии⁴³.

В период обострения политического кризиса во главе революционного движения масс стал лидер левого крыла Либераль-

ной партии, известный общественный деятель Х. Элисесер Гайтан. Историк К. Торрес писал:

«В течение более чем 150 лет каста олигархов использовала политическую власть для своего личного обогащения. Они изобрели двухпартийность в лице либералов и консерваторов. В течение 40 лет у либералов не было доступа к государственным постам, а потом 16 лет (1930—1945 гг. — Авт.) в таком положении находились консерваторы. Политические и религиозные расхождения уже не играли никакой роли. Драки между олигархами велись лишь за государственные денежки и политические посты. Тем временем простые граждане все лучше понимали, что вне зависимости от поддержки той или иной партии после каждых перетасовок на верхах политической власти, они все глубже погружаются в пучину нищеты. Негодяи, находившиеся у власти, даже представить себе не могли, насколько они обрыдли народу. Когда на политическую сцену вышел Гайтан, развернувший знамя "морального возрождения Республики", он выступил одинаково как против либеральной, так и консервативной олигархии, поэтому обе группы олигархов были единокорны в своем антигайтанизме»⁴⁴.

К началу 1948 года Х. Элисесер Гайтан превратился в народного колумбийского вождя и стал ведущим кандидатом на пост президента от Либеральной партии. Свои цели он доводил до народных масс ясными и четкими лозунгами: «постепенное устранение в обществе каст и классов, уничтожение привилегий, переход власти в руки народа»⁴⁵. Гайтан требовал принятия соответствующих законов, «чтобы голодные смогли в полной мере воспользоваться плодами своего труда, чтобы те, кто трудится, не умирали на нарах в грязных ночлежках, чтобы женщины и девушки не были вынуждены из-за нищеты становиться проститутками и идти на панель, чтобы дети могли свободно и бесплатно посещать школы, чтобы в обществе не было полюса нищеты и полюса непомерной роскоши»⁴⁶. Лозунг, выдвинутый Гайтаном «Голод не имеет политической окраски» находил понимание и поддержку, как среди городских, так и сельских жителей.

Утром 9 апреля 1948 года Гайтан был застрелен в центре Боготы. Его убийцу, Х. Роа Сьерра, толпа сторонников Гайтана растерзала на месте. Перед смертью Сьерра успел выкрикнуть, что стрелял «из высоких побуждений»⁴⁷.

До недавнего времени убийство Х. Элисесера Гайтана оставались одной из главных загадок колумбийской истории. Исследователями рассматривались три основные версии этого преступления: убийство из мести, заговор консерваторов и заговор коммунистов. Сегодня на основании многочисленных источников можно с уверенностью утверждать, что злодейское убийство Гайтана было совершено Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) США. Документы, рассекреченные

совсем недавно, свидетельствуют о том, что для тогдашних американских руководителей, Гайтан «со своими прогрессивными взглядами рассматривался, как реальная угроза сложившимся в Латинской Америке компрадорско-капиталистическим порядкам, а также господству США в этом регионе»⁴⁸. Операция по физическому устранению народного колумбийского вождя носила кодовое название «Пантомима» и стала первой крупной политической акцией ЦРУ в международном масштабе⁴⁹.

Убийство популярного лидера вызвало взрыв возмущения в стране. Забастовка, объявленная трудящимися в знак протеста, стихийно переросла в вооруженное восстание, которое охватило всю Боготу и вошло в историю Колумбии под названием «Боготасо».

К вечеру 9 апреля 1948 года восставшие при поддержке некоторых полицейских и армейских частей, перешедших на сторону народа, разгромили дворец президента Переса — официальную резиденцию правительства и редакцию консервативной газеты «Эль Сигло». Вскоре восставшие заняли радиостанцию и ряд правительственных зданий, в том числе здание конгресса, где заседали делегаты IX межамериканской конференции. Никто из делегатов не пострадал, но делегация США, опасаясь эксцессов, была вынуждена покинуть зал заседаний через запасной выход.

Восстание в Боготе продолжалось еще несколько дней, однако ввиду отсутствия общего руководства и конкретного плана действий было жестоко подавлено.

Помимо столицы волна восстаний и насилия прокатилась по всей стране, сопровождаясь захватом рабочими нефтепромыслов, принадлежащих американским компаниям, и помещичьих латифундий крестьянами. 11 апреля в Колумбии было введено осадное положение. 18 апреля правительственные войска ликвидировали последние очаги сопротивления. Потери восставших только в столице составили около 1500 убитыми и 2500 человек ранеными⁵⁰. Материальный ущерб, понесенный входе вооруженных столкновений, составил порядка 600 млн долларов⁵¹.

После «Боготасо» правительство Переса, чтобы ослабить политическую напряженность в стране, было вынуждено объявить о выборах в конгресс, летом 1949 года. Однако это решение не смогло полностью разрядить обстановку. Напротив, ситуация в Колумбии только обострилась.

В июне 1949 года на состоявшихся выборах большинство депутатских мест получили представители Либеральной партии. По предложению либералов конгресс согласился на проведение досрочных президентских выборов, утвердив новую дату их проведения — 27 ноября 1949 года, вместо 5 июня 1950 года. Но президент Перес отменил решение конгресса. В свою очередь, Верховный суд страны, где большинство также принадлежало

либералам, отменил решение президента. В начале сентября 1949 года новое рассмотрение этого вопроса в конгрессе завершилось перестрелкой, в результате которой один депутат-либерал был убит.

В сельских районах страны началось партизанское движение, ставшее стихийным ответом масс на продолжавшийся террор банд помещиков-латифундистов. Осенью 1949 года первые партизанские отряды появились в восточных районах Колумбии, где труднопроходимая местность позволяла им успешно действовать против отрядов наемников, полиции и армейских частей⁵². В ноябре 1949 года посол США в Боготе сообщал в госдепартамент о действиях партизан: «террористы обычно организуют три группы: 1) для организации взрывов, 2) поджогов, 3) в качестве ударных отрядов»⁵³. В другом документе говорилось о том, что «правительство скрывает истинное положение дел в провинции. Там идут кровопролитные стычки, о которых прессе запрещено сообщать, но некоторые факты время от времени просачиваются на страницы печати. В провинции Льянос, например, оперируют конные банды террористов под предводительством некоего Арбелаеса, и армии не удастся подавить их силой»⁵⁴.

Обострение политической обстановки заставило Переса согласиться на проведение досрочных президентских выборов в ноябре 1949 года. Кандидатом от Консервативной партии стал Л. Гомес, кандидатом от Либеральной партии — Д. Эчандиа.

Однако вынужденное согласие властей на проведение выборов не повлияло на ситуацию. В стране продолжался террор и вооруженные столкновения, в результате которых только в сентябре-ноябре 1949 года было убито около 2 тыс. человек⁵⁵. В подобных условиях о нормальном ходе выборов не могло быть и речи, поэтому Либеральная партия объявила о намерении бойкотировать выборы, а Эчандиа снял свою кандидатуру. В итоге, 27 ноября президентом был избран единственный кандидат-консерватор Л. Гомес, приступивший к исполнению обязанностей в августе 1950 года.

К моменту его вступления на пост, партизанское движение значительно активизировалось в провинциях Толима, Антиокия, Кундинамарка, Бояка, Сантандер-дель-Сур, Уила, Каука, Кальдас, Магдалена и в районах Льянос Ориенталес. Общая численность партизанских отрядов доходила до 30 тыс. бойцов (в конце 1951 года на сторону партизан перешли сотни солдат, которых готовили для отправки на войну в Корею)⁵⁶. Однако из-за отсутствия единого руководства, партизанские действия носили разобщенный характер. Нередко случалось, что отряды партизан вместо того, чтобы совместно выступить против карателей, пускали в ход оружие друг против друга, «пытаясь таким путем разрешить возникавшие между ними разногласия»⁵⁷.

Левые либералы и коммунисты приняли активное участие в партизанском движении, рассматривая его как «выражение героического сопротивления народа террористическим репрессиям диктатуры и насилию со стороны реакционных банд»⁵⁸. Коммунистическая партия Колумбии выступала за объединение отдельных партизанских отрядов в более крупные соединения, предпринимала попытки наладить связь между отрядами, организовать выпуск партизанской газеты. Но усилия КПК в этом направлении не всегда давали нужный результат. Однако в дальнейшем в Боготе была создана подпольная координационная хунта, «которая должна была наладить взаимодействие между отдельными отрядами, снабжать их оружием, продовольствием и медикаментами»⁵⁹.

Правительственные войска под командованием военного министра У. Арбелаеса провели против партизан крупную карательную операцию. В основные районы партизанского движения были брошены отборные части, в частности батальон спецназначения «Варгас», обученный американскими специалистами по борьбе с партизанами в Юго-Восточной Азии. Войска действовали при поддержке артиллерии, танков и авиации. С целью лишить партизан поддержки местных жителей, солдаты получили приказ расстреливать любого человека заподозренного в связях с партизанами. Особенными зверствами в отношении мирного населения отличался батальон «Варгас» под командованием полковника Вильямисара.

В результате проведенной операции правительственные войска добились определенного успеха. Партизанские силы оказались рассеянными в разных районах страны, связь между ними была нарушена. Одна часть партизан ушла в труднодоступные горы, другая часть организовалась в бандитские шайки либо бежала в Венесуэлу. Положение партизан осложнялось произошедшими в провинции Толиме вооруженными столкновениями между отрядами, находившимися под влиянием коммунистов и либералов. Эти столкновения, спровоцированные агентами Гомеса, привели к расколу в партизанском движении.

С 1951 года партизанская война в Колумбии резко пошла на спад. Власти вступили с партизанами в переговоры о добровольной сдаче оружия. Однако переговоры зашли в тупик. В 1952 году партизанское движение снова начало набирать силу и продолжалось до 60-х годов XX века.

В период «Эры насилия» (1946—1962 годы) в Колумбии погибло свыше 200 тыс. человек. Во время террора 1946—1948 годов было убито 20 тыс. колумбийцев⁶⁰. В ходе восстания 1948 года в стране насчитывалось около 20 тыс. убитых⁶¹ (по другим данным — 3 тыс. человек)⁶². С 1948 по 1953 год правительственные войска уничтожили около 12 тыс. жилищ и 30 деревень, оставив без крова более 80 тыс. человек⁶³. В результате граж-

данской войны 1949—1962 годов погибло 230 тыс. человек, среди них 30 тыс. военных и партизан и 200 тыс. мирных жителей. 800 тыс. колумбийцев было заключено в тюрьмы и лагеря, а 150 тыс. человек эмигрировало из Колумбии⁶⁴.

В феврале 1948 года в Коста-Рике состоялись президентские выборы, на которых вели борьбу два главных соперника: К. Гуардиа — кандидат от правящей Национальной республиканской партии и О. Улате — лидер партии Национальный союз, представляющей интересы крупного капитала и призывающей к сближению с США. Кандидатуру Гуардиа поддерживал президент страны Т. Пикадо и коммунистическая партия, переименованная в 1943 году в партию Народный авангард Коста-Рики (ПНА). В свою очередь кандидатуру Улате в открытую поддерживали «Юнайтед фрут компани» и посольство США в Коста-Рики.

Победу на выборах одержал Улате. Это стало возможным в результате подтасовок и фальсификаций, о которых вскоре стало известно широкой общественности. Возмущение в стране было настолько велико, что чрезвычайная сессия национального конгресса 1 марта 1948 года отменила результаты президентских выборов. Несостоявшийся глава государства попытался поднять мятеж, но был арестован и заключен в тюрьму. Однако после вмешательства посла США в Коста-Рики Улате был освобожден.

Весной 1948 года против правительства Пикадо созрел заговор, во главе которого стоял Улате и крупный землевладелец Х. Фигерес. «Юнайтед фрут компани» помогала заговорщикам оружием и наемниками.

В апреле 1948 года Фигерес поднял антиправительственный мятеж и во главе большого отряда наемников двинулся к столице республики Сан-Хосе.

Партия Народный авангард Коста-Рики оказалась единственной силой, выступившей против мятежников. Рабочие батальоны ПНА насчитывали 3 тыс. надежных, хорошо вооруженных бойцов. На подступах к столице начались тяжелые, кровопролитные бои, которые продолжались в течение двух месяцев.

Отряды ПНА, оказавшиеся неожиданным препятствием на пути мятежников, стали причиной вмешательства в коста-риканские события США. Американцы начали действовать путем дипломатического нажима из Боготы, где в это время проходила IX межамериканская конференция. Государственный секретарь США Д. Маршалл даже прислал правительству Пикадо телеграмму, в которой заявил, что не уедет из Колумбии, «пока по обе стороны от Панамы не будет ликвидирована коммунистическая угроза»⁶⁵. Одновременно из Никарагуа на территорию Коста-Рики для подавления «коммунистического бунта» вторглись воинские части диктатора А. Сомоса.

Президент Пикадо, видя, что в стране разгорается война, принял решение о капитуляции своего правительства. Капитуляция главы государства перед мятежниками и интервентами, оказала деморализующее влияние на руководство ПНА. Партия прекратила вооруженную борьбу и подписала соглашение с Фигересом. Соглашение предусматривало гарантии в отношении бойцов рабочих батальонов, «сохранение завоеваний, достигнутых рабочим классом, и свободу действий всех партий в Коста-Рике»⁶⁶.

Однако учредительная хунта во главе с Фигересом, придя к власти, нарушила данное соглашение. В стране начались репрессии, многие руководители и рядовые члены ПНА были брошены в тюрьмы. В конституцию была внесена поправка о запрещении деятельности Народного авангарда Коста-Рики и других левых партий⁶⁷.

В ноябре 1949 года учредительная хунта передала власть «законно» избранному президенту Коста-Рики О. Улате.

За период боевых действий 1948 года в стране погибло 2 тыс. человек⁶⁸.

Летом 1946 года в Парагвае разразился политический кризис. Виной этому была диктатура президента И. Мориниго, получившего власть шесть лет назад.

Вступив в должность 30 ноября 1940 года, генерал Мориниго заявил, что либеральная система является «основной причиной политической анархии, экономической нищеты и материального упадка нации» и провозгласил «новое националистическое революционное государство» корпоративного типа, основными принципами существования которого должны были стать «порядок, дисциплина и иерархия»⁶⁹. Он изгнал из правительства всех представителей Либеральной партии и сформировал чисто военный кабинет министров. Политическая, социальная и экономическая жизнь страны была поставлена под жесткий контроль правительства. На военные нужды ежегодно тратилось до 45 процентов национального дохода. Большинство гражданских свобод было отменено, в тюрьмы брошены сотни инакомыслящих, введена смертная казнь за «политические преступления»⁷⁰. Вне закона были объявлены Либеральная и Революционная фебреристская партии (название партии созданной в 1935 году происходит от испанского слова «фебреро» — февраль). Гонениям подвергались также члены Парагвайской коммунистической партии (ПКП). Вооруженные отряды «Гион Рохо» («Красный стяг»), возглавляемые лидером правого крыла партии «Колорадо» Н. Гонсалесом, неоднократно использовались президентом Мориниго для расправы с политическими противниками. К 1946 году, спасаясь от преследований из страны, эмигрировало более 50 тыс. человек⁷¹.

Правление Мориниго сопровождалось многочисленными беспорядками, забастовками и студенческими волнениями. В феврале-апреле 1944 года произошел ряд рабочих забастовок в столице Парагвая — Асунсьоне. В феврале 1945 года состоялась всеобщая забастовка, «направленная против декрета Мориниго о строгом контроле правительства над профсоюзами и об отчислении 3% от заработной платы рабочих в государственный фонд социального обеспечения»⁷². Забастовка была жестоко подавлена, профсоюзы разогнаны и около 700 забастовщиков брошены в концентрационные лагеря в Чако.

В 1946 году президент Мориниго был вынужден пойти на некоторые уступки. Была разрешена легальная деятельность запрещенных партий — Либеральной и Фебреристской. Под давлением оппозиционных партий и Движения молодых офицеров, возникшего в том же году в армии и ставившего своей целью восстановление демократических свобод, в стране было создано коалиционное правительство из представителей армии, лидеров «Колорадо» и Фебреристской партии (Либеральная партия не была допущена к руководству страной).

Однако к концу 1946 года Мориниго нарушил данные им обязательства. Фебреристы были изгнаны из правительства, в отношении противников режима возобновились репрессии и террор.

В начале 1947 года в стране было введено осадное положение и запрещены все оппозиционные партии. Это привело к взрыву возмущения, массовым вооруженным выступлениям, переросшим затем в гражданскую войну.

8 марта 1947 года в городах Консепсьон и Чако восстали 1-я «Самачо» (состоящая из двух полков) и 2-я «Консерсьон» (состоящая из двух полков) пехотные дивизии, которых поддерживали части ВМС, ВВС и союз Либеральной, Фебреристской и Коммунистической партий. Власть в Консепсьоне перешла в руки восставших. Было образовано Временное революционное правительство во главе с полковником С. Вильягра. Восставшие выдвинули требования о «демократизации страны и проведения свободных выборов в Учредительное собрание»⁷³.

Правительство Мориниго бросило на подавление восстания Первый армейский корпус в составе 1-й кавалерийской дивизии (состоящей из трех полков), 14-го пехотного полка «Gerro Cora», 1-го артиллерийского полка «General Bruguez», 1-го полка Z. «General Aquino» и полка связи. В зону боевых действий были также направлены 3-я пехотная и 2-я кавалерийская дивизии двухполкового состава, 6-й кавалерийский полк «General Caballero», 1-й и 4-й батальоны Z. «General Aquino» и «Aquidaban» (в дальнейшем был сформирован Второй армейский корпус и 3-я кавалерийская дивизия состоящая из трех бригад). Кроме того, на стороне правительства активно сражались

отряды «Гион Рохо», пополненные наиболее забитой и отсталой частью крестьянства.

Гражданская война в Парагвае продолжалась чуть больше пяти месяцев. Восставшим удалось нанести правительственным войскам ряд поражений и даже осадить Асунсьон, но в начале августа 1947 года они были разгромлены. Основной причиной подавления восстания оказались разногласия между его руководителями и их соперничество в борьбе за захват ключевых позиций. Существенную роль в разгроме восставших сыграла также помощь правительству Мориниго деньгами, оружием и боеприпасами со стороны Аргентины и США. Более того, американский военный атташе в Парагвае лично руководил карательными операциями правительственных войск. Позднее в одном из своих документов ПКП подчеркнула, что «главным врагом парагвайского народа остается империализм США, который постоянно вмешивается во внутренние дела страны»⁷⁴.

После окончания гражданской войны вооруженные отряды «Гион Рохо» развернули жесточайший террор по всей стране. «Колорадо» была объявлена официальной партией, все остальные политические организации были запрещены.

За период 1948—1954 годов в Парагвае, вследствие межпартийной борьбы представителей различных группировок «Колорадо», сменилось шесть президентов. В мае 1954 года власть в стране захватил главнокомандующий вооруженными силами генерал А. Стресснер, жестокое диктаторское правление которого продолжалось до конца 80-х годов XX века.

В результате гражданской войны 1947 года в Парагвае было убито 55 тыс. человек. До 50 тыс. погибших составили мирные жители⁷⁵. 5 тыс. человек было брошено в тюрьмы и 150 тыс. парагвайцев эмигрировало из страны⁷⁶.

С середины 1946 года в Перу обострилась внутривнутриполитическая обстановка.

Перуанское правительство провело международные торги относительно предоставления концессии на разведку нефтяных месторождений на территории в 5,5 млн акров в пустыне Сечура. Концессия была оценена в 3,5 млн долларов, а ее срок ограничен тремя годами. Торги выиграла американская компания «Интернэшнл петролеум компани».

В парламенте Перу началось обсуждение законопроекта о передаче нефтеразведки в руки американцев. Депутаты от социал-демократической партии Народно-революционной альянс Америки («Алианса популар революсионариа Американа» — АПРА) «убеждали конгрессменов, что деятельность американских компаний способствует экономическому развитию страны и что контракт предполагает не эксплуатацию, а только разведку нефтяных источников»⁷⁷. В 1946 году АПРА (создана в 1924

году) являлась одной из влиятельных партий в Перу. Она имела большинство в обеих палатах конгресса, ее представителям были предоставлены министерские посты в ведомствах, связанных с экономическими вопросами. Министром финансов был член национального Исполкома партии М. Васкес Диас, министром сельского хозяйства — Угарте, промышленности — Элиас⁷⁸. АПРА создала собственные «отряды обороны», которые неоднократно использовала для разгона демонстраций и избиения политических противников⁷⁹.

Однако в тексте контракта были положения, формулировки которых, в случае заинтересованности американской стороны могли бы толковаться в ее пользу. Это сильно встревожило общественное мнение. Против заключения контракта с «Интернэшнл петролеум компани» выступили различные политические силы — Перуанская коммунистическая партия (ПКП), центристы, профсоюзы, вооруженные силы и ведущие газеты страны. Общественное недовольство, выражавшееся в самых разных формах, привело, в конце концов, к расторжению контракта.

7 января 1947 года, в разгар дебатов о нефтяной концессии, членом АПРА был убит редактор газеты «La Prensa», один из ярых противников подписания этого контракта. Убийство вызвало бурю возмущения в стране, привело к министерскому кризису и выводу апристов из состава кабинета. Премьер Х. Португаль ушел в отставку, а правительство возглавил контр-адмирал И. Альсамора. Министром внутренних дел был назначен генерал М. Одрия, приступивший к расследованию убийства редактора газеты и потребовавший, чтобы АПРА была объявлена вне закона, ее лидеры арестованы, а печатные органы запрещены. Президент Х. Л. Бустаманте, известный, как приверженец либеральных ценностей, «накренил руль президентского правления вправо, обозначив отход от доверия к апристам и переход к опоре на военных»⁸⁰.

Между тем в 1947 году в стране из-за серьезных экономических трудностей (стоимость жизни возросла на 55 процентов) ширились волнения трудящихся, инициаторами которых нередко выступала АПРА. Лидеры партии обвиняли правительство в неумении управлять страной и создании экономического хаоса.

9 января портовики Кальяо устроили забастовку, в знак солидарности с рабочими других портов на севере и юге страны, бастовавшими в течение нескольких недель. Основными требованиями портовиков были повышение зарплаты и улучшение условий труда. В начале февраля состоялась забастовка 6 тыс. банковских служащих Лимы, которая угрожала финансовой и торговой жизни Перу. Президент Бустаманте был вынужден издать декрет о повышении заработной платы банковским служащим. В апреле по столице прокатились мощные демонстрации против намерения правительства ввести закон об ограничении права

рабочих на забастовку. Для разгона демонстрантов полиция применила гранаты со слезоточивым газом. С мая по август 1947 года в стране прошли десятки демонстраций, стачек и забастовок. Наиболее крупная забастовка была проведена в Таларе — центре нефтяных промыслов «Интернейшнл петролеум компани». Она продолжалась две недели и охватила свыше 10 тыс. человек.

В сентябре 1947 года в Лиме по инициативе АПРА произошли выступления студентов, закончившиеся жестоким столкновением с полицией. В ходе беспорядков один студент был убит, 6 полицейских и 13 гражданских лиц получили ранения⁸¹. В октябре АПРА вновь подготовила массовое выступление трудящихся, в результате которого кабинет И. Альсаморы был вынужден уйти в отставку.

Однако в новом кабинете во главе с контр-адмиралом Р. Саль-диасом, АПРА не получила ни одного министерского поста. В ноябре 1947 года один из лидеров правого крыла партии Айя де ла Торре поручил майору перуанской армии В. Вильянуэве вести подготовку партийных «отрядов обороны» в целях свержения «диктатуры Бустаманте»⁸².

В феврале 1948 года в горнорудном районе Серро-де-Паско в результате беспорядков, возникших из-за повышения цен, был убит префект департамента Паско Ф. Т. Бельмонт. Убийство высокопоставленного чиновника заставило президента Бустаманте выступить по радио и заявить, что «страна переживает политический кризис, вызванный стремлением АПРА навязать свою диктатуру»⁸³.

4 июня в стране была предпринята попытка вооруженного антиправительственного выступления отдельных армейских частей. В Хулиаке восстало несколько воинских подразделений и 4-й артиллерийский дивизион. Их поддержали гарнизоны Пуно и Уанкане, где выступили 15-й и 21-й пехотные батальоны. Восставшие подняли оружие против президента Бустаманте, «у которого, по их словам, "не хватало энергии сопротивляться наступлению апризма"»⁸⁴.

Но выступление военных в Хулиаке не получило поддержки со стороны вооруженных сил. Высшее командование перуанской армии осудило восставших и заявило о своей лояльности конституционному президенту. Выступившие против власти воинские части вернулись в казармы, а руководитель восстания майор А. Льюса и его ближайшее окружение бежали в Боливию.

События в Хулиаке вызвали беспокойство правительства, которое опасалось, что локальное выступление может распространиться на другие районы. В стране были отменены конституционные гарантии. Военные в правительстве потребовали от президента запретить АПРА, «прекратить ее подрывную агитацию и подстрекательство масс к беспорядкам, распустить

ее вооруженные банды»⁸⁵. Однако Бустаманте не решился на подобный шаг, опасаясь, что это может привести к гражданской войне.

16 июня 1948 года президент распустил кабинет контр-адмирала Сальдиаса и создал новый во главе с генералом А. Р. Игlesiасом. Но политическая обстановка в стране оставалась напряженной. События первой половины 1946 — первой половины 1948 годов «обострили противостояния различных сил, нарушили существовавшее относительно политическое равновесие. Дисбаланс таил в себе крайности, тем более два противоположных лагеря — вооруженные силы и апристы — были готовы изменить положение дел каждый в свою пользу»⁸⁶.

К осени 1948 года руководству АПРА стало ясно, что в сложившихся между ними и действующим президентом отношениях им нереально рассчитывать на серьезное влияние в политической жизни страны. В этой ситуации апристы развернули агитационную кампанию по «привлечению на свою сторону вооруженных сил под флагом "защиты конституции"»⁸⁷. Айя де ла Торре был убежден, что «необходимо соглашение между армией и АПРА, чтобы ускорить военный переворот в целях свержения Бустаманте, передать власть военной хунте, которая назначит выборы, а на выборах победят и придут к власти апристы»⁸⁸. Однако многие рядовые члены партии считали, что нужно действовать решительнее, устроить переворот, взять власть в свои руки и провести в жизнь программу АПРА. Сторонники энергичных действий, объединившись в полулегальный орган «Командование охраны», привлекли на свою сторону младших офицеров вооруженных сил и подготовили антиправительственное вооруженное выступление.

На рассвете 3 октября 1948 года апристская организация во флоте подняла восстание в Кальяо, главной военно-морской базе Перу. «Флот поднял оружие против рождающейся диктатуры», — писал один из членов АПРА⁸⁹.

Силы восставших состояли из 500 моряков береговой охраны, военно-морского Арсенала, Военно-морской школы и 100 вооруженных апристов. Их поддерживали крейсера «Адмирал Грау», «Вильяр», «Полковник Болоньези», эсминцы и три подводные лодки.

Восставшие попытались захватить укрепленные форты «Армериа наваль» и «Кастильо Реаль Фелипе», но встретились с сопротивлением 39-го пехотного батальона, который остался верным правительству. В спешном порядке к Кальяо были переброшены полицейские части и правительственные войска под командованием генерала С. Норьеги. В городе начались бои. «Участники уличных боев сражались самоотверженно», — отметил очевидец М. С. Мираваль⁹⁰. Сражение продолжалось 14 часов. Вечером 3 октября выступление было подавлено.

Крейсер «Адмирал Грау», на борту которого находился руководитель восставших майор Э. А. Пардо, и другие корабли вышли в открытое море. Против них был направлен дивизион подводных лодок под командованием майора Х. Т. Матоса, оставшийся в подчинении властей. Корабли были принуждены вернуться в порт и сдаться. Пардо покончил жизнь самоубийством.

Декретом президента Бустаманте от 4 октября 1948 года АПРА была объявлена вне закона, ее печатные органы и радиостанция «Алегррия» были запрещены. Многие лидеры партии нашли убежище в иностранных посольствах. Айя де ла Торре объявил восстание коммунистической провокацией и спрятался в посольстве Колумбии в Лиме, где скрывался до... 1954 года (в 1950 году дело о его выдаче было рассмотрено в Международном суде, но практического решения найдено не было)⁹¹.

27 октября 1948 года армия во главе с генералом М. Одрия, известным противником коммунизма и апризма, без единого выстрела совершила государственный переворот. Свергнутый президент Бустаманте был отправлен в ссылку. «Из-за неспособности к управлению прежних властей, военные институты Республики... выполнили своей неизбежный долг — низложили правительство, которое не только привело нацию к руинам, но и различными мерами ослабляло вооруженные силы, потворствуя подрывной деятельности и демагогии апристов», — говорилось в манифесте мятежников⁹². В стране была установлена жесткая диктатура, которая просуществовала до 1956 года.

Во время восстания в Кальяо 3 октября 1948 года погибло 60 военных и до 200 гражданских лиц, более 2 тыс. человек были арестованы и преданы суду⁹³. В период 1948—1956 годов в результате террора погибло 10 тыс. перуанцев⁹⁴.

Примечания к главе 18

¹ История Латинской Америки: Вторая половина XX века. М., 2004. С.5.

² *Строганов А. И.* Латинская Америка в XX веке: Пособие для вузов. М., 2002: С.128.

³ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004. С. 106, 109.

⁴ *Гонионский С.А.* Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964. С.373.

⁵ *Королев Ю.Н., Кудачкин М.Ф.* Латинская Америка: революции XX века. М., 1986. С.151.

⁶ *Леонов Н.С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С.258.

⁷ Там же. С.259.

⁸ *Гонионский С.А.* Очерки новейшей истории... С. 141—142.

⁹ *Гарридо Г. Т.* Гватемала: революция и контрреволюция. М., 1983. С.3.

- ¹⁰ Тонионский С.А. Очерки новейшей истории... С. 143.
- ¹¹ История Латинской Америки... С. 140.
- ¹² Там же. С. 143.
- ¹³ Леонов Н.С. Очерки новой и новейшей истории... С.281.
- ¹⁴ Коваль Б.И. Рабочее движение в Латинской Америке (1917—1959). М., 1979. С.92-93.
- ¹⁵ Строганов АМ. Латинская Америка в XX веке... С.128—129.
- ¹⁶ Там же. С. 130.
- ¹⁷ В 1936 году в Боливии возникли первые крестьянские организации, которые стали называться «профсоюзами».
- ¹⁸ Сашин Г.З. Боливия: Очерк новейшей истории. М., 1976. С.33.
- ¹⁹ Там же. С.29.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Коммунистические партии Латинской Америки. М., 1982. С.38—39.
- ²² Коваль Б.И. Рабочее движение в Латинской Америке... С. 122.
- ²³ Сашин Г.З. Боливия... С.45.
- ²⁴ Гонионский С.А. Очерки новейшей истории... С.71.
- ²⁵ Сашин Г.З. Боливия... С.46.
- ²⁶ Гонионский С.А. Очерки новейшей истории... С.71.
- ²⁷ Сашин Г.З. Боливия... С.46.
- ²⁸ Королев Ю.Н., Кудачкин М.Ф. Латинская Америка... С. 166.
- ²⁹ Там же. С. 173.
- ³⁰ История Латинской Америки... С.263.
- ³¹ Гонионский С.А. Очерки новейшей истории... С.71.
- ³² Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке... С. 100.
- ³³ Сашин Г.З. Боливия... С.46.
- ³⁴ Демушкина Е.В. Венесуэла после второй мировой войны (1945—1958). М., 1969. С.80.
- ³⁵ Там же. С.82.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 100.
- ³⁸ Демушкина Е.В. Из истории борьбы венесуэльского народа против военно-политического режима (1948—1958 гг.) // Рабочее и национально-освободительное движение в странах Америки. М., 1966. С.352.
- ³⁹ Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке... С. 101.
- ⁴⁰ История Латинской Америки... С.304.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С.304-305.
- ⁴³ Коваль Б.И. Рабочее движение в Латинской Америке... С. 131.
- ⁴⁴ История Латинской Америки... С.307—308.
- ⁴⁵ Там же. С.308.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. С.309.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. 310-311.
- ⁵⁰ Гонионский С.А. Очерки новейшей истории... С.186.
- ⁵¹ История Латинской Америки... С.308.
- ⁵² Ильина Н.Г. Партизанское движение в Колумбии в 1949—1957 гг.
- // Рабочее и национально-освободительное движение... С.328.
- ⁵³ История Латинской Америки... С.311.
- ⁵⁴ Там же.

- ⁵⁵ *Гонионский С.А.* Очерки новейшей истории... С. 188.
⁵⁶ Там же. С. 190.
⁵⁷ *Ильина Н.Г.* Партизанское движение в Колумбии... С.328.
⁵⁸ *Коваль Б.И.* Рабочее движение в Латинской Америке... С. 131.
⁵⁹ *Ильина Н.Г.* Партизанское движение в Колумбии... С.329.
⁶⁰ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке... С. 103.
⁶¹ *Гонионский С.А.* Очерки новейшей истории... С. 186.
⁶² *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке... С. 103.
⁶³ *Гонионский С.А.* Очерки новейшей истории... С. 191.
⁶⁴ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке... С. 103.
⁶⁵ *Гонионский С.А.* Очерки новейшей истории... С.204.
⁶⁶ Там же. С.204–205.
⁶⁷ Коммунистические партии... С. 166.
⁶⁸ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке... С. 104.
⁶⁹ История Латинской Америки... С.370.
⁷⁰ Коммунистические партии... С.240.
⁷¹ История Латинской Америки... С.373.
⁷² Там же. С.372.
⁷³ Там же. С.373.
⁷⁴ Коммунистические партии... С.241.
⁷⁵ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке... С. 106.
⁷⁶ История Латинской Америки... С.373.
⁷⁷ История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000.
С.323.
⁷⁸ *Поляков Б.А.* Освободительное движение в Перу в 1945—1948 гг. // Рабочее и национально-освободительное движение... С.269.
⁷⁹ История Латинской Америки... С.226.
⁸⁰ История Перу... С.324.
⁸¹ *Поляков Б.А.* Освободительное движение в Перу... С.309.
⁸² История Латинской Америки... С.226.
⁸³ *Гонионский С.А.* Очерки новейшей истории... С.316.
⁸⁴ История Перу.. С.325.
⁸⁵ История Латинской Америки... С.227.
⁸⁶ История Перу... С.325.
⁸⁷ Там же. С.326.
⁸⁸ Там же.
⁸⁹ *Поляков Б.А.* Освободительное движение в Перу... С.313.
⁹⁰ Там же. С.314.
⁹¹ *Гонионский С.А.* Очерки новейшей истории... С.317.
⁹² История Перу... С.328.
⁹³ История Перу... С.326; История Латинской Америки... С.228.
⁹⁴ *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке... С. 106.

Андрей Паршев, Виктор Степаков

КОГДА НАЧАЛАСЬ И ЗАКОНЧИЛАСЬ ВТОРАЯ МИРОВАЯ

Издано в авторской редакции

Художественный редактор *С. Курбатов*

Компьютерная верстка *И. Пыхалов*

ООО «Издательство «Яуза».

109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.

Тел.:(495)745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 08.10.2007.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 30,24. Тираж 4000 экз.

Заказ №3489.

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».

170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Общеизвестно, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года и закончилась 2 сентября 1945-го.

Так ли это на самом деле?

Известный писатель и публицист Андрей Паршев и историк Виктор Степаков выдвигают сенсационную гипотезу: крупнейший военный конфликт в истории человечества начался задолго до того, как Европа превратилась в огромное поле сражений, и закончился через многие годы после того, как высохли чернила на актах о капитуляции и мирных договорах.

ISBN 978-5-699-24574-1

9 785699 245741 >